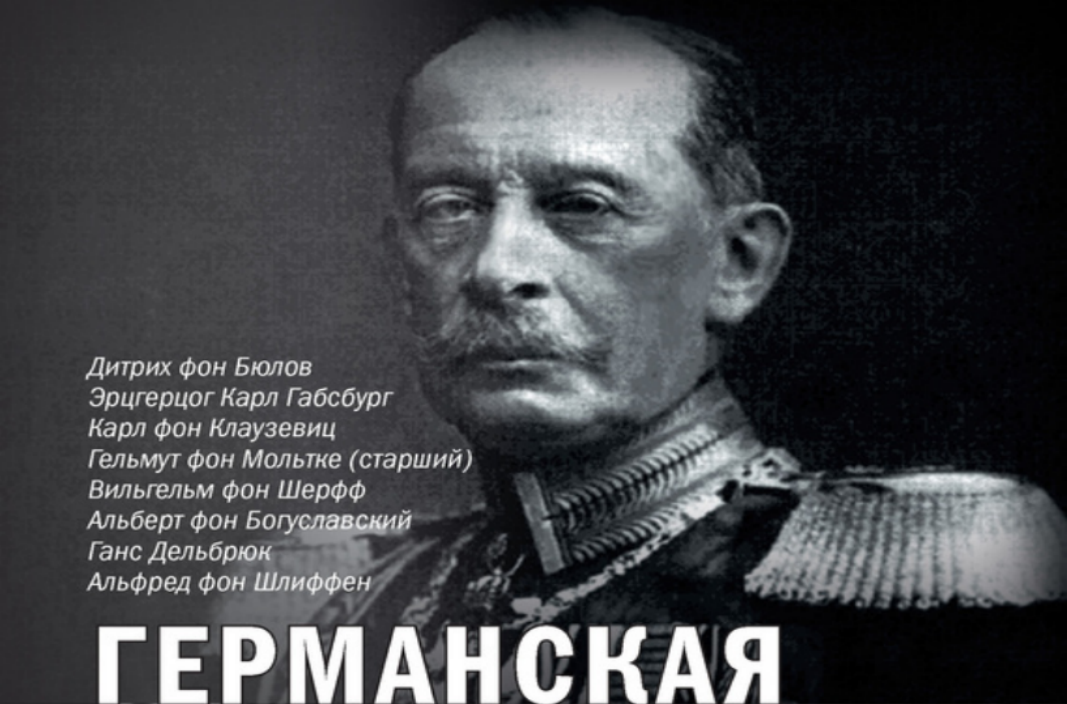

Дитрих фон Бюлов
Эрцгерцог Карл Габсбург
Карл фон Клаузевиц
Гельмут фон Мольтке (старший)
Вильгельм фон Шерфф
Альберт фон Богуславский
Ганс Дельбрюк
Альфред фон Шлиффен

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

КЛАССИКА ВОЕННОГО ИСКУССТВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На протяжении XIX и начала XX вв. именно в Германии появились военные теоретики, получившие мировое признание. Их теории были затем воплощены на практике германскими генералами, которые за это время ввергли Европу в несколько кровопролитнейших войн – включая и мировую. Но даже поражение Германии в 1918 г. не поставило точку в этом вопросе. Именно военные теоретики, чьи работы собраны в этой книге, заложили основы той военной традиции, которая в конце концов привела к началу новой – Второй – мировой войны. И даже самые последние военные разработки в основе своей имеют все те же идеи, выдвинутые во многом именно авторами этой книги. В книге собраны работы ведущих военных теоретиков Германии, совершившие переворот в военном искусстве и заложившие основы современного военного искусства.

Книга предназначена широкому читателю, интересующемуся историей и теорией военного искусства.

- Карл фон Клаузевиц, Карл Габсбург, Дитрих фон Бюлов, Гульмут фон Мольтке (старший), Ганс Дельбрюк, Вильгельм фон Шерфф, Альфред фон Шлиффен, Альберт фон Богуславский
- Предисловие
-
-
-
-
- ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ
-
-
-
- Дитрих фон Бюлов ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ
- Дитрих фон Бюлов ДУХ НОВЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- Дитрих фон Бюлов О ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ [40]
- Дитрих фон Бюлов ГУСТАВ АДОЛЬФ В ГЕРМАНИИ
- ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ
- Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА [45]
- Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ
- КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ
- Карл фон Клаузевиц СТРАТЕГИЯ
- Часть 1 ПРИРОДА ВОЙНЫ
- Часть 2 ТЕОРИЯ ВОЙНЫ
- Часть 3 ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ
- ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ (СТАРШИЙ)
- Гельмут фон Мольтке О ГЛУБИНЕ ПОХОДНЫХ КОЛОНН [109]
- Гельмут фон Мольтке О ФЛАНГОВЫХ ПОЗИЦИЯХ [114]

- Гельмут фон Мольтке ЗАМЕЧАНИЯ О СОСРЕДОТОЧЕНИИ В ВОЙНУ 1866 г. [123]
-
- Гельмут фон Мольтке О СТРАТЕГИИ [133]
- Гельмут фон Мольтке РЕЧЬ В ЗАСЕДАНИИ РЕЙХСТАГА 14 мая 1890 г (при обсуждении проекта усиления мирного состава германской армии)
- ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ШЕРФФ
-
-
-
- Вильгельм фон Шерфф О ВОЖДЕНИИ ВОЙСК
-
-
-
- АЛЬБЕРТ ФОН БОГУСЛАВСКИЙ
-
-
-
- Альберт фон Богуславский РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТРАТЕГИИ
-
- ГАНС ДЕЛЬБРЮК
-
-
-
- Ганс Дельбрюк ФРИДРИХ КАК СТРАТЕГ
-
- Ганс Дельбрюк НАПОЛЕОНОВСКАЯ СТРАТЕГИЯ
-
-
- АЛЬФРЕД ФОН ШЛИФФЕН
-
- Альфред фон Шлиффен СРАЖЕНИЕ ПРИ КАННАХ
-
- Альфред фон Шлиффен ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ И НАПОЛЕОН
-
-
-
- Альфред фон Шлиффен СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА [242]
-
- Альфред фон Шлиффен О МИЛЛИОННЫХ АРМИЯХ [247]
- Альфред фон Шлиффен РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 25 НОЯБРЯ 1900 г. НА БАНКЕТЕ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-

ФЕЛЬДМАРШАЛА МОЛЬТКЕ
- Альфред фон Шлиффен РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 15 ОКТЯБРЯ 1910 г. НА ПРАЗДНОВАНИИ СТОЛЕТИЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ
- Аннотированный указатель
-
-
-
-

Карл фон Клаузевиц, Карл Габсбург, Дитрих фон Бюлов, Гульмут фон Мольтке (старший), Ганс Дельбрюк, Вильгельм фон Шерфф, Альфред фон Шлиффен, Альберт фон Богуславский
Германская военная мысль

Предисловие

В основу данного сборника вошли, с одной стороны, материалы, опубликованные в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2. М.: Госвоениздат, 1926), вышедшей под редакцией крупного специалиста по военной истории и военной теории Александра Андреевича Свечина (1878–1938), генерал-майора русской армии и комдива армии Красной. Выпускник Николаевской военной академии, кавалер ордена Св. Георгия 4-й степени и Георгиевского оружия, а в 1917 г. – начальник штаба 5-й армии, он после Октябрьского переворота связал свою судьбу с большевиками, оказав молодой республике крайне важную помощь в деле организации Красной Армии и создания кадров советской службы Генштаба. Финалом его карьеры стал вынесенный 29 июля 1938 г. приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР – признать виновным в участии в контрреволюционной организации и в подготовке террористов и приговорить к высшей мере наказания…

Из указанного выше сборника взяты тексты Бюлова, эрцгерцога Карла, Мольтке, Богуславского, Шерффа и Дельбрюка, поэтому все примечания к этим разделам, а также выдержки из статей, сопровождающиеся указанием « *Прим. ред.* » или «Редакция», почти наверняка вышли из-под пера Свечина, что гарантирует их крайне высокую научную ценность.

Кроме того, для создания более полной картины развития германской военной мысли в эту книгу были также добавлены довольно крупные отрывки из основополагающих работ, оказавших принципиальное влияние не только на германскую, но и на мировую военную теорию: из Карла фон Клаузвица и Альфреда фон Шлиффена.

Надо также отметить и еще ряд важных отличий этого нового издания. Прежде всего, естественно, был добавлен ряд комментариев, упрощающих для читателя работу с текстом. Кроме того, в начале каждого раздела помещена достаточно подробная биографическая справка о военном писателе, произведения которого помещены ниже. Еще одним важным нововведением является наличие в конце книги аннотированного указателя, вернее, списка лиц, упоминаемых в приведенных здесь трудах классиков, сопровождающихся краткими биографическими справками. Это дает возможность читателю без привлечения какой-либо дополнительной литературы получить необходимую уточняющую информацию. Учитывая, что данные упоминания размещаются неравномерно и вряд ли читатель

будет использовать указатель для поиска оценок упомянутых персон, мы не стали давать в нем указание соответствующих страниц.

Ниже приводятся отрывки из статьи А.А. Свечина «Базирование и ударность», которая была приведена в качестве предисловия в книге «Стратегия в трудах военных классиков» (т. 2).

...

К.А. Залесский

* * *

Любое стратегическое решение по своей сути необычайно просто. Оно представляет ответ на вопросы – кто, куда и когда. В действительности стратегия знает только три измерения – масса, пространство и время. Если мы посмотрим на чертежи, запечатлевшие стратегические маневры какого-либо похода, нас поразит простота этих стратегических вензелей. Пятилетний ребенок мог бы изобразить нечто более замысловатое. И совершенно понятным является стремление первых теоретиков стратегии проникнуть в геометрическую «тайну» этих вензелей, ведущих к победе. […]

Никакая борьба немыслима без известных точек опоры, и ничего в наблюдаемой борьбе мы не поймем, если не отдадим себе отчета во взаимных соотношениях борющихся с их опорными точками. Стратегический успех – это лишение противной стороны ее точки опоры или ослабление ее связи с нею. Точкой опоры вредителей являются обычно межи, пустыри, невозделанные рукой человека пространства; и всякое непосредственное избиение саранчи, не захватывающее ее рассадников, является только тактическим успехом в борьбе с нею…

Все вензели, которые выписывают борющиеся стороны, останутся непонятными нам, если мы будем рассматривать борьбу лишь как изолированную надстройку, а не охватим своим вниманием целое – борьбу и те опорные точки, которые имеются в распоряжении каждой стороны. Уже Жан-Жак Руссо призывал нас искать в мирной жизни государства причины его поражений на войне. И этот призыв расслышал гениальный Бюлов. Он уже видел, что политика, объявляя войну, оставляет стратегии ряд

опорных точек, совокупность коих представляет базу, на которой ведется война. Он правильно объяснял непобедимость армии Французской революции и Наполеона превосходством политической опоры, даваемой завоеваниями революции, над тем, что мог дать политически одряхлевший строй немецких государств, удерживавших еще старый порядок. У Бюлова родилось понятие о базе, которое тысячи раз повторялось затем в других военных трудах; но военная мысль как бы замерла, и следующее слово о войне как надстройке до сих пор еще не было произнесено.

Геометрическое мышление Бюлова, опираясь преимущественно на опыт кабинетных войн XVII и XVIII вв., представлявших спор правительств без участия в нем народных масс, постаралось затем сузить понятие о базе в геометрически-географические пределы: база обратилась в известнейшем его исследовании в линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, откуда действующая армия получала все свое снабжение. Дальнейшие писатели нашли возможность это понятие о базе, вследствие появления железных дорог, перенести на всю страну, ведущую войну, изнутри которой теперь непосредственно снабжаются войска. А между тем понятие базы следовало бы трактовать в духе Жан-Жака Руссо и некоторых беглых замечаний Бюлова не только с географической, но и экономической, социальной и политической точек зрения. Кое-какие замечания об этом имеются у Клаузевица и посвятившего всю свою жизнь на пересмотр его учения для нужд современности Блуме.

Пусть читатель подойдет к труду Бюлова с такой широкой точкой зрения и будет помнить, что армия, ведущая войну, базируется прежде всего на позиции господствующих классов воюющего государства, на их мощи и классовом самосознании; что затем она базируется на имеющихся в их распоряжении материальных средствах, т. е. на всем экономическом фундаменте государства, на его территории и населении, поскольку последнее охвачено органами военного учета. Затем армия базируется на всей подготовке государства для специальных военных целей – на инженерной подготовке пограничных районов, организованном для военных целей транспорте, беспрерывном потоке пополнений, военной промышленности и т. д. Если мы хотим понять явления военной борьбы и научиться успешно руководить ими, то нам надо обратить сугубое внимание на исследование условий базирования обеих сторон в каждом частном случае. Слабым местом русской армии в мировую войну была слабость русской буржуазии в ее тылу [1] . Эта слабая опорная точка не

могла ни обеспечить тыл от революции, ни доставить достаточные материальные средства, ни дать армии многочисленный и классово выдержанный командный состав… Австрия позади фронта своих армий также разлезалась по всем национальным швам. В Германии наступательная линия военного командования совершенно оторвалась от тех пригодных лишь для обороны опорных точек, которые создала немецкая политика. Армии Фоша не вышли и не прервали путей сообщения германской армии с родиной, как этого хотела Антанта. Но эта связь, естественно, оборвалась и без вмешательства оперативного маневра: на четвертый год войны иссяк поток пополнений (в среднем 170 тыс. в месяц); а что поступало, то шло на минус, а не на плюс для ведения войны. Летом 1918 г. наступил этот разрыв германской армии со своими опорными точками, и несказанно быстро непобедимыми армиями овладело военное бессилие.

Вопросы базирования всегда играют огромную роль. В известном разрезе борьба вообще представляется борьбой за базирование… Бюлов в своем преклонении перед базой и выдвигаемыми ею массами иногда склонен был игнорировать моральные силы и рассматривал военные действия как простой подсчет соотношений сил обеих сторон. Он заходил так далеко, что иногда считал сами сражения лишь следствием безграмотности генералов, которые не в силах сделать в уме требуемые расчеты и которые нуждаются в очевидности, чтобы сделать необходимые выводы.

Конечно, эту точку зрения защищать нельзя. Нужна выдающаяся гениальность, чтобы сделать заранее тот подсчет сил, который выполняется историей с математической точностью на весах сражения; кроме того, такой совершенно точный гениальный подсчет никого не убедил бы, никогда пророчество не мешало событиям на земле идти своим ходом. Но несомненно, если мы возьмем в любой войне момент оперативного кризиса, мы убедимся тотчас же, какое решительное значение имеют условия базирования обеих сторон для разрешения его в ту или другую сторону.

И чем дальше отстоят от историка события какого-либо боевого кризиса, тем более склонным становится историк объяснять разрешение его не причинами, лежащими в самом событии, а условиями базирования. Исход осенней кампании 1813 г. сначала объясняли ошибками маршалов Наполеона, затем противоречиями между огромными массами, собранными Наполеоном, и методом действия по внутренним линиям; потом историки начали видеть объяснение неудач в молодости войск, в массах новобранцев, для надлежащей организации которых

Наполеон более не располагал кадрами, потерянными им в 1812 г. в снегах России; а работы, вышедшие к столетнему юбилею, переносят центр тяжести объяснения на ухудшившиеся условия базирования Наполеона. Внутри Франции развивались процессы, ослаблявшие опорные точки наполеоновского могущества; французская земля начала давать рекрут «пальчиков», самострелов. Сообщения четырехсоттысячной армии Наполеона тянулись по одной грунтовой дороге на сотни верст от Дрездена на Эльбе к Страсбургу на Рейне. В этих условиях наполеоновская армия была обречена и на голод, и на быстрое таяние от недостатка пополнений, и на недостаток снарядов, сильно сказавшийся под Лейпцигом, и на разлагающее влияние пребывания на немецкой почве. […]

Если мы будем видеть в войне надстройку над базой и обратим внимание на то, что все условия, характеризующие базу, с течением времени постепенно изменяются, то мы должны будем признать, что эта эволюция должна сказаться и на проявлениях военного искусства. Каждая эпоха в стратегии должна проявлять свое творчество. Стратегия Наполеона должна отличаться от стратегии Мольтке…

Несколько отрывков из трудов Мольтке, столь скупого на чисто теоретическую разработку, дадут возможность читателю самому разобраться, внес ли Мольтке что-нибудь новое в наши представления о стратегии. Уже чего стоит это мольтковское словцо: «гнусная крайность сосредоточения». Мы не даем детальной критики его небольшой статьи «о стратегии», этого символа веры всех операторов последнего полустолетия, так как такая критика приводит к развитию целого труда о стратегии. На краткие тезисы Мольтке только лицо с равным стратегическим авторитетом имело бы право ответить такими же краткими тезисами. Здесь мы ограничиваемся лишь констатированием нашей совершенной неудовлетворенности этими стратегическими скрижалями и утверждением, что современная стратегия ушла от идей Мольтке еще дальше, чем последние – от эпохи Наполеона.

Из учения о базе можно сделать и вывод, что в том случае, если обе стороны или по географическому своему положению (Англия и Россия, Россия и Япония), или по отсутствию надлежащей военной подготовки (Север и Юг в войне за нераздельность Соединенных Штатов), или вследствие отсутствия определенного перевеса сил (мировая война) лишены возможности нанести непосредственно друг другу смертельный удар, то война должна перейти в форму борьбы за опорные точки; удары на фронте, как могущественны бы ни были, сохраняют характер лишь эпизодов; решительное значение получает

выдержка: финансовая, экономическая, социальная, политическая. Хорошо базированное государство, как Англия, имеющее прочный экономический фундамент и сравнительно слабую армию, всегда должно тяготеть к такой борьбе на измор. Только момент наибольших успехов германских подводных лодок, угрожавших подорвать экономическую стойкость Англии, заставил ее политиков и стратегов задуматься о своевременности перехода к более решительным действиям на фронте. Такая война на измор, конечно, направляет стратегическое мышление на совершенно другие рельсы, чем борьба, ведущаяся при большом перевесе сил одной стороны и при имеющейся для нее возможности нанести смертельный, сокрушительный удар. Стратегия сокрушения вся проникается единой идеей, замысел ее прост, как удар оглоблей, она развивается полностью по кратчайшей логической линии, идущей к конечной цели, и достигает ее с наименьшей затратой своих сил и средств и с наименьшим повреждением опрокидываемого на лопатки противника; а стратегия измора представляет несравненно более сложное фехтование, гораздо менее дисциплинируемое в своих решениях требованиями быстроты, краткости и экономии своих сил и шкуры врага, допускающее гораздо большее число сносных решений, не имеющее такого регулятора, такой всеориентирующей магнитной стрелки, какую имеет стратегия сокрушения в лице решительного пункта на поле сражения.

Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства. Поэтому целые поколения офицеров германского генерального штаба стремились удушить в течение последних 47 лет всякие разговоры о ней. Между тем мировая война выдвинула вопросы стратегии измора с небывалой раньше остротой. Знакомство с ними должно, безусловно, входить в объем современной стратегической грамотности. Полемический выпад Богуславского и статьи Дельбрюка о стратегии Фридриха и Наполеона позволяют уяснить себе несколько важнейших основных вопросов, относящихся к двойственному характеру стратегии.

* * *

Другое великое начало, имеющее решающее влияние на судьбы войны, – это начало ударности, сосредоточения превосходных усилий на решительном пункте. В среднем в

течение 1623 дней мировой войны германцы теряли по 3 убитых каждые 4 минуты. Однако было бы полным отрицанием военного искусства сводить задачи стратегии к поддержанию в рядах неприятеля такой травматической эпидемии. Дверь, выдерживающая десятки тысяч толчков ребенка, будет проломлена с гораздо меньшей, в сложности, затратой усилий одним толчком атлета. Солидный крепостной форт в 1914 г. можно было лишь не вполне разрушить с затратой 50–100 тысяч пудов снарядов 6-дюймового калибра, и лучшие результаты давала затрата 10 тысяч пудов снарядов 16-дюймового калибра…

Когда Французская революция выдвинула на поля сражений огромные массы, то явилась возможность не разбрызгивать их усилия на многочисленных фронтах, а сосредоточивать их для нанесения сокрушительных ударов. Наполеон осуществил эту возможность, и стратегия сокрушения называется по имени ее творца – наполеоновской. Мольтке сложившейся исторической обстановкой был поставлен в такие же выгодные условия большого перевеса сил, как и Наполеон, и получил возможность осуществить войны с Австрией и Францией в стиле сокрушения. Отсюда «здравый смысл» всех профессоров военного искусства, всех генеральных штабов сделал заключение, что единственно правильной является стратегия сокрушения и что только недостатками мышления и характера полководцев объясняются наблюдаемые иногда в истории отличные от наполеоновских стратегические приемы.

Сокрушение иногда приводит к решительным результатам даже и без предварительного изолирования неприятеля от его опорных точек. Даже фронтальный удар, легко превозмогающий сопротивление отдельных разрозненных частей противника, приводит иногда к решительным результатам, если неприятель при ударе получает такое сотрясение, что все его связи с опорными точками рушатся и армия начинает разваливаться. Удар вырастает до полного уничтожения неприятеля, принимает характер Канн. Если Жомини, размыслив, предлагал впоследствии лишь наполовину подражать примеру великого корсиканца, так как едва ли всем по плечу наполеоновская стратегия, то Шлиффен, сам составивший план, исполненный наполеоновского дерзания, хотел вселить в мысли командного состава германской армии необходимость повсюду развивать тягу к крайней ударности, к нанесению таких ударов, которые бы сразу сметали миллионные армии с арены борьбы.

Характернейшим признаком стратегии сокрушения является признание ею раньше решительного сражения, а ныне решительной операции единственным средством стратегии для

достижения цели войны. Все что происходит на других театрах, должно терять свое значение по сравнению с результатами одного сокрушительного удара, развитие коего путем беспрерывного преследования должно привести нас к решительной цели. Йенская операция включает в себя весь разгром Пруссии в 1806 году; пленение различных обломков прусской армии, занятие столицы и всей прусской территории до Вислы являлись лишь эпизодами преследования после Йенского сражения. Так же смотрел в 1920 г. после успешного прорыва польского фронта в Смоленских воротах в июле месяце Западный фронт на условия дальнейшей борьбы с Польшей. Преследование поляков Красной Армией по своему замыслу и размаху может быть вполне сопоставлено с преследованием, организованным Наполеоном после Йены. Но у нас не было того перевеса сил, которым располагал Наполеон, мы действовали в эпоху железных дорог, дающих отступающему возможность быстро усилиться и перегруппироваться, и переоценка нами сокрушительного характера одержанных успехов сказалась в горьком разочаровании на Висле.

С точки зрения сокрушения титула «операции», заменившего титул «генеральное сражение», заслуживает только такая победа, развитие которой ведет к тому, что неприятельская организация начинает уже пороться по всем швам, и война обращается уже в скачку к конечной цели. Такой сокрушительный характер имел успех русских над турками при форсировании Балкан в зиму 1877–1878 гг. В мировую войну такой успех мог бы увенчать план Шлиффена, если бы удалось захватить одним приемом Париж и обезоружить у швейцарской границы остатки французской армии. Людендорф, одержавший так много побед в мировую войну, находит в ней только одну «операцию»: это прорыв осенью 1918 года армиями Антанты болгарского фронта на Балканском полуострове, повлекший за собой выход из войны Болгарии, затем Турции и ускоривший разложение Австрии. Самому Людендорфу не удалась ни одна сокрушительная операция. Уничтожение центра самсоновской армии и поражение армии Ренненкампфа – очень приличные победы с точки зрения стратегии измора – являются отнюдь не решительной операцией в стиле сокрушения. Это только ослабление на 10 % русского военного могущества. (Что решительный пункт в этот момент не лежал в Восточной Пруссии, это видно из того, что Танненберг не определил исхода галицийской операции: мы продолжали с удвоенной энергией бои на всем фронте соприкосновения с австрийцами и одержали крупный успех над ними в момент полной неудачи нашего вторжения в Восточную Пруссию.) О

сокрушительной операции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Людендорф после поражения Самсонова имел силы и возможность непосредственно броситься через Нарев и выйти в тыл значительной части нашего фронта.

Точно так же не превратился в операцию удар Людендорфа, приведший к окружению в Августовских лесах центра 10-й русской армии в феврале 1915 г. Чтобы дорасти до операции, германские армии должны были выйти одним ударом на фронт Белосток – Гродно; громадные массы русских армий в Польше оказались бы в ужаснейшем положении. Свенцянский прорыв в сентябре 1915 г., на который Людендорф возлагал столько надежд, явился уже совершенной пародией на операцию. Тарнопольский прорыв, которым летом 1917 г. при помощи дивизий, подвезенных с французского застывшего фронта, Людендорф отвечал на «наступление Керенского», также не дорос до операции: несмотря на явную потерю боеспособности у русских войск, австрийцы и тут умудрились замяться и потерпеть ряд неудач, и надежда – от Тарнополя проскочить до берегов Черного моря, чтобы захватить в плен значительную часть Юго-Западного и весь Румынский фронт, – оказалась неосуществимой.

Осенним ударом 1917 г. у Капоретто Людендорф смял огромную часть итальянской армии, добился совершенно баснословных цифр трофеев – в течение 17 дней у итальянцев было захвачено 294 тысячи пленных, 3152 орудия, 1732 миномета, 3000 пулеметов; потери наступающих были сравнительно ничтожны, так как и итальянцы потеряли всего десять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Сверх того, не менее 200 тысяч итальянских солдат под впечатлением этой катастрофы оставили ряды войск и разбрелись по всей стране. И, несмотря на эти колоссальные цифры, это все же не была генеральная победа, не была «операция» в смысле сокрушения: с помощью десятка англо-французских дивизий остатки итальянских армий были подперты, получили возможность собраться и устроиться; на реке Пиаве германо-австрийцы вновь натолкнулись на организованный Фошем крепкий позиционный фронт, и наступила пауза. Выход на прямую к финишу оказался недостигнутым, и через год итальянцы могли гордиться тем, что, перейдя в наступление против переставшей воевать австрийской армии, они захватили в шесть дней 7000 орудий и 450 000 пленных!

Большие наступления Людендорфа весной 1918 г. во Франции представляют огромные успехи, знаменуемые сотнями и тысячами квадратных километров захваченной территории, тысячами захваченных орудий, десятками и сотнями тысяч

пленных, но все это образовывало лишь прорехи во французской обороне, поддававшиеся штопке, починке, не выливавшиеся в йенскую беспомощность побежденного. Победы Людендорфа не являлись генеральными, так как англичане получили возможность сказать, что их у немцев было много, а они одержали только одну, но зато последнюю. Трагедия Людендорфа заключалась в том, что он целиком ориентировался на стратегию сокрушения, пути которой, при сложившемся соотношении сил, были для него недоступны. Начало сокрушения прельщает нас своей ясной логикой и воплощаемым ею принципом экономии сил. Спенсер как-то определял грациозность движения как совершение его с наименьшей затратой сил. Прыжок серны грациозен потому, что она совершает его без малейшего лишнего напряжения; все ее мускулы дают строго целесообразную работу; малейшая частица энергии не пропадает бесплодно. Мы должны признать грациозным и жест тореадора, легким ударом шпаги в мозжечок убивающего массивного разъяренного быка. Мы должны признать грациозной и стратегию сокрушения, когда она удается. Короткая вспышка заканчивает борьбу прежде, чем неприятель успевает реализовать большую часть сил, средств и энергии, которые он может извлечь из своих опорных пунктов. Противник падает к ногам победителя не как разоренный нищий, а со всеми своими богатствами. Если бы Антанта сумела в два месяца войны победить Германию, как бы жестоки ни были потери в течение энергично веденных операций, они были бы много меньше, чем за годы затяжной войны.

Сокрушение, ударность характеризуются тем, что они признают начало частной победы; они признают существование решительного пункта, успех на котором определит все прочие отношения. Однако одними приемами ударности нельзя вести экономическую борьбу. В мировую войну, несмотря на тяготение к сокрушению всех генеральных штабов, удары на фронте оказались лишь эпизодами. Решение всюду было обусловлено крушением базы. Это обстоятельство, однако, не позволяет нам отнюдь игнорировать начало ударности. В известных условиях, в известном масштабе, оно играет огромную роль. Даже в мировой войне, если мы будем подходить не с точки зрения конечной цели, а с точки зрения промежуточной цели, частной цели одного из эпизодов борьбы, мы увидим огромное значение этого, если так можно наименовать его, «решительного пункта ограниченного района войны». Сама стратегия измора вовсе не означает вялого ведения войны, пассивного ожидания развала неприятельского базиса. Она видит прежде всего невозможность достигнуть одним броском конечной цели и расчленяет путь к

ней на несколько самостоятельных этапов. Достижение каждого этапа должно означать известный выигрыш наш в мощи над противником. Уничтожение неприятельских вооруженных сил, не являясь единственным средством, представляется и для стратегии измора весьма желательным, и такие предприятия, как Танненберг и Капоретто, прекрасно укладываются в ее рамки.

Даже в том случае, если стратегия измора выдвигает как промежуточную цель захват географического объекта, например каменноугольного бассейна, промышленного района, производящей хлеб области, то и в этом случае в борьбе с противодействием неприятельских войск найдется известное приложение принципу ударности. Если на экономическом фронте войны приложение принципа ударности иногда представляло большое зло, например, при обращении железнодорожных мастерских на фабрикацию снарядов, при лишении сельского населения гвоздей и сельскохозяйственных орудий из-за спортивного соревнования с неприятелем в количестве выпускаемого в сражении металла, то ударность и здесь при правильном руководстве при наличии широкого экономического плана может оказать огромные услуги.

Мы поэтому полагаем, что ударность, лежащая в основе сокрушения, отнюдь не отжила свой век; начало ударности вместе с началом базирования представляет двух китов, на которых покоится существенная часть теории стратегии. Конечно, идеи ударности можно проследить у многих писателей старых времен. Ведь Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь издавна являлись весьма поучительными объектами для размышления. В новейшей истории актуальное значение в теории они получили лишь после того, как Наполеон дал им новые формы бытия. Эрцгерцог Карл был одним из первых, уловивших эту сторону наполеоновского искусства. Мы в этом отношении решительно расходимся с Дельбрюком, считающим эрцгерцога Карла «пустой головой и слабым характером». Может быть, наша точка зрения объясняется нашей осведомленностью об эрцгерцоге Карле, базирующейся исключительно на австрийских исторических трудах [2] .

Во всяком случае, он предупредил Жомини в изложении основного начала стратегии сокрушения – в указании решительного пункта, на котором в решительный момент надо быть сильнее неприятеля. Поэтому мы предлагаем рассматривать приводимые отрывки из трудов эрцгерцога Карла, имеющие и другие достоинства, как первый черновой вариант к произведению великого популяризатора начала сокрушения и наполеоновской стратегии – Жомини. Последний с необычайным

тактом отбросил все сумбурное, всю излишнюю геометрию, всю утрировку военной географии, которые мы встречаем у Бюлова и эрцгерцога Карла, и создал в основных чертах то стратегическое учение, которого держалось огромное большинство вплоть до мировой войны. Перед Клаузевицем расписывались в уважении, его цитировали, а когда предстояло переходить к конкретному вопросу, простой и прозрачно-ясный Жомини одерживал в большинстве случаев верх в сознании оператора над глубоким, но туманным германским философом войны. […]

Если мы желаем окончательно отказаться от геометрического характера, которым проникнуты теории этих доктринеров, нам предстоит развить вместо понятия операционной линии понятие линии поведения, термина, нашедшего уже давно распространение в политике и разумеющего не геометрическую, а лишь логическую связь между отдельными частными целями на пути к конечной программной цели…

Простота стратегического решения, о которой мы говорили в начале настоящей статьи, находится в резком несоответствии с глубиной его мотивов. Решение, кому, когда и куда идти, является известной равнодействующей требований, возникающих в разрезе базирования и в разрезе ударности. Трудность увеличивается и оттого, что не существует постоянного отношения между значением требований этих двух категорий. Как мотив нашего действия надо выдвигать, в зависимости от условий, то требование базирования, то ударности… Эти важнейшие вопросы лежат в центре внимания настоящего тома. Он затрагивает еще одну существенную тему. У очень интересного и глубокого писателя Шерффа взят отрывок, в котором последний делает попытку указать путь практического подхода к решению оперативных задач. 30 лет назад, когда писал Шерфф, в центре внимания было еще генеральное сражение, не разбившееся на ряд отдельных действий, группирующихся в операцию. Поэтому ответы Шерффа не следует понимать буквально; читатель должен постараться дать себе отчет в том, в чем могли бы измениться характер и последовательность того ряда вопросов, на который распадался еще так недавно путь оперативного мышления. И пусть читатель не сетует, что в том стратегическом задачнике, которым является настоящее собрание классиков, он не найдет в конце приложенных ответов на настоящий день. Если бы и возможен был такой набор стратегических ответов, то это была бы задача оригинального труда по стратегии, а не настоящего издания, в котором мы и так, кажется, несколько вышли за пределы деятельности критика, представляющего вниманию читателей труды известнейших

мыслителей. […]

Все переводы для настоящего издания выполнены вновь и сверены редакцией с оригиналами.

…

Редакция

ДИТРИХ ФОН БЮЛОВ

Человек, который впервые дал современное обоснование самого термина «стратегия», – барон Адам Генрих Дитрих фон Бюлов (Bülow) [3] – родился в 1757 г. в небольшом поместье Фалькенберг, расположенном в Альтмарке – в небольшом германском герцогстве Ангальт. Фалькенберг был настоящим родовым гнездом одной из ветвей не очень богатого, но славного и чрезвычайно разросшегося рода фон Бюловых, которые получили его еще в 1683 г. Сам род Бюловых вел свою историю от рыцаря Готфрида фон Бюлова (в латинизированном варианте *Godofridus de Bulowe*), который в 1229 г. владел поместьем недалеко от Рены в Мекленбурге.

Традиционно Бюловы из поколения в поколение служили в армии – прежде всего в прусской. Не стало исключением и поколение Дитриха, хотя на поле брани он особых успехов не добился, чего не скажешь о его старшем брате – генерале пехоты Фридрихе Вильгельме, который стал одним из известнейших полководцев войны с Наполеоном и 7 августа 1814 г. за свои подвиги в 1813 г. получил от короля Пруссии титул графа фон Денневица.

Дитрих фон Бюлов прошел курс обучения в Берлинской военной школе и в 15 лет – в 1773 г. – начал службу в прусской пехоте. Вскоре он перешел в пользующуюся большим престижем кавалерию. В 1786 г. он некоторое время служил в голландской армии, приняв активнейшее участие в неудачной попытке восстания против правивших Нидерландами Габсбургов. Однако с военной практикой у него особо не сложилось, и вскоре он оставил действительную службу Некоторое время он пытался заниматься предпринимательством в области театра, с чем были связаны его постоянные переезды с места на место: он дважды побывал за океаном – в Соединенных Штатах (в 1792 и 1795 гг.), ездил также в Англию и Францию. С бизнесом у Дитриха фон Бюлова также не получилось, и в конце концов в 1804 г. он осел в Берлине. К этому времени он уже получал средства к существованию от публикации военно-теоретических работ, в основном посвященных описанию кампаний прусской армии.

Его самая известная работа, посвященная самой сути военной стратегии, это «Дух новейшей военной системы» [4] , вышедшая в 1799 г. Главной заслугой Бюлова стало то, что в этом и ряде других своих работ он не только обосновал термин «стратегия», но показал и четко разграничил ее от тактики, а также ввел в научный оборот учение об операционном базисе.

Республика Северной Америки в своем самом последнем состоянии (*Der Freistaat von Nordamerika in seinem neuesten Zustand.* Johann Friedrich Unger, Berlin 1797);

История вражеских десантов в Англии, в особенности римлян, немцев, датчан, норманнов, испанцев, голландцев и французов (*Geschichte der feindlichen Landungen in Englandnamentlich der Römer; Deutschen, Dänen, Normänner; Spanier; Holländer und Franzosen.* 1798);

Путешествия Мунго Парка (перевод с английского) [*Mungo Parks Reisen* (*Übersetzung aus dem Englischen*). Haude und Spener, Berlin 1799];

«О деньгах» (*Über das Geld.* 1800);

«История кампании 1800» (*Die Geschichte des Feldzugs von 1800.* G. Fleischer, 1801);

«Принц Генрих Прусский. Критическая история его походов» (*Prinz Heinrich von Preußen. Kritische Geschichte seiner Feldzüge.* Himburg, Berlin, 1805);

«Новая тактика обновления как она должна выглядеть» (*Neue Taktik der Neuern wie sie seyn sollte.* Himburg, Berlin 1805);

«Военные биографии знаменитых героев Новейшего времени. Предназначено для молодых офицеров и дворянской молодежи, определенной на военную службу», тома 1–4 (*Militärische Biographien berühmter Helden neuerer Zeit. Vorzüglich für junge Officiere und für die Söhne des Adels, die zum Militär-Dienste bestimmt sind* . Himburg, Berlin 1805);

«Кампания 1805», части 1–2 (*Der Feldzug von 1805.* G. Fleischer, 1806);

«Взгляд на будущие события», написана в 1801 г. (*Blicke auf zukünftige Begebenheiten.* G. Fleischer, Leipzig 1806);

«Густав Адольф в Германии: критическая история его походов», часть 1 (*1808: Gustav Adolph in Deutschland: kritische Geschichte seiner Feldzüge.* 1808).

В своих работах Бюлов не стеснялся жестко критиковать действующих военачальников, что неизбежно приводило к тому, что он оказался не в чести у сильных мира сего. Его очерк о военной кампании 1800 г. вызвал сильное раздражение в верхах, но пока еще больших последствий для барона это не имело. Гром грянул, когда в 1806 г. была опубликована работа Бюлова, описывающая события франко-русско-австрийской войны 1805 г., завершившейся сокрушительным поражением русской и австрийской армий и, возможно, самым громким триумфом Наполеона Бонапарта. В ней он позволил себе целый ряд достаточно критических оценок действий главнокомандующего русской армией Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова –

впоследствии лояльные отечественные историки назовут эту работу «полной неприличных выходок против Кутузова», хотя на самом деле это всего лишь одна из оценок действий будущего фельдмаршала. Но момент был выбран крайне неудачно: дело в том, что в это время в Пруссии вверх взяла «партия войны», возглавляемая королевой Луизой и министром иностранных дел бароном Карлом Августом фон Гарденбергом. Теперь Пруссия готовилась воевать с Наполеоном, и берлинский двор был чрезвычайно сильно озабочен поиском союзников. А в 1806 г. выбирать было особенно не из кого: против Франции были готовы выступить лишь ее вечный противник Англия и не смирившаяся с поражением при Аустерлице Российская империя. На фоне подобного союза для Гогенцоллернов жизнь и свобода какого-то барона не стоили ничего. Поэтому когда представлявший императора Всероссийского при Берлинском дворе Максим Максимович Алопеус официально потребовал уничтожения работы Бюлова, а также ареста автора, нерешительный король Пруссии Фридрих Вильгельм III не счел нужным встать на защиту своего подданного. Тем более что за Бюловым прочно закрепилась репутация сторонника революционных идей, а его слишком резкие суждения привели к тому, что врагов у него было неизмеримо больше, чем друзей.

6 августа 1806 г. барон Дитрих фон Бюлов был взят под стражу, приговорен к четырем годам заключения в крепости и отправлен в берлинскую тюрьму. Но и арест не охладил пыла Бюлова, который, будучи уже в тюрьме, устраивал для заключенных и надзирателей лекции на тему «Как и почему прусская армия, выдвинувшаяся между реками Заале и Эльба, будет непременно разбита» [5] . Когда находившийся в берлинской тюрьме Бюлов услышал о сокрушительном поражении прусской армии в сражениях под Йеной и Ауерштэдтом, он, предсказавший подобное развитие событий, с горечью воскликнул: «Так всегда бывает, когда полководцев арестовывают, а дураков ставят во главе армии» [6] . В эти дни русский посол озаботился скорейшей отправкой фон Бюлова в Россию – было ясно, что после вступления в Берлин французской армии военный теоретик будет немедленно освобожден.

Сначала Бюлов был перевезен из Берлина в крепость Кольберг, вскоре после чего передан в руки русских властей. Его повезли по этапу в легком летнем платье, а была уже суровая зима. В конце концов к лету 1807 г. Бюлова довезли до Риги, где 16 июля 1807 г. его жизнь и оборвалась. Судя по всему, он простудился, заболел и, не получив должного лечения, скончался. Правда, семейные предания рода Бюловых говорят о том, что

барона убили конвоировавшие его казаки, но это лишь неподтвержденная семейная легенда…
Ниже приводится отрывок из статьи «Монизм Бюлова», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

…

К.А. Залесский

* * *

Бюлов был слишком политически зрел для тогдашнего государственного устройства Германии. Он повторял за Руссо, что причины поражения в поле надо искать у себя дома. Он хвалил Наполеона, видел его силу в его союзе с завоеваниями революции и пророчествовал, что до тех пор, пока Наполеон окончательно не порвет с республиканцами, он будет непобедим [7] . Он написал такую историю Гогенцоллернов, которую фамилия графов и баронов Бюловых до сих пор хранит под спудом. Он обвинял Фридриха Великого в том, что последний – не герой, стянул себе Силезию, но отступил перед задачей объединения германских земель. Александр Македонский поступил бы иначе. Бюлов понимал, что лишь вся соединившаяся Германия могла бы сломить гегемонию Наполеона, и видел к этому главное препятствие в массе мелких тиранов, дробящих немецкую землю своими эгоистическими, противоречивыми интересами. Мечта о единой Германии, создать которую смог впоследствии Бисмарк, прорывается у Бюлова повсюду; сотни немецких столиц он хотел бы заменить одной. Он негодовал на немцев за отсутствие у них республиканского духа и добродетелей и презирал пруссаков за то, что они наполовину русские, т. е. наполовину созданный для самодержавия материал. О русских Бюлов пишет всегда с большой горечью. Он признает за русским солдатом достоинства автомата, катапульты для стрельбы, созданной из костей и мяса; русский храбр или трус, честен или обманщик, умен или глуп, смотря по тому, как ему прикажут. На русскую помощь Бюлов не надеялся: если в Тридцатилетнюю войну шведы и австрийцы били Германию с севера и юга, то в его эпоху он видел повторение этой истории с той разницей, что французы будут опустошать области западнее Эльбы, а русские – восточнее. Он боролся против

стремления Пруссии поделить с Австрией Германию на северную и южную. В 1813 г. Бюлов был бы герой национального движения, в 1805 г. он выглядел революционером и пораженцем.

Бюлов действительно не сумел освободиться от антимилитаристических и пасифистических идей, так глубоко проникавших в философию XVIII в. Он писал: «Я называю войну наукой не об убийстве, как это делали, а о разбое, так как ее объект заключается в завоевании, в грабеже земель, а убийство является только средством, ведущим к этой цели. В убийстве еще умудряются находить нечто благородное; этого не будет, когда будет ясна цель – грабеж. Война – это тоже воровство, которое в малом масштабе наказуется, а в большом – награждается лавровыми венками, фимиамом поэтов, статуями и храмами». Правда, иногда Бюлов относился к войне мягче: «Военное искусство дорого мне, как эгида безопасности и свободы [8] , и моим долгом является заниматься им, поскольку я убежден, что у меня есть идеи, как сделать бесплодным наступление посредством повышения искусства обороны». Как мы видели раньше, упрекая Фридриха Великого за то, что он не закончил собирания немецких земель и не воевал дальше, Бюлов сам уже готов был признать положительную роль насилия. Но в общем венцом его трактата по военному искусству является призрак всеобщего мира, который установится тогда, когда все государства достигнут своих естественных границ, когда все политическое устройство Европы придет в соответствие с его учением о базисе.

Приводимые отрывки из истории кампании 1805 г. свидетельствуют, что Бюлов первый понял тесное соотношение, существующее между политикой и стратегией: «политическая стратегия относится также к военной стратегии, как последняя – к тактике»; в сущности, это полное выражение наиболее знаменитого положения Клаузевица, что война есть продолжение политики.

Клаузевиц создавал все свое учение в борьбе с мыслями Бюлова; ему принадлежит несколько и чисто полемических статей, направленных против Бюлова. Знакомство с Бюловым поэтому обязательно для правильного понимания учения Клаузевица. Беспристрастный читатель, изучив Бюлова, найдет, что Клаузевиц, бросив в Бюлова град камней, в конце концов все же взял у последнего целый ряд ценных идей. Бюлов был тем тезисом, в борьбе с коим мысль Клаузевица выдвинула сначала антитезис, а затем возвысилась до синтеза.

Бюлов был недостаточно реалистом; правда, он подметил, что отсутствие роскоши у офицеров революционных армий дает

им огромный плюс по сравнению с офицерами старого режима; но он переоценивал значение магазинной системы, не заметил, что войска французской революции научились жить за счет местных средств, не заметил, что с Наполеоном народилась новая стратегия сокрушения, в которой бой уже не является только одним из средств и которая выдвигает единственной целью уничтожение неприятельской армии. Все это Бюлов просмотрел, несмотря на то, что он один из первых подметил и точно описал новый характер революционной тактики; виной этого просмотра была та теория, через призму которой Бюлов рассматривал все явления. Ошибки Бюлова не повторил Жомини, который пришел почти по всем пунктам к противоположным Бюлову выводам: Жомини настаивает на концентрации войск, на действиях по внутренним линиям, а Бюлов – на развертывании армии, на стратегическом охвате неприятеля, на действиях по внешним линиям. Наполеон одерживал успехи по Жомини, но когда массы его увеличились, когда снабжение начало играть большую роль – в 1813 году он проиграл осеннюю кампанию, опираясь на методы Жомини, а союзники разбили его под Лейпцигом, действуя по Бюлову. Для современных армий, еще более зависимых от своих сообщений, еще более беспомощных при столкновении на одном месте, старые доктрины Бюлова во многом получают новую жизнь и мощь.

Бюлову мы обязаны самим термином «стратегия» [9] , а также и разделением стратегии от тактики; кто прочтет его определения, тот поймет, что и первому автору, проведшему грань между этими столь родственными дисциплинами, вероятно, очень досаждали недоуменные вопросы о том, чем же, собственно, стратегия отличается от тактики. Бюлову мы обязаны всем учением и самим термином об операционном базисе, а также понятием о стратегическом развертывании. Если рассуждения об объективном угле представляются некоторым увлечением [10] , то сама мысль об огромном значении базиса заслуживает полного внимания, и лучше всего ознакомиться с ней мы можем у ее истока – у Бюлова.

Уже у Ллойда мы отмечали свойственное XVIII в. преклонение перед математикой; математика нужна Ллойду даже для верховой езды и для объяснения успеха удара гусар на маленьких, быстрых лошадях на тяжелых кирасир. У Бюлова и эрцгерцога Карла это увлечение принимает почти катастрофические формы. Стратегия излагается в виде геометрических теорем и поясняется чисто геометрическими чертежами. Такое увлечение кажется нам особенно странным у такого искушенного в истории, политике и политической

экономии писателя, как Бюлов. Нам представляется, что эта геометрическая форма у Бюлова является результатом его положения штатского наблюдателя, изолированного от непосредственного соприкосновения с армией и войной. Мы, естественно, начинаем мыслить геометрически, отвлеченно, когда теряем соприкосновение с живой действительностью. А Бюлов был от нее оттерт, и только гениальности его мысли мы обязаны многими меткими тактическими замечаниями. Нам лично приходилось наблюдать геометрические увлечения в военном искусстве. Если у Бюлова здесь сказывался прежде всего дух мышления XVIII в., то теперь это может служить мерилом кабинетности автора. Истративший столько сил, чтобы громить давно умершего Бюлова, Г.А. Леер, как исключительно кабинетный ученый, был болен той же склонностью к геометрии, и, по рассказу его учеников, спорный вопрос на тактической задаче решал всегда тем, что перевертывал план чистой стороной наверх и вопрос переносил в рамки геометрии…

Геометрия в стратегии, конечно, не может возбуждать в нас особого энтузиазма, особенно если мы отворачиваемся от конкретного случая, со всеми его частностями, чтобы углубиться в умозрение. Однако мы не можем не признать, что никогда серьезно не воевавший бедняк писатель Бюлов сумел в своем чертеже прочитать многое, что пропустили люди, колесившие по полям сражений всей Европы. Правда, истина и ложные представления у Бюлова сплетаются очень тесно. Мы убеждены, что если бы Бюлов не работал так много по военной истории, то геометрическое исследование привело бы его к еще большему преобладанию недоразумений. Мы опустили третью часть «Духа новой военной системы», в которой Бюлов иллюстрирует свои положения уже не геометрически, а на примерах из истории Семилетней и революционных войн. Наш вывод – геометрический метод может быть допущен лишь в очень ограниченных размерах и обязательно необходимо противоядие в образе военной истории.

Сочинения Бюлова уничтожались и полицией, и его знатными родственниками, которых они компрометировали. В Россию путь для них был вовсе закрыт. Теперь они представляют высочайшую библиографическую редкость. Сколько-нибудь полного собрания их нет, кажется, ни в одном книгохранилище Европы.

Мы пользовались в подлиннике лишь его «Духом новой военной системы» (на немецком языке, изд. 1799 г.) и сравнительно второстепенным трудом – «Историей войны 1800 г.», в остальном же руководствовались собранием избранных сочинений Бюлова в одном томе [11] , изданных его

племянником, под редакцией Рюстова, в 1853 г. Революционера военной мысли Бюлова приходится изучать сквозь призму извращений политической и фамильной цензуры, а также через купюры, исправления и толкования Рюстова.

Что Бюлов был материалистом, это видно по многим приводимым ниже мыслям. У него было уже известное, очень скромное представление об эволюции как о противоречии между военным искусством греков и римлян и военным искусством нового времени, противоречии, базирующемся на различной технике холодного и огнестрельного оружия; двигателем эволюции является рост огнестрельного оружия в армиях и потребляемого им количества боевых припасов.

Если мы позволяем себе прилагать к Бюлову эпитет «гениальный», несмотря на многочисленные недоразумения в его поспешных трудах, и ставим его выше многих других классиков, то такая наша оценка основывается на том, что Бюлов подошел к стратегии с совершенно новым мировоззрением, заимствованным у Жан-Жака Руссо. В мире и войне Бюлов увидел единое целое и в этом целом стал рассматривать войну как надстройку над тем фундаментом, базой, которую представляет мир. Понятие «базис», которое ввел Бюлов, все последующие военные писатели начали толковать в узком, геометрическом смысле. Но целый ряд выражений в сочинениях Бюлова позволяет нам думать, что за таким толкованием базиса, предназначенным к широкому обращению, Бюлов скрывал и более глубокое его понимание; в процессе войны государству как базе военной деятельности Бюлов отводил, по-видимому, такое же всеобъемлющее значение, какое придает монистическое толкование исторического процесса экономическому фундаменту. Сквозь сумбурную форму изложения учения Бюлова у него просвечивает местами чисто монистический подход к явлениям войны. Война для Бюлова – прежде всего производная, настройка, явление не самодовлеющее. И нам кажется, что местами Бюлов ставит вопрос даже шире, чем Клаузевиц, несомненно заимствовавший у него свою диалектику.

Бюлов рисуется нам заслуживающим солидного научного исследования. Мы не располагали всеми важнейшими подлинными его трудами и эту задачу не считаем здесь исчерпанной.

...

Редакция

Дитрих фон Бюлов ПРИНЦИПЫ СТРАТЕГИИ

Первое определение . Всякое движение армии, непосредственной целью которого является противник, называется военной операцией.

Второе определение . Так как субъект и объект операции разделяются пространством, по которому должны продвигаться армии, то отсюда рождается понятие об операционной линии.

Третье определение . Стратегическими являются все военные передвижения вне пределов пушечного выстрела и кругозора противника. Тактическими – все эти передвижения в пределах указанных границ. Следовательно, стратегия является наукой о военных передвижениях вне кругозора или досягаемости пушечного выстрела, а тактика – наукой о военных передвижениях в пределах этих границ.

Первый принцип . Новые армии могут существовать, только снабжаясь из своих магазинов, и их передвижения определяются их магазинами.

Второй принцип . Главный магазин, из которого действующая армия удовлетворяет свои насущные потребности, является фундаментом или субъектом операции.

Третий принцип. Операции по единственной операционной линии, базирующиеся на единственном операционном субъекте при нашем вторжении в неприятельскую страну, оказываются недостаточно обеспеченными и не могут привести к успеху, если только противник не пренебрежет всеми возможностями контрманевра.

Четвертый принцип . Ввиду этого в оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед фронтом неприятеля и пассивно отражать его наступательные предприятия, а выбирать фланговую позицию и затем самим переходить к наступательным действиям; против флангов и тыла противника должны направляться предприятия, целью которых является подвоз к неприятельской армии, фронт же его должен быть оставлен в неприкосновенности; непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который препятствовал бы ему сосредоточить свое внимание на своих флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как часть наших войск будет оперировать против неприятельского снабжения, по возможности на его территории; само собой понятно, что все означенные операции будут иметь место в неприятельском тылу.

Пятый принцип. Нормально операции, заключенные в треугольнике, угол при вершине которого 60° и менее, не должны иметь успеха и не могут привести к цели, если противник использует свои преимущества, так как они недостаточно базированы.

Шестой принцип. Расходящиеся операционные линии, направленные от центра к окружности или от малой к большой окружности, также создают невыгодное операционное положение, если только противник применит правила новейшей военной системы.

Седьмой принцип. Параллельные операционные линии, направляющиеся от нескольких операционных субъектов против равного числа объектов, в столь же слабой степени отвечают правильной теории войны.

Восьмой принцип. Операционные линии, заключенные в тупоугольный треугольник с углом при вершине в 90 и более градусов, базированы столь удачно, сколь этого только можно желать.

Девятый принцип. Таким образом, из нашего исследования вытекает, что базис, чтобы быть выгодным, должен охватывать вогнутой дугой неприятельский базис; если же наш и неприятельский базисы параллельны, то наш базис должен быть длиннее; напротив, непараллельный базис, или выпуклый базис, или базис, который короче такового противника, являются невыгодными и дают преимущество противнику.

Десятый принцип. Отступление от базиса, происходящее по одной операционной линии, не отвечает ни теории, ни духу новейшей военной системы.

Одиннадцатый принцип. Единственно правильными отступлениями являются отступления по параллельным и эксцентричным операционным линиям.

Дитрих фон Бюлов ДУХ НОВЕЙШЕЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ

Глава 1

...

Что такое в сущности базис операционных линий. – Разница между базисом операционных линий и самими операционными линиями. – Древние в таковых не нуждались

1. Совершенно неоспоримо, что современные армии имеют огромную потребность в снабжении. Скольких лошадей требует одна перевозка боевых припасов, т. е. пороха и железных и свинцовых ядер и пуль? Каждый батальон имеет собственную патронную двуколку; самое легкое полевое орудие везется четырьмя лошадьми, тяжелые пушки двенадцатифунтовые и т. п. требуют по двенадцать и даже по двадцать четыре лошади. На каждую пушку, в свою очередь, везется один или несколько зарядных ящиков. Затем следуют еще предметы роскоши современных армий, к которым я отношу и хлеб. Если бы армии питались сухарями, то прежде всего каждый солдат мог бы иметь при себе провиант на значительно более долгое время; далее, отпадала бы необходимость в хлебопекарне, которая всегда следует за армией, а также вопрос о перевозке муки от магазина к хлебопекарне.

Затем остановим свое внимание на огромном обозе современной армии и на количестве лошадей, необходимых для его перевозки. Ведь каждый офицер, находящийся даже в самых младших чинах, везет с собой отдельную большую палатку, постель и т. д. Каждый пехотный офицер имеет столько же лошадей, обыкновенно от трех до пяти, как и кавалерийский. Все это обращает армию в современном стиле в до смешного беспомощную массу, которой тем не менее хотят разрешать крупные задачи.

2. Таким образом, необходимо располагать лошадьми и в очень большом количестве; эти лошади нуждаются для своего прокорма в сене, соломе и овсе; последние представляют громоздкие предметы, занимающие обширные пространства и

портящиеся от сырости. Следовательно, их надо громоздить в большие постройки, способные предохранить их от мокроты. Мука, равным образом, должна быть защищена от сырой погоды, боевые припасы также; от дождя надо укрыть все снабжение армий. Я думаю, излишне напоминать, что вьючные и упряжные лошади нуждаются в людях при обозе для ухода и управления ими; таким образом, число рационов растет вместе с числом дач, и наличность обоза удваивает потребности армии в фураже и продовольствии.

3. Подобное сосредоточение предметов снабжения армии называется магазином. В узком смысле магазином называется склад сена, соломы и овса; в более широком сюда же причисляются и мучные запасы, тем более что фуражный магазин редко бывает без дополнительного запаса муки, так как потребность в снабжении фуражом и мукой неизбежна. Хлеб в магазинах никогда не хранится, так как он очень скоро портится; между магазином и армией располагается хлебопекарня, хотя бы армия стояла непосредственно около магазина. Наконец, полный магазин содержит также запасы боевых припасов, обмундирования, оружия, орудий и т. д., хотя эти предметы изготовляются и их главные склады помещаются гораздо дальше внутри страны, чем магазин действующей армии, который обычно бывает расположен около самой границы; тем не менее в ближайшем главном магазине армии должен быть сосредоточен промежуточный запас этих предметов для немедленного пополнения постоянной убыли таковых в армии. Ввиду этого я думаю, что не ошибусь, если скажу, что магазин в полном смысле является складом или сосредоточением предметов снабжения армии, как бы разнообразны они ни были.

4. Конечно, если бы князь Шварцбург-Зондерсхаузенский вовлек в войну князя Шварцбург-Рудольфштадтского [12] , то армии обоих этих государей могли бы обойтись и без магазинов. Однако в наше время войны ведут исключительно большие державы, а малые – только втягиваются в общий водоворот. К тому же вооруженные силы больших держав настолько возросли, что исчисляются в две-три сотни тысяч человек и более, которые, правда, не объединяются в одну армию, но тем не менее участвуют в одной войне и часто действуют на одной границе. Эти армии к тому же оборудованы так, как это было уже мной сказано, и совершенно ясно, что фуражировки на неприятельской территории не могут обеспечить снабжения армии хотя бы на короткий срок, необходимо прибегать к большим магазинам, располагающим снабжением всякого рода. Впрочем, как я в дальнейшем укажу, рост армий является неизбежным следствием

новейшей системы войны и исключительного господства огнестрельного оружия.

5. Конечно, возможно было бы сократить потребности армий путем ограничения роскоши, например, заменить хлеб сухарями, заставить поручиков и прапорщиков выступать в поход без пуховых перин, какую кислую физиономию они по этому поводу ни делали бы, далее разрешить всем офицерам одной роты иметь лишь одного общего денщика и в крайности по одной лошади на каждого, благословить их наряду с солдатами отмеривать пешком переходы, что для них не может быть унизительным, так как римские полководцы всегда шагали перед своими легионами, наконец, значительно [30] ограничить обозы генералов и штаб-офицеров и предложить им удовлетворять свои потребности путем реквизиций в неприятельских странах, что так образцово умеют проводить в жизнь французы. Все это, думаю я, было бы выполнимо; армии стали бы гораздо подвижнее, их содержание обходилось бы гораздо дешевле. Но все-таки нельзя было бы обходиться без больших магазинов, вечно продолжала бы существовать зависимость от них, и притом в достаточной степени, чтобы сохранить в силе все то, что я утверждаю в этом трактате о новейшей военной системе.

6. Чтобы иметь возможность произвести здесь радикальное или хотя бы существенное изменение, прежде всего пришлось бы значительно сократить размеры армий, сильно уменьшить конницу, почти полностью отказаться от артиллерии и в пехоте ружье вновь заменить пикой, одним словом, вместо огнестрельной системы восстановить систему холодного оружия – рубки и колки. Понятно, что это привело бы к воскрешению к жизни системы древних; если при этом должны были бы отпасть развитые мной здесь основы, то это отнюдь не является опровергающим меня доказательством, так как я говорю о войне в том виде, в котором она существует в наше время.

7. Следовательно, мы останавливаемся на том, что надо иметь магазины и что этой необходимости невозможно избежать.

Так как эти магазины, как уже было сказано, требуют больших зданий, то они обыкновенно размещаются в довольно больших городах, где таковые постройки уже имеются или возводятся с этой целью еще в мирное время. Так как важнейшее значение затем имеет сохранение в наших руках таких магазинов, так как без них армия была бы вынуждена разделиться на несколько частей, то пункты их расположения необходимо укреплять – по меньшей мере так, чтобы обеспечить их от того, что по-французски называется *coup de main* [13] т. е. на тот случай, если неприятель, выделив особый отряд, попытается

произвести внезапное нападение с целью сжечь или уничтожить запасы.

8. Однако и последнее мероприятие является недостаточным, и по меньшей мере главные магазины должны помещаться в пунктах, достаточно укрепленных, чтобы быть в состоянии противостоять настоящей осаде; эти пункты, следовательно, заслуживают наименования крепостей [14] в подлинном смысле слова.

Мы сейчас же можем открыть причины этого. Правда, иногда магазины закладываются в маленьких неукрепленных городах и даже в деревнях. Но это ошибка, так как они легко могут быть уничтожены высланными неприятелем партиями, и этой чувствительной утраты не пришлось бы нести, если бы было приложено достаточно заботливости и эти маленькие пункты были бы в достаточной мере обеспечены укреплениями, чтобы выдержать первый наскок противника и защищаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. Но главные магазины всегда располагаются в крепостях. Необходимость защиты магазинов является одной из важнейших причин, объясняющих, почему в новейшее время надо иметь крепости; с другими причинами мы ознакомимся далее.

Если бы вблизи границы не находилось ни одной крепости для обеспечения наших магазинов, то это доказывало бы, что мы не подготовлены к войне, и это было бы ошибкой. Из ошибок, однако, правила не вытекают.

Крепость, в которой помещается один из главных магазинов, определяет движения армии, так как последняя питается из нее, а также удовлетворяет свои прочие потребности, и так как армия должна прикрывать данную крепость от противника.

9. Всякое движение армии, целью которого является противник, называется военная операция.

Я говорю цель [15] , а не предмет [16] , что составляет разницу. Цель представляет нечто более отдаленное, в большинстве случаев невидимое и менее материальное, если можно так выразиться, чем предмет. В военных операциях не всегда приходится непосредственно метить в противника, как, например, при диверсиях на флангах и в тылу неприятеля; при этом противник часто не является «предметом», так как на него не всегда приходится наталкиваться; но противник всегда остается целью.

Вообще целью военных операций является нанесение ущерба противнику; тот или иной особенный вред, который при известной операции намечается причинить противнику, и является целью данной операции.

Целью всех военных операций, вместе взятых, является мир, выгодный для нас, невыгодный для неприятеля, которого стремятся достигнуть путем нанесения ущерба противнику. С точки зрения этой общей цели, цели отдельных операций, из которых слагается главная операция или война, надо рассматривать как ведущие к ней средства; марши же, из которых состоит операция, в свою очередь, являются средством для осуществления операции, а следовательно, и для достижения ее цели. Иногда операция может быть закончена одним маршем, и при таких условиях цель операции и цель марша сливаются.

10. Последний, заканчивающий операцию марш всегда имеет общую с ней цель; а последняя военная операция – общую цель с войной.

Большая или меньшая важность цели является отличительным признаком операции от марша, а не количество времени и пространства, так как иногда операция может быть закончена одним маршем; правда, в таких случаях их цели и совпадают. Однако короткий марш может привести к большим результатам, чем длинный; следовательно, время и пространство не играют решающей роли.

Целью различных маршей, из которых слагается операция, является осуществление этой операции; цель же операции представляет нечто более отдаленное и более высокое, так как она получает свой смысл в стремлении к решению всей войны. Цели маршей относятся к более низкой, подчиненной категории.

Операция или марш не всегда имеют своим «предметом» противника, так как в охватываемых ими пределах не всегда имеют место сражение или осада, хотя, как уже было сказано, их целью является противник или виды на такового. Однако операция и марш имеют всегда своим «предметом» географический пункт, находящийся там, где они заканчиваются. Должен иметься известный пункт, достижением которого осуществляется цель операции. Он и является предметом или объектом операции, у которого она останавливается и является завершенной.

11. Так как при всякой операции, как уже было доказано, армия удовлетворяет свои насущные потребности подвозом из главного магазина, помещающегося в крепости, то такой магазин должен рассматриваться как фундамент, субъект или базис операции, и к тому же с двух точек зрения: во-первых, потому, что без удовлетворения насущных потребностей жить невозможно, а следовательно, невозможно также и действовать, удовлетворять же свои насущные потребности армия в состоянии только из магазина; во-вторых, потому, что это необходимое снабжение

должно быть защищаемо от противника, а следовательно, все движения большой армии определяются главным магазином и соответственно ориентируются. Само собой понятно и вытекает из предыдущего, что когда я говорю «магазин», то под этим также подразумевается и содержащая его крепость.

12. Хотя я сказал, что магазины представляют базис операции, однако я это сделал, лишь чтобы упомянуть понятие о базисе. Вообще же единичный магазин не представляет достаточного базиса; настоящее рассуждение как раз и посвящено доказательству этого положения. А так как различные предметы должны носить и различные наименования, то впредь я буду называть базисом или основанием операции лишь линию, которой можно мысленно соединить несколько расположенных друг подле друга магазинов; это наименование тем удобнее, что операция должна представлять известную фигуру, как, например, треугольник и т. д., в которой данная линия является базисом или основанием. Единичный магазин в отличие от настоящего базиса я буду называть субъектом или фундаментом операции.

Объект или конечный пункт операции, в свою очередь, может быть превращен в субъект новой, исходящей оттуда операции, но в общем, как это будет доказано, – это может случиться лишь после того, как будет заложен и установлен базис или основная линия из нескольких операционных субъектов; иначе мы подвергнемся опасности при дальнейшем глубоком вторжении.

13. Можно считать, что понятия субъекта и базиса, а также объекта военной операции точно оговорены нашим исследованием. Но так как между операционным субъектом и операционным объектом находится пространство, по которому должна передвигаться армия, чтобы достигнуть объекта, то отсюда само собой рождается понятие операционной линии.

Так как из одной точки попасть в другую невозможно иначе, как следуя по какой-то линии, то оперировать от субъекта к объекту можно не иначе как по линии, и к тому же по несомкнутой. Для того чтобы намеренно описывать между обоими пунктами замкнутую фигуру, нет достаточных оснований; вернее, это было бы вовсе нецелесообразно [17] , так как несомкнутая линия, во всяком случае, явится более коротким путем, в особенности при условии, что она приближается к прямой. Следовательно, армия двигается от субъекта к объекту операции по несомкнутой кривой, так как она стремится возможно скорее достигнуть последнего и в возможно кратчайший срок преодолеть возможно большее пространство.

Итак, можно считать за правило, что операционная линия по возможности должна приближаться к прямой, хотя, точно

выражаясь, прямая линия является лишь абстрактным понятием; в природе таковые не существуют, т. е. собственно пути не могут представлять прямой линии.

14. Однако понятие операционной линии должно быть определено еще точнее. Операционная линия – это путь, по которому армия получает из магазина свое снабжение, подвозимое на вьючных животных или повозках. Но так как этот путь должен быть защищен от покушений противника так же, как и сам магазин, то он определяет направление движения войсковых колонн и расположение армии. Следовательно, так как пути маршей колонн армии относятся по своей важности ко второй категории, а путь подвоза – к первой, то операционной линией должен именоваться последний. Определяющее является главным характеризующим признаком, по которому и должно даваться наименование, а отнюдь не по определяемому [18] .

Как далеко можно отойти от своего магазина по операционной линии, указывают начала, данные генералом фон Темпельхофом на основе вычисления потребного армии снабжения и времени, в течение которого она на известном удалении должна его получать. Так как это не относится к моей теме, то я не буду приводить выдержек из его примечаний к «Истории Семилетней войны» Ллойда, где их можно прочесть. Кроме того, вычисления приводят к весьма различным рассуждениям в зависимости от той армии, которую при этом имеют в виду.

15. Если от одного и того же субъекта к одному и тому же объекту проходит два или более операционных путей, что, однако, встречается очень редко, то ввиду идентичности их начала, конца и цели с абстрактной точки зрения их можно подвести под понятие одной операционной линии. В большинстве случаев их направления весьма близки друг к другу и образуют довольно удлиненные эллипсы, так как бы очень невыгодно, если бы отдельные пути сильно уклонялись в сторону.

Различными операционными линиями являются лишь те, которые исходят от различных субъектов, хотя бы в результате они и направлялись к одному объекту.

Если армия располагается непосредственно у главного магазина, как Фридрих II в Бунцельвицком лагере у Швейдница, то операционной линии вообще нет [19] .

16. Если армия принуждена противником отступить от крепости, в которой помещается главный магазин, то в большинстве случаев операционная линия, исходящая из данной крепости, прекращает свое существование. Если противник продвигается дальше и оставляет крепость у себя в тылу или ее

осаждает, то это понятно само собой. Но если это и не имеет места, то все же остается сомнение и неуверенность в том, что это не произойдет; следовательно, подвоз подвергается опасности быть перехваченным; каждому будет представляться более предпочтительным организовать подвоз с тыла, а не с неприятельской стороны. Впрочем, в крепости, угрожаемой противником, нельзя истощать запасы продовольствия, а следовательно, из ее магазина ничего не должно вывозиться. Если к этому все-таки пришлось бы обратиться, то объектом операционной линии в этом случае являлась бы расположенная позади крепости армия.

Если армия уклоняется в сторону от крепости, содержащей главный магазин, и приближается к другой, расположенной на продолжении операционного базиса, то операционная линия и базис совпадают, и армия будет черпать свое довольствие из наиболее близко расположенной крепости, так как от более отдаленной противник может ее легче отрезать. Это единственный случай, когда базис операционной линии и операционная линия представляют тождество. Впрочем, замечу вскользь, подобные параллельные марши легче всего берут начало на флангах.

17. Собственно операционными линиями являются берущие начало в субъекте или в нескольких находящихся на базисе субъектах и направляющиеся прямо в неприятельскую страну; следовательно, они являются наступательными. Я говорю направляющиеся в неприятельскую страну, а не направляющиеся на противника, так как неприятельская армия может расположиться так, что граница окажется у нее на фланге, а не в тылу. Однако главный предмет войны – всегда неприятельская страна, а в неприятельской стране – тот главный пункт, из которого неприятельская армия хотя бы и не сразу и непосредственно удовлетворяет свои потребности в снабжении и где сосредоточены наибольшие запасы элементов военной мощи; там они могут быть уничтожены в корне, дотла.

Ввиду этого понятие «вперед» с оперативной точки зрения не всегда отвечает тому направлению, куда обернуты лица солдат, т. е. фронту боевого порядка, или лагеря, или головы походных колонн, а совпадает с направлением, по которому душа армии направляет свои духовные взоры. Душа армии – это ее главнокомандующий, или, чтобы точнее выразиться, ее командная власть.

18. Каждая военная операция опирается на три главные пункта: субъект или основание операции, операционную линию и объект. Что каждая операция должна опираться на несколько

субъектов, расположенных один возле другого приблизительно по одной линии и, таким образом, образующих собственно операционный базис, это будет доказано в дальнейшем изложении данного трактата.

При таких условиях, как мы уже видели, базис и операционные линии представляют совершенно различные вещи, хотя весьма уважаемые писатели, по-видимому, недостаточно четко разбирались в этих понятиях, чтобы отчетливым образом их различать.

Эти исследования и определения были абсолютно необходимы, чтобы сделать понятным дальнейшее. Что военная система у древних, в особенности у римлян, которые, по-видимому, применяли лучший метод, так как покорили весь мир, имела совершенно иное начало, об этом я упомяну лишь вкратце [20] .

19. Подполковник Мовильон, конечно, прав, когда он утверждает, что четырехугольная форма лагеря по образцу древних в наше время ввиду артиллерийского огня со стороны противника совершенно неприменима. Однако он подлежит порицанию, когда стремится вывести отсюда огромное превосходство новейших форм войны над классическими и утверждает, будто военное искусство настолько подвинулось вперед, что классики рядом с нами представляются невышедшими еще из детского возраста. Я же, наоборот, хочу доказать, правда, не сейчас, так как нельзя говорить обо всем сразу, а несколько дальше, что новейшая военная система не может сравниться с классической, если мы будем иметь в виду огромные результаты, которые достигались в древности со скромными средствами; при современных же условиях, за исключением французов с началом революционных войн, при невероятном расходе сил достигались лишь весьма отрицательные результаты. К тому же мы даже еще не научились действовать соответственно духу новейшей военной системы. Командующие армиями постоянно грешат против него, доказательство чего я поставил своей последующей целью. Следовательно, здесь у нас нечем похвалиться перед древними.

20. Я держусь того мнения, что в наше время положение лагеря должно сообразоваться не с тем, чтобы выжидать в нем противника; при надлежаще принятых мерах и вне лагеря нельзя подвергнуться внезапному нападению, а духу новейшей военной системы отвечает не позиция, а движение.

Глава 2

Начало исследования о наступательной операционной линии. – О единой операционной линии, обосновывающейся на одном субъекте и направляющейся в неприятельскую страну

1. Операционные линии армии можно сравнить с мускулами человеческого тела, от которых зависит движение членов. Если движение того или иного члена опирается исключительно на один мускул и если таковой перерезать, то член окажется искалеченным; тем важнее предохранить такой мускул от какого бы то ни было повреждения. Таким же образом единственная операционная линия армии, переходящей к наступательной работе, является крайне чувствительной частью, и следует не упускать из вида необходимость предохранить эту линию от всякого вредного соприкосновения с ней противника. Принципы должны не разваливать, а созидать и быть не отрицательными, а позитивными утверждениями. Я привел достаточно обоснований и данных, чтобы быть вправе завершить их следующим положительным стратегическим принципом:

«В оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед противником и пассивно претерпевать его наступательные предприятия, а следует избирать позиции в стороне; затем необходимо самим переходить к наступательной войне, начав предприятия против фланга и тыла противника, ориентируя их на следующий к нему подвоз и оставляя неприкосновенным его фронт. Непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который бы препятствовал ему сосредоточить свое внимание на флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как большая часть войск будет оперировать против неприятельского снабжения и по возможности на его территории; само собой понятно, что означенные операции будут происходить в неприятельском тылу».

2. Тем не менее на войне бывают случаи, когда результат, казалось бы, противоречит данному положению. Однако таковые случаи преимущественно берут свое начало в стремлении не применять правил войны и еще чаще – в незнании правил войны и в неспособности надлежащим образом их применить.

Бывают случаи, когда обстоятельства, в широком смысле этого слова, свойства местности и народа, с которым ведется война, не только заставляют умерять это правило, но даже рекомендуют применение совершенно обратного метода. Однако

это не лишает силы правил войны, а также отнюдь не доказывает, что военное искусство никогда не может превратиться в науку; правда, в нем всегда столько будет предоставлено вашему суждению, что, будучи наукой, оно всегда также останется и искусством.

Искусство именно и является применением науки, которое всегда остается функцией разума.

Если какое-нибудь основное правило войны подлежит видоизменению, то это вовсе не доказывает, будто вообще не существует правил, а лишь означает, что над ним стоит более высокое правило и что оно поэтому должно применяться с рассуждением. Обратившись к разуму, легко установить те случаи, когда война требует уклонения от только что указанного правила войны, которое включено в вышеприведенный принцип наступления. Известный характер неприятельского полководца, его малограмотность в военном деле, его робость, характер его войск, их малодушие, недостаточная дисциплина, малая подвижность, которыми они страдают, все это дает полное право генералу оперировать на флангах и в тылу, хватать за горло противника, который и ничего не понимает, и ни на что не осмелится, не беспокоясь при этом о собственных флангах и тыле.

3. Я уже несколько раз упоминал, что при десанте в Англии, безусловно пришлось бы отказаться от основного положения о базе; дело заключалось бы лишь в том, чтобы достигнуть известного пункта, имеющего всерешающее значение, а именно Лондона. Причина заключается в том, что меркантильная, антивоинственная английская нация привыкла усматривать в столице, где главным образом сосредоточиваются ее богатства, центр своего политического существования. Всю эту операцию можно было бы назвать огромным мышиным дозором – выражение, которым гусары обозначают дерзко выдвинутый вперед разъезд, подвергающийся опасности быть отрезанным [21] .

Одним словом, весьма легко привести примеры, когда можно было наступать, не имея базиса, но также легко будет разыскать те причины, почему в том или ином случае не последовало должного возмездия за подобные наступления.

Глава 3

...

Об операционных линиях, заключенных в остроугольный

треугольник или небольшой сектор в 60° и менее

1. Невыгоды такого оперативного положения почти столь же велики, как и только что рассмотренные. Если оба крайних пути, по которым может направляться к нам подвоз, сходятся у объекта операции, образуя угол не более 60 градусов и даже менее, то такую операцию ни в коем случае нельзя считать достаточно прочно базированной.

Армия D не может продвинуться в направлении к объекту C, если противник E надвигается на операционную линию BC, образующую здесь сторону треугольника ABC, как и в предыдущем случае, D оказывается немедленно вынужденным отдать часть сил F для прикрытия операционной линии BC, так как она не в состоянии отрезать E от его магазинов, которые последний может и должен иметь в районе G. Следовательно, армия D таким движением неприятеля в ее тыл будет также обречена на переход к оборонительной войне, как и располагая одной операционной линией. Однако здесь имеется та выгода, что E не может также перерезать AC, так как если бы E захотело продвинуться до AC, то оно подвергалось бы опасности оказаться отрезанным D от своих магазинов в районе G. Предположим случай, когда прохождение от одной стороны треугольника ABC до другой возможно, тогда AC оказалось бы перерезанным, но BC, наоборот, по вышеприведенному основанию будет свободным. Но так как противник E находится на собственной территории, то у него также будут иметься магазины в районе H, и он с противоположной стороны перережет линию AC с помощью корпуса J. Следовательно, D должно оставить некоторые силы и против корпуса J.

2. Чем короче базис, тем ближе мы подходим к случаю, когда приходится наступать по одной операционной линии. Таким образом, угол у объекта C, который я впредь буду называть объективным углом, скорее характеризует добротность операции, чем длина линий подвоза; как бы коротки последние ни были, это помочь не может, если объективный угол мал.

Глава 4

...

О расходящихся операционных линиях

1. Распыление сил против нескольких объектов одновременно

приводит к тому, что ни против одного не удается развить надлежащего натиска. Это ослабляет самих себя и предоставляет неприятелю случай разбить нас по частям. Удачных результатов можно ожидать лишь там, где удастся сосредоточить больше действующих сил, чем может противопоставить неприятель. Решение дают массы, сосредоточение создает силу, разделение – слабость.

Такой образ действия напоминает человека, который одновременно путается с сотней разнообразных дел. Он ни одного из них не доведет до конца.

2. Стратегический принцип гласит следующее: «Когда база протягивается настолько, что обе крайние операционные линии у объекта операции образуют угол больший чем 60°, то является возможность наступать, но не ранее».

Генерал Ллойд объясняет трудность оперирования в Америке необходимостью наступать по расходящимся линиям. Но, конечно, ясно, что от одного пункта на побережье в глубь страны можно наступать лишь по расходящимся линиям, если хотят хотя бы до известной степени обеспечить свои фланги и тыл.

При этом тыл и фланги противника всегда оказываются обеспеченными, тыл же и фланги высадившегося обеспечены тем менее, чем больше он продвинется вперед. Если он сильно углубится, то он настолько ослабит себя оставлением позади отдельных отрядов, что у него окажется недостаточно сил для атаки.

Существенные опасения будет возбуждать каждое движение противника по направлению к пункту высадки [22] . Попятное движение высадившихся частей окажется немедленно необходимым. Следовательно, наступательную войну невозможно удачно вести по расходящимся операционным линиям, конечно, при условии, что противник будет действовать целесообразно.

Глава 5

...

О параллельных операционных линиях

1. В предыдущей главе было указано, что необходимо прежде, чем предпринимать что-либо наступательное, базировать себя достаточным образом. Если операция достаточно базирована, то можно двигаться вперед и по параллельным операционным линиям, – чтобы одновременно атаковать несколько объектов,

расположенных на приблизительно параллельных с базой линиях, и которые, следовательно, досягаемы по операционным линиям, идущим также приблизительно параллельно друг другу.

Чертеж 2. AD – база, на которой расположены крепости A, B, C, D, являющиеся субъектами стольких же операционных линий, по которым к объектам E, F, G, H следуют корпуса 1, 2, 3 и 4. У каждого, конечно, возникнет замечание, что это называется одновременно предпринимать очень многое, и, следовательно, надо быть очень сильным, чтобы привести все намеченное в исполнение, а противник должен быть очень слабым, чтобы все это допустить.

Далее среди объектов E, F, G, H, по всей вероятности, должен быть один, достигнуть и овладеть которым является наиболее желательным, а следовательно, против него необходимо направить больше сил, чем против остальных.

Не все объекты вполне равноценны, один из пунктов E, F, G, H должен более представлять ключ к неприятельской стране, чем прочие; точно так же и в бою на неприятельской позиции заранее избирается пункт, который называют ключом позиции и против которого, главным образом, и направляют свои силы. Искусство обнаруживать этот пункт всегда очень ценилось у полководцев; его дает главным образом военный глазомер. Таким же образом и искусство открыть этот стратегический ключ, если можно так выразиться, главный объект, против которого надлежит действовать, по своей чрезвычайной важности поистине является отнюдь не маловажным достоинством полководца [23] .

2. Против главного объекта надо сосредоточивать больше сил, чем против остальных, и при этом нечего опасаться оказаться здесь чересчур сильным, разве что мы имеем исключительно большое превосходство над противником. В последнем случае, когда противник едва ли может рискнуть встретиться с нами в поле, было бы вполне целесообразно на широком стратегическом фронте вести наступление по параллельным операционным линиям в глубь неприятельской страны, чтобы захватить возможно большее пространство. Однако это положение нельзя выдвигать, как правило. Когда приходится иметь дело с врагом, который не может защищаться, тогда и искусство воевать совершенно излишне; оно изучается лишь для того, чтобы уметь выдержать борьбу с сильным противником. В настоящее время войны ведут между собой только крупные державы, и при этом не приходится встречать такого большого неравенства в силах.

3. Следовательно, против неприятеля, который может обороняться, наступление, распыленное по параллельным операционным линиям, во-первых, было бы безрезультатно и

бесцельно, потому что нигде не оказалось бы ни достаточно сил, ни достаточно времени, чтобы произвести давление и достигнуть объектов, а во-вторых, опасно в случае, если противник поступит так, как надлежит, и перейдет от оборонительной войны к наступательной.

Он всегда имеет возможность сосредоточиться путем форсированных или скрытных маршей, схватить за горло один из корпусов 1, 2, 3, 4, потрепать его, заставить выйти из операции и затем начать оперировать против тыла или линий подвоза остальных. Так как внедриться между двумя корпусами столь же мало шансов, как и между двумя бастионами, то атака фланговых корпусов 1 или 4 представляет наибольшие выгоды. После того как они окажутся оттесненными, центральные корпуса будут вынуждены перейти к оборонительной войне, так как им придется немедленно обратить фронт к флангу, чтобы прикрыть свои операционные линии и не быть смятыми фланговым ударом. Они должны будут двинуть назад отряды и даже протянуться до самой базы, чтобы образовать завесу для путей подвоза. Наступательная война уйдет в область воспоминаний. Однако так как параллельно оперирующая армия достаточно базирована, то она имеет то преимущество, что противник из страха быть самому отрезанным не рискнет развить обход так далеко, как в предыдущих случаях. Даже больше шансов на то, что действия, направленные из нашей базы, из крепостей A и D, заставят его поспешить обратно к своей базе. Если между корпусами 1, 2, 3, 4 имеются значительные интервалы, то и один из средних, конечно, может быть оттесненным противником без опасности для последнего, и тогда прилегающие операционные линии окажутся подверженными его нападениям, прежде чем удастся подоспеть одному из фланговых корпусов – 1-му или 4-му.

4. Я уже указал случаи, когда является целесообразным продвигаться по трем и более операционным линиям. Когда главные силы обращаются на один объект, а против других выдвигаются лишь с целью отвлечь противника, то создается совершенно иное оперативное положение, чем то, о котором здесь шла речь. Параллельно оперировать приходится лишь в тех случаях, когда в наличии имеется несколько в равной степени серьезных объектов, расположенных рядом; только о таких операциях здесь и говорится.

Чем больше силы разбрасываются, чем больше объектов, против которых предполагается одновременно действовать, тем более скверной является планировка операции, тем меньше открывается возможность где-либо достигнуть значительного результата, и вы оказываетесь повсеместно слишком слабыми,

чтобы оказать сопротивление соответственно сосредоточивающемуся противнику. Вы будете по частям разбиты и уничтожены, если только противник умеет воевать; создавать из войск стену – это самый неосмысленный способ ведения наступательной войны.

Если противник где-нибудь усиливается на линии объектов ЕН и вы сосредоточиваетесь соответственно против него, своевременно обнаружив неприятельские передвижения, то отсюда вытекают параллельные марши, в течение коих нельзя предпринять ничего наступательного. Подобное метание с фланга на фланг для того, кто хочет атаковать и завоевать, является крайне нецелесообразным; пройдет немного времени, и он окажется вынужденным перейти к оборонительной войне [24] . Таким образом, я полагаю возможным принять, что не следует обращаться к параллельным наступательным операциям, за исключением указанного случая, т. е. при наличии очень большого превосходства над противником.

Глава 6

...

Об операциях, заключенных в тупоугольный треугольник или в сектор в 90° и более

1. Количество градусов, которым должен измеряться объективный угол, в конце концов можно определить лишь для каждого данного случая в отдельности. Если кто-нибудь скажет, что я утверждаю, что необходимо визировать астролябией, чтобы определить, благоразумно ли начать осаду крепости или достаточно ли обеспечен подвоз с тыла к данной позиции, то я отвечу, что, прежде чем предпринять наступательную операцию, во всяком случае, необходимо по карте измерить величину объективного угла и принять ее во внимание; а впрочем, остроты не являются опровержением.

2. Величина объективного угла, являющегося единственным критерием добротности операции, представляется более решающей, чем направление базы, хотя последнее и не вовсе безразлично. Ввиду этого, из всех предыдущих исследований вытекает следующий принцип: «Прежде чем начать операцию против определенного объекта, необходимо организовать достаточно устойчивое базирование или быть базированным так, чтобы был достигнут объективный угол в 90 градусов и более, и,

следовательно, оперировать в треугольнике и секторе в столько же градусов».

Глава 7

...

О выгоднейшем направлении и о форме базиса [25]

1. После того как было доказано, что базис должен быть достаточного протяжения, чтобы образовать объективный угол в 90 градусов и более, мы перейдем теперь к обсуждению направления этого базиса. Правда, для внимательного читателя это должно само собой вытекать из предыдущего; однако мы не затрагивали данного вопроса по существу; он же настолько важен, что заслуживает, чтобы его подробно рассмотрели; тем более что мы уже говорили о наступательных операциях, развиваемых впереди базиса; в дальнейшем мы хотим говорить об отступлении от базиса в глубь собственной страны; порядок изложения требует в промежутке между двумя этими вопросами рассмотреть и то, что находится между ними. Эта часть и есть базис.

2. Ясно, что охватывающая противника дуга представляет наиболее выгодную форму базиса, так как внутри дуги AB (чертеж 3) противник не может занять никакой устойчивой позиции. Он находится в мешке, который можно затянуть. Вся территория, заключенная в дугу AB, не поддается защите. Все крепости, расположенные в ее пределах, должны попасть в руки противника, базированного столь удачно, так как около C нет объективного угла, а оно лежит на диаметре, окружающем AB, и все крепости, находящиеся между диаметром и окружностью, как, например, D и E, уже окружены и при надлежащем образе действий не могут быть защищены. Единственное, что может предпринять противник, это захват крепостей A и B как конечных пунктов базы, чтобы этим путем сократить дугу охвата. Все операции, предпринимаемые обороняющимся в пределах дуги, не могут ему удасться, и окруженную территорию он должен рассматривать как уже завоеванную неприятелем [26] .

3. Как вытекает из сказанного, противоположная форма – выпуклая дуга – является наименее удачным очертанием границы, или базиса. Крепости C и D (чертеж 4) очень подставлены противнику, и в сущности их невозможно удержать, как только он их отрежет двумя колонами E и F. Единственный способ противодействия – это операции, предпринятые из A и B в

стороны и несколько вперед, чтобы вызвать у E и F опасения за их собственные фланги и тыл и принудить их к отходу; можно постараться захватить какую-нибудь крепость, расположенную в районе G и H. Чем эксцентричнее дуга, чем больше она приближается к эллипсу, как, например, ACB (чертеж 5), тем меньше шансов удержать крепости, расположенные в районе C, и тем сильнее сказываются все вышеприведенные невыгодные стороны такого положения [27] .

4. Смешанный базис, образующий выпуклые и вогнутые дуги или углы, можно сравнить с крепостью, укрепления коей состоят из бастионов и куртин. В вогнутую часть дуги противник имеет столь же мало шансов проникнуть, как и в куртину, между двумя выдвинутыми флангами бастионов. Выгнутые части или в них расположенные крепости C D (чертеж 6) находятся в угрожаемом положении, но не в такой мере, как крепость C (чертеж 5), расположенная на изолированной выпуклой дуге, так как при нападении на C (чертеж 6) легко может быть устроена диверсия на неприятельской территории между E и F.

Но кто же не обратит внимания, что базис AG (чертеж 6) состоит собственно из двух рядов крепостей, расположенных по прямой C и D в первой линии, A, B и G во второй. Следовательно, имеются налицо все следствия, которых надо ожидать при прямом базисе.

5. Если бы концы базиса выдвигались вперед (чертеж 7), то это было бы, конечно, выгодным. Если выдвинутая вперед крепость расположена там, где кончается база, и она обеспечена большой рекой или даже морем, так что ее невозможно обойти, тогда эти выдвинутые вперед крепости A и B образуют очень страшные фланги, которых невозможно безнаказанно миновать. При поддержке этих крепостей можно легко устроить весьма угрожающую диверсию в тыл армии, продвигающейся между A и B, при том по неприятельской территории, в особенности если войска будут предварительно оттянуты от центра, сосредоточены у A и B, а затем действовать против фланга наступающей армии [28] .

Если же обе выдвинутые крепости не имеют опоры и витают в воздухе, то ясно, что они сами окажутся первой жертвой противника, который легко может их отрезать.

6. Остается еще рассмотреть лишь прямой базис, все крепости которого расположены приблизительно на одной прямой. Та база, которая протягивается за фланги неприятельской, и есть наилучшая. Ввиду этого база CD (чертеж 8) является более выгодной, чем база AB, так как против C и D [50] не расположено ни одной крепости. Следовательно, неприятельская страна

совершенно откроется для операций C и D в направлении на E и F. Отсюда вытекает правило, что против каждой неприятельской крепости по возможности надо стремиться построить свою. Однако существенно важно иметь таковые лишь против конечных крепостей базы. Между двумя крепостями, если они не слишком далеко отстоят друг от друга, проникнуть не так легко. Таким образом, одной крепости G могло бы быть достаточно для прикрытия пространства между C и D против крепостей A, H и B.

Глава 8

...

Об отступлении от базиса. – Об отступлении по одной линии и об отступлениях, концентрирующихся в остром или тупом углу

1. После того как мы рассмотрели вопросы о базированных наступательных операциях и о самом базисе, на очередь выдвигается вопрос об отступлении от базиса.

Отступление по одной операционной линии является весьма ошибочным. Предположим, что армия O (чертеж 9) отходит по линии AB. Ясно, что неприятель, выделив два корпуса D и D на фланги и назначив только небольшую часть своих сил E для того, чтобы следовать непосредственно за армией C и придерживать ее отступление, имеет возможность армию C отрезать от B или даже достичь B раньше нас. В последнем случае мы окажемся окруженными. Далее, вся местность, находящаяся правее и левее линии AB, попадает в руки неприятеля; а при отступлении стремятся прикрыть территорию настолько, насколько это только является возможным.

2. Столь же нецелесообразным являлось бы концентрическое отступление, посредством которого из широкой группировки мы бы концентрировались в более сосредоточенную, причем две крайние операционные линии AC и BC сходились бы в одну у объекта отступления C, образуя острый угол (чертеж 10) или тупой (чертеж 11). Здесь повторятся все недостатки отступления по одной операционной линии. Полководец может быть вынужден прибегнуть к такому отходу, если он важный пункт, например столицу, хочет прикрыть занятием выгодной позиции C. Однако это мероприятие окажется бесплодным, если неприятель понимает военное искусство и очерченным раньше способом будет оперировать против флангов. Позади лежащая страна

прикрывается много лучше, если мы будем нажимать на фланги вторгающегося неприятеля и сами перейдем от оборонительной к наступательной войне.

Занять позицию, ждать на ней неприятеля и переносить результаты его обходных движений – это худшее, что возможно только предпринять.

Глава 9

...

О параллельных и эксцентрических отступлениях

1. Отступление от базы AB (чертеж 12) по параллельным линиям так, чтобы корпуса 1, 2, 3 и 4 двигались по линиям AC, EG, FH и BD, правда, является более выгодным, чем вышеприведенное концентрическое отступление, во-первых, потому, что при параллельном отступлении лучше удается прикрывать страну, во-вторых, потому, что противник не так легко может броситься в обход нашего фланга, и в-третьих, потому, что вы сами оказываетесь в состоянии ударить во фланг противнику Его наступление будет задерживаться уже и тогда, если нам удастся все время приковывать его внимание к тому, что мы собираемся предпринять. Однако можно поступить еще лучше, сделав дальнейший шаг вперед и организовав эксцентрическое отступление.

2. Параллельные отступления основываются на мнении, что тот или иной пункт прикрывается лучше всего расположением прямо перед ним и что наступление противника останавливается только тогда, когда противопоставят себя ему прямо на его пути. Если верить нашим чувствам, это действительно так. Но наши чувства часто нас обманывают, оказываются блуждающими огоньками, которые заводят нас в топь. Так обстоит дело и в данном случае. Это положение не являлось вполне правильным даже для античного военного искусства [29] , а в наше время оно вовсе не отвечает действительности. Теперь развивающееся наступательное движение задерживается не путем расположения против сильнейшей его части, т. е. против фронта, а выдвижением против его слабейшей части – флангов и тем самым одновременно и тыла, что угрожает существованию противника и связи его с источниками его сил.

Ввиду этого эксцентрические отступления являются наилучшими. Если армия отступает от A, B, C, D, E (чертеж 13) на

F, G, H, J, K, то противник не может проникнуть в дугу FK, не подвергаясь опасности оказаться охваченным и окруженным.

Уже с давних времен существует правило, что при отступлении следует разбиваться на различные колонны и отряды, чтобы, как говорили, развлекать внимание противника.

Но эксцентрические отступления, насколько нам известно, никогда не выдвигались, как правило; мне кажется, я сумею доказать, что они представляют одно из важнейших правил войны.

Я уже говорил, что развлечение внимания противника в сущности является беспокойством, которое возбуждается у неприятеля относительно его флангов и тыла.

3. Что эксцентрические отступления являются наилучшими, это уже вытекает из того, что было сказано относительно нецелесообразности наступательных операций по расходящимся операционным линиям, а также единой операционной линии или по линиям, сходящимся под острым углом. Если в наступательной войне наиболее выгодными являются концентрические операции, то в оборонительной войне наилучшими должны быть эксцентрические. Сущность дела в обоих видах войны представляет полную противоположность, так как интересы наступательной и оборонительной войны противоположного свойства. Я все-таки коснусь, в частности, отступлений, хотя и очень кратко, чтобы избавить читателя от труда самому сделать самостоятельные выводы.

4. Учение об эксцентрических отступлениях критикуется теми, кто всегда озабочен сосредоточением собственной мощи. Но они не сумели из духа новейшей войны дойти до заключения, что свою мощь можно использовать лишь тогда, когда она выведена на фронт и развернута. Люди, стоящие друг возле друга, могут стрелять, люди же, которые стоят друг за другом в затылок, этого делать не могут.

Боевой порядок современных войск имеет недостаточно внутренней силы, чтобы прорвать противника натиском холодного оружия. Как придать такой сильный импульс боевому порядку, не ослабляя силы его огня, это я покажу в другом труде.

Эта всесторонняя слабость новейших фаланг и вызывает необходимость в растянутости, так как чем меньше можно добиться боем, тем больше надо стремиться достигнуть маневрированием.

Но я называю маневрированием и те случаи, когда против неприятеля выдвигают стрелков, а за ними, как за завесой, маневрируют в стороны, чтобы выиграть неприятельские фланги. Большинство современных боев, в сущности, является лишь

маневрированием.

5. Из современного сражения, являющегося, как сказано, только маневром [30] , легко выйти. Тяжелые пушки и конница прикрывают отступление. Если оно направляется в стороны и назад и ведется, таким образом, эксцентрически, то фланги преследующего неприятеля подпадают тактически и стратегически под такую угрозу, что он не только будет вынужден прервать преследование, но и повернуть свой фронт направо и налево.

В этом лежит тайна, как из кажущегося поражения извлечь результаты блестящей победы. Генерал, который после проигранного сражения сумеет обойти фланги своего противника, будет прославлен.

Фолар дает прекрасное правило: надо только вообразить себе, что поражения нет, и оно действительно прекратит свое бытие. Современные сражения поглощают сравнительно так мало сил, что Фридрих после такого сражения воспрянул бы с воскресшей мощью.

Чтобы извлечь пользу из проигранного боя, чтобы пожать после него все плоды победы, надо отходить эксцентрически – сперва тактически, затем стратегически. Первым вопросом при отступлении является быстрый выход из пределов поражения ружейного огня и картечи. Я не требую для этого момента эксцентрических движений. Но как только войска вышли из зоны действительного огня, начинается эксцентрическое отступление. Оно ведется на дальность пушечного выстрела тактически и продолжается затем стратегически. И оно перестает быть отступлением, как только наши фланговые колонны начнут продвигаться вперед.

Глава 10

...

Выводы из предыдущих рассуждений относительно духа новейшей системы войны

1. Из всего сказанного вытекает, что духу новейшей системы войны более свойственно выдвигать целью операций неприятельские магазины и линии подвоза, соединяющие их с армией, чем саму неприятельскую армию. Причина этому заключается в том, что новейшие армии не могут продолжительное время жить теми запасами, кои они имеют при

себе, и зависят от находящихся вне армий источников. В этом они напоминают людей нашего века, которые свое благополучие, равно как и всю свою сущность, полагают во внешности, а не ищут в самих себе. Магазины – это сердце, при повреждении которого разрушается коллективный человек, т. е. армия. Линии подвоза – это мускулы, перерезав которые мы парализуем весь военный организм. Так как магазины и линии подвоза могут находиться лишь сбоку или сзади, то выходит, что фланги и тыл должны являться предметом операций как в наступательной, так и в оборонительной войне. Отсюда, в свою очередь, следует, что надлежит избегать боев, по крайней мере фронтальных боев [31] . В наступательной войне гораздо легче принудить противника к отступательным движениям путем воздействия на средства его существования, т. е., как уже было сказано, на его фланги, чем стремиться посредством атаки силой выбить его из занимаемой позиции. Он весьма скоро найдет другую позицию, на которой вновь будет оказывать сопротивление.

2. В оборонительной войне скоро поймут всю бесплодность параллельных позиций и параллельных маршей, с целью создать плотину, которая бы остановила противника. Не существует ни одной позиции, как бы она ни была хорошо приспособлена к местности, как бы удачен ни был ее выбор для прикрытия территории, из которой нельзя было бы изгнать неприятеля быстрым маневром, направленным на фланг, даже если он располагает превосходными силами. Поэтому я могу трижды подписаться под правилом, хотя и являющимся новым, что в сущности никогда не следует вести оборонительной войны, а следует немедленно переходить к наступательной, действуя на неприятельские фланги и оперируя против его тыла. Даже будучи слабым, искусный полководец может атакой магазинов и линий подвоза принудить к отступлению и переходу к оборонительной войне более сильную армию, тем более что достаточно лишь приблизиться к операционным линиям, чтобы их убить, т. е. прекратить по ним движение. Таким образом, общее правило таково: «следует располагаться не прямо против неприятеля, а у него на фланге» [32] .

Глава 11

...

Различие между стратегией и тактикой

1. Прежде чем распространять правила стратегии на тактику, надо сначала установить, каково наше мнение о стратегии и тактике и где надо провести между ними границу.

Тактика во всем ее объеме является наукой о боевых передвижениях, имеющих своим предметом неприятеля; стратегия же – наука о передвижениях, в которых противник является целью, но не предметом [33] .

Тактика в тесном смысле является наукой о боевых передвижениях в пределах поля зрения неприятельской армии, точно так же как стратегия в широком смысле представляет науку о передвижениях, происходящих вне пределов зрения противника.

Это второе, более наглядное определение слишком ограничивает пределы тактики, исключая из ее сферы подход колонн к сражению; тем не менее последний относится к тактике и должен рассматриваться вместе с ней, так как он накладывает исключительно определенный отпечаток на тактические движения в узком смысле этого слова. Однако надо дать еще более наглядное определение. Для совершенно узких лбов надо давать и непросторные объяснения. Для них я введу еще поправку в данное мною определение и скажу: где обмениваются ударами, там тактика; где не дерутся – там стратегия.

Стратегия состоит из двух главных частей; марш и лагерь [34] . Тактика состоит из двух главных частей: развертывание и бой или атака и оборона. Все это вместе есть война.

Тактика является дополнением к стратегии. Первая заканчивает то, что подготавливает вторая. Тактика является ультиматумом стратегии; последняя ею заканчивается или с ней сливается. Как уже говорилось, началом тактики является развертывание походных колонн перед сражением. До этого момента – все стратегия, с этого момента – все тактика.

Глава 12

...

Тактические заключения

Все стратегические правила могут быть применены и к тактике, если только понятие базиса подменить линией фронта боевого порядка, а вместо операционных линий иметь в виду направления движений и стрельбы.

Можно всегда избежать боя, если только не подпускать противника на слишком близкое расстояние.

Никогда не следует встречать атаку, оставаясь на месте, а надо самим переходить к наступлению, разве что позиция будет почти неприступной.

Нет позиции, которая не могла бы быть обойденной.

Надо только развлекать противника на фронте, а самим набрасываться на один или оба его фланга.

Надо противника охватывать, т. е. иметь более длинный фронт, чем у него.

Когда вы находитесь на фланге противника, то вы охватываете его, хотя бы он был гораздо более многочислен.

Стрелковый бой в рассыпных строях выгоднее, чем ведение боя выравненными, сомкнутыми строями, которые к тому же быстро приходят в беспорядок.

Так как при применении рассыпного строя фронт растягивается на большее протяжение, то тем легче будет выйти на фланг противнику.

Пехота всегда должна поддерживаться конницей. Это достигается успешнее всего, когда последняя расположена во второй линии.

Лучшим построением против конницы является колонна. Следовательно, надо или сражаться в рассыпном строю, или свертываться в колонну.

Тем не менее опыт показывает, что пехота, даже построенная в колонну, гибнет под ударом конницы, если последняя мужественна; причина этому лежит в характере вооружения пехоты.

Поэтому пехота ни при каких обстоятельствах не должна быть оставлена без защищающей ее конницы; исключением является лишь такая местность, где конница неприменима.

Отступление из боя следует производить эксцентрически, весьма быстро и под защитой конницы. Так прикрытое отступление может вестись без особой опасности даже в беспорядке.

После проигранного боя надо немедленно направить мысль на организацию новой наступательной операции. Достаточно себе представить, что вы не разбиты, чтобы и в действительности перестать быть разбитым [35] . Надо ввязываться лишь в неупорный бой. Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование.

Глава 13

Из принципа базиса вытекает, что рано или поздно верх должны одержать массы, т. е. большее число бойцов и большее количество материальных средств, которыми ведется война, а не более высокая дисциплина, тактика или более высокий дух

борющегося против численного превосходства меньшинства, как это было в древности, разве что разница в численности не была достаточно значительна [36] .

1. При новой системе войны превосходство большего числа бойцов над меньшим вытекает уже из того, что нельзя позволять себя охватить, и из выгод, которые дает охват (окрыление). Если вы имеете больше людей, чем противник, и умеете надлежащим образом использовать это превосходство, то большие искусство и храбрость его солдат не помогут. Превосходные по качеству войска в лучшем случае могут победить тех, которые находятся непосредственно против их фронта; они могут их отбросить. Однако тем временем другие части противника окажутся на их флангах, а насколько это опасно, нам уже известно из предыдущего. Следовательно, чем дальше продвигаются победители, тем больше они подвергаются опасности быть окруженными и отрезанными от своих магазинов. Их должна беспрерывно беспокоить мысль о сохранении их сообщений. Если связь с базисом оказывается под угрозой, победители должны сменить попятным движением свое движение вперед и вместо того, чтобы преследовать побежденного противника, начать спешное отступление. Следовательно, нельзя сказать: с 30 000 человек обученных и храбрых войск я разобью трижды превосходного противника. Это могло бы иметь место лишь в том случае, если бы численно превосходное войско неумело руководилось, иначе – нет. Более храбрые и лучше дисциплинированные должны отходить, если будут выдвинуты отряды на их фланги.

Не говорите: они также могут выделить части, чтобы освободить свои фланги; этим путем они ни на шаг не подвинутся вперед, так как по существу это движение имеет оборонительный характер. Затем этот маневр еще сильнее раздробит более слабое войско, что приведет к утрате всех выгод, которые можно ожидать от сосредоточения сил. Следовательно, по-видимому, неизбежно, что более сильный очень скоро принудит к отступательным маневрам более слабого, и к тому же не давая боя.

2. Следовательно, в новейшее время победа будет на стороне превосходного числом, а не на стороне более храброго и более искушенного в тактическом искусстве. Однако превосходные числом должны быть искусно руководимы, так как иначе в бою фронт против фронта более храбрые и лучше обученные обратят противника в бегство.

Элементы, которыми ведется война, относятся к понятию м а с с в такой же степени, как и число бойцов. Последние не могут существовать без первых, что и является самым существенным.

Следовательно, количество продуктов питания определяет победу наравне с числом бойцов; то же можно сказать об обмундировании, оружии, пушках, боевых припасах, одним словом, обо всем, что необходимо для ведения войны. Таким образом, в новейших войнах решающим оказывается количество людей и материальных предметов.

Поскольку в наше время можно все иметь, если обладать деньгами, постольку количество последнего товара получает решающее значение; блеску золота до такой степени трудно противостоять, что нужные для войны предметы, не имеющиеся в собственной стране, можно купить даже в неприятельских государствах. Торговая связь между народами работает против разделения, образуемого войной. Я не хочу и упоминать о преимуществах подкупа как метода для достижения своих намерений. По этому поводу уже Монтекукколи говорил: для войны надо иметь три вещи, а именно: деньги, деньги и деньги [37] .

Однако материальные средства, которыми ведется война, независимы от денег в той степени, в какой важно их иметь близко под рукой и иметь возможность предупредить неприятеля в сборе большей их массы. Если бы какое-нибудь государство имело больше денег, чем враждебное ему, но меньше военного материала, под которым надо также подразумевать и людей, и если бы оно было вынуждено подвозить эти материальные средства войны издали, может быть, даже из-за моря, то оно, безусловно, не справилось бы с государством, более бедным в денежном отношении, но более богатым материальными средствами войны. Последнее государство скорее сосредоточило бы превосходную числом массу и подавило бы первое ее тяжестью. Государству, более богатому деньгами и более бедному в отношении материальных средств войны, и небольшие количества последних обошлись бы несравненно дороже, чем противнику, о котором можно сказать как раз обратное. Цена вещей растет прямо пропорционально протяжению, на которое их приходится транспортировать.

3. Следовательно, решающее значение получает возможность в более короткий срок сосредоточить большую массу материальных средств войны, по сравнению с противником; если кому-нибудь покажется странным, что я отношу людей также в категорию материальных средств войны, то я добавляю: и возможность сосредоточить большее число бойцов.

Однако одного нагромождения масс, требуемых для войны, недостаточно; они должны быть расположены упорядоченно, наиболее выгодным образом.

В предыдущих главах мы рассмотрели, каков этот наиболее выгодный способ. Принцип базиса учит, что материальные средства войны всех видов должны быть так же развернуты, как и бойцы перед каждым боем. Эти нагромождения будут только тогда действительны, когда они будут вытянуты в одну линию, одно рядом с другим, а не в затылок одно другому. Это есть стратегическое развертывание [38] . Так как сбор материальных средств может быть обеспечен лишь при группировке их в крепостях [39] , то в сущности линия стратегического развертывания прежде всего образуется рядом с укрепленными пунктами, расположенными друг возле друга.

Наиболее выгодное начертание – по вогнутой дуге, которую этот фронт образует против неприятеля. Если бы массы обеих сторон были равны и с одинаковым искусством маневрировали – предпосылка, правда, невозможная, – то очертание фронта, на котором эти массы развернулись бы, получило бы решающее значение, т. е. армия, охватывающая или развернутая на более длинном базисе, должна оттеснить противника.

Дитрих фон Бюлов О ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ [40]

Военная наука – стратегия и тактика (но отнюдь не искусство парадов и строевой муштры), или наука употребления сил государства для укрепления и защиты общества, во имя общественного блага и чести, как может она не заключать в себе политику?

Как может быть хороший дипломат, который не был бы в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат, так как на что пригодна хитрость без силы?

Карл V, дипломат, не мог создать всемирной монархии, потому что он не был военным! И его, одного из хитрейших хитрецов, перехитрил и выгнал воин Мориц.

Людовик XIV, дипломат, также стал неудачлив в своих планах, как только старуха Ментенон начала подбирать ему плохих генералов.

Победитель при Денене, Виллар, добыл Бурбонам испанскую корону. Меч воина выбил перо из руки дипломата.

Как могла бы наука, созданная, чтобы послушно руководить десницей общества, одновременно не быть наукой, руководящей внешними отношениями государства, раз она неизбежно содержит даже вопросы внутреннего управления? Почти все великие полководцы одновременно были и хорошими руководителями внутренних дел. Даже калмык [41] Аттила подтвердил бы это положение, если бы ему пришлось заниматься вопросами внутренней политики. Как может дипломат правильно оценивать силы противостоящих государств, если ему неизвестна сама наука о силах? Если ему, следовательно, неизвестны естественные границы государства, т. е. границы, обеспечивающие безопасность? Когда от его близоруких глаз ускользает момент, когда надо наступать, и он не усматривает времени, когда уже нельзя больше обороняться? Одним словом, знания шифровальщика не могут быть достаточны там, где необходимой основой является военная наука.

* * *

Политическая стратегия – не дипломатическая, так как

дипломаты редко бывают политиками – является еще неизвестной наукой; чтобы положить ей начало, я сообщу миру принципы политической стратегии, и не будет недостатка в светильниках, которые постараются их осветить.

Надо всеми силами обрушиваться на авангард и душить его, если главные силы неприятеля столь удалены, что не могут оказать ему поддержки, и если вообще позади виднеется хвост, подобный хвосту кометы. Но так как тактика вообще представляет только стратегию в тесных рамках и идет параллельно с ней, то этот принцип должен быть перенесен на стратегию, а с нее – и на высшую или политическую стратегию.

Так, надо набросить и затянуть удавку на горло ближайшего находящегося под рукой государства, входящего во враждебный союз, вы чувствуете, не правда ли, насколько благородно-эстетичны приводимые мною образы – прежде чем другие успеют прийти ему на помощь; это есть политическая стратегия. Надо уничтожить выдвинувшуюся армию того же государства, прежде чем подойдет двигающаяся на поддержку армия; это есть военная стратегия. Надо всеми силами обрушиваться на авангард, когда армия еще позади, это есть тактика. Таким образом, я устанавливаю три ступени военного искусства, критериями которых являются количество времени и пространства; и первым принципом науки, которую мне предстоит выдвинуть вновь, будет следующий: «политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей». Как военная стратегия регулирует операции одного похода, самое большее – одной войны, так политическая стратегия ориентируется на процветание и существование государства в течение веков и тысячелетий.

Дитрих фон Бюлов ГУСТАВ АДОЛЬФ В ГЕРМАНИИ

Правящая австрийская династия, воспитавшая целый ряд государей, которые тем более любили войну, чем меньше они лично делили ее опасности, хотела добиться гегемонии над всей Европой, но не брала на себя непосредственного руководства теми силами, которые одни могут дать господство. Только удачный выбор полководцев мог привести к цели этих невоинственных верховных военных вождей, но выбор этот, чтобы быть удачным, сам требует, чтобы его делал полководец…

Причиной войны была не религия, которая является внутренним делом и состоит в практике добра; причиной также не было соблюдение пустых обрядов, которые, если не являются символом политической партии, никого не интересуют; причина заключалась в грабеже церковных имуществ, который со времени реформации Лютера обогатил германских князей; а самостоятельность последних являлась единственным препятствием для неограниченного владычества австрийской династии в Германии. Религия давала повод к войне, так как никто не идет навстречу планам властолюбия, если последние не замаскированы…

ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ ГАБСБУРГ

Полное имя самого талантливого австрийского полководца периода Наполеоновских войн эрцгерцога Карла – Карл Людвиг Йохан Йозеф Лаурентиус Людвиг Иоанн фон Габсбург. По своему рождению он принадлежал к одной из древнейших и – как минимум, формально – к самой знатной семье Европы – правившей в Священной Римской империи династии Габсбургов. Он родился 5 сентября 1771 г. в принадлежавшей тем же Габсбургам итальянской Флоренция и стал третьим сыном в семье великого герцога Тосканского Пьетро Леопольда и его супруги Марии Луизы, дочери испанского короля Карла III Бурбона. 20 февраля 1790 г. скончался император Священной Римской империи Иосиф II, и его место на императорском престоле занял его брат – отец Карла, ставший с этого момента именоваться Леопольдом II. Впрочем, пробыть сыном императора ему оставалось недолго, уже в ноябре того же – 1790 – года он был усыновлен своей бездетной теткой эрцгерцогиней Марии Кристиной и ее супругом – правящим герцогом Альбертом Саксен-Тешенским. Подобный шаг был совершен по инициативе Леопольда II, который стремился, чтобы огромное состояние герцога Тешенского не попало в чужие руки. Так и произошло: после смерти герцога Альберта эрцгерцог Карл 10 февраля 1822 г. унаследовал титул герцога Тешен и земли Гюттен, Тешен, Альтенбург, Бели, роскошный дворец в Вене и богатейшую картинную галерею (Альбертина). Он стал родоначальником тешенской ветви дома Габсбургов.

Что интересно, в раннем детстве Карл отнюдь не предназначался для военной службы. Прежде всего из-за довольно слабого здоровья и к тому же постоянных эпилептических припадков, в связи с чем его августейшие родители сначала планировали пустить сына по церковной линии – происхождение гарантировало высокие посты. Однако затем все же традиции семьи Габсбургов победили и в возрасте 9 лет – в 1780 г. – эрцгерцог был назначен шефом 3-го пехотного полка.

В 1791 г. Карл отправился со своими новыми родителями в Нидерланды, а в следующем году начал действительную военную службу – причем, учитывая происхождение, сразу с командных постов: в сражении с французскими войсками при Жемаппе 6 ноября 1792 г., которое закончилось полным разгромом австрийцев, он командовал бригадой. С первого же боя все отметили храбрость и распорядительность молодого эрцгерцога. В 1793 г. он воевал в авангарде войск принца Фридриха Саксен-

Кобург-Заальфельдского, а в сражении при Альтенховене 1 марта того же года командовал кавалерийским полком и лихой атакой во многом способствовал победе австрийцев. В 1793 г. Карл был произведен в фельдмаршал-лейтенанты и назначен генерал-губернатором Австрийских Нидерландов. В следующем году под знаменами все того же принца Кобургского он принял участие в сражениях при Шлахтеме, Ландрецисе, Торнау и Флерюсе, но затем у него возникли серьезные разногласия с принцем по поводу планирования кампании, он был вынужден оставить армию и уехать в Вену, где ему «в компенсацию» присвоили звание фельдцейхмейстера.

В 1796 г., после потери Австрией бельгийских земель, Карл был назначен главнокомандующим Нижне-Рейнской (затем Верхне-Рейнской) армии и 10 февраля 1796 г. был произведен в имперские генерал-фельдмаршалы (Reichsgeneralfeldmarschall), став последним в истории Священной Римской империи человеком, получившим это звание. Карл успешно руководил армией в сражениях при Вецларе 15 июня 1796 г., где нанес поражение Самбро-Маасской армии Жана Батиста Журдана. Затем он сражался с Журданом и Рейнско-Мозельской армией Жана Моро при Раштадте, Тейнинге, Амберге, Вюцбурге, и в конце концов ему удалось отбросить армию Журдана за Рейн, тем самым поставив Моро в безвыходное положение и заставив его отвести свои войска, сведя на нет все предыдущие его удачи.

В этот момент Карл выступил с предложением заключить перемирие на Рейне, а его армию перебросить в Северную Италию и тем самым предотвратить возникновение кризиса на юге. Однако Гофкригсрат отклонил предложение Карла, а Итальянская кампания оказалась полностью проваленной. В 1797 г. после неудачных действий австрийских войск в Италии эрцгерцогу было приказано принять командование армией в Венеции. Но поправить положение он уже не смог и 18 апреля 1797 г. подписал в Леобене условия прелиминарного мира. Наступил непрочный мир и эрцгерцог в ноябре 1797 г. получил посты губернатора и генерал-капитана Богемии.

Вскоре вновь пришли дни войны, и после провала Раштаттского конгресса в 1799 г. Карл принял командование армией, действовавшей на Лехе. Он добился успеха при Острахе, Пфулендорфе, Штокахе, Некерау и принудил все того же Журдана отойти за Рейн. В этот момент пришел приказ Гофкригсрата идти на Рейн и тем самым оставив без поддержки русский корпус генерала А.М. Римского-Корсакова, который вскоре был полностью разгромлен под Цюрихом. 17 марта 1800 г. Карл, возмущенный действиями Гофкригсрата, оставил армию и уехал в

Богемию, где сформировал 25-тысячный добровольческий корпус, готовый противостоять французам в случае вторжения. Однако вскоре он заболел – сказалось слабое здоровье – и был вынужден отбыть на лечение.

Карл фактически отошел от дел – он вообще мало стремился к занятию высоких постов, постоянно отклоняя заманчивые предложения. Лишь после катастрофической для Австрии кампании 1800 г. и разгрома австрийцев при Маренго (14 июня) и Гогенлингене (3 декабря) Карл согласился вновь возглавить армию. Руководил отступлением войск и 25 декабря 1800 г. заключил с Францией перемирие в Штейере. По окончании военных действий, посчитав свою задачу выполненной, эрцгерцог покинул армию, вернувшись в ставшую ему родной Богемию.

Поражение 1800 г. привело к тому, что император Франц II – старший брат Карла – пришел к пониманию неотложной необходимости реформирования армии. 9 января 1801 г. эрцгерцог стал президентом Гофкригсрата. Он немедленно начал стремительными темпами ломать одряхлевшую военную систему Священной Римской империи, создавая на ее месте современную армию, которая могла бы потягаться с французами. Уже в декабре 1801 г. Карл создал ведомство президента Гофкригстара – фактически военное министерство, а в 1805 г. окончательно разогнал всем надоевший совет и лично возглавил созданное из своего управления Военное министерство. Сделано было много, но все же закончить реформы до новой войны – что было изначальной целью Карла – он не успел: полностью изменить характер и традиции австрийской армии ему было не по силам.

23 апреля 1805 г. в Санкт-Петербруге между Россией и Великобританией был подписан союзный договор, сформировавший Третью антифранцузскую коалицию, 8 августа к ней присоединилась и Священная Римская империя. Карлу было поручено принять командование австрийской армией в Венеции и руководить завоеванием Италии. Лишь 30 октября 1805 г. он принял участие в крупном сражении – у деревни Кальдиеро: здесь его 50-тысячная армия встретилась с 37-тысячным корпусом маршала Андре Массена. В целом ситуация складывалась вполне прилично: австрийцы удерживали позиции, потери французов росли, грозя перерасти в катастрофические. Надо было продолжить битву на следующий день, причем вариант, что французы потерпят поражение, был вполне реален. Однако в этот момент Карл получил известия о катастрофе под Ульмом, где 19 октября была разгромлена австрийская армия Карла Макка. После этого он оставил небольшой заслон и ночью вывел свою армию в Венгрию.

Было ясно, что реформы, начатые Карлом, необходимо продолжить. И вновь император Франц мог доверять лишь своему брату, которому он в 1806 г. дал неограниченные полномочия, объявив его главнокомандующим (генералиссимусом) имперской армией. Уже в январе 1806 г. в отставку было отправлено 25 генералов! В 1805–1809 гг. он полностью реорганизовал австрийскую армию, увеличив ее с 200 до 340 тысяч человек. Армия была сведена в 9 линейных и 2 резервных корпуса и делилась на 80 пехотных полков, 9 егерских батальонов, 8 кирасирских, 6 драгунских, 12 гусарских и 3 уланских полка. Австрийская артиллерия включала 760 полевых орудий, которые были выведены из состава полков и сведены в артиллерийские бригады.

С началом кампании 1809 г. эрцгерцог был назначен командующим главной Германской армией (включавшей в себя около 175 тысяч человек). Рано утром 10 апреля 1809 г. его армия начала переправляться через реку Инн у Браунау и вторгся на земли Баварии. Карл в очередной раз проявил себя блестящим полководцем, одержав победу в сражениях при Абенсберге и Ландсхуте. 22 апреля 1809 г. его войска потерпели поражение в сражении при Экмюле, во время которого Карл, увидев после начала боя, как разваливается его южный фланг, отдал приказ отходить к Ратисборну, что дало ему возможность избежать полного разгрома и сохранить боеспособную армию. В то же время после сражения написал императору: «Если у нас будет еще одно такое сражение, у меня не останется армии».

16 мая к армии эрцгерцога присоединился генерал И. Хиллер, и общая численность войск Карла достигла 115 тысяч человек, и на следующий день он организовал демонстрацию у Линца. 21 мая австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла нанесли поражение французской армии у Асперна, а 22 мая дали противнику кровопролитное сражение при Эсслинге. Здесь Карлу противостоял сам непобедимый Наполеон и эрцгерцог заставил его отступить! Потери австрийской армии составили ок. 23 тысяч человек, 6 пушек и 1 штандарт, противник же потерял ок. 37 тысяч человек. В качестве трофея австрийцам досталось 3 пушки, 2 знамени и 7 повозок с боеприпасами. Это стало первым крупным поражением Наполеона, хотя в целом эта победа Карла и не оказала существенного влияния на ход всей кампании.

Развить успех Карлу не удалось – эта победа отняла последние силы австрийской армии. 5–6 июля армия эрцгерцога (около 111 тысяч человек и 452 орудия) потерпела поражение от армии Наполеона (около 170 тысяч человек и 584 орудия) при Ваграме. Потери каждой из сторон составили около 25 тысяч

человек. Тем не менее и после этой катастрофы эрцгерцог провел блестящее отступление в имперские земли, сохранив армию, и 12 июля 1809 г. заключил в Цнайме перемирие.

После этой неудачной кампании самый талантливый австрийский полководец этих лет навсегда оставил армию, хотя и продолжал считаться ее главнокомандующим (генералиссимусом). Возможно, Карл посчитал, что почти десятилетия реформ, которые он решительно проводил, слишком мало дали австрийской армии и смысла в их продолжении нет. В кампанию 1813–1814 гг. он участия не принимал, и лишь в 1815 г., когда пришло известие о возвращении с острова Эльба Наполеона во Францию, Карл согласился принять пост военного губернатора Майнца.

Лишь оставив армию, эрцгерцог занялся своей личной жизнью: лишь в 44 года – 17 сентября 1815 г. – он сочетался узами брака. Его избранницей стала 18-летняя принцесса Генриетта Нассау-Вейльбург (1797–1829). Его сыновья занимали высокие посты в австрийской армии: старший – Альбрехт (3 августа 1817 – 18 февраля 1895) – в 1866 г. стал фельдмаршалом и главнокомандующим австрийской армией в Италии; Карл Фердинанд (29 июля 1818 – 20 ноября 1874) получил чин фельдмаршал-лейтенанта, Фридрих (14 мая 1821 – 5 октября 1847) – адмирала, а Вильгельм (21 апреля 1827 – 29 июля 1894) стал фельдмаршал-лейтенантом и генерал-инспектором артиллерии.

Ниже приводится отрывок из статьи «Научный фундамент эрцгерцога Карла», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

...

К.А. Залесский

* * *

Его наставления и уставы, изданные в 1806–1808 гг., представляют высокоценные труды. Это было первое переложение на бумагу, облечение в логическую форму новых явлений, выдвинутых революцией и Наполеоновскими войнами. Французские армии побеждали, руководствуясь в жизни еще неписаными нормами и формально не отбрасывая в архив

доставшиеся им от эпохи Бурбонов уставы. Перевод логики военной мысли в рельсы нового бытия – это заслуга Карла [42] . Он собрал энергичных и разумных офицеров, запротоколировал опыт новейших войн, сделал надлежащие выводы. С чрезвычайной быстротой были в период подготовки к 1809 г. разработаны новые уставы. Карл постарался, чтобы новые мысли были облечены и в новое слово, и пригласил для редактирования уставов известнейшего историка и поэта – Шиллера. Можно поэтому не удивляться, что различные фразы уставов Карла жили в австрийской армии до мировой войны включительно, что прусская комиссия 1811 г. с участием Клаузевица пересадила их в значительной части и в прусскую армию, и что в исковерканном переводом виде попали они и в русскую армию, где, конечно, отсутствовали те предпосылки, которые в Германии, стонущей под игом Наполеона, заставили Шиллера взяться за неблагодарную работу – перечеканку в яркие, навсегда запечатлевающие фразы серого словоизвержения уставных комиссий.

Сам эрцгерцог Карл свою мысль сосредоточивал преимущественно на вопросах стратегии. Мы приводим ниже отрывки из двух его трудов: наставления для австрийских генералов, напечатанного в 1806 г., но в большей своей части написанного, по-видимому, тремя годами раньше, и из изданного впервые в 1813 г. капитального труда «Основы стратегии» [43] . Последний труд, созданный в тиши кабинета изгнанника, более полно отражает нам образ мышления эрцгерцога Карла, но нам лично более нравится первое стратегическое наставление, написанное в пылу борьбы еще молодым полководцем (какая зрелая мысль в 32 года!), в котором впервые были провозглашены начала стратегии сокрушения. Читатель найдет у эрцгерцога Карла и Жомини очень много общих мыслей; даже формулировка начала ударности выливается в почти тождественные слова. Есть данные думать, что оригиналом является эрцгерцог Карл, а Жомини принадлежит заслуга отбора крупиц истины от фальши и частностей и широкой популяризации их.

В век эрцгерцога Карла наука не пользовалась в командном составе особым почетом; даже Беренхорст пришел к отрицанию военного искусства, размышляя над успехами невежественных революционных генералов. Тем больше заслуга эрцгерцога Карла, выдвинувшего мысль о необходимости научной подготовки к полководческой деятельности. Читателя, может быть, будет несколько смущать утверждение этого классика, что стратегия покоится на твердых математических истинах, и попытка его свести вопрос о безопасности операционной линии к нескольким

незамысловатым геометрическим теоремам [44] . Этот математический сор, против которого справедливо ополчился еще Жомини, в свое время являлся полезным оружием в борьбе с полуграмотностью генералов. Что это была далеко не борьба с ветряными мельницами, читатель может заключить хотя бы из того, что ее пришлось продолжать и три четверти века спустя позитивизму в лице Леваля.

Мы пожертвовали несколькими страницами настоящего издания, чтобы воспроизвести математические увлечения авторов, они характерны, они знаменуют пройденную страницу развития стратегических идей. Разумеется, когда мы встречаем попытку такого же математически-механического подхода в конце XIX в. (Гейсман П. «Тактика массовых армий»), мы только можем в недоумении пожать плечами. Но мы умышленно опустили очень характерную особенность трудов эрцгерцога Карла – переоценку последним географического элемента. Это было бы для нас слишком громоздким балластом. Эрцгерцог Карл слишком много искал на местности ключей для разрешения стратегических проблем. Увлечение географией чувствуется уже в начале деятельности австрийского полководца, но оно развилось в ссылке дальше в сильнейшей степени.

Мы выбросили теперь из нашего военного лексикона самый термин «стратегические и тактические ключи»; в нашей оценке обстановки условия местности представляют не решающий элемент, а только один из элементов. Нам сейчас географические преувеличения эрцгерцога Карла не угрожают, и мы лишь используем плоды их – включение военной географии в число основных военных дисциплин.

Очень любопытно построение труда эрцгерцога Карла «Основы стратегии». Полное его заглавие – «Основы стратегии, поясненные очерком кампании 1796 г. в пределах Германии». И у Ллойда, и у Виллизена теория стратегии явилась лишь обоснованием исходной точки зрения для критики подлежащих их исследованию войн. У эрцгерцога Карла 25 страниц первой части затрачиваются на изложение основ стратегии, а 84 страницы – на военно-географический анализ южногерманского театра военных действий; вторая часть представляет историю похода, вскрывающую влияние на ход событий географических факторов и большего или меньшего уважения полководцев к началам стратегии. Теория здесь не играет роли введения к исторической части труда; получается скорее впечатление, что эрцгерцог Карл прибегает к прикладному методу и на исторических фактах облекает в формы бытия дорогие ему истины. Этот метод получил впоследствии полное развитие у

Верди.

Много мыслей эрцгерцога Карла не производят сильного впечатления, так как они в деформированном виде сотни раз повторялись различными учебниками. Здесь они раскрываются перед читателями у своего истока; некоторые главы, например выводы из революционных войн и заключение «Наставления», а также введение к «Основам стратегии», и теперь сохранили свою свежесть и глубокий интерес.

И как полководец, и как писатель эрцгерцог Карл имеет один глубокий недостаток: он стратег с оглядкой. Катастрофы с австрийской армией Меласа в 1800 г. и армией Макка в 1805 г. произвели глубочайшее впечатление на эрцгерцога Карла, состарили его. Он выдвигает на первый план осторожность, отказ от риска, стремление воевать наверняка. Он призывает непрерывно заботиться о безопасности операционной линии, не допускать врага никогда на свои сообщения с базой. Смертельная боязнь дерзких приемов Наполеона проходит через эти строки. Это опыт побежденной, а не победившей армии. Встретившись в 1809 г. с Наполеоном, эрцгерцог развивал Регенсбургскую операцию с таким глубоким уважением к своему противнику, с таким предвкушением потери своих сообщений, что возможность торжества и победы становилась призрачной. Школа доктринеров – Жомини и Леера – заимствовала полностью эту оглядку у австрийского полководца, возвела ее в основу истинной теории и приписала дерзкому Наполеону такую же оглядку при ведении им операций.

У эрцгерцога Карла вместе с личным мужеством, равнявшимся храбрости Карла XII, удивительным образом связывалась эта стратегическая оглядка. Он часто бросался в рядах передовых частей в рукопашную схватку, но стратегически никогда не мог, забыв о всех возможных напастях, сосредоточиться на одной мысли о победе на решительном пункте. На памятнике в Вене скульптор изобразил эрцгерцога Карла на скачущем коне, с обломанным знаменем в руках, оглядывающимся назад. И этот образ непременно возникнет и в мозгу читателя, вдумавшегося в предлагаемые отрывки. В этом отношении прямой противоположностью учению австрийского полководца является труд Шлиффена «Канны», призывающий к величайшим дерзаниям, к величайшему риску, к преследованию самых головоломных целей. Не объясняется ли эта разница тем, что Шлиффен не чувствовал впереди себя Наполеона, с которым предстоит сыграть ответственную партию, и позади Шлиффена стояла германская армия, армия-победительница; что Шлиффен не чувствовал перед собой непреодолимой исторической силы,

выросшей из революции, которую так ясно схватывал и которой втайне поклонялся эрцгерцог Карл?

Неблагодарная была задача являться партнером Наполеона. Ее тяжесть сказалась и на походах, и на теоретических трудах австрийского стратега. Если он и в истории, и среди военных классиков сохранил высокую репутацию, то лишь благодаря необычайно внимательному и упорному размышлению и широкому научному подходу ко всем выпадавшим на него задачам.

...

Редакция

Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА [45]

Глава 1

Общие замечания о войне

Война – это наибольшее зло, которое может выпасть на долю государства или нации. Поэтому главной заботой правителя и ответственного генерала должно быть, как только вспыхнет война, немедленно же собрать все силы, коими только можно располагать, и приложить все усилия, чтобы война была возможно кратковременна и вскоре разрешилась наиболее благоприятным образом. Целью каждой войны должно быть достижение выгодного мира; только выгоды мира устойчивы, и счастье народам может дать только продолжительный мир, а следовательно, только мир может позволить правительствам достигнуть цели своего бытия.

Крупные цели могут быть достигнуты только решительными ударами. Поэтому важнейшее искусство генерала состоит в следующем: правильно определить момент и пункты, когда и где такие решительные удары могут быть нанесены с наибольшей вероятностью счастливых последствий.

Столь решительный удар возможен лишь при превосходстве в силах в пункте его нанесения.

Так как в большинстве случаев находящиеся друг против друга армии относительно равны по числу войск, то лишь один пункт может являться решительным, так как только в одном пункте могут быть сосредоточены численно превосходные войска.

Эти принципы, лежащие в природе войны и единственно ведущие к решительным результатам, позволяют следующим образом определить военное искусство: оно заключается в искусстве сосредоточивать и использовать на решительном пункте численно превосходные силы.

Это начало должно служить путеводной нитью каждому генералу как в операции самого крупного масштаба, так и в самом мельчайшем бою, и в наступательной, и в оборонительной войне, при всех возможных обстоятельствах.

Глава 2

О возможных видах войны

Существуют два вида войны:

1) наступательная война;

2) оборонительная война.

Решительное превосходство в количестве или в качестве войск или крупные выгоды, которые дают условия местности театра военных действий (эти выгоды могут быть созданы и искусственно, например, рядом крепостей и т. д.), позволяют полководцу вести войну наступательную; отсутствие же подобных условий у противника вынуждает его ограничиваться оборонительной войной.

Первый вид войны является во всех отношениях более выгодным: он скорее всего ведет к цели, и каждая операция облегчается тем, что противник вынужден сообразовать свое поведение с действующим наступательно.

Ничто не может служить оправданием государству, решившемуся вести оборонительную войну, кроме неизбежной необходимости или вероятности, быть может, даже уверенности в том, что в ближайшее время, либо вследствие изменения политических отношений, либо благодаря решительному удару, полководцу удастся перейти от оборонительной войны к наступательной.

Глава 3

Об операционном плане

При составлении плана операций никогда не следует упускать из вида главную задачу войны – возможно скорейшее достижение выгодного мира; следовательно, все должно быть направлено на то, чтобы решительными ударами возможно скорее принудить противника к миру.

Верный операционный план может быть составлен лишь после того, как будут получены точные сведения о средствах противника и местности, на которой придется оперировать.

Главное правило как наступательной, так и оборонительной войны заключается в следующем: никогда не избирать для главных сил операционной линии или позиции, позволяющих противнику оказаться ближе к нашей коммуникационной линии, к нашим магазинам и т. д., чем будем мы сами.

Полководец, с пренебрежением относящийся к этому правилу, после наиболее удачных событий легко может оказаться перед необходимостью отказаться от всех достигнутых преимуществ и начать позорнейшее отступление, не проиграв при этом ни одного сражения.

Глава 4

О наступательной войне

В наступательной войне главная задача полководца должна сводиться к тому, чтобы возможно скорее реализовать те выгоды, которые позволяют ему вести наступление, и решительными

операциями с самого начала спутать предположения противника и поставить его в положение, исключающее возможность когда-либо достигнуть превосходства.

Чтобы прийти к такому результату, поход должен быть начат на решительном пункте всеми силами; напротив, все прочие границы государства должны заниматься лишь количеством войск, строго необходимым, чтобы прикрыть эти провинции от покушений небольших неприятельских отрядов и не позволить противнику лишить нашу армию средств для продолжения войны.

Местность, долженствующая стать театром военных действий, будет либо открытой, либо защищенной крепостями, пересеченной или гористой.

В каждом из этих случаев пунктом, против которого надлежит направить наступление и оперировать всеми силами, является тот, который нас кратчайшим и скорейшим путем ведет в глубь неприятельской страны, не подвергая при этом опасности наши сообщения.

Ничто не может побудить полководца уклониться от этого принципа. Поэтому его первым стремлением должно быть – начать кампанию решительным сражением и принудить противника его принять; до этого момента он должен весьма рассчитывать каждый свой шаг и продвигаться вперед с величайшей осторожностью; но если сражение выиграно, то он должен продвигаться быстро и решительно, чтобы использовать победу и не дать противнику времени оправиться.

На открытой местности, где превосходство сил приобретает наиболее решающее значение, подобная операция сопряжена с наименьшими затруднениями. Гораздо больше сообразительности, точного знания местности и всех средств, которые может использовать противник, чтобы задержать наше продвижение, требуется, когда наступательная операция ведется на пересеченной или гористой местности; и в этом случае принцип оперировать сосредоточенными силами против решительного пункта остается неизменным; но, однако, лишь путем точного изучения местности, обеспечения тыла и флангов, выделения отрядов и соблюдения максимальной осторожности можно избежать опасности быть захваченным врасплох внезапным маневром неприятеля и мелкими его покушениями, для которых местность представляет достаточный простор, или же оказаться обреченным на бездеятельность и даже быть вынужденным к отступлению.

Глава 5

Об оборонительной войне

Принципы оборонительной войны большей частью могут

быть выведены из таковых наступательной войны.

Главной целью обороны является выигрыш времени, защита и обеспечение от предприятий неприятеля находящейся под нашей властью территории.

Первая из этих целей достигается уклонением от каждого решительного удара противника; вторая – путем сосредоточения в пункте, имеющем решающее значение для завоевания страны, всех сил, которые явится возможным постепенно собрать, и комбинации соответственных маневров с выбором хороших позиций.

Многие генералы впадали в ошибочное заблуждение, что страну надо прикрывать путем расстановки длинных кордонов и занятия всех пограничных пунктов; интересы обороны всей страны при этом приносились в жертву обороне какой-нибудь деревни или маленького участка территории; все выгоды оказывались на стороне противника, соединенными силами наступавшего на один из пунктов.

Поскольку к обширному завоеванию приводит только победа, одержанная на выгоднейшем пункте границы, постольку оно может быть предотвращено только тем, что противник будет силой здесь остановлен; для прикрытия остальной границы от мелких партий будут выделяться лишь незначительные отряды. Если противник разделит свои силы, чтобы одновременно повести наступление на нескольких участках, то тем самым он упускает из рук преимущество численного превосходства; тогда является возможность из того пункта, где сосредоточены все силы, последовательно атаковать и разбить отдельные его части и тем самым дать войне совершенно иной оборот.

При оборонительной войне в горах [46] также не следует отступать от основного принципа – сосредоточения сил на решительном пункте. Не надо впадать в ошибку из-за кажущихся выгод, которые нам даст оборона всех ведущих в страну проходов и перевалов.

Горы, подлежащие обороне, характеризуются тем, что имеют или только один главный перевал, или же несколько равно доступных путей, по которым противник может продвинуться до наших сообщений с магазинами и т. д.

В первом случае наши главные силы должны расположиться в этом проходе; оборонительная позиция избирается там, где доступ противника встречает наибольшие естественные препятствия; эти препятствия, конечно, должны быть немедленно искусственно умножены.

Авангард занимает выход из гор в равнину и не столько для обороны этого пункта, как для того, чтобы быть точно

ориентированным о движениях противника и об ошибках, которые он мог бы допустить; их немедленно надлежит использовать или путем перехода в наступление, или же каким-либо другим способом.

Если же в обороняемых горах имеется несколько одинаково выгодных для противника проходов, то оборона последних связана с большими трудностями, за исключением того случая, когда долины, по которым проходит большинство этих путей вторжения, соединяются между собой несколькими дорогами. Если дороги, которые могут служить для вторжения противника, соединяются в каком-нибудь пункте недалеко от входа в горы, то здесь должны быть сосредоточены главные силы армии, а перевалы занимаются лишь легкими войсками, для поддержания которых выдвигают отдельные отряды.

Когда противник атакует один из этих перевалов, все эти сторожевые части и выделенные отряды оттягиваются к армии, чтобы не подвергать их опасности оказаться отрезанными от своих главных сил, сообщений и магазинов, если противнику где-либо посчастливилось и удалось продвинуться вперед.

Условия обстановки и характер местности позволят начальнику решить немедленно, следует ли ожидать противника в том пункте, где расположена армия, и держаться чисто оборонительно, или же надлежит двинуться ему навстречу и его атаковать. Последнее все же в горной войне является предпочтительным, в особенности при наличии преимущества над противником в лучшем знакомстве с местностью и страной.

Такие горы, в которые ведут направляющиеся параллельно дороги, совершенно не сходящиеся или же сходящиеся лишь внутри страны, а следовательно, не имеющие сообщений между собой, встречаются исключительно редко [47] . Наиболее целесообразным способом их обороны является расположение сосредоточенной армии в одном из образуемых дефиле, по возможности в том, которое лежит ближе всего к неприятельской коммуникационной линии; остальные перевалы занимаются только отрядами. Таким путем противник лишается возможности предпринять что-нибудь серьезное, не подвергая большой опасности свои сообщения, прежде чем не будут разбиты или, по крайней мере, оттеснены главные силы армии; наша цель будет достигнута, если мы его вынудим действовать против того пункта, где мы в состоянии оказать наибольшее сопротивление.

При таком превосходстве неприятеля, которое позволяет ему не только противопоставить нашей армии превосходные силы, но одновременно вести энергичную операцию и в другом пункте, всякая оборона является почти невозможной.

Ни при каких условиях и даже при наибольшем расцвете счастья генерал не должен упускать из виду основного правила: не предпринимать ни одного шага, который в случае неудачи мог бы повлечь большие опасности, чем доставить выгод при удачном исходе.

Глава 6

О позициях, их обороне и атаке

Хорошей позицией можно назвать только такую, на которой армия может полностью разрешить задачи, входящие в план полководца, и которая в это же время достаточно обеспечивает армии выгодные условия вступления в бой на случай неприятельской атаки.

Важнейшими свойствами хорошей позиции являются надежные, непреодолимые для противника опоры на обоих крыльях, свободные сообщения по фронту, обеспеченное отступление по нескольким хорошим дорогам и местность перед фронтом, создающая затруднения противнику и, наоборот, позволяющая нам свободно использовать наше оружие и всецело командуемая и анфилируемая с данной позиции.

Позиции можно подразделить на два вида:

1) позиции, задача коих, в сущности, сводится лишь к защите района, в котором располагаются войска. Чем сильнее будет пересечена местность перед фронтом, на удалении свыше 1 или 11/2 пушечного выстрела, тем будет лучше, чтобы противнику представились всевозможные затруднения;

2) позиции, которые предназначаются для расположения армии и образуют только исходный пункт, откуда имеется в виду маневрировать против надвигающегося неприятеля: например, позиции, занимаемые на удалении 1/4 или 1/2 часа от значительного дефиле, чтобы ввести противника в соблазн, продвинуть через него армию и атаковать неприятеля в момент, когда часть его войск минует дефиле [48] .

Последние позиции должны иметь открытую местность перед фронтом или флангами, смотря по расположению пункта, против которого хотят двинуться, чтобы иметь возможность свободно маневрировать, в особенности если в нашем распоряжении имеется численно и качественно превосходная кавалерия.

К такому роду принадлежат по большей части позиции для обороны рек, или открытых районов, или таких участков, которые изобилуют путями, ведущими к одной и той же цели: подобные позиции преимущественно встречаются у пунктов, в которых сходятся главные дороги и рубежи.

Полководец никогда не должен занимать позиции или рисковать на малейшее предприятие, не оставив себе резерва,

который обеспечивал бы ему отступление при любом несчастном случае, позволял бы дать хороший оборот неудачным боям и завершить одержанную победу.

На войне часто приходится сталкиваться со случаем, когда полководец вынужден занимать позиции, лишенные того или иного существенного свойства хорошей позиции.

Засеки, наводнения, укрепления, занятие замков, устройство новых сообщений и т. д. являются вспомогательными средствами, которыми во многих случаях можно возместить недостатки позиции; однако если недостаток позиции кроется в характере местности, то этому крупному ущербу можно помочь только путем соответственного расположения войск, или же следует вовсе отказаться от занятия подобных позиций, как бы ни были велики представляемые ими выгоды, например:

1) во всех отношениях хорошая позиция, но имеющая в своем тылу значительное дефиле;

2) позиция, имеющая такую малую глубину, что на ней можно расположить только одну линию боевого порядка и т. д.

К наиболее отрицательным позициям относятся главным образом те, у которых оба крыла не имеют достаточной опоры и фланг которых протягивается по равнине, а также позиции, у которых опертым является только одно из крыльев, так как тогда противник может с величайшей выгодой атаковать обнаженное крыло расположенной армии, отбросить ее к опоре другого крыла, будь то река или болото, и этим путем уничтожить ее начисто.

Цель, которую мы стремимся достигнуть, ища опоры для наших крыльев, заключается в том, чтобы сделать недоступной атаке слабейшую часть нашего расположения. Если мы можем единственно нашим расположением лишить противника возможности охвата, то такое построение обеспечивает нас и на тот случай, когда характер позиции не позволяет достаточно надежно прислонить фланги. В этом отношении все преимущества имеет построение уступами, когда, в зависимости от требований данного случая и местности, позади угрожаемого крыла эшелонируются два, три или более уступов, притом так, чтобы они находились на удалении, допускающем взаимную поддержку. Противник будет лишен возможности взять во фланг армейское крыло, так как при этом ему пришлось бы обнажить собственный фланг перед находящимися на уступе частями; также он не сможет рискнуть более широким движением охватить и эти уступы, так как при этом он открыл бы нам свой путь отступления, свою коммуникационную линию и предоставил бы нам время самим фланговым маршем нанести ему удар во фланг

[49] .

Говоря кратко, цель – прикрытие и обеспечение крыльев – должна быть полностью достигнута.

Вообще можно привести бесконечное количество подобного рода случаев; каждая позиция требует иной группировки, иной диспозиции.

Задачей разумного полководца и является соответственное применение общих главных правил военного искусства и искусный подход к различным обстоятельствам и положениям, в которых он будет находиться.

Существует два метода принудить противника оставить свою позицию: или атаковать его и отбросить, что, безусловно, предпочтительнее при решительном численном и качественном превосходстве войск или при неудачном выборе противником позиции, или же заставить его отойти путем маневра. К последнему способу приходится прибегать в тех случаях, когда нельзя с уверенностью рассчитывать на счастливый исход атаки или же является желательным несколько отложить решительное сражение, чтобы путем наших движений сначала утомить противника, поставить его в невыгодное положение и тем прочнее обеспечить себе шансы на счастливый исход.

Эта цель достигается путем маршей, направленных на те пункты, откуда можно угрожать коммуникационной линии неприятеля или даже перерезать ее всей армией или летучими отрядами и разъездами; путем угрозы и движений на такие пункты, удержание которых имеет столь важное значение для противника, что он будет вынужден оставить свою позицию и т. д.

При атаке какой-нибудь позиции, главным образом, надо сообразить, каковы ее слабейшие пункты и какие ее пункты имеют столь решающее значение, что пока мы не сможем ими завладеть, всякая атака в ином месте является невозможной или по меньшей мере опасной.

К первым преимущественно относятся крылья, если они не имеют хорошей опоры, или особенно выдающиеся пункты, не получающие поддержки огнем с остальной позиции; к последним – укрепления, высоты, огонь с которых прикрывает фронт позиции и бьет во фланг всякой войсковой части, пожелавшей миновать их, с целью атаки позиции в другом месте, и те участки неприятельского расположения, которые так близко расположены к пути, который мы имеем в виду для нашего отступления в случае неудачной атаки, что смогли бы обстреливать его и т. д.

При самой атаке основной путеводной нитью должен служить принцип: сосредоточивать на решительном пункте все елико возможные силы и никогда не рисковать атаковать, если наши

сообщения и путь отступления не вполне обеспечены. В этом отношении будет предпочтительнее предпринять атаку на более трудном участке, чем атакой более выгодного участка подвергнуть себя опасности оказаться без обеспеченного отступления, и в случае неудачи встретить противника на своих сообщениях.

Глава 7

О демонстрациях

В каком бы положении ни находился полководец, из всех операций, которые он мог бы предпринять, только одна является истинной, наиболее целесообразной и отвечающей обстановке [50] .

Демонстраций же, наоборот, может быть столько, сколько фантазий может породить человеческий разум, уклонившийся с пути истины, но самой предпочтительной демонстрацией всегда является такая, которая похожа на вероятнейшую операцию. Такие демонстрации легче всего удаются, когда благоприятная обстановка или превосходство сил позволяют переходить в наступление; они опаснее всего для противника, вынужденного обороняться и сообразовать свои движения с предприятиями врага.

Чтобы не подвергаться опасности быть введенным в заблуждение демонстрациями, полководец прежде всего должен рассчитать, какая из всех операций, могущих быть предпринятыми противником, является для него наиболее целесообразной [51] . Против такой он должен заранее обеспечиться, снарядиться, сгруппироваться, сообразовать с ней все свои движения, и тогда он никогда не попадет впросак. Или противник будет действовать в соответствии с верными принципами, и к этому случаю мы окажемся подготовленными, или же он уклонится с этого пути и, следовательно, допустит ошибку, а таковую умный полководец всегда использует.

Как же в последнем случае полководец отличит, сводится ли цель противника исключительно к демонстрации, или же он действительно принял ошибочный план и предпринял нецелесообразные передвижения? Как он избежит опасности, не попасться в ловушку, не рискуя при этом игнорировать ошибку противника до тех пор, пока противник успеет ее загладить?

Эта военная проблема, одна из труднейших в военном искусстве, заслуживает особого рассмотрения.

Неприятельские демонстрации могут заключаться или только из подготовительных действий, или же из настоящих операций, как то: движений, маршей, продвижений вперед армии, отдельных отрядов и т. д.

За первыми следует внимательно наблюдать, но полководец ни в коем случае не должен покидать или ослаблять свои силы в пункте на основной операционной линии с целью предупредить противника в менее важном пункте, хотя бы он и сосредоточивал там войска.

Что касается второго случая, то при этом также нельзя принимать никаких решений, не получив самых верных сведений о маршах и силе противника, а также о тех пунктах, куда он направляет свои движения, хотя бы при этом и пришлось потерять некоторое время. Эту утрату всегда легче наверстать, и она принесет менее вреда, чем преждевременное оставление решительной позиции, уход с важной операционной линии.

Если подтвердится, что противник, сосредоточив свою армию, приступил к операциям в пункте, который мы не имели в виду, вдали от района группировки нашей армии, можно еще продолжить сохранение выжидательного положения и, может быть, попытаться путем принятия новой группировки и передвижений против фланга и тыла противника помешать его дальнейшему продвижению и принудить его отказаться от своей инициативы, чтобы на худой конец не рисковать своим путем отступления. Если же, напротив того, противник направляется так близко, что мы подвергаемся опасности, как бы он быстрым движением не предупредил нас на нашей коммуникационной линии, тогда, в зависимости от соотношения сил, надо или быстро атаковать противника, или же начать отступление, чтобы уклониться от боя в неподходящих условиях. Но никогда нельзя совершать одного из этих движений, не будучи твердо уверенным в том, что противник имеет в виду серьезную операцию и действительно приближается к такому пункту, откуда он может прежде нас достигнуть нашей коммуникационной линии. Ведь намерение противника может заключаться исключительно в том, чтобы заставить нас без боя очистить занимаемую позицию; устраивая поблизости демонстрацию, он сохраняет за собой возможность быстрым движением занять оставленную нами позицию, прежде чем мы успеем вновь на нее вернуться.

Если мы будем возможно дольше удерживать нашу позицию, то этот план окажется совершенно спутанным, и противник будет вынужден или обратить начатую им демонстрацию в настоящую операцию, или же приблизиться к нам и атаковать; в обоих случаях мы выигрываем время, чтобы использовать ошибку противника или уклониться от боя. Те же принципы, которые полководец не должен упускать из виду, чтобы не быть введенным в заблуждение демонстрациями, в меньшем масштабе должны руководить им и в день сражения.

Глава 8

Какие изменения вызвали последние французские войны в методах ведения войны

Война, начавшаяся в 1792 г. и закончившаяся у ворот Вены Штейерской конвенцией и последовавшим за ней в начале 1801 г. Люневильским миром, дает нам печальный пример самых ужасных последствий, вытекающих из того, что ведение войны начинается не со всеми наличными силами и не со всей возможной энергией, а с презрением к своему противнику.

Ни одна война не была начата при более благоприятных обстоятельствах. Неприятельская армия была совершенно дезорганизована, крепости, которые могли задержать австрийцев, не были ничем снабжены, значительная часть населения и даже часть армии рассматривала австрийцев как своих спасителей, которые одни могут восстановить порядок, спокойствие, а следовательно, и счастье внутри страны.

Однако в действующей армии имелось так мало сил, что эти преимущества не могли быть использованы. Правда, была сделана попытка вторжения в глубь страны, но предварительно не было создано надлежащего базиса путем взятия нескольких крепостей, не были предусмотрены необходимейшие потребности, не были обеспечены сообщения и недостаточно прикрыты районы, из которых предстояло наладить подвоз; поэтому эта операция была обречена на неудачу. Противник выигрывал время, собирал большие толпы людей, постепенно превращающихся в солдат, которые вскоре начали одерживать победы.

В действующую армию посыпались подкрепления – однако лишь частичные и лишь после проигранных сражений и кампаний.

Правда, иногда удавалось также и побеждать, но за недостатком сил из этих побед не было извлечено большой пользы.

Противник же, наоборот, по частям разбивал австрийцев и наконец дошел до ворот Вены, и здесь был продиктован мир, который, если бы война была надлежащим образом поставлена, должен был быть заключен у ворот Парижа.

Характерные изменения в методе ведения войны, явившиеся результатом последних французских войн, явились следствием большей подвижности войск, а следовательно, и армий; а эта подвижность родилась отчасти по нужде, а отчасти объясняется национальным характером французского народа. Революционная война вспыхнула неожиданно; необходимая подготовка по набору и довольствию армии не предшествовала ей; отсюда система

реквизиций как в своих пределах, так и в чужих странах; а из последней вытекла возможность скорых, неожиданно-быстрых передвижений; не было больше надобности в столь громоздких магазинах, явилась возможность уменьшить провиантский обоз, столь тормозивший всякое передвижение армий.

Французские армии были наскоро составлены из взятых по набору крестьян. Самое трудное в воспитании солдат – это внушение требования сохранять сомкнутый порядок, но преподать его в краткий срок было невозможно; поэтому, используя те преимущества, которые давал их по природе смелый, восприимчивый и легкомысленный характер, предоставили солдатам сражаться врассыпную.

Эти изменения в военном искусстве являлись сначала просто выходом по нужде, но в последующих походах они утряслись и сложились в систему, которую пришлось принять и другим армиям, так как достигнутая ею быстрота всех движений давала французским армиям решительный перевес.

Как следствие, явились столь быстро следующие один за другим переходы, что отдаленные передвижения неприятеля приобрели влияние на группировку армий, маневр стал комбинироваться на большом расстоянии; все это раньше было совершенно неизвестно.

Большая подвижность войск, в соединении с методом боя в рассыпном строю, отразилась также и на позиционном искусстве и осложнила оборонительную войну, так как местность, которая при старых формах организации армий и их методе боя являлась недоступной и непроходимой и, следовательно, могла быть использована как опора для крыльев и могла оставаться совершенно незанятой, теперь не только перестала представлять препятствие, но стала ареной действия, притом не единичных частей, а целых корпусов.

Эта эволюция многих привела к заблуждению, что можно чувствовать себя спокойным только в том случае, если все занято и войска разбросаны по всем пунктам.

Другие же отъявленные враги новшеств признавали вредным и нецелесообразным даже малейшее разделение своих войск в течение боя.

И размышление, и опыт будут все сильнее укреплять в сознании каждого военного принцип – никогда не разделять своих сил там, где должно состояться решение, и уяснят ему необходимость держать свои части в сборе, чтобы иметь возможность маневрировать; ведь при сосредоточении сил в решительном пункте, даже превосходное число разделенных, бродящих по окрестностям врагов не может нанести нам

решительный удар; наоборот, противник сам рискует быть рассеянным, если мы всеми силами ринемся против наиболее опасной для нас части, а в остальных пунктах будем лишь связывать врага: при правильном расчете атаки все прочие части неприятеля подойдут слишком поздно на помощь атакованной части и в то время, как она будет атакована, не смогут предпринять ничего решительного, чтобы спасти ее или выручить.

С другой стороны, если прислушаться к советам, которые дают опыт и знание человеческого сердца, то придется сознаться, что редко, особенно после длительной войны, удается встретить у войск достаточную выдержку, чтобы сохранять сомкнутость, когда отдельные неприятельские стрелки бродят вокруг, беспокоят их своим огнем и застреливают в строю отдельных людей.

Такой развернутый строй, подставленный под огонь рассыпанных стрелков, развалится вскоре сам: или он в беспорядке двинется на противника, тщетно надеясь, что он этим путем прикроется и отгонит их от себя, или каждый будет думать о своем спасении. В этих условиях разве противник не может твердо рассчитывать на победу, если позади стрелков у него имеется резерв, наносящий сомкнутый удар?

Таким образом, раз противник располагает стрелками, то является необходимость противопоставлять им подобный же род оружия; дело заключается только в том, чтобы установить правильное отношение силы частей, которые надлежит рассыпать в виде стрелков; не надо упускать из вида принципа, что лишь небольшая часть войск может быть рассыпана в виде стрелков, большая часть, напротив, должна держаться до решительного момента сомкнуто, в резерве.

Установление этой пропорции зависит от количества и качества как своих, так и неприятельских войск, от местности, на которой приходится драться, и т. д., одним словом, от условий данной обстановки.

Те функции, которые авангарды и сторожевое охранение выполняют в большом масштабе, стрелки должны разрешать в малом. Они должны занимать внимание противника, утомлять его, выводить из равновесия, держать в известном удалении его стрелков, производить разведку неприятельской позиции и подступов к ней и т. д. Одним словом, разумный полководец при наступлении и при обороне найдет применение стрелкам в период, предшествующий решительному бою, чтобы, так сказать, подготовить эффект, который должны произвести наступление или огонь сомкнутых частей: решительный удар он всегда будет

наносить сомкнутыми частями.

Глава 9

Заключение

Правила военного искусства всегда были, суть и будут одни и те же, так как они опираются на математические, бесспорные истины; по той же причине они малочисленны, так как подобных истин вообще существует немного.

Первый из всех этих принципов покоится на необходимости правильного расчета средств, которые необходимо использовать для достижения цели; ведь нельзя оспаривать истину, что без надлежащих средств ничто не может быть доведено до конца; этими средствами являются силы. Сил может быть много или мало, самого различного вида, но их должно быть столько, чтобы они соответствовали поставленной цели.

Для всякой силы есть время, когда она обладает наибольшей действенностью; если этот момент позади, то полезная работа идет на убыль и в конце концов совершенно поглощается внутренними трениями [52] .

В эпоху ее сильнейшей действенности от силы можно ожидать наибольших результатов. Полководцу нужно уметь правильно определять этот момент; отсюда вытекает расчет времени и вывод, что вернейшим средством победить является правильное определение момента, когда основная масса наших сил может дать наивысшую степень полезного усилия.

Другая математическая истина гласит, что нельзя ожидать никакого результата там, где противополагаются совершенно равные силы. Следовательно, чтобы иметь возможность надеяться на лучшее, надо обладать или суметь искусственно создать себе превосходство сил, причем последнее может заключаться в численности, высоких достоинствах войск, в способностях полководца, в географических данных и т. д.

Так как силы изнашиваются при производимом усилии, то их необходимо возмещать, чтобы они могли продолжать работать; отсюда вытекает решительная необходимость постоянно прикрывать свою коммуникационную линию и невозможность ведения сколько-нибудь солидной, длительной операции при отказе от этого положения.

Но почему же всегда только один пункт является решительным? Потому что это противоречило бы природе вещей, если бы существовало несколько во всех отношениях равных пунктов, а следовательно, только в одном пункте вернее всего может быть достигнута наибольшая цель.

Принципы военной науки малочисленны и неизменны; однако приложение их никогда не бывает и никогда не может

быть одинаково.

Каждое изменение в соотношении армий, их оружия, их силы, их группировки, каждое новое изобретение требует различного приложения этих правил. Да разве можно себе представить случай в человеческой жизни и особенно на войне, который ничем бы не отличался от имевшего место ранее события?

Чтобы заслужить имя полководца, недостаточно быть знакомым с принципами военной науки; надо уметь и применять их. Для этого недостаточно одного изучения трудов по тактике, так как встречающиеся случаи столь многочисленны и столь разнообразны, что указать определенные правила для всех них является невозможным.

Это искусство приложения может быть достигнуто лишь чтением военной истории, размышлением и оценкой событий прошлого, а также выработкой путем частых упражнений на местности знаний и глазомера. Одним словом, чтобы стать полководцем, надо самому себя к этому подготовить.

Эрцгерцог Карл Габсбург ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ

Введение

Настоящий труд имеет целью помочь подготовке полководцев для защиты отечества.

В руках полководца находится спасение или гибель отечества. Он часто должен принимать решения, от которых зависит судьба миллионов людей, не имея ни досуга, ни времени для подготовки, под гнетом требований момента, когда все бушует и в нем, и вокруг него, когда сотни предметов развлекают его внимание и треплют его чувства; этим решениям должно предшествовать познание истины – истины, которая в нормальных условиях открывается и различается от мнимого и ложного лишь путем зрелых и хладнокровных размышлений.

Всякое осуществление решений неизбежно требует времени, а дело, требующее решения, предстает перед полководцем часто лишь в тот момент, когда ему уже нужно приступать к выполнению. Оценка обстановки, принятие решения и его осуществление настолько быстро теснятся друг за другом, что полководец должен обладать способностью одним взглядом охватить все в целом, усмотреть следствия различных решений и в тот же момент избрать лучшее и определить наиболее целесообразный метод его выполнения.

Столь сильным, проникновенным и всеохватывающим глазомером может обладать лишь тот, кто путем глубокого размышления постиг сущность войны, приобрел основательное знание ее законов и вполне усвоил науку о войне, лишь тот, кто на опыте познал неоспоримую истину ее принципов и изучил искусство их приложения; наконец, способность свободно, быстро, уверенно решать будет иметь лишь тот, кому полнота знания обеспечивает убежденность, что он принимает правильное решение.

Да убедит это замечание всех, кто чувствует в себе мужество и способности, чтобы подняться на полководческий пост, как много для этого требуется; пусть эти соображения поощрят их развивать необходимые для этого свойства.

Крупная цель может быть достигнута лишь при большом напряжении: но велика и награда в виде благодарности отечества и уважения современников и будущих поколений; велика от чувства собственного достоинства, от сознания силы и своих заслуг.

Усилия научного порядка и опыт создают полководца; но не исключительно личный опыт, так как какая человеческая жизнь достаточно богата делами, чтобы дать его в полном объеме, и кто мог когда-либо упражняться в трудном искусстве полководца, прежде чем он достиг этой желанной должности, а также и обогащение своего знания чужим опытом, путем познания и оценки прежних исследований, посредством сравнительного изучения знаменитых походов и чреватых последствиями событий военной истории.

Как далеко подвинется человек, который, имея эти предварительные знания, начнет там, где закончили другие, и с неменьшим напряжением будет продолжать разматывать клубок с того места, до которого добрались его предшественники. Столь распространенная в наше время фраза, что великие полководцы таковыми рождаются и не нуждаются в каком бы то ни было образовании, является одним из грубейших заблуждений современности, одним из тех однобоких общих мест, опираясь на которые наглые или ленивые и малодушные хотят избавиться от тяжелых усилий на пути к совершенству.

Гений родится, но великий человек должен быть подготовлен; гений есть зачаток, но не завершение. Правда, иногда он в своем учении делает скачки и обгоняет опыт; он инстинктивно постигает результат и не останавливается на принципе, который развивается в его душе как неизвестная величина. Но гораздо чаще он витает среди гибельных заблуждений, и если его полет когда-нибудь достигает бессмертия, то это преимущественно является не заслугой гениальности, а следствием счастливой случайности.

Таким образом гений должен получить известное направление; он должен быть просвещен, обогащен, обуздан путем ли случая или удачно сложившихся обстоятельств, посторонними влияниями, необходимостью, сцеплением важных событий, размышлением или личным опытом, – одним словом, он должен быть образован.

Если до сих пор еще ни один человек не стал великим полководцем, не будучи гением, то все же мы находим в военной истории примеры, как образованные вожди армий, имевшие менее гениальные задатки, побеждали необработанных гениев, если они только соединяли в себе твердую решимость и упорство с предусмотрительностью.

Данный труд является результатом размышлений и плодом как своего, так и чужого опыта. Предметом его является собственно наука о войне, которая в отличие от военного искусства, или тактики, именуется стратегией. Намерение автора

осуществится, и его труд будет вознагражден, если ему удастся облегчить первые шаги человеку, посвящающему себя великому призванию стать опорой своего отечества.

Глава 1

Определение стратегии

Стратегия – это наука о войне. Она намечает план, обнимает и определяет ход военных операций; она является подлинной наукой верховного полководца.

Тактика – это военное искусство. Она учит методам осуществления стратегических предположений и является непременным искусством каждого строевого начальника.

Стратегия определяет решительные пункты, владение коими необходимо для достижения намеченной цели и намечает связывающие их линии. Если эти пункты уже обеспечены за нами, то вместе с соединяющими линиями они образуют при оборонительной войне оборонительную линию, при наступательной войне – операционный базис; если же до этих пунктов нужно еще добраться, то они носят названия операционных объектов, а ведущие к ним линии именуются операционными линиями.

Армия, которая ограничивается удержанием уже занимаемых стратегических пунктов и передвигается лишь между ними, действует строго оборонительно. Как только она исходит от этих пунктов, как из базы, чтобы выиграть другие стратегические пункты – операционные объекты, – она переходит в наступление.

Каждый стратегический проект должен быть осуществлен тактически. Тактика учит, как располагать, использовать и руководить войсками на стратегических пунктах и как передвигать их по этим линиям, чтобы достигнуть стратегической цели: следовательно, тактика подчиняется стратегии.

Стратегия и тактика тесно связаны между собой. Тактические ошибки могут повлечь за собой потерю стратегических пунктов и линий, и, напротив, самые лучшие тактические мероприятия редко приведут к устойчивому успеху, если только они имеют место на участках или направлениях, лишенных стратегического значения. В тех случаях, когда возникает противоречие между стратегией и тактикой, а именно когда стратегические требования вступают в коллизию с тактическими преимуществами, то первые, обыкновенно, одерживают верх и перевешивают последние, потому что стратегические пункты и линии обусловливаются характером театра военных действий, и изменить их не во власти полководца; тактика же в своем искусстве находит средства путем различных методов употребления войск, устройством укреплений, засек и т. д.

устранить недостатки невыгодной позиции.

Глава 2

Основные положения стратегии

События войны имеют столь решительное значение, что первым долгом полководца является забота о возможно большем обеспечении успеха. Но успех может иметь место лишь там, где имеются в наличии все необходимые для ведения войны средства; следовательно, успех может иметь только армия, владеющая территорией, откуда эти средства извлекаются, и путями, по которым они подвозятся.

Поэтому каждая группировка и каждый марш должны вполне обеспечивать ключи лежащей позади страны и операционный базис, на котором сосредоточиваются запасы, сообщения с последним и операционную линию, избранную армией, чтобы дойти от базиса до операционного объекта. Таково основное положение, от которого никогда нельзя отступать и в котором кроется сущность стратегии.

Каждая сила дает результат только на том удалении, на котором она может действовать; следовательно, действие пункта, в котором находится армия, распространяется лишь постольку, поскольку противник не может его миновать и достигнуть другого стратегического пункта прежде, чем его там не предупредят и не преградят ему путь или не нажмут на его сообщения, фланги и тыл.

Пусть будет a (черт. 1) пунктом [53] , на котором находится армия, b – расположение неприятеля; тогда a прикрывает весь район, расположенный позади линии cd, которая в точке a горизонтально или под прямым углом пересекает вертикальную линию ab; так как линии между точками b и c или d образуют гипотенузы прямоугольных треугольников и, следовательно, длиннее, чем катеты ac или ad. Поэтому всякое движение противника из b к линии cd, при равных прочих обстоятельствах, может быть предупреждено из расположения a.

Если пересечь расстояние ab (черт. 2) между обеими сторонами по середине i горизонтальной линией ef, то пункт или расположение a будет прикрывать еще и все пространство, находящееся позади означенной линии, так как a и b находятся на одинаковом удалении от этой линии.

Если противник должен прикрывать точку b и может отступить только через нее, то расположение в точке a на касательной будет прикрывать все пространство, находящееся вне окружности, центром которой является b, а радиусом ba; потому что всякая точка, расположенная вне данной окружности, или более удалена от b, чем от a, или более, чем a от b.

Следовательно, армия, расположенная в a, может или предупредить противника в точке x, если линия xb проходит через один из равносторонних треугольников bac или bad, или же может раньше противника достигнуть точки b, через которую неизбежно должно последовать его отступление, если операционный объект противника, например z, и ведущая к нему операционная линия расположены вне этих треугольников.

Если точка a (черт. 4) должна быть прикрыта от противника b, то армия от a никогда не должна уходить за пределы окружности ced, радиусом которой является ab, пока противник находится в b, потому что всякое большее удаление армии от a предоставит этот пункт неприятелю.

Армия, которая бы, например, захотела продвинуться от a (черт. 5) через точку c к точке f, пока противник расположен у b, оставила бы неприкрытой как точку a, так и часть ga своей операционной линии fa; потому что fg = gb, а b ближе расположен к части операционной линии ga, чем f.

Если захотеть наступать из a (черт. 6) через точку c и достигнуть f, то прежде всего надо противника заставить настолько отойти от b к точке x, чтобы как a, так и вся линия fa лежали вне перпендикуляра tn, восстановленного из середины линии fx к стороне операционной линии fa. Ведь fnx является равнобедренным треугольником, а следовательно, fn = nx, и при прочих равных обстоятельствах тем самым создается возможность предупредить противника, который захотел бы воздействовать на сообщения fa во время движения от a к f.

Вообще для безопасности точки a (черт. 7) и операционной линии fa противник никогда не должен быть терпим на фланге этой линии в черте окружности, центром которой является a, а радиусом fa; тогда перпендикуляры tn, восстановленные из середины линии, проведенной между операционным объектом f и неприятельским расположением x, не пересекут линии fa.

Так как на войне величина расстояния исчисляется не просто по длине линий, но по времени, в которое оно может быть пройдено, то иногда бывает, что такие препятствия, как непроходимая местность, река p, крепости q, r и т. д. (черт. 8), заграждающие противнику подход к операционной линии, позволяют обойтись без удаления противника на такую дистанцию; тем не менее они делают его излишним лишь в такой мере и постольку, поскольку распространяется действие подобных препятствий, и насколько задержка, которую они обеспечивают, устраняет опасность нахождения противника на меньшем удалении.

Из сказанного вытекает степень безопасности при различных

направлениях операционного базиса, операционных линий и коммуникационных линий, а также расчет, позволяющий соблюсти эту безопасность при всяком движении.

Если прикрытию базиса и сообщений в полном объеме уделено должное внимание при составлении стратегического плана и если полководец сумел создать себе в этом полную уверенность, то можно устремляться в наступление с самой дерзкой энергией, а при обороне до крайности защищать любую занимаемую позицию. Но и то и другое становится невозможным, и государство подвергается самым пагубным последствиям, если будет допущено пренебрежение к этой важнейшей основе.

Полководец, действующий на основании этих принципов, имеет такое превосходство над непридерживающимся их, что последний редко может успеть в чем-нибудь, или же этот успех достанется ему лишь ценой величайших жертв. Следовательно, величайшая выгода заключается в том, чтобы открытой силой или путем маневра заставить противника отступить от этой основы стратегии, оставаясь самому верным ей.

Стратегические пункты и линии являются теми средствами, которые театр военных действий дает для применения правил стратегии; учение о развитии операций и об оборонительном расположении указывает метод их применения.

Глава 3

Об операциях

Каждая операция опирается на базис, имеет целью достижение определенного объекта и ведется по операционным линиям, соединяющим базис с объектом.

Операция охватывает или течение всей войны, или всего одной кампании, или же она стремится к занятию лишь какого-нибудь стратегического пункта и достижению связанных с ним выгод.

Выбор пункта, к достижению которого операция должна привести, не является произвольным, так как он должен остановиться лишь на том, с овладением которым связан наиболее решительный результат. Установление базиса подчиняется выбору операционного объекта, однако при неукоснительном учете географических условий театра войны.

Выбор операционных линий и исходного пункта, откуда развивается операция для достижения очередного объекта, не всегда зависит от географических преимуществ операционной линии, а часто вытекает из совершенно отличных обстоятельств и совершенно посторонних причин. Группировка войск обеих сторон; близость или удаленность от района, откуда ожидаются подкрепления; преимущества, обусловленные тем, что избранная

операционная линия прикрывает более обширную часть своей территории, характер местности, по которой пролегает данная линия, в отношении его к имеющимся у нас родам войск, и тем, в которых мы превосходим противника; степень важности, которую придает противник тому или иному направлению; степень сопротивляемости расположенных на нем пунктов и т. д. – коротко говоря, этот выбор должен следовать за оценкой всех действующих на войне и поддающихся предварительному учету обстоятельств и определяется ею.

Сложные и основанные на взаимодействии отдельных комбинаций маневры в стратегии приносят еще больший вред, чем в тактике, потому что в стратегии расстояния между отдельными направлениями больше, а следовательно, верный расчет в соблюдении точности во времени является более затруднительным. Преимущества, которые они дают, зависят от счастливой случайности и к тому же всегда бывают значительно меньше тех, которые получаются, когда все силы в совокупности оперируют против решительного пункта. Когда в основе решения наступать лежит явное превосходство наших сил, то наиболее благоразумным направлением наших операций явится операционная линия, кратчайшим образом соединяющая базис с объектом, с целью захвата последнего открытой силой: этим путем достигается двойная выгода краткости расстояния, следовательно, и выигрыша времени, и разгрома сил обороняющего, и, следовательно, уничтожения всякого дальнейшего сопротивления в других пунктах. Но если превосходство сил не столь значительно, чтобы можно было с уверенностью рассчитывать на успех подобного предприятия и на то, что удастся силой вытолкать противника из занимаемых его развертыванием стратегических пунктов, то этой цели нужно достигнуть посредством маневра.

Вообще существует только один маневр, чтобы принудить противника оставить какой-нибудь стратегический пункт: надо угрожать ему захватом его операционной или коммуникационной линии или пункта, намеченного им для отступления и который он прикрывает своим выдвижением.

Этот маневр, вынуждающий нас отклоняться от линии, идущей перпендикулярно к расположению противника, чтобы обойти его фланг, может являться обеспеченным лишь при условии, что на время этого марша или удастся найти другую пригодную для отступления стратегическую линию, или же если линия, являвшаяся исходной, настолько сильна по природным свойствам или по искусственным укреплениям и настолько прочно занята, что противник не в состоянии овладеть ею прежде,

чем мы заставим его обходом оставить свою позицию.

Расчет времени, которое можно затратить на обход, основывается на относительной силе укрепленных пунктов и на продолжительности сопротивления, которое они в состоянии оказать противнику. Демонстрации, которые должны сопровождать подобное движение, безусловно необходимые быстрота, предусмотрительность, скрытность и т. д., одним словом – метод выполнения относятся к области тактики.

Однако нередко бывает, что и при наступлении оказывается неизбежным в течение одной операции покинуть стратегическую линию, на которой мы находимся, чтобы занять другую; например, вследствие непредвиденных, трудно преодолимых препятствий, или вследствие неожиданной и неучтенной операции противника, или вследствие приближения к району, откуда ожидаются сильные подкрепления и т. д. Если при этом в нашем распоряжении имеется достаточное время, то подобное изменение операционной линии может происходить там, где старая линия и вновь занимаемая связываются стратегической линией [54] . Но если марш не может быть прерван, то он должен быть выполнен быстро и осторожно, но при непременном условии, чтобы не грозила опасность – покинув одну операционную линию и не сумев предупредить противника в занятии другой – потерять вовсе свою линию отступления; это замечание имеет свою силу и для всех движений от одного стратегического пункта к другому или от одной линии к другой. Вообще стратегия не может обойтись без быстроты движения; ведь преимущества, которые мы приобретаем над не чересчур невежественным противником, редко бывают с первого же момента очень значительными и становятся важными лишь в своих последствиях.

Выигрыш времени хотя бы на один-единственный переход может оказаться решающим, но его надо уметь удержать за собой путем энергичной деятельности; сам по себе он слишком мал, и более деятельный и быстро маневрирующий противник вновь его легко наверстает. Обход не имеет никакого значения, если он развивается так медленно, что дает противнику время изменить свою группировку или предпринять контрманевр.

Против обхода имеются различные средства, но успех их зависит главным образом от быстроты принятия решения и выполнения; в зависимости от отношения наших сил к противнику и обстановки, в которой мы находимся, мы можем обратиться к следующим способам: движение к пункту, который стремится занять противник, чтобы его там предупредить; атака противника на марше; наступление на неприятельскую

коммуникационную линию, поскольку при этом мы не рискуем собственными сообщениями и т. д.

Правда, все эти методы опираются на предпосылку неправильного расчета времени противником; однако ввести неприятеля в подобное заблуждение – таковая хитрость и искусство входят в компетенцию умного полководца. Демонстрации, ложные слухи, разрушение дорог и мостов, даже пожертвование некоторыми своими частями и т. д. могут задержать или замедлить движение неприятеля и помочь достижению наших намерений. На худой конец лучше отойти и оборонять тыловой стратегический пункт, чем позволить себя обойти [55] .

Глава 4

Особенности стратегии

От стратегических планов зависит удачный или неудачный исход охватываемой им операции, кампании или всей войны. Они определяют момент сражения; они создают для сражения возможно благоприятную обстановку; они заранее очерчивают как результаты победы, так и пределы неудачного развития событий. Правда, тактические ошибки могут явиться помехой их осуществлению, быть может, даже повести к их полному извращению; однако чаще стратегические планы окажутся в силах исправить ущерб, обусловленный тактическими промахами.

При посредстве тактики выигрывается сражение, дать которое указывает стратегия. Если сражение дается не под влиянием последней, т. е. место и время сражения не являются плодом стратегического расчета, то сражение редко будет иметь последствия, выходящие за пределы минутных выгод. Часто поэтому кампании, обильные делами, в которых вожди являлись скорее тактиками, чем стратегами, в общем оказывались менее решительными, не влекли за собой столь крупных последствий, не так быстро приводили к конечному пункту войны и заканчивалась скорее из-за обоюдного истощения сторон, чем кампании, в которых стратегический гений полководца охватывал весь театр войны, направлял натиск на операционные линии противника, открывал слабое место его базы или опорных точек, овладевал сообщениями с основным источником средств существования его армии, спутывал его операции и часто единственным сражением, предпринятым в соответствии с принципами стратегии и осуществленным по принципам тактики, уничтожал боеспособность своего врага.

Бывают случаи, когда тактика может обусловить стратегический успех, не входивший в первоначальный план; например, при намеченном прорыве в каком-нибудь пункте будет

усмотрена возможность так разрешить эту задачу, что одновременно будет перехвачен и стратегический путь отступления противника.

В подобных случаях правила тактики и в выполнении часто должны допускать исключения в пользу преобладающего значения стратегического успеха. Если бы пункт атаки, открывающий доступ к пути отступления неприятеля, с тактической точки зрения и не являлся более выгодным, все же ему должно быть оказано предпочтение перед всеми остальными, поскольку он не препятствует разрешению первой большой стратегической задачи – в данном примере прорыву участка неприятельского фронта, и при этом создает вероятность присовокупить и второй стратегический успех.

Преимущество, приобретаемое над противником от использования стратегических линий, которыми последний пренебрегает или которые неправильно оценивает, длится постольку, поскольку удается по этим линиям беспрепятственно продвинуться вперед.

Полководец, который выиграл у противника хотя бы всего один переход, сохраняет это преимущество до тех пор, пока значительное препятствие, как то: большая река, бездорожный горный хребет, крепость и т. д. – не задержит его на столько времени, сколько требуется противнику, чтобы окольными путями наверстать утраченный переход и вновь овладеть выгодами занятия стратегической линии. Стратегические успехи никогда не обусловливали более крупных и решающих последствий, чем в войнах, знаменовавших последние годы восемнадцатого и первые годы девятнадцатого столетий: изменения, внесенные в военное искусство Французской революцией, сделали возможным более быстрое передвижение больших масс, чем раньше. Утратилась легкость, с которой раньше возмещались стратегические неудачи; наступление приобрело значительно большее преимущество над обороной, и тактика еще больше, чем раньше, вошла в подчинение стратегии. Поэтому походы, продолжавшиеся всего несколько недель, давали результаты, которые обычно можно было ожидать лишь от ряда длительных войн, и укрепленные пункты, лишенные стратегического значения, перестали приносить какую-либо пользу, а имеющие стратегическое значение подвергались величайшим напряжениям.

Принципы стратегии содержат в себе общий дух системы войны; на них же, в частности, базируется план наступательной или оборонительной военной системы каждого государства. Каждое мероприятие, связанное с подготовкой войны, не

вытекающее из правил стратегии, является ложным, вредным и ведущим к гибели.

Условия, обеспечивающие стратегические выгоды, не могут быть немедленно достигнуты; чтобы создать их, требуется и время и работа. Следовательно, тот, кому вверяется верховное руководство вооруженной силой, еще в мирное время должен обладать компетенцией для подготовки удачного хода событий на войне; все, что может на него повлиять, должно направляться в соответствии с правилами стратегии; таким образом, в его круг ведения войдет не только устройство и дислокация войск и крепостей, но и все вопросы о сообщениях, дорогах, водных путях, складах, магазинах и т. п. Уважение или пренебрежение к этим столь важным для большой империи государственным началам решает вопрос о том, сохранит ли она свое существование или падет. Раздираемая внутри и лишенная своей армии Франция в конце восемнадцатого столетия устояла против всей Европы потому, что со времен Людовика XIII правительство неустанно и в соответствии с принципами стратегии работало над тем, чтобы привести ее границы в оборонительное состояние. Опираясь на эту систему, Франция покорила все страны континента, не имевшие такой оборонительной системы; именно потому французским полководцам часто было достаточно достигнуть одного стратегического успеха, чтобы уничтожить армию и целое государство [56] .

КАРЛ ФОН КЛАУЗЕВИЦ

Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц – или как его иногда пишут Клауссвиц – родился 1 июля 1780 г. в городе Бург, входившем в состав герцогства Магдебург. Этому мальчику суждено было приобрести всемирную известность как чуть ли не крупнейшего в истории военного теоретика, человека, который своими трудами совершил коренной переворот в военной теории, поколебав сами существовавшие к тому времени основы военной науки.

Отцом Карла был чиновник налоговой службы Фридрих Габриель Клаузевиц, который успел принять участие в военных действиях во время Семилетней войны в звании младшего офицера. По собственным заявлениям Карла, он происходил из верхнесилезского дворянского рода. Возникла некоторая проблема с дворянской приставкой «фон»: скорее всего его прадед утратил эту приставку в суматохе Тридцатилетней войны. Дед же – Бенедикт Готтлиб Клаузевиц – был уже добропорядочным бюргером и преподавал теологию в университете Галле. Впрочем, несмотря на это, ни сам Карл, ни два его брата не имели никаких проблем при поступлении на службу в прусскую армию – с преимуществами, положенными дворянству. Поэтому можно предположить, что особых проблем у Клаузевицев с подтверждением своего дворянского происхождения не возникло. Кстати, старший брат Карла – Вильгельм Бенедикт (10 ноября 1773 – 12 февраля 1849) – сделал вполне приличную карьеру, получив в 1828 г. звание генерал-майора; в 1832–1839 гг. он возглавлял в прусском Военном министерстве ведомство по делам инвалидов. Братья Клаузевицы в 1827 г. были официально возведены королем Пруссии в дворянское достоинство, что стало фактически лишь подтверждением того, чему они ранее, судя по всему, не могли просто представить соответствующих документов.

Карл Клаузевиц учился в местной латинской школе, а затем всего в 12 лет по ходатайству отца – как бывшего офицера – был в начале лета 1792 г. зачислен фенрихом, т. е. кандидатом на офицерское звание, в 34-й пехотный полк; причем в документах на зачисление он уже без каких-либо сомнений был записан как «фон Клаузевиц». Впрочем, не обошлось без некоторых подтасовки: в этих документах Карлу перенесли на месяц дату рождения – на 1 июня, чтобы набрать нужное количество лет и не откладывать поступление еще на год.

Уже в следующем году Клаузевиц получил боевое крещение –

в составе полка он отправился на фронт: началась первая из занявших более 20 лет череды войны разнообразных коалиций европейских держав против сначала революционной, а затем наполеоновской Франции. Свой первый военный опыт 13-летный Клаузевиц получил при осаде Майнца. Затем он принял участие в походе на Рейне, где и оставался, пока в 1795 г. не был подписан Базельский мир, после которого Клаузевиц вместе с полком был отправлен в состав гарнизона Нойруппин.

Наступившую пятилетнюю передышку – с 1796 по 1801 год – молодой офицер использовал, чтобы расширить свои познания в области военных наук. В то время основной упор делался именно на самообразование или же получение образования «службе», т. е. получая опыт в ходе многочисленных военных конфликтов. Клаузевиц стал посвящать все больше времени чтению как классических трудов по тактике и стратегии, так и современной ему литературы о Французской революции, военном деле, европейской политике. При этом Клаузевиц понимал, что нельзя рассматривать военное дело в отрыве от других наук, поэтому он также посещал лекции по логике и этике.

Начальство отметило прекрасные данные молодого офицера, а также высоко оценило успехи, которых он добился занимаясь самообразованием. Получив блестящую характеристику, Клаузевиц в октябре 1801 г. был откомандирован на учебу в только что созданную Герхардом фон Шарнхорстом военную школу в Берлине, которой предстояло стать кузницей военных кадров для прусской армии, прежде всего для ее «Обители Богов» – Генерального штаба. Во время учебы Клаузевиц – как и большинство его соучеников – испытал на себе сильное влияние идей Шарнхорста. Также во время учебы он одновременно посещал лекции по философии у профессора Кизеветтера, на которых познакомился с трудами Иммануила Канта, которые также в дальнейшем оказали определенное влияние на его формирование как военного теоретика. Во время учебы он активно участвовал в широких дискуссиях по поводу важнейших проблем прусской армии, вступая в спор даже со старшими по званию; тогда же он подготовил рукопись с оценкой современных ему течений военной теории, тогда она не была опубликована, а сегодня известна как «Стратегия 1804» (*Strategie von 1804*). В 1804 г. Клаузевиц завершил учебу в военной школе первым на своем курсе, после чего получил престижное назначение адъютантом к принцу Августу Прусскому – племяннику Фридриха Великого.

Это назначение дало Клаузевицу доступ к прусскому двору и ввело его в высшее общество, где он, кстати, в декабре 1803 г.

познакомился со своей будущей супругой Марией, дочерью саксонского генерала Карла Адольфа фон Брюля. В эти же годы появилась и первая официальная публикация Карла фон Клаузевица – это была статья с резкой критикой теории Дитриха фон Бюлова (его работы также помещены в этом сборнике).

В кампанию 1806 г., которая еще называлась Войной Четвертой антифранцузской коалиции, Клаузевиц выступил в поход все в той же должности адъютанта принца Августа, который в звании подполковника командовал гренадерским батальоном; сам Клаузевиц к тому времени носил звание штабс-капитана. Эта кампания оказалась неудачной и для всей прусской армии в целом, и для будущего военного теоретика в частности: 14 октября 1806 г. в ходе сражения при Ауерштэдте прусская армия потерпела сокрушительное поражение, а принц Август вместе со своим адъютантом оказались во французском плену. В плену у Клаузевица было достаточно времени, чтобы проанализировать действия как прусской, так и французской армий и попытаться определить причины столь серьезного и быстрого поражения. Результатом этих его размышлений стали «Исторические письма о крупных военных событиях в октябре 1806 г.» (*Historischen Briefen über die großen Kriegsereignisse im October 1806*). В октябре 1807 г. принц Август, а также его адъютант были освобождены и вернулись на родину Сам Шарнхорст еще во время учебы Клаузевица в военной школе обратил на него свое внимание и в 1809 г. пригласил перспективного и думающего офицера в свой личный штаб. Работая с Шарнхорстом, Клаузевиц принял самое живейшее участие в разработке и проведении широкомасштабных реформ по реорганизации прусской армии. В 1810 г. он был произведен в майоры и получил новую, еще более важную должность начальника личного бюро Шарнхорста. Одновременно Клаузевиц стал читать курс лекций по тактике и службе Генерального штаба, причем среди его воспитанников оказался и сам прусский кронпринц, позже ставший германским императором Вильгельмом I.

Наступил 1812 г., дело явно шло к тому, что Франция начнет войну против Российской империи, причем Пруссия будет вынуждена вступить союзницей Наполеона. Будучи верным последователем Шарнхорста, прусским патриотом и убежденным противником французов, Клаузевиц самовольно оставил место службы и отправился на восток, где был принят на русскую службу. Сначала он был определен в штаб генерала Карла Пфуля. Довольно скоро разработанный Пфулем план кампании был отвергнут, его штаб расформирован, а Клаузевиц направлен в состав действующей армии. Сначала он был зачислен в отряд

графа Петра Петровича фон дер Палена, прикрывавшего отход 1-й Западной армии. С Паленом Клаузевиц принял участие в бою с французами под Витебском. Затем Клаузевиц был переведен в кавалерийский корпус графа Уварова и в его составе принял участие в не слишком удачном рейде русской кавалерии на фланге французской армии.

После бегства Великой армии Клаузевиц – так и не имея каких-либо конкретных обязанностей – был отправлен в Ригу к маркизу Паулуччи, а затем по собственной просьбе возвращен в действующую армию, на этот раз он поступил в распоряжение обер-квартимейстера I пехотного корпуса барона Ивана Дибича – будущего генерал-фельдмаршала и графа Забал канского. Дибич использовал Клаузевица – как бывшего прусского офицера – в ведении переговоров с руководством прусского вспомогательного корпуса, результатом чего стало подписание 30 декабря 1812 г. Таурогенской конвенции, что стало прологом к заключению прусско-русского союза.

Таким образом, прусскому офицеру Клаузевицу удалось стать не просто свидетелем, но и непосредственным участником кампании 1812 г., причем сражаясь в рядах русской армии, а не как большинство пруссаков – в Великой армии. Его анализ кампании, основанный в т. ч. и на личных впечатлениях, лег в основу его блестящей и многократно переизданной работы «1812» (*Bekenntnisschrift von 1812*).

Казалось бы, теперь, после того как Пруссия стала полноправным членом Антифранцузской коалиции, ничего не мешало прусскому патриоту Клаузевицу вернуться на прусскую службу. Но все оказалось не так просто: дело в том, что в 1812 г. он – впрочем, таковых было довольно много – самовольно покинул прусскую армию, что прусский король Фридрих Вильгельм III однозначно определил как дезертирство (*Fahnenflüchtigen*) и в возвращении на службу отказал. В результате кампанию 1813–1814 гг. Клаузевицу пришлось совершить в качестве начальника штаба русско-германского корпуса генерала русской службы графа Людвига Вальмоден-Гимборна, формально оставаясь офицером русской императорской армии. Впрочем, связи с родиной он не терял, а во время перемирия по настоянию Августа фон Гнейзенау даже составил анализ «Взгляд на кампанию с 1813 г. и до заключения перемирия» (*Übersicht des Feldzugs von 1813 bis zum Waffenstillstände*).

Наконец, в апреле 1814 г. Клаузевиц был принят на прусскую службу с производством в полковники. После возвращения Наполеона во Францию в 1815 г. Клаузевиц был назначен начальником штаба III армейского корпуса генерала Йохана

Тильмана. В его рядах он успешно сражался при Линьи и при Вавре, после чего корпус был выделен Блюхером отвлекать внимание группировки маршала Эмануэля Груши от основной прусской армии. Тильман и Клаузевиц успешно выполнили поставленную задачу – хотя их корпус и понес довольно тяжелые потери – и тем самым обеспечили Блюхеру возможность вовремя прибыть на поле боя при Ватерлоо и поставить точку в поражении Наполеона. Русское правительство отметило заслуги Клаузевица в борьбе с французами достаточно высокими для прусского полковника наградами: 23 января 1817 г. он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а также получил золотое оружие с надписью «За храбрость».

Следующие три года Клаузевиц возглавлял штаб Августа фон Гнейзенау – командира VIII корпуса в Кобленце. После окончания бесконечных войн неожиданно выяснилось, что все эти реформаторы и либералы не очень приходятся ко двору: по всей Европе в целом и в Пруссии в частности начался период некоторой реакции. Конечно, никаких репрессий против них не было, просто постепенно «реформаторов» стали смещать с командных постов, отправляя их прежде всего в военно-учебные заведения. В 1818 г. Клаузевиц был приглашен занять пост директора Общей военной школы (*Allgemeinen Kriegsschule*) в Берлине – ведущего военно-научного учреждения Пруссии и единственного готовящего кадры для службы Генерального штаба. Однако оказалось, что ему предлагают взять на себя исключительно административные функции, а читать лекции и преподавать ему не разрешалось. Это, конечно же, совсем не удовлетворяло Клаузевица, который в сентябре 1818 г. получил звание генерал-майора, став самым молодым генералом в прусской армии. Но он все же продолжал оставаться на своем посту, а в 1821 г. он был официально причислен к Генштабу.

В 1823–1824 гг. он выпустил «Сообщение о самой крупной катастрофе в истории Пруссии» (*Nachrichten über Preußen in seiner größten Katastrophe*), посвященной событиям кампании 1806 г. Именно в это время он начал работать над своим главным произведением – «О войне» (*Vom Kriege*), хотя административные обязанности и отнимали у него огромное количество времени. Лишь в 1830 г. Клаузевиц оставил свой пост и был направлен в артиллерийскую инспекцию в Бреслау (Вроцлав).

Уже в июле того же года по всей Польше запылал пожар восстания, подавлять которое прусское командование направило обсервационный корпус под началом графа Гнейзенау, ставшего к тому времени генерал-фельдмаршалом. По старой памяти он пригласил к себе начальником штаба Клаузевица. Пруссаки

двинулись в польские земли с запада, с востока в царство Польское вошли русские полки. Но оказалось, что вместе с русскими войсками в Польшу пришла и страшная эпидемия холеры. Жертвы исчислялись тысячами, а болезнь стремительно распространялась по всей Европе. Сначала болезнь настигла 70-летнего фельдмаршала – граф Август Нейдгардт фон Гнейзенау скончался в Позене 24 августа 1831 г. После его смерти Клаузевиц, как начальник штаба, принял на себя командование обсервационным корпусом. Но осенью 1831 г. он также почувствовал себя плохо. Врачи констатировали холеру. Тяжелобольной Клаузевиц отправился в Бреслау, где всего через несколько дней скончался. Это было 16 ноября 1831 г., генералу был всего 51 год.

Первоначально тело Клаузевица было погребено в Бреслау, который ныне находится на территории Польши и носил название Вроцлав. В 1971 г. прах генерала и его супруги был перезахоронен на Восточном кладбище его родного Бурга.

Важнейшие работы Клаузевица вышли уже после его смерти: в 1832–1837 гг. их на собственные средства издала его вдова Мария фон Клаузевиц, урожденная Брюль.

Ниже приводятся отрывки из предисловия к книге, по которой и дается публикация первых трех частей труда Клаузевица: *Клаузевиц К.* О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. Выбросить ряд пассажей пришлось из-за того, что статья была сильно перегружена политическими оценками с точки зрения марксизма-ленинизма, что вряд ли интересно современному читателю.

...

К.А. Залесский

* * *

«Для меня было вопросом честолюбия, – говорит Клаузевиц об этом своем труде, – написать такую книгу, которую бы не забыли через 2–3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один лишний раз». Эта надежда Клаузевица осуществилась полностью: уже больше столетия живет его книга, создавшая автору заслуженную славу глубокого военного теоретика, философа войны. […]

Под несомненным влиянием классического немецкого идеализма создавалось учение Клаузевица о войне. Воспитанный на Канте, Монтескье и Макиавелли, прослушавший после Йены философские лекции кантианца Кизеветтера, Карл Клаузевиц работал над своим основным трудом «О войне» в годы (1818–1830), когда над умами Германии безраздельно властвовал Гегель. Непосредственные философские истоки учения Клаузевица приводят к Гегелю: от Гегеля – *идеализм* Клаузевица, от Гегеля – его *диалектический* метод. […]

Над своим основным трудом «О войне» Клаузевиц работал в течение последних 12 лет своей жизни, будучи начальником Военной школы (академии) в Берлине. Этот труд Клаузевица был опубликован лишь после его смерти. Работа Клаузевица осталась незаконченной. Различные части труда разработаны неравномерно. Сказывается местами отсутствие окончательной редакции. Но этот незаконченный труд, который характеризовался автором как «бесформенная груда мыслей», стоит несравненно выше всего, что дала теоретическая мысль старого мира в области анализа войны и военного искусства. […]

Заслуга Клаузевица состоит в том, что он впервые правильно поставил основные проблемы военной теории. Клаузевиц не создает «вечной» стратегической теории, не дает учебника с готовыми догматическими формулами. Задачей стратегии он считает исследование явлений войны и военного искусства. Он пытается вскрыть диалектику войны и выявить основные принципы и объективную закономерность ее процессов.

Клаузевиц много работал над историей. Большая часть его сочинений посвящена критическому разбору войн XVIII в. Эта предварительная исследовательская работа и его личный опыт привели Клаузевица к отрицанию «вечных принципов» военного искусства. Он расценивает такие «неизменные правила» как непосредственный источник жестоких поражений, как показатель убожества и косности военной мысли. «Всякая эпоха, – говорит Клаузевиц, – имела свои собственные войны, свои собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая война имела бы, следовательно, также свою собственную теорию, если бы даже повсюду и всегда люди были бы расположены обрабатывать теории войны на основе философских принципов».

Клаузевиц тщательно и всесторонне исследует изменения характера войны в различные эпохи, рассматривая явления войны и военного искусства в их развитии и движении. […]

Война представляется Клаузевицу «настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае изменяет свою природу Характеризуя войну как «проявление насилия, применению

которого не может быть пределов», он отчетливо видит и такие войны, которые ведутся лишь в помощь переговорам и заключаются только в угрозе противнику […]

Клаузевиц ясно устанавливает различие между характером войны в смысле политическом и ее стратегическим характером. «Политически оборонительной войной называется такая война, которую ведут, чтобы отстоять свою независимость; стратегически оборонительной войной называется такой поход, в котором я ограничиваюсь борьбой с неприятелем на том театре военных действий, который себе подготовил для этой цели. Даю ли на этом театре войны сражения наступательного или оборонительного характера, это дела не меняет». Таким образом, политически оборонительная война может быть наступательной в смысле стратегическом и наоборот. «Можно и на неприятельской земле, – говорит Клаузевиц, – защищать свою собственную страну». […]

Крупнейшая заслуга Клаузевица заключается в том, что он решительно отверг представления о войне как о самостоятельном, независимом от общественного развития явлении. «…Ни при каких условиях, – пишет Клаузевиц, – мы не должны мыслить войну как нечто самостоятельное, а как орудие политики. Только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно это понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тем обстоятельствам, из которых они зарождаются».

Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами. «Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами», – пишет Клаузевиц.

Клаузевиц рассматривает с этой точки зрения ряд войн в истории и доказывает, что их характер целиком определялся политикой, орудием которой они были. […]

Клаузевиц, определяя войну как продолжение политики иными средствами, одновременно указывает, что война есть явление особенное, специфическое. «Война есть, – писал он, – определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное». Касаясь в другом месте этого вопроса, Клаузевиц говорит, что

специфическое в войне относится к природе применяемых ею средств. К сфере специфически военной деятельности относится все, что имеет отношение к вооруженным силам, их организации, сохранению, укреплению, использованию. Однако, отмечая специфику войны, Клаузевиц всюду подчеркивает, что война есть часть целого, а это целое – политика.

Для Клаузевица война – только инструмент политики, особая форма политических отношений. Политика определяет характер войны. Изменения в военном искусстве являются результатом изменения политики. В глазах Клаузевица военное искусство – это политика, «сменившая перо на меч». Поэтому Клаузевиц решительно борется со всеми попытками подчинить политическую точку зрения военной. Он говорит об этих попытках как о бессмыслице, «так как политика породила войну. Политика – это разум, война же только орудие, а не наоборот». […]

Устанавливая метод своего исследования, Клаузевиц возводит войну на степень абсолютной. Это абстрактное понятие абсолютной войны противопоставляется ее несовершенному отражению – подлинным историческим войнам. Ярко оказавшееся здесь влияние немецкой идеалистической философии приводит к основному противоречию в учении Клаузевица, ибо теория самораскрытия понятия абсолютной войны явно несовместима с его же основным положением о войне как продолжении политики.

Стратегические взгляды Клаузевица подводят итог тому перевороту в военном деле, который вызвала Французская революция. Если, по Клаузевицу, тактика – это «учение об использовании вооруженных сил в бою», то стратегия – «учение об использовании боев в целях войны». Центральной решающей задачей полководства Клаузевиц считает организацию генерального сражения, под которым он подразумевает не ординарный бой, каких много на войне, а «…бой главной массы вооруженных сил… с полным напряжением сил за полную победу». Клаузевиц считал, что только великие решительные победы ведут к великим решительным результатам. Отсюда его вывод: «великое решение – только в великом сражении».

Но Клаузевиц знает, что решение стратегических задач вне конкретных условий и задач данной войны – бессмыслица. Это та схоластика, которую ненавидел и против которой боролся К. Клаузевиц. «Разве, – спрашивает он, – возможно проектировать план кампании, не учитывая политического состояния и возможностей государства».

Характер политики определяет и характер войны, таково

основное положение Клаузевица. «Природа политической цели имеет фактически решающее влияние на ведение войны <…> когда политика становится более грандиозной и мощной, – пишет военный мыслитель, – то таковой же становится и война». […]

Карл фон Клаузевиц СТРАТЕГИЯ

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому, как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве – реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев [57] .

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой

стены и так как огонь, в свою очередь, находится вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общений с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть 1 ПРИРОДА ВОЙНЫ

Глава 1

Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше, чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете более, чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент – единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку 2 борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вас понятий о государстве и законе не существует) является *средством, а целью* [58] будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития

обезоружить и сокрушить и что к этому де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обусловливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обусловливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из 2 совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного *намерения* . Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и др. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут *воспылать взаимной ненавистью.*

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между

цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны [59] излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые

продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это – полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением 2 живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я невластен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат 2 тесно сплетающихся факторов: *размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе.*

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилом здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или в случае невозможности этого доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это

вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантасмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1) если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из 2 противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основания того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и таким образом, проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудача в решающем столкновении неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы немыслимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-

то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы – *собственно вооруженные силы, страна* с ее поверхностью и населением и *союзники.*

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последние области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и др., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обусловливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда они окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый крупный успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в

должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона ошибочно допускает, служат *объективным основанием* для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. В основу ложатся явления действительной жизни, возможности которых подвергаются оценке. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и политики противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководясь теорией вероятности, свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (§ 2): *политическая цель войны* . Закон крайности – намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности бледнеет, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение потребного напряжения сил представляет лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна представлять весьма существенный фактор в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будет его сопротивление. Но

чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения; а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи веерных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений двух государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны, в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет пригодна служить оригиналом, с которого можно сколоть цель военных действий.

Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Тогда только ею определяется степень

обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением обсервационных частей. Последнее приводит нас к новому вопросу; нам предстоит его развить и дать ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем *продолжительностью действия.* Последняя может быть большей или меньшей, в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что он желает на него потратить больше времени, а потому, что это свойственно его природе и при спешке он выполнял бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию предоставим на войне свойственную ему продолжительность, то мы будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. Следует помнить, что здесь речь идет не о наступательных действиях того или другого противника, а о поступательном ходе войны в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что *последняя хочет*

выждать более благоприятного времени для военных действий.

На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из двух сторон, ибо оно *so ipso* [60] становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выжидать.

Полное равновесие не может вызвать паузы в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (наступающая), должна продолжать наступление.

Наконец представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого цель положительная, а следовательно, более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к операции. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий; и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получать нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в операциях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее, и оно придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности операций возникла бы более строгая

последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым каждое единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что операции редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий должны быть возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Тем, что мы мыслим интерес одного *полководца* как величину, *всегда противоположную* интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной *полярности.* Намереваясь в дальнейшем посвятить этому принципу отдельную главу, мы здесь скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу, лишь когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга, безусловно, уничтожают. В сражении и та, и другая сторона желает победить; это – подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собой общую связь, лежащую вне их, то полярны между собой не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним не приложима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно – нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, – которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и неравны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии,

что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес *А* заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес *Б* сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах *Б* было бы теперь же напасть на *А* ; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны

Если оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос: столь же ли выгодна отсрочка сражения для первой стороны, сколько выгодна оборона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравновешиваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Итак, мы видим, что побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Таким образом, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, тем не менее настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет вести, хотя бы и в этом неблагоприятном будущем, оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как по нашему убеждению превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинству пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее вследствие различной силы двух форм борьбы (нападения и обороны) будут паузы. Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет на основании малодостоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и превратно полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой

недостаток разумения обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как причина, отнюдь не противоречащая природе войны, которая может приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз, в свою очередь, вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени до известной степени разжижают ведение войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия.

Чем напряженнее было положение, явившееся исходным для войны, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы; и напротив – паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей ведь повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу, и продуктом последней.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки [61]

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее и дальше забирается в будущее действующая сторона в своих предположениях; развитие войны будет меньше приближаться к черте крайности, и все будет строиться на оценке обстановки и вероятностях. Для оценки обстановки в данных условиях требуемого самой природой конкретного случая быстрый или медленный ход военных действий дает больше или меньше времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в *игру* ; это – *случай* . Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и субъективной природе

Если рассмотреть субъективную природу войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, – это опасность; мужеству здесь отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но это – качества совершенно разного порядка, отражающие различные духовные силы человека; напротив, отвага, вера в свое счастье, смелость, лихость – не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там – его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятностей, счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями по сравнению с другими видами человеческой деятельности более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем, это часто находит отклик в духовной природе человека

Наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, тогда как наш дух часто привлекает неведомое. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигнет таких областей, где все ему родственное и близкое окажется оторванным, далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемая последними, отвага окрыляется, и, таким образом, риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно смелому пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория его покинуть здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для неведомого всегда остается простор, и притом равно большой как в самых великих,

так и в самых малых делах. Неведомому противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько велик может быть и риск – простор, предоставленный неведомому. Таким образом, мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только намеряются они особым масштабом.

23. Война тем не менее всегда остается нешуточным средством для достижения серьезной цели.

Ближайшее ее определение Таковы война, полководец, руководящий ею, теория, которая ее регулирует. Но война – не забава, она – не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она – не шуточное средство для достижения серьезной цели. Вся та полная шкала цветов радуги, которыми переливает счастье на войне, волнение страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Будь она совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, тогда она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики, как нечто от нее совершенно независимое.

Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению, никакому руководству, и находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и ведением войны приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним-единственным разрядом. Она находится под действием сил, не вполне одинаково и равномерно развивающихся; порою прилив этих сил оказывается достаточным, для того чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком

слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным, для того чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить, подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войны. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и соответственно самой часто подвергаться коренному изменению; все же политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Итак, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войною.

24. Война есть продолжение политики, только иными средствами

Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами. То специфическое, что присуще войне, относится лишь к природе применяемых ею средств. Военное искусство вообще и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали в противоречие с этими средствами. Такое притязание, конечно, немаловажно, но, как бы сильно в отдельных случаях оно ни влияло на политические задания, все же это воздействие должно мыслиться лишь как видоизменяющее их, ибо политическая задача является целью, война же только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем они больше охватывают все бытие народов, чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме. Весь вопрос сводится к тому, чтобы сокрушить врага; военная цель и политическая цель совпадут, и сама война представится нам чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия)

будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель разойдется с целью *идеальной* войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Однако чтобы у читателя не создалось ложного представления, мы должны заметить, что под этой *естественной тенденцией войны* мы разумеем лишь философскую, собственно *логическую тенденцию* , а вовсе не тенденцию реальных сил, вовлеченных в войну; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и страсти сражающихся. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом она определенно выступает на первый план, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетания, охватываемые его расчетом, могут входить и сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение и охват возможных отношений, а избегающее открытого употребления силы осторожное, лукавое, да, пожалуй, и нечестное мудрствование.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, *во-первых* , войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как *нечто самостоятельное* , а как орудие политики; только при таком представлении о войне возможно не впасть в противоречие со всей военной историей. Лишь при этом представлении эта великая книга раскрывается и становится

доступной разумному пониманию. *Во-вторых* , именно эта точка зрения показывает нам, как различны должны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее не за что такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны, мы остановимся на нем подробнее.

Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война – не только подлинный хамелеон, в каждом конкретном случае несколько меняющий свою природу; по своему общему облику (в отношении господствующих в ней тенденций) война представляет удивительную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт* ; из игры вероятностей и случая, обращающих ее в арену *свободной духовной деятельности* ; из подчиненности ее в качестве орудия политики, благодаря которому она подчиняется *чистому рассудку* .

Первая из этих трех сторон, главным образом, относится к народу, вторая – больше к полководцу и его армии и третья – к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в резкое противоречие с действительностью и поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории – сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого

сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава 2

Цель и средства войны

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то все всегда должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель: действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит обезоружить государство, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать 3 элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это – вооруженные силы, *территория и воля* противника.

Вооруженные силы противника должны быть уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу.

Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена *воля* противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности, потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может

снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и после заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, и напряжение ослабевает, ибо все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, совершенно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае, с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны – исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей, в свою очередь, ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок, конечно, не обязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако эта цель абстрактной войны – *лишить неприятеля возможности сопротивляться* — лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага, далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны , не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое было

установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому если войны и ведутся между государствами, обладающими далеко не равными силами, то это происходит оттого, что война, как *она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия.*

Есть два обстоятельства, которые могут служить, помимо полной невозможности сопротивляться, мотивом к заключению мира. Первое – сомнительность успеха, второе – слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспособляться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самой оценки обстановки могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать эту призрачную возможность, и не станет на кружной путь – добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности

сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются, в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий.

Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на операциях под влиянием *позитивной или негативной* природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными *именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями.*

Тут возникает вопрос, каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха. Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению: уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих, с тем чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, насколько это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских территорий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинные операции заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже само по себе представляет

известный успех. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся на еще одно своеобразное средство воздействия на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это – предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, навербовать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и др.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в износе его вооруженных сил, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в потере областей, следовательно, в завоевании их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженными силами неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, предпринимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно в действительной жизни, при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях кроме уничтожения сил врага имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе внутреннего противоречия, не являются абсурдом и даже не составляют ошибки.

Помимо обоих указанных способов имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый – это *занятие неприятельской территории, но не для удержания ее за собой* , а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, *а нанесение ему как врагу вообще убытков* . Второй путь будет заключаться в том,

чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно, безусловно, заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе – более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные, и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь – *изнурения* врага – по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем *постепенно наступающее благодаря продолжительности действия истощение физических сил и воли противника.*

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, мы должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, – это *чистое сопротивление* , т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно, и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление – это уже действенность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего задания. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удается, а следовательно, является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действенности, надо восполнить временем, следовательно – продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться

превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между наступлением и обороной, пронизывающее всю область войны. Дальше развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии.

Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы уравновесить возможный перевес противника, то одной *продолжительности* борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже несоответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и, конечно, неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII.

Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале, – и они заключили мир.

Итак в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это – средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; их мы назовем аргументами *ad hominem* [62] . В какой области человеческой деятельности не встречаем мы эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки? Они имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только

намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обусловливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из этих градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

Средство только одно – бой [63] . Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, бой всегда заключается в понятии войны, так как бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством.

Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; а там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам – их создание, сохранение [64] и использование – входит в сферу военной деятельности. Создание вооруженных сил и обеспечение их, несомненно, представляют собой только средство, использование же в бою – цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие то значение объекта, то субъекта [65] . Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее, в свою очередь, непременно является членом единства более высокого порядка и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное

единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его объектом. Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется частным боем.

Мы уже установили, что в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое. Использование же вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок [66] известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует только для того, чтобы драться в свое время и в надлежащем месте.

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника, или, вернее, его боеспособности, – это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боев.

Мало того, даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многочисленности состава крупной вооруженной силы, о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы, естественно, может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может, в весьма повышенной степени способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-

либо места, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимаются лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно, и комбинаций значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом, по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как *измерителем* сил, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений.

Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе внутреннего противоречия с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать возможность такого хода войны.

Война обладает только одним средством – боем, но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось

нисколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей.

В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств: в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой – это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных операций. Оно – последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Все маневрирование происходит при предпосылке, что если бой, лежащий в его основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть благоприятным.

Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит.

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может парализовать удачным для себя боем. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен: каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных

сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы, конечно, не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не *пути,* а *цели* , и мы лишь сравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, мы это настойчиво подчеркиваем, нас ничто не обязывает ограничивать это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, колебания его уровня легче всего распространяются по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только набирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Риск этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, в случае неудачи обратится против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это, однако, справедливо только при условии; что эти методы применяются с обеих сторон, а именно что неприятель идет теми же путями, что и мы; если он изберет путь решительного боя, *мы должны будем хотя бы против нашей воли стать на ту же дорогу* . В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различных цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно, сила, обращенная на достижение одной из целей,

не может одновременно служить другой. Поэтому, если одна воюющая сторона решилась идти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет большой шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задается этой иной целью, поступит разумно, лишь если он имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к *позитивным* целям, которыми помимо уничтожения неприятеля можно задаваться на войне, и не распространяется на чистое сопротивление, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет позитивного задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил, а именно – сохранение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием коих должно явиться сокрушение противника.

Сохранение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и, таким образом, ведет к парализации намерений неприятеля, т. е. к чистому сопротивлению, увенчанием коего является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели – побуждает выжидать.

Как далеко может и должно простираться такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом, было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления, конечно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено

с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы – сохранения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логическое последствие перевеса негативного стремления – это отсрочка решения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента.

Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является *откладывание действий во времени* ; а поскольку с этим связано пространство, то и отодвигание его и в пространстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды *негативного метода действий должны* считаться исчерпанными, и в этот момент неизменно должно выступить стремление – уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу – к достижению политической цели; но средство для этого только одно – бой; поэтому все подчинено высшему закону: решение силой оружия. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет, или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил – первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии, и, разумеется, лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием их возможности как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что *кровавое разрешение кризиса* , стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил – первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути,

ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, где его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, все время, однако, оставаясь в черте его влияния и контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самим собой.

Глава 3

Военный гений

Каждая специальная деятельность, занятие которой требует известных достижений, мастерства, нуждается в особых умственных и душевных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином гения понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться теми, кто отмечен необычайно высоким талантом, – на гении в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть *сущность военного гения* . Мы говорим «совокупность», ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством), при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет *гармоническое сочетание способностей* , из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны. Военный гений обусловливается *своеобразным направлением* духовных сил и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух

гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делаются воинами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако у первобытных народов никогда не встречается подлинно великого полководца и лишь крайне редко – то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может.

Само собой разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы. Но величайшие имена полководцев у этих и других народов, прославивших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней военного гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война – область опасности, следовательно, мужество – важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых, мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти или же внутренней – совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению личной опасности, в свою очередь, бывает двух родов: прежде всего человек может быть равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае, это будет как бы постоянное состояние.

Во-вторых, мужество может исходить из положительных побуждений, каковы, например, честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество – не состояние, а проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид – надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй – часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым – отвага; при первом – разум остается трезвым, при втором – иногда изощряется, но порою и ослепляется. Совпадая, оба эти вида дают

самый совершенный тип мужества.

Война – область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные – безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здравым рассудком, – отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полуцивилизованных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов выдающихся умственных сил. Война – область недостоверного: три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война – область случайности: только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и постоянное вмешательство случайности приводят к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем ожидал; это не может не отражаться на его плане или по крайней мере на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но наша неуверенность не уменьшается, а напротив – увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, умом, способным прорезать мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину; во-вторых мужеством, чтобы последовать за этим слабым указующим проблеском. Первое свойство образно обозначается французским выражением *coup d'oeil* [67] второе – *решимость* .

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство – важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о быстром и находчивом решении на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но нельзя не заметить, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в самый момент выполнения, например правильный выбор пункта атаки и др. Отсюда в выражении *coup d\'oeil* часто разумеется не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относится к области тактики; однако без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если *совлечь* с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость – проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли *courage d'esprit* [68] потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он – проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность – далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести на своих плечах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак, мы называем решимостью способность в обстановке действий при недостаточных данных устранять муки сомнений и

опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично – субъективные или объективные, основательные или не обоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может идти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания по поводу небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляют решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства – решимости. Последняя порождается лишь актом разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед колебаниями и медлительностью, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают необдуманно, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собой вследствие каких-либо сомнений.

Такой способ действия может порой оказаться удачным, но мы вновь повторяем: только по общему уровню успехов можно судить о гениальности. Если наше утверждение покажется странным кое-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, которых, однако, нельзя почесть за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Итак, мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума, и притом такому, который свойствен скорее мощным, чем блестящим умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что

существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу, и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий *coup d\'oeil* и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию – к присутствию духа, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль: оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелому и спокойному обсуждению представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Само выражение – присутствие духа – весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, зависит от природы данного случая, но наличие того и другого, безусловно, необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при внезапной опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на четыре элемента, образующие атмосферу, в которой протекает война, – *опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность* , то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название *энергии, твердости, стойкости, силы духа, или характера.*

Все эти различные проявления героической натуры можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но, как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования разобраться в них несколько точнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или

противодействие (назовите как хотите то, что вызывает напряжение духовных сил в начальнике) является в весьма малой степени результатом непосредственных мероприятий противника – его сопротивления и поступков. Противник, во-первых, непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не два часа, а четыре, то начальник подвергается личной опасности двумя часами дольше; но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю.

Во-вторых, упорное сопротивление неприятеля непосредственно влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему приходится справиться только с самим собой. Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на предводимых им бойцов и уже через них влияет на вождя.

До тех пор пока войска, исполненные мужеством, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуется чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой, как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуется от начальника огромная сила воли. Под этим сопротивлением следует разуметь не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику приходится бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже

недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой, в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся.

Это бремя растет вместе с ростом масс, а следовательно, и сил; чтобы они соответствовали растущему бремени, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа. Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами: честолюбие, славолюбие. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду; но по своему истоку эти чувства, конечно, принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они – подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажущиеся очень распространенными и возвышенными, – любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, – не исключают необходимости в жажде славы и чести. Другие чувства, конечно, могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение. Но они не внушат вождю воли сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личную собственность вождя, в которую последний вкладывает все свои силы: он усердно пашет, тщательно сеет, и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и пришпоривание возбуждают дееспособность войск и обеспечивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия, и мыслимо ли подобное явление?

Твердость означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а *стойкость* — сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого; однако нельзя не отметить

заметного различия между ними: твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она черпает свою силу в планомерности, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь *к силе темперамента* . Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем. Конечно, не пылкие и страстные порывы – это противоречило бы общепринятому словоупотреблению, – а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может, конечно, служить доказательством противного. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй, не такой всеобъемлющий, но более крепкий.

Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем самообладанием. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не ослабляя их, однако; и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес – чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом.

Поэтому мы скажем: сильный темперамент – у того, кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы, во-первых, заметим людей мало восприимчивых, называемых флегматиками или апатичными; во-вторых, очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, людей чувствительных, но спокойных; в-третьих, встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец, в-четвертых, людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это – люди сильных, глубоких и скрытых страстей. Корни этих различных темпераментов, по-видимому, протягиваются к грани, на которой соприкасаются физическая и духовная природа человеческого организма; темперамент находится в зависимости

от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой же – к духу. Нам с нашей слабой философской подготовкой не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности, и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Людей апатичных нелегко вывести из равновесия, но это, конечно, не признак духовной силы, потому что здесь вообще нет ее проявления. Однако следует признать, что подобные люди на войне благодаря своей постоянной уравновешенности обладают известными, хотя и односторонними достоинствами. Они не чувствуют необходимости действовать, им не хватает импульса, активности, но зато они редко могут что-либо испортить.

Отличительная черта второй категории – проявление деятельности по незначительным причинам и подавленное состояние при крупных. В случае единичного несчастья они способны проявить кипучую активность; несчастье же целого народа их повергает в уныние, но не побуждает к деятельности. На войне у этих людей не будет недостатка ни в активности, ни в уравновешенности, но совершить что-либо великое они обычно не в состоянии; исключение представляет собой случай, когда люди этой категории обладают очень сильным умом и найдут в нем побуждение к великому. Но подобным натурам редко свойственен сильный, независимый ум.

Люди, бурно и быстро воспламеняющиеся, сами по себе мало пригодны для практической жизни, а следовательно, и для войны. Правда, импульс в них силен, но не выдерживает длительного напряжения. Однако если горячность этих людей имеет уклон в сторону храбрости и честолюбия, то они могут быть удачно использованы на войне на более низких должностях на том простом основании, что военные предприятия, которыми приходится руководить начальнику невысокого ранга, обычно являются несравненно более кратковременными. Здесь часто достаточно одного смелого решения, вспышки душевных сил. Дерзкий наскок, могучее «ура» – дело нескольких минут, в то время как смело начатое сражение затягивается на целый день, а поход – на целый год.

Подобным людям при порывистой быстроте их чувств вдвойне трудно сохранить душенное равновесие, поэтому они часто теряют голову, а это – худшее, что может случиться при руководстве военными действиями. Однако утверждение, что крайне возбудимые характеры никогда не бывают сильными, т. е. не могут сохранять равновесие в моменты сильнейшего

возбуждения, противоречило бы опыту. Этим людям свойственно чувство собственного достоинства, большинство из них принадлежит к числу благороднейших натур. Но они редко успевают проявить эти свойства и впоследствии часто проникаются глубоким стыдом и угрызениями. Когда воспитание, самонаблюдение и жизненный опыт рано или поздно научат их остерегаться самих себя, чтобы в момент сильного возбуждения еще вовремя осознать покоящийся в их груди противовес – чувство собственного достоинства, – они способны проявить большую силу духа.

Наконец, люди, наружно спокойные, но глубоко чувствующие, относящиеся к предыдущему типу, как жар к пламени, более всего способны своей титанической силой сдвинуть и покатить огромный груз, под которым мы образно представляем трудности, сопряженные с военной деятельностью. Воздействие их чувств подобно движению огромных масс, хотя и медленному, но зато всесокрушающему.

Хотя подобные люди и не столь подвергаются натиску своих чувств и не бывают, на свое горе, в такой степени выбиты ими из колеи, однако было бы неправильным предполагать, что они никогда не теряют равновесия и не подчиняются действию слепой страсти; скорее напротив – это будет случаться всякий раз при отсутствии у них гордого чувства самообладания или при его недостаточности. Чаще всего это наблюдается у выдающихся людей первобытных народов, где недостаток умственного развития всегда способствует господству страстей. Однако среди самых образованных народов и в самых образованных слоях часто случается, что людей уносят бури страстей, как уносили в Средневековье в лесную чащу олени прикрученных к ним браконьеров.

Итак, повторяем еще раз: сильным темпераментом обладает человек, способный не только сильно чувствовать, но и сохраняющий равновесие при самых сильных испытаниях и способный, несмотря на бурю в груди, подчиняться тончайшим указаниям разума, как стрелка компаса на корабле, волнуемом бурей.

Под понятием *сила характера* или вообще характер мы подразумеваем твердое отстаивание убеждений безразлично, являются ли последние выводами из чужой или собственной системы взглядов, или же возникнут из принципов, норм, мгновенных впечатлений или других каких-либо проявлений разума. Однако это постоянство не может иметь места, если самые взгляды подвержены частым переменам. Изменение взглядов может явиться результатом не только чуткого влияния,

но и следствием эволюции своего разума; последнее указывает, однако, на особую неустойчивость данного лица. Ясно, что о человеке, меняющем каждую минуту свои взгляды, хотя бы все они исходили от него самого, нельзя сказать, что он обладает характером. Итак, характер приписывают тому, чьи убеждения отличаются значительным постоянством, потому ли, что они глубоко обоснованы и ясны, а вследствие этого не подлежат изменению, или тому, у которого, как у флегматика, вяло функционирует деятельность рассудка, и потому нет оснований к изменению сложившихся убеждений, или, наконец, тому, у которого налицо подчеркнутое проявление воли, вытекающей из руководящего принципа разума и до известной степени отвергающей перемену взглядов.

Между тем на войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений при недостоверности всех данных и всех оценок имеется значительно больше возможностей человеку сбиться с избранного им пути, ввести себя и других в заблуждение, чем это бывает в иного рода человеческой деятельности.

Раздирающий душу вид опасности и страданий легко дает перевес чувству над доводами рассудка; при сумеречном освещении всех явлений составление о них глубокого и ясного представления так трудно, что смена взглядов становится более понятной и простительной. Здесь можно только улавливать и нащупывать истину и по таким шатким данным действовать. Нигде не встречается такого расхождения во взглядах, как на войне. Поток впечатлений, противоречащих собственным убеждениям, течет непрерывно. Даже величайшая флегма рассудка едва может являться защитой. Впечатления слишком сильны, живы и в то же время всегда направлены против духовного равновесия.

Лишь общие принципы и взгляды, которые руководят деятельностью с высшей точки зрения, могут быть плодом ясного и глубокого проникновения, и мнение о каждом конкретном случае стоит на них как бы на якоре. Но трудность и заключается в том, чтобы не оторваться от этих плодов прежних размышлений, очутившись в потоке мнений и явлений, которые несет с собой настоящее. Между конкретным случаем и принципом часто оказывается значительное пространство, которое не всегда можно перекрыть достаточно ясной цепью умозаключений; здесь нужна и известная вера в себя, и не бесполезен некоторый скептицизм. Часто ничто не может помочь, за исключением одного руководящего правила, которое, вынесенное за скобки мышления, может господствовать над ним; это – следующее правило: при

всяком сомнении держаться своего первоначального мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных.

Надо твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и при текучести минутных явлений не забывать, что истинность последних невысокой пробы. Если во всех сомнительных случаях мы будем отдавать предпочтение своим прежним убеждениям и засвидетельствуем тем нашу верность или постоянство, то в наших действиях отразятся те устойчивость и последовательность, которые зовутся характером.

Легко понять, насколько душевная уравновешенность содействует силе характера. Люди большой духовной силы очень часто обладают и большим характером.

Сила характера приводит нас к ее уродливой разновидности – *упрямству*.

В каждом конкретном случае трудно сказать, где кончается первое и начинается второе, но различие в понятии устанавливается легко.

Упрямство нельзя назвать дефектом разума; этим понятием мы определяем сопротивление правильному и лучшему пониманию данного явления; конечно, такое сопротивление не может быть делом разума, этой нашей способности понимать. Упрямство – дефект темперамента. Неподатливость воли и раздражительное отношение к чужим доводам происходит из особого рода самолюбия, для которого высшее удовольствие – только своим умом властвовать над собой и другими. Мы назвали бы упрямство своего рода тщеславием, если бы оно не было чем-то лучшим: тщеславие удовлетворяется видимостью, упорство же покоится на удовольствии, доставляемом сущностью.

Сила характера обращается в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в правильности своих убеждений и не из следования высшему принципу, а из чувства противоречия. Если это определение, как мы уже заранее признались, мало помогает нам на практике, то все же оно помешает рассматривать упрямство как более высокую степень силы характера. Если упрямство приближается и даже граничит с силой характера, то оно все-таки не повышенная его степень, а нечто существенно различное; бывают чрезвычайно упрямые люди, которые благодаря недочетам своего ума оказываются весьма слабохарактерными.

Очерченные нами качества мастерства выдающегося военачальника представляют свойства, в которых проявляются совместно дух и разум; теперь рассмотрим еще одну черту военной деятельности, пожалуй, самую яркую, если не самую

важную, не зависящую от духовных сил и предъявляющую требования лишь к умственным способностям. Она вытекает из отношения войны к местности и почве.

Это отношение, во-первых, непреложно: невозможно представить какое-либо проявление действий сформированной армии, совершаемое вне определенного пространства. Во-вторых, оно получает решающее значение, так как накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой их совершенно изменяет: в-третьих, оно то упирается в самые детальные особенности данного участка, то охватывает широчайшие пространства.

Отношение войны к местности и почве придает военной деятельности чрезвычайное своеобразие. Если мы взглянем на другие виды человеческой деятельности, имеющие известную связь с местностью (садоводство и земледелие, архитектура и гидротехнические сооружения, горное дело, охота и лесоводство), то все они ограничены скромными пространствами, которые в короткий срок могут быть обследованы с достаточной точностью. Между тем военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором предстоит действовать и которое он ни осмотреть, ни обследовать, несмотря на всю энергию, не сможет; постоянная же смена событий редко позволит детально с этим пространством ознакомиться. Конечно, его противник находится в таком же положении, но, во-первых, общие обеим сторонам затруднения остаются затруднениями, причем начальник, преодолевший их благодаря таланту и опыту, получает огромное преимущество; во-вторых, такое равенство в затруднениях бывает лишь в общем, но отнюдь не в каждом конкретном случае; обычно один из двух противников (обороняющийся) гораздо лучше ознакомлен с местностью, чем другой.

Эту в высшей степени своеобразную трудность должна преодолеть особая способность ума, которая обозначается чересчур узким термином – чувство местности. Это – способность быстро и верно составить геометрическое представление о любой местности и, как следствие этого, всякий раз в ней затем хорошо ориентироваться. Очевидно, что это – работа воображения. Правда, что при этом восприятие отчасти создается при помощи зрения, отчасти при помощи рассудка, который своим проникновением, обостренным наукой и опытом, дополняет недостающее и из обрывков, уловленных глазом, составляет целое. Но для того, чтобы это целое затем ясно и живо выступило перед сознанием, стало картиной, мысленно начертанной картой, отдельные детали коей не распадаются и длительно сохраняются в памяти, нужна духовная сила, которую мы называем

воображением, фантазией. Если гениальный поэт или художник почувствует себя оскорбленным в том, что мы фантазии – их богине – приписываем такого рода деятельность, если он будет пожимать плечами, услышав на основании сказанного, что находчивый молодой охотник обладает хорошим воображением, то мы охотно пойдем на уступку, признав, что речь здесь идет о крайне ограниченном круге применения фантазии, о поистине рабской службе с ее стороны. Но как бы то ни было, эта способность, хотя бы в малой доле, должна найти свое применение, потому что при полном ее отсутствии человеку трудно представлять себе живые образы предметов в их взаимном отношении. Мы охотно признаем, что хорошая память в этом случае оказывает существенную помощь; но вопрос о том, следует ли считать память самостоятельной душевной способностью или же ее в этом отношении укрепляет и фиксирует воображение, мы должны оставить открытым; память и воображение вообще трудно представить обособленно друг от друга.

Значительную роль при этом играют, конечно, навык и проницательность. Пюисегюр, известный генерал-квартирмейстер знаменитого маршала Люксембурга, говорит, что вначале он мало доверял своим силам в этом отношении, так как замечал, что когда ему приходилось отправляться за приказаниями на далекое расстояние, он всякий раз сбивался с пути.

Естественно, что применение этого таланта расширяется по мере повышения ранга. Если гусар или егерь, ведя свой разъезд или дозор при наличии немногих примет, ограниченном понимании, среднем воображении, обязан легко ориентироваться в дорогах и тропинках, то полководец должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности. Правда, помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других.

Указанная способность едва ли не единственная услуга, которую фантазия может оказать в военном деле. Во всем остальном эта распущенная богиня способна принести больше вреда, чем пользы.

Итак, мы, по-видимому, приняли во внимание все проявления

умственных и духовных сил, к которым военная деятельность предъявляет свои запросы. Всюду разум представляется существенной содействующей силой, а поэтому понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководиться только людьми выдающихся умственных способностей.

Если эта точка зрения будет усвоена, то отпадает необходимость считать обход неприятельской позиции, действие, в сущности, самое простое и тысячу раз повторявшееся, достижением высокого умственного напряжения.

Правда, создалась привычка противопоставлять простого, хорошего солдата глубокомысленному или изобретательному, кипящему идеями уму, украшенному блеском всестороннего образования. Это противопоставление не лишено основания, но оно, безусловно, не доказывает еще, что достоинство солдата заключается только в храбрости; даже для того, чтобы быть только хорошим рубакой, и то надо иметь на плечах толковую голову, пригодную для своеобразной работы. Мы вновь должны отметить весьма частое явление, когда люди, достигнув высоких постов, утрачивают работоспособность, так как присущий им кругозор оказывается недостаточным. Мы подчеркиваем, что речь идет о выдающихся достижениях, доставляющих славу в той области деятельности, которой себя данное лицо посвятило. Каждая ступень командования на войне образует свой собственный цикл необходимых умственных способностей, славы и чести.

Громадная пропасть отделяет полководца, руководящего всей войной или действиями на отдельном театре войны, от непосредственно ему подчиненных, последние находятся под несравненно более непосредственным руководством и надзором, и следовательно, их умственная деятельность заключена в значительно более узкие рамки. Этим объясняется распространенное мнение, будто лишь на высшем посту необходим выдающийся ум, а на остальных ступенях командования будто бы можно обходиться самым посредственным рассудком.

Часто бывают склонны подмечать известное притупление умственных способностей поседевшего в боях начальника, занимающего ближайшую к полководцу командную должность, кругозор которого доведен до несомненной бедности его односторонней деятельностью; при всем уважении к его личной доблести часто готовы улыбаться над его ограниченностью. Мы не имеем в виду брать под свою защиту этих славных людей; таланты их от этого не вырастут, а в защите они едва ли

нуждаются; мы хотим лишь показать, как дело обстоит в действительности, и рассеять заблуждение, будто на войне можно достигнуть выдающихся успехов и без умственных способностей, одной храбростью.

Если даже на низших постах мы требуем от командира, стремящегося выдвинуться, выдающихся духовных способностей и повышаем наши требования на каждой ступени, то само собой очевидно, что мы отнюдь не так смотрим на тех, кто с честью занимает второе место в армии. Их кажущаяся простота рядом с многознающим ученым, борзо пишущим чиновником и выступающим в заседаниях государственным деятелем не должна нас вводить в заблуждение относительно выдающейся природы их творческого разума. Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним. Если их там не очень используют, то они не подвергаются опасности разоблачить свою несостоятельность: а молва не разбирается достаточно точно в том, какого рода слава принадлежит им по праву. Подобные люди являются часто причиной довольно низкого мнения и о личностях, подлинно блещущих на известных постах.

Таким образом, чтобы достигнуть выдающихся результатов на войне, и на низших и на высших ступенях требуется своеобразный гений. Но история и суд потомства обычно придают наименование подлинного гения лишь тем умам, которые блистали на руководящих постах в роли полководцев. Это объясняется чрезвычайно повышенными требованиями к духу и уму, предъявляемым на этом посту.

Для того чтобы довести всю войну или хотя бы большой ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Здесь стратегия и политика сливаются воедино, и полководец делается одновременно и государственным человеком.

Карла XII не называют гением потому, что он не умел подчинять свои военные успехи высшей прозорливости и мудрости, и потому не достиг блестящих результатов; не дают этого названия и Генриху IV потому, что он прожил недостаточно долго для того, чтобы выдвинуть свою военную деятельность на арену отношений нескольких государств и испытать свои силы в более трудных условиях, когда благородство чувств и рыцарский нрав не могут оказывать на противника того влияния, как при преодолении внутренней смуты.

В 1-й главе нашего труда мы стремились дать читателю почувствовать объем того, что должно быть охвачено

полководцем одним взглядом, и получить от него правильную оценку. Повторяем: полководец становится государственным человеком, но все же должен оставаться полководцем; во-первых, он должен одним взглядом охватить все государственные взаимоотношения, во-вторых, отдать себе ясный отчет в том, чего он может достигнуть с имеющимися у него средствами.

При этом многообразии и неопределенности всевозможных отношений приходится взвешивать множество величин, оценка значительной части коих может быть произведена только по законам вероятности. Если полководец не охватит всего этого своим глубоким прозорливым умом, то возникнет путаница заключений и соображений и утратится возможность правильного суждения. В этом понимании Бонапарт был совершенно прав, когда говорил, что многие вопросы, стоящие перед полководцем, являются математической задачей, достойной усилий Ньютона и Эйлера.

Главное, что здесь требуется от высших духовных сил, это цельность и анализ, доведенный до удивительного прозрения, способного на лету разрешать и разъяснять тысячи смутных представлений, одоление каждого из которых может истощить обыкновенный ум. Но эта высшая духовная деятельность, этот взор гения все же не стал бы достоянием истории, если бы он не нашел поддержки в тех свойствах темперамента и характера, о которых мы говорили выше.

Простое сознание истины представляет лишь крайне слабое побуждение для деятельности человека. Отсюда то великое различие, которое существует между познанием и волей, между знанием и умением. Наиболее сильно побуждают человека к действию чувства и та могучая поддержка, которую дают сплавы, если так можно выразиться, темперамента и рассудка, о которых мы говорили выше. Это – решимость, твердость, стойкость и сила характера.

Добавим: если эта повышенная умственная и духовная деятельность полководца не свидетельствовала бы о себе суммой достигнутых успехов и ее приходилось бы принимать лишь на веру, она редко попадала бы на страницы истории.

То, что обычно делается известным о ходе военных событий, бывает чрезвычайно простым, кажется крайне однообразным. Повествование не дает никакого понятия о тех трудностях, которые при этом приходится преодолевать. Лишь изредка, благодаря мемуарам полководцев и их доверенных лиц или при особо тщательном исследовании какого-либо события, удается схватить часть тех многих нитей, которые образуют ткань событий. Большая часть тех размышлений и той внутренней

борьбы, которые предшествовали какому-либо крупному исполнению, умышленно скрывается, ибо они затрагивают политические интересы, или же просто забывается, ибо на них смотрят лишь как на леса, подлежащие сносу по окончании постройки.

Мы не будем пытаться более точно определить высшие духовные силы и отказываемся от установления отдельных свойств разума. Но на вопрос, какого рода ум более всего соответствует военному гению, скажем, исходя из природы военной деятельности и опыта действительности: скорее критический, чем творческий, скорее широкий, чем углубляющийся в одну сторону; горячей голове мы предпочтем холодную, и последней мы вверили бы на войне благосостояние наших братьев и детей, честь и безопасность родины.

Глава 4

Опасности на войне

Люди, не испытавшие опасностей войны, представляют себе ее скорее привлекательной, чем отталкивающей. В пылу воодушевления стремительно ринуться на врага – кто тогда считает пули и сраженных ими; зажмурив на несколько мгновений глаза, броситься навстречу смерти, еще не зная, предназначена она тебе или другим, и все это на самом пороге золотой победы, почти касаясь плода всех усилий, которого жаждет честолюбие, – неужели это так трудно? Конечно, нетрудно, но и не так легко, как это может показаться. Во-первых, таких мгновений будет мало; притом опасность – дело, во всяком случае, не мгновенное, как кажется многим, ее нельзя сразу проглотить, а придется принимать понемногу, разбавленную временем, подобно испорченной лекарственной микстуре.

Пойдем за новичком на поле сражения. Приближаясь к последнему, мы замечаем, что гром орудий, становящийся с каждым мгновением все более ясным, сменяется наконец воем ядер, привлекающим внимание новичка. Снаряды падают уже близко то спереди, то сзади. Мы спешим к холму, на котором командир корпуса расположился со своей многочисленной свитой. Здесь летит больше ядер, разрывы гранат настолько учащаются, что серьезная действительность уже сквозит через образы юношеской фантазии. Вдруг вы видите, как падает сраженным ваш знакомый: граната упала в строй и вызвала невольное смятение. Вы начинаете ощущать, что сохранять полное спокойствие и сосредоточенность становится уже трудно; даже самые храбрые становятся несколько рассеянными. Теперь еще шаг, в самое сражение, которое бушует перед вами пока еще в виде картины. Подойдем к ближайшему начальнику дивизии;

здесь снаряд летит за снарядом; грохот собственных орудий увеличивает вашу рассеянность. От дивизионного – к бригадному генералу. Последний, человек испытанной храбрости, тем не менее осторожно укрывается за холмом, домом или деревьями. Картечь, верный признак нарастающей опасности, барабанит по полям и крышам; снаряды с воем пролетают около нас и над головами во всех направлениях, часто свистят ружейные пули: еще один шаг к войскам – и мы среди пехоты, с неописуемой стойкостью часами выдерживающей огневой бой. Здесь воздух наполнен свистом пуль, дающих знать о своей близости коротким резким звуком, когда они пролетают в нескольких дюймах от ваших ушей, головы, самой души. В беспокойно бьющееся сердце непрерывными мучительными ударами стучится сострадание к искалеченным и сраженным на ваших глазах.

Ни одной из этих различных ступеней опасности новичок не минует, не ощутив, что мысль здесь пробуждают иные силы и лучи ее преломляются иначе, чем при обычной умственной деятельности; скажем больше, надо быть совершенно исключительным человеком, чтобы под влиянием первых впечатлений не утратить способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка скоро притупляет эти впечатления; через полчаса становишься более или менее равнодушным ко всему окружающему; но до полного спокойствия и естественной душевной эластичности обыкновенный человек дойти не может, а потому следует признать, что здесь обыденного недостаточно: чем шире круг деятельности, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, властное честолюбие или старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в этой затрудняющей всякую деятельность обстановке результат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной.

Опасность – один из элементов трения на войне; правильное представление о ней необходимо для познаний сущности войны. Поэтому мы и коснулись этого предмета.

Глава 5

Физическое напряжение на войне

Если бы никому не разрешалось высказывать суждения о военных событиях иначе как в тот момент, когда он окоченел от холода или изнемог от жары и жажды, подавлен голодом и усталостью, мы, конечно, имели бы меньше объективно верных суждений, но зато они были бы строго субъективными, т. е. в точности передавали бы отношение судящего к предмету. Это видно уже из того, насколько умаленным, вялым и дешевеньким является суждение очевидцев о результатах гибельного

происшествия, особенно в тот момент, как они находятся среди этих несчастных событий. Последнее, на наш взгляд, может служить мерилом влияния, оказываемого физическим напряжением, и значения, какое ему при анализе явлений следует придавать.

Существуют явления, для пользования которыми на войне нет возможности установить какую-либо норму, к ним в особенности относится физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрачена, является коэффициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести. Но замечательно: как более сильный стрелок туже натягивает тетиву лука, так более мощному духом удается на войне добиться от своих войск более высокой степени напряжения сил. Конечно, существует два вида напряжения сил. Один, когда после страшного разгрома, разбившись на обломки, подобно рухнувшему зданию, окруженная опасностями армия ищет спасения с величайшим напряжением физических сил. Другой – когда полководец по своему свободному соизволению ведет победоносную армию, полную горделивого чувства.

Степень напряжения, которая в первом случае вызывает лишь сострадание, во втором внушает восторженное удивление, так как добиться ее здесь несоизмеримо труднее.

Таким образом, и перед неопытным глазом выступает на свет одно из обстоятельств, которое тайно накладывает оковы на порывы духа и украдкой поглощает его силы.

Хотя здесь речь идет собственно лишь о напряжении, которого главнокомандующий требует от своей армии, начальник – от своих подчиненных, точнее – о мужестве, необходимом, чтобы его добиться, и об искусстве, без которого его нельзя сохранить, однако нельзя обойти и вопроса о физическом напряжении, испытываемом начальниками и полководцем. Добросовестно доведя анализ войны до этого места, мы должны принять во внимание также и удельный вес этого наслоения.

Мы рассматриваем здесь вопрос о физическом напряжении главным образом потому, что это напряжение, как и опасность, является одной из основных причин трения, а также и потому, что по неопределенному размеру вызываемого трения оно приближается к природе эластичных тел, сила трения которых, как известно, с трудом поддается исчислению.

Однако особое внутреннее чувство, которое природа дала нам в качестве путеводной нити для нашего суждения, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на указанные суждения; нельзя отговариваться тягостными

условиями войны. Подобно тому, как отдельный человек ничего не выиграет, если будет ссылаться на свои слабости, подвергнувшись позору и оскорблениям, и, напротив, – выставит себя в лучшем свете, сославшись на них после того, как ему удастся восторжествовать над клеветой или блестяще отомстить, так ни один полководец, ни одна армия изображением опасностей, тягот и напряжения не исправят впечатления от позорного поражения; но те же трудности могли бы значительно усилить блеск одержанной победы. Так, кажущаяся снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок, подавляется нашим чувством, в существе своем являющимся суждением высшего порядка.

Глава 6

Сведения, получаемые на войне

Словом «сведения» мы обозначаем всю совокупность знаний, имеющихся у нас о неприятеле и его стране. Это – основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждящаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками. Что следует доверять лишь надежным сообщениям, что никогда не следует отказываться от известного недоверия, об этом написано во всех руководствах; но это – жалкое, книжное утешение, представляющее ту премудрость, к которой охотно прибегают за неимением чего-либо лучшего составители систем и учебников.

Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений еще больше, а основная их масса – мало достоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая дается только знанием дела и людей и здравым суждением. При оценке различных сведений надлежит руководствоваться их вероятностью. Затруднения бывают уже значительными при составлении первоначальных планов, разрабатываемых в кабинетах, вне подлинной сферы войны. В суматохе военных действий они несравненно больше: там одно известие нагоняет другое; счастье еще, когда их противоречивость устанавливает известное равновесие и вызывает взаимную критику. Гораздо хуже для неопытного человека, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно известие начинает подкреплять, подтверждать и преувеличивать другие, картина раскрашивается все новыми красками, наконец он оказывается перед необходимостью принять поспешное решение: последнее вскоре будет признано глупостью, а сведения, его вызвавшие, – ложью, преувеличением, ошибкой и

др. Короче говоря: большинство известий ложны, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды. Как общее правило, всякий скорее способен поверить плохому, чем хорошему; каждый склонен несколько преувеличивать плохое. Грозящие опасности, о которых подобным образом доносят, похожи на морские волны, которые хотя и уносятся сами, но снова возвращаются без всякого видимого повода. Непоколебимо уверенный в превосходстве своего внутреннего знания начальник должен стоять, как скала, о которую разбиваются волны сомнений. Это нелегкая роль; кто от природы не одарен хладнокровием, не закален боевым опытом и не тверд в своем суждении, должен принять за правило насильно, т. е. вопреки своим внутренним убеждениям, отворачиваться от опасений в сторону надежд; только этот путь позволит ему сохранить истинное равновесие. Правильная оценка этих затруднений, составляющих одно из главных трений на войне, дает возможность видеть дело в совершенно ином свете, чем оно представлялось вначале. Впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета, и это заходит так далеко, что почти ни одна сколько-нибудь крупная операция не выполнялась без того, чтобы командующему армией на первых же шагах не приходилось побеждать внутри себя вновь возникающие сомнения. Поэтому-то люди заурядные, следующие посторонним внушениям, обычно делаются нерешительными на месте действия. Обстоятельства им кажутся иными, чем они предполагали, и притом тем более, чем сильнее они продолжают поддаваться чужим внушениям. Но и тот, кто сам наметил план и смотрит на все собственными глазами, легко сбивается со своего первоначального мнения. Твердая уверенность в себе должна вооружить начальника против кажущегося напора данного момента. Его прежнее убеждение подтвердится при дальнейшем развертывании событий, когда кулисы, выдвигаемые судьбой на авансцену войны, с их густо намалеванными образами различных опасностей отодвинутся назад, и горизонт расширится. Это одна из великих пропастей, отделяющих *составление плана* от его *выполнения.*

Глава 7

Трение на войне

Пока человек лично не ознакомится с войной, он не поймет, в чем заключаются трудности дела, о которых постоянно идет речь, и каковы задачи гения и выдающихся духовных сил, необходимых полководцу. Все представляется чрезвычайно простым: необходимые знания – банальными, комбинации – незначительными; по сравнению с ними заурядная задача высшей

математики производит внушительное впечатление своим научным величием. Но тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное, и описать этот невидимый и тем не менее всюду действующий фактор.

Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накопляясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия. Представьте себе путешественника, которому еще до наступления ночи надо проехать 2 станции; 4–5 часов езды на почтовых по шоссе – пустяки. Вот он уже на предпоследней станции. Но здесь плохие лошади или нет вовсе никаких, а дальше гористая местность, неисправная дорога, наступает глубокая ночь. Он рад, что ему удалось после больших усилий добраться до ближайшей станции и найти там скудный приют. Так, под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно излагать не стоит, на войне все снижается, и человек далеко отстает от намеченной цели. Могучая, железная воля преодолевает все эти трения, она сокрушает препятствия; при этом, правда, приходит в негодность и сама машина. Нам часто придется возвращаться к этому выводу. Подобно обелиску, к которому ведут главные улицы города, в центре военного искусства господствует над всем твердая воля гордого духа.

Трение – это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина – армия и все, что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, и потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Теоретически получается превосходно: командир батальона отвечает за выполнение данного приказа; так как батальон спаян дисциплиной воедино, а командир – человек испытанного рвения, то вал должен вращаться на железной оси с ничтожным трением. В действительности это не так, и в свое время вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся в том представлении. Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый ничтожный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что на них следует смотреть как на важнейший его источник.

Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которых

заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. Здесь – туман помешал вовремя обнаружить неприятеля, открыть огонь из орудия, доставить донесение начальнику; там из-за дождя один батальон не пришел вовсе, другой не мог прийти вовремя, так как ему вместо 3 часов пришлось шагать целых 8, в другом месте кавалерия увязла в размокшем грунте и не могла атаковать и т. д.

Мы привели эти 2–3 подробности для ясности, чтобы читатель понимал, что имеет в виду автор. Но о таких трудностях можно написать целые тома; чтобы избежать этого и все-таки дать читателю ясное представление о массе мелких затруднений, с которыми приходится бороться на войне, мы хотели отразить наши мысли в ряде картин, но боимся вызвать утомление. Ограничимся несколькими примерами; да простят их нам читатели, давно нас понявшие.

Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на войне обычных сил недостаточно, чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности. Поэтому-то настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта каких-либо общих правил: они обучают только ходить, т. е. учат тому, что и без них каждый умеет.

Каждая война богата своеобразными явлениями. Она – неисследованное море, полное подводных камней; полководец никогда их не видел, но должен предчувствовать и уметь лавировать среди них в глубоком мраке ночи. Если вдобавок вдруг поднимется противный ветер, т. е. если будет иметь место крупная неблагоприятная случайность, – потребуются величайшее искусство, присутствие духа и напряжение сил, а смотрящему издалека будет казаться, что все идет само собой. Знакомство с этим трением – значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. Конечно, генерал, придающий исключительное значение трению, особенно если оно ему импонирует, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков). Но знание трения генералу, безусловно, необходимо, чтобы, где

можно, его преодолевать и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть. Впрочем, теоретически трение изучить в совершенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же недоставало бы того навыка в оценке, того такта, который, во всяком случае, гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собою и с другими. Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им офицеру всегда в больших и малых делах, при каждом, так сказать, ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это – годится, это – нет. Он нелегко попадает впросак, что при частом повторении подрывает основы доверия и представляет большую опасность.

Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле. Мы еще вернемся впоследствии к этому предмету, и тогда станет ясным, что помимо опыта и сильной воли для того, чтобы быть выдающимся полководцем, необходимо обладать исключительными качествами духа.

Глава 8

Заключительные замечания к 1-й части

Мы указали на опасность, физическое напряжение, недостоверность сведений и трение как элементы, входящие в состав атмосферы войны и обращающие ее в среду, затрудняющую всякого рода деятельность. Сумму этих элементов и их противодействия можно назвать общим трением. Неужели для ослабления этого трения нет никакой надежной смазки? Таковой смазкой может быть только втянутость армии в войну, но это средство не всегда находится в распоряжении полководца и войск.

Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу – к опасностям, рассудок – к осторожности в отношении впечатления минуты. Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца.

Подобно тому как человеческий глаз, расширяя в темной комнате свой зрачок, использует небольшое количество наличного света, мало-помалу начинает различать предметы и наконец вполне удовлетворительно разбирается в них, так и опытный солдат ориентируется на войне, в то время как перед новичком расстилается непроглядная тьма.

Ни один полководец не может дать войскам втянутости в

войну. Маневры мирного времени являются слабой ее заменой; эта замена слаба по сравнению с подлинным боевым опытом, но не в сравнении с навыками, приобретаемыми войсками, которые тренируются только в механическом воспроизведении искусственных учений. Организация упражнений мирного времени, при которой открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность, и имеет несравненно большую ценность, чем это думают те, кто незнаком с этим на опыте. Крайне важно, чтобы военный – любого ранга – на войне не впервые столкнулся бы с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы. Это касается даже физических напряжений. В них следует упражняться с целью приучить не только тело, но главным образом ум. Солдат-новичок склонен на войне считать чрезвычайное напряжение сил, выпадающее на него, результатом крупных ошибок, блужданий и растерянности общего руководства; это удваивает его чувство подавленности. Это отпадает, если к напряжению своих сил он будет подготовлен маневрами.

Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом, – другое, менее широкое, но все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе повсеместно редко бывает мир; в остальных частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной.

Как бы ни было незначительно количество таких офицеров по отношению ко всей массе войск, все же их влияние будет очень заметно. Их опыт, направление ума, развитие характера влияют на подчиненных и товарищей; кроме того в тех случаях, когда они не могут быть поставлены на влиятельные посты, на них можно смотреть как на людей, знакомых с местностью на определенных театрах войны: во многих случаях от них можно получить полезные сведения и указания.

Часть 2 ТЕОРИЯ ВОЙНЫ

Глава 1

Деление на части теории военного искусства

Война по существу своему это – бой, так как бой – единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием воины. Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон. Понятно, что исключать духовные силы нельзя, так как состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы.

С давних времен необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны.

Изобретениями являются главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов. Эта работа направляется сообразно с природой боя, следовательно, является продиктованной последней. Но это еще не бой, а только подготовка к нему. Что вооружение и устройство не являются существенной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем.

Бой определяет вооружение и устройство войск, но последние в свою очередь видоизменяют бой; таким образом между ними происходит взаимодействие.

Однако бой все же остается крайне своеобразным видом деятельности, в особенности потому, что протекает в своеобразной стихии. Эта стихия – опасность.

Здесь боле, чем где-либо, требуется разделение труда; чтобы пояснить практическую важность этого положения, достаточно напомнить, как отличные деятели в одной области оказывались абсолютно непригодными педантами в другой.

Притом вовсе нетрудно при исследовании разделить один вид деятельности от другого, если рассматривать вооруженные силы, являющиеся для нас средством, как данную величину; для целесообразного их применения достаточно будет уметь разобраться в их основных данных.

Итак, военное искусство в тесном смысле этого понятия является искусством использования в борьбе данных средств, для него нет более подходящего названия, как *ведение войны.* Но, конечно, военное искусство в широком смысле охватывает и

другие виды деятельности, существующие ради войны, т. е. всю работу по созданию вооруженных сил – их комплектование, вооружение, устройство и обучение.

Для того чтобы теория не порвала с реальностью, весьма важно разделить исследование этих двух видов деятельности. Действительно, если бы теория военного искусства начиналась с организации вооруженных сил и, поскольку последние определяют ведение войны, приурочивала бы их к нему, то такая теория была бы приложима только в тех немногих случаях, когда наличные вооруженные силы в точности ей соответствуют. Напротив, если мы хотим иметь теорию, которая отвечала бы большинству случаев и никогда не являлась бы вовсе непригодной, то мы должны строить ее на основе нормальных вооруженных сил, какими они бывают в большинстве случаев, причем и здесь только на их важнейших данных.

Итак ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба представляла единичный акт, то не было бы никакого основания для дальнейшего подразделения теории ведения войны; однако борьба состоит из большего или меньшего числа отдельных, завершенных актов, которые мы называем частными боями, как мы на то указывали в 1-й главе 1-й части [69] , и которые образуют новые единства. Отсюда происходит 2 совершенно различных вида деятельности:

1) организация самих по себе этих отдельных боев и ведение их;

2) увязка их с общей целью войны. Первая называется тактикой, вторая – стратегией.

Деление на тактику и стратегию в настоящее время имеет почти всеобщее распространение; каждый более или менее определенно знает, в какую из двух областей он должен поместить отдельное явление, даже не отдавая себе ясного отчета в основании для этого деления. Если подобным подразделением руководствуются бессознательно, то оно должно иметь глубокое основание. Мы его установили и можем сказать, что путеводной нитью наших розысков являлось общепринятое словоупотребление. Произвольные же попытки отдельных писателей определить эти понятия без учета природы вещей мы должны рассматривать как не имеющие общего распространения.

Итак, согласно нашему делению тактика есть *учение об использовании вооруженных сил в бою* , а стратегия – *учение об использовании боев в целях войны.*

Впоследствии при более подробном рассмотрении боя мы сможем вполне отчетливо очертить понятие отдельного или самостоятельного боя и установить предпосылки, при которых

единство этого понятия имеет место; здесь же мы удовольствуемся замечанием, что пределы единства боя в пространстве (при единовременных боях) совпадают с пределами командования соответственного начальника, а пределы единства во времени (при боях, следующих один за другим) простираются до момента полного преодоления кризиса, содержащегося в каждом бою.

Тот факт, что встречаются сомнительные случаи, а именно когда несколько боев могут рассматриваться как сливающиеся в одно целое, не может служить возражением против нашей системы подразделения, так как представляет возражение против любой системы подразделения реальных явлений, различия между которыми обычно сглаживаются постепенными переходами. Конечно, бывают и такие акты боевой деятельности, которые с одной и той же точки зрения могут с одинаковым успехом быть отнесены и к стратегии и к тактике: например, действия на весьма растянутых позициях, подобных кордонной линии, организация некоторых речных переправ и т. д.

Подразделение на стратегию и тактику имеет в виду и полностью охватывает лишь *использование вооруженных сил* . Между тем на войне есть множество видов деятельности, которые помогают использованию вооруженных сил, но отличны от него, иногда приближаясь, иногда становясь более чуждыми ему. Все эти виды деятельности относятся *к сохранению вооруженных сил.* Подобно тому как создание и обучение сил предшествует их использованию, так сохранение их сопровождает это использование и составляет необходимое его условие. Впрочем, при более внимательном разборе все виды деятельности, относящиеся сюда, должны рассматриваться как подготовка к бою, но подготовка, настолько близко соприкасающаяся с боевой деятельностью, что она сопровождает военные действия на всем их протяжении, чередуясь с актом использования вооруженных сил. Поэтому мы вправе отделить эти виды деятельности так же, как и прочие подготовительные действия, от военного искусства, понимаемого более тесно, т. е. от непосредственного ведения войны, и к этому нас вынуждает основное требование всякой теории – отделять неоднородные явления друг от друга. Кто станет причислять к ведению войны в собственном смысле всю канитель продовольственной службы и администрации? Хотя они и находятся с ведением войны в постоянном взаимодействии, но все же представляют нечто по существу своему от него отличное.

В 3-й главе 1-й части [70] мы говорили, что, в то время как борьба в целом и частные бои представляют собой единственное подлинное действие, нити всех остальных видов деятельности

приводят к бою и охватываются им. Этим мы хотели сказать, что всем остальным видам деятельности бой указывает объекты, к достижению которых они стремятся каждый согласно присущим им особенностям. Здесь мы подробнее остановимся на них.

Объекты деятельности, протекающие вне сферы боя, чрезвычайно разнообразны.

Некоторые из них, с одной стороны, являются частью самой борьбы и с ней тождественны, с другой же стороны, имеют целью сохранение вооруженных сил. Другие служат исключительно сохранению этих сил и лишь на основе взаимодействия оказывают косвенное влияние на бой.

Объекты деятельности, являющиеся еще частью самой борьбы, это – *марши, биваки и квартирное расположение войск* , потому что ими обусловливается известное состояние войск, а там, где мыслятся войска, идея боя всегда должна быть налицо.

Другие, имеющие отношение исключительно к сохранению вооруженных сил, это – *продовольствие войск, уход за ранеными и больными, пополнение вооружения и снаряжения.*

Марши вполне тождественны с использованием войск. *Марши в течение боя* , обычно называемые эволюциями [71] , еще не представляют подлинного действия оружием, но они так тесно и неизбежно связаны с последним, что составляют неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя – не что иное, как выполнение стратегических предначертаний. Эти последние указывают: *когда, где и с какими силами* должен быть дан бой, а для выполнения этого единственным средством служит марш.

Таким образом, марши вне боя являются орудием стратегии, но не принадлежат единственно ей, так как войска на походе каждое мгновение могут ввязаться в бой; поэтому выполнение марша контролируется как тактикой, так и стратегией.

Когда мы указываем колонне путь по сию сторону реки или горного отрога, то это является стратегическим заданием, ибо в нем заключается намерение дать противнику бой, если последний завяжется на марше, по эту сторону реки или отрога, а не на противоположной стороне.

Если же колонна, вместо того чтобы идти в долине по дороге, будет двинута по сопровождающей последнюю возвышенности или если ради удобства марша она будет разделена на несколько небольших колонн, то это уже явится тактическим заданием, ибо оно определяется тем способом, каким в случае возможного боя мы намерены использовать наши вооруженные силы.

Внутренний распорядок при передвижении всегда связан с боевой готовностью и относится к тактике, ибо он не что иное, как предвестник диспозиции для могущего иметь место боя.

Марш является инструментом, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала, т. е. бои; эти последние входят в стратегию лишь своими результатами, но не своим фактическим течением; поэтому нас не должно удивить, что при анализе инструмент часто оказывался на месте деятельного начала. Так, часто говорят о решающих искусных маршах, причем разумеют при этом те комбинации боев, к которым эти марши привели. Такая подмена представлений вполне естественна, а краткость речи слишком желательна, чтобы настаивать на отказе от нее, но все же такой оборот речи является лишь сдвигом ряда представлений, настоящий смысл которого надлежит не упускать из виду, дабы не стать на ложный путь.

Таким ложным путем является приписывание стратегическим комбинациям силы, независимой от тактических успехов. Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения.

Но хотя марш и может рассматриваться как неотъемлемая часть боя, однако к нему относятся и вопросы, не имеющие прямого отношения к последнему, т. е. не являющиеся ни тактическими, ни стратегическими. Сюда относится весь распорядок, служащий лишь для удобства войск, например сооружение мостов и дорог и т. п. Это, однако, лишь аксессуары; порой они могут стать очень близкими к использованию войск и почти с ними отождествиться, как, например, постройка моста на глазах у неприятеля, и все же они являются посторонними действиями, теория которых не входит в теорию ведения войны.

Биваки, под которыми в противоположность квартирному расположению мы разумеем всякое сосредоточенное, а следовательно, готовое к бою расположение войск, представляют состояние покоя и, следовательно, отдыха, но в то же время они являются стратегическим предрешением сражения в пунктах, где они располагаются; при этом порядок их расположения уже содержит в себе основные линии боя и обстановку, из которой исходит всякий оборонительный бой. Таким образом, расположение биваков является существенной частью как стратегии, так и тактики.

Квартирное расположение заменяет бивак в целях предоставления лучшего отдыха войскам; следовательно, по местонахождению и размеру занятой площади оно, как и биваки, относится к стратегии, а по внутренней организации, ориентированной на готовности к бою, является предметом

тактики.

Правда, помимо отдыха войск бивачное и квартирное расположения обыкновенно преследуют и другие цели, например прикрытие известного района, удержание той или другой позиции; но часто целью может служить лишь первое. Припомним, что цели, преследуемые стратегией, могут быть чрезвычайно разнообразными, ибо все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя; но и сохранение орудия, при помощи которого ведется война [72] , по необходимости часто будет являться целью отдельных ее комбинаций.

Следовательно, когда в подобном случае стратегия обслуживает лишь сохранение войск, то мы вовсе не оказываемся в чуждой нам области, но все еще находимся в области использования вооруженных сил, ибо всякое их размещение в любом пункте театра войны представляет использование их.

Но если сохранение войск на биваках или на квартирах вызывает такую деятельность, которая не является использованием вооруженных сил, вроде постройки землянок, разбивки палаток, снабжения продовольствием или работ по поддержанию чистоты на биваках и в местах расквартирования, то это уже не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Даже сооружение окопов, расположение и устройство которых являются очевидно частью организации боя, а следовательно, составляют предмет тактики, не принадлежит, однако, в отношении выполнения постройки к теории ведения войны; нужные для этого знания и умение должны быть уже присущи обученной вооруженной силе. Учение о бое предполагает их как уже готовую данную.

Из объектов, которые служат исключительно сохранению вооруженной силы и ни одной своей частью не отождествляются с боем, все же более близким к последнему, чем другие, является продовольствие войск, потому что эта деятельность должна выполняться ежедневно, и притом для каждого индивида. Таким образом, она перекрывает всю военную деятельность в ее стратегической части.

Мы говорим – в ее стратегической части, так как в рамках единичного боя вопрос продовольствия войск лишь в крайне редких случаях может оказать существенное влияние на план боя, хотя и такой случай мыслим. Наибольшее взаимодействие оказывается, таким образом, между продовольственным снабжением армии и стратегией; весьма часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет основные стратегические линии кампании или войны. Но как бы часто и

решительно ни влияла эта забота, снабжение войск продовольствием все же остается всегда деятельностью, существенно отличной от использования сил и влияющей на последнее лишь своими результатами.

Гораздо дальше от использования войск стоят другие объекты административной деятельности, о которых мы упоминали. Попечение о раненых очень важно для благосостояния армии, но распространяется лишь на малую часть входящих в ее состав индивидов и потому оказывает лишь очень слабое и притом косвенное влияние на использование остальных. Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и, таким образом, только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов [73] .

Но здесь нам надо оговориться во избежание возможного недоразумения. В отдельных случаях эти вопросы могут иметь решающее значение. Удаленность госпиталей и складов огнестрельных припасов может очень часто оказаться единственным основанием для крайне важных стратегических решений; этого факта мы не намерены ни отрицать, ни оставлять в тени.

Но речь идет не о фактическом значении в отдельных случаях, а об отвлеченной теории ведения войны, и мы утверждаем, что такие случаи слишком редки, чтобы теории ухода за больными и ранеными, пополнения оружием, огнестрельными припасами и т. п. придавать значение для теории ведения войны. Тем не менее целесообразно включить в теорию войны различные методы и системы, которые дают эти теории и их выводы; во всяком случае, это имеет место по отношению к продовольствию войск.

Подводя снова итог нашим рассуждениям, мы скажем, что различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь *подготовительными к войне, и на самую войну* . Этого деления должна держаться теория.

Знание и навыки, сопряженные с подготовкой, направлены на создание, обучение и сохранение всех вооруженных сил. Мы не будем останавливаться на том, какое общее название надо дать этой деятельности; но мы видим, что сюда входят артиллерия, фортификация, так называемая элементарная тактика, вся организация и администрация вооруженных сил и другие подобные предметы. Теория же самой войны занимается вопросами использования этих средств, выработанных в целях войны. От указанных ранее предметов она требует лишь вывода, а

именно – данные о главных свойствах тех средств, которые предназначаются для ведения войны. Эту теорию войны мы и называем военным искусством в тесном смысле, или теорией ведения войны, или теорией использования вооруженных сил, что для нас обозначает одно и то же понятие.

Эта теория будет заниматься боем, являющимся подлинной борьбой, маршами, бивачным и квартирным расположениями как состояниями, более или менее тожественными с первыми. Снабжение же войск как деятельность, не входящая в содержание боя, будет приниматься во внимание лишь своими конечными данными, подобно *другим данным обстановки* .

В свою очередь, военное искусство в тесном смысле слова распадается на тактику и стратегию. Первая занимается оформлением отдельного боя, вторая – использованием последнего. Обе затрагивают вопросы маршей, бивачного и квартирного расположения лишь через призму боя, и эти вопросы являются тактическими или стратегическими, в зависимости от того, касаются ли они оформления боя или его значения.

Вероятно, найдутся читатели, которым покажется излишним такое тщательное разграничение двух столь близко соприкасающихся предметов, как тактика и стратегия, ибо оно не оказывает непосредственного влияния на само ведение войны. Но ведь нужно быть большим педантом, чтобы искать непосредственных воздействий теоретического подразделения на поле сражения.

Первая задача всякой теории это – привести в порядок смутные и чрезвычайно спутанные понятия и представления, и, лишь условившись относительно названий и понятий, можно надеяться ясно и легко преуспевать в рассмотрении вопросов и при этом питать уверенность, что находишься с читателем на одной и той же точке зрения.

Тактика и стратегия представляют две в пространстве и времени друг в друга проникающие, но в то же время по существу различные деятельности; мы ни в коем случае не можем отчетливо мыслить их внутренние законы и взаимоотношения, не установив в точности их понятия.

Тот, кому все это безразлично, или отказывается от всякого теоретического рассмотрения, или его ум еще не страдал от запутанных и сбивчивых представлений, не опирающихся на твердую точку зрения, не приводящих ни к какому удовлетворительному результату; подобные представления о ведении войны, порою плоские, порою фантастические, порою плавающие в пустоте общих мест, столь часто преподносятся нам в печатной и устной форме именно по той причине, что еще

редко на этих предметах останавливался дух научного исследования.

Глава 2

Теория войны

1. Первоначально под военным искусством разумели лишь подготовку боевых сил

Прежде под названием «военного искусства» или «военной науки» всегда разумели совокупность тех знаний и сноровок, которые касаются материальных вещей. Устройство, изготовление и употребление оружия, постройка крепости и окопов, организация армии и механизм ее движений были предметами этих знаний и сноровок, и все они были направлены к тому, чтобы выставить пригодную для войны вооруженную силу. При этом не выходили из области материи, и война рассматривалась как область деятельности лишь одной из воюющих сторон. По существу это был только постепенный переход от ремесла к утонченному механическому искусству. Все это имело приблизительно такое же отношение к бою, как искусство мастера, выделывающего шпаги, к искусству фехтования. О действиях в минуту опасности в беспрерывно меняющейся обстановке, о подлинных проявлениях духа и мужества в надлежащем направлении не было и речи.

2. Война проявляется впервые в искусстве осаждать крепости

В искусстве осаждать впервые проявляется нечто относящееся к руководству самим боем, т. е. признаки проявления того духа, которому вручена эта область материи. Но эти духовные проявления большей частью сейчас же получали материальное воплощение в виде подступов, траншей, контрапрошей, батарей и т. п. и являлись лишь нитью, требовавшейся для того, чтобы нанизать на нее это материальное творчество. Но в этих осадах духовная сторона могла найти почти исключительно такое выражение, и этим можно было довольствоваться.

3. Затем на тот же путь вступила тактика

Позднее тактика делала попытки придать механизму своих сочетаний характер общего распорядка, отвечающего особенностям инструмента; эта попытка, конечно, ведет теорию на поле сражения; но на последнем не было простора для свободной деятельности ума и воли; там действовала армия, обращенная строями и боевым порядком в автомат; простая команда приводила его в движение, подобно часовому механизму.

4. Мысли о подлинном ведении войны встречались лишь изредка и под другим облаком

Предполагалось, что подлинное ведение войны, т. е.

свободное (примененное к требованиям конкретной обстановки) использование подготовленных средств, не может быть предметом теории, а должно представлять арену применения естественных дарований человека. Мало-помалу, по мере того как война переходила от рукопашной борьбы Средневековья к более правильной и сложной форме, в человеческом уме начинали тесниться отдельные отрывочные размышления, но они еще преимущественно проскальзывали только в мемуарах и рассказах, до известной степени *incognito* [74] .

5. Размышления по поводу военных событий вызвали потребность в теории

Когда размышления по поводу военных событий стали накопляться, а история стала приобретать критический характер, возникла живая потребность в известной точке опоры в виде принципов и правил, дабы столь свойственные военной истории спорные вопросы и борьба противоречивых мнений могли бы получить разрешение. Этот вихрь противоречивых мнений, лишенных какого-либо центра, каких-либо ясных норм, должен был представлять претящее человеческому уму явление.

6. Стремление установить положительное учение

Таким образом, возникло стремление установить принципы, правила или даже системы ведения войны. Не вглядевшись должным образом в те бесконечные трудности, которые лежат на пути к созданию положительного учения о ведении войны, выдвинули эту задачу. Ведение войны, как мы то показали выше, расплывается в крайне неопределенных границах во все стороны, между тем как каждая система, каждое научное построение обладают ограничивающей природой синтеза; отсюда создается навсегда непримиримое противоречие между такой теорией и практикой.

7. Ограничение материальной стороной

Теоретики довольно скоро ощутили все трудности этой задачи и сочли себя вправе уклониться от нее.

Поэтому они вновь ориентировали свои принципы и системы лишь на одну материальную сторону и видели в войне действия лишь одной из воюющих сторон. Хотели, как в науке о подготовке к войне, дойти до известных положительных результатов; для этого требовалось принимать к рассмотрению лишь то, что могло быть подвергнуто точному учету.

8. Численное превосходство

Численное превосходство является вопросом материальным. Из всех факторов, которыми обусловливается победа, остановились именно на нем, так как численное превосходство, комбинируемое со временем и пространством, могло дать законы

математического порядка. Мысля все прочие обстоятельства равными с обеих сторон и, таким образом, взаимно нейтрализованными, считали возможным отвлечься от них. Такое допущение, пожалуй, имело бы право на существование, если бы делалось временно, с целью изучить сопровождающие этот фактор обстоятельства; но поступить таким образом раз навсегда, считать численное превосходство за единственный закон и видеть в формуле: « *сосредоточить к определенному времени в определенном пункте численное превосходство* » – весь секрет военного искусства – это означало создавать ограничение, совершенно неспособное выдержать могущественный напор действительной жизни [75] .

9. Снабжение армии

Была сделана попытка систематизировать в теоретической обработке еще другой материальный фактор. Армия рассматривалась как некоторый организм, требующий пропитания; снабжение армии и выдвинули как основной принцип ведения большой войны [76] .

Конечно, и тут пришли к определенным цифровым данным, но эти цифры, покоившиеся на множестве произвольных предпосылок, не могли устоять перед лицом действительного опыта.

10. Базис

Некий остроумец попытался сосредоточить в одном понятии базиса целую кучу разнообразных обстоятельств, между которыми оказались даже и некоторые духовные факторы: продовольствие армии, ее укомплектование и запасы снаряжения, обеспеченность сообщений с отечеством, наконец, безопасность отступления, если в том окажется необходимость. Это понятие базиса сперва подменило все отдельные факторы; затем величина (протяжение) базиса подменила его самого, и, наконец, угол, который образует армия с этим базисом, заменил величину последнего [77] , и все это проделано было для того, чтобы дойти до чистого геометрического результата, не представляющего уже никакой ценности.

Последнее, конечно, неизбежно должно было случиться, ибо ясно, что ни одна из этих подстановок не могла быть произведена без насилия над истиной и изъятия части содержания предшествующего понятия. Понятие базиса представляет действительную потребность стратегии, и дошедший до него оказал теории истинную услугу, но пользоваться им вышеуказанным способом, безусловно, недопустимо; это должно было привести к совершенно однобоким выводам, которые этого теоретика увлекли еще дальше в совершенно нелепом

направлении, а именно – к установлению господствующего значения охватывающей формы базиса.

11. Внутренние линии

В виде реакции против этого ложного направления возведен был на престол другой геометрический принцип, принцип так называемых внутренних линий [78] . Этот принцип опирается на правильное основание, на ту истину, что бой есть единственное решающее средство на войне; но все же, именно вследствие своей исключительно геометрической природы, он – не что иное, как новая однобокость, которая никогда не будет в состоянии господствовать над действительной жизнью.

12. Все подобные попытки должны быть отвергнуты

На все подобные попытки создать теорию можно смотреть как на шаг вперед к истине лишь в аналитической их части; в части же синтетической, дающей руководящие указания и правила, они совершенно непригодны.

Они стремятся к определенным величинам, в то время как на войне все неопределенно, и в расчет входят явно переменные величины.

Они направляют исследование лишь на величины материальные, в то время как военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями.

Они всегда имеют в виду лишь действия одной стороны, между тем как война представляет постоянное взаимодействие противных сторон.

13. Гения ставили вне правил

Все то, что оказывалось недосягаемым для скудной мудрости одностороннего исследования, лежало за научной оградой и представляло область гения, *который якобы возвышается над общими правилами.*

Горе воину, долженствующему пресмыкаться среди нищеты этих правил, недостойных гения; гений может гордо шагать через них и даже потешаться над ними. А между тем именно деяния гения должны являться лучшим правилом, и теория ничего лучшего сделать не может, как показать, как и почему действовал гений.

Горе той теории, которая становится в оппозицию к духу. Она не загладит этого противоречия никаким смирением; чем больше она будет унижаться, тем больше ее будут вытеснять из действительной жизни насмешка и презрение.

14. Затруднения, встреченные теорией при рассмотрении величин духовного порядка

Каждая тория становится бесконечно труднее с того момента, когда она затронет сферу моральных величин. Архитектура и

живопись ясно понимают свои задачи, пока они имеют дело с материей; механические и оптические конструкции споров не вызывают. Но как только начинается моральное воздействие их творений, как только должны проглянуть духовные переживания и чувства, – весь кодекс правящих законов расплывается в неопределенных идеях.

Медицина по большей части занимается явлениями физическими, она имеет дело с животным организмом, который, будучи подвержен постоянным изменениям, через два месяца никогда не останется точно тем же, чем он был до того; это уже значительно затрудняет задачу медицины и ставит способность суждения врача выше его знаний; но насколько труднее случай, когда примешивается и душевное заболевание, и насколько выше ставим мы работу психиатра!

15. Моральные величины не могут быть исключены из теории войны

Но военная деятельность никогда не бывает направлена против одной лишь материи, а всегда в то же время и против моральных сил, одухотворяющих эту материю; отделить их друг от друга невозможно.

Моральные величины можно различать лишь внутренним оком, а последнее у каждого человека будет иным, да и у одного и того же человека бывает различным в разное время.

Так как опасность является общей стихией, в которой протекает вся военная деятельность, то суждение здесь будет находиться в зависимости от мужества и уверенности в собственных силах. Последние являются той призмой, через которую проходят все представления раньше, чем они достигают разума.

И все же нельзя сомневаться в том, что эти моральные величины могут получить известную объективную оценку уже на основе одного опыта.

Каждый знает моральное действие внезапного нападения, атаки с фланга или с тыла. Каждый ценит ниже храбрость противника, как только тот повернул спину, и проявляет совсем иную отвагу в роли преследующего, чем в роли преследуемого. Каждый судит о своем противнике по молве о его талантах, по его возрасту и его опытности и этим руководствуется в своей деятельности. Каждый тщательно взвешивает дух и настроение своих и неприятельских войск. Все эти и подобные им воздействия в области духовной природы подтверждались и постоянно повторялись на опыте; следовательно, мы вправе считаться с ними как со своего рода действительными величинами.

Что может получиться из теории, которая оставила бы их без внимания?

Конечно, эти истины должны вести свою родословную от опыта. С психологическими же и философскими мудрствованиями не должны связываться ни одна теория, ни один полководец.

16. Главная трудность для теории ведения войны

Чтобы отчетливо обозреть трудность задачи, которая содержится во всякой теории ведения войны, и иметь возможность вывести заключение о характере, который должна носить эта теория, мы должны ближе присмотреться к главным особенностям, определяющим природу военной деятельности.

17. Первая особенность: моральные силы и воздействия

ЧУВСТВО ВРАЖДЫ

Первая из этих особенностей заключается в моральных силах и воздействиях.

В своей основе борьба представляет выражение *враждебных чувств* ; правда, в тех крупных столкновениях, которые мы называем войнами, враждебные чувства часто становятся только враждебными *намерениями* : обычно мы не найдем, по крайней мере у отдельного человека, чувств ненависти к отдельному единичному врагу Тем не менее без такого морального переживания дело никогда не обходится. Национальная ненависть, в которой и в наших войнах редко чувствуется недостаток, заменяет в большей или меньшей степени личную вражду одного индивида к другому. Но там, где нет налицо и национальной ненависти и первоначально не было никакого озлобления, там враждебные чувства разгораются в процессе самой борьбы, ибо насилие, которое нам кто-то причиняет по приказанию свыше, разжигает в нас стремление отплатить и отомстить ему; это происходит даже прежде, чем у нас появятся соответственные чувства к высшей власти, распорядившейся этим насилием против нас. Это – по-человечески, или, если хотите, по-зверски, но это – так. А в теории обычно принято смотреть на бой как на абстрактное измерение сил без какого-либо участия настроения; это представляет одну из тысячи ошибок, допускаемых вполне умышленно теориями, не отдающими себе отчета в вытекающих из них последствиях.

Кроме этого порождаемого самой природой борьбы побуждения моральных сил существуют и другие, в основном самостоятельные, но родственные борьбе и легко с ней увязывающиеся, как то: честолюбие, властолюбие, воодушевление всякого рода и др.

18. Впечатления, производимые опасностью

МУЖЕСТВО

Наконец, бой порождает стихию опасности, в которой все виды военной деятельности пребывают и движутся, как рыбы в воде, как птицы в воздухе. Действие же опасности влияет на дух или непосредственно, т. е. инстинктивно, или через посредство разума. Непосредственным отражением опасности является стремление избежать ее, а при непополнимости последнего – страх и ужас. Если такое воздействие не имеет места, это означает, что этот инстинкт уравновешивается мужеством. Но мужество никоим образом не есть акт рассудка, а представляет точно такое же чувство, как и страх; последний направлен на физическое самосохранение, а мужество – на моральное. Мужество – благородный инстинкт, который не допускает своего использования в виде безжизненного инструмента, проявляющего свое действие в точно указанном размере. Таким образом, мужество – не простой противовес опасности, предназначенный нейтрализовать ее действие, а величина самостоятельная.

19. Объем влияния опасности

Дабы правильно оценить влияние опасности, оказываемое на лиц, действующих на войне, не следует ограничиваться физической минутной опасностью. Она действует на начальника не только тем, что непосредственно угрожает лично ему, но и тем, что угрожает всем вверенным ему людям; это давление имеет место не только в момент действительного проявления опасности, но в течение всего промежутка времени, который в нашем представлении связан с этим моментом. И наконец, опасность оказывает не только непосредственное воздействие, но и косвенное, посредством ответственности, бремя которой, тяготеющее над сознанием начальника, она удесятеряет. Кто может посоветовать или решиться дать большое сражение, не испытывая при этом большего или меньшего духовного напряжения или смущения перед опасностью и ответственностью, сопряженных с таким решительным актом? Можно положительно утверждать, что военная деятельность, поскольку она является подлинной деятельностью, а не только присутствием на войне, никогда полностью не выходит из сферы опасности.

20. Другие моральные силы

Рассматривая эти моральные силы, возбужденные враждой и опасностью, как специфически присущие войне, мы тем самым не исключаем всех остальных моральных сил, сопровождающих человека на его жизненном пути; и на войне они найдут для себя достаточно места. Правда, можно сказать, что иная мелкая игра страстей принуждена будет смолкнуть на этом серьезном жизненном поприще, но это относится лишь к лицам,

действующим на низших ступенях: переносясь от одной опасности, от одного потрясения к другим, они теряют из виду все прочие обстоятельства жизни, отвыкают от лжи и обмана, ибо смерти не солжешь и не обманешь, и, таким образом, доходят до солдатской простоты характера – лучшего признака военного звания.

Но на высших постах дело обстоит иначе, ибо чем выше человек поставлен, тем шире должен быть его кругозор; следовательно, там возникают всесторонние интересы и разнообразная игра страстей, и хороших, и дурных. Зависть и благородство, гордость и скромность, гнев и умиление – все они могут являться действенными силами в этой великой драме.

21. Особенности ума

Особенности ума действующего лица наряду с его темпераментом также оказывают на войне огромное влияние. Одного приходится ждать от ума фантастического, экзальтированного, незрелого, другого – от ума холодного и сильного.

22. Из многообразия духовного склада личности вытекает многообразие путей, ведущих к цели

Велико многообразие индивидуального духовного склада; его влияние сказывается главным образом на высших постах, ибо оно растет по мере подъема к ним. Оно по преимуществу и обусловливает то многообразие путей, ведущих к цели, и придает игре вероятностей и счастья ту столь различную долю участия в событиях, о которых мы говорили в 1-й части нашего труда.

23. Вторая особенность: живое противодействие

Вторая особенность военных действий – это живое противодействие и вытекающее из него взаимодействие. Мы здесь уже не говорим о трудности рассчитать силу этого противодействия, ибо мы уже имели ее в виду в числе затруднений, встречаемых теорией при рассмотрении величин духовного порядка; мы имеем в виду то обстоятельство, что происходящее взаимодействие по самой своей природе противится всякой плановости. Те последствия со стороны противника, которые вызовет какое-либо наше мероприятие, представляют наиболее индивидуальную из всех данных военной деятельности, между тем каждая теория должна классифицировать явления и никак не может включать в свое содержание случай чисто индивидуальный; оценка последнего всегда должна быть предоставлена личному суждению и таланту Поэтому вполне естественно, что в такой деятельности, как военная, где план, построенный на обстановке в целом, так часто нарушается неожиданными индивидуальными явлениями, вообще

много должно быть предоставлено таланту и пользоваться *указаниями теории* приходится меньше, чем в какой-либо другой отрасли.

24. Третья особенность: недостоверность данных

Наконец, своеобразное затруднение представляет недостоверность данных на войне; все действия ведутся в известной степени в полумраке; к тому же последний нередко, подобно туману или лунному освещению, создает иллюзию преувеличенного объема и причудливых очертаний.

Все то, что скрывает это слабое освещение, должен угадать талант, или же надо положиться на счастье. Итак, вновь приходится доверяться таланту или по недостатку объективного разумения просто отдаваться на волю случая.

25. Положительное учение – невозможно

При такой природе предмета мы должны признать, что представляется абсолютно невозможным снабдить военное искусство подмостками в виде положительной научной системы, которая давала бы во всех случаях внешнюю опору военному деятелю. Последний везде, где от него требовался бы его личный талант, оказался бы вне такой научной системы и в противоречии с нею; какое бы многостороннее сооружение ни представляла система, постоянно получался бы все тот же результат, о котором мы уже говорили, а именно: талант и гений действуют вне закона, теория становится в противоречие с действительностью.

26. Выходы для создания теория (трудности не всюду одинаково велики)

Из этого затруднения открывается нам два выхода. Прежде всего то, что мы сказали о природе военной деятельности в целом, не распространяется в одинаковой мере на деятельность на любом посту. На низших ступенях командования предъявляется преимущественно требование на мужество и самоотверженность; трудности понимания и суждения здесь несравненно меньшие. Область явления гораздо более замкнута, цели и средства в количественном отношении более ограничены, данные – точнее: по большей части они даже могут быть установлены непосредственно зрением. Но чем выше мы подымаемся по иерархической лестнице, тем больше возрастают затруднения, достигая высшей степени в деятельности верховного главнокомандующего, который почти во всем должен опираться на гений.

Расчленив военную деятельность по *содержанию* , мы также усмотрим, что трудности не везде одинаковы. Они уменьшаются, когда действия получают материальное выражение, и возрастают при переходе в мир духовный, в область мотивов, побуждающих

волю. Поэтому легче теоретически наметить внутренний порядок боя, его организацию и ведение, чем его использование. Там идет борьба физическим оружием с той и с другой стороны, и хотя моральные силы, конечно, принимают участие в этой борьбе, все же материя сохраняет в ней свои права. Но в результате боев материальные успехи становятся в свою очередь мотивами, и нам приходится иметь дело исключительно с духовной природой. Одним словом, *тактика* представляет для теории гораздо меньше трудностей, чем *стратегия.*

27. Теория должна являться рассмотрением, а не учением

Второй выход, делающий возможным построение теории, дает следующая точка зрения: теория не должна быть непременно положительным учением, т. е. *руководством* для действий. Во всех тех случаях, когда какая-нибудь деятельность постоянно сталкивается с одними и теми же вопросами, с теми же целями и средствами, хотя бы и несколько измененными и в разнообразнейших комбинациях, эти вопросы должны стать предметом углубленного рассмотрения. Такое рассмотрение и составляет существенную часть всякой теории и имеет преимущественное право на это название. Оно является аналитическим исследованием предмета [79] , ведет к точному ознакомлению с ним и при условии поверки опытом, т. е. в нашем случае – военной историей, к полному усвоению его. Чем больше рассмотрение достигает этой конечной цели, тем оно более переходит из объективной формы знания в субъективную форму умения; таким образом, оно сохранит свою действенность и там, где природа дела допускает решение лишь посредством таланта; в нем самом скажется действенность достигшего своей цели рассмотрения. Если теория исследует предметы, составляющие сущность войны, если она более отчетливо различит то, что на первый взгляд кажется слившимся, если она укажет с достаточной полнотой все свойства средств и предусмотрит вероятные результаты их действия, если она ясно определит природу целей и осветит разумной критикой всю область войны, то она этим выполнит существеннейшую часть своей задачи. Она будет служить путеводителем тому, кто по книгам желает освоиться с войной; она всюду осветит ему путь, облегчит все шаги, воспитает его суждение и оградит от ложных шагов.

Если специалист затратит половину своей жизни на углубленное изучение темного вопроса, то он, конечно, уйдет дальше, чем тот, кто пожелает освоиться с ним в короткое время. Для того чтобы каждый не стоял перед необходимостью заново приводить в порядок весь материал и полностью его разрабатывать, но находил все в упорядоченном и выясненном

состоянии, и существует теория. Она должна воспитывать ум будущего полководца или, вернее, – руководить им в его самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не держа его, однако, всю жизнь на помочах.

Если из соображений, выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и правила, если истина сама собой отольется в их кристаллическую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума; наоборот, там, где свод завершается таким замком, она его еще более выдвинет на первый план; но сделает она это лишь для того, чтобы удовлетворить философскому закону мышления и отчетливо указать на тот пункт, к которому устремлены все линии, а не для того, чтобы построить алгебраическую формулу для пользования на поле сражения; ведь эти принципы и правила также должны скорее определять главные линии внутренней, самостоятельной работы мыслящего ума, чем представлять при выполнении задачи вехи, точно указывающие путь.

28. При такой точке зрения теория является осуществимой и отпадает ее противоречие с практикой

Этой точкой зрения создается возможность удовлетворительной, т. е. полезной и никогда не вступающей в противоречие с действительностью теории ведения войны; лишь от разумного обращения с нею будет зависеть – сблизить ее с делом настолько, чтобы исчезло бессмысленное расхождение между теорией и практикой. Последнее часто вызывалось неразумной теорией, отрешавшейся от человеческого здравого смысла, но часто являлось и для ограниченных умов и невежд предлогом, чтобы благополучно оставаться во врожденной им косности.

29. Таким образом, теория рассматривает природу целей и средств. Цель и средства в тактике

Итак, задача теории – рассмотреть природу средств и целей. В тактике средством служат обученные вооруженные силы, которые должны вести бой. Цель – это победа. Более точное определение этого понятия удобнее будет сделать в будущем, при рассмотрении боя; здесь мы ограничимся указанием как на признак одержанной победы на уход неприятеля с поля сражения. Посредством этой победы стратегия достигает той цели, которую она поставила данному бою и которая определяет истинное значение победы. Это значение, несомненно, оказывает известное влияние на природу победы. Победа, ориентированная на ослабление вооруженных сил противника, представляет нечто

иное, чем победа, долженствующая доставить нам лишь обладание известной позицией. Таким образом, значение боя может иметь заметное влияние на организацию и ведение его, а следовательно, служить предметом рассмотрения и для тактики.

30. Обстоятельства, всегда сопровождающие применение средств

Так как известные обстоятельства всегда сопровождают бой и оказывают на него большее или меньшее влияние, то при исследовании применения вооруженных сил они также подлежат рассмотрению.

Эти обстоятельства суть условия местности, время суток и погода.

31. Условия местности

Условия местности, под которыми разумеется как сама местность, так и почва, могли бы, строго говоря, не оказывать влияния, если бы бой давался на абсолютно плоской, лишенной каких-либо сооружений равнине.

В степных краях это действительно и встречается, в культивированных же районах Европы это почти фантазия. Таким образом, едва ли хотя бы один бой между цивилизованными народами Европы можно мыслить без влияния местности и почвы.

32. Время суток

Время дня влияет на бой различием между днем и ночью, но зависимость от него, конечно, простирается и за эту грань между ними, ибо каждый бой имеет известную продолжительность, а крупные бои длятся даже многие часы. При организации большого сражения, несомненно, будет существенно важным – начнется ли оно с утра или после полудня. Но, конечно, многие бои будут происходить при таких условиях, когда время дня окажется совершенно безразличным; в большинстве случаев влияние этого обстоятельства довольно ничтожно.

33. Погода

Погода еще реже оказывает решительное влияние на бой; в большинстве случаев известную роль играет туман.

34. Цели и средства в стратегии

Основным средством стратегии является победа, т. е. тактический успех, а цель ее в последней инстанции составляют те обстоятельства, которые должны непосредственно вести к заключению мира. Применение средств стратегии для достижения этой цели сопровождается точно так же известными обстоятельствами, оказывающими большее или меньшее влияние.

35. Обстоятельства, сопровождающие применение средств

Эти обстоятельства суть: местность и почва, причем первая

понимается широко как страна и население в пределах всего театра войны; время суток, причем это представление расширяется до времени года; и, наконец, погода и притом необычайные ее проявления, например сильные морозы и т. д.

36. Они образуют новые средства

Ставя эти явления в связь с успехом боя, стратегия придает этому успеху, а следовательно, и самому бою, особое значение и ставит ему особую цель. Но поскольку эта цель не является той, которая ведет непосредственно к заключению мира, т. е. будет целью второстепенной, она должна рассматриваться как средство, и мы поэтому можем рассматривать успехи в боях или победы во всех их различных значениях как средства стратегии. Захват позиции представляет подобный боевой успех, связанный с территорией. Но не только отдельные бои с их особыми целями надо рассматривать как средство, но и всякое высшее единство, которое может образоваться из сочетания боев, направленных на одну общую цель. Зимний поход представляет такую комбинацию, связанную со временем года.

Таким образом, в качестве цели остаются лишь те явления, которые мыслятся как *непосредственно* ведущие к миру, теория исследует все эти средства и цели, руководствуясь природой их действенности и их взаимоотношениями.

37. Стратегия черпает подлежащие исследованию средства и цели только из опыта

Первый вопрос: каким образом теория может достигнуть исчерпывающего перечисления этих явлений? Если бы это явилось задачей философского исследования, то последнее запуталось бы во всех тех трудностях, которые во имя логической необходимости исключаются из ведения войны и ее теории. Поэтому теория обращается к опыту и берет под свое рассмотрение те комбинации, которые уже отмечены военной историей. Теория, создавшаяся таким путем, будет, конечно, до известной степени ограниченной, соответствующей лишь условиям, представленным в военной истории. Но такое ограничение уже потому неизбежно, что все, что говорит теория, или переведено ею на язык отвлеченностей из трудов по военной истории, или же по меньшей мере сопоставлено и сравнено с историческими данными. Впрочем, подобное ограничение существует скорее в мыслях, чем в действительности.

Большое преимущество этого пути заключается в том, что теория при этом не может заблудиться в мечтаниях, мудрствованиях и химерах и все время остается на почве практики.

38. До каких пределов должен доходить анализ средств

Другой вопрос: как далеко должна заходить теория в анализе средств? Очевидно, лишь настолько, насколько приходится принимать во внимание при пользовании этими средствами их специфические свойства. Дальнобойность и действительность разных видов огнестрельного оружия крайне важны для тактики, но конструкция оружия, хотя и определяющая упомянутые свойства, совершенно безразлична, ибо данными для ведения войны являются не уголь, сера и селитра, медь и олово [80] для выделки из них пороха и пушек, но готовое оружие с его действительностью. Стратегия пользуется картами, не беспокоясь о тригонометрических вычислениях; она не исследует вопроса о том, как следует устраивать страну, воспитывать народ и управлять им для достижения наибольших военных успехов, но берет все эти данные такими, какие они бывают в европейских государствах; надо лишь обращать внимание на те случаи, где имеются какие-либо резкие уклонения, могущие оказать заметное влияние на войну.

39. Значительное упрощение знаний

Легко понять, что таким путем число предметов, подлежащих теоретическому изучению, значительно сокращается, а знания, потребные для ведения войны, сильно ограничиваются.

Велико количество зданий и сноровок, которые вообще обслуживают военную деятельность и которые необходимы для подготовки; но прежде, чем устроенная армия выступит в поход, и раньше, чем эти знания и сноровки достигнут конечной цели своей деятельности, они сливаются в небольшое число крупных выводов, подобно тому как воды страны сливаются в реки, прежде чем они докатятся до моря. Лишь с этими вливающимися в море войны выводами должен ознакомиться тот, кто призван ею руководить.

40. Этим объясняется, почему так быстро формируются великие полководцы, почему быть полководцем не означает быть ученым

В самом деле, этот результат нашего рассмотрения является настолько необходимым, что всякий иной должен был бы вызывать у нас подозрение в его истинности. Лишь этим объясняется, что на войне так часто выступали с большим успехом на высших постах, даже в роли главнокомандующего, люди, деятельность которых до этого имела совсем иное направление. Более того, выдающиеся полководцы никогда не выходили из класса много знающих или ученых офицеров, но из людей, которые жили в обстановке, в большинстве случаев не соответствовавшей приобретению большого количества познаний. По этой причине всегда высмеивались как жалкие педанты те, кто

утверждал, что для воспитания будущего полководца необходимо, или хотя бы полезно, начать с изучения всех деталей военного дела. Нетрудно доказать, что такие детальные знания приносят скорее вред, так как человеческое мышление воспитывается сведениями и течениями мысли, которые ему сообщаются. Лишь великое может сделать его великим; мелкое же делает его мелочным, если только он не отвергает мелочное как нечто ему совершенно чуждое.

41. Прежнее противоречие

Но многие не обращали внимания на эту простоту знания, потребного на войне, и сваливали это знание в одну кучу со всей массой служебных сведений и сноровок; поэтому они впадали в явное противоречие с явлениями действительного мира и находили из него выход лишь в том, что все приписывали гению: гений же не нуждается в теории и не для гениев теории сочиняются.

42. Поэтому стали отрицать полезность всякого знания и приписывали все природным дарованиям

Люди, у которых природный здравый смысл сократил свои права, конечно, чувствовали, какая огромная пропасть лежит между гением высшего порядка и ученым педантом; они пришли к известного рода вольнодумству, отвергали всякую веру в теорию вообще и считали ведение войны естественной функцией человека, которую он выполняет с известным успехом в зависимости от того, родился ли он на свет с большим или меньшим к ней дарованием. Нельзя отрицать, что эти люди были ближе к истине, чем преклонявшиеся перед ложным знанием; однако все же сразу бросается в глаза, что этот взгляд представляет несомненное преувеличение.

Никакая деятельность человеческого ума невозможна без известного запаса представлений; но эти представления, по крайней мере в большинстве своем, не являются врожденными; они приобретаются человеком, составляя существо его знаний. Вопрос, следовательно, сводится лишь к тому, какого рода должны быть эти представления; последнее, нам кажется, мы уже определили, сказав, что для целей войны они должны определяться по тем вопросам, с которыми приходится непосредственно иметь дело на войне.

43. Знание должно быть сообразно с занимаемой должностью

В пределах арены военной деятельности знания должны быть различными в зависимости от положения, которое занимает начальник; они окажутся направленными на более мелкие и ограниченные предметы, когда занимаемый пост – скромный, на более крупные и многообъемлющие, когда начальник занимает

высокую должность. Бывали полководцы, которые не проявили бы особенного блеска в должности командира кавалерийского полка, но бывало и наоборот.

44. На войне требуемые знания чрезвычайно просты, но умственная деятельность – дело не очень легкое

Хотя знания, требуемые на войне, крайне просты, так как сосредоточиваются на небольшом числе предметов и притом охватывают лишь их конечные выводы, уменье их применить все же не будет делом очень легким. На какие затруднения наталкивается деятельность на войне вообще, об этом мы уже говорили в 1-й части нашего сочинения; не останавливаясь здесь на тех, которые можно преодолеть только мужеством, мы утверждаем, что и подлинно умственная деятельность проста и легка на войне лишь на низших постах; с повышением же должности растут и трудности, а на высшем посту главнокомандующего умственная деятельность принадлежит к числу наиболее трудных, какие только выпадают на долю человеческого ума.

45. Каковы должны быть эти знания?

Полководцу не надо быть ни ученым историком, ни знатоком государственного права, но он должен быть близко знаком с высшими областями государственной жизни, он должен знать господствующие направления, действующие интересы, очередные вопросы, он должен быть знаком с главными действующими на арене политики лицами и правильно их оценивать. Нет надобности, чтобы он был тонким наблюдателем человеческой природы, изысканным знатоком человеческих характеров, но он должен знать характер, образ мыслей и нравы, особые недостатки и достоинства тех, коими он призван повелевать. Ему нет надобности знать что-либо об устройстве повозки или об упряжке лошадей в орудие, но он должен уметь правильно оценить продолжительность марша колонны при различной обстановке.

Всех этих познаний нельзя добиться посредством аппарата научных формул и выкладок, цепляющихся одна за другую, как шестерни; они приобретаются лишь тогда, когда человеку при рассмотрении вопросов, а также в жизни присущи меткое суждение и талант ясного восприятия.

Необходимое для деятельности на высоком посту знание, следовательно, характеризуется тем, что оно может быть приобретено процессом рассмотрения, т. е. лишь помощью своеобразного таланта изучения и размышления; этот талант, подобно пчеле, берущей мед из цветка, умеет каким-то духовным инстинктом извлекать из-под внешних оболочек жизни их сущность; он черпает свои знания не только из рассмотрения и

изучения, а и прямо из жизни. Жизнь с ее богатым запасом поучений не в состоянии сформировать Ньютонов и Эйлеров, но ей по силам создать высокую способность расчета Конде и Фридриха.

Итак, для защиты высокого умственного уровня, требуемого военной деятельностью, нет никакой надобности прибегать к неправде или бестолковому педантизму. Никогда еще не бывало великого полководца с ограниченным умом, но очень часты те случаи, когда люди, служившие с выдающимся отличием на более низких постах, оказывались ниже посредственности на высших постах, так как у них не хватало способностей. Само собой разумеется, что в этом отношении имеется различие и между постами главнокомандующих в различных случаях в зависимости от объема их полномочий.

46. Знание должно стать умением

Теперь нам остается упомянуть еще об одном условии, которое более настоятельно необходимо для познания ведения войны, чем для всякого другого, а именно: это познание должно всецело слиться с духовной деятельностью, утратить всякую объективность. Почти во всех остальных искусствах и на других поприщах работы действующее лицо может пользоваться истинами, которые оно смогло просто изучить, дух и смысл коих оно уже не переживает и которые извлекает из пыльных фолиантов. Даже истины, которые у него ежедневно под рукой и которыми он обычно пользуется, могут оставаться чем-то совершенно для него внешним. Когда архитектор берет в руки перо, чтобы при помощи сложного расчета определить мощность устоя, то добытая таким путем истина не есть выражение его духа. Ему сначала пришлось потрудиться над установлением необходимых данных, а затем он пустил их в обработку математической операции, законы которой не он изобрел и внутреннюю логику которой он в данную минуту даже и не вполне сознает; большей частью он применяет ее как механический прием. На войне так никогда не бывает. Духовная реакция, вечно меняющийся ход дела заставляют лицо, действующее на войне, носить в себе весь умственный аппарат своего знания; он должен обладать способностью всюду, при каждом биении пульса извлечь из себя самого необходимое решение. Таким образом, знание через такую полную ассимиляцию с духом и жизнью должно превратиться у него в подлинное умение.

Вот почему все кажется таким легким у выдающихся военных деятелей и все приписывается природному таланту; мы говорим: «природному таланту» для того, чтобы подчеркнуть различие его

от таланта, воспитанного и выработанного путем наблюдения и изучения.

Мы думаем, что этим разбором мы отчетливо установили задачу теории ведения войны и указали способ ее разрешения.

Из двух областей, на которые мы разделили ведение войны, – тактика и стратегия – теория последней представляет, бесспорно, наибольшие трудности, ибо первая имеет почти замкнутый круг предметов, последняя же в направлении целей, непосредственно ведущих к заключению мира, раскрывается в безграничную область возможностей. Но так как эту цель должен иметь в виду почти исключительно главнокомандующий, то эта трудность преимущественно относится к той части стратегии, в которой вращается последний.

Поэтому теория стратегии, особенно в области высших ее вопросов, должна в гораздо большей мере, чем теория тактики, ограничиться простым лишь рассмотрением явлений и довольствоваться тем, чтобы помочь деятелю добиться того проникновения в суть явлений, которое, сплавившись в одно целое со всем его мышлением, облегчит его шаги и придаст им уверенность, но никогда не заставит его отрешиться от самого себя и сделаться послушным орудием объективной причины.

Глава 3

Военное искусство или военная наука

1. Словоупотребление еще не установилось. Умение и знание. Цель науки – одно лишь знание; цель искусства – умение.

До сих пор еще колеблются в выборе между этими двумя терминами и не отдают себе ясного отчета, что должно послужить основанием для решения, хотя дело весьма просто. Мы уже раньше отмечали, что знание – нечто другое, чем умение. Оба эти понятия столь отличны между собой, что, казалось бы, их нелегко смешать. Уменье, собственно говоря, не могло бы быть изложено ни в какой книге, и значит, искусство не должно бы служить заглавием какой-либо книги. Но раз уже образовалась привычка объединять под одним общим названием теории искусства, или попросту искусства, все потребные для искусства знания (которые в отдельности могли бы составить законченные науки), то представляется последовательным проводить и дальше этот принцип расчленения и называть искусством все то, что имеет своей целью созидательное умение, например строительное искусство, а наукой – то, где целью является чистое знание, – например математика, астрономия. Само собой понятно, что в каждой теории искусства могут заключаться отдельные научные построения; это не должно нас смущать.

Но замечательно, что нет и наук, которые обходились бы

совершенно без искусства; в математике, например, счет и применение алгебры есть искусство, и оно простирается еще далеко за эти пределы. Причина в следующем: как бы груба и наглядна ни была разница между знанием и умением в сложных результатах человеческого знания, проследить эти два начала в самом человеке и полностью разграничить их чрезвычайно трудно.

2. Трудность отделить опознание от суждения (военное искусство)

Всякое рассуждение есть искусство. Там, где логика протягивает тире [81] , там, где заканчиваются предпосылки, составляющие результат опознания, там, где начинается суждение, – там начинается искусство. Мало того: само опознание умом есть опять-таки суждение, следовательно, и искусство; в конце концов, пожалуй, то же можно сказать и об опознании чувствами. Словом: если нельзя себе представить человеческое существо с одной способностью опознания и без способности суждения и наоборот, то точно так же нельзя полностью отделить друг от друга искусства и науки. Чем больше эти тонкие проблески воплощаются в реальных формах внешнего мира, тем их царства резче отделяются друг от друга; и опять: где творчество и созидание составляют цель, там царит искусство, наука же господствует там, где целью служат исследование и знание. После всего вышесказанного явствует само собой, что правильнее говорить «военное искусство», а не «военная наука».

Нам пришлось задержаться, так как обойтись без этих понятий невозможно. Но теперь мы выступим с утверждением, что война не есть ни искусство, ни наука в подлинном смысле слова; непонимание этого являлось той ложной отправной точкой, от которой шел ошибочный путь невольных сопоставлений с остальными науками и искусствами и установления множества неправильных аналогий.

Это чувствовалось уже и раньше, почему и утверждали, что война – это ремесло; но от этого утверждения больше теряли, чем выигрывали, ибо ремесло есть лишь искусство низшей категории, и как таковое оно подчиняется более определенным и узким законам. В действительности военное искусство некоторое время вращалось в сфере ремесла, а именно: в эпоху кондотьеров. Но такое направление оно получило не по внутренним, а по внешним причинам; в какой малой степени оно было в эту эпоху естественным и удовлетворительным, свидетельствует военная история.

3. Война есть акт человеческого общения

Итак, мы говорим: война относится не к области искусств и

наук, а к области общественной жизни. Она есть конфликт крупных интересов, который разрешается кровопролитием; лишь в последнем ее отличие от других конфликтов.

Скорее, чем с каким-либо из искусств, ее можно сравнить с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельностей, а еще ближе к ней стоят политика, которую, в свою очередь, можно рассматривать как своего рода торговлю высокого масштаба. Кроме того политика есть лоно, вынашивающее войну; в политике уже заключаются в скрытом виде основные очертания войны, подобно тому как облик живого существа кроется в его зародыше.

4. Различие

Существенное различие между ведением войны и другими искусствами сводится к тому, что война не есть деятельность воли, проявляющаяся против мертвой материи, как это имеет место в механических искусствах, или же направленная на одухотворенные, но пассивно предающие себя его воздействию объекты – например дух и чувство человека, как это имеет место в изящных искусствах. Война есть деятельность воли против одухотворенного реагирующего объекта.

К такого рода деятельности мало подходит схематическое мышление, присущее искусствам и наукам; это сразу бросается в глаза, и в то же время становится понятным, почему постоянные попытки и искания законов, подобных тем, которые выводятся из мира мертвой материи, должны были приводить к постоянным ошибкам. Тем не менее именно по образцу механических искусств хотели создать искусство военное. Уподобление его искусствам изящным встречало препятствие уже в том, что последние сами еще мало поддаются правилам и законам, и все попытки создать таковые всегда признавались в конечном счете неудовлетворительными и односторонними: их всякий раз подмывал и сносил поток мнений, чувств и нравов.

Эта часть нашего труда должна до известной степени исследовать вопрос о том, подчиняется ли конфликт живых сил, завязывающийся и разрешающийся на войне, общим законам и могут ли последние служить пригодной руководящей нитью для военной деятельности; но уже само собой ясно, что этот предмет, как и всякий другой, не выходящий за пределы нашего разума, должен быть освещен и более или менее выяснен в его внутренней связи пытливым умом. И одного этого уже будет достаточно для того, чтобы удовлетворить понятию о теории.

Глава 4

Методизм

Чтобы отчетливо уяснить себе понятия метода и методизма,

играющие на войне такую важную роль, мы должны разрешить себе беглый взгляд на логическую иерархию, которая, подобно властям предержащим, управляет миром действия.

Закон, самое общее и для познания и для действия в одинаковой мере истинное понятие, заключает в своем буквальном смысле нечто *субъективное* и *произвольное* , но, несмотря на это, выражает как раз то, отчего зависим и мы, и все предметы, вне нас находящиеся. Закон как предмет познания есть взаимоотношение вещей и их воздействий; как предмет воли он определяет действие, и в этом случае равнозначущ *повелению* и *запрету.*

Принцип есть такой же закон действия, но не в его формальном, окончательном значении; он представляет лишь дух и смысл закона; там, где многообразие действительного мира не укладывается в законченную форму закона, принцип предоставляет суждению большую свободу при его применении. Так как самому суждению предоставляется мотивировать те случаи, где принцип неприменим, то последний является подлинной точкой опоры и путеводной звездой для действующего лица.

Принцип объективен, когда он является результатом объективной истины, и тогда он имеет силу в одинаковой мере для всех людей. Он субъективен и обычно называется *максимой* (*maxime*), когда он содержит субъективное отношение и когда он, следовательно, имеет известную силу лишь для того, кто его себе создал.

Правило часто понимается в смысле закона и является в таком случае равнозначным принципу, ибо говорят: нет правила без исключений, но не говорят: нет закона без исключений; это является признаком того, что, имея в виду правило, оставляют за собой большую свободу в его применении.

В другом смысле правилом пользуются как средством опознать более глубоко скрытую истину по какому-нибудь единичному, более внешнему признаку, дабы связать с этим одним признаком закон, действие которого распространяется на всю истину в целом. К этой категории принадлежат все правила игры, все сокращенные приемы математики и др.

Положения и наставления — это такие определения действия, которыми затрагивается множество мелких, ближе указующих путь обстоятельств и которые слишком многочисленны и незначительны для включения их в общий закон.

Наконец, *метод, способ действия* — это избранный между несколькими другими, постоянно повторяющийся прием, а методизм заключается в том, что деятельность определяется не

принципами или индивидуальным наказом, а применением установленных методов. Тем самым необходимо, чтобы случаи, подведенные под такой метод, предполагались одинаковыми в своих существенных чертах; так как все случаи одинаковыми быть не могут, то важно, чтобы таких одинаковых случаев было возможно больше; другими словами: чтобы метод был рассчитан на наиболее вероятные случаи. Следовательно, методизм основан не на определенных конкретных предпосылках, а на средней вероятности повторяющихся случаев и направлен на то, чтобы установить среднюю истину, постоянное, однообразное применение которой вскоре приобретает до некоторой степени характер механического навыка; необходимые действия выполняются почти бессознательно.

Понятие закона в смысле познания на войне является почти лишним, ибо сложные явления войны недостаточно закономерны, а закономерные – недостаточно сложны, для того чтобы посредством этого понятия можно было достигнуть чего-либо большего, чем простой истиной. А там, где простого представления и простых слов достаточно усложненные, высокого ранга представления и слова становятся вычурными и педантичными. В отношении же действия понятие закона не может быть использовано теорией, ибо при изменчивости и многообразии явлений ведение войны не знает утверждений, достаточно общих, чтобы заслужить названия закона.

Но понятия о принципах, правилах, положениях и методах необходимы для теории ведения войны постольку, поскольку они ведут к положительному учению, ибо в последнем истина может принимать лишь эту кристаллизованную форму.

Ввиду того что тактика есть та часть ведения войны, в которой теория скорее может выработаться в положительное учение, эти понятия и будут в ней чаще встречаться.

Не употреблять кавалерию без нужды против еще не расстроенной пехоты; стрелять лишь с дистанции, обеспечивающей действительность огня; приберегать по возможности силы к концу боя – все это принципы тактики. Все эти положения не являются абсолютно применимыми в каждом отдельном случае, но они должны быть всегда в сознании действующего, дабы он не упустил использовать содержащуюся в них истину в подходящей для того обстановке.

Когда по неурочной варке пищи в неприятельском отряде заключают об его скором выступлении, когда умышленное выставление войск на открытом месте во время боя дает указание на демонстративный характер атаки, то этот способ познания истины можно назвать правилом, ибо на основании одного

видимого признака заключают о намерении, к которому этот признак относится.

Если существует правило – атаковать с удвоенной энергией противника, как только он начинает снимать свои батареи, то с этим единичным явлением мы связываем определенный ход наших действий, направленный на разгаданное нами таким путем общее состояние противника; мы полагаем, что он намерен уклониться от продолжения боя, начинает отступать и в этот момент не способен ни оказать достаточное сопротивление, ни уклониться в должной мере путем отступления.

Положения и методы вносятся в обиход ведения войны практической теорией, подготовляющей войну, поскольку они привиты как действенный принцип обученным вооруженным силам. Все строевые уставы, наставления по обучению и устав полевой службы представляют собой положения и методы; в строевых – преобладают первые, в уставе полевой службы – вторые. С этими указаниями связывается подлинное ведение войны, оно их воспринимает как установленные способы действия; в качестве последних они должны включаться и в теорию ведения войны.

Но деятельность по использованию вооруженных сил остается свободной; здесь не может быть официальных положений, т. е. определенных наставлений, так как такие положения исключают свободу использования сил. Но методы, напротив, являясь общим способом выполнения встречающихся задач, рассчитанным, как мы сказали, на наиболее вероятные случаи, и представляя доведенное до практики господство принципов и правил, могут, конечно, найти себе место в теории ведения войны, поскольку их не выдают за то, что они собой не представляют; их нельзя считать абсолютными и необходимыми системами действия, а лишь наилучшими общими формами, которые предлагаются на выбор и к которым можно непосредственно обратиться вместо принятия индивидуального решения.

Постоянное применение методов на войне нам представляется крайне существенным и неизбежным; вспомним, как часто приходится действовать на основании одних лишь предположений или при полной неизвестности, ибо неприятель всячески мешает нам узнавать все обстоятельства, которые могут влиять на наше решение, и не хватает времени для их опознания; но если бы мы действительно ознакомились со всей обстановкой, то все же оказалось бы невозможным соответственно соразмерить наши распоряжения, которые не могут быть настолько сложными и далеко идущими; в результате наши мероприятия всегда должны быть рассчитаны на известное количество различных

возможностей. Будем помнить, сколь бесчисленны все мелкие обстоятельства, которые сопровождают каждый конкретный случай и с которыми, следовательно, надлежало бы считаться, поэтому нет другого исхода, как мыслить их перекрывающими друг друга и строить все свои распоряжения лишь на общем и вероятном. Наконец, не будем упускать из виду, что при прогрессивно возрастающем с понижением должностей числе вождей подлинной проницательности и подготовленности к суждению каждого из них может быть предоставлено все меньше места, по мере того как деятельность спускается на низшие ступени иерархии; ясно, что там, где нельзя предполагать никакого иного понимания, кроме подсказанного знанием уставов и опытом, этому пониманию надо прийти на помощь соответствующим методизмом. Он даст точку опоры их суждению и в то же время будет служить сдерживающим началом против фантастических, искаженных воззрений, которых приходится особенно опасаться в области, где опыт дается так дорого.

Помимо этой неизбежности методизма мы должны признать, что он приносит и положительную выгоду. А именно – постоянно повторяющимся упражнением в тех же формах достигаются известная быстрота, отчетливость и уверенность в вождении войск, что уменьшает естественное трение и облегчает ход машины.

Таким образом, метод будет применяться тем чаще и с тем большей неизбежностью, чем ниже по ступеням должностей будет опускаться деятельность, на пути же вверх применение его будет сокращаться и совершенно исчезнет на высших постах. Поэтому он найдет себе более места в тактике, чем в стратегии.

Война в ее высшем понимании состоит не из множества мелких событий, которые перекрывают в своем разнообразии друг друга и над которыми, худо или хорошо, можно господствовать при помощи более или менее удачного метода, но из отдельных крупных, решающих событий, каждое из которых требует особого, индивидуального подхода. Это не поле стеблей, которое можно хуже или лучше косить без разбору более или менее подходящей косой, но это – большие деревья, к которым надо подходить с топором обдуманно, в соответствии со свойствами и направлением каждого ствола.

Как далеко может быть доведено применение методизма в военной деятельности, это, конечно, решает не непосредственно ранг или занимаемая должность, а существо данного дела; лишь потому, что высшие посты охватывают наиболее широкие виды деятельности, методизм в меньшей степени их касается. Постоянный боевой порядок, постоянная организация авангарда и

сторожевого охранения, это – методы, которыми в известных случаях полководец связывает руки не только своим подчиненным, но и самому себе. Правда, все это может быть изобретено и самим полководцем в соответствии с конкретной обстановкой; но поскольку эти тактические формы основаны на общих свойствах войск и оружия, они могут сделаться объектом теории. С другой стороны, надо решительно отвергнуть всякий метод, которым вздумали бы предопределять планы войны или кампании и поставлять их как бы штампованными из-под станка.

До тех пор пока не существует приличной теории войны, т. е. разумного рассмотрения ведения войны, методизм будет сверх меры захлестывать и высшую деятельность, ибо люди, занятые этим кругом деятельности, не всегда имели возможность подготовить и развить себя научными занятиями и более высокими жизненными переживаниями. Они не могут ориентироваться в непрактичном и противоречивом резонировании теории и критики, но присущий им здравый смысл отвергает его; в результате у них не остается иногда разумения, кроме разумения опыта; отсюда и в тех случаях, которые требуют свободного, индивидуального подхода и допускают таковой, они охотно применяют те средства, которые им дает опыт, т. е. подражают характерному образу действий полководца, из чего сам собою получается методизм. Когда мы видим, как генералы Фридриха Великого постоянно применяют при атаках так называемый косой боевой порядок, как генералы французской революции пускают в дело охват длинными боевыми линиями, а питомцы Бонапарта с кровавой энергией атакуют сосредоточенными массами, мы узнаем в повторности приемов явно усвоенный метод и, следовательно, видим, что методизм может доходить и до самых высших сфер командования. Если более совершенная теория облегчит изучение ведения войны, воспитает ум и суждение людей, вознесенных на высшие посты, то методизм не будет распространяться так высоко, а поскольку методизм останется все же неизбежным, он, по крайней мере, будет черпать свое содержание из теории, а не будет заключаться в одном слепом подражании.

Как бы прекрасно ни вел свое дело великий полководец, все же в том способе, каким он это делает, есть нечто субъективное, и если у него есть своя манера, то в ней отражается добрая доля его индивидуальности, а последняя может далеко не согласовываться с индивидуальностью того, кто подражает этой манере.

Между тем было бы невозможным и неправильным совершенно изгнать из ведения войны субъективный методизм или манеру. На нее надо смотреть как на выявление влияния, оказываемого индивидуальностью данной войны в целом на отдельные ее явления. Только таким путем можно удовлетворить особые требования данной войны, не предусматривавшиеся и не рассматривавшиеся теорией. Совершенно естественно, что революционные войны имели свой способ действий, и какая теория могла бы предвидеть вперед их особенности? Но зло заключается в том, что такая вытекающая из конкретного случая манера сама себя переживает, оставаясь неизменной, в то время когда обстоятельства незаметно уже изменились; этому-то и должна помешать теория своей ясной и разумной критикой. Когда в 1806 г. прусские генералы, принц Людвиг – под Заальфельдом, Тауэнцин – у Дорнбурга под Йеной, Граверт – впереди Каппельдорфа, Рюхель – позади той же деревни, бросились в косом боевом порядке Фридриха Великого в открытую пасть гибели, то тут сказалась не одна лишь уж пережившая манера, но полнейшее скудоумие, до которого когда-либо доходил методизм. И они погубили армию Гогенлоэ так, как никогда еще ни одна армия не бывала погублена на самом поле сражения.

Глава 5
Критика

Теоретические истины всегда сильнее влияют на практическую жизнь посредством критики, чем путем своего изложения в виде учения; ибо критика, являясь приложением теоретической истины к действительным событиям, не только приближает ее к жизни, но в большей мере приучает и рассудок к этим истинам путем повторного их приложения к практике. Поэтому мы считаем необходимым наряду с нашей точкой зрения на теорию установить таковую же и на критику.

Мы отличаем критическое изложение от обыкновенного изложения исторического события, которое просто располагает явления одно за другим, едва касаясь их ближайшей причинной связи. В таком критическом изложении могут проявиться три вида умственной деятельности.

Во-первых, историческое расследование и установление сомнительных фактов. Это и будет, собственно, историческим исследованием, не имеющим с теорией ничего общего.

Во-вторых, вывод следствий из причин. Это и есть *подлинное критическое исследование.*

Оно для теории необходимо, ибо все то, что в теории может быть установлено, или подтверждено, или хотя бы пояснено

опытом, достигается лишь таким путем.

В-третьих, оценка целесообразности применявшихся средств. Это – *критика в собственном смысле* , содержащая в себе похвалу и порицание. Здесь уже теория служит истории или скорее тому поучению, которое можно почерпнуть из истории.

В этих двух последних, подлинно критических частях исторического рассмотрения крайне важно проследить явления вплоть до их начальных элементов, т. е. до бесспорной истины, и не останавливаться, как это так часто бывает, на полпути, т. е. на каких-либо произвольных допущениях или предположениях.

Что касается до анализа следствий, то это нередко встречает непреодолимое внешнее препятствие в том, что истинные причины остаются порой совершенно неизвестными. Ни при каких обстоятельствах жизни это не случается так часто, как на войне, где события редко бывают вполне известны, а еще реже – мотивы действий, которые или умышленно скрываются действующими лицами, или могут утеряться для истории, если они были преходящие и случайные. Поэтому критическое повествование должно большей частью идти рука об руку с историческим исследованием, и все же часто образуется такое несоответствие между причиной и следствием, что критика не может считать себя вправе смотреть на известные результаты как на необходимые следствия определенных причин. Следовательно, получаются неизбежные пробелы, т. е. отрезок исторических событий, которым нельзя воспользоваться для поучения. Теория может лишь требовать, чтобы исследование было решительно доведено до этого пробела, а по отношению к самому пробелу воздержалось бы от каких бы то ни было выводов.

Подлинное зло бывает тогда, когда за недостатком точных данных и полуизвестное признается достаточным для объяснения следствий, т. е. когда этому полуизвестному придают незаслуженное значение.

Помимо этого затруднения критического исследования встречаются еще с другим весьма серьезным внутренним затруднением, заключающимся в том, что действия на войне редко вытекают из одной простой причины, но в большинстве случаев будут результатом совокупности нескольких причин; поэтому недостаточно беспристрастно и добросовестно проследить весь ряд событий вплоть до их источника, но надо еще за каждой из наличных причин установить долю ее влияния. Таким образом, придется подвергнуть ближайшему обследованию природу причин, и таким путем критическое исследование может привести в подлинную область теории.

Критическое рассмотрение, а именно оценка средств,

приводит к вопросу о том, каковы были результаты примененных средств и отвечали ли они намерениям действовавших лиц.

Своеобразность воздействия данных средств приводит к исследованию их природы, т. е. снова в область теории.

Мы видели, что в критике все сводится к тому, чтобы дойти до несомненных истин, т. е. не останавливаться на произвольных допущениях, не обязательных для других; последним могут быть противопоставлены другие, быть может, столь же произвольные утверждения. Тогда не будет конца совершенно бесплодным пререканиям и не получится никакого поучения.

Мы видим, что как исследование причин, так и оценка средств ведет в область теории, т. е. в область такой общей истины, которая вытекает не из данного лишь конкретного случая. Поэтому если мы будем обладать пригодной теорией, то при рассмотрении фактов мы будем ссылаться на то, что ею уже окончательно установлено, и прекращать дальнейшее исследование в этом направлении. Там же, где такой теоретической истины нет, исследование придется доводить до первичных начал. Если такая необходимость встречается часто, то писатель, естественно, углубляется в страшные дебри подробностей; он будет завален работой и утратит возможность останавливаться на всем с достаточным вниманием.

В результате ему придется, чтобы положить хотя бы какие-нибудь границы рассмотрению, остановиться на произвольных допущениях, может быть, и достаточных для автора, но остающихся произвольными для других, так как они неочевидны сами по себе и ничем не доказаны.

Итак, пригодная теория является существенной основой критики, и без помощи разумной теории критика никогда не дойдет до того уровня, на котором она действительно становится поучительной, а именно – когда она достигает степени убедительности и неопровержимого доказательства.

Однако было бы праздной мечтой верить в возможность такой теории, которая являлась бы хранительницей всей отвлеченной истины и оставляла бы для критики одну задачу: подвести каждый данный случай под соответствующий ему теоретический закон; было бы смешным педантизмом требовать от критики, чтобы она всякий раз почтительно останавливалась у порога священной теории. Тот же дух аналитического исследования, который создает теорию, должен руководить и работой критики. Таким образом, критическая мысль может и должна часто переноситься в область теории, выясняя детально те пункты, которые для нее в данную минуту имеют особенное значение. Напротив, критика совершенно не удовлетворит своего

назначения, если она опустится до бездушного применения теории. Вся положительная часть теоретического исследования, всякие принципы, правила и методы утрачивают свой характер всеобщности и абсолютной истины, по мере того как они обращаются в положительное учение. Они существуют для того, чтобы предлагать свои услуги, а за суждением всегда должно оставаться право решать, подходят ли они или нет к данному случаю. Теоретическими положениями критика никогда не должна пользоваться как законами и нормами для оценки, но лишь так, как ими должны пользоваться действующие на войне лица, т. е. в качестве точки опоры для суждения. Хотя тактика считает установленным, что в общем боевом порядке кавалерия должна располагаться не на одной линии с пехотой, а позади нее, но все же было бы неразумно на этом основании безусловно отвергать всякий уклоняющийся от этого правила распорядок; критика должна исследовать основания для такого уклонения, и лишь в случае недостаточности их она вправе сослаться на авторитет теории.

Далее, если теория установила, что атака по частям уменьшает шансы на успех, то было бы столь же неразумным без дальнейшего углубления в обстановку дела всякий раз, как атака по частям совпадает с неудачей, признавать последнюю за следствие первой, как и обратно: в случае успеха атаки по частям приходить тотчас же к противоположному заключению о неправильности этого теоретического положения. Дух исследования, присущий критике, не должен допускать ни той, ни другой крайности. Таким образом, критика преимущественно опирается на выводы аналитического исследования теории; то, что последняя окончательно выработала, критика не будет готовить заново; оно ведь и вырабатывается теорией для того, чтобы передать критике в готовом виде.

Задача критики – исследование причинной связи и целесообразности применявшихся средств – явится нетрудной в тех случаях, когда причина и следствие, цель и средство оказываются в близкой связи друг с другом.

Когда армия подверглась внезапному нападению и вследствие этого не оказалась в состоянии упорядоченно и разумно использовать свои возможности, то последствие внезапного нападения представляется несомненным. Если теория установила, что охватывающая атака в бою ведет к большим, хотя и менее обеспеченным результатам, возникает вопрос: стремился ли преимущественно предпринявший охватывающую атаку именно к большому успеху; в утвердительном случае средство применено им целесообразно. Но если он хотел этим приемом

более обеспечить свой успех и если он свой расчет строил не столько на конкретной обстановке, сколько на общих свойствах охватывающей атаки, как это имело место сотни раз, то он неправильно судил о природе такой атаки и допустил ошибку.

В подобных случаях задача критического исследования и оценки не представляет трудностей, и она окажется легкой всякий раз, как мы будем ограничиваться исследованием ближайших последствий и целей. Это доступно личному усмотрению; для этого стоит лишь исключить разбираемое явление из общей связи с ходом событий и рассматривать его лишь в одном отношении.

Но на войне, как и вообще во всем мире, все, что принадлежит к известному целому, находится во взаимной связи; следовательно, каждая причина, как бы ничтожна она ни была, сохраняет свое влияние до самого конца военных действий, видоизменяя его хотя бы в самой ничтожной мере.

Точно так же и применение каждого средства должно увязываться с самой конечной целью.

Таким образом, можно следить за действием причины, до тех пор пока оно заслуживает наблюдения, и точно так же можно оценить целесообразность применения средства не только по отношению к ближайшей цели, но и рассматривая эту цель лишь как средство для достижения более высокой цели, и продолжать идти по этому пути, пока мы не дойдем до цели, которая не нуждается уже ни в какой проверке, ибо необходимость ее не подлежит сомнению.

Во многих случаях, особенно когда речь идет о крупных, решительных мероприятиях, рассмотрение придется доводить до окончательной цели, до той именно, которая непосредственно должна привести к заключению мира.

Ясно, что с этим постоянным восхождением, с каждым вновь достигнутым этапом приобретается новая точка зрения для суждения. Таким образом, то самое средство, которое с одной точки зрения представлялось выгодным, со следующей, более высокой, может быть отвергнуто.

Исследование причин явлений и оценка целесообразности примененных средств всегда идут рука об руку при критическом рассмотрении какого-нибудь акта; ибо только исследование причин приводит к тем вопросам, которые заслуживают стать объектом оценки.

Следуя вверх и вниз по этой цепи, мы наталкиваемся на значительные затруднения. Чем более отыскиваемая причина удалена от известного события, тем больше других причин приходится одновременно иметь в виду; при этом надо

определить и учесть их воздействие, ибо каждое явление, чем оно выше стоит, тем большим количеством сил и обстоятельств обуславливается. Когда мы установим причины проигрыша сражения, то, конечно, тем самым мы установим и ту часть причин дальнейшего хода событий, которая падает на проигранное сражение, но лишь одну часть всех причин, ибо в конечный результат вольются, смотря по обстоятельствам, в большем или меньшем количестве следствия, вызванные другими причинами.

Совершенно такое же разнообразие возникает при оценке целесообразности средств по мере усвоения нами более высокой точки зрения, ибо с нею растет число средств, примененных к достижению более высокой цели. Конечная цель войны преследуется одновременно всеми армиями, а потому необходимо принять во внимание все, что при этом случилось или могло случиться.

Ясно, что это иногда может чрезвычайно расширить поле нашего рассмотрения и нам будет грозить опасность заблудиться; главная трудность сводится к тому, что приходится делать множество предположений о явлениях, в действительности не происходивших, но вполне возможных, а поэтому и не подлежащих устранению из рассмотрения.

Когда Бонапарт в марте 1797 г. наступал с итальянской армией от р. Тальяменто на эрцгерцога Карла, то сделал он это с тем умыслом, чтобы принудить этого полководца к решительным действиям раньше, чем он успеет притянуть к себе ожидавшиеся им с Рейна подкрепления. Если смотреть лишь с точки зрения ближайшего решительного акта, то средство было избрано удачно, что успех и подтвердил, ибо эрцгерцог был еще настолько слаб, что на Тальяменто он лишь сделал попытку к сопротивлению, а когда увидел, что его противник слишком силен и решителен, то отступил и очистил входы в Норийские Альпы. Но для какой же цели нужен был Бонапарту этот успех как средство? Чтобы самому проникнуть в сердце австрийской монархии, облегчить наступление обеим рейнским армиям Моро и Гоша и установить с ними ближайший контакт.

Так смотрел Бонапарт, и с этой точки зрения он был прав. Но если критика станет на более высокую точку зрения, а именно – на точку зрения французской директории, которая могла и должна была предвидеть, что кампания на Рейне могла открыться лишь 6 недель спустя, то на вторжение Бонапарта через Норийские Альпы можно смотреть лишь как на излишне рискованный шаг. Ибо стоило австрийцам подтянуть в Штирию с Рейна значительные резервы, которые эрцгерцог мог бы бросить

на итальянскую армию, как не только эта последняя была бы уничтожена, но была бы проиграна вся кампания.

Эти размышления и овладели Бонапартом в окрестностях Виллаха и заставили его очень охотно согласиться на Леобенское перемирие.

Но если критика поднимется еще на одну ступень выше и уяснит, что у австрийцев между Веной и армией эрцгерцога Карла не было никаких резервов, то станет ясно, что дальнейшее наступление Бонапарта угрожало бы самой Вене.

Допустим, что Бонапарт знал, что столица открыта и что он располагал в Штирии превосходством над эрцгерцогом; в этом случае его поспешное наступление к сердцу австрийской монархии оказывается уже не бесцельным; однако осмысленность его находилась в зависимости от того, какую цену австрийцы придавали сохранению Вены. Если эта цена была настолько велика, что они предпочли бы пойти на те условия мира, которые Бонапарт намеревался им предложить, то на угрозу Вене приходится смотреть как на конечную цель военных действий. Если Бонапарт имел какие-либо основания предполагать это, то критика могла бы на этом остановиться, но если бы воздействие захвата Вены оставалось в области догадок, то критике пришлось бы вновь шагнуть на еще более высокую точку зрения и поставить вопрос: что бы случилось, если бы австрийцы решились пожертвовать Веной и отступили еще далее в глубь своей обширной территории? Однако на этот вопрос, как легко понять, нельзя дать ответа, не приняв в расчет вероятный ход действий между армиями обеих сторон на Рейне. При решительном численном перевесе французов (130 000 человек против 80 000) их успех, конечно, почти не подлежал сомнению, но тут возникал новый вопрос: как французская директория захотела бы его использовать? Французы могли развивать свой успех до противоположных границ австрийского государства, т. е. вплоть до полного разрушения или сокрушения этой державы, или же довольствоваться завоеванием значительной части территории в качестве залога при заключении мира. Для обоих случаев надо уяснить вероятный результат и лишь в зависимости от него определить затем вероятное решение французской директории. Положим, в итоге этого рассмотрения оказалось бы, что для полного разгрома австрийской империи силы французов были далеко не достаточны, так что попытка в этом направлении сама собой вызвала бы полный переворот во всей обстановке, и что даже одно лишь завоевание и удержание за собой значительной части территории поставило бы французов в такое стратегическое положение, при котором их сил оказалось бы, по всей

вероятности, недостаточно.

Этот результат должен был бы повлиять на оценку стратегического положения итальянской армии и побудил бы ее не предаваться чрезмерным надеждам. Это, бесспорно, и заставило Бонапарта, даже при полном учете беспомощного положения эрцгерцога, заключать Кампо-Формийский мир на условиях, не требовавших от австрийцев тяжелых жертв; австрийцы лишались только таких провинций, которые они не могли бы отвоевать даже после самой удачной кампании. Но французы не могли бы рассчитывать и на заключение этого умеренного мира в Кампо-Формио, а следовательно, не могли бы сделать его целью своего наступления, если бы не было выдвинуто два соображения. Первое заключалось в вопросе: как расценивали сами австрийцы каждый из двух возможных исходов, считали бы ли они эти результаты, несмотря на вероятный счастливый, конечный успех в обоих случаях, стоящими тех жертв, которые были сопряжены с продолжением войны и которых они могли избегнуть ценою не слишком убыточного мира? Второй вопрос ставился так: будет ли австрийское правительство в состоянии спокойно взвесить конечный возможный успех своего упорного сопротивления и не поддастся ли оно малодушию под впечатлением временных неудач?

Рассмотрение существа первого вопроса отнюдь не является праздной игрой ума, но имеет столь огромное практическое значение, что оно всякий раз возникает, когда обсуждается какой-либо ориентированный на крайность план, и оно-то весьма часто и препятствует приведению его в исполнение.

Рассмотрение второго вопроса представляется столь же необходимым, ибо войну ведут не с абстрактным, а с реальным противником, которого надо постоянно иметь в виду. И, наверное, смелый Бонапарт не упускал эту точку зрения, т. е. учитывал тот ужас, который предшествовал его грозному мечу. Тот же расчет привел его в 1812 г. ив Москву. Здесь он просчитался; ужас несколько был изжит в предшествовавшей гигантской борьбе; в 1797 г. этот ужас, конечно, еще был свеж, а тайна сопротивления, доведенного до крайнего предела, тогда еще не была вскрыта; но и в 1797 г. его отвага привела бы к отрицательному результату, если бы в предвидении такового он не нашел исхода в умеренном Кампо-Формийском мире.

Этим мы и закончим данное рассмотрение; сказанное представляет собой образчик, показывающий, с какой широтой, многообразием и трудностями имеет дело критический разбор, если доходить в нем до предельных целей, а последнее является необходимым, когда дело идет о крупных, решающих актах. Из

нашего рассмотрения видно, что помимо теоретического проникновения в предмет природный талант оказывает огромное влияние на ценность критического разбора, ибо преимущественно от этого таланта будут зависеть надлежащее освещение взаимной связи явлений и выявление наиболее существенных соотношений событий из бесчисленного их множества.

Но таланту в этом деле предстоит и другого рода задача. Критическое рассмотрение заключается не в одной лишь оценке примененных средств, но и всех возможных; а последние еще надо указать, т. е. изобрести; ведь вообще нельзя порицать одно средство, если не можешь указать на другое – лучшее.

Как бы ни мало было в большинстве случаев число возможных комбинаций, все же нельзя отрицать, что, выдвигая средства еще не использованные, мы не только производим простой анализ имевших место явлений, но и проявляем творчество, которое не может быть предсказано, а зависит исключительно от плодовитости ума.

Мы далеки от того, чтобы усматривать арену великой гениальности там, где все может быть сведено к очень немногим практически возможным и очень простым комбинациям, мы считаем смехотворным, когда изобретение обхода позиции рассматривается как черта великой гениальности, что часто имеет место; но тем не менее этот акт творческой самодеятельности является необходимым, и им существенно определяется ценность критического разбора.

Когда Бонапарт 30 июля 1796 г. принял решение снять осаду Мантуи, дабы сосредоточенными силами броситься навстречу отдельным колоннам неприятеля, двигающимся на выручку крепости, чтобы разбить их поодиночке, то это оказалось самым верным путем к блестящим победам. Эти победы действительно были одержаны и повторились с еще большим блеском и теми же средствами при последующих попытках прийти на выручку означенной крепости. Об этом все в один голос отзываются не иначе как с восторженной похвалой.

Однако Бонапарт мог предпринять этот шаг 30 июля лишь ценой окончательного отказа от осады Мантуи, ибо при его решении нельзя было спасти осадный парк, а добыть в эту кампанию другой было невозможно. И действительно, осада затем превратилась в простую блокаду, и крепость, которая в случае продолжения осады пала бы в очень скором времени, сопротивлялась, несмотря на все победы Бонапарта в открытом поле, еще в течение 6 месяцев.

Критика в этом усмотрела совершенно неизбежное зло, ибо она не могла указать лучшего способа сопротивления.

Сопротивление против идущей на выручку армии за циркумвалационными линиями [82] пользовалось такой дурной славой и презрением, что этот способ не приходил и в голову. Однако в эпоху Людовика XIV этот прием так часто достигал цели, что можно смотреть, как на своего рода моду, на то обстоятельство, что никто и не пытался обдумать возможность его использования 100 лет спустя. При допущении такого способа учет ближайших обстоятельств показал бы, что 40 000 солдат лучшей в мире пехоты, которой располагал бы Бонапарт в циркумвалационных линиях перед Мантуей, так мало могли страшиться 50 000 австрийцев, которых Вурмзер вел на выручку осажденной крепости, что последние едва ли попытались бы даже атаковать французские линии. Мы здесь не станем приводить дальнейших доказательств нашего утверждения, но полагаем, что сказанного достаточно, для того чтобы оно было принято во внимание наряду с другими. Думал ли сам Бонапарт, когда приступал к действию, об этом средстве, мы не беремся решать: ни в его мемуарах, ни в других печатных источниках об этом нет и следа; вся последующая критика об этом даже и не думала, так как глаз совершенно отвык от подобного мероприятия.

Заслуга напомнить об этом средстве не из великих, ибо стоит лишь освободиться от засилья модных взглядов, чтобы дойти до этого; но последнее необходимо, чтобы приступить к его рассмотрению и сравнению с тем приемом, к которому прибег Бонапарт. Каков бы ни оказался результат такого сравнения, критика не должна его миновать.

Когда Бонапарт в феврале 1814 г. разбил в боях под Этожем, Шампобером, Монмиралем и т. д. армию Блюхера, а затем, бросив его, обратился против Шварценберга и нанес ему поражение под Монтро и Мормая, все восторгались тем, как Бонапарт постоянной переброской своих главных сил блестяще использовал ошибку союзников, наступавших раздельно. Если эти блестящие удары, наносимые во все стороны, все же не спасли Бонапарта, то это, как полагали, не могло быть поставлено ему в вину. Никто до сего времени не задал себе вопроса, каков был бы результат, если бы Бонапарт не повернул от Блюхера на Шварценберга, но продолжал бы наносить удары Блюхеру и преследовал бы его до Рейна. Мы убеждены, что в этом случае произошел бы полный переворот во всей кампании, и главная армия союзников не пошла бы на Париж, а отступила бы за Рейн. Мы не настаиваем на том, чтобы наше убеждение разделяли другие, но ни один специалист не станет сомневаться, что критика должна заняться рассмотрением этой альтернативы, раз о ней зашла речь.

В этом случае средство, подлежавшее сравнению с действительно примененным, было гораздо ближе к последнему, чем в предыдущем случае, однако и на этот раз на его рассмотрении никто не остановился, так как все слепо следовали по одному направлению и находились под влиянием предубеждения.

Из необходимости указать на лучшее средство взамен опороченного возник тот род критики, которым почти исключительно пользуются, а именно: ограничиваются голым указанием на якобы лучший прием, не представляя в пользу его никаких доказательств. В результате указанный метод действий не для всех представляется доказанным. Другие поступают так же, и возникает спор, не имеющий никакого разумного основания. Вся литература о войне полна подобными примерами.

Мы считаем доказательства необходимыми всюду, где преимущество предлагаемого средства не настолько очевидно, чтобы не оставалось никакого сомнения. Сущность доказательства заключается в том, чтобы каждое из этих средств подвергнуть исследованию в отношении его особенностей и соответствия с поставленной целью. Раз дело сведено таким путем до простых истин, то спор должен наконец прекратиться или же привести к новым выводам, между тем как при ином методе аргументы *pro и contra* [83] начисто уничтожают друг друга.

Если бы, например, мы, не довольствуясь сказанным, решили в приведенном нами случае доказать, что неуклонное преследование Блюхера являлось бы более удачным решением, чем поворот против Шварценберга, то мы оперлись бы на следующие простые истины.

1. Как общее правило выгоднее продолжать наносить удары в одном направлении, чем перебрасывать свои силы с места на место, потому что, во-первых, такое перебрасывание сопряжено с потерей времени и, во-вторых, там, где моральные силы уже подорваны значительными потерями, новые успехи являются более обеспеченными; таким образом, не меняя направления ударов, мы не оставляем неиспользованной часть достигнутого перевеса.

2. Блюхер, хотя численно был и слабее Шварценберга, но благодаря своей предприимчивости был значительно опаснее, а потому скорее в нем лежал центр тяжести, увлекающий все остальное за собой во взятом им направлении.

3. Потери, понесенные Блюхером, были почти равнозначны поражению, вследствие чего Бонапарт приобрел над ним такой перевес, что отступление Блюхера к Рейну едва ли подлежало

сомнению, так как в этом направлении он не мог получить существенных подкреплений.

4. Никакой другой возможный успех не выделился бы с такой яркостью, не предстал бы воображению в таком колоссальном очертании; а при нерешительном, робком командовании армией, каким заведомо было командование Шварценберга, это должно рассматриваться как один из самых существенных факторов. Те потери, которые понесли наследный принц Вюртембергский под Монтро и граф Витгенштейн под Морман, вероятно, с достаточной точностью были известны Шварценбергу. Те же поражения, которые понес бы Блюхер на своем совершенно обособленном и отдельном направлении от Марны до Рейна, докатывались бы до Шварценберга лишь в виде снежной лавины слухов. Отчаянный маневр, предпринятый Бонапартом в конце марта на Витри, представлявший попытку оказать воздействие на союзников угрозой их сообщениям, был, очевидно, построен на принципе устрашения, но обстоятельства были уже совершенно иные, ибо Бонапарт потерпел неудачу под Лаоном и Арси, а Блюхер уже присоединился к Шварценбергу со своей 100-тысячной армией.

Конечно, найдутся люди, которых наши доводы не убедят, но, по крайней мере, они не будут иметь возможности нам возразить: «В то время, как Бонапарт угрожал бы своим продвижением к Рейну – базе Шварценберга, Шварценберг угрожал бы Парижу – базе Бонапарта», ибо мы приведенными нами доводами именно и хотели указать, что Шварценберг и не подумал бы двигаться на Париж.

По поводу примера из похода 1796 г., которого мы выше коснулись, мы бы сказали, что Бонапарт видел в принятом решении самое верное средство разбить австрийцев; если бы даже это и было так, то цель, достигаемая этим путем, являлась лишь пустым военным подвигом, который не мог оказать существенного влияния на падение Мантуи. Путь, который мы рекомендуем, по нашему мнению, гораздо вернее мог воспрепятствовать снятию осады; но если бы мы с точки зрения французского полководца и не считали, что это так, и даже полагали бы, что он представляет меньше шансов на успех, то все же вопрос сводился к тому, что на одну чашу весов пришлось бы положить более обеспеченный, но почти бесполезный, а следовательно, ничтожный успех, а на другую – успех не вполне вероятный, но гораздо более значительный.

При такой постановке вопроса наиболее смелым является второй способ разрешения вопроса, между тем как при поверхностном взгляде получается обратное представление.

Несомненно, намерения Бонапарта были очень отважные, и следовательно, надо полагать, что он не до конца уяснил себе природу данного случая и не обозрел последствий своего решения так, как мы их представляем себе теперь, после фактического опыта.

Вполне естественно, что при рассмотрении целесообразности примененных средств критике часто приходится ссылаться на военную историю, ибо в военном искусстве опыт имеет гораздо большую ценность, чем любая философская истина. Но, конечно, это доказательство историей действительно лишь при определенных условиях, о которых мы поговорим в особой главе. К сожалению, эти условия так редко выполняются, что ссылки на историю по большей части приводят к еще большей путанице в понятиях.

Теперь нам надо рассмотреть еще один важный вопрос, а именно: в какой мере дозволительно или даже обязательно для критики пользоваться при обсуждении конкретного случая имеющимися в ее распоряжении более подробными сведениями о событиях, а также результатами этих событий; иначе говоря, когда и где критика должна отвлечься от всех этих данных, дабы возможно точно стать в положение действовавшего лица.

Когда критика хочет высказать похвалу или порицание действовавшему лицу, то, разумеется, она должна постараться в точности стать на его точку зрения, т. е. сопоставить все то, что он знал и что руководило его действиями, и отстранить от себя все то, чего деятель не мог знать или не знал; следовательно, прежде всего надо устранить данные о том, к какому результату привели предпринятые действия. Однако это лишь цель, к которой надо стремиться, но окончательно достигнуть невозможно, ибо обстановка, на фоне которой протекало какое-либо событие, никогда не может предстать перед глазами критика в том самом виде, в каком она была перед глазами действовавшего лица. Ряд мелких обстоятельств, которые могли оказывать влияние на решения, исчезли бесследно; об иных субъективных побуждениях не встречается никаких указаний. О последних узнают лишь потом из мемуаров самих деятелей или очень близких к ним лиц, а в таких мемуарах все трактуется обычно общими мазками, а порой излагается не вполне откровенно. Таким образам, у критика будет недоставать многого, что живо стояло в сознании действовавшего лица.

С другой стороны, критике еще труднее закрыть глаза на то, что ей слишком хорошо известно. Это легко лишь по отношению ко всем случайным, т. е. не коренящимся в существе обстановки, примешавшимся к ней обстоятельствам, но это крайне трудно и

почти недостижимо по отношению ко всем существенным явлениям.

Прежде всего поговорим о результате. Если он вытек не из случайных явлений, то почти невозможно, чтобы знание его не оказало влияния на суждение о тех событиях, из которых оно получилось, ибо на ниве мы смотрим сквозь призму конечного результата и лишь через него окончательно знакомимся с ними и учимся их оценивать по достоинству. Военная история со всеми ее явлениями представляет для самой критики источник поучения, и вполне естественно, что последняя рассматривает явления в том освещении, которое ум придает рассмотрение всех событий в целом. Поэтому если бы даже критика иногда и задавалась целью безусловно закрыть глаза на этот результат, то окончательно это ей все же никогда бы не удалось.

Но так обстоит дело не только с результатом, т. е. с тем, что наступает позднее, но и с обстановкой соответствующего момента, т. е. с теми данными, которые определяют действие. В большинстве случаев в распоряжении критики их окажется больше, чем было у действовавшего лица; можно было бы думать, что закрыть на них глаза нетрудно, однако на деле это не так. Знание как предшествовавших, так и одновременных обстоятельств основывается не только на определенных сообщениях, но в значительной мере и на целом ряде догадок и предположений; мало того, редко получается сообщение о не вполне случайных событиях, которому уж не предшествовали бы предположения или догадки; они-то и заменяют точное сообщение, если последнего нет. Таким образом, понятно, что позднейшая критика, которой фактически известны все предшествовавшие и все одновременные обстоятельства, должна действовать неподкупно, задавая себе вопрос, какое из неведомых тогда обстоятельств она сочла бы вероятным. Мы утверждаем, что в данном случае полностью исключить из своего суждения известные данные столь же невозможно и по тем же самым причинам, как и закрыть глаза на конечный результат.

Отсюда, если критика захочет высказать похвалу или порицание по поводу какого-нибудь конкретного действия, то ей всегда лишь до известного предела удастся стать в положение действовавшего тогда лица. Во многих случаях последнее достигается в пределах практически нужного, в других же случаях оно может и вовсе не удаться; этого не следует упускать из виду.

Однако нет никакой необходимости и даже не желательно, чтобы критика вполне отожествлялась с действующим лицом. На войне, как и во всякой деятельности, сопряженной с искусством, требуется развитое природное дарование, называемое

мастерством. Мастерство может быть крупным и малым. В первом случае оно легко может оказаться выше дарования критика, ибо какой критик решился бы выразить притязание на мастерство Фридриха или Бонапарта! Но критика не может вовсе воздержаться от суждения о крупных талантах, и следовательно, ей надо предоставить использовать преимущество более широкого горизонта. Следовательно, критика не может вслед за великим полководцем решать выпавшие на него задачи, исходя только из имевшихся у него данных, как можно было бы поверить решению математической задачи; она должна сначала почтительно ознакомиться с высшим творчеством гения по достигнутым им успехам и по точкам координации всех действий, а затем изучить на фактах ту основную связь между событиями, тот истинный их смысл, которые умел предугадать взор гения.

Но и по отношению ко всякому, даже самому скромному мастерству необходимо, чтобы критика становилась на более высокую точку зрения, дабы, обогатившись объективными моментами для суждения, она являлась возможно менее субъективной и дабы ограниченный рассудок критика не мерил бы других своей мерой.

Такое высшее положение критики, ее похвала и порицание, выносимые после полного проникновения во все обстоятельства дела, не содержит в себе ничего оскорбительного для наших чувств; последнее создается лишь тогда, когда критик выдвигает вперед свою особу и начинает говорить таким тоном, словно вся та мудрость, которую он приобрел благодаря полному знакомству со всеми событиями, составляет его личный талант. Как ни груб такой обман, однако пустое тщеславие охотно к нему прибегает, и немудрено, что это вызывает в других негодование. Но чаще случаи, когда такое самохвальство не входит в намерения критика, а лишь приписывается ему читателем; если первый не примет известных мер предосторожности, тогда тотчас же зарождается обвинение в отсутствии способности суждения.

Таким образом, когда критик указывает на ошибки Фридрихов Великих и Бонапартов, то это не значит, что он сам, произносящий критическое суждение, этих ошибок не совершил бы; он даже мог бы согласиться, что на месте этих полководцев он, вероятно, совершил бы гораздо более грубые ошибки, но он усматривает эти ошибки из хода событий и связи между ними и требует от проницательности полководца, чтобы тот их предусмотрел.

Итак, критика есть суждение, основанное на ходе событий и на связи между ними, а следовательно, и на их результате. Но результат может сказаться на суждении и совершенно иначе;

бывает, что им попросту пользуются в качестве доказательства правильности или неправильности или другого мероприятия. Это можно назвать *суждением по успеху* . Такое суждение на первый взгляд кажется безусловно неприемлемым, и все же это не так.

Когда Бонапарт в 1812 г. шел на Москву, все зависело от того, принудит ли он императора Александра к миру завоеванием этой столицы и предшествовавшими этому событиями, как ему удалось принудить его в 1807 г. после сражения под Фридландом и как удалось принудить императора Франца в 1805 и 1809 гг. после Аустерлицкого и Ваграмского сражений; ибо раз он не получал мира в Москве, ему ничего не оставалось другого, как возвращаться вспять, т. е. понести стратегическое поражение. Мы не будем останавливаться на том, что сделал Бонапарт, чтобы добраться до Москвы, и не было ли уже при этом упущено многое такое, что могло бы побудить императора Александра заключить мир; не будем также говорить о тех гибельных обстоятельствах, которые сопровождали отступление и причина которых, может быть, уже заключалась в ведении войны в целом. Но независимо от этого вопрос остается тем же самым, ибо, какими бы блестящими ни были результаты похода до занятия Москвы, все же дело сводилось к тому, будет ли император Александр настолько запуган всем этим, чтобы заключить мир. Если бы отступление и не носило на себе такого отпечатка истребления и гибели, поход все же являлся бы крупным стратегическим поражением.

Если бы император Александр согласился на невыгодный мир, то поход 1812 г. стал бы наряду с походами, закончившимися Аустерлицем, Фридландом и Ваграмом. А между тем и эти кампании, не будь заключен мир, вероятно, привели бы к таким же катастрофам. Таким образом, какую бы силу, искусство и мужество ни проявил всемирный завоеватель, этот конечный вопрос, обращенный к судьбе, оставался бы повсюду тем же самым. Но неужели на этом основании мы должны отвергнуть походы 1805, 1807 и 1809 гг. и на основании данных одной кампании 1812 г. утверждать, что все они – плод неразумия, что успех их противоестественен и что в 1812 г. стратегическая правда наконец восторжествовала над слепым счастьем? Это было бы крайней натяжкой, суждением донельзя тиранническим, которое могло быть доказанным лишь наполовину, ибо ни один человеческий взор не может проследить нить необходимого сцепления событий вплоть до окончательного решения, принятого побежденными монархами.

Но еще менее оснований утверждать, что поход 1812 г. заслуживал того же успеха, как и предшествующие, и если он им

не увенчался, то это нечто совершенно ненормальное. В самом деле, нельзя же смотреть на стойкость императора Александра как на нечто ненормальное.

Что может быть естественнее, как сказать, что в 1805, 1807 и 1809 гг. Бонапарт правильно оценил своих противников, а в 1812 г. он ошибся; следовательно, тогда он был прав, а на этот раз нет, и притом в обоих случаях потому именно, что *нас тому учит конечный результат.*

Все действия на войне, как мы уже говорили раньше, рассчитаны лишь на вероятные, а не на несомненные результаты; то, что недостает в отношении несомненности, должно быть предоставлено судьбе или счастью, – называйте это как хотите. Правда, мы можем требовать, чтобы доля счастья была как можно меньше, но лишь по отношению к конкретному случаю, т. е. в каждом отдельном случае эта доля должна быть возможно меньше, но из равных случаев мы вовсе не обязаны предпочитать именно тот, в котором меньше всего подлежащего сомнению. Это было бы согласно всей нашей теоретической установке огромной ошибкой. Бывают случаи, когда величайший риск является величайшей мудростью.

Во всем том, что действующее лицо предоставляет судьбе, по-видимому, нет никакой его заслуги, а следовательно в этой части на него и не ложится никакая ответственность; тем не менее мы не можем удержаться от внутреннего одобрения всякий раз, как ожидание полководца оправдывается, когда же оно срывается, мы испытываем какое-то чувство неудовлетворенности. Дальше этого и не должно идти суждение о правильном и ошибочном, которое мы создаем только на основании конечной удачи или неудачи, или точнее, которое мы просто находим в ней.

Однако нельзя не признать, что чувство удовлетворения, испытываемое нашим сознанием от меткого действия, и чувство неудовлетворенности – от промаха все же покоятся на смутной догадке, что между успехом, приписываемым счастью, и гением действующего лица существует тонкая, невидимая умственному взору связь, и эта гипотеза доставляет нам известное удовлетворение. Такой взгляд подкрепляется тем, что наш интерес возрастает и переходит в более определенное чувство, когда в деятельности того же самого лица удачи и промахи часто повторяются. Отсюда становится понятным, почему счастье на войне имеет гораздо более благородный облик, чем счастье в игре. Повсюду, где благоприятствуемый счастьем вождь не задевает как-либо наши интересы, мы с удовлетворением будем следить за его успехами.

Итак, критика, после того как она взвесила все то, что

принадлежит к области человеческого расчета и может быть удостоверено, должна предоставить слово конечному исходу в той части, в которой тайная внутренняя связь вещей не воплощается в видимых явлениях. При этом она должна, с одной стороны, оградить этот безмолвный приговор высшего судилища против напора необузданных мнений, с другой – возразить против нелепых злоупотреблений, которые могут быть допущены этой высшей инстанцией.

Этот приговор успеха всегда должен, следовательно, удостоверить то, что не может распознавать человеческий ум. К нему приходится обращаться главным образом в вопросе о духовных силах и их воздействии отчасти потому, что о них можно судить с наименьшей достоверностью, а отчасти и потому, что они, близко соприкасаясь с волей, легко ее обусловливают. Там, где решение вырвано страхом или мужеством, между чувством и волей не может быть установлено ничего объективного, а следовательно, здесь уже мудрость и расчет более не влияют на вероятный исход дела.

Теперь мы еще позволим себе высказать несколько замечаний об орудии критики, а именно о языке, которым она пользуется, ибо критика в известной степени является спутником военных действий; ведь дающая оценку критика – не что иное, как размышление, которое должно предшествовать действию. Поэтому мы полагаем, что крайне существенно, чтобы язык критики носил такой же характер, какой должен иметь язык размышлений на войне; иначе он теряет свою практичность и не дает критике доступа в действительную жизнь.

При рассмотрении вопроса о теории ведения войны мы говорили, что она должна воспитывать ум вождей, или, вернее, руководить их воспитанием. Она не предназначена к тому, чтобы снабжать вождя положительным учением или системами, которыми он мог бы пользоваться как готовыми орудиями ума. Но если на войне для суждения о данном случае построение научных подсобных линий не только не нужно, но даже недопустимо, если истина не выступает здесь в систематическом оформлении и берется не из вторых рук, а непосредственно усматривается естественным умственным взором, то то же должно быть и при критическом рассмотрении.

Правда, мы видим, что всякий раз, как представляется слишком громоздким устанавливать природу явлений, критика должна опираться на уже окончательно признанные в теории истины. Однако подобно тому, как деятель на войне более повинуется этим теоретическим истинам тогда, когда слил свое мышление с их духом, чем когда он видит в них лишь внешний

мертвый закон, так и критика не должна ими пользоваться как чуждыми законами или алгебраическими формулами, при применении которых не требуется искать нового доказательства… Она должна всегда сама светиться этими истинами, предоставляя теории лишь более точное и обстоятельное их доказательство. Таким образом, критика избегнет таинственного и запутанного языка и будет литься простой речью в прозрачном, т. е. всегда наглядном, ряде образов.

Правда, это не всегда вполне достижимо, но таково должно быть стремление критического изложения. Оно должно применять как можно меньше сложных форм распознавания и никогда не пользоваться построением научных подсобных линий как собственным аппаратом установления истины, но ко всему подходить с простым и свободным умственным взором.

Однако это благочестивое стремление, если мы можем позволить себе так выразиться, к сожалению, до сих пор господствовало лишь в немногих критических разборах: большинство их из какого-то тщеславия тянулось к идейной напыщенности.

Первое зло, с которым часто приходится встречаться, это беспомощное, совершенно недопустимое применение известных односторонних систем как формального закона. Но всегда нетрудно доказать всю односторонность такой системы, и стоит это сделать хотя бы однажды, чтобы раз навсегда подорвать авторитет ее судейского приговора. Здесь мы имеем дело с определенным явлением, а так как число возможных систем в конечном счете может быть лишь незначительно, то сами по себе они представляют еще меньшее зло.

Гораздо больший вред заключается в том придворном штате терминологий, технических выражений и метафор, который тащат за собой системы и который, как распущенный сброд, как обозная челядь армии, отбившаяся от своих принципов, беспорядочно повсюду бродит. Критик, не поднявшийся до цельной системы, или потому, что ни одна из них ему не понравилась, или потому, что ему не удалось изучить какую-нибудь из них полностью, все же норовит использовать хотя бы кусочек ее как направляющую веху, чтобы доказать, как ошибочен был тот или иной ход полководца. Большинство совсем не умеет рассуждать без того, чтобы не пользоваться то здесь, то там каким-либо обрывком военной теории как опорой. Самые мелкие из этих обрывков, сводящиеся просто к техническим терминам и метафорам, часто оказываются лишь затейливыми прикрасами, уснащающими критическое повествование. Но по самой природе

дела вся терминология и технические выражения, принадлежащие какой-нибудь системе, утрачивают свой правильный смысл, если они им когда-нибудь обладали, раз только их выхватывают из системы и употребляют как аксиомы или как маленькие кристаллы истины, обладающие якобы большей убедительностью, чем обыденная речь.

Таким-то путем и получилось, что наши теоретические и критические книги вместо простого, безыскусственного и ясного рассуждения, при котором автор, по крайней мере, сам знает, о чем говорит, а читатель понимает, что читает, кишмя кишат этими терминологиями, создающими темные перекрестки, на которых автор и читатель расходятся в разные стороны. Нередко бывает еще хуже: часто они являются простой скорлупой без зерна. Сам автор толком не знает, что он, собственно, думает по данному поводу, и успокаивается на туманных представлениях, которые в обыденной речи его самого не удовлетворили бы.

Третье зло критики – это злоупотребление историческими примерами и желание блеснуть начитанностью. Что такое история военного искусства, об этом мы уже говорили, и мы еще разовьем в отдельных главах нашу точку зрения на исторические примеры и вообще на военную историю. Факт, который задевают лишь мимоходом, может служить примером для совершенно противоположных воззрений, а 3–4 примера, выхваченные из самых отдаленных друг от друга эпох и стран, натасканные из самых разнородных обстановок и сваленные в кучу, чаще всего сбивают с толку и запутывают суждение, не обладая в то же время ни малейшей доказательной силой; если взглянуть на все это при правильном освещении, то примеры чаще всего оказываются простой трухой, а намерение автора ограничивается желанием блеснуть начитанностью.

Что могут дать для практической жизни эти туманные, полуправдивые, запутанные, произвольные представления? Так мало, что в значительной степени из-за них теория с тех пор, как она существует, является подлинным противоречием практике и нередко служит предметом насмешек со стороны лиц, которым нельзя отказать в высоких качествах на поле брани.

Этого никоим образом не могло бы случиться, если бы теория простым языком и путем естественного рассмотрения вопросов, составляющих сущность военного дела, пыталась установить то, что может быть установлено, если бы она без ложных претензий и неподобающей пышности научных форм и исторических сопоставлений ближе придерживалась сути дела и шла рука об руку с людьми, которые призваны руководить военными действиями, опираясь лишь на свой разум.

Глава 6

Примеры

Исторические примеры все делают ясным и, кроме того, представляют собой самое лучшее доказательство в науках, исходящих из опыта. Более, чем где-либо, это наблюдается в военном искусстве.

Генерал Шарнхорст, который в своем «Спутнике» лучше всех писал о подлинной войне [84] , утверждает, что для понимания военного дела исторические примеры – самое важное, и он пользовался ими с изумительным искусством. Переживи он ту войну, в которой он пал, 4-я часть его переработанного сочинения об артиллерии дала бы нам еще более блестящее доказательство того, как он наблюдал и извлекал поучения из проникновения в опыт войны.

Но писатели-теоретики лишь редко умеют так хорошо пользоваться историческими примерами; мало того, способ, которым они ими пользуются, не только не удовлетворяет разума, но даже оскорбляет его. Поэтому мы считаем важным подробнее остановиться на правильном употреблении примеров и на злоупотреблении ими.

Бесспорно, что знания, лежащие в основе военного искусства, относятся к наукам опытным, ибо, хотя они в большинстве случаев и проистекают из природы явлений, все же с этими свойствами надо сперва ознакомиться на опыте; кроме того, практическое применение подвергается стольким изменениям под влиянием разнообразнейших обстоятельств, что действие никогда нельзя постигнуть в полной мере из одних лишь свойств примененного средства.

Мы познали действие пороха, этого великого фактора нашей военной деятельности, лишь на опыте; еще и ныне мы продолжаем беспрерывно заниматься ближайшим изучением его свойств путем опытов. Что чугунное ядро, получившее посредством пороха начальную скорость 1000 футов [85] в 1 секунду, раздробит всякое живое существо, которого оно коснется в своем полете, конечно, ясно само собой; для этого нет надобности в опыте; но сколько сотен побочных обстоятельств точно определяют его действие, которое частично можно определить лишь на опыте! А ведь не с одной только материальной действительностью приходится нам считаться; мы интересуемся в особенности моральным воздействием, а чтобы изучить и оценить последнее, нет иного средства, кроме опыта. В Средние века, когда только что было изобретено огнестрельное оружие, его материальная действительность вследствие несовершенства устройства была понятно много слабее, чем в

наши дни, но зато моральное воздействие – гораздо больше. Надо было самому наблюдать стойкость одной из частей, воспитавшихся на службе Бонапарту и предводимых им в его победоносном шествии, когда она находилась под сильнейшим и непрерывным орудийным огнем, чтобы составить себе понятие, чего может достигнуть воинская часть, закаленная долгой привычкой к опасностям и доведенная полнокровным чувством победы до предъявления самой себе требования высочайших достижений. Кто не видел этого, тот не сможет этому поверить.

С другой стороны, опыт неоднократно свидетельствует, что еще в наши дни среди европейских войск можно встретить войска, строй которых легко рассеивается 2–3 пушечными выстрелами.

Но никакая основанная на опыте наука, а следовательно, и теория военного искусства не в состоянии постоянно сопровождать свои положения историческими доказательствами; в частности, по отдельным вопросам было бы нелегко привести доказательство в виде опытных данных. Когда на войне убеждаются, что известное средство оказывается весьма действительным, то к нему прибегают вновь; один перенимает его у другого; устанавливается форменная мода; таким путем, опираясь на опыт, это средство входит в общее употребление и получает место в теории, которая довольствуется тем, что вообще ссылается на опыт, чтобы объяснить, откуда взялось это средство, но не затем, чтобы найти в опыте доказательство его значения.

Совершенно иначе обстоит дело, когда приходится пользоваться опытом, для того чтобы устранить общераспространенное средство, разобраться в сомнительном или же ввести новое; тогда необходимо выставить в доказательство отдельные примеры из истории.

Применение исторических примеров при ближайшем рассмотрении исходит из 4 различных точек зрения.

1. Прежде всего примером можно пользоваться как простым *пояснением* мысли. При всяком отвлеченном рассуждении очень легко быть неверно понятым или даже вовсе непонятым; в тех случаях, когда автор этого опасается, он пользуется историческим примером, дабы осветить в должной мере свою мысль и обеспечить взаимное понимание между собой и читателем.

2. Пример может иметь *прикладной характер* [86] ибо он представляет возможность показать, как трактуются те более мелкие обстоятельства, которые при общем выражении мысли не могли быть охвачены во всей совокупности; в последнем и заключается различие между теорией и опытом.

Эти 2 случая относятся к собственно историческим

примерам; 2 следующих относятся уже к историческим доказательствам.

3. Можно сослаться на исторический факт, дабы подкрепить то, что было сказано. Этого достаточно во всех случаях, когда желают доказать одну лишь возможность какого-либо явления или последствия.

4. Наконец, можно создать какое-либо поучение из обстоятельного изложения того или иного исторического факта или из сопоставления нескольких таких фактов; это поучение обретает в самом этом свидетельстве свое полное доказательство.

В 1-м случае обыкновенно достаточно беглого упоминания данного факта, ибо он используется лишь односторонне. При этом даже историческая правда является делом второстепенным; вымышленный пример мог сослужить туже службу; впрочем, исторические примеры имеют всегда то преимущество, что они приближают поясняемую ими мысль к практической жизни.

2-й случай предполагает более подробное изложение данного факта, но и здесь точное соответствие истине является второстепенным; в этом отношении можно сказать то же самое, что было сказано по поводу 1-го случая.

При 3-м случае большей частью достаточно голого указания на несомненный факт. Если выдвигается положение, что укрепленные позиции при известных условиях могут достигнуть своей цели, то достаточно назвать Бунцельвицкую позицию [87] , чтобы обосновать это утверждение.

Но если изложение какого-нибудь исторического факта должно доказать некоторую истину, имеющую общий характер, то этот случай должен быть развернут подробно и обстоятельно во всем том, что имеет отношение к данному утверждению; он должен быть в известной степени тщательно воспроизведенным на глазах читателя. Чем менее окажется возможным этого достигнуть, тем слабее будет доказательство и тем нужнее будет заменить недостающую отдельному факту доказательность большим количеством подходящих фактов; при этом будет полное основание предполагать, что влияния частных обстоятельств, установить которые нет возможности, будут взаимно аннулированы при известном числе фактов.

Если хотят на основании опыта доказать, что кавалерии лучше стоять позади пехоты, чем на одной линии с нею, или что при отсутствии подавляющего перевеса сил опасно глубоко охватывать противника разобщенными колоннами – на театре войны или в сражениях, следовательно, стратегически или тактически, – то в 1-м случае недостаточно назвать несколько проигранных сражений, где кавалерия была расположена на

флангах пехоты, и несколько выигранных, где она стояла позади нее, а во 2-м случае недостаточно вспомнить о сражениях под Риволи и Ваграмом, о наступлениях австрийцев на итальянском театре войны в 1796 г. или о наступлении французов в том же году на немецком, но это надо доказать, тщательно проследив все обстоятельства и отдельные происшествия, выяснив, каким путем эти формы расположения или наступления могли существенно обусловить неблагоприятный исход. При этом будет также выяснено, в какой мере эти формы должны быть отброшены; последнее надо установить непременно, ибо совершенно огульное отрицание их во всяком случае не соответствовало бы истине.

Мы уже признали, что когда обстоятельное установление факта невозможно, то недостаточную доказательность можно заменить количеством примеров, но нельзя отрицать, что это опасный прием, которым часто злоупотребляют. Вместо одного очень обстоятельно изложенного факта довольствуются тем, что вскользь упомянут 3 или 4 факта и тем самым достигнут видимости сильного доказательства. Между тем бывают вопросы, в которых целая дюжина приведенных примеров ничего не доказывает, так как речь идет об явлениях, часто повторяющихся; следовательно, нетрудно подобрать другую дюжину примеров с противоположным исходом.

Если нам назовут 12 сражений, где применение атаки разобщенными колоннами привело к неудаче, то мы можем привести 12 сражений, выигранных при применении того же порядка. Отсюда видно, что этим путем нельзя прийти ни к какому выводу.

Если продумать все сказанное, то станет ясно, как легко могут иметь место злоупотребления историческими примерами.

Событие, не воспроизведенное тщательно во всех деталях, а лишь затронутое поверхностно, на лету, подобно предмету, на который смотрят с очень большого удаления; мы уже не в состоянии различить положение его частей, и он кажется одинакового вида со всех сторон. Подобные примеры действительно могут служить подтверждением самых противоположных мнений. Одни считают походы Дауна образцом мудрой осторожности, другие – робости и нерешительности. Энергичное продвижение Бонапарта через Норийские Альпы в 1797 г. может рассматриваться как проявление блестящей решимости, но в нем можно видеть и подлинную необдуманность. Его стратегическое поражение в 1812 г. может, с одной стороны, быть растолковано как следствие избытка энергии, а с другой – объяснено недостатком таковой. Все эти мнения действительно были высказаны, и легко понять, как они могли возникнуть;

каждое из них рисовало себе связь между событиями по-своему. Во всяком случае, эти противоположные мнения не могут быть одновременно признаны, и какое-нибудь из них необходимо должно быть ложным.

Конечно, мы должны быть чрезвычайно признательны превосходному Фекье за многочисленные примеры, содержащиеся в его мемуарах, частично потому, что они довели до нас множество исторических данных, которых иначе мы были бы лишены, частью же потому, что Фекье в своих мемуарах впервые произвел крайне полезное сближение теоретических, т. е. отвлеченных, представлений с практической жизнью, поскольку приведенные им случаи могли рассматривать как пояснение и более точное определение его теоретических утверждений. Впрочем, он едва ли достигает у непредупрежденного читателя наших дней цель, которой он главным образом задался – доказать исторически теоретические истины; хотя он порой рассказывает события весьма обстоятельно, однако многого не хватает, чтобы внутренняя связь приведенных фактов необходимо обусловливала сделанные им выводы.

Простые ссылки на исторические события имеют еще тот недостаток, что часть читателей, недостаточно знакомая с этими событиями или не вполне сохранившая их в памяти, не может воспринять при этой ссылке те мысли, какие имел в виду автор; читателю остается либо подчиниться впечатлению, производимому на него автором, либо продолжать считать вопрос открытым.

Правда, чрезвычайно трудно так воспроизвести или развернуть перед глазами читателя историческое событие, как это необходимо, чтобы им можно было пользоваться в качестве доказательства.

Писатель большей частью при этом будет стеснен отсутствием данных, а также временем и размерами труда. Однако мы утверждаем, что там, где дело идет о том, чтобы установить новое мнение или разобраться в сомнительном, одно основательно изложенное событие более поучительно, чем 10 поверхностно затронутых. Главное зло такого поверхностного отношения к истории заключается не в том, что писатель это делает в неосновательном предположении, будто он может им нечто доказать, а в том, что он никогда с этими событиями толком не ознакомится и что из такого легкомысленного, поверхностного обращения с историей впоследствии возникнут сотни ложных взглядов и теоретическое прожектерство, которые никогда бы не появились, если бы писатель сознавал свою обязанность – все то новое, что он намерен выпустить в свет и что

он стремится доказать историей, выводить с полной несомненностью из точной связи явлений.

Убедившись в трудности пользования историческими примерами и в необходимости предъявлять к ним указанные требования, придется согласиться с тем, что история последних войн всегда должна представлять наиболее естественную область для выбора примеров, поскольку лишь она достаточно известна и разработана.

Последнее зависит не только от того, что в более отдаленные периоды существовали другие условия, а следовательно, по-другому складывалось и ведение войны, что делает события, имевшие тогда место, менее поучительными и практически менее важными для нас, но также и от того, что с течением времени военная история, подобно всякой другой, постепенно утрачивает множество мелких черт и обстоятельств, которые вначале еще в ней сохранялись. Она все более теряет свою окраску и жизненность, как выцветшая и потускневшая картина, так что под конец остаются лишь общие очертания и немногие случайно уцелевшие частности, приобретающие благодаря этому преувеличенное значение.

Если мы взглянем на современное состояние военного дела, то убедимся, что, начиная с Войны за австрийское наследство, войны, хотя бы в смысле вооружения, еще имеют значительное сходство с современными и, несмотря на значительные изменения, происшедшие за это время как в крупных, так и в малых вопросах, все же условия достаточно близко подходят к современным, чтобы из них можно было извлечь много поучительного. Совершенно иначе обстоит дело хотя бы с Войной за испанское наследство, когда ручное огнестрельное оружие еще не так усовершенствовалось, а кавалерия представляла главный род войск. Чем дальше мы отходим назад, тем менее пригодной становится военная история и тем она делается беднее и малосодержательнее. Наиболее непригодной и скудной надо признать историю древних народов.

Эта непригодность, конечно, не абсолютна; она относится лишь к тем вопросам, которые находятся в зависимости от точного знакомства с теми обстоятельствами или явлениями, в отношении которых ведение войны подвергалось изменениям.

Как бы мы мало ни знали о ходе сражений между австрийцами и швейцарцами, между бургундцами и французами, мы тем не менее здесь усматриваем прежде всего ярко выраженные черты превосходства хорошей пехоты над самой лучшей конницей. Общий взгляд, брошенный на эпоху кондотьеров, учит нас тому, насколько все ведение войны зависит

от того орудия, которым государство пользуется, ибо ни в какое другое время вооруженные силы, которыми пользовались на войне, не носили до такой степени характера самодовлеющего орудия и не были до такой степени оторваны от остальной государственной и народной жизни, как в эту эпоху. Тот удивительный способ, коим Рим во 2-ю Пуническую войну повел борьбу с Карфагеном, т. е. нападая на него в Африке и Испании, в то время как Ганнибал еще не был побежден в Италии, может послужить предметом весьма поучительного рассмотрения, ибо общее соотношение сил и условий этих государств и их войск, на чем и была основана разумность этого косвенного сопротивления, достаточно известно.

Но чем глубже мы будем вникать в подробности и удаляться от общих отношений и обстоятельств, тем меньше при изучении отдаленных эпох мы найдем образцов и опытных данных, ибо мы не в состоянии ни должным образом оценить соответствующие явления, ни сопоставить их с нашими совершенно изменившимися средствами.

К сожалению, во все времена у писателей была большая склонность поговорить о событиях древности. Не будем касаться вопроса, какую роль в данном случае играли тщеславие и шарлатанство, но мы в этой тенденции в большинстве случаев не замечали признаков честного намерения и горячего стремления научить и убедить, а при таких условиях мы не можем не видеть в этих экскурсиях ничего иного, кроме красивых заплат, прикрывающих пробелы и промахи.

Какая была бы огромная заслуга преподать военное искусство в ряде исторических примеров, как то попытался сделать Фекье! Но на это едва ли хватило бы целой человеческой жизни, если вспомнить, что тот, кто захотел бы это предпринять, должен был бы получить предварительную подготовку в виде долголетнего боевого опыта.

Тот, кто чувствует влечение задаться подобным трудом, пусть снарядится на это благое начинание, как на далекое паломничество. Пусть пожертвует он своим временем и не страшится никаких трудов, пусть не убоится никакой земной власти и великих мира сего, пусть он поднимется над собственным тщеславием и ложным стыдом, дабы, по выражению французского кодекса, сказать правду, одну только правду, всю правду.

Часть 3 ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ

Глава 1

Стратегия

Понятие стратегии установлено во 2-й [88] *главе 2-й части. Стратегия – это использование боя в целях войны. Собственно говоря, она имеет в виду только бой, но ее теория должна рассматривать вместе с тем и проводника этой своеобразной деятельности, т. е. вооруженные силы как сами по себе, так и в их главных соотношениях, ибо бой дается при их посредстве и оказывает свое влияние прежде всего на них же. Самый бой стратегия должна исследовать со стороны его возможных последствий, а также в отношении моральных сил, играющих в нем важнейшую роль.*

Стратегия есть использование боя для целей войны, следовательно, она должна поставить военным действиям в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действиям целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря, она намечает проекты отдельных кампаний и дает в них установку отдельным боям. Так как большинство этих действий может быть намечено лишь на основе предположений, которые частично не оправдаются, а целый ряд более детальных определений заранее и совсем не может быть сделан, то из этого очевидно следует, что стратегия обязана сама выступить на театр войны, дабы на месте распорядиться частностями и внести в целое те изменения, в которых постоянно будет нужда. Таким образом, она ни на минуту не может оторваться от военных действий.

Не всегда держались такого взгляда, по крайней мере, по отношению к руководству в целом; это доказывает имевшаяся раньше привычка отводить стратегии место в правительстве, а не при армии, что лишь тогда допустимо, когда правительство находится настолько близко к армии, что на него можно смотреть как на ставку главнокомандующего.

Теория также последует за стратегией в этом проектировании военных действий, или, вернее сказать, она будет освещать явления в их существе и взаимоотношениях и выделять то немногое, что кажется принципом или правилом.

Если мы припомним из 1-й главы [89] , как много крупнейших величин затрагивает война, мы поймем, что

способность учесть все эти величины предполагает редкую умственную силу.

Монарх или полководец, умеющий направить войну, которую он ведет в точном соответствии со своими целями и средствами и делающий не слишком много, не слишком мало, дает этим лучшее доказательство своей гениальности. Но влияние гениальности сказывается не столько во вновь найденном оформлении действия, немедленно бросающемся в глаза, сколько в счастливом конечном исходе целого предприятия. Восхищения достойны именно попадание в точку безмолвно сделанных предположений и бесшумная гармония во всем ходе дела, обнаруживающиеся лишь в конечном общем успехе.

Исследователь, который, исходя от конечного успеха, не умеет напасть на след этой гармонии, часто ищет гениальности там, где ее нет и быть не может.

Обычно средства и формы, коими стратегия пользуется, являются столь простыми, а благодаря своему постоянному повторению столь знакомыми, что для здравомыслящего человека может показаться только смешным, когда ему приходится так часто слышать от критики преувеличенно напыщенные о них отзывы. Тысячу раз уже проделанный обход превозносится то как черта блестящей гениальности, то как глубокая проницательность, то даже как проявление самого всеобъемлющего знания. Могут ли быть в книжном мире более нелепые бредни?

Еще смешнее становится, если к этому добавить, что та же самая критика, исходя из самого пошлого взгляда, исключает из теории все духовные величины и хочет иметь дело лишь с одними материальными. Таким путем все сводится к 2–3 математическим соотношениям равновесия сил и численного превосходства во времени и пространстве да к нескольким углам и линиям. Если бы в самом деле все сводилось лишь к этому, то из такой дребедени едва ли удалось бы составить даже задачу для школьника.

Но согласимся раз навсегда: здесь не может быть и речи о научных формах и задачах; соотношения материальных элементов крайне просты; труднее уловить поставленные на карту моральные силы. Однако и в этой области сплетение явлений морального порядка и большое разнообразие моральных величин и их соотношений можно найти лишь в высших сферах стратегии, там, где она граничит с политикой и государствоведением или, вернее, где она сама становится и тем и другим. Тем не менее и в данном случае, как мы сказали, дело идет скорее об определении степени напряжения сил, чем о

форме выполнения. Там, где господствует последняя, как это имеет место в отдельных мелких и крупных событиях войны, количество моральных величин уже значительно уменьшается.

Таким образом, в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы все было и чрезвычайно легко. Раз из состояния и отношений государства определилось, чего должна и чего может достигнуть война, то найти к этому путь нетрудно; но неуклонно следовать по этому пути, проводить план до конца, не позволять себе тысячу раз сбиваться с него под влиянием различных побуждений – для этого помимо большой силы характера требуется еще и большая ясность и уверенность ума: поэтому из тысячи людей, из которых один отличается умом, другой – проницательностью, третий – отвагой и силой воли, может быть, ни один не соединяет в себе все те качества, которые выдвинули бы его на стезе полководца из ряда посредственностей.

Может показаться странным, что для принятия важного решения в стратегии требуется гораздо больше силы воли, чем в тактике; но это не подлежит сомнению для тех, кто знает войну с этой стороны. В тактике мгновение само вас увлекает с неудержимой силой; действующее лицо чувствует, что его уносит водоворот событий, против которого оно не может бороться, не рискуя вызвать самых гибельных последствий; оно подавляет в себе подымающиеся сомнения и смело продолжает дерзать. В стратегии, где все протекает гораздо медленнее, предоставлено гораздо больше простора для собственных и чужих сомнений, возражений, представлений, а следовательно, также и для несвоевременных сожалений о прошлом. А так как в стратегии не приходится, как в тактике, видеть собственными глазами хотя бы половину всего, но лишь угадывать и предполагать, то и воззрения бывают менее устойчивы. В результате большинство полководцев там, где они должны были бы действовать, топчутся на месте среди мнимых затруднений и колебаний.

Бросим теперь взгляд на историю; остановимся на кампании Фридриха Великого 1760 г., прославленной блестящими маршами и маневрами, подлинном произведении искусства стратегического мастерства, как нам превозносит ее критика. Неужели мы должны приходить в безумный восторг от того, что король решал обходить то правый фланг Дауна, то левый, то опять правый и т. д.? Неужели мы обязаны в этом усматривать проявление глубочайшей мудрости? Нет, мы не вправе это делать, если хотим судить естественно и без жеманства. Раньше всего, конечно, мы должны удивляться мудрости короля, который, преследуя великую цель и располагая только

ограниченными средствами, никогда не брался за дела, не отвечающие этим средствам, но предпринимал *ровно столько* , сколько было нужно для достижения его цели. Эта мудрость полководца была им проявлена не только в этой кампании, но и в течение всех трех войн, которые вел великий король.

Привезти Силезию в надежную гавань хорошо обеспеченного мира – вот, что было его целью.

Стоя во главе небольшого государства, во многих отношениях сходного с другими и имевшего превосходства лишь в некоторых отраслях административного управления, он не мог сделаться Александром Великим, а в качестве Карла XII, как и этот последний, он мог только разбить себе голову Поэтому мы всегда видим в его способе вести войну эту сдержанную силу, которая всегда парит в равновесии, у которой никогда нет недостатка в настойчивости и которая в опасный момент возвышается до достойного удивления с тем, чтобы мгновение спустя снова спокойно парить, подчиняясь требованиям самых тонких побуждений политики.

Ни тщеславие, ни честолюбие, ни жажда мести не могут сбить его с этого пути, и только этот путь привел Фридриха к благополучному исходу борьбы. Как слабы эти слова, чтобы достойно оттенить эту черту великого полководца; лишь внимательно всмотревшись в удивительный исход борьбы и проследив причины, которые его обусловили, проникаешься убеждением, что лишь проницательный взор короля провел его благополучно через все подводные камни.

Это – одна сторона, которой мы восторгаемся в великом полководце, проявленная им в кампании 1760 г. и во всех остальных, но особенно в кампании 1760 г., ибо ни в одной другой ему не приходилось с такими малыми жертвами уравновешивать столь значительно превосходящие неприятельские силы.

Другая сторона связана с трудностями исполнения. Легко наметить марши для обхода справа и слева; нетрудно прийти и к мысли – всегда держать сосредоточенно свою горсточку войск, дабы всюду иметь возможность противостоять разбросанному неприятелю и умножить свои слабые силы быстрой их переброской; отсюда видно, что подобное изобретение не может вызывать нашего изумления, и перед лицом столь простых действий ничего не остается другого, как сознаться, что они просты.

Но пусть какой-нибудь полководец попробует повторить эти дела по примеру Фридриха Великого. Долго спустя толковали писатели, бывшие сами очевидцами, об опасности, даже о

неосмотрительности, сопряженной с теми лагерями, которые занимал король, и мы не сомневаемся, что в тот момент, когда он располагался в них, эта опасность казалась втрое больше, чем впоследствии.

То же нужно сказать и о маршах, совершавшихся на глазах, часто даже под жерлами пушек неприятеля. Фридрих Великий располагался в этих лагерях или предпринимал эти марши потому, что он находил в методе действий Дауна, в его манере занимать позиции, в его чувстве ответственности и характере ту гарантию, которая делала его стоянки и марши хотя и рискованными, но не безрассудными. Но при этом требовались отвага, решительность и сила воли короля, для того чтобы видеть обстановку под таким углом зрения и не сбиться с пути, испугавшись той опасности, о которой в продолжение 30 лет после нее не переставали писать и говорить. Немногие полководцы, оказавшись в положении Фридриха, сочли бы выполнимыми эти простые стратегические средства.

Была еще и другая трудность выполнения: армия короля в течение этой кампании находится в постоянном движении. Два раза идет она по пятам Дауна, имея позади себя Ласси, по плохим проселочным дорогам от Эльбы к Силезии (начало июля и начало августа). Она каждое мгновение должна быть готова к бою и искусно организовать свои марши, что, однако, связано с большим напряжением войск. Хотя армию и сопровождают тысячи повозок, затрудняющих марш, однако ее снабжение крайне скудно. В Силезии до самого сражения под Лигницем, в течение 8 суток непрерывно, она была вынуждена совершать ночные переходы, все время двигаться взад и вперед мимо неприятельского фронта; это влечет за собой страшное напряжение сил и сопряжено с большими лишениями.

Можно ли предполагать, что все это могло происходить без большого трения в машине? Разве полководец может ворочать армией с такою же легкостью, как рука землемера ворочает астролябию? Разве сердца начальников и главнокомандующего не разрываются тысячу раз при виде страданий бедных, голодных и изнемогающих от жажды соратников? Разве до его уха не доходят жалобы и сетования по этому поводу? Разве у заурядного человека хватит мужества потребовать таких жертв от своих солдат, и разве такие усилия не привели бы неизбежно к упадку духа в войсках, не расстроили бы дисциплину, словом – не подорвали бы воинской доблести, если бы все это не сглаживалось безграничной верой в величие и непогрешимость полководца? Вот к чему надо питать уважение; этими-то чудесами выполнения мы должны восхищаться. Но все это можно целиком

прочувствовать лишь тогда, когда мы на собственном опыте получим известное предвкушение; тот, кто знает войну лишь по книгам и по занятиям на учебном плацу, для того весь этот противовес, встречаемый действием, не существует; пусть же он поверит нам на слово, примет на веру все то, чего не знает по собственному опыту.

Мы пытались этим примером придать большую ясность ходу нашей мысли и спешим в заключение этой главы сказать, что в нашем изложении мы будем характеризовать те отдельные элементы стратегии, которые нам кажутся самыми важными, безразлично – материальны ли они или духовны; мы будем держаться нашего метода – переходить от единичного к сложному – и закончим внутренней связью всего военного акта, т. е. планом войны и планом кампании.

Бой [90] вообще возможен, если у данного пункта расположены войска, но на деле он не всегда имеет место. Следует ли смотреть на эту возможность как на нечто реальное, т. е. как на действительное явление? Разумеется, да. Она становится таковой благодаря своим последствиям, и ее влияние, каково бы оно ни было, всегда скажется.

1. Возможные бои ввиду их последствий должны рассматриваться как действительные

Когда высылают отряд, чтобы отрезать путь отступления бегущему неприятелю, и он после этого сдается, не вступая вовсе в бой, то решение его вызвано лишь тем боем, который ему предлагает высланный отряд.

Когда часть нашей армии занимает неприятельскую область, оставшуюся без обороны, и тем самым лишает неприятеля значительных средств пополнения его сил, то мы сохраняем за собой эту область лишь благодаря тому бою, который выделенная часть нашей армии позволяет предусмотреть противнику, в случае если бы он захотел снова вернуть себе эту область.

В обоих случаях одна лишь возможность боя имела известные последствия, и тем самым эта возможность оказывается в ряду реальных явлений. Предположим, что неприятель в обоих случаях противопоставил нашим отрядам свои превосходящие силами наши и тем побудил их без боя отказаться от преследуемой ими цели; тогда, конечно, их цель оказалась бы недостигнутой; однако бой, который мы предлагали нашему противнику в этом пункте, все же не остался бы без последствий, ибо он притянул неприятельские силы. Даже в том случае, когда предприятие в целом принесло бы нам явный вред, все же нельзя сказать, что эта группировка, эти возможные бои не имели бы никаких последствий; для нас они в данном случае равносильны

проигранному бою. Отсюда видно, что уничтожение неприятельских вооруженных сил и разгром неприятельской мощи достигаются лишь в результате боя, действительно имевшего место или только предложенного, но не принятого.

2. Двоякая цель боя

Но воздействия боя бывают двоякого рода; непосредственные и косвенные. Косвенными они бывают тогда, когда примешиваются посторонние предметы, которые становятся целью боя: они сами по себе не имеют в виду непосредственного уничтожения неприятельских вооруженных сил и лишь могут привести к таковому, хотя и окольным путем, но с тем большей силой. *Ближайшей* целью сражения может быть захват областей, городов, крепостей, дорог, мостов, магазинов и др., но никогда эта цель не может явиться конечной целью. Эти предметы должны всегда рассматриваться как средства достижения перевеса сил, дабы в конце концов предложить противнику бой в таком положении, когда ему будет невозможно его принять. Таким образом, на все эти объекты боя надо смотреть как на промежуточные звенья, как бы на проводники действующего принципа, но отнюдь не как на самый действующий принцип.

3. Примеры

Когда в 1814 г. союзники заняли столицу Бонапарта, цель войны была достигнута. Начали сказываться политические расслоения, базой которых являлся Париж, и огромная трещина вызвала крушение мощи императора. Все это надлежит рассматривать с той точки зрения, что с падением Парижа вооруженные силы Бонапарта и его способность к сопротивлению разом значительно уменьшились, а превосходство сил союзников возросло в такой степени, что всякое дальнейшее сопротивление стало невозможным. Именно эта невозможность и дала Франции мир. Если представить себе, что силы союзников в тот момент благодаря внешним обстоятельствам уменьшились бы в той же пропорции и исчезло бы их превосходство, то исчезло бы одновременно и все значение занятия Парижа.

Мы просмотрели этот ряд предложений, для того чтобы показать естественный и единственно правильный взгляд на дело; отсюда вытекает и его значение. Этот взгляд неизменно возвращает нас к вопросу: каков будет в любой момент войны и кампании вероятный исход крупных и малых боев, которые могут быть враждующими сторонами предложены друг другу. Лишь этот вопрос решает при продумывании плана кампании или войны, какие мероприятия надо принять заранее.

4. Кто держится иной точки зрения, тот ложно оценивает другие вопросы

Если не приучить себя смотреть на войну или отдельную кампанию как на цепь, состоящую только из ряда боев, из которых каждый всегда влечет за собой следующий; если отдаться тому представлению, что занятие известных географических пунктов или завоевание незащищенных областей само по себе является чем-то существенным, то мы приблизимся к тому, чтобы смотреть на это как на некий успех, который можно мимоходом прикарманить. Рассматривая же занятие географического пункта так, а не как звено во всей цепи событий, мы можем и не задаться вопросом, не повлечет ли за собой впоследствии это обладание еще большие невыгоды. Как часто встречаем мы в военной истории подобные ошибки. Хочется сказать: подобно тому как торговец не может отложить и счесть чистым барышом прибыль от какой-нибудь отдельной торговой сделки, так и на войне невозможно обособить единственный успех от успеха в целом. Подобно тому как купец должен все время оперировать всей массой своего состояния, так и на войне лишь конечный итог решит вопрос, на чьей стороне оказался успех и на чьей – неудача.

Если же мысль всегда будет ориентироваться на ряд боев, то, насколько это можно заранее предвидеть, она всегда будет находиться на прямом пути к цели, причем движение сил приобретает ту быстроту, т. е. устремленность, а действие – ту энергию, которые требует дело и которые не будут отвлечены посторонними влияниями.

Глава 2

Элементы стратегии

Причины, которые обусловливают в стратегии использование боев, представляется возможным расчленить на элементы различного порядка, а именно: на элементы моральные, физические, математические, географические и статистические. К первой категории относится все, что называется духовными свойствами и их воздействием; ко второй – количество вооруженных сил, их состав, преимущества в вооружении и др.; к третьей – углы, образуемые операционными линиями, концентричность и эксцентричность движений, поскольку их геометрическая природа приобретает в конечном итоге значение; к четвертой – влияние местности, как то: господствующие пункты, горы, реки, леса, дороги; наконец, к пятой – средства снабжения армии и др. В том, что мы представим себе сначала эти элементы изолированными друг от друга, имеется своя хорошая сторона; это внесет ясность в представления, и тут же, мимоходом, мы сможем расценить большее или меньшее значение, какое каждая из этих категорий имеет.

Мысля их разделенными, мы сразу осознаем, что некоторые из них утрачивают свою кажущуюся важность. Так, например, сразу отчетливо чувствуется, что ценность операционного базиса, даже если рассматривать его только по отношению к направлению операционной линии, все же и при этой простейшей постановке вопроса гораздо меньше зависит от элемента геометрического, т. е. углов, которые эти линии между собой образуют, чем от состояния дорог и от местности, по которой они проходят.

Но если бы кто-нибудь вздумал вопросы стратегии толковать по этим элементам, то это была бы самая неудачная мысль, какая только может прийти в голову, ибо чаще всего в конкретных военных операциях эти элементы самым тесным и сложным образом сплетаются между собой; мы бы в таком случае погрузились в самый безжизненный анализ и, как в кошмаре, тщетно пытались бы перекинуть мост от этого абстрактного устоя к явлениям действительного мира. Да хранит небо всякого теоретика от столь пагубного начинания. Мы будем придерживаться мира целостных явлений и не будем углублять свой анализ дальше, чем сколько требуется в данном случае, для того, чтобы сделать понятной мысль, излагаемую нами читателям; эта мысль рождается у нас отнюдь не из умозрительного исследования, а из впечатления от цельного явления войны.

Глава 3

Моральные величины

Снова мы должны вернуться к этому предмету, который мы затронули в 3-й главе 2-й части [91] этого труда, потому что моральные величины на войне занимают самое важное место. Эти моральные силы насквозь пропитывают всю военную стихию; у них величайшее сродство с волей, ибо воля есть величина моральная, и они заранее смыкаются с ней, сливаются с ней воедино, а воля – это то, что приводит в движение и руководит всей массой материальных сил. К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и прочувствовать.

Дух и прочие моральные свойства армии, полководца, правительства, настроение провинций, в которых протекает война, моральное воздействие победы или поражения – все это данные, которые сами по себе весьма разнородны; в своем отношении к преследуемой нами цели и к обстановке, в которой мы находились, они могут опять-таки оказывать самое различное влияние.

Хотя в книгах об этом мало или даже ничего не говорится, все же эти данные относятся к теории военного искусства в такой же степени, как и все прочее, образующее войну. Я должен еще раз повторить: жалка та философия, которая согласно старым образцам замыкает все свои правила и принципы по ею сторону рубежа, за которым начинается область моральных величин, и которая, как только последние появляются на сцене, тотчас начинает перечислять исключения; пожалуй, тем самым «исключения» организуются по научному, т. е. обращаются в правило; иногда это скудоумие ищет опоры в ссылке на гений, который выше всех правил, чем, собственно говоря, дается понять, что правила не только пишутся для дураков, но и сами по себе должны быть глупыми.

Если бы даже теория военного искусства не могла сделать ничего другого, как только напомнить об этих явлениях и доказать необходимость достойно ценить все значение моральных величин и учитывать их, то она уже расширила бы свои пределы на царство явлений морального порядка и установлением этой точки зрения заранее бы осудила тех, кто будет пытаться предстать перед ее судилищем с анализом одних лишь физических сил.

Теория и во всех своих так называемых правилах не может отмежевываться от моральных величин, ибо действие физических сил полностью сплавляется с действием моральных и они не могут быть выделены порознь из этого сплава, как выделяются отдельные металлы путем химического процесса из металлического сплава. Во всяком правиле, относящемся к физическим силам, теория должна руководствоваться учетом той доли, которая при этом может выпасть на величины моральные; иначе теория опустится до категорических положений, которые будут то слишком робки и ограниченны, то слишком притязательны и обширны. Даже самые бездушные теории оказались, правда совершенно несознательно, вынужденными перенестись в это царство духа, ибо, например, невозможно объяснить действие какой-нибудь победы сколько-нибудь удовлетворительно, не принимая во внимание ее морального впечатления. Поэтому большинство явлений, которые мы бегло исследуем в этом труде, состоит наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий. Можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла.

История лучше всего свидетельствует о четкости моральных величин, и в ней всего ярче обнаруживается их порой

невероятное влияние; и это то благородное и совершенное в уроках истории, на чем может воспитаться дух полководца. Причем надо заметить, что доказательства, критические исследования и ученые трактаты в этом отношении не имеют такого значения, как ощущения, общие впечатления и одиноко падающие искры ума, сеющие те семена мудрости, которые должны оплодотворить душу.

Мы могли бы перебрать важнейшие на войне моральные явления и с усердием прилежного доцента попытаться выяснить, что можно сказать хорошего или худого о каждом из них. Но такой метод ведет к чересчур избитым местам и повседневным истинам, при таком анализе подлинные явления духа быстро скрываются, и анализ незаметно доходит до повествования о том, что всякому известно. В силу этого мы предпочитаем в данном случае более, чем когда-либо, сохранить нашу эскизную, рапсодическую форму изложения; мы будем довольны, если нам удастся вообще подчеркнуть значение этой стороны военного дела и сделать понятным тот дух, которым проникнуты взгляды настоящего труда.

Глава 4

Основные моральные потенции

Это – *таланты полководца, воинская доблесть армии, дух народа* , комплектующего ее. Никто не может сказать, которая из этих сил в общем имеет наибольшее значение, ибо если нелегко что-либо высказать о значении их порознь, то еще труднее взвесить значение одной по сравнению с другой. Лучше всего не пренебрегать ни одной из них: между тем человеческое суждение в своем капризном переходе из одной крайности в другую чрезвычайно склонно игнорировать то одну, то другую из основных моральных величин. Лучше всего представить достаточно убедительные свидетельства истории, говорящие о неоспоримом влиянии этих трех факторов.

Несомненно, за последнее время армии европейских государств дошли приблизительно до одного уровня обучения и боевой готовности; ведение войны, по выражению одного философа, получило столь естественную форму и воплотилось в своего рода метод, одинаково присущий всем армиям, что уже не приходится рассчитывать на применение полководцами особых – в полном смысле слова искусственных – приемов, вроде косого боевого порядка Фридриха Великого.

Таким образом, при современном положении дела более широкая область влияния, бесспорно, принадлежит народному духу и боевому опыту войск. Продолжительный мир мог бы вновь изменить это соотношение.

Дух народа, отражающийся в войсках (энтузиазм, фанатизм, вера, убеждения), ярче всего проявляется в горной войне, где каждый предоставлен самому себе вплоть до единичного солдата. Уже по одной этой причине горы являются наиболее выгодной ареной борьбы для народного ополчения.

Искусная боевая подготовка войска и закаленное мужество, спаивающие отдельные отряды как бы в один слиток, ярче всего проявляются в открытом поле.

Таланту полководца открывается наибольший простор на пересеченной, всхолмленной местности. В горах он не в достаточной мере может управлять отдельными колоннами, и руководство ими всеми превышает его силы; в открытом поле оно проще и не истощает его сил.

Предположения полководца должны ориентироваться на эти неоспоримые, близко между собой соприкасающиеся моменты.

Глава 5

Воинская доблесть армии

Воинская доблесть существенно отличается от простой храбрости и еще более от воодушевления делом, за которое ведется война. Правда, первая есть необходимая ее составная часть, но так как она, хотя и является естественным свойством человеческой природы, может также воспитаться на войне у каждого бойца армии благодаря привычке и упражнению, то она у него принимает иное направление, чем у других людей. Она утрачивает в нем характер влечения к необузданной деятельности и проявлению силы, присущей ей в отдельной личности, и подчиняется добровольно высшим требованиям: послушанию, порядку, правилу и методу. Воодушевление делом, за которое ведется война, оживляет воинскую доблесть армии и усиливает ее пыл, но не является необходимым ее элементом.

Война есть определенное дело (и таковым война всегда останется, сколь широкие интересы она ни затрагивала бы, и даже в том случае, когда на войну призваны все способные носить оружие мужчины данного народа), дело отличное и обособленное. Быть проникнутым духом и сущностью этого дела, развивать и пробуждать в себе способность воспринимать силы, имеющие в нем значение, полностью охватить это дело разумом, путем упражнений добиться уверенности и быстроты, всецело в нем раствориться, из человека превратиться в исполнителя той роли, которая нам в этом деле отведена, – так проявляется в каждом индивидууме воинская доблесть армии.

Как бы ни мыслили себе совершенное воспитание в одной и той же личности качеств гражданина и воина, в какой бы мере мы ни представляли войну общенациональной и ушедшей в

направлении, противоположном эпохе кондотьеров, но нам никогда не удастся изгладить индивидуальные черты военного дела, а раз это невозможно, то те, которые заняты им, и до тех пор, пока им занимаются, будут неизбежно смотреть на себя как на особую корпорацию, в распорядках, законах и обычаях которой главным образом и коренятся духовные факторы войны. Так оно и есть в действительности. Поэтому при самом решительном стремлении смотреть на войну с высшей точки зрения было бы большой ошибкой относиться с пренебрежением к корпоративному духу (*esprit de corps*), который в большей или меньшей степени может и должен быть свойственным войскам. В том, что мы называем воинской доблестью армии, корпоративный дух представляет связующее средство, спаивающее образующие ее природные силы. На корпоративном духе легче нарастают кристаллы воинской доблести.

Армия, сохраняющая свой привычный порядок под губительным огнем, никогда не поддающаяся панике перед воображаемой опасностью, а перед лицом действительной – оспаривающая каждую пядь поля сражения, армия, гордая сознанием одержанных побед, которая и на краю гибели, после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам, армия, физические силы которой закалялись среди лишений и трудов, как мускулы атлета, и которая смотрит на эти напряжения как на средство, ведущее к победе, а не как на проклятие, тяготеющее на ее знаменах, армия, которой о всех этих обязанностях и добродетелях напоминает короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга – лозунга о чести ее оружия, такая армия действительно проникнута воинским духом.

Можно превосходно сражаться, как вандейцы, и совершать великие дела, как швейцарцы, американцы и испанцы, не проявляя этой воинской доблести; можно даже с успехом подвизаться во главе регулярных армий, как то делали принц Евгений Савойский и Мальборо, не пользуясь особенно ее поддержкой. Поэтому мы не в праве сказать, что без воинской доблести не может быть удачной войны, и это мы с особенной настойчивостью подчеркиваем, дабы с большей яркостью индивидуализировать то понятие, которое мы здесь выдвигаем, чтобы представления не расплывались в общих формах и не составилось бы мнения, будто воинская доблесть, в конце концов, есть все и вся. Это не так. Воинская доблесть армии является определенной моральной величиной; военные действия можно мыслить и помимо нее, и, таким образом, можно подойти к оценке влияния ее как орудия, производительность которого

можно учесть.

Охарактеризовав ее таким образом, посмотрим, что можно сказать о ее влиянии и средствах, коими можно ее приобрести.

Воинская доблесть является для войсковых частей всем тем, чем гений полководца является для целого. Полководец может руководить лишь целым, а не каждой отдельной частью, а там, где он не может руководить таковою, там ее вождем должен стать воинский дух. Полководца избирают, руководствуясь молвой о его выдающихся качествах, старших начальников более крупных частей назначают по тщательной их оценке; но эта оценка все более и более ослабляется, по мере того как мы спускаемся по ступеням иерархической лестницы, и на низах мы не можем базировать свой расчет на индивидуальных способностях; индивидуальные пробелы здесь должна восполнить воинская доблесть. Точно такую же роль играют природные качества собравшегося воевать народа: *храбрость, находчивость, закаленность в трудах и лишениях и воодушевление.*

Таким образом, эти качества могут заменить воинский дух, и наоборот. Отсюда вытекает следующее.

1. Воинская доблесть присуща лишь постоянным армиям; они в ней более всего и нуждаются. В народном ополчении и в течение войны ее могут заменять природные качества, которые тогда быстрее развиваются.

2. Постоянная армия, сражаясь с постоянной же армией, меньше нуждается в воинской доблести, чем постоянная армия в борьбе с народным ополчением, ибо в этом последнем случае силы раздробляются и отдельные части предоставляются самим себе. Там же, где армию можно держать сосредоточенно, гений полководца играет выдающуюся роль и восполняет то, чего недостает армии в моральном отношении. Вообще воинская доблесть бывает тем нужнее, чем театр войны, и другие обстоятельства делают войну более сложной и чем силы более раздроблены.

Единственный вывод, который можно сделать из этих истин, это тот, что в случае, когда у армии не хватает этой потенции в виде воинской доблести, надо организовать войну на возможно более простых началах или удвоить заботы об остальных сторонах военной организации, но не ожидать от голого названия постоянной армии того, что может дать лишь армия, заслуживающая это название.

Итак, воинская доблесть армии есть одна из важнейших моральных потенций на войне, и там, где ее не хватает, мы наблюдаем или замену ее другими силами, как, например, превосходством дарований полководца, воодушевлением народа,

или мы находим, что результаты ее соответствуют затраченным усилиям. Как много великого вершит этот дух, эти высокие качества войск, это облагорожение руды, обращенной в блестящий металл, мы видим на македонянах, предводимых Александром, на римских легионах под начальством Цезаря, на испанской пехоте Александра Фарнезе, на шведах Густава Адольфа и Карла XII, на пруссаках Фридриха Великого и французах Бонапарта. Надо умышленно закрывать глаза на все свидетельства истории, чтобы не признавать, что удивительные успехи этих полководцев и их величие в самых затруднительных положениях были возможны лишь с войсками, обладавшими этой моральной потенцией.

Этот дух может развиваться только из двух источников, которые могут его породить лишь совместно. Первый – это ряд войн и успехов, второй – это доведенная порой до высшей степени напряжения деятельность армии. Лишь в такой деятельности боец познает свои силы. Полководец, имеющий обыкновение больше требовать от своих солдат, может питать и большую уверенность в том, что эти требования будут выполнены. Солдат столь же гордится перенесенными невзгодами, как и преодоленными опасностями. Лишь на почве постоянной деятельности и напряжения создается зародыш доблести при условии, что его согревают солнечные лучи победы. Когда же из этого зародыша вырастет могучее дерево, то оно может противостать самым сильным бурям неудач и поражений и даже в течение известного периода также и инертному покою мирного времени. Следовательно, воинская доблесть может зародиться лишь на войне и при великом полководце, но сохраняться она может в течение нескольких поколений даже при полководцах посредственных и в длительные промежутки мирного времени.

С этим широким и облагороженным корпоративным духом закаленной боевой дружины, покрытой шрамами, не следует сравнивать самомнение и тщеславие, присущее постоянным армиям, склеенным воедино лишь воинскими уставами. Известная тяжеловесная серьезность и строгий внутренний порядок могут содействовать более долгому сохранению воинской доблести, но породить ее они не могут: они имеют свое значение, но переоценивать их не следует. Порядок, навыки, добрая воля, а также известного рода гордость и прекрасное настроение составляют качества воспитанной в мирное время армии, которые следует в ней ценить, но которые самостоятельного значения не имеют.

В такой армии все цепляется за целое, и одна трещина может

раскрошить всю массу, как это бывает со стеклом, охлажденным слишком быстро. Особенно легко превращается самое лучшее настроение в мире в малодушие при первой неудаче и, если можно так выразиться, в раздувание опасности – французское *sauve qui peut* [92] . Такая армия способна на что-нибудь лишь благодаря своему полководцу, и ни на что – сама по себе. Ею надо руководить с удвоенной осторожностью, до тех пор, пока победы и напряжения постепенно не взрастят в тяжеловесных доспехах нужную силу. Остережемся поэтому смешивать дух войска с его настроением.

Глава 6 Смелость

Какое место занимает и какую роль играет смелость в динамической системе сил, в которой она противополагается осторожности и предусмотрительности, мы уже выяснили в главе об обеспеченности успеха [93] и показали, что теория не вправе выдвигать какие-либо законы, ставящие предел дерзанию.

Эта благородная сила порыва, с которым человеческая душа подымается над самой грозной опасностью, должна на войне рассматриваться как своеобразный действенный принцип. В самом деле, в какой же области человеческой деятельности смелость должна пользоваться столь неоспоримыми правами гражданства, как не на войне?

Начиная от обозного и барабанщика и кончая главнокомандующим, она является благороднейшей добродетелью, той настоящей сталью, от которой зависят вся острота и блеск оружия.

Мы должны признать: на войне у смелости особые привилегии. Сверх учета пространства, времени и сил надо накинуть несколько процентов и на нее; при превосходстве в смелости над противником эти проценты всегда будут добыты за счет упущений противной стороны. Смелость, таким образом, является творческой силой. Это нетрудно доказать и философским методом. Всякий раз, как смелость сталкивается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, ибо робость является уже потерей равновесия. Лишь в тех случаях, когда смелость встречается с разумной осмотрительностью, которая, мы готовы сказать, столь же отважна и, во всяком случае, столь же сильна, как и смелость, последняя окажется в убытке; но это бывает редко. Во всей массе осмотрительных людей находится значительное большинство таких, которые являются осмотрительными из боязливости.

В массах смелость представляет силу, преимущественное развитие которой никогда не может принести ущерба другим силам, ибо масса связана рамками и структурой боевого порядка

и службы с волей командования, и следовательно, ею руководит постороннее разумение. Здесь смелость остается лишь силой натянутой пружины, всегда готовой к спуску.

Чем выше мы будем подниматься по ступеням служебной иерархии, тем большая необходимость явится в размышляющем уме, который находился бы рядом со смелостью, дабы последняя не оказывалась бы бесцельной, не обратилась бы в слепой импульс страсти, ибо чем выше ранг, тем меньше значения имеет личное самопожертвование, тем большую роль играют сохранение других и благополучие большего целого. Таким образом, то, что упорядочивается в массе порядком службы, вошедшим в плоть и кровь, то у вождя должно упорядочивать размышление, и здесь смелость отдельного поступка может легко превратиться в ошибку. Но все же это будет красивая ошибка, на которую нельзя смотреть теми же глазами, как на всякую другую ошибку. Благо той армии, в которой часто проявляется несвоевременная отвага, это буйная растительность, она признак могучей почвы. Даже безрассудная смелость, т. е. смелость совершенно бесцельная, не должна рассматриваться с пренебрежением; в основе своей это та же сила темперамента, только лишенная какого-либо содействия разума, проявляющаяся в виде особого рода страсти. Лишь там, где безрассудная смелость восстает против послушания, где она с пренебрежением отклоняет требования высшей воли, к ней надо относиться как к опасному злу, но не ради нее самой, а учитывая факт неповиновения, ибо на войне нет более важного начала, как послушание.

Что на войне при одной и той же степени проницательности дело в тысячу раз скорее может быть испорчено робостью, чем смелостью, – достаточно это высказать, чтобы быть уверенным в одобрении наших читателей.

Казалось бы, выдвижение разумной цели должно облегчить проявление смелости, а следовательно, понизить ее внутреннюю цену; однако на деле происходит как раз наоборот.

Силы темперамента лишаются большей части своей мощи благодаря появлению ясной мысли и даже наличию самообладания. Поэтому мы встречаем смелость *тем реже, чем выше мы поднимаемся по лестнице военного командования* ; если бы даже уровень понимания и ума не поднимался бы вместе с повышением в чинах, то все же начальникам на высоких постах так сильно и в таком большом числе навязываются извне объективные величины, обстоятельства и соображения, что они отягощаются ими, и притом тем более, чем меньше они в состоянии судить о них самостоятельно. В этом на войне и

заключается главное основание того вывода из жизненного опыта, который нашел себе выражение во французской поговорке: *Tel brille au secondqui s'eclipse au premier* [94] . Почти все генералы, которых история нам изображает как посредственных и даже нерешительных полководцев, отличались на низших постах смелостью и решительностью.

Между мотивами отважного поступка, вызванного давлением необходимости, надо делать различие. Эта необходимость имеет разные степени. Если она настоятельна, если начальник, стремясь к своей цели, борется среди крупных опасностей и принимает отважное решение, чтобы уклониться от другой столь же крупной опасности, то здесь можно изумляться разве только его решимости, которая все же сохраняет свою цену. Если юноша, чтобы показать свое искусство наездника, перескакивает через глубокую пропасть, то он отважен; когда же он делает тот же прыжок, спасаясь от преследующей толпы головорезов-янычар, то он только решителен. Но чем больше удалена необходимость и чем большее число отношений наш разум должен пробежать, чтобы познать ее, тем меньше такая необходимость нарушает права смелости. Когда Фридрих Великий в 1756 г. сознал неизбежность войны и мог спастись от гибели, лишь предупредив своих врагов наступлением, ему было необходимо самому начать войну, но это было в то же время и крайне смелым решением, только немногие люди в его положении на это решились бы.

Хотя стратегия есть сфера деятельности одних лишь полководцев или вождей, занимающих высшие посты, все же смелость, как и прочие воинские доблести, остальных членов армии для нее не безразлична. С армией, вышедшей из среды смелого народа, среди которого всегда поддерживалось чувство отваги, можно решиться на совершенно иные предприятия, чем с такой, которой эта воинская доблесть чужда; поэтому, говоря о смелости, мы имели в виду и армию. Но нашей темой, собственно, является смелость полководца, хотя нам мало что остается сказать по этому поводу, после того как мы по крайнему своему разумению уже характеризовали эту воинскую доблесть.

Чем выше мы поднимаемся по лестнице командных должностей, тем больше будут преобладать в деятельности вождей мысль, рассудок и проницательность; соответственно, отодвигается на второй план смелость, являющаяся свойством темперамента; поэтому мы так редко находим ее на высших командных постах, но зато тем более достойной восхищения является она тогда. Смелость, руководимая выдающимся умом, является печатью героя; эта смелость заключается не в том, чтобы дерзать против природы вещей, грубо нарушая законы

вероятности, но в энергичной поддержке того высшего расчета, который производится с молниеносной быстротой и лишь наполовину сознательно гением и интуицией, когда они делают свой выбор. Чем более смелость окрыляет ум и проницательность, тем дальше реют они в своем полете, тем всеобъемлющее становится взгляд и тем вернее будет результат; но, конечно, всегда сохраняет свою силу положение, что чем выше цель, тем значительнее сопряженные с нею опасности. Заурядный человек, не говоря уже о человеке слабом и нерешительном, дойдет, пожалуй, в сфере воображаемого действия, сидя спокойно в своей комнате далеко от опасности, до правильных заключений, поскольку, конечно, это возможно без живого непосредственного созерцания, но, если его всюду будут подстерегать опасности и ответственность, он утратит ясный взгляд, а если бы таковой у него и сохранялся под влиянием окружающих, то, во всяком случае, он утратил бы *решимость* , ибо в этом уже никто ему помочь не может.

Поэтому мы полагаем, что без смелости выдающийся полководец немыслим, т. е. таковым никогда не будет человек, у которого эта сила темперамента не была прирожденной; ее мы поэтому считаем первым условием полководческой карьеры. Другой вопрос – сколько останется в человеке этой природной силы, развитой и видоизмененной воспитанием и последующей жизнью, когда он достигнет своего высокого поста. Чем больше сохранится в нем этой силы, тем могучее будут взмахи крыльев гения, тем выше направится его полет. Риск все растет, но и цели становятся все крупнее. Исходят ли при этом направляющие линии из отдельной необходимости или же они тянутся к вершине здания, построенного честолюбием, выступает ли Фридрих или Александр, – большой разницы для критического рассмотрения в этом не будет. Если последнего больше увлекает фантазия, так как он еще отважнее, то первого более удовлетворяет разум, ибо в его действиях больше внутренней необходимости.

Теперь нам нужно упомянуть еще об одном важном обстоятельстве.

Дух отваги может войти в плоть и кровь армии или потому, что он присущ ее народу, или потому, что он порожден счастливой войной под водительством смелых полководцев; в последнем случае его вначале не будет.

Но в наши времена почти нет другой возможности воспитать его в народе, как при помощи войны, и притом при помощи отважного ее ведения. Лишь война может противодействовать той изнеженности, той погоне за приятными ощущениями, которые

понижают дух народа, схваченного растущим благосостоянием и увлеченного деятельностью в сфере усилившихся мирных отношений.

Лишь тогда, когда народный характер и втянутость в войну постоянно взаимно поддерживают друг друга, народ может надеяться занять прочную позицию в политическом мире.

Глава 7

Твердость

Читатель ожидает здесь ознакомиться с углами и линиями, и вместо этих особ, получивших права гражданства в научном мире, он встречает лишь людей из повседневной жизни, с которыми чуть ли не каждый день видится на улице. Но все же автор не может даже на волосок стать математичнее, чем ему представляется его предмет, и его не пугает то разочарование, которое он может вызвать в читателе.

На войне более, чем где-либо в мире, явления оказываются не такими, как мы их себе представляли; на близком расстоянии они выглядят иначе, чем на далеком. С каким спокойствием архитектор может наблюдать, как поднимается постройка, коренящаяся в его плане! Врач, хотя подверженный в своей деятельности большему числу случайностей и неисследованных влияний, все же точно знает образцы применяемых им средств и их действие. Не так на войне: здесь вождь крупного целого находится постоянно под ударами волн ложных и истинных сообщений и ошибок, допущенных вследствие страха, по небрежности, торопливости или по упрямству, проявленному на основании правильных или неправильных взглядов, по злой воле или из ложного или подлинного чувства долга, вследствие лености или переутомления; он окружен случайностями, которых никто не мог бы предусмотреть. Словом, вождь подвержен сотне тысяч впечатлений, из которых большинство имеет тревожную и лишь меньшинство ободряющую тенденцию. Долгий боевой опыт дает ему такт быстро оценивать все эти явления по их достоинству; высокое мужество и внутренняя сила противостоят им, как скала напору волн. Тот, кто вздумал бы поддаться этим впечатлениям, тот не довел бы до конца ни одного из своих предприятий, а потому твердое отстаивание принятых решений, доколе против них не появится самых решительных доводов, является крайне необходимым противовесом. Кроме того, на войне почти не бывает такого славного предприятия, которое не требовало бы для своего выполнения огромных усилий, трудов и лишений, и если слабость физической и духовной природы человека в этом случае всегда склонна идти на уступки, то все же привести к цели может лишь большая сила воли, – такая

выдержка, которой будут удивляться и современники, и потомство.

Глава 8

Численное превосходство

Оно и в тактике и в стратегии представляет наиболее общий принцип победы, и мы прежде всего должны его рассмотреть с точки зрения этой всеобщности; мы позволим себе развить нашу мысль в следующем виде.

Стратегия определяет пункт, на котором разыгрывается бой, время, когда этот бой разыгрывается, и силы, которые в этом бою участвуют. Следовательно, давая эти три указания, она оказывает весьма существенное влияние на исход боя. Раз тактика дала бой и результат его налицо, будь то победа или поражение, стратегия использует результат так, как то представляется возможным в соответствии с целью войны. Эта цель войны чаще всего, естественно, будет очень отдаленной; близкой она будет в самых редких случаях. Ряд других подчищенных целей является по отношению к ней средствами. Эти цели, которые в токе времени являются средствами для целей высших, могут на практике быть разного рода; даже конечная цель, цель всей войны, бывает различной в каждой из войн. Мы ознакомимся с этими вопросами, по мере того как будем изучать различные явления, соприкасающиеся с ними; в нашу задачу здесь не входит, даже если бы это было возможно, охватить весь предмет полным их перечислением. Поэтому мы пока не будем говорить о применении боя.

Даже и те указания, при помощи которых стратегия оказывает влияние на исход боя, давая ему установку (в известной степени декретируя его), не так просты, чтобы их можно было охватить при рассмотрении в один прием. Стратегия, определяя время, место и силы, может на практике сделать это несколькими способами, каждый из которых различно обусловливает как исход боя, так и его следствия. Мы изучим их постепенно, когда будем знакомиться с вопросами, ближе обусловливающими применение боя.

Если мы отбросим все разновидности, которые имеет бой в зависимости от его назначения и обстановки, из которой он вытекает, если мы наконец оставим вне своего суждения качество войск, которое тоже всегда представляет данную величину, то остается лишь голое понятие боя, т. е. бесформенной борьбы, в которой мы не различаем ничего, кроме числа бойцов.

В таком случае это число и будет определять победу. Уже из того множества отвлечений нашей мысли, к которым нам пришлось прибегнуть, чтобы дойти до этого пункта, мы можем

заключить, что численное превосходство в бою является лишь одним из факторов, из коих слагается победа; таким образом, при помощи численного превосходства мы не только не достигаем всего или главного, но даже, может быть, достигаем и весьма малого, в зависимости от того, как сложатся сопутствующие обстоятельства.

Но и самое численное превосходство может иметь различные степени: оно может мыслиться двойным, тройным, четверным и т. д.; всякому понятно, что численное превосходство, доведенное до известной высокой степени, должно преодолеть все остальное.

С этой точки зрения надо согласиться, что численное превосходство представляет важнейший фактор боя, но оно должно быть достаточно велико, чтобы явиться противовесом всем прочим сопутствующим обстоятельствам. Непосредственный вывод из этого: на решительном пункте надо ввести в бой возможно большее число войск.

Окажется ли этих войск достаточно или нет, но в этом отношении нами будет сделано все то, что позволяли наши средства. Это первый принцип стратегии. В той общей форме, в которой мы его изложили, он одинаково применим к грекам и персам, к англичанам и маратхам [95] , к французам и немцам; чтобы иметь возможность высказаться определеннее, будем иметь в виду наши европейские военные условия.

Здесь армии в отношении вооружения, организации и обучения гораздо более схожи между собою; имеется лишь одно различие, проявляющееся порой то на той, то на другой стороне, а именно – различие в воинской доблести армии и в таланте полководца. Если мы пробежим страницы военной истории современной Европы, то мы нигде не встретим примера, который бы нам напоминал Марафон.

Фридрих Великий под Лейтеном с 30 000 разбил 80 000 австрийцев, под Росбахом с 25 000 – до 50 000 союзников; но это единственные примеры побед, одержанных над противником вдвое и более чем вдвое сильнейшим. Примера победы Карла XII под Нарвой мы, собственно, привести не вправе. На русских того времени едва ли можно смотреть как на европейцев, да и существенные обстоятельства этого сражения недостаточно выяснены. У Бонапарта под Дрезденом было 120 000 человек против 220 000, т. е. у его противников двойного превосходства сил полностью не было. Под Колином Фридриху не повезло с 30 000 против 50 000 австрийцев, как и Бонапарту в отчаянной битве под Лейпцигом, где силы его доходили до 160 000 против 280 000 человек союзников; превосходство последних, следовательно, далеко не было двойным.

Отсюда ясно, что в современной Европе даже самому талантливому полководцу крайне трудно одержать победу над вдвое сильнейшим противником. Если, таким образом, двойной перевес в силах ложится так тяжело на чашку весов даже против величайшего полководца, то мы не вправе сомневаться, что при обыкновенных условиях в крупных и мелких боях значительный перевес сил, которому не нужно быть и двойным, будет достаточен, чтобы обеспечить победу, как бы прочие условия ни были при этом невыгодны. Можно, конечно, вообразить теснину, где и десятикратное превосходство сил было бы недостаточно для преодоления сопротивления; но в таких случаях вообще не может быть речи о бое.

Итак, мы полагаем, что в наших условиях, как и во всех схожих, соотношение сил на решительном пункте – огромное дело, и что в общем для обыденного случая оно из всех условий является самым важным. Число войск на решительном пункте зависит от абсолютной величины армии и от искусства ее использования.

Отсюда первое правило должно заключаться в следующем: начинать войну с возможно сильной армией.

Это на первый взгляд похоже на общее место, на самом же деле это не так.

Чтобы показать, как долго численность вооруженных сил вовсе не рассматривалась как главная данная, нам достаточно отметить, что в большинстве историй войн XVIII в., даже самых обстоятельных, численность армий или вовсе не упоминается, или приводится лишь между прочим и ей никогда не придается особой ценности.

Темпельхоф в своей истории Семилетней войны является первым писателем, который приводит регулярно эти данные, да и то лишь поверхностным образом.

Даже Массенбах в своем во многих отношениях критическом обзоре прусских кампаний в Вогезах 1793 и 1794 гг. много говорит о горах и долинах, дорогах и тропинках, но ни словом не обмолвился о силах обеих сторон.

Другое доказательство заключается в той курьезной идее, которая бродила в головах нескольких критически настроенных писателей и согласно которой существует якобы известная численность армии, признаваемая наилучшей, – *некая нормальная величина* ; вооруженные силы, превышающие эту норму, будут скорее обременительны, чем полезны.

Наконец, существует множество примеров, когда не все имевшиеся в распоряжении вооруженные силы были действительно использованы в бою или на войне, так как

численному превосходству не придавали того значения, какое оно имеет по природе дела.

Раз мы глубоко проникнуты убеждением, что при значительном перевесе сил можно добиться решительно всего, то такое ясное убеждение не может не отразиться на всех приготовлениях к войне, чтобы выступить в поле с возможно большим числом войск и либо самому добиться численного перевеса, либо предохранить себя от чрезмерного перевеса противника. Вот что можно сказать по поводу абсолютной силы армии, с которой приходится вести войну.

Размеры абсолютной силы армии определяются правительством, и хотя с этого определения уже начинается подлинная военная деятельность, и само определение составляет крайне существенную часть ее, все же в большинстве случаев полководцу, который будет руководить потом вооруженными силами на войне, придется смотреть на их численность как на уже данную величину, потому ли, что он не принимал никакого участия в ее установлении, или потому, что обстоятельства помешали довести ее до надлежащего размера.

Таким образом, полководцу остается одно: искусным применением этих вооруженных сил добиваться относительного численного превосходства на решительном пункте даже тогда, когда абсолютный перевес сил оказывается недостижимым.

Самым существенным при этом представляется расчет времени и пространства; это дало повод смотреть в стратегии на этот расчет как на предмет, в достаточной мере обнимающий все использование вооруженных сил. В этом направлении зашли даже настолько далеко, что стали усматривать в тактике и стратегии великих полководцев особую потаенную часть, специально приспособленную для этого.

Но это сопоставление времени и пространства, если оно до известной степени и лежит в основе стратегии и составляет, так сказать, ее насущный хлеб, все же не является в ней ни самым трудным, ни самым решающим моментом.

Если мы непредубежденным взглядом окинем военную историю, то найдем, что случаи, когда ошибки в таком расчете действительно оказывались причиной крупной неудачи, по крайней мере, в стратегии чрезвычайно редки. Но если понятие искусного сочетания элементов времени и пространства должно являться отражением всех случаев, когда посредством быстрых маршей решительный и деятельный полководец одной и той же армией побил несколько противников (Фридрих Великий, Бонапарт), то мы напрасно будем путаться в этих чисто условных выражениях. Для ясности и плодотворности представлений

необходимо называть вещи их собственными именами.

Верная оценка своих врагов (Даун, Шварценберг), риск – оставить временно перед ними лишь незначительные силы, энергия форсированных маршей, дерзость молниеносных атак, повышенная активность, которую великие люди проявляют в момент опасности, – вот истинные причины таких побед. Что же тут общего со способностью правильно сопоставить такие две простые вещи, как время и пространство.

Но и эта рикошетирующая игра сил, когда победы под Росбахом и под Монмиралем дали необходимый размах для побед под Лейтеном и Монтро [96] , игра, которой великие полководцы не раз вверяли свою судьбу в оборонительной войне, все же, если говорить ясно и откровенно, представляет редкое явление в истории.

Гораздо чаще относительный перевес сил, т. е. искусное сосредоточение превосходных сил на решительном пункте, бывает основан на правильной оценке этого пункта и на верном направлении, которое армия получает с самого начала, на решимости, которая требуется, чтобы пренебречь маловажным в пользу важного, т. е. держать свои силы в большей степени сосредоточенными. Это – характерные черты Фридриха Великого и Бонапарта.

Мы полагаем, что сказанным мы воздали численному превосходству подобающее ему значение; на него надо смотреть как на основную идею, и его по возможности надо искать всюду и в первую голову.

Но считать его по этой причине необходимым условием победы было бы полным непониманием развиваемой нами мысли; мы стремились лишь пояснить то значение, какое следует придавать численности сил в бою. Если мы соберем силы возможно большие, то вполне удовлетворим принципу, и лишь оценка обстановки в целом может решить вопрос, следует ли из-за недостатка сил уклониться от боя.

Глава 9

Внезапность

Уже из самого содержания предшествующей главы, из общего стремления к относительному численному превосходству вытекает другое стремление, которое, следовательно, должно быть столь же общим. Это стремление поразить врага *внезапностью.* Эта внезапность лежит более или менее в основе всех предприятий, ибо без нее численное превосходство на решительном пункте, собственно, является немыслимым.

Таким образом, внезапность является средством достижения численного превосходства, но на нее сверх того следует смотреть

как на самостоятельный принцип вследствие ее морального воздействия. В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствиями ее является смятение и упадок духа противника; а насколько эти явления умножают успех, тому имеется достаточно примеров, и крупных и мелких. Здесь, собственно, речь идет не о внезапном нападении, которое относится к атаке, но о стремлении вообще застать своими мероприятиями противника врасплох, а в особенности поразить его внезапностью распределения наших сил, что в одинаковой мере мыслимо и при обороне, а в обороне тактической играет особенно важную роль.

Мы говорим: внезапность лежит в основе всех без исключения предприятий, но в весьма различной мере, в зависимости от природы самого предприятия и от прочих обстоятельств.

Корни этого различия лежат уже в особенностях армии, полководца, даже правительства страны.

Скрытность и быстрота являются двумя образующими внезапность факторами, и оба они предполагают и в правительстве и в полководце большую энергию, а в армии – чрезвычайно серьезное отношение к службе. При изнеженности и халатности было бы напрасно рассчитывать на внезапность. Но сколь ни всеобщим и непременным является стремление к внезапности и как ни безусловен известный ее эффект, который всегда будет иметь место, однако не менее верно и то, что внезапность редко удается в совершенной степени; это лежит в природе вещей. Поэтому мы составим себе совершенно ложное представление, если вообразим, что преимущественно этим средством можно достигнуть многого на войне. В идее это представляется чрезвычайно заманчивым, но на практике все большей частью застревает из-за трения машины в целом.

В тактике внезапность гораздо более обычное явление по той простой причине, что здесь все данные времени и пространства много меньше. Поэтому в стратегии внезапность окажется более осуществимой, когда стратегические мероприятия более приближаются к области тактики, и более трудно достижимой, когда они поднимаются выше, приближаясь к политике.

Приготовления к войне обычно занимают несколько месяцев, сбор войск в их пунктах сосредоточения требует большей частью устройства магазинов и окладов, а также значительных маршей, направление которых довольно скоро обнаруживается.

Поэтому крайне редко бывает, чтобы одно государство внезапно для другого объявило ему войну или чтобы общее направление удара было неожиданностью для его противника. В XVII и XVIII вв., когда война в значительной мере вращалась

вокруг осады крепости или города, наблюдалось в этом смысле особое стремление, и военное искусство имело даже особую главу – внезапное блокирование крепости; да и последнее редко когда удавалось.

Между тем внезапность явлений, которые могут произойти со дня на день, гораздо более мыслима; при операциях не так трудно выиграть у неприятеля один переход и благодаря этому перехватить какую-нибудь позицию, какой-либо пункт, путь сообщения и др. Но ясно, что если внезапность достигается в этом случае легче, то она теряет в степени своей действительности, и наоборот. Тот, кто полагает, что такая внезапность мелких предприятий может связываться с чем-то крупным, как, например, выигрышем сражения, захватом значительного магазина, тот воображает нечто по мысли вполне возможное, но не имеющее подтверждения в истории; вообще можно найти очень мало примеров, когда в результате таких предприятий получалось что-либо крупное, из чего мы, конечно, вправе заключить о трудностях, связанных с ними.

Конечно, обращаясь с подобными вопросами к истории, не следует увлекаться тем или другим коньком исторической критики, ее сентенциями и самодовольной терминологией, а надлежит посмотреть самому факту в глаза. Существует, например, известный день кампании 1761 г. в Силезии, который в этом отношении приобрел своего рода славу. Это 22 июля, когда Фридрих Великий выиграл у генерала Лаудона путь к Носсену у Нейсе, чем, как говорят, он воспрепятствовал соединению австрийцев с русскими в Верхней Силезии и этим получил отсрочку на целых 4 недели. Но если внимательно прочитать описание этих событий у главнейших историков [97] и вникнуть в него без предубеждения, мы не сможем приписать переходу, сделанному Фридрихом 22 июля, этого значения и вообще не найдем во всех рассуждениях об этих событиях, вошедших в моду, ничего, кроме противоречий; в движениях Лаудона в эту пресловутую маневренную эпоху мы усмотрим много немотивированного. Кто же, действительно жаждущий истины и ясных доказательств, будет считаться с такого рода историческим свидетельством?

Когда рассчитывают в ходе кампании добиться посредством принципа внезапности значительных результатов, то, конечно, предполагают энергичную деятельность, быстрые решения, форсированные марши, которые должны явиться соответственными средствами; но все это, доведенное даже до высокой степени, не всегда достигает желаемых последствий; мы можем убедиться в этом на примере двух полководцев, по

справедливости считающихся величайшими мастерами в этом отношении, – Фридриха Великого и Бонапарта. Первый в июле 1760 г. внезапно бросился из Бауцена на Ласси и направился к Дрездену, но ничего этим интермеццо [98] не достиг, а скорее наоборот – дела его от этого пошатнулись, ибо тем временем пала крепость Глац.

Бонапарт в 1813 г. два раза бросался совершенно внезапно из-под Дрездена на Блюхера, не говоря уже о его вторжении из Верхнего Лаузица в Богемию, и оба раза не достиг ожидаемого результата. То были лишь удары по воздуху, которые сводились к простой трате времени и сил, а под Дрезденом могли создать крайне опасное положение.

Следовательно, для того чтобы добиться крупных результатов внезапности, недостаточно одной только энергии, силы и решительности вождя; необходимы и другие благоприятные обстоятельства. Мы вовсе не намерены совершенно отрицать возможность этих крупных результатов и лишь указываем на их связанность с предпосылкой благоприятной обстановки, которая, конечно, не так часто оказывается налицо и вызвать которую вождь редко имеет возможность.

Те же полководцы дают нам яркие примеры. Вспомним знаменитую операцию Бонапарта 1814 г. против армии Блюхера, когда последняя, оторвавшись от главной армии, спускалась вдоль по Марне. Внезапный двухдневный переход едва ли может дать большие результаты. Армия Блюхера, растянувшаяся на три перехода, была разбита по частям и потерпела урон, равносильный потере генерального сражения. Это являлось исключительно последствием внезапности, так как, если бы Блюхер допускал такую близкую возможность нападения Бонапарта, он совершенно иначе организовал бы свой марш. С этой-то ошибкой Блюхера и был связан крупный успех Бонапарта. Последний этих обстоятельств, безусловно, не знал, и, таким образом, в его пользу вмешалась счастливая случайность.

Точно так же в сражении под Лигницем в 1760 г. Фридрих Великий одержал блестящую победу, потому что в ночь перед боем он переменил позицию, занятую им только что перед тем; это явилось полной внезапностью для Лаудона, который в результате потерял 70 пушек и 10 000 человек [99] . Хотя Фридрих Великий и усвоил себе в это время манеру как можно больше передвигаться с места на место, дабы таким образом или избежать сражения или, во всяком случае, спутать планы противника, все же изменение позиции, произведенное в ночь с 14-го на 15-е, не преследовало именно этой цели, а вызывалось, по словам самого короля, просто тем, что позиция, которую он

занимал 14-го, ему не понравилась. Таким образом, и на этот раз случай сыграл важную роль. Без совпадения нападения Лаудона с ночным сдвигом пруссаков и недоступностью местности результат оказался бы иным.

В высоких и высших областях стратегии также имеются примеры внезапности, связанные с серьезными последствиями; напомним лишь о блестящих походах великого курфюрста против шведов из Франконии в Померанию и из Бранденбургской Марки к р. Прегелю, о походе 1757 г., о знаменитом переходе Бонапарта через Альпы в 1800 г. В последнем случае армия капитулировала и сдала при этом весь свой театр войны и немного недоставало, чтобы в 1757 г. другая армия не сдала своего театра да и себя в придачу [100] .

Наконец, как пример совершенно внезапной войны мы можем привести вторжение Фридриха Великого в Силезию [101] . Всюду в этих случаях успех был огромный и потрясающий. Но подобные явления редко встречаются в истории. С ними не следует смешивать те случаи, когда государство по недостатку энергии и деятельности (в 1756 г. Саксония и в 1812 г. Россия) не было готово к войне вовремя.

Теперь остается сделать одно замечание, касающееся существа дела. Лишь тот может поразить внезапностью, кто диктует другому закон его поведения. Закон же диктует тот, кто действует, имея большие основания. Если мы удивим противника нелепым мероприятием, то, по всей вероятности, нас ждет не хороший успех, а нам придется несдобровать от ответного удара; во всяком случае, противник не будет особенно огорчен нашим сюрпризом, ибо в нашем же промахе он найдет средство отвратить от себя зло. Так как нападение заключает в себе гораздо больше позитивных действий, чем оборона, то и внезапность, во всяком случае, чаще удается нападающему, чем обороняющемуся; однако и при обороне использование внезапности не исключается, как мы то увидим впоследствии. Может встретиться и двухсторонняя внезапность как со стороны нападающего, так и со стороны обороняющегося, и тогда верх возьмет тот, кто правильнее попал в точку.

Так, казалось бы, должно было быть; однако практическая жизнь не выдерживает эту линию строго, и притом по самой простой причине. Моральные влияния, вызываемые внезапностью, часто обращают самое плохое положение в хорошее для того, в чью пользу складывается внезапность, и не дают возможности противной стороне принять толковое решение. Здесь более, чем в каком-либо другом месте нашего труда, мы имеем в виду не только одного старшего начальника, но и всех других

начальников, ибо действие внезапности отличается той особенностью, что оно заметно ослабляет общую связь и единство и открывает простор для проявления личности каждого.

Многое зависит от общих условий, в которых складываются соотношения обеих сторон. Если одна из них благодаря общему моральному перевесу способна вызвать упадок духа и поспешность решение в другой, то она использует внезапность с большим успехом и пожнет плоды даже там, где, собственно, она должна была бы испытать неудачу.

Глава 10

Хитрость

Хитрость предполагает какое-нибудь скрытое намерение, и, следовательно, противополагается прямому, простому, т. е. непосредственному образу действия, подобно тому как остроумие противополагается непосредственному доказательству. Она не имеет ничего общего со средствами убеждения, интереса, силы, но у нее много общего с обманом; последний тоже скрывает свои намерения. Она является в сущности обманом даже тогда, когда все уже закончилось, но все же она отличается от того, что попросту называется этим именем, так как непосредственно не нарушает данного слова.

Хитрец вызывает в суждении противника, которого хочет обмануть, такие ошибки, которые представляют последнему дело не в настоящем виде и толкают его на ложный путь. Поэтому можно сказать: подобно тому как остроумие представляет жонглирование идеями и образами, так хитрость является жонглированием действиями.

На первый взгляд кажется правильным, что стратегия получила свое название от хитрости и что при всех действительных и кажущихся переменах, которым подвергалось ведение войны со времени греков, это название все еще указывает на специфическую сущность стратегии.

Если предоставить тактике осуществление насилия, т. е. ведение боев, и рассматривать стратегию как искусство удачно использовать возможности к этому, то, казалось бы, кроме таких сил темперамента, как жгучее честолюбие, которое словно пружина оказывает непрерывное давление, или как сильная, ни перед чем не склоняющаяся воля, и т. п., нет более подходящего природного свойства, для того чтобы руководить и придавать жизнь стратегической деятельности, как именно хитрость. Уже постоянная потребность поразить внезапностью, о чем мы говорили в предыдущей главе, указывает на это, ибо в основе всякой внезапности лежит хотя бы некоторая доля хитрости.

Но как бы нам ни хотелось видеть военных деятелей,

состязающимися в скрытности, ловкости и хитрости, приходится сознаться, что эти качества мало проявляются в истории и лишь в редких случаях выделяются из общей массы отношений и обстоятельств.

Причина довольно проста и в общем совпадает с тем, что служило темой предыдущей главы.

Стратегия не знает никакой иной деятельности, кроме распоряжения боями и относящихся к нему мероприятий. Она не включает, подобно обыденной жизни, отрасли деятельности, выражающейся только словами, т. е. заверениями, объяснениями и др. А эти-то недорого стоящие слова и являются по преимуществу теми средствами, при помощи которых хитрец наводит туман.

Подходящие к этому на войне действия; планы и приказы, издаваемые только для вида, ложные сведения, умышленно сообщаемые противнику, и т. д. в области стратегии сравнительно так слабо действуют, что ими пользуются лишь в редких, особо благоприятных случаях, а потому их нельзя рассматривать как свободное поле деятельности полководца.

Такого же рода действия, как распоряжение боями, проведенные до степени, способной оказать известное впечатление на неприятеля, требуют сами по себе значительной затраты времени и сил, и притом тем большей, чем крупнее масштаб работы. А обыкновенно не желают приносить подобные жертвы, и так называемые демонстрации в стратегии редко оказывают предполагаемое воздействие. В самом деле небезопасно продолжительное время применять значительные силы только для вида, ибо всегда рискуешь промахнуться и потерять эти силы для действий на решительном пункте.

Эту трезвую правду полководец на войне всегда глубоко переживает, а потому у него проходит охота играть на лукавой подвижности. Сухая серьезность необходимости настолько толкает на непосредственно требуемую работу, что большей частью для такой игры уже не остается простора. Короче сказать, у фигур на шахматной доске стратегии не хватает подвижности, которая составляет стихию хитрости и лукавства.

Из всего этого мы приходим к выводу, что верный и меткий взгляд представляет более полезное, более необходимое свойство полководца, чем хитрость, хотя и это качество ничего не портит, если оно не развито за счет более необходимых свойств темперамента, что, впрочем, слишком часто наблюдается.

Но чем более силы, подчиненные стратегическому руководству, оказываются по сравнению со своими задачами слабыми, тем стратегическое руководство будет более склонно к

хитрости. Малочисленной и совершенно слабой стороне, которой уже не может помочь ни осторожность, ни мудрость, в тот момент, когда ее покидает сознавшее свое бессилие искусство, хитрость еще предлагает свои услуги как единственный якорь опасения. Чем положение безвыходнее, чем более все сводится к одному отчаянному удару, тем охотнее хитрость становится рядом с отвагой. Освободившись от всех дальних расчетов, отказавшись от всех видов на то, чтобы расквитаться в будущем, отвага и хитрость, поддерживая друг друга, сосредоточат слабое мерцание надежды в одну точку, в один луч, который может дать еще вспышку

Глава 11

Сосредоточение сил в пространстве

Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть возможно сильным; это значит прежде всего – быть вообще возможно сильным, а затем – и на решающем пункте. Поэтому помимо напряжения, создающего вооруженные силы и не всегда зависящего от полководца, нет в стратегии более высокого и простого закона, как следующий: держать свои силы сосредоточенно. Не следует отделять от главной массы какую-либо часть без крайней необходимости. Этого критерия мы держимся твердо и видим в нем надежного руководителя. Мы постепенно изучим разумные основания, которые могут быть для выделения части сил. Затем мы также увидим, что этот принцип не во всякой войне ведет к одним и тем же общим последствиям, но что таковые меняются в соответствии с целями и средствами.

Может показаться невероятным, и все же это случалось сотни раз, что вооруженные силы дробились и разъединялись по одному лишь темному подражанию традиционной манере без ясного сознания, зачем, собственно, это делается.

Если сосредоточение сил будет признано за норму, а всякое раздробление и разъединение – за исключение, которое должно быть мотивировано, то не только эта глупость будет совершенно избегнута, но и будет прегражден доступ многим ложным поводам к разделению сил.

Глава 12

Сосредоточение сил во времени

В данном случае мы имеем дело с понятием, которое при применении в действительной жизни вызывает немало недоразумений. Поэтому необходимо ясное установление и изложение связанных с этим понятием представлений, и мы надеемся, что нам будет дозволено вновь произвести небольшой анализ.

Война есть столкновение двух противоположных сил, откуда

само собой вытекает, что более могучая из них не только уничтожает другую, но и увлекает ее в своем движении. Отсюда, по существу, не должно быть растянутого во времени (последовательного) применения сил; одновременное напряжение всех предназначенных для данного удара сил рисуется как основной закон войны.

Так оно и есть в действительности, но лишь постольку, поскольку борьба действительно подобна механическому столкновению; там же, где она выливается в длительное взаимодействие друг друга уничтожающих сил, там, разумеется, можно представить себе и растянутое во времени действие этих сил. Это имеет место в тактике преимущественно потому, что огневой бой составляет основу всякой тактики, но может происходить и по другим причинам. Когда в огневом бою 1000 человек введены в дело против 500, то размер их потерь складывается из размера неприятельских сил и из размера собственных, 1000 человек стреляют вдвое больше, чем 500; но и попадание пуль в 1000 человек больше, чем в 500, ибо надо предполагать, что первые стоят более плотно, чем вторые. Если бы мы могли предположить, что и число попаданий в них вдвое больше, то потери с обеих сторон были бы одинаковыми. Из 500 человек, скажем, 200 было бы выбито из строя, и столько же выбыло бы и из 1000 человек. Если бы у этих 500 было в резерве еще столько же людей, которые до сих пор оставались вне сферы огня, то с обеих сторон оставалось бы налицо по 800 человек, из которых, однако, у одной было 500 совершенно свежих людей с полным запасом патронов и нетронутыми силами, а у другой те же 800 человек, но все в одинаковой мере расстроенные, без достаточного запаса патронов и с ослабевшими силами. Конечно, наша предпосылка, что 1000 человек из-за одного лишь численного своего превосходства должны потерять вдвое больше людей, чем на их месте потеряли бы 500, неосновательна; необходимо учесть при первоначальном распределении сил тот большой урон, который несет оставивший в резерве половину своих сил, ставя себя в худшее положение; точно так же следует допустить в большинстве случаев и ту возможность, что в первый же момент 1000 человек могут достигнуть какого-либо успеха: они, например, выбьют с позиции своего противника и принудят его к отступлению. Будут ли оба эти преимущества уравновешивать невыгоду – остаться с 800 человек расстроенных боем войск против врага, хотя немного слабейшего, но имеющего 500 человек свежих войск? Дальнейший анализ этого решить не в состоянии, здесь приходится обратиться к опыту, и в этом случае, пожалуй, не окажется ни одного офицера, имеющего хотя бы

скромный боевой опыт, который, в общем, не признал бы преимущества за той стороной, у которой имеются свежие силы.

Отсюда очевидно, что введение в бой сразу слишком больших сил может оказаться невыгодным, ибо какие бы выгоды мы ни могли извлечь из перевеса в первый момент, возможно, что впоследствии мы будем за это наказаны.

Но эта опасность существует лишь постольку, поскольку проявляются беспорядок, расстройство и ослабление сил, словом, тот кризис, который всякий бой несет с собой и для победителя. Появление в момент такого ослабленного состояния относительно свежих сил противника может оказать решающее действие.

Но там, где прекращается это явление разложения, сопутствующее победе, и остается, следовательно, только ощущение морального превосходства, которое дает каждая победа, там и свежие силы более уж не в состоянии поправить потерянное дело: они будут увлечены общим потоком. Разбитую накануне армию нельзя на другой день повести к победе при поддержке сильного резерва. Здесь мы подходим к источнику весьма существенного различия между тактикой и стратегией.

Дело в том, что тактические успехи, заключающиеся в пределах самого боя и до его окончания, по большей части достигаются еще в сфере этого разложения и ослабления; стратегический же успех, т. е. успех боя в целом, завершенная победа, безразлично крупная или мелкая, находится уже вне этих пределов. Лишь тогда, когда успехи частных боев свяжутся в одно самостоятельное целое, наступает стратегический результат, но тогда прекращается и состояние кризиса, боевые силы приобретают свой первоначальный облик, они лишь будут частично ослаблены в мере фактически понесенного урона.

Вывод из этого различия сводится к тому, что тактика допускает растянутое во времени введение в дело сил, стратегия же допускает только одновременное.

Если в тактике я не могу решить всего первым успехом, если я должен опасаться следующего момента, то само собою разумеется, что я буду для обеспечения первого успеха затрачивать лишь столько сил, сколько для этого будет казаться мне нужным, а остальные я буду держать вне губительной сферы огня и рукопашного боя, дабы иметь возможность противопоставить свежим силам свежие же силы или доконать ими ослабевшие силы врага. Не так – в стратегии. Во-первых, как мы только что показали, ей не так страшны ответные действия противника, после того как успех уже достигнут, ибо с этим успехом заканчивается и кризис; во-вторых, не все стратегические

силы непременно оказываются ослабленными боем. Потерпевшими оказываются только те войска, которые вступают в тактическое столкновение с неприятелем, т. е. ввязываются в частные бои; тактика должна не растрачивать бесполезно силы, а использовать лишь в мере необходимости, но отнюдь не полностью все то, что стратегически находится в столкновении с противником. Части, которые благодаря превосходству сил мало или вовсе не сражались и которые лишь одним своим присутствием содействовали благоприятному исходу, останутся после боя такими же, какими они были до него, и будут столь же пригодны для нового использования, как если бы они оставались вовсе праздными. Само собою, однако, ясно, насколько такие части, обеспечивающие превосходство, содействуют общему успеху; нетрудно понять и то, что они значительно понижают даже размер потерь наших частей, принявших участие в тактическом столкновении.

Следовательно, если в стратегии потери не возрастают с увеличением употребленных в дело сил, а часто даже понижаются, если, кроме того, успех этим более обеспечивается, то само собою понятно, что в стратегии чем больше использовать сил, тем лучше, и что имеющиеся в распоряжении силы должны быть использованы одновременно.

Но нам надо отстоять свое положение еще и с другой точки зрения. До сих пор мы говорили только о самом бое; бой, конечно, является подлинной военной деятельностью, но нам надо считаться и с людьми, временем и пространством, которые являются проводниками этой деятельности, и принять во внимание результаты их воздействия.

Труды, усилия и лишения представляют своеобразное разрушительное начало на войне, по существу не относящееся к самому бою, но более или менее неразрывно с ним связанное, и притом такое начало, которое по преимуществу входит в область стратегии. Правда, подвергаться трудам, напряжениям и лишениям приходится и в тактике, и притом в наивысшей степени, но так как тактические акты мало продолжительны, то сравнительно ничтожные последствия их могут в ней в меньшей мере приниматься во внимание. Но в стратегии, где время и пространство значительно обширнее, действие этих начал не только будет чувствительным, то порою даже решающим. Нередко бывает, что победоносная армия теряет гораздо больше людей от болезни, чем в боях.

Если мы будем учитывать эту сферу разрушения в стратегии так же, как мы учитываем огонь и рукопашный бой в тактике, то мы, конечно, сможем допустить, что все, подверженное этому

разрушению, окажется к концу кампании или другого стратегического отрезка в таком состоянии ослабления, что появление свежих сил может иметь решающее значение. Поэтому и в стратегии казалось бы имеется такое же основание добиваться первого успеха с возможно меньшими силами, дабы сберечь к концу свежие войска.

Дабы точно оценить эту мысль, которая на практике во многих случаях приобретает видимость истины, нам нужно бросить взгляд на отдельные связанные с ней представления. Во-первых, не следует смешивать понятие простого пополнения со свежими, нетронутыми силами. Очень редко бывают походы, к концу которых как победителю, так и побежденному не был бы крайне желательным новый приток сил; но не об этом идет здесь речь, так как подобного увеличения сил не понадобилось бы, если бы эти силы с самого начала были больше на такое именно количество. Но чтобы свежая армия, впервые выступающая в поход, по своей моральной ценности стояла выше армии, уже действующей на фронте, подобно тому как тактический резерв имеет преимущество перед теми частями, которые уже сильно пострадали в бою, – это противоречит всем данным опыта. В той же мере, как неудачная кампания лишает войска мужества и моральных сил, счастливая – наоборот, подымает их ценность в этом отношении, а в среднем оба эти воздействия взаимно уравновешиваются; чистой прибылью оказывается боевой опыт. Кроме того, здесь мы должны преимущественно иметь в виду удачные кампании, а не несчастливые, ибо неудачный ход последних можно заранее предвидеть с некоторым вероятием; следовательно, в них и без того сил не будет хватать, и думать о том, чтобы сберечь к концу часть этих сил, не приходится.

Раз этот пункт устранен, то спрашивается: возрастают ли потери вооруженных сил от напряжения сил и лишений с увеличением размера этих вооруженных сил, как это бывает в бою? И на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

Напряжение сил вызывается главным образом опасностями, коими пропитан каждый миг военных действий в той или иной степени. Всюду противостоять этим опасностям с уверенностью, продолжая свою работу, – вот что составляет сущность тех разнообразных действий, из которых состоит тактическая и стратегическая служба армии. Эта служба тем тяжелее, чем слабее армия, и тем легче, чем существеннее ее превосходство над противником. Кто в этом может сомневаться? Кампания против значительно слабейшего неприятеля, конечно, потребует гораздо меньшего напряжения, чем против равного, а особенно против более сильного.

Это относится к напряжению сил. Несколько иначе обстоит дело по отношению к лишениям. Последние, главным образом, обуславливаются двумя причинами: недостатком продовольствия и недостатком помещения, будь то на квартирах или в хорошо устроенных лагерях. И тот и другой вид лишений будет конечно тем больше, чем многочисленнее армия, сосредоточенная в одном пункте. Но разве численное превосходство не дает ей возможности распространиться и захватить больше пространства, а следовательно, и больше средств для получения и размещения продовольствия?

Когда в 1812 г., во время своего вторжения в Россию, Бонапарт сосредоточил свою армию в неслыханно огромной массе на одной дороге и тем самым вызвал столь же неслыханный недостаток во всем необходимом, то это приходится приписать его основному принципу: на решительном пункте быть возможно сильным. Хватил ли он в данном случае через край, применяя свой принцип, это – вопрос, который в настоящий момент не подлежит нашему рассмотрению, но несомненно одно, что если бы он захотел избежать вызванных этим лишений, ему стоило только продвигаться на более широком фронте; в России нет недостатка в пространстве, и вообще в пространстве меньше всего может оказаться недостатка. Поэтому отсюда никак нельзя создать довод в пользу доказательства, будто одновременное применение превосходных сил должно явиться источником больших лишений. Допустим, однако, что климатические условия и неизбежное напряжение сил, сопряженное с войной, вызовут известную убыль и в той части армии, которую в качестве излишка сил можно было бы несомненно приберечь для позднейшего времени, если не учитывать помощи, которую она может оказать сражающейся армии; все же мы должны, обнимая вопрос одним взглядом во всей его совокупности, спросить себя: уравновешивает ли эта убыль то преимущество, которое мы приобретаем во многих отношениях благодаря нашему подавляющему численному превосходству?

Нам необходимо также коснуться еще одного весьма важного пункта. В частном бою можно без особого труда наметить приблизительно те силы, какие будут нужны для достижения намеченного нами крупного успеха, а следовательно, и определить излишек сил. В стратегии же это надо признать просто невозможным, ибо стратегический успех является отнюдь не столь определенным объектом, как успех тактический, и не имеет таких близких пределов. Поэтому то, что в тактике можно рассматривать как излишек сил, в стратегии придется считать как средство для расширения успеха, если к тому представится

случай; с размерами достигаемого успеха растет и процент доходности, а следовательно, перевес сил может в короткое время дать такие плоды, которые недостижимы при тщательной экономии сил.

Благодаря огромному превосходству сил Бонапарту удалось в 1812 г. добраться до Москвы и занять эту центральную столицу; если бы ему при помощи того же превосходства удалось еще полностью разгромить русскую армию, он, вероятно, заключил бы в Москве мир, которого всяким другим способом труднее было бы добиться. Этот пример должен лишь пояснить нашу мысль, а не доказать ее; последнее требовало бы длинного рассуждения, которое здесь было бы не на месте [102] .

Все эти соображения направлены лишь против последовательного применения сил, но не против понятия собственно резерва, которого они, правда, все время касаются, но которое, как мы это увидим в следующей главе, связано и с некоторыми другими понятиями.

Здесь мы хотим доказать лишь то, что если в тактике уже одна длительность действительного использования вооруженных сил их ослабляет, и время, таким образом, является одним из факторов убыли сил, в стратегии этого в основном не наблюдается. Разрушительное действие, которое время оказывает на вооруженные силы в области стратегии, отчасти ослабляется самой массой этих сил, отчасти покрывается другими способами, а поэтому стратегия не может задаваться целью использовать время как таковое в качестве союзника, вводя в действие свои силы последовательно.

Мы говорим «время как таковое», ибо та ценность, которую время может и должно иметь для одной из борющихся сторон благодаря другим сопутствующим ему обстоятельствам, но вполне отличным от времени, есть нечто совсем иное и, являясь отнюдь не безразличной или ничтожной данностью, будет предметом нашего рассмотрения в другом месте.

Итак, закон, который мы пытались развить, – следующий: все силы, предназначенные и имеющиеся в нашем распоряжении для достижения какой-либо стратегической цели, должны быть использованы одновременно, и это использование их будет тем совершеннее, чем более окажется сосредоточенным в одном акте и в одном моменте.

Однако в стратегии все же имеют место настойчивость и растянутые во времени действия; мы тем менее можем об этом умолчать, что это представляет одно из главнейших средств достигнуть конечного успеха; мы разумеем продолжающееся развертывание новых сил. Это будет служить предметом

отдельной главы [103] , и мы здесь о нем упоминаем, для того чтобы не ввести читателя в заблуждение.

Теперь мы обратимся к теме весьма близкой к только что нами рассмотренной; лишь закончив ее исследование, мы будем иметь возможность дать надлежащее освещение всему вопросу в целом: *мы имеем в виду стратегический резерв* .

Глава 13

Стратегический резерв

Резерв имеет два назначения, которые надо различать: во-первых, продление и возобновление боя и, во-вторых, применение в непредвиденных случаях.

Первое назначение предполагает полезность последовательного применения сил и потому не может иметь места в стратегии. Те случаи, когда войсковые части направляются из тыла в какой-нибудь пункт, где противник начинает одолевать, очевидно, должны быть отнесены ко второй категории назначений, ибо сопротивление, которое здесь приходится оказывать, видимо, не было в достаточной степени предусмотрено. Войсковая же часть, предназначенная исключительно для продолжения боя, оставленная с этой целью позади, вне действия огня, и находящаяся в распоряжении старшего в бою начальника, будет уже тактическим резервом, а отнюдь не стратегическим.

Однако потребность иметь наготове известную силу для непредвиденного случая может встретиться и в стратегии, а потому может понадобиться и стратегический резерв, но только там, где можно допустить непредвиденный случай. В тактике, где мы по большей части узнаем о мероприятиях противника лишь в момент, когда они открываются нашим взорам, и где каждая лесная заросль, каждая складка местности могут их скрывать, там надо, конечно, быть всегда более или менее готовым встретиться с непредвиденным случаем и иметь возможность подкрепить те отдельные пункты нашего расположения в целом, которые оказались бы слишком слабыми, и вообще сообразовать наши действия с неприятельскими. В стратегии также могут встретиться подобные случаи, ибо стратегические действия непосредственно связываются с тактическими. И в стратегии многое делается лишь по непосредственно усмотренным, по недостоверным и изо дня в день, с часу на час приходящим сообщениям и, наконец, в зависимости от реального успеха боев; поэтому существенным условием стратегического водительства является в соответствии со степенью неизвестности удержание позади части вооруженных сил для последующего их применения.

Как известно, это постоянно имеет место при обороне,

особенно же при обороне местных рубежей, рек, горных хребтов и т. п.

Но такая неопределенность все более уменьшается, когда стратегия отходит от тактики, и совершенно прекращается в тех областях, где она граничит с политикой.

Куда неприятель направляет в бой свои колонны, можно узнать, лишь когда это станет очевидным; где он будет переправляться через реку, узнается по некоторым приготовлениям, которые обнаруживаются незадолго перед этим; с какой стороны он вторгнется в нашу страну, об этом обычно трубят все газеты еще до того, когда раздается первый выстрел. Чем обширнее мероприятия, тем труднее внезапно поразить ими. Время и пространство так велики, а отношения, из которых вытекают действия, настолько общеизвестны и устойчивы, что общий вывод или достаточно своевременно узнается, или же его можно достоверно установить предварительным изучением.

С другой стороны, и пользование резервом, если бы таковой имелся, становится тем менее действенным, чем шире обусловившее его мероприятие противника. Мы видим, что то или иное решение частного боя само по себе ничто и что все частные бои находят свое завершение лишь в решении боя в целом.

Но и решение боя в целом имеет лишь относительное значение: оно бывает различных степеней, в зависимости от того, насколько крупную и важную часть целого составляют те неприятельские силы, над которыми была одержана победа. Поражение, понесенное в столкновении одним корпусом, может быть заглажено победой армии; даже проигранное армией сражение может не только быть уравновешено сражением, выигранным армией более значительной, но даже обратиться в счастливое событие (2 дня сражения под Кульмом в 1813 г.) [104] . Никто в этом не станет сомневаться; но столь же ясно, что значение, которое имеет каждая победа (счастливый исход каждого боя в целом), становится тем более прочным, чем значительнее побежденная часть неприятельской армии, и что благодаря этому возможность вернуть однажды потерянное последующим событием соответственно уменьшается. Ближе мы рассмотрим это в другом месте; здесь достаточно привлечь внимание к бесспорности существования этой прогрессии.

К этим двум соображениям мы присоединим еще третье: растянутое во времени применение вооруженных сил в тактике всегда стремится отодвинуть решающий момент к концу всего боевого акта; напротив, в стратегии закон одновременности применения сил почти всегда заставляет добиваться основного

решения (которое необязательно будет последним) в начале великого акта войны. В этих трех положениях мы найдем достаточно оснований для того, чтобы сказать: стратегический резерв тем менее необходим, тем более бесполезен и даже опасен, чем обширнее и многограннее назначение этого резерва.

Нетрудно определить тот поворотный пункт, за которым стратегический резерв начинает противоречить своему назначению: он находится в решительном столкновении. Применение всех сил должно быть приурочено к решительному столкновению, и всякий резерв (состоящий из готовой к использованию вооруженной силы), который предназначался бы для применения лишь после этого решительного акта, был бы нелепостью.

Таким образом, если тактика в своих резервах имеет средство не только противостоять непредвиденным начинаниям врага, но и исправить никогда не поддающийся предвидению исход боя в случае неблагоприятного его оборота, то стратегии приходится отказаться от этого средства, по крайней мере, в отношении главного решения. Вообще неудачи, понесенные в одном пункте, она может изгладить лишь успехом в другом и только в редких случаях при помощи переброски сил с одного пункта на другой, но она никогда не должна иметь в мыслях сохранять позади часть сил, чтобы исправить возможную неудачу.

Мы признали нелепой идею стратегического резерва, не обязанного принять участие в главном столкновении; это в такой степени не подлежит сомнению, что мы никогда не соблазнились бы подвергнуть ее такому анализу, какой мы произвели в последних двух главах, если бы под обликом других представлений эта идея не получала более благовидный характер и не появлялась бы порою в замаскированном виде. Одни в ней видят плод стратегической мудрости и предусмотрительности, другие отвергают ее, а с нею вместе и всякую мысль о резерве, в том числе и тактическом. Эта путаница идей переходит и в действительную жизнь. Если нам нужен блестящий пример такого сумбура, то стоит лишь вспомнить о том, что Пруссия в 1806 г. оставила резерв в 20 000 человек под начальством принца Евгения Вюртембергского, расквартированный в Бранденбургской провинции; этот резерв уже не мог вовремя поспеть к р. Заале, а другие 25 000 человек той же державы оставались в восточной и южной Пруссии; их имели в виду мобилизовать лишь позднее в качестве резерва.

Ввиду этих примеров нам пожалуй не бросят упрека, что мы сражаемся с ветряными мельницами.

Глава 14

Экономия сил

Ход рассуждений, как мы уже говорили, редко удается посредством принципов и взглядов сузить до одной непрерывной линии. Всегда остается известный простор. Так бывает во всяком практическом искусстве. Для линии прекрасного не существует никаких абсцисс и ординат; круга и эллипсиса не начертить при помощи их алгебраических формул. Таким образом, деятель должен то вверяться такому такту суждения, который вытекает из природной проницательности ума, развивается погружением в размышления и почти бессознательно находит верный путь, то упрощать закон, сводя его к ярко выраженным приметам, которые и служат для этого деятеля руководящими правилами, то искать опоры в установленном методе и обращать его в свой посох.

В качестве такой упрощенной приметы или умственной сноровки мы намечаем следующую точку зрения: всегда блюсти общее *взаимодействие всех сил* ; другими словами: зорко смотреть, чтобы никогда какая-либо часть не оставалась праздной. Кто держит свои силы там, где неприятель не дает им достаточной работы, кто заставляет часть своих сил маршировать, т. е. оставляет их в бездействии в тот момент, когда войска противника наносят удар, тот плохо ведет свое хозяйство. В этом смысле надо понимать расточительное расходование сил: оно даже хуже нецелесообразного их использования. Раз нужно действовать, то прежде всего необходимо, чтобы действовали все части, так как даже самая нецелесообразная деятельность все-таки приковывает и занимает какую-либо часть неприятельских сил, между тем совершенно праздные силы временно как бы не существуют. Несомненно, этот взгляд находится в связи с основными мыслями трех последних глав; это та же истина, лишь рассмотренная с более широкой точки зрения и собранная в единое представление.

Глава 15

Геометрический элемент

До какой степени геометрический элемент или форма построения боевых сил на войне может обратиться в господствующий принцип, мы можем видеть на долговременной фортификации, где геометрия почти исключительно обслуживает все – от малого до великого. В тактике она также играет большую роль. Она составляет основу тактики, понимаемой узко, т. е. учения о передвижении войск; геометрические углы и линии царят над полевой фортификацией и над учением о выборе позиций и об атаке их, как законодатели, которые одни призваны быть вершителями спора. В этом засилье геометрии есть кое-что и неправильное, а в некоторой части оно представляет только

пустую затею; однако именно в современной тактике, где в каждом бою стремятся к охвату противника, геометрический элемент снова приобрел большое влияние; применение его, правда, очень несложно, но постоянно повторяется. Тем не менее в тактике, где все гораздо подвижнее, где моральные силы, индивидуальные черты и случай оказывают гораздо большее влияние, чем в борьбе за крепость, геометрический элемент не может господствовать в такой же мере, как он господствует в последней. В стратегии же его влияние еще ничтожнее. Правда, и здесь формы распределения сил, очертания границ, стран и государств имеют большое значение, но геометрическое начало не является здесь решающим, как в фортификации, и далеко не таким важным, как в тактике. Как проявляется это влияние, об этом мы будем иметь возможность говорить исподволь по мере рассмотрения тех вопросов, в которых геометрический элемент выступает и заслуживает внимания. Здесь же, главным образом, мы желаем подчеркнуть разницу, существующую в этом отношении между тактикой и стратегией.

В тактике время и пространство очень скоро сводятся к абсолютно малому. Когда отряд охватывается противником с фланга и тыла, то очень скоро дело может дойти до момента, когда все пути отступления окажутся перехваченными; такое положение будет близко к полной невозможности продолжать бой; отряд обязан или пробиться, или предотвратить такое положение. Это обстоятельство придает с самого начала сильную действенность всем комбинациям, направленным к охвату противника; эта действенность вытекает преимущественно из тех опасений, которые они внушают противнику своими возможными последствиями. Поэтому геометрическая группировка вооруженных сил является важным фактором конечного результата.

Но в стратегии геометрическое оформление получает лишь слабое отражение вследствие значительного пространства и времени. Нельзя стрелять с одного театра военных действий на другой. Проходят недели и месяцы, прежде чем задуманный стратегический обход осуществится. Кроме того, пространства так велики, что вероятность ударить в конце концов в больную точку крайне мала, даже при наилучших мероприятиях.

Таким образом, в стратегии действие этого рода комбинаций, т. е. геометрического элемента, гораздо ничтожнее, а влияние успеха, фактически уже достигнутого в данном пункте, соответственно, является гораздо более значительным. Этот успех всегда располагает достаточным временем, чтобы проявить всю силу своего действия, прежде чем ему в том помешают или даже

вполне его парализуют заботы противоположного порядка. Поэтому мы не страшимся признать за вполне установленную истину, что в стратегии число и размах победоносных боев гораздо важнее линий того фасада, в котором эти бои между собою связываются.

Как раз обратный взгляд был излюбленной темой новейшей теории. Этим полагали придать стратегии большее значение. В стратегии видели опять-таки более высокую функцию ума и этим путем думали облагородить войну или, как говорили, совершая новую подмену понятий, сделать ее более научной. Мы считаем одной из основных заслуг более совершенной теории совлечь с подобных взбалмошных идей их незаслуженную репутацию; и так как геометрический элемент представляет собою важнейшее понятие, из которого эти идеи исходят, то мы выдвигаем особенно выпукло именно этот пункт.

Глава 16

О паузах в военных действиях

Если смотреть на войну как на акт взаимного уничтожения, то надо мыслить обе стороны в общем стремящимися вперед, но в то же время мы почти с такой же необходимостью должны мыслить в отношении каждого отдельного момента одну сторону в состоянии выжидания и лишь другую – шагающей вперед, ибо обстоятельства никогда не могут быть совершенно одинаковыми для той и другой стороны. Со временем может произойти перемена, вследствие которой настоящий момент окажется более благоприятным для одной стороны, чем для другой. Если предположить у обоих полководцев полнейшее знакомство с обстановкой, то из последней вытекают побуждения, для одного – к активности, а для другого – к выжиданию. Следовательно, у обеих сторон не может быть в одно и то же время интереса к наступлению, но точно так же у них одновременно не может быть интереса к выжиданию. Это взаимное исключение одной и той же цели происходит в данном случае не из общей полярности и, следовательно, не противоречит положениям, высказанным в 5-й главе 2-й части [105] , а из того, что для обоих полководцев в действительности одно и то же положение является основанием, определяющим их действия, а именно – вероятность улучшения или ухудшения обстановки в будущем.

Но если даже допустить возможность полного равенства обстоятельств в этом отношении или если принять во внимание, что недостаточное знакомство каждого полководца с положением другого рисует их воображению такое равенство, то все же различие политических целей не допустит возможности такой приостановки действий. Одна из двух сторон, с политической

точки зрения, непременно, должна быть наступающей, ибо из обоюдной оборонительной цели война не могла бы возникнуть. Но так как у нападающего цель позитивная, а у обороняющегося – только негативная, то первому, следовательно, приличествует позитивное действие, ибо лишь этим путем он может достигнуть позитивной цели. Поэтому в тех случаях, когда обе стороны находятся в совершенно одинаковых условиях, позитивная цель вызывает наступающего на активные действия.

Таким образом, с приведенной точкой зрения, пауза в военных действиях, строго говоря, будет противоречить самой природе дела, ибо обе противные армии как два враждебных элемента должны непрерывно друг друга уничтожать, подобно тому как вода и огонь никогда не могут оказаться в положении равновесия, но до тех пор будут действовать друг на друга, пока один из этих двух элементов не исчезнет окончательно. Что бы мы оказали о двух борцах, которые целыми часами стояли бы, схватив друг друга и не делая ни малейшего движения? Таким образом, казалось бы, военные действия должны выливаться в постоянное движение, как заведенный часовой механизм. Но как ни дика и ни свирепа природа войны, все же она скована цепью человеческих слабостей, и проявляющееся в ней противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, человек ищет и создает опасности, а с другой – их в то же время боится, никогда не может удивить.

Если мы обратимся к истории войн вообще, то часто мы найдем в ней нечто противоположное такому непрерывному стремлению к цели, *и пауза и бездействие* покажутся нам *основным состоянием* армий во время войны, а *действия – лишь исключением* . Это могло бы чуть ли не поколебать нашу веру в правильность созданных нами положений. Но в то время как военная история подтверждает сомнения массой приводимых ею фактов, ближайший ряд войн вновь оправдывает нашу точку зрения. Революционные войны даже с избытком свидетельствуют о ее реальности и с избытком доказывают ее необходимость. В этих войнах, и особенно в кампаниях Бонапарта, ведение войны достигло той не знающей ограничений степени энергии, которую мы считаем естественным законом войны. Следовательно, такая степень возможна, а если возможна, то и необходима.

В самом деле, как разум мог бы оправдать растрату сил, сопряженную с войной, если бы действие не являлось их задачей? Булочник растапливает печь лишь тогда, когда он готовится сунуть в нее свои хлеба; лошадей запрягают в повозку лишь в том случае, если собираются ехать. Зачем же делать огромные усилия, сопряженные с войной, если они не должны вызвать ничего

другого, как только подобные же усилия со стороны неприятеля?

Вот что мы можем сказать в защиту общего принципа; теперь – о его видоизменениях, поскольку они вытекают из самой природы дела, а не из конкретных особенностей.

Здесь надлежит отметить 3 причины, которые образуют внутренний противовес и препятствуют тому, чтобы часовой механизм слишком быстрым и непрерывным ходом исчерпал бы свой завод.

1-я причина, которая вызывает постоянную склонность к остановке и через то становится тормозящим началом, это – природная боязливость и нерешительность человеческого духа, своего рода сила тяжести в моральном мире, которая, впрочем, вызывается не силами притяжения, а силами отталкивания, а именно – боязнью опасности и ответственности.

В пламенной стихии войны заурядные натуры оказываются слишком тяжеловесными; движение будет длительным лишь в том случае, если оно будет получать сильные и частые импульсы. Одного только представления о цели войны редко бывает достаточно, чтобы преодолеть эту тяжеловесность. Нужно, чтобы во главе стоял воинственный и предприимчивый ум, который чувствовал бы себя на войне, как рыба в воде, в своей подлинной стихии, или чтобы сверху проявлялось сильное давление, иначе неподвижное стояние на месте станет нормой, а наступление будет уже исключением.

2-й причиной является несовершенство человеческой проницательности и суждения; на войне оно выступает особенно ярко; даже собственное положение в каждый данный момент не всегда точно известно, а положение противника, закрытое завесой, должно разглядываться по скудным данным. Благодаря этому часто случается, что обе стороны видят свою выгоду в одном и том же, тогда как данное явление отвечает более интересам одной стороны. В этих условиях обе стороны могут думать, что поступают мудро, выжидая другого момента, как мы об этом уже упоминали в 5-й главе 2-й части [106] .

3-я причина, которая задерживает, как тормоз, ход машины и время от времени вызывает полное затишье, это – превосходство обороны; *А* может считать себя слишком слабым, чтобы атаковать *Б* , из чего однако не следует, чтобы *Б* был достаточно силен, для того чтобы атаковать *А*. Прирост сил, который дает оборона, не только исчезает в процессе перехода к нападению, но передается противнику, подобно тому как, выражаясь алгебраически, разница между *а + б* и *а – б* равна *2б*. Таким образом, может случиться, что та и другая стороны не только считают себя слабыми для перехода в наступление, но и действительно слишком слабы для

этого.

Итак, заботливое благоразумие и страх перед слишком большой опасностью находят внутри самого военного искусства удобные позиции, чтобы доказывать свою правоту и укрощать стихийную необузданность войны.

Тем не менее эти причины едва ли могут без натяжки объяснить те продолжительные задержки, которые наблюдались в прежних, не вызванных более глубокими интересами войнах, когда безделье и праздность занимали девять десятых времени по сравнению с проведенным под ружьем. Такое явление вызывалось, главным образом, тем влиянием, которое оказывали на способ ведения войны требования одной стороны и состояние и настроения другой, как мы уже говорили в главе о существе и цели войны.

Эти данные могут получить такое подавляющее значение, что война становится половинчатой. Часто войны представляют лишь вооруженный нейтралитет или занятие угрожающего положения, чтобы поддержать ведущиеся переговоры, или же скромную попытку добиться небольшого преимущества и затем выжидать, чем дело окончится, или, наконец, выполнение тягостной обязанности союзника, которую осуществляют с предельной скупостью.

Во всех подобных случаях, когда столкновение интересов ничтожно, начало вражды слабо и нет охоты особенно навредить противнику, а равно и от него не грозит большой опасности, словом, когда никакой крупный интерес не толкает и не подгоняет, правительства не желают ставить слишком много на карту. Отсюда и появляется то вялое ведение войны, в которой дух вражды, присущий настоящей войне, посажен на цепь.

Чем более война становится половинчатой, тем более у теории ее будет не хватать необходимых точек опоры и оснований для правильного ее построения; диктуемого необходимостью будет все менее и менее и начнет преобладать случайное.

Однако и в такой войне может быть свой разум; даже, пожалуй, здесь для разума открывается больший простор и более разнообразное поле деятельности, чем в другой войне. Азартная игра со свертками золота словно превращается в коммерческую игру на гроши. И здесь-то ведение войны заполняет время всевозможными мелкими выкрутасами: аванпостными стычками, балансирующими на грани шутки и серьезного дела, пространными диспозициями, не дающими никаких плодов, занятием позиций, выполнением маршей, которые впоследствии признаются учеными лишь потому, что мелочная, крошечная

причина, их обусловившая, для истории оказывается потерянной, и простому здравому смыслу они ничего не говорят. Повторяем, именно здесь-то и обретают некоторые теоретики будто бы подлинное военное искусство. В этих фехтовальных приемах старых войн видят они конечную задачу теории; господство духа над материей и войны последних лет кажутся им грубым кулачным боем, который ничему не может научить и на который надо смотреть как на возврат к варварскому состоянию. Такой взгляд столь же мелочен, как и облюбованное ими дело. Там, где отсутствуют большие силы и большие страсти, конечно, ловкому уму легче вести свою игру, но разве руководство крупными силами, работа за рулем среди бури, под ударами разъяренных волн, уже сами по себе не являются более высокой деятельностью духа? Разве указанное искусство фехтования не охвачено этим другим видом ведения войны, не является его частицей? Не относится ли первое к последнему, как движения, происходящие на кораблях, к движению самого корабля? Ведь оно может существовать лишь при том безмолвно заключенном условии, что противник будет действовать в том же духе. Но знаем ли мы, как долго он будет подчиняться этому условию? Разве французская революция не обрушилась на нас, охваченных уверенностью в непогрешимости старых приемов, и не отшвырнула нас от Шалона до самой Москвы? А разве перед этим Фридрих Великий подобным же образом не застиг врасплох австрийцев, успокоившихся на своих старых военных навыках, и не потряс до основания их монархию? Горе правительству, которое со своей половинчатой политикой и скованным военным искусством натолкнется на противника, не задающего ограничений, подобно суровой стихии, для которой нет законов и которая подчиняется только присущим ей самой силам. Тогда всякое упущение в энергии и напряжении ляжет лишней гирей на чашку весов противника; в это мгновение не так легко будет изменить стойку фехтовальщика на позу атлета, и часто будет достаточно небольшого толчка, чтобы все повалить на землю.

Из приведенных оснований следует, что в течение кампании военные действия протекают не в форме непрерывного движения, а толчками и что между отдельными кровопролитными актами наступают периоды взаимного наблюдения, когда обе стороны занимают оборонительное положение. Обыкновенно более высокие цели, преследуемые одной стороной, дают в ее действиях преобладание началу наступления и в общем заставляют ее занимать активное положение; это несколько видоизменяет ее поведение.

Глава 17

Характер современной войны

Внимание, которое мы обязаны уделять характеру современной войны, имеет огромное влияние на все наши предположения, особенно же на стратегические.

С тех пор как отвага и счастье Бонапарта свели на нет все прежде принятые приемы, войны и государства первого ранга были сокрушены почти одним ударом; с тех пор как испанцы своей упорной борьбой показали, как многого можно достигнуть посредством вооружения и восстания широких масс, несмотря на присущие им слабости и рыхлость; с тех пор как Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее), и во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций (раньше это представлялось всем дипломатам столь несокрушимым принципом, что у них на такие случаи всегда был наготове плохонький временный мир), но что часто именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление; с тех пор, наконец, как Пруссия в 1813 г. показала, что внезапным усилием при помощи милиции нормальная мощь армии может увеличиться в 6 раз и что эта милиция может быть равно использована как внутри страны, так и для действий за ее пределами – после того как все это показало, какой огромный фактор в комплексе государственной мощи, способного к войне государства и вооруженных сил составляет сердце и настроение народа, после того как правительства смогли научить все эти вспомогательные средства, трудно предполагать, чтобы они оставили их неиспользованными в будущих войнах, безразлично, будет ли при этом налицо угроза их собственному существованию или их будет толкать могучее честолюбие.

Легко понять, что войны, которые будут вестись всей тяжестью народных масс обеих сторон, должны быть организованы на других началах, чем те, в которых все было рассчитано лишь на участие постоянных армий. Постоянные армии в общем походили на флоты; сухопутные вооруженные силы в их отношении к остальному государству были подобны морским силам, а потому военное искусство на суше имело черты сходства с морской тактикой; их оно в настоящее время совершенно утратило.

Глава 18

Напряжение и покой

Динамический закон войны В 16-й главе этой части мы видели, насколько в большинстве кампании время, расходуемое на паузы и на покой, превышает периоды собственно действий. Если, как было указало в предыдущей главе, современным войнам присущ совершенно иной характер, то все же несомненно, что военные действия наших дней будут также прерываться более или менее продолжительными паузами; это заставляет нас более внимательно рассмотреть существо обоих состояний.

Когда наступает пауза в военных действиях, т. е. когда ни та, ни другая сторона не задается положительной целью, начинается состояние покоя и, следовательно, равновесия в самом широком смысле этого слова, т. е. равновесия не только физических и моральных сил борьбы, но и всех отношений и интересов сторон. Как только одна из них задается новой положительной целью и для достижения ее приходит в активное состояние, хотя бы это выражалось в одних лишь приготовлениях, и как только другая сторона начинает этому противодействовать, возникает напряжение сил; последнее продолжается до тех пор, пока не последует какое-либо решение, т. е. момент, когда одна сторона откажется от своей цели или другая уступит ей.

За этим решением, основывающимся на успешности боевых комбинаций обеих сторон, следует движение в том или в другом направлении. Когда это движение истощится или вследствие трудностей, которые ему приходится преодолевать, т. е. внутреннего трения, или вследствие возникшего противовеса, то наступает или новый период покоя, или новое напряжение и решение, за которым следует опять новое движение, в большинстве случаев в обратном направлении.

Установление такого умозрительного различия между равновесием, напряжением и движением более существенно для практической деятельности, чем это представляется на первый взгляд.

В состоянии покоя и равновесия может проявляться различная деятельность, а именно такая, которая исходит из требований конкретного случая, но не имеет целью какие-либо крупные перемены. Такая деятельность может в себя включать значительные бои и даже главнейшие сражения, но тем не менее природа ее совершенно иная, а потому и последствия ее по большей части будут иными. Когда имело место напряжение, то последствия решения боем окажутся гораздо более значительными, отчасти потому, что в них проявятся больший волевой импульс и больший натиск обстоятельств, отчасти потому, что все уже приготовлено и налажено для крупного сдвига. Решение напоминает в этом случае действие хорошо

заложенного и забитого минного горна, между тем как событие, само по себе столь же крупное, но происшедшее в период покоя скорее напоминает вспышку пороховой массы на открытом воздухе.

Впрочем, состояние напряжения, само собой разумеется, следует мыслить различных степеней, и оно может, таким образом, переходить в состояние покоя в такой постепенности, что в низших своих степенях мало чем будет отличаться от последнего.

Существенная польза, которую мы извлекаем из этого рассмотрения, заключается в следующем выводе: всякое мероприятие, к которому прибегают в момент напряжения, важнее и ведет к большим последствиям, чем то же мероприятие, выполненное в состоянии равновесия, и это усугубление значения резко возрастает на высших степенях. Канонада под Вальми имела более решительные последствия, чем битва под Гохкирхом.

Мы должны совершенно иначе располагаться на участке территории, уступленном нам противником, в зависимости от того, обусловлена ли эта уступка тем, что он не в состоянии его защищать, или тем, что он отступил лишь с целью пойти на решение при более благоприятной обстановке. Когда неприятель находится в периоде прогрессирующего стратегического наступления, одна неудачно выбранная позиция, единичный неправильный марш могут иметь роковые последствия, в то время как при состоянии равновесия эти ошибки должны быть очень резко выраженными, дабы вообще вызвать противника на какую-либо деятельность.

Большая часть времени во множестве прежних войн, как мы уже говорили, протекала в таком состоянии равновесия или же в крайнем случае при таких ничтожных, отделенных большими промежутками, слабых напряжениях, что события, которые в это время происходили, редки имели крупные последствия; часто это бывали акты, пригнанные к случаю дня рождения королевы (Гохкирх), иногда они имели целью поддержать честь оружия (Кунерсдорф) или удовлетворить тщеславие полководца (Фрейберг).

Мы считаем крайне важным, чтобы полководец должным образом отдавал себе отчет в этих положениях и обладал необходимым тактом вести себя, сообразуясь с их духом; на опыте 1806 г. мы убедились, как часто в этом такте ощущается полный недостаток. В момент огромного напряжения, когда все клонилось к решительной развязке, которая одна со всеми своими последствиями должна была сосредоточить на себе все душевные силы полководца, появлялись проекты таких

мероприятий и отчасти выполнялись такие действия (рекогносцировки в направлении Франконии), которые разве только в состоянии равновесия могли бы дать колеблющиеся шансы на слабый успех. За всеми этими мероприятиями и соображениями, вносившими путаницу и поглощавшими деятельность, забывалось единственно необходимое и спасительное.

Сделанное нами умозрительное различие важно нам еще для дальнейшего построения нашей теории, ибо все, что мы потом скажем о наступлении и обороне и о выполнении этого двухстороннего акта, связано с состоянием кризиса, в котором находятся силы в момент напряжения и движения, а также потому, что мы смотрим на всю ту деятельность, которая может происходить в периоды равновесия, лишь как на нечто побочное и будем ее трактовать в этом смысле. Отмеченные кризисы и являются подлинной войной, а состояние равновесия представляет лишь ее рефлекс.

ГЕЛЬМУТ ФОН МОЛЬТКЕ (СТАРШИЙ)

Гельмут Карл Бернгард фон Мольтке родился 26 октября 1800 г. в Пархиме, в Мекленбурге, в семье офицера датской армии Фридриха фон Мольтке (1768–1845) – свою военную карьеру отец закончил в звании генерал-лейтенанта. Род Мольтке был древним – в Мекленбурге его представители жили еще в XIII в., – но не особо богатым, и его члены испокон веков зарабатывали на жизнь тем, что нанимались на военную службу в армии различных германских государств.

Детство Мольтке провел в Дании, где в 1817 г. окончил Кадетскую академию в Копенгагене. 20 января 1818 г. он поступил на службу 2-м лейтенантом в датскую армию и был зачислен в Ольденбургский пехотный полк, расквартированный в Рендсбурге (Шлезвиг-Гольштейн). В 1822 г. он перешел на службу в прусскую армию с сохранением звания 2-го лейтенанта и был направлен в лейб-гренадерский короля Фридриха Вильгельма III полк, дислоцированный во Франкфурте-на-Одере (Бранденбург). В 1823 г. Мольтке поступил в Берлинскую военную академию, которую окончил в 1826 г., после чего вернулся в свой полк. В 1827 г. он был начальником дивизионной школы, а в следующем году зачислен в прусский Генеральный штаб, в 1833 г. он был произведен в лейтенанты и переведен в Топографическое бюро Большого Генштаба.

В 1835 г. Мольтке совершил путешествие на Восток. В Османской империи он был принят самим султаном Махмудом II, который предложил ему остаться в Турции в качестве военного советника при командовании армии. В этом качестве он совершил поездки по Черноморскому побережью, в Тауруские горы, Месопотамию. В Турции Мольтке провел более трех лет (1836–1839 гг.) и в 1838 г. принял участие в походе османских войск против курдов. В апреле-мае 1837 г. сопровождал Махмуда II в его поездке в Дунайские княжества (Молдавию и Валахию). Участвовал в 1838 г. в кампаниях против египетских войск Мехмеда Али и его сына Ибрагима-паши в Сирии. В 1839 г. Мольтке вернулся в Пруссию и был произведен в майоры. 20 апреля 1842 г. – в 41 год – он женился на своей племяннице Марии Бурт (1825 – 24 декабря 1868), которая была внебрачной дочерью его сестры Августы.

В 1846 г. он был назначен адъютантом принца Карла Генриха Прусского, которого сопровождал в поездке в Рим, где принц 12

июля 1846 г. скоропостижно скончался. В июле 1846 г. Мольтке был направлен для прохождения службы в штаб генерального командования на Рейне. В 1848 г. он возглавил отделение Большого Генштаба, а в 1849–1855 гг. – штаб IV армейского корпуса. В 1855 г. Мольтке занял пост 1-го адъютанта принца Фридриха Вильгельма (который в 1888 г. недолго занимал германский престол под именем Фридриха III), сопровождал его в поездках в Англию, Париж и Санкт-Петербург.

29 октября 1857 г. он, будучи в чине генерал-майора, был назначен «для принятия дел начальника Генерального штаба армии». Официально в должности начальника прусского Большого Генштаба Мольтке был утвержден 18 сентября 1858 г. Он был широко известен как крупный военный теоретик. В своих трудах Мольтке развивал концепцию неизбежности войны. Считал необходимым использовать все возможности страны в интересах ведения войны, прежде всего упредить противника в проведении мобилизации и развертывании армии, внезапно начать военные действия, двигаясь к одному пункту с разных направлений («врозь идти, вместе драться»), охватить противника с флангов и тем самым добиться победы в быстротечной войне.

Он превратил Большой Генштаб в основной орган подготовки Пруссии и ее вооруженных сил к войне. Мольтке был близким другом принца Вильгельма (с 1861 г. – короля Вильгельма IV, а с 1871 г. – германского императора Вильгельма I), на которого имел большое влияние, причем не только по военным вопросам, в которых он считался признанным авторитетом. При поддержке Отто фон Бисмарка Мольтке провел ряд реформ, направленных на усиление армии и активную подготовку ее к ведению наступательной войны. Он сократил сроки мобилизации и сосредоточения, увеличил численность армии, провел ее перевооружение и др. По существующей в Германии системе в случае начала военных действий общее руководство армией принимал монарх, а начальник Генштаба автоматически занимал пост начальника Полевого Генштаба, в руках которого сосредотачивалось фактическое руководство военными действиями. В этом качестве Мольтке крайне успешно провел в 1864 г. кампанию против Дании, по результатам которой Дания отказалась от своих притязаний на Лауэнбург, Шлезвиг и Гольштейн (герцогства были объявлены совместными владениями Пруссии и Австрии, причем Шлезвиг передан под управление Пруссии). В 1866 г. вместе с генералом Альбрехтом фон Рооном разработал план войны против Австрии. В ходе австро-прусской войны 1866 г. австрийская армия потерпела поражение в битве при Садовой, после чего Мольтке (вместе с другими военными)

настаивал на марш-броске на Вену, что, однако, вызвало возражения Бисмарка, опасавшегося серьезных политических последствий. В результате этой войны Австрия была вынуждена уступить Пруссии пальму первенства в германских государствах. В 1866 г. произведен в генералы пехоты. В 1867–1891 гг. Мольтке являлся также депутатом Рейхстага от консерваторов, а с 1881 г. возглавлял в нем Совет старейшин в звании президента.

Венцом карьеры Мольтке стала франко-прусская война. В 1869–1870 гг. он возглавил разработку плана войны против Франции, который был успешно осуществлен прусской армией в 1870–1871 гг. Подготовленная Мольтке прусская армия имела преимущество перед противником в численности, подготовке войск, артиллерии и опыте командного состава. 4 августа 1870 г. при Виссамбурге и 6 августа при Вёрте прусские войска разгромили южную группировку французских войск маршала Патриса де Мак-Магона, а 6 августа при Форбаке нанесли поражение и северной группировке маршала Франсуа Базена. 16 августа французские войска были разбиты на участке Марс-ла-Тур – Резонвиль, а 18 августа – при Гравелоте – Сен-Прива. 1 сентября руководимая Мольтке прусская армия нанесла поражение шедшей на помощь Мецу армии Мак-Магона, заставив ее отступить в Седан и затем капитулировать (вместе с армией в плен сдался император Наполеон III). Его усилия, решившие исход всей войны, были отмечены 28 октября 1870 г., когда Гельмут Мольтке был возведен в графское достоинство королевства Пруссии.

В принципе война уже была завершена, но в начале 1871 г. все же прусские войска довершили разгром Франции и заняли Париж, где в торжественной обстановке было провозглашено создание под эгидой Пруссии Германской империи (Второго рейха) – наряду с Бисмарком Мольтке был одним из главных инициаторов этого судьбоносного события. Эти победы Мольтке были отмечены высокими наградами: 16 июня 1871 г. он был произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1872 г. император Александр II произвел Мольтке в генерал-фельдмаршалы русской армии. Среди высших наград, который получил Мольтке: русский орден Св. Георгия 2-й степени (27 декабря 1870 г.), Большой крест Железного креста (22 марта 1871 г.), Большой крест ордена Pour le Mérite (8 марта 1879 г.).

После окончания военных действий Мольтке занял пост начальника общегерманского Большого Генштаба. В 1872 г. он также стал наследственным членом прусской Палаты господ. 10 августа 1888 г. Мольтке вышел в отставку и был назначен на почетный пост президента Комиссии национальной обороны

(Landesverteidigungskommission). Он умер 24 апреля 1891 г. в Берлине. У Мольтке не было детей и после его смерти графский титул перешел к племяннику – также Гельмуту Мольтке, который в отличии от дяди стал именоваться «младшим».

Ниже приводится отрывок из статьи «Мольтке. Врознь идти и вместе драться», опубликованной во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

...

К.А. Залесский

* * *

Мольтке действовал в эпоху, когда стратегические условия – возросшая артиллерия, удлинившиеся обозы, улучшившаяся связь – повелительно требовали расширения фронта маневра армий, дабы иметь возможность использовать максимальное количество дорог для походного движения; тактически же фронт сражений еще оставался столь же узким, как и в эпоху Наполеона; может быть, предпосылки к расширению тактического фронта существовали и при Мольтке, но они оставались еще неосознанными. Из этого движения широким фронтом и развития боя на узком протяжении и вылилось стратегическое искусство Мольтке. Самую стратегию начали определять как искусство «идти врознь, и драться вместе». Такое определение, конечно, не отвечает теперь больше духу времени, так как фронт современного сражения равен фронту марша.

Четыре приводимых статьи относятся к высшему моменту развития Мольтке – периоду его деятельности в роли начальника прусского Генерального штаба. Статья о фланговых позициях не слишком типична для Мольтке. «Общие принципы, вытекающие из них правила и построенные на них системы не могут иметь практической ценности для стратегии», – утверждает Мольтке в конце своей карьеры. Он всегда уклонялся от трудов чисто теоретического характера; однако же в начале своей работы во главе генерального штаба в целях правильного руководства полевой поездкой Мольтке встретил необходимость дать себе самому отчет в некоторых теоретических вопросах – отсюда и явилась статья о фланговых позициях. Она представляет нам живое доказательство положения, что «гони теорию в дверь, она

влетит в окно». В полном собрании сочинений Мольтке к этой статье приложены два черновых варианта, свидетельствующие о трудном и длительном процессе работы мысли Мольтке при разработке этой статьи. В дальнейшей своей деятельности Мольтке смог уже обходиться без такой теоретической работы, имеющей подготовительное значение для анализа обстановки в конкретном случае. Но если для самого Мольтке теория стала излишней, он возвысился над ее нравоучениями и стал мастером в военном искусстве, то едва ли будет основательно распространять скептическое отношение Мольтке к теории на всю массу командного состава, не располагающего тем критерием, с помощью которого Мольтке всегда давал верную оценку условий, представляемых данным конкретным случаем. Мы можем согласиться с Мольтке, что все наши знания получаются опытным путем и вытекают из критики конкретного случая, из критики военно-исторических фактов. Но без известных общих, а следовательно, и теоретических представлений невозможна никакая критика. Критика и теория мыслимы лишь в постоянном взаимодействии.

Записка Мольтке «О глубине походных колонн» носит более практический характер; она намечает за год до войны 1866 г., когда в первый раз широко развернулось стратегическое искусство Мольтке, его основы; по своему содержанию и приложенным справочным данным это как бы директива для полевых поездок. В полной гармонии с ней находится отповедь, которую дает Мольтке через год после поражения австрийцев австрийскому критику в статье «Замечания о сосредоточении в войну 1866 г.». И тут и там основную роль играет понятие «о гнусной крайности сосредоточения» – сосредоточения, к которому поклонники наполеоновского военного искусства подходили, конечно, с известным священным трепетом, с совершенно иным масштабом благоговения.

Коротенькая статейка Мольтке «О стратегии» сперва была напечатана отдельно, а затем большей частью включена в текст официальной немецкой истории франко-прусской войны. Долгое время эти две странички являлись как бы стратегическим катехизисом армий всего мира. Каждая фраза из нее цитировалась сотни раз в различных трудах, на всевозможных языках. Кто не читал, что «ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании»? Разумеется, мы не могли в настоящем труде обойти этот перл литературного творчества Мольтке. Мы лично полагаем, что едва ли следовало так слепо принимать на веру этот мольтковский катехизис. Здесь в этих, казалось бы,

объективных строках гораздо более полемики, чем в предшествующем споре Мольтке с австрийским генералом. И здесь не только полемика, но и скрытая защитительная речь той позиции, которую занимал стратег Мольтке в управлении войной 1870 года. Эволюция современной стратегии может быть ярче всего отмечена при сравнении этих положений Мольтке с современной действительностью войны; мыслями Мольтке еще руководятся, но они уже не укладываются в новые образы, которые приняла война. Мы оставляем эту работу на будущее, а пока привлечем внимание читателя к тому, что, с нашей современной точки зрения, неверно уже заглавие: на самом деле Мольтке пишет не о стратегии вообще, а о стратегии сокрушения. При стратегии измора отношения между политикой и стратегией, конечно, уже вовсе не укладываются в очерчиваемые рамки. В общем, мы думаем, что эта знаменитая статья была источником больших заблуждений; талант Мольтке в роли адвоката оказался не меньшим его стратегического и критического таланта и многих направил на неверный путь.

Наши выдержки из трудов Мольтке мы заканчиваем его лебединой песней, последней речью, которую произнес 90-летний Мольтке, депутат рейхстага. В ней заключается его знаменитое пророчество о затяжном характере будущей мировой войны, шедшее совершенно в разрез с расчетами всех генеральных штабов и экономистов. В ней же Мольтке высказывает свои воззрения на войну. Он говорит буржуазным, конечно, а не марксистским языком, но мысль его ясна: война представляет неизбежное явление при существующем капиталистическом строе, и никакие буржуазные правительства не в силах защитить от ее испытаний свои государства.

Читатели, заинтересовавшиеся произведениями Мольтке, могут найти на русском языке перевод «Военного учения» Мольтке в двух томах: «Оперативная подготовка к сражению» и «Тактическая подготовка к сражению» [107] . Впрочем, это не подлинный труд Мольтке, а мозаика, составленная прусским генеральным штабом по строгой системе из мыслей Мольтке, высказанных по самым различным поводам – при разборе тактических задач и полевых поездок, при оценке какого-либо военно-исторического факта и т. д. Кроме того, на русском языке имеются работы Мольтке по истории войн 1848–1849 гг. [108] и 1859 г., а также «Письма о событиях и приключениях в Турции с 1835 по 1839 г.; последний труд в переводе сокращен и, конечно, затрагивает стратегические вопросы лишь случайно.

...

Редакция

Гельмут фон Мольтке О ГЛУБИНЕ ПОХОДНЫХ КОЛОНН [109]

Если при выборе позиций надо учитывать протяжение по фронту, которое могут занять войсковые единицы, то при организации походных движений надо иметь в виду глубину походных колонн.

В первом случае обозы учету не подлежат; во втором же они представляют существенный элемент, который нельзя оставлять без внимания.

Имеющиеся при армии обозы тщательнейшим образом нормированы в соответствии с действительной потребностью в них и ограничены до крайних пределов. Ввиду этого, они полностью не могут быть выделены из ведущей бой части армии или же могут отделяться лишь временно, на очень короткий срок.

Войсковая часть не легко расстанется с повозками, непосредственно ей приданными. Даже если бы они были оставлены под особым наблюдением, неожиданный оборот боя или операции все же мог бы надолго воспрепятствовать возвращению их к части. В течение самого боя батальоны нуждаются в патронных и санитарных повозках, а батареи – в зарядных ящиках; прочие повозки и вьючные лошади с их грузом оказываются особенно необходимыми непосредственно после боя, когда обычно приходится располагаться биваком.

Другая часть обозов придается войсковым единицам, состоящим из всех родов оружия, наименьшей из которых у нас является дивизия. Помимо парков и понтонных обозов таковыми являются повозки тыловых служб, без коих дивизия не была бы достаточно самостоятельно снабженной для участия в операции. Провиантские транспорты, пекарни, главный полевой лазарет, депо конского запаса можно себе представить временно отделившимися от дивизии; но при наступлении – в особенности в неприятельской стране – непосредственно вести за войсками хотя бы провиантские транспорты становится все более необходимым по мере того, как войска приближаются к противнику, а следовательно, вынуждаются бивакировать. Административные органы, полевая почта и т. д., чтобы быть использованными, не должны отделяться от дивизии; лазареты же становятся крайне необходимыми именно в тот момент, когда является особенно желательным сократить глубину колонн – при подходе к полю сражения.

На маневрах мы видим войска, отягощенные лишь очень

небольшой частью этого бремени, столь затрудняющего передвижения. Вследствие этого легко рождаются представления, которые не могут быть перенесены на операции в действительных условиях войны, при отдаче распоряжений для походных движений совершенно недопустимо не уделять внимания тылу, смотреть на него как на неудобный придаток, объединяя его весь под совершенно неопределенным заголовком «обозы».

Если приданные армии в строго нормированных пределах обозы необходимы войскам на театре военных действий, то их необходимо учитывать в их подлинных размерах.

Чтобы дать возможность легко обозреть, какая глубина получается для походных колонн отдельных войсковых единиц и отрядов в военном составе, с полным обозом, соответственные данные приводятся в приложении; прежде всего их надлежит использовать на полевых поездках Генерального штаба [110] .

Само собой разумеется, что здесь приводится лишь нормальная глубина, т. е. минимум, необходимый для уставного походного движения, которого можно достигнуть и удержать только при исключительно благоприятных обстоятельствах [111] . Но даже при такой предпосылке получается следующее:

1) глубина походной колонны армейского корпуса, когда он вынужден двигаться со своими обозами по одной дороге, превосходит длину обычного перехода;

2) как бы ни были сокращены обозы, тем не менее голова колонны будет уже на новом биваке, когда хвост начнет выступать со старого;

3) вблизи от противника такой марш может происходить лишь под прикрытием другой группы войск, так как развертывание корпуса потребует шесть часов;

4) если мы хотим определить, когда корпус в целом окажется сосредоточенным в конечном пункте перехода, к указанному на вытягивание корпуса времени необходимо еще прибавить продолжительность самого движения и необходимых привалов.

Отсюда объясняется, почему на практике переход корпуса в 3 мили [112] , т. е. на расстояние, которое пешеход легко может пройти в четыре-пять часов, продолжается целый день.

Трудности движения растут прямо пропорционально величине войсковых единиц. По одной дороге в один день нельзя продвинуть больше одного корпуса. Но трудности также растут и с приближением противника, когда уменьшается число дорог, которыми можно пользоваться.

Отсюда вытекает, что раздельное расположение корпусов представляет нормальное состояние армии, а сосредоточение их, не вызванное совершенно определенной целью, является

ошибкой.

Уже по продовольственным соображениям продолжительное сосредоточение представляет гнусную крайность; часто оно даже вовсе неосуществимо; сосредоточение ведет непосредственно к решению и поэтому не должно иметь места, если момент для решения еще не наступил.

Сосредоточенная армия не может вообще следовать далее походом; движения ее возможны лишь вне дорог, полями. Чтобы двинуться походным порядком, она должна предварительно вновь разделиться, что, имея в виду противника, представляет опасность.

Но так как все же надо настаивать на сосредоточении всех боевых сил для сражения, то сущность стратегии и заключается в организации походного движения врознь, имея в виду своевременное сосредоточение [113] .

Таким образом, организация походного движения представляет одну из важнейших отраслей службы генерального штаба, и именно ее возможно наиболее совершенным образом изучить на ежегодных полевых поездках.

Достоинства избранной позиции решают (на полевой поездке) судьбы боя, которые не могут быть установлены при наличии лишь обозначенных войск. Расстояния же, время, число и пригодность дорог, наоборот, являются четкими, реальными факторами, что позволяет точно оценить результат организации марша.

На полевых поездках, которыми руководят начальники штабов корпусов, обычно оперируют друг против друга лишь дивизии. Действующая в отделе дивизия обременена относительно более ограниченным обозом, чем армейский корпус. Тем не менее мы пришли бы к совершенно ошибочным результатам, если не взяли бы на учет имеющиеся за дивизиями обозы и тем самым не пришли бы к действительной растяжке войск на походе.

Гельмут фон Мольтке О ФЛАНГОВЫХ ПОЗИЦИЯХ [114]

Располагая наши боевые силы в стороне от операционной линии противника, мы тем самым стремимся заставить его свернуть с означенной линии, следовать за нами в направлении, отвлекающем противника от его главной цели, и атаковать нас при благоприятных для нас условиях.

Действительность фланговых позиций основывается на правильности утверждения:

что объектом наступления является не какой-нибудь участок страны или город, а армия противника,

что ни одна армия не может рисковать пройти мимо неприятельской, так как при этом ей пришлось бы пожертвовать своим тылом и сообщениями,

что, следовательно, противник приковывается к тому же пункту, в котором буду находиться я.

Мы совершенно согласны в общих чертах как с правильностью, так и с огромной важностью этого принципа, но должны настаивать на известных ограничениях при его приложении.

Прежде всего необходимо провести различие между объектом войны и оперативным объектом наступления. Первый в действительности не является армией, а представляет совокупность территории или столицу противника, а в них источники сил и средств и политическая мощь его государства; он содержит то, что я хочу оставить за собой или, в конечном результате, обменять на оставляемое за собой. Оперативный объект, наоборот, является во всех случаях неприятельской армией, поскольку она прикрывает объект войны. Эта предпосылка может отпасть, во-первых, если обороняющаяся армия расстроена боем или вообще слишком слаба, и во-вторых, если она расположена вне пределов досягаемости или на такой местности, которая представляет препятствия для ее перехода к активным действиям. В этом случае известный район или город может приобрести большее значение, чем сама армия, так как при наступлении объект войны и оперативный объект сольются в одно целое.

Таким образом, в марте 1814 г. союзники не были прикованы к пункту, где оставались французы, и не последовали за Наполеоном на Нанси, а двинулись на Париж. Таким же образом после сражения при Регенсбурге император не оказался

связанным 80 000 австрийцев, остановившихся в шести милях у Гама, а проследовал мимо фланговой позиции на 50 миль вперед, к Вене.

Но если обороняющаяся армия находится в пределах досягаемости и по состоянию своему обладает способностью наступать, то забота о своих сообщениях каждый раз будет препятствовать наступающему проходить мимо нашей фланговой позиции. Какая при этом ему угрожает опасность?

Армии могут умирать с голоду, целиком владея своими сообщениями, как, например, французская армия в 1812 г., когда, благодаря вялому образу действий Кутузова, путь отступления французов в действительности никогда не был перехвачен. Но для достижения близкой и важной цели армии могут временно отказываться от всяких сообщений.

Фланговая позиция при Виттенберге, вероятно, не удержала бы австрийскую армию, если бы последняя продвинулась до Барута от занятия оставленного без прикрытия Берлина; в последнем она нашла бы в изобилии то, чего была бы лишена вследствие временного перерыва сообщения с Дрезденом.

Простая угроза, чтобы произвести надлежащее действие, во многих случаях должна перелиться в дело, т. е. в реальную атаку неприятельского тыла. В последнем случае нам придется покинуть нашу позицию, и необходимо обдумать, в каких условиях мы окажемся в бою. Мы отказываемся от преимуществ подготовленного поля сражения, и фланговая позиция сможет сыграть для нас лишь роль тыловой позиции. Обе стороны вступят в сражение с перевернутым фронтом, для обеих сторон растет опасность поражения; отсюда, однако, для обороняющегося не вытекает еще никакой гарантии в победе.

А если мы не захотим покинуть нашу фланговую позицию и на продолжительное время устроимся на каком-нибудь участке местности или среди группы крепостей, то мы позволим тем самым куску территории возвыситься до значения главного объекта, и наша армия потеряла бы свойство прикрывать объект войны.

Таким образом, мы видим, что фланговые позиции, о которых Клаузевиц говорит, что они действуют, как нажим пальца на удила, сохраняют свою волшебную силу лишь до тех пор, пока противник готов ее признавать. Но он может отказаться от этой точки зрения, если его армия дает ему гарантию тактической победы.

Победа исправляет все стратегические недочеты – примером может служить сражение при Мадженте – и даже обращает их в плюсы, если стремление удержать за собой фланговую позицию

приведет неприятеля к отступлению в неправильном направлении.

Поэтому во фланговых позициях и в эксцентрической обороне нельзя усматривать универсального средства; не следует ожидать от них большего, чем они могут дать. Тем не менее в пределах указанных ограничений мы не должны недооценивать их исключительно большого значения.

Теперь нам предстоит точнее определить понятие фланговой позиции. Не всякая позиция, избранная в стороне от неприятельской операционной линии, уже по одному этому является фланговой позицией. Если бы путь отступления [115] с подобной позиции направлялся на прикрываемый главный объект, то она представляла бы лишь неудачно выбранную фронтальную позицию, подставляющую противнику один из своих флангов.

Главной предпосылкой фланговой позиции является направление ее фронта параллельно, а пути отступления с нее – перпендикулярно к неприятельской операционной линии, то и другое хотя бы приблизительно.

Фронт должен быть сильным, так как здесь мы предполагаем встретить атаку превосходящих сил противника; в то же время он должен оставаться открытым для перехода в наступление, потому что при известных обстоятельствах мы можем быть к нему вынуждены. Местность лишь в редких случаях удовлетворит обоим условиям; чтобы связать прочность обороны с легкостью перехода в наступление придется часто прибегать к фортификационному оборудованию района.

Но так как в конечном результате каждая позиция может быть преодолена или обороняющийся может быть вынужден ее оставить, то мы должны сохранить возможность отступления. Кроме того, мы должны на нашей позиции существовать, а при приближении противника мы можем удовлетворять наши потребности лишь подвозом с тыла. Из обоих этих соображений вытекает, что позиция должна иметь достаточный тыловой район. Фланговая позиция, расположенная тылом к Балтийскому морю, была бы отчаянной [116] .

Однако недостаточно иметь лишь пространство для отступления; этот район должен быть так устроен и оборудован, чтобы мы могли извлекать выгоды при отходе, отрываясь от противника, задержанного известными естественными или искусственными преградами, по другую сторону коих мы могли бы вновь переходить в наступление, чтобы жертвовать возможно меньшей частью территории.

Нет необходимости, чтобы фланговая позиция обязательно

была расположена в стороне от неприятельской операционной линии; она даже может оказаться на ней самой, если, например, обращенный к противнику фланг позиции прикрыт от атаки крепостью [117] . Тем не менее эта позиция остается фланговой, если только путь отступления с нее не совпадает с неприятельской операционной линией. Непреодолимая фланговая позиция, расположенная на самой операционной линии неприятеля, абсолютно препятствовала бы всякому продвижению по последней противника, т. е. он должен был бы изменить свою операционную линию.

Можно сказать, что действительность фланговой позиции тем обеспеченнее, чем ближе она расположена к неприятельской операционной линии; наоборот, значение ее растет с удалением от нее, так как в последнем случае она дальше отвлечет противника от намеченного им направления при предпосылке, что она вообще заставит его свернуть. Где же здесь находится граница? Чтобы ответить, надо учесть относительные и абсолютные протяжения.

Фланговая позиция у Торна, конечно, прикрывает Берлин от неприятеля, надвигающегося от Варшавы через Слупцы. Хотя от Торна до Слупцы и есть полных 12 миль, но от Слупцы до Берлина остается еще в три раза больше. Противник не может отказаться на несколько недель от сообщений, на которые мы можем выйти в несколько дней. Наоборот, никто, вероятно, не будет утверждать, что фланговая позиция у Штеттина могла бы прикрыть столицу, хотя там удаление от операционной линии будет таковым же, как и у Торна [118] .

Следовательно, чтобы быть действительной, позиция должна быть расположена значительно ближе к операционной линии, чем к прикрываемому ею объекту.

Очевидно, что независимо от этого необходимо принимать в расчет и абсолютное удаление. Фланговая позиция притягивает противника; она, как магнит железо, заставляет его сворачивать с пути, но все это лишь в известной близости. Расстояние в несколько переходов не только парализует всякую действительность фланговой позиции, но лишает занимающие ее части всякой ориентировки в том, что происходит. Фланговая позиция у Торна никогда бы не могла прикрывать дорогу Бреславль – Берлин, хотя бы Берлин находился в три раза дальше от Бреславля, чем это имеет место в действительности.

Отсюда следует, что граница длиной в 50 миль [119] не может обороняться из одного пункта, особенно если он лежит на оконечности границы, как бы последнее ни представлялось желательным; ведь наступление не приковано к какой-либо одной

операционной линии. Если обороняющийся займет сильную фланговую позицию на одной из операционных линий, то наступающий избирает другую. Если бы мы и сумели подготовить несколько таких позиций, то все же смогли бы занять лишь одну из них, и как раз именно ту, на которой нас атаковать не будут.

Отсюда объясняется, почему так редко удается использовать укрепленные лагеря [120] .

Бесспорно, группа тесно скученных крепостей образовала бы идеальнейший укрепленный лагерь. Но почти всегда она оттолкнет неприятельское наступление на другое направление.

Применение столь крупных средств, по-видимому, находит оправдание лишь тогда, когда противник вместе с объектом операции одновременно достигает и объекта войны, т. е., нормально, столицы страны. При защите столицы не может быть фланговой обороны в стратегическом смысле, но противник, в свою очередь, не может избрать другой операционной линии. В таких условиях можно быть уверенным, что ему во всяком случае придется атаковать [121] этот лагерь и что фортификационные постройки во всяком случае окажут благоприятное для нас влияние.

Если сопротивление вообще еще возможно, то для защиты укрепленного лагеря у столицы всегда найдутся и войска.

Таким образом, нигде нельзя рассчитывать с большей уверенностью на важность укрепленной позиции, как у столицы страны, и все-таки отсюда вовсе не следует, что столицу следует укреплять. Нет необходимости в связанных с этим мероприятием несоразмерных расходах и других крупных отрицательных сторонах, если мы можем обоснованно надеяться задержать противника на самой границе и добиться там решения.

А для последней цели я считаю, что линия крепостей выгоднее, чем группа крепостей, если линия крепостей в то же время господствует над переправами через большую реку [122] .

Гельмут фон Мольтке ЗАМЕЧАНИЯ О СОСРЕДОТОЧЕНИИ В ВОЙНУ 1866 г. [123]

Февральский номер «Австрийского военного журнала» содержит размышления об операциях войны 1866 г., представляющие тем больший интерес, что до сего времени по этому поводу в печати появилось очень мало сколько-нибудь капитальных и связных трудов. Мы с нетерпением ждем продолжения статьи, так как автор обнаружил как знакомство с фактической стороной, так и верное военное суждение, поскольку последнее не сбивается с истинного пути известной патриотической досадой.

О стратегических комбинациях прусского командования говорится, что они едва возвышались над средним уровнем. Возможно, что это действительно так; в среде противодействующих элементов войны редко удается достигнуть идеала; однако результат свидетельствует, что и посредственность может достигнуть цели. Соединение прусских армий в надлежащий момент никогда не считалось, по крайней мере прусским генеральным штабом, особенно блестящей идеей или глубоко ученой комбинацией.

Это было разумно проектированный и энергично проведенный в жизнь выход [124] из неблагоприятной, однако неизбежной первоначальной обстановки.

Автор ставит в упрек прусской стратегии, что к началу кампании прусское войско было разделено на две группы вместо того, чтобы иметь все силы сосредоточенными, и именно в Лаузице.

Мы можем опустить то, что при этом говорится о внимании, которое пруссакам следовало бы уделить возможности взаимодействия имперских войск с австрийской армией, так как об этом в Берлине лучше осведомлены [125] . Точно так же мы можем ограничиться лишь указанием на то, что ввиду запоздалой отдачи приказа о мобилизации прусской армии нельзя было терять ни минуты времени, и что к двум районам сосредоточения ведет большее число железнодорожных путей, чем к одному, и что из одной любви к теории о сосредоточении всех сил воедино на практике нельзя приносить беззащитной в жертву вторжения сосредоточившегося на границе противника столь богатую провинцию, как Силезия. Зато было бы, может быть, полезно

почерпнуть некоторое поучение из опыта самой австрийской армии относительно последствий, связанных с сосредоточением сразу воедино боевых сил. В большинстве случаев история демонстрирует перед нашими глазами лишь обстоятельства войны, скрывая от нас внутренние предпосылки. Бои и блестящие подвиги образуют светлые пятна, о которых каждый охотно читает; затруднения с довольствием, трудности переходов, бивачные лишения, страдания в госпиталях и опустошение страны является теневой стороной; изучать последнюю трудно и малопривлекательно, но тем не менее крайне необходимо.

Прежде всего каждая армия хочет жить; она должна иметь возможность есть, пить, отдыхать и передвигаться. Двести тысяч человек плюс многочисленная кавалерия не могут жить исключительно из магазинов, даже если позади них имеется два железнодорожных пути; они не могут постоянно бивакировать, они должны использовать вспомогательные средства страны, в которой они находятся, как в отношении пропитания, так и в отношении хотя бы скудного крова, т. е. должны расквартировываться.

Имея это в виду, главные силы австрийцев перед началом кампании были расквартированы вокруг Ольмюца и Брюна таким образом, чтобы войска преждевременно не выматывались. I корпус был выдвинут к Саксонской границе, две пехотные и две кавалерийские бригады – к Силезской; остальные войска располагались на большей половине Моравского маркграфства, на пространстве свыше 100 квадратных миль. Квартирный район распространялся от Вейскирхена до Гросс-Мезерича и от Вильденшверта до Люнденбурга; это – расстояние, равное протяжению Торгау – Герлиц или Нейсэ – Герлиц [126] . Следовательно, хвосту армии, чтобы подтянуться к голове, требовалось девять дней и тринадцать дней [127] , если пункт сосредоточения выносился вперед к Иозефштадту; если сосредоточение началось 18 июня, оно не могло бы закончиться ранее 30 июня.

Того же 18 июня прусские войска достигли Дрездена и Нейсе; даже от этих, самых крайних, крыльев расстояние до Гичина не больше, чем от Брюна и Ольмюца до Йозефштадта.

Таким образом, удаление само по себе не могло бы воспрепятствовать сосредоточению в намеченном сборном пункте; задержка могла бы быть вызвана лишь боями. Само собой разумеется, что расквартированные впереди австрийские корпуса ранее могли достигнуть означенного района, чем расположенные дальше. Но против этих корпусов надвигались две сомкнутые армии, каждая из которых насчитывала более 100 000 бойцов;

кронпринц [128] и принц Фридрих Карл могли столкнуться только с этими передовыми корпусами, а не со всеми сосредоточенными главными силами противника, при условии, что обе стороны, как это и имело место в действительности, выступали приблизительно одновременно.

Следовательно, речь шла не об необдуманной дерзости. Правда, в то время положение австрийских войск не рисовалось столь ясно, как теперь; имелись предположения, правда ошибочные, что уже в Северной Богемии встретятся значительные силы австрийцев; местность могла представить большие затруднения; однако, кто хочет воевать исключительно наверняка, тот вообще едва ли когда-либо достигнет цели.

Когда выше мы говорили о жизни армии, мы отнесли к этому понятию и ее движения.

Чем теснее пространство, на котором скучена армия, тем меньше дорог будет вести от него к намеченной конечной цели.

Тогда предстоит сделать выбор – или предварительно перейти к более широкому фронту, чтобы выгадать большее количество дорог, или же удовлетвориться немногими имеющимися и двигаться по ним растянувшимися на несколько переходов эшелонами. Как известно, глубина походной колонны армейского корпуса с его обозами занимает более трех миль; поэтому в один и тот же день два корпуса не могут использовать один и тот же участок дороги, разве что будет допущено движение полем рядом с дорогой, что может происходить лишь за счет сил войск. Поэтому, переходя в наступление из узкого сосредоточения, теряют – или на протяжении фронта, или на глубине походных колонн – выгоды данного сосредоточения, а именно возможность в первый же день столкновения с противником сосредоточить все силы.

Ввиду значительной растянутости расквартирования австрийцев в Моравии можно было предоставить армейскому артиллерийскому резерву и паркам две отдельные дороги в направлении на Пардубиц. Пехотные корпуса и кавалерийские дивизии были двинуты на Йозефштадт по трем более восточным дорогам [129] .

Уже одно наименование этого продвижения «хорошо организованным фланговым маршем» говорит о том, что в течение его выполнения ожидалась атака со стороны Силезии. Для обеспечения от таковой на границе графства Глац и были оставлены II корпус и 2-я легкая кавалерийская дивизия; тем не менее и дороги для марша были избраны настолько близко одна к другой, что поворотом направо можно было в любой момент создать боевой порядок в три линии. Эта предусмотрительность

не облегчала марша, наоборот, она в весьма значительной степени затрудняла размещение войск; узкая полоса, по которой в течение двух, трех и даже четырех дней проходили друг за другом эшелоны войск, была совершенно опустошена.

Глубина всего походного порядка армии должна была оставаться неизменной, пока головы колонн продолжали продвигаться вперед; лишь по достижении головами цели марша могло начаться ее сокращение. Еще 24 июня походный порядок растягивался от Требезова у Скалица до Розинки и Кунштадта, т. е. на 15 миль [130] ; с каждым следующим днем его глубина сокращалась на один переход.

27 июня передовые корпуса, VI и X, завязали первые бои с дебуширующей атакой кронпринца; к вечеру того же дня прочие войска группировались так: III корпус у Милетина, IV корпус у Яромера, VIII корпус у Чаславека, II корпус [174] и 2-я легкая кавалерийская дивизия у Зольница, 3-я резервная кавалерийская дивизия у Гогенбрука – на удалении одного перехода от поля сражения, 2-я резервная кавалерийская дивизия у Голитца – в двух переходах и армейский артиллерийский резерв у Гогенмаута – на расстоянии трех переходов [131] .

Автор размышлений говорит следующее: «В то время как 28 июня главные силы австрийской армии были в полной готовности к бою, обе прусские армии находились еще по крайней мере на расстоянии десяти миль друг от друга».

Это утверждение надлежит исправить в следующем: в течение 28 июня главные силы пехоты и кавалерии австрийской армии (резервная артиллерия достигла лишь Голица), безусловно, были бы готовы принять бой у Йозефштадта, если бы таковой им был предложен, но наступательное движение на Голиц, на Милетин или на Кенигинхоф являлось для них возможным не ранее 29 июня; в течение же последнего дня обе прусские армии уже достигли Гичина и Градлица и, следовательно, находились на удалении лишь пяти миль друг от друга.

Фельдцейхмейстер [Людвиг Бенедек] действовал именно так, как рекомендует автор. 29 июня, несмотря на утомление войск, он начал наступление и именно «на избранную позицию» на Эльбе против второй прусской армии, которая вошла «в сферу действий австрийской армии», или, как мы считаем правильнее выразиться, в сферу действий которой попали австрийцы. Первой прусской армии в этот день ни в коем случае нельзя было достигнуть.

Что же должно было произойти 30 июня?

Выгоды внутренних операционных линий, бесспорно, остаются в силе лишь до тех пор, пока имеется достаточно

пространства, чтобы по меньшей мере на несколько переходов выдвинуться навстречу одному из противников, с целью выиграть время, чтобы его разбить и преследовать, а затем обратиться на другого противника, до сего времени лишь наблюдаемого.

Если же это пространство настолько стесняется, что больше уже нет возможности атаковать одного из противников, не подвергаясь опасности одновременно иметь дело и с другим, который может напасть на нас с фланга или тыла, то стратегическая выгода внутренних операционных линий обращается в тактическую невыгоду быть охваченным в бою.

Если бы 30 июня австрийская армия продолжала свое наступление, то она оказалась бы в положении, довольно близком к тому, которое впоследствии оказалось столь гибельным для нее на высотах Кёниггрэца.

Мы не утверждаем, что это понятно «каждому профану», но думаем, что каждый благоразумный военный сможет решить, какая сторона находилась здесь в безусловно неблагоприятном положении.

Фельдцейхмейстер должен был убедиться, что обе прусские армии продвинулись вперед дальше, чем он ожидал, и что уже нет времени для выполнения плана, которого он держался с такой железной последовательностью. Ввиду этого он избрал в соответствии с данной обстановкой правильное решение – оставить позицию на Верхней Эльбе, которую удержать не представлялось возможности, и отдал приказ об отступлении. Причины, заставившие человека такого характера подчиниться этой горькой необходимости, должны были сильно бросаться в глаза. По-видимому, он сделал все возможное, чтобы наверстать драгоценный день, потерянный, по-видимому, вследствие медлительности интендантства. Шесть пехотных корпусов и четыре кавалерийские дивизии с резервной артиллерией, парками и огромными обозами в течение двенадцати дней, почти непрерывно сохраняя боевую готовность, были продвинуты по узкой полосе от Люнденбурга и Вейскирхена приблизительно до Кенигинхофа и Милетина. При этом некоторым частям пришлось в означенный срок пройти около тридцати миль, не считая уклонений в сторону от дороги для занятия ночлегов. Так, например, VIII армейский корпус в десять переходов, без дневок, прошел расстояние от Павловица до Залней, т. е. 25 миль. Все в целом надо признать замечательным достижением, которое к тому же было крайне затруднено применением принципа *coude a coude* [132] .

Поэтому мы предполагаем, что если бы к началу кампании австрийская армия была собрана не в одну, а в две главные

группы у Ольмюца и Праги, то это значительно облегчило бы ее сосредоточение для решительной операции, довольствие, расквартирование и развертывание, независимо уже от стратегических преимуществ, которые с самого начала давало бы присутствие в Северной Богемии значительной массы войск. Точно так же мы не можем усмотреть выгод, которые создались бы для пруссаков, если бы, как рекомендует автор, более 200 000 человек было стиснуто в лесисто-болотистом районе Лаузица.

Вся кампания, безусловно, приобрела бы другой облик, и даже если бы пруссаки добились такой же победы, то поле сражений нам пришлось бы, вероятно, искать не на карте Богемии, а на карте Силезии. Присутствие прусской армии в Силезии должно было, безусловно, связывать в Богемии значительную часть австрийской армии – в действительности оно приковало к Богемии всю армию. Прямой путь на Вену и единственное железнодорожное сообщение, столь близко проходящее мимо Силезской границы, являлись соображениями более вескими, чем это, по-видимому, полагает автор.

Если в основу германского сосредоточения в одной группе принять размеры австрийского расквартирования, то оно растянулось бы по фронту от Торгау до Герлица, а в глубину до Берлина и Франкфурта-на-Одере.

Все доступные для войск дороги из этого обширного района в Богемию сходятся на перевалах через пограничный хребет в узком пространстве в пять миль между Румбургом и Фридландом. Отвесно падающие в Богемию склоны Шандаусских песчаниковых гор препятствуют всякому дальнейшему распространению. При наступлении через эту теснину головные дивизии могут столкнуться с противником, а следующие за ними на расстоянии двух-трех переходов не были бы в состоянии поддержать их.

Всякое тесное нагромождение больших масс уже само по себе является гнусной крайностью. Оно находит себе оправдание и является необходимым, когда оно ведет непосредственно к сражению. В присутствии противника разделяться опасно, но в то же время невозможно длительно оставаться сосредоточенными.

Трудной задачей искусного руководства армиями является сохранение масс в раздельной группировке при обеспечении возможности своевременного их сосредоточения.

Для этого нельзя дать общих правил; задача каждый раз будет являться иной.

Гельмут фон Мольтке О СТРАТЕГИИ [133]

Политика прибегает к войне для достижения своих целей; она оказывает решительное действие на ее начало и ее конец и оставляет за собой право – повышать свои требования во время самого хода войны или же довольствоваться меньшим результатом.

При такой неопределенности стратегия всегда может направлять свои стремления лишь на самую высокую цель, которую вообще только можно достигнуть при имеющихся средствах [134] . Таким путем стратегия лучше всего работает в руку политики, для целей последней; в ведении своих действий стратегия остается вполне независимой от политики.

Первой задачей стратегии является изготовка боевых средств, первое развертывание армий. При этом ей приходится учитывать многосторонние политические, географические и государственные соображения. Ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. Однако относящиеся к нему проекты могут быть обдуманы заранее и при предпосылке своевременной мобилизации и организованности перевозок должны безошибочно приводить к намеченным результатам.

Иначе обстоит дело с дальнейшими задачами стратегии: с использованием на войне подготовленных средств – с операциями.

Здесь наша воля очень скоро встречается с независимой от нас волей противника. Правда, мы можем последнюю поставить в известные рамки, если мы готовы и решились захватить инициативу, но сломить ее мы можем не иначе как при помощи средств тактики.

Материальные и моральные последствия всякого более или менее значительного боя имеют столь широкий захват, что в большинстве случаев создают совершенно изменившуюся обстановку, являющуюся новой базой для новых мероприятий. Ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и до конца удерживаемой первоначальной идеи.

Конечно, полководец никогда не упускает из виду своей

главной цели, несмотря на всю изменчивость обстоятельств, но пути, по которым он надеется ее достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью установлены далеко вперед. Он обречен в течение всей кампании принимать целый ряд решений, вытекающих из обстановок, которые нельзя было заранее предвидеть. Таким образом, все следующие друг за другом акты войны не являются выполнением заранее обдуманного, а актами выявления воли [135] , руководимой военным тактом. Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае провидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать неизвестные, быстро принять решение и затем энергичнее и безошибочно приводить его в исполнение.

В задаче с одной известной и одной неизвестной величинами – собственной волей и волей противника – выдвигаются еще факторы третьего порядка, которых совершенно невозможно заранее предусмотреть: погода, болезни и железнодорожные катастрофы, недоразумения и ошибки, одним словом, все явления, которые именуют случайностью, роком или предопределением свыше, но которые человек не создает и на которые его власть не распространяется. И тем не менее ведение войны не находится во власти слепого произвола. Теория вероятности могла бы подсчитать, что в конечном счете все эти случайности столь же часто идут во вред или на пользу как одной, так и другой стороне, и полководец, который в каждом частном случае отдает если не наилучшие, то все же разумные распоряжения, всегда имеет шансы достигнуть цели.

Ясно как на ладони, что для этого недостаточно теоретических знаний; здесь для свободного проявления на практике, для творчества в искусстве открывается простор свойствам духа и характера, вышколенным, правда, военной подготовкой и руководимым опытом, будь последний почерпан из военной истории или из самой жизни.

Репутацию полководца прежде всего, конечно, устанавливает успех. Но какую роль в нем играют его действительные заслуги, определить необычайно трудно. Перед непреодолимой силой обстоятельств сгибаются даже лучшие люди, и столь же часто обстоятельства возносят и посредственность. Но преимущественно продолжительное счастье выпадает дельным людям.

Если, таким образом, на войне с началом операций все становится неопределенным, за исключением той воли и той энергии, которые заключает в себе полководец, то общие принципы, вытекающие из них правила и построенные на них

системы не могут иметь практической ценности для стратегии.

Правда, эрцгерцог Карл признает стратегию наукой, а тактику искусством. Он считает, что «наука верховного полководца» «определяет ход военных предприятий», искусство же должно лишь осуществить планы стратегии.

Генерал фон Клаузевиц, напротив, говорит: «Стратегия есть применение боя в целях войны»; стратегия действительно дает тактике средства, чтобы драться, и создает вероятность победы посредством руководства армиями и их сосредоточения на полях сражений. С другой стороны, она присваивает себе и результат каждого боя и строит на нем далее. Перед тактической победой смолкают требования стратегии, и она приспособливается к вновь создавшемуся положению вещей.

Стратегия – это система подпорок. Стратегия – это больше, чем наука; это – перенос знания в практическую жизнь, дальнейшее развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами; стратегия – это искусство действия под гнетом труднейших условий.

Гельмут фон Мольтке РЕЧЬ В ЗАСЕДАНИИ РЕЙХСТАГА 14 мая 1890 г (при обсуждении проекта усиления мирного состава германской армии)

Требование новых и значительных жертв для военных надобностей в тот момент, когда политический горизонт, по-видимому, свободнее от грозовых туч, чем это было еще в недавнем прошлом, и когда все соседние державы дают нам определенные заверения в своих мирных намерениях, может вызвать удивление. Я все же прошу разрешить мне в немногих словах указать на степень безопасности, обеспечиваемой нам обстоятельствами.

Господа, еще недавно с крайней левой этого собрания повторно выдвигалось утверждение, что все наши военные мероприятия проводятся исключительно в интересах классов, владеющих собственностью, и что только монархи вызывают войны; если бы не было государей, соседние народы жили бы в мире и дружбе. Что касается до владеющих собственностью классов – а они очень многочисленны и в известном смысле охватывают почти всю нацию, так как кому же нечего терять? – то, правда, состоятельные классы, безусловно, заинтересованы во всем, что обеспечивает владельцу его собственность.

Но, господа, не монархи и вообще не правительства ныне являются первопричиной войн. Времена кабинетных войн остались в прошлом; мы живем в эпоху только народных войн, и вызвать таковую, со всеми ее непредвиденными последствиями, сколько-нибудь разумное правительство может решиться лишь с большим трудом. Нет, господа, элементы, угрожающие миру, заключаются в самих народах. На внутреннем фронте таковыми является зависть классов, которым судьба менее благоприятствовала, и делаемые ими время от времени попытки быстро достигнуть посредством насилия улучшения своего положения, улучшения, которого можно добиться лишь путем реформ и лишь не покидая длительного и утомительного пути работы. На внешнем фронте угрозы родятся из известных национальных и расовых домогательств, вообще из недовольства существующим положением. В каждую минуту это может зажечь войну независимо от воли правительства и даже против его воли;

господа, именно правительство, недостаточно сильное, чтобы бороться с народными страстями и партийными домогательствами, – такое слабое правительство представляет постоянную военную опасность. Я считаю, что невозможно переоценить достоинства и блага сильного правительства. Только сильное правительство может проводить здоровые реформы, только сильное правительство может являться порукой мира.

Господа, если война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война наконец вспыхнет, то никто не сможет предугадывать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные, как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу Господа, это, может быть, будет семилетняя, а может быть, и тридцатилетняя война, и горе тому, кто воспламенит Европу, кто первый бросит фитиль в пороховую бочку.

Господа, когда речь идет о таких огромных вопросах, когда на карте стоит то, чего мы достигли столь тяжелыми жертвами, – существование империи, может быть, даже существование общественного строя и цивилизации и во всяком случае сотни тысяч человеческих жизней, тогда денежный вопрос, безусловно, должен отходить на второй план и всякие материальные жертвы заранее оправдываются.

Здесь многократно подчеркивали, что само ведение войны требует денег и денег и что мы не должны раньше времени подрывать свои финансы. Это верно, господа; если бы мы не производили очень крупных расходов на военные цели, средства на которые изыскивал патриотизм этого собрания и нации, то состояние наших финансов, безусловно, было бы много благоприятнее, чем то, которое имеет место в данный момент. Но, господа, блестящее финансовое положение при недостаточных средствах сопротивления не воспрепятствовало бы тому, что сегодня враг находился бы в пределах нашей страны, так как как раньше, так и теперь только меч может заставить другой меч оставаться в ножнах. Враг в пределах страны – мы претерпевали это в течение шести лет в начале столетия, и император Наполеон мог бы похвалиться, что он сумел выжать миллиард из маленькой и бедной тогда страны. Враг в пределах страны не очень бы стал интересоваться, государственный ли это или частный банк. Мы ведь видели даже в 1813 году, когда враг находился уже в полном отступлении, как французский маршал

[Луи Николя Даву] в Гамбурге – тогда французском городе – положил себе в карман на прощание Гамбургский банк. Враг в пределах страны быстро покончил бы с нашими финансами. Только сильно вооруженная Германия со своими союзниками оказалась в силах столько лет удерживать мир.

Господа, чем лучше будут устроены наши морские и сухопутные силы, чем более совершенны будут их вооружение и подготовка к войне, тем скорее мы можем надеяться, может быть, и в дальнейшем сохранить мир или же, если борьба станет неизбежной, выдержать ее с честью и успехом.

Господа, перед всеми правительствами, в каждой стране стоят задачи высочайшего социального значения, жизненные вопросы, которые война может отсрочить, но не в силах разрешить. Я думаю, что все правительства честно стремятся сохранить мир; вопрос только в том, окажутся ли они достаточно сильными, чтобы справиться с этой задачей. Я полагаю, что во всех странах громадное большинство населения хочет мира; но решение остается не за ним, а за возглавляющими массы партиями.

Господа, мирные заверения обоих наших соседей, на востоке и на западе, – впрочем, неустанно продолжающих развивать свою военную подготовку – и все прочие мирные данные, конечно, представляют большую ценность; но обеспечение своей безопасности мы можем искать только в своих собственных силах.

ВИЛЬГЕЛЬМ ФОН ШЕРФФ

Германский генерал и известный в военных кругах писатель Вильгельм фон Шерфф при рождении получил имена Вильгельм Карл Фридрих Густав. Он родился 6 февраля 1834 г. в вольном городе Франкфурте-на-Майне. Избрав военную карьеру фон Шерфф в 1852 г. поступил на службу в прусскую армию и сразу же проявил качества, которые считались необходимыми для офицера Генштаба. В связи с этим он в 1856 г. был откомандирован на учебу в Общую военную школу (Allgemeine Kriegsschule), которая уже во время его учебы – 19 августа 1858 г. – получила свое окончательное название: Королевская Прусская Военная академия (Königlich Preußische Kriegsakademie). Подобное образование высоко ценилось в Германии, о чем говорит хотя бы тот факт, что по своему статусу академия была приравнена к университету. В 1859 г. Шерфф успешно окончил общий и специальный курсы и отбыл на стажировку в свою старую часть.

Отбыв положенный после академии ценз, Вильгельм фон Шерфф был в 1860 г. переведен в Генштаб и назначен адъютантом гарнизонной бригады, входившей в состав прусской армии. В 1866 г. фон Шерфф был переведен в Большой Генштаб и в качестве офицера Генштаба принял участие в австро-прусской войне 1866 и франко-прусской войне 1870–1871 гг., он состоял в эти годы сотрудником Полевого Генштаба под непосредственным началом Гельмута фон Мольтке. После окончания войны Шерфф с 1873 по 1878 г. преподавал тактику в прусской Военной академии.

В 1878 г. – как раз после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Шерфф, как человек пользующийся авторитетом в военных кругах, был откомандирован в состав международной Комиссии по пересмотру границ в Болгарии. Публиковать свои военно-исторические труды фон Шерфф начал в конце 50-х гг. XIX в. и в принципе закончил с этим к 1879 г. Большое распространение получили его следующие произведения:

«Гимнастика и фехтование в армии» (*Gymnastik und Fechtkunst in der Armee.* Berlin, 1858);

«Руководство к организации гимнастики» (*Anleitung zum Betrieb der Gymnastik.* 1861);

«К тактике пехоты, вооруженной ружьями с игольчатыми ударниками» (*Zur Taktik der Zündnadelinfanterie.* 1863);

«Битва при Бон-ла-Роланде» (*Die Schlacht bei Beaune la Rolande.* 1872);

«Исследования по новой тактике пехоты» (*Studien zur neuem Infanterietaktik.* 4 Hefte. 1873–1874);

«Из двух или трех частей?» (*Zwei-oder dreigliederig* ? 1874);

«Пехота на учебном плацу» (*Die Infanterie auf dem Exerzierplatz* . 1875);

«Обучение использованию войск как подготовительная школа для искусства руководства войсками» (*Die Lehre von der Truppenverwendung als Vorschule für die Kunst der Truppenführung.* Bd. 1–2. 2. Aufl. 1876–1879);

«О вождении войск» (*Von der Kriegsführung.* 1883);

«Несколько тактических основополагающих принципов как основа для подготовки пехоты» (*Einige taktische Grundsätze als Anhalt ür die Ausbildung der Infanterie.* 1879). О его основных работах говориться в следующей статье.

По завершении своей миссии в Болгарии он в 1879 г. принял командование 29-м (3-м Рейнским) пехотным полком. Дальше карьера фон Шерффа пошла по накатанной и была в целом стандартной для высших офицеров германской армии того времени. Сначала в 1882 г. он отправился в Кассель, чтобы возглавить там штаб XI армейского корпуса, которым командовал генерал кавалерии барон Людвиг фон Шлотхейм. На следующий год – в 1883 г. – Шерфф стал командиром бригады. И наконец, в 1888 г. он достиг вершины своей карьеры: в этот год он получил звание генерал-лейтенанта и пост командира 33-й пехотной дивизии, дислоцированной в столице Эльзаса – Лотарингии – Страсбурге. В следующем году Вильгельм фон Шерфф вышел в отставку и скончался в 1911 г.

Ниже приводится статья «Автоматизм Шерффа», опубликованная во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

...

К.А. Залесский

* * *

Генерал Шерфф был авторитетнейшим профессором берлинской Военной академии в 70-х и 80-х гг. Широко известным писателем он становится позже, с выходом в отставку, когда он написал свой набросок «Учение о войне» (1897) и ряд

исследований о наступлении в бою (1906).

Мысль Шерффа сложилась на углубленном анализе событий войны 1870 г. Представление об эволюции было чуждо Шерффу; отсюда вытекала его строгая, почти враждебная критика германских побед в франко-прусскую войну. Наполеон для Шерффа много выше Мольтке, тактически беспомощного старика, не умевшего справиться с анархией встречного боя в его «диком состоянии», стихийно бушевавшей на полях сражений 1870 г. Тактические и стратегические взгляды Шерффа по своей консервативности гораздо ближе к французской школе военной мысли, чем к германской. В своем отечестве Шерфф получил прозвище прусского Драгомирова; действительно, если Шерфф не воевал ни с техникой, ни с огнепоклонничеством, то он занимал чисто драгомировскую по непримиримости позицию в вопросах воспитания и управления. Если Драгомиров не хотел, чтобы цепи при наступлении залегали, не доверяя моральным импульсам бойца в передовых цепях, не доверяя возможности поднять под сильным огнем залегших людей, то Шерфф также не верил ни в способность младших начальников и бойцов примениться к обстановке и изобрести подходящий для данного случая способ наступления, ни в полезность проявления частными начальниками широкой инициативы, которая грозит поглотить волю полководца и создать в управлении стихию анархии. В момент, когда все распинались за отречение высшего командования от своей власти в пользу капитанов, которые будто бы теперь дают и выигрывают бои, за самоопределение бойца в сражении, за новую форму встречного боя, Шерфф занял резко враждебную всем предлагаемым нововведениям позицию. Надо наверху сохранить твердое управление, нельзя допускать никакой полководческой расхлябанности, допускающей события стихийно плыть по течению. Что же касается младших начальников, то для них имеется устав; не надо с их стороны никаких изобретений на поле сражения, а надо в точности изучить тот шаблон наступления, который дает устав, надо достигнуть искусства автоматического применения его к любой местности; рассуждающий исполнитель едва ли даст необходимую при атаке энергию; надо каждый род войск спускать из походных колонн в боевой порядок, как собак со своры, и каждый будет знать, что ему делать, и нигде не будет никаких гибельных для успеха сомнений и колебаний. Все эти мысли высказываются Шерффом, конечно, с оговорками; но они глубоко и последовательно обоснованы, приведены в строгую и ясную систему; Шерф является типичным доктринером; его доктрина, в нескольких словах, – это ежовые рукавицы как важнейший атрибут

командования. Во многом здесь чувствуется протест против философского Мольтковского отношения к бою… Шерфф – комментатор Клаузевица в известном немецком издании военных классиков; замечания Шерффа очень глубоки, но по сути – враждебны учению Клаузевица; он ближе к Жомини. Многие французские авторы, несомненно, вдохновлялись трудами Шерффа в своей критике Мольтке и новейшей германской тактики; французская «доктрина» многим обязана Шерффу – вместе с последним она отрицает встречный бой.

Военное искусство делится для Шерффа на три ступени; низшая – умение владеть оружием в широком смысле этого слова, или элементарная тактика; это царство твердых правил и полного автоматизма; вторую ступень образует «учение о бое», как он называет прикладную тактику; здесь Шерфф дает уже не «твердые правила», а «определенные основы»; чтобы тактически выиграть бой, необходим известный простор, самостоятельность руководителя. Над «учением о бое», как третья ступень, высится «учение о сражении»; сражение, по Шерфу, – это тот же бой, но уже не только с тактическими последствиями, а с последствиями стратегического порядка. Любопытно, что оперативное искусство, стратегия понимается Шерффом как учение о сражении; в этом уже явно обнаруживается развитие доктрины Жомини. Для стратегии Шерфф уже отказывается, по крайней мере принципиально, и от определенных основ и склонен признать лишь «общие точки зрения».

Впрочем, в самой стратегии Шерфф различает три этажа: наверху – стратегия, как применение войны для достижения политической цели – мира. Это область деятельности ответственного политика и верховного главнокомандующего. Средний этаж стратегии – это применение на войне вооруженных сил и имеющихся в стране средств для достижения военно-политической цели обезоружения противника. И низший этаж стратегии, наиболее ограниченный, – это применение действующих вооруженных сил для чисто военной цели победы и завоевания. Последним главным образом и занят Шерф, а приведенная хитрая классификация, кажется, предназначена прежде всего как оружие отпора политикам в роде Бисмарка или гражданским историкам в роде Дельбрюка, которые пожелали бы установить непосредственный контакт с конкретным решением стратегических проблем.

Мы приводим очень яркую главу Шерффа «О вождении войск» из его труда «Учение о войне» [136] . Почти все писатели по стратегии избегают всего, что имело бы отдаленное сходство со схемой; дальше критики и анализа почти никто не идет.

Шерфф хотя и признает в оперативном искусстве только «общие точки зрения», однако вносит много порядка и определенности в понимание их. Если мы значительно ушли сейчас от толкования многих вопросов Шерффом, например, в определении местопребывания старшего начальника в бою [137] , то в методологическом отношении его система вопросов представляет крупный интерес. Читатели сами могут проверить добротность схемы Шерффа, поставив себя мысленно в положение вождя любой операции и попробовав проанализировать обстановку в предлагаемом Шерффом логическом порядке. И если некоторые, может быть, назовут схему Шерффа оперативной «хрией» [138] , то другие, более внимательные читатели, найдут в ней и полезные, поучительные мысли.

Много жестокой правды высказывал Шерфф увлекающимся представителям передовых течений в тактике и стратегии. Германские уставы держались, в общем, среднего фарватера между мыслями Шерффа и резко противоположными воззрениями Шлихтинга. Система, метод, ясность были на стороне Шерффа; понимание эволюции – на стороне Шлихтинга. Но в борьбе этих двух направлений консервативную критику Шерффа ни в коем случае нельзя упрекнуть в том, что она только задерживала развитие германской военной мысли; она отсеивала многие заблуждения, заставляла смутные новшества принимать чеканные формы, заставляла читателей и всю германскую армию отдавать себе ясный отчет, чем она жертвует из своего старого багажа, делая шаг вперед.

Изучение трудов Шерффа представляет и сейчас значительный интерес для каждого, желающего углубиться в понимание вопросов военного искусства. Мы лично обязаны изучением его трудов весьма многим, хотя в корне не разделяем его антиэволюционную точку зрения.

...

Редакция

Вильгельм фон Шерфф О ВОЖДЕНИИ ВОЙСК

1. Политика стремится средствами войны навязать свою волю противнику или же позволить нам уклониться от подобного насилия; сама же война преследует цель обезоружить противника.

Эти стремления пожирают у обеих сторон силы и размер приносимых жертв, естественно, находится в зависимости от стойкости политической воли; война в истории вовсе не всегда принимает крайние формы, в которых она, говоря отвлеченно, могла бы закончиться лишь с уничтожением военных средств одной из сторон.

Уже вследствие этого дипломатия оказывает влияние на войну как на средство политики не только при ее начале и конце, но также в течение всего ее хода, и, наоборот, государственный политик в свою очередь в периоды мира должен направлять все свое внимание на то, чтобы его переговоры не оказались в неблагоприятный для войны момент прерванными началом насильственных действий, которых уже затем нельзя удержать; и тем не менее из всех видов ведения войны – дипломатизирующий вид, безусловно, является наименее удачным [139] .

Верховное руководство войной при составлении плана войны должно еще считаться с политической целью войны, но верховное руководство вооруженными силами для достижения военной цели знает и признает в ведении войны, в своем плане кампании или «оперативном руководстве» только военные средства насилия, ограничиваемые до известной степени лишь нормами международного права.

Поэтому полководец, в лице которого воплощаются воедино руководство и войной и вооруженными силами, должен учитывать эти два отдельных логических момента; он может иметь политические основания не задаваться далекими целями, но он никогда не должен с недостаточными в военном отношении средствами преследовать поставленную цель.

2. Несмотря на то что конечной целью является сокрушение, отдельные военные операции тем не менее очень часто могут представлять различные ступени стремления к уничтожению; определить их может лишь соответственное командование, сообразуясь с данными задачами войны, данной военной целью и с разумной оценкой данной обстановки.

Поэтому каждый самостоятельный вождь на своем посту

всегда будет стремиться выяснить для ориентировки своей деятельности эти основания; в результате он должен отдать себе отчет в том, что он в данный момент хочет и что по положению вещей может, имеет право или должен осуществить.

3. Но так как результат каждого такого решения может найти свое выражение лишь в пространстве, то всякое применение живой силы может преследовать только одну цель: приобрести или удерживать за собой участок территории! Таковое стремление господствует в бою даже тогда, когда к столкновению, по-видимому, привели совершенно иные соображения (например, боевой пыл, военная честь, намерение обстрелять свои войска и тому подобное).

Эта конечная цель на войне остается решающей как при крупном, так и при мелком масштабе обстановки независимо от того, идет ли речь о захвате целых провинций или о том, чтобы небольшой части отстоять свое расположение; безразлично, будет ли это решительное сражение или стычка между разъездами.

4. Но эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если наши вооруженные силы в определенное время расположатся где-либо или куда-нибудь направятся, а соответственное решение вождя в этом отношении как при крупном, так и при мелком масштабе обстановки всегда будет определяться совершенно однородными размышлениями.

Относительное значение различных пунктов, кои входят в рассмотрение, их положение по отношению друг к другу и к пунктам, занятым или досягаемым для противника, и последствия, которые могут сложиться из принятого решения при столкновении с противником, создают эти постоянно вновь выдвигаемые вопросы.

Поскольку вообще в частном случае может идти речь о самостоятельном решении, постольку оно в первую очередь покоится на стратегической подкладке, из коей вытекает необходимое тактическое употребление сил, или же данные силы превращаются в исходный пункт этих стратегических размышлений; во втором случае часто и даже преимущественно (несмотря на высокие достоинства частных начальников) последние будут сводиться к вопросу об обеспеченном сообщении – т. е. об обеспечении отступления.

5. Если при разрешении вопросов крупного и величайшего масштаба выдающуюся роль играет лишь талант вождя и гений полководца, то в малых и мелких обстоятельствах дело сводится, может быть, лишь к здравому человеческому смыслу и природной остроте ума; но ответ на предстоящие вопросы всюду и всегда может исходить лишь из личной духовной работы вождя, который

на данном случае и должен показать, что он знает и понимает в военном деле.

6. Духовный процесс – прийти к какому-нибудь решению (взвесить) и затем осуществить его (дерзнуть), нисколько здесь не играют роли политические мотивы, и речь идет исключительно о целесообразном применении военных средств в данном случае – как показал опыт, может быть с пользой сведен для старших и младших начальников к систематическому ряду вопросов, по которому шаг за шагом развивается ход мысли.

Для опытного, обладающего высшими дарованиями вождя, любого чина, может быть, уже с первого взгляда на обстановку, в которой он находится (задачу!), до известной степени инстинктивно выдвигается целесообразное решение; такой метод представляет то преимущество, что он предохраняет от лишних создающихся колебаний и сомнений, которые, как известно, так легко приводят к уклонению от правильного пути.

Для менее опытного, медленно приходящего к решению вождя урегулированный в известной системе ход мысли представляет полезную опору, которая его обеспечит, по меньшей мере, от того, чтобы не прийти к вовсе неудачному образу действий.

И наконец, в таком систематическом исследовании обстановки каждый вождь найдет лучшее обеспечение от того, чтобы не упустить в данном вопросе ни одного важного фактора и быть уверенным в верном подходе к выполнению принятого решения.

Опыт нас учит, насколько именно в последнем отношении важно установить грань между распоряжениями, которые должны быть отданы немедленно, и теми, которые могут быть отданы в течение дальнейшего развития операции; при том потоке впечатлений, который обрушивается на ответственного вождя, такое резкое различие и по отношению к ходу мышления, и к подлежащим отдаче распоряжениям легко может быть упущено.

7. В частном случае данной военной обстановки общий вопрос – что должно произойти в представлении каждого вождя, ответственного за принятие самостоятельного решения в соответствии с обстановкой, сводится в военном отношении к ПЕРВОМУ ВОПРОСУ: данная обстановка требует, а следовательно, и обусловливает наступательный или оборонительный образ действий?

Этот вопрос всегда должен быть исследован (если только он уже не предрешен распоряжением свыше и вследствие этого часть последующих соображений не стала излишней) сначала со стратегической (оперативной) и только затем с тактической

стороны, так как в зависимости от обстоятельств стратегическое наступление может обусловить тактическую оборону, а стратегическая оборона – и тактическое наступление.

Далее возможно, что этот первый вопрос также должен вызвать обсуждение, не делают ли обстоятельства необходимым вначале прибегнуть к демонстративному образу действий.

8. Оперативное решение.

Наступать единственно отвечает естественной войне, цели которой другим способом не могут быть достигнуты. Поэтому, даже если политическая цель	Обороняться, по-видимому, находит себе оправдание лишь в таких положениях, в которых путем выжидания противника, т. е. оттяжки решения, могут быть достигнуты	Демонстрировать по своему существу может иметь значение лишь во второстепенных военных операциях, поскольку подобными диверсиями и демонст-

войны характеризуется как оборонительная, то тем не менее стратегическое наступление все же остается тем путем, к которому по меньшей мере надлежит стремиться всеми средствами и временное уклонение от которого могло бы быть оправдано лишь критическим моментом, вытекающим из несоразмерного неравенства сил (см. оборону).

Если это положение, безусловно, относится к решению верховного командования, то оно остается справедливым и во всех тех случаях, когда в частном случае на войне речь идет о том, чтобы путем стратегического наступления обеспечить за собой инициативу действия; это преимущество не следует упускать, поскольку еще сохраняется какая-либо надежда на успех, и поскольку такой образ действия не обрекает в жертву другие, более важные преимущества, которых иначе получить нельзя, или могут быть предотвращены невыгоды, которые в противном случае являлись бы неизбежными.

Такие случаи обычно имеют место при наличии несоразмерной разницы в силах (например, на одном из театров военных действий при велении войны на два фронта), когда со временем надо ожидать изменений в благоприятную сторону.

Или же они находят себе оправдание в преимуществах, даваемых местностью (например, неприступности), когда противник, по-видимому, также не слишком решителен, и военная цель которого, вероятно, не находится в соответствии с риском стратегического наступления, которое ему пришлось бы развивать в неблагоприятных условиях.

Так понимаемая стратегическая оборона может представлять только эпизод рациями должна с относительно незначительными силами преследоваться кажущимся стратегическим наступлением цель, которая сама по себе оправдывала бы и оборону, но одной обороной, по-видимому, не могла бы быть достигнута. Таким образом, наряду со стратегической демонстрацией на одном участке, на другом всегда неизбежно является задача стратегического [189] наступления или стратегической обороны.

Далее, стратегическая демонстрация как самостоятельный волевой акт является лишь там и до тех пор на месте, пока принятие окончательного заключения относительно решительных действий (наступательных или оборонительных) еще невозможно вследствие временного отсутствия положительных данных для определения своего положения по

интересы (см. оборону и демонстрации). В частном случае идея оперативного наступления венчается следующим началом: всегда идти «вперед в направлении на пушечные выстрелы», т. е. всегда искать живую силу неприятеля. Война может быть доведена до достижения последних целей только в том случае, если вся деятельность будет проникнута порывом к наступлению; но, с другой стороны, если такой натиск развивается не в надлежащее время и не в надлежащем месте, то все успехи могут оказаться под вопросом.	подлинного ведения войны, и она лишь постольку является обоснованной, поскольку основательна надежда этим путем своевременно смочь получить силы для наступления, при помощи ли имеющихся в виду подкреплений или позднее выступающих союзников. При известных обстоятельствах эта цель может быть достигнута лишь постепенным отступлением при постоянном использовании препятствий, имеющихся на пути неприятельского наступления. Когда же подобная надежда, по-видимому, вообще исключается, то акт отчаяния руководства, поставленного в столь неблагоприятную обстановку, часто опять таки явится достаточным обоснованием стратегического наступления.	отношению к общей обстановке. Наконец, стратегическая демонстрация является долгом частного начальника во всех случаях, когда последний находится в определенном отношении к высшей командной единице, своевременное появление которой ожидается в решительном месте; тогда частный начальник в интересах высших целей не должен, по крайней мере под собственную ответственность, односторонне ввязываться в операцию (например, пограничные операции до окончания сосредоточения[1] и т. д.).

...

1 Пример – вступление ген. Франсуа, командира I прусского корпуса, в решительный бой у Сталюпенена 17 августа 1914 г. вопреки воле командарма. – Прим. ред.

9. Каждое такое частное решение прежде всего выдвигает

стратегически ВТОРОЙ ВОПРОС относительно:

Объема наступления или того географического участка местности (в частности, отдельного пункта), без овладения которым наступательная задача не может считаться разрешенной, а цель достигнутой. Оперативно очень часто таким местным главным объектом должен рассматриваться тот пункт, где находятся главные неприятельские силы и, следовательно, где имеется надежда встретить их; при этом данный пункт приобретает тем более решающее значение, чем больше масштаб, в котором принимается решение. Но, по обстоятельствам, намерение добиться столкновения может быть достигнуто простой угрозой важному субъекту неприятельской обороны или путям, связывающим с ним противника; тем самым неприятельские силы будут притянуты к направлению нашего наступления. Наконец, в определенный момент, извест-	Субъекта обороны или того географического пункта, обладание которым гарантирует, по-видимому, достижение намерений обороны, а следовательно, утрата которого должна рассматриваться как решительная потеря, поскольку вместе с ним должна была бы быть оставлена надежда достигнуть тех целей, ради которых вообще стали на путь стратегической обороны (первый вопрос). В тех случаях, когда с первого же взгляда не усматриваются другие признаки главного субъекта обороны (например, своя столица), лучшее заключение часто можно получить, перенесясь мыслью на неприятельскую сторону; последнее будет особенно уместно в тех случаях, когда намерения обороны распространяются	Выигрыша времени, который в интересах высших целей может или должен быть достигнут путем демонстративного образа действий; соответственно с этим, последний должен будет проявиться как активный (наступательный), прикрывающий (выжидательный, оборонительный) или уклоняющийся (увлекающий за собой). Во всех этих случаях никогда нельзя позволить увлечь себя против собственной воли в решительные тактические действия, так как решение по условиям обстановки не может быть в дальнейшем нами использовано, и поэтому идти на кризис означало бы подвергать себя бесцельному риску. Но так как при активной демонстрации отдаваемые

ный географический пункт может даже сам по себе явиться объектом наступления, так как овладение им для дальнейших движений (например, теснина) или по другим причинам[1] является необходимым, а преодоление противника при достижении данного пункта представляется побочным делом, избежать которого желательно. В частном случае, при определении объекта наступления (а также при определении цели усилий лишь ближайшего дня) вопрос будет заключаться в том, находится ли овладение им по своему значению в правильном соотношении к затрачиваемым на него силам и времени; ни при каких обстоятельствах эта цель не может избираться долее, чем предстоит столкновение с противником[2].	на целый ряд подлежащих защите пунктов; относительное стратегическое значение которых для неприятельского наступления надлежит взвесить. В частном случае явится необходимость поставить вопрос: овладение противником одним из таких субъектов (и именно каким?) может ли получить такое значение, которое оправдывало бы риск вступления в бой за него, а следовательно, и обусловило необходимость боя, несмотря на отсутствие наиболее действительной предпосылки победы — численного превосходства? (См. первый вопрос.)	распоряжения в существенных чертах имеют наступательный характер, а в обоих других случаях — оборонительный и отличаются от них лишь осторожным использованием сил, то в дальнейшем командование должно задаваться теми же вопросами, как и в обеих решительных формах ведения операций.

...

1 Захват Льежа в августе 1914 г. был важен для немцев, так как выступ голландской границы образовал на Маасе дефиле, затруднявшее вторжение крупных сил в Бельгию; поражение же части бельгийских войск при этом до окончания мобилизации германских армий являлось побочным делом, которое желательно было бы

избежать. Требования стратегии измора часто будут выдвигать географические пункты как объекты наступления вследствие решающего значения в этом случае экономических мотивов. – Прим. ред.

2 Едва ли можно согласиться с такой резкой формулировкой. – Прим. ред.

10. Существенное влияние на выбор объекта наступления и субъекта обороны и, соответственно, на демонстративный образ действия оказывает ТРЕТИЙ ВОПРОС

относительно ведущей к нему из нашего расположения	относительно ведущей к нему с неприятельской стороны сети дорог,

а следовательно, и относительно лежащих на пути географических препятствий и топографических рубежей с их узлами дорог и пунктами переправ.

Для необходимого при наступлении продвижения краткость и проходимость этих путей имеет столь же крупное значение, как и возможность развертывания сил по сторонам в зависимости от характера пересекаемой ими местности.	Ввиду стремления обороны удержаться, условия дорожной сети имеют значение как в отношении опасностей, угрожающих обороне, так и в отношении возможности почерпнуть в них прирост сил.

Имеющаяся сеть дорог как при наступлении, так и при обороне (в последнем случае – с продолжением дорожной сети в тыл) получает решающее значение в отношении обеспеченности отступления, если таковое будет иметь место.
11. Соответственное изучение этих условий посредством циркуля по карте является решающим для ответа на ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС

необходимо ли вести наступление фронтально, с обходом одного или обоих флангов?	необходимо ли вести оборону непосредственно или косвенно?

Решение обусловливается по меньшей мере общими представлениями (хотя бы по агентурным источникам) о местонахождении противника, с которым соответственное

решение всегда находится во взаимодействии.

Кратчайший путь — прямо на объект — при всех обстоятельствах остается наиболее естественным; его никогда не следует совершенно упускать из виду, даже в случаях намеченного обхода или охвата (см. пятый вопрос).

Прибегать к обходу одного фланга, который к тому же может быть успешным, только когда вы твердо уверены, что противник находится на прямой дороге перед объектом наступления, и можете рассчитывать, что он там достаточно долго (волей или неволей — см. пятый вопрос) задержится, допустимо лишь в тех случаях, когда местность представляет существенные трудности, замедляющие прямое продвижение.

При этом вопрос об обеспечении собственного отступления будет решающим при выборе подлежащего обходу фланга; возможность угрозы неприятельскому отступлению во всяком случае будет учитываться лишь постольку, поскольку уже удовлетворено первое условие, т. е. обеспечение собственного отступления (что может быть разрешено и наличием у нас тактического превосходства).

Двойной стратегический обход в целях охвата (окружения. — *Ред.*) базируется на тех же предпосылках относительно противника, как и простой; единственно обоснованным он, по-видимому, является лишь при значительном

Когда неприятельское наступление ограничено одним путем, то непосредственное фронтальное противопоставление обороны, по-видимому, является наиболее естественным средством прикрытия.

В зависимости от данных местности, оборона может иметь место:

1) впереди субъекта обороны (м е ж д у ним и противником);

2) у самого субъекта (крепостного типа);

3) на досягаемом для оружия расстоянии позади объекта (см. шестой вопрос).

В тех же случаях, когда имеется несколько путей, ведущих к одному субъекту, или надлежит прикрывать несколько субъектов, создается опасность, что стремление непосредственно преградить все пути приведет к раздроблению сил, избежать которое более слабая сторона вдвойне обязана.

Напротив, непосредственное прикрытие, т. е. занятие фланговой позиции, которая бы контругрожала неприятельскому обходу или охвату, имеет лучшие шансы на успех лишь при условии, что или нам удастся привлечь на себя обходящего противника или создастся [193] возможность самим перейти в наступление из фланговой позиции против обходящего неприятеля.

численном (тактическом) превосходстве, потому что как простой, так и двойной стратегический обходы имеют ценность лишь постольку, поскольку они могут быть выдержаны дальше тактически.	

12. Таким образом, размышления относительно образа действия

при наступательных движениях приводят к	при обороне отчасти приводят опять ко второму вопросу, а отчасти к

ПЯТОМУ ВОПРОСУ

относительно целесообразной группировки в пространстве имеющихся сил.

Все размышления по четырем первым вопросам в частном случае исходят из фактически имеющейся в определенный момент группировки находящихся в распоряжении войск.

В общем, возможно, тесное сосредоточение этих сил всегда будет являться весьма желательным, и поэтому разделение на группы является допустимым лишь постольку, поскольку это в известных пределах неукоснительно обусловливается соображениями о подвижности и довольствии.

Для каждого разделения сил, выходящего за данный предел (и лишь тем самым превращающегося в «оперативное»), например вызываемого географическими условиями, надо держаться принципа, что оно допустимо лишь постольку, поскольку с ним не связано никакого ослабления на решительном тактическом пункте.

Это условие будет выполнено лишь тогда, если отдельные группы своевременно смогут вновь соединиться – или до, или к самому тактическому решению, или же если слабейшая (выделенная) группа может рассчитывать достаточно долго удерживать в отдалении от решительного пункта неприятельские части, более сильные, чем она сама.

Отсюда вытекает:

Что при наступлении этим оправдывающим разделение условиям отвечает и тот случай, если выделение слабейшей группы обещает нашим главным силам следующее: или фронтально удерживать значительные неприятельские силы, пока наши главные силы не атакуют во фланг (а может быть, и с двух сторон) расположение противника, или что эта наша группа обходом со своей стороны неприятельских главных сил вызовет такое ослабление их фронта, что наши главные силы приобретут на фронте превосходство по отношению к оставшимся на позиции частям обороняющегося.	Что при обороне для того, чтобы отвечать этим оправдывающим разделение условиям, достаточно того, чтобы имеющиеся главные силы имели основание ожидать от слабейшей выделенной группы, что ей удастся удержаться на позиции против атакующего до тех пор, пока главные силы: или смогут обратиться против фланга сосредоточившегося, атакующего или посредством контрудара решительно покончить с отдельными неприятельскими отрядами.

Если же задачу, поставленную выделенной группе или главным силам, не удастся разрешить, то как при наступлении, так и при обороне подобное разделение сил не только ничего не даст, но в большинстве случаев даже приведет к потере того, что без разделения, может быть, было бы еще достижимо [140] ; другими словами: более значительные, а также дающиеся более легко результаты, к которым стремятся путем разделения сил и которые при удаче могут быть достигнуты, находятся в прямо пропорциональном отношении со связанным с ним большим риском в случае неудачи.

Это явление приобретает тем большее значение, чем решительнее подобное разделение сил ставит верховного вождя в зависимость от частных начальников (ставших самостоятельными), и тем самым единство воли ставится в зависимость от согласованности нескольких.

Отсюда следует, что оперативное (стратегическое) разделение сил является применимым лишь при наличии совершенно особых, ясно усмотренных и не подверженных быстрым изменениям условий, а поэтому к нему лучше не надлежит стремиться; оно должно применяться лишь тогда, когда обстановка делает его неизбежным; надо стремиться лишь использовать наилучшим образом данное положение [141] .

С другой стороны нельзя упускать из виду, что поскольку

обход всеми сосредоточенными силами	сосредоточение всех сил обороны на фланговой позиции

выгадает в отношении безопасности, постольку же, можно предвидеть, он утратит шансы на успех, так как предпосылка – иметь возможность тактическим ударом побороть противника в невыгодном для него стратегическом положении – едва ли может быть осуществлена там, где одновременно не выступает на сцену и фронтальное воздействие.

Таким образом, этот пятый вопрос поистине образует центральное звено всех размышлений и дерзновений на войне и часто оказывает решительное возвратное воздействие на ответ относительно самой постановки цели операции по второму вопросу.

На пятый вопрос ответ также может быть дан лишь при помощи циркуля и карты, так как время, необходимое для того, чтобы силы проявили свое воздействие в определенном месте, поддается исчислению лишь в зависимости от данной сети дорог и данной группировки сил.

13. Предположив, что решение относительно первых пяти вопросов уже принято; при проведении их в жизнь командование сталкивается с ШЕСТЫМ ВОПРОСОМ

относительно особой цели марша, которую надлежит иметь в виду на ближайшее время и которая отнюдь не обязательно совпадает с объектом наступления.

Само собою разумеется, что цель марша никогда не может быть избрана далее, чем до противника; поэтому часто придется ограничиваться указанием войскам общего направления марша (т. е. на N), с тем, что дальнейшие распоряжения последуют не ранее столкновения с противником, или маршу будет дано другое направление по достижении определенного пункта.

Для повышения боевой готовности может оказаться полезным разделить одну колонну на две параллельные колонны, направленные на ту же цель, чтобы этим путем, может быть, ускорить общее развертывание.

Когда при большом или величайшем масштабе решения целью марша является соединение отдельных колонн на самом поле сражения, то основы определения цели марша должны покоиться на точнейшем вычислении времени; необходимо также тщательнейшим образом следить за поддержанием между отдельными колоннами беспрерывной связи.

относительно предстоящего теперь занять расположения, которое, в зависимости от обстоятельства, может потребовать дополнительных передвижений вперед или назад.

Решающее значение при этом выборе прежде всего имеют географические условия, поскольку они или исключают возможность минования противником избранного фронта, или в такой степени усиливают отрицательные стороны подобного образа действия, что для противника они будут перевешивать риск, связанный с непосредственной атакой.

Тактическая точка зрения при этом сводится к такому выбору позиции, чтобы ее топографические и местные преимущества (местная сила) были в состоянии по возможности уравновесить численную слабость, являющуюся основным оправданием решения обороняться (см. четвертый вопрос).

Эта точка зрения естественно ведет к выбору подходящего рубежа для позиции, испытанный в отношении местности глазомер особенно будет ценен, чтобы надлежащим образом учесть противоречивые требования местных достоинств позиции и того удаления (не слишком близкого и не слишком далекого), на которое она может быть выдвинута без опасности для защищаемого главного субъекта.

14. Принятое решение является решающим для СЕДЬМОГО ВОПРОСА

относительно распорядка марша.

От тактической обстановки, в общих чертах известной из стратегической разведки, будет зависеть, следует ли организовать марш отдельной колонны как обыкновенное походное движение с мерами охранения, или же является возможным и даже необходимым выделить особый авангард с самостоятельным боевым заданием.

При группировке войск для марша (порядок марша) необходимо озаботиться о том, чтобы имелась соответственная поддержка из глубины войсками той же части и было возможно их быстрое использование.

Вопросы относительно времени выступления, подразделения колонны на эшелоны, обозов и т. д. разрешаются в соответствии с теорией походных движений, не упуская из виду намеченную цель.

относительно предоставления войскам необходимого расквартирования.

Изготовляясь в расположении, занятом позади намеченного боевого фронта, лучше всего держать войска обороны сосредоточенно; при действиях крупного масштаба — лишь постольку подразделять их на группы, поскольку это необходимо для их быстрого перехода на позиции.

Вопрос о способе расквартирования разрешается в зависимости от обстановки, также разрешается и вопрос относительно необходимых мер охранения, которые, при наличии изготовительного расположения, часто могут вылиться в форму предварительного слабого занятия самой позиции.

Походные движения на избранный фронт регулируются общими нормами, совершаются в необходимых случаях под прикрытием ариергарда, который должен обеспечить войскам необходимое время для достижения позиции. Занятие позиции лучше всего достигается направлением непосредственно на ее фронт отдельных групп.

15. Придя к определенным заключениям по этим первым семи вопросам, командование подходит к ВОСЬМОМУ ВОПРОСУ относительно первого исполнительного приказа.

Ни при действиях в большом, ни при действиях в малом масштабе приказ не может и не должен в существенных чертах противоречить заключениям, принятым по вышерассмотренным пунктам, хотя бы иногда в круг прежних соображений приходилось вносить другие обстоятельства более случайного и второстепенного характера, или если бы решение по отдельным приведенным выше вопросам было принято без надлежащего их исследования.

Если результат этих заключений должен быть дан войскам

как приказ, в прямом смысле этого слова, то его предпочтительнее облечь в более или менее твердую форму.

При любом (большом и малом) масштабе, в котором отдаются распоряжения, такой приказ, начинаясь с указания места, дня и часа его отдачи и заканчиваясь подписью фамилии отдающего его начальника, должен сопровождаться введением с краткой, но связной ориентировкой относительно нашего положения (а если надо, то и соседей) и относительно того, что определенно известно о противнике. В приказе столь же кратко и определенно должно быть сказано о наших ближайших намерениях, при этом вовсе не представляется необходимым распространяться относительно намерений высших инстанций больше, чем это строго необходимо для указания ближайших целей [142] .

Точно так же не должны допускаться никакая мотивировка и никакие соображения о возможных случайностях; на усмотрение частных начальников не должны передаваться распоряжения по тем вопросам, за которые, по обстановке, ответственность должен нести сам издающий приказ, и наоборот, в приказе не должно быть ничего того, что само собой разумеется, или того, что может стеснить самостоятельность подчиненного начальника.

За этим введением к приказу следует, лучше всего последовательно занумерованное по пунктам: распределение задач между относительно самостоятельными группами – в зависимости от деления на эшелоны, колонны и командные единицы, а может быть, и по родам войск, в нужных случаях – с подчеркиванием их особой роли в общей работе.

В дополнение к общему *Ordre de Bataille* [143] в основу каждого приказа ложится принятая для частного случая группировка войск или, по обстоятельствам, «порядок марша».

Далее отдельными пунктами, под особыми нумерами или непосредственно за задачей каждой группы в отдельности следуют дальнейшие распоряжения относительно обозов, полицейских мероприятий, если надо – то продовольствия, связи и т. д.

В каждом приказе обязательно должно иметься указание, где будет находиться высший начальник.

Способ сообщения этих распоряжений (устный, письменный, кому и как?) различным должностным лицам, коих они касаются, подлежит тщательному рассмотрению (об этом полезны письменные указания на оригинале проекта приказа). Чем крупнее масштаб командования, тем все эти распоряжения должны получать более общий характер; поэтому обычно их подразделяют на директивы (по армиям), диспозиции (по

корпусам, а если нужно, и по дивизиям), ежедневные приказы (по дивизиям, бригадам, отрядам и т. д.); по крайней мере два первых вида распоряжений, а также самостоятельные приказы по дивизиям и отрядам, надо стремиться последовательно (в порядке времени отдачи) нумеровать.

16. «Оперативный приказ» (и, соответственно, приказ для походного движения и занятия позиции) сперва доводит войска, на которые он распространяется (большей частью даже при управлении в малом масштабе), лишь до столкновения с противником, отыскать или выждать которого является «стратегической задачей» данной единицы.

С момента фактического (будь то лишь передовые части) установления соприкосновения обоих противников в определенный момент и в определенном пункте перед самостоятельными начальниками этой единицы (походной колонны или занимающих позицию войск) встает преимущественно тактический ДЕВЯТЫЙ ВОПРОС относительно того, надлежит ли бой принять или отклонить.

В тех случаях, когда оперативным приказом высшей инстанции указывалось на разделение подчиненной ей единицы (как бы мала она ни была) на группы, имеющие отдельные местные цели, то во всех тех пунктах (на путях или позициях), где не присутствует высший начальник, ответ на этот вопрос падает на соответственного частного начальника (походной колонны или занимающих позиции войск), который в своем решении прежде всего должен учитывать обстановку в соседних частях.

Если, как это бывает в большинстве случаев (или по крайней мере должно быть), на основании предварительного достаточного выяснения всех важных для данного случая условий, в оперативном приказе отдано распоряжение о продвижении вперед или занятии позиции, с учетом планомерного вступления в наступательный или оборонительный бой с противником, расположенным в определенном месте (или в определенном направлении) или ожидаемым по определенному направлению: то уклонение от боя со стороны данного самостоятельного частного начальника может иметь оправдание лишь при условии, что предпосылки, лежавшие в основе отданного высшей инстанцией оперативного приказа, оказались очевидно ошибочными или настолько изменились, что при повторном исследовании семи первых вопросов, при правильно осознанной обстановке эти изменения побудили бы теперь и высшее командование иначе скомпановать свое решение.

Тогда, безусловно, правом и долгом этих самостоятельных «частных начальников», уже на собственную их ответственность,

является замена прежнего «оперативного приказа» для своей части новым, который, в зависимости от обстановки, в большинстве случаев будет сводиться к распоряжениям для добровольного отступления; в основе заключений частного начальника на первом плане опять-таки должен находиться «учет обстановки у соседей».

Однако если подобное решение созреет хотя бы после вступления в начальную стадию боя, то все же надлежит не упускать из вида, что оно является выполнимым лишь до момента, пока главные силы обеих сторон не сблизились на вызывающую решение дистанцию; поэтому, если решение не могло быть своевременно принято, то является более выгодным все же возможно скорей привести бой к известному концу, чем путем запоздавшего отступления подвергать себя серьезным опасностям.

17 [144] . Если (как для высшего, так и для самостоятельного частного начальника) нет веских оснований избегать боя, то фактический переход от операции к действию выдвигает новый ДЕСЯТЫЙ ВОПРОС: следует ли бой тактически теперь вести чисто наступательно, активно-оборонительно или чисто оборонительно.

Если столкновение с противником создалось из оперативного наступления соответственной войсковой единицы, и в особенности если оно последовало более или менее неожиданно, то ответ на этот вопрос требует более серьезного взвешивания; он получается сам собой при заранее намеченной оперативной обороне.

Что касается решения о характере, который надлежит придать намечаемому проведению боя, то очень часто оно может быть окончательно принято лишь сообразно с результатами ближайшего ознакомления с условиями уже начавшегося вступительного боя; последний же, по своим задачам, вообще должен вестись в демонстративной форме.

Боевые действия в таком задерживающемся темпе, как известно, должны всегда иметь место для части сил и при «бое с планомерным нанесением флангового удара» [145] ; подобный демонстративный характер должен неизбежно являться основным тоном каждого вступления в бой передовых частей или авангарда.

Поэтому «демонстративное» проведение боя для «частных начальников» этих частей является всегда определенным заданием высшей инстанции, а не свободным самостоятельным решением.

Так называемый «встречный бой» также не представляет в этом отношении никакого исключения, хотя многие, возможно, будут склонны сделать заключение, что в наше время подобного

рода «встреча» – ни в какие времена не представлявшая необыкновенного явления – во многих отношениях должна рассматриваться как особая категория «боя», ведение которого подчиняется особым законам.

Напротив, мы здесь подчеркиваем ту точку зрения, что и «неожиданное столкновение» с противником ни в коем случае не освобождает высшего начальника развертываемых для боя войск от его постоянного долга – давать ясные и определенные организацию и руководство боем; во встречном бою высший начальник не может передавать частным начальникам полномочия, которыми последние не располагают в «планомерном бою».

Общие положения для начальников авангарда и передовых частей распространяются и на неожиданные столкновения; если выполнение их задач в последнем случае, может быть, и является более трудным, чем при заранее предусмотренных («планомерных») условиях, то это лишь служит основанием к особому подбору этих начальников; но отсюда никогда и ни при каких условиях не следует, чтобы можно было передавать на свободное усмотрение начальнику авангарда (передовых частей) право и обязанность высшего начальника определять основы проведения боя; ведь вместе с тем на усмотрение частному начальнику одновременно перешло бы и решение вопроса – «принять бой или уклониться от него».

18. Как решение о вступлении в бой, так и решение, касающееся того вида, который надлежит придать бою, в который мы захотим вступить, должны быть уже потому изъяты из инициативы частных начальников и оставаться исключительно в руках самостоятельного высшего начальника, что принятие решения здесь прежде всего находится в зависимости от стратегической обстановки, которую не охватывают частные начальники, и часто требует учета обстоятельств в соседних частях, о которых частный начальник (например, начальник авангарда) одной из частей никак не может быть осведомлен в такой же мере, как высший начальник.

Исходя из этой точки зрения, начальник, призванный самостоятельно ответить на ДЕСЯТЫЙ ВОПРОС,

предпочтительно прибегнет к чистому наступлению, если только не имеется веских оснований, которые можно было бы противопоставить этому решению, каковые (независимо от стратегической обстановки) сводятся по существу лишь: к несоразмерному численному превосходству противника или непреодолимым местным препятствиям занятой им позиции, или, наконец, если противник уже упредил нас своей атакой.	по крайней мере, обратится к активно-оборонительному образу действий, когда временно условия не позволяют прибегнуть к чистому наступлению, так как еще не хватает сил для проведения чисто наступательного боя, или если исключительные местные преимущества обещают способствовать подобному образу действия, и, наконец, если захваченная неприятелем инициатива открывает нам возможность действовать активно лишь в форме контрудара.	лишь тогда пойдет на пассивную оборону, если по обстановке вообще все дело сводится лишь к определенно ограниченному выигрышу времени в определенном пункте, необходимому для осуществления других решительных (например, оперативного отступления или нанесения активного контрудара) задач, или если мы вообще не имеем в наличии или уже утратили силы, необходимые для преследования положительных боевых целей, и не усматривается возможности оперативным путем создать более выгодные предпосылки.

19. Решившись на тот или иной образ проведения боя, высший начальник становится перед ОДИННАДЦАТЫМ ВОПРОСОМ относительно того, как он, путем определенной организации боя, может свое решение изъявить в жизни.

Если такая формулировка намерений своей воли упущена или встретила препятствия (вызванные порой ошибочным образом действий одного из частных начальников, например, начальника авангарда), то, как показывает опыт, «войска вступят в бой по собственной инициативе», которая в большинстве случаев безнадежно предает «планомерное» проведение боя в руки случая.

Таким образом, как позднейший момент для распорядка организации боя надо рассматривать вступительную его стадию, которую сам высший начальник, возможно, использует для личной ориентировки (которую никогда не следует упускать) в играющих в данном случае роль условиях (особенно местности).

Под прикрытием этого вступительного боя и в соответствии с его данными, самое позднее в этот промежуток времени также последует расхождение боевых групп, т. е. переход (из

расположения походного или на отдыхе) к изготовительному расположению в резервных порядках, по возможности на тех самых участках, где в дальнейшем они непосредственно могут перейти к «развертыванию».

Во всяком случае, упущение или замедление такого своевременного расхождения приведет лишь к раздробленному вступлению частей в бой.

Неизбежной предпосылкой четкой организации боя являются возможность и способность представить себе определенную картину того хода событий, который, в соответствии с принятым планом, должны и могут получить боевые действия.

Именно эта организация и делает бой «планомерным», т. е. является помехой «произвольному» его развитию; очевидно, что подобный план заранее уже должен быть составлен в мозгу высшего начальника, так как без такой общей картины он мог бы действовать лишь «непланомерно», по импульсу мгновения».

Чем отчетливее и определеннее с самого начала обрисуется эта «картина» (в первом наброске), тем более легким явится потребное дальнейшее руководство боем, так как моменты выступления руководства в пространстве и времени всегда, хотя бы в пределах определенных границ, могут быть предусмотрены.

В противоположность «неподдающемуся расчету» течению чисто фронтального (линейного) боя, как известно, лишь бой с планомерным нанесением флангового удара представляет возможность такого «предварительного учета» своего развития; в конце концов, отсюда вытекает, что постоянным стремлением всякой целесообразной «организации боя» всегда должна быть придача «намеченному развитию боя» формы нанесения «флангового удара»; следовательно, по мере возможности и «ведение» боя должно стремиться немедленно переходить в эту форму.

20. Такое стремление может найти отчетливое выражение лишь в ясном, определенном приказе, посредством которого планированная организация боя указуется в виде определенных боевых заданий определенным группам боевой части, независимо от того, какова в частном случае абсолютная сила этих групп.

Опыт показывает, что даже в тех случаях, когда высший начальник при столкновении с противником лично составил себе более или менее определенную картину намеченного хода боя, тем не менее часто упускается из виду сообщение этого представления войскам в виде отчетливого боевого приказа, являющегося дополнением отданного ранее оперативного приказа.

Да! Такие примеры повторяются столь часто, даже при

управлении в большом масштабе, что, базируясь на них, в последнее время полагали даже возможным создать определенную теорию, которая не только полагает, что оперативный приказ при столкновении с противником «делает излишним» «боевой приказ» («диспозицию для боя»), но просто требует от «оперативных распоряжений», чтобы из них «непосредственно само собой вытекал и целесообразный тактический образ действий».

После всего сказанного выше, едва ли является нужным теперь еще раз ближе входить в рассмотрение опасных последствий подобного понимания; тем не менее необходимо четко указать, что для боя недостаточно лишь «иметь план», а надо еще и «привести его в исполнение», для чего должно использовать соответственные средства.

Но во всех случаях единственным средством на войне для изъявления воли является – приказ.

Что касается внешнего облика такого совершенно необходимого «боевого приказа», то в этом отношении нам достаточно сослаться на сказанное выше относительно составления «оперативного приказа» (см. восьмой вопрос).

Основные положения, которыми надлежит руководствоваться во внутреннем содержании приказа, детально рассматриваются в учении о бое.

Руководствуясь фактическими «условиями сил, пространства и времени», применение основ тактики в частном случае – кроме предшествовавших ранее особых указаний для вступления в начальную стадию боя, прежде всего всегда будет сводиться к выделению резерва из общей совокупности наличных войск.
Поскольку и в дальнейшем постоянным стремлением управления боем должна быть придача ведению его вида флангового удара, боевой приказ должен дать четкое выражение группировке главных сил, в зависимости от выбранной основной формы:

Демонстративного крыла и решающего крыла.

При чисто наступательном образе действий до момента вступления в решительный бой решающего крыла на демонстративное крыло выпадает трудная роль – воспрепятствовать противнику принять соответственные контрмеры против угрожающей опасности.

Поэтому задачей высшего начальника является до этого момента – самому наблюдать за боем демонстративного крыла, чтобы последнее не протянулось преждевременно далее намеченных пределов, но, с другой стороны, чтобы оно, в случае необходимости усиленное резервом, в свою очередь своевременно решительно атаковало, если противник настолько ослабит перед ним свой фронт, что теперь успех наступления потребует переменить роли между крыльями.

Оборонительного крыла и наступательного крыла.

При активно-оборонительном образе действий главное затруднение командования заключается в том, что момент для решительного удара наступательного крыла выясняется лишь из развития боя на оборонительном крыле; только из последнего можно разрешить вопрос о наиболее целесообразном направлении, которое надлежит дать этому контрудару.

Эти обстоятельства при всех условиях требуют личного присутствия высшего начальника на оборонительном крыле; за последним, по крайней мере в начале боя, обычно надлежит располагать и главный резерв.

Только если руководящее боем лицо само будет следить, как назревают события, оно окажется в состоянии своевременно принять подготовительные меры, чтобы энергично использовать благо-

Сообразно с этой задачей преднамеренного боя с нанесением флангового удара место старшего начальника будет на демонстративном крыле, и за этим же крылом, нормально, надлежит держать и резерв.

Но с вступлением в дело решающего крыла центр тяжести руководства боем все больше перекладывается к этому крылу, что обычно требует там личного присутствия высшего начальника; последний по мере продвижения вперед решающего крыла также должен будет постепенно придвигать резервы к стыку обоих крыльев.

Демонстративное крыло, продвигаясь в связи с успехами решающего крыла, будет придавать своей деятельности все более ясно выраженный решающий характер, и наконец в свою очередь также перейдет к введению в дело, без оглядки своих последних сил.

Задачей последнего резерва может явиться дать демонстративному крылу необходимые силы для такого перехода в решительное наступление или же, следуя за внешним флангом решающего крыла, обеспечивать последнее от опасности неприятельского контудара (могущего получить вид контр-охвата).

приятный момент для контрудара, который, как учит нас опыт, всегда очень короток.

В зависимости от обстоятельств, руководитель боя или направит контрудар наступательного крыла в самый момент неприятельской атаки в фланг штурмующих войск, или же путем усиления оборонительного крыла из резерва сумеет использовать момент неприятельской атаки или непосредственно следующие за ее удачей минуты для фронтальной контратаки.

Когда удастся планомерно провести переход в наступление путем вступления в бой наступательного крыла, на высшего начальника выпадает забота о том, чтобы оборонительное крыло по мере успехов на другом крыле примкнуло к этому обороту и резерв был своевременно продвинут туда, где он может наиболее действительно содействовать достижению желанного решения.

Однако, надо считать твердо установленным, что многосторонние требования, неизбежно предъявляемые высшему боевому руководству при активно-оборонительном образе действия, делают его менее предпочтительным видом боя.

21. Как в «первоначально планируемой организации боя», так и в «последовательном руководстве боем» всегда содержится постановка заданий для определенных групп: с приступом отдельной группы к выполнению поставленной ей задачи для нее происходит переход от тактической деятельности к непосредственно тактическо-боевой работе.

Даже при бое в малом масштабе (например, в сторожевом охранении, когда всего один взвод, разбившись на отдельные группы, направляется против неприятельского фронта и фланга), все дальнейшие соображения и распоряжения теперь попадают в

сферу самостоятельной деятельности начальника отдельной группы (в широком смысле этого слова), который вследствие этого оказывается перед ДВЕНАДЦАТЫМ ВОПРОСОМ относительно уставного развертывания подчиненной ему единицы для осуществления поставленной ей особой задачи.

Здесь весь центр тяжести внимания должен быть обращен на то, чтобы такое «развертывание» не было упущено до вступления в полосу действительного огня.

Опыт свидетельствует, что как при наступлении, так и при обороне часто не удается построить целесообразного боевого порядка из-за реального или мнимого недостатка времени; отсюда вытекает чрезвычайная важность решения по двенадцатому вопросу, выпадающего на ответственность самостоятельного частного начальника: правильное определение момента для перехода от «неготового к бою состояния» к необходимому «боевому порядку;» внешняя форма последнего может служить предметом особых размышлений лишь в исключительных случаях.

И при обороне, но в особенности при развертывании для контрудара при активной обороне или при введении в бой резерва при наступлении и обороне, скорость перехода из «резервного» или может быть даже «походного порядка» к соответственному боевому порядку часто будет иметь решающее значение для успеха – особенно если принять во внимание силу современного огня.

Это в особенности относится к тем случаям развертывания, которые протекают не на основном фронте, под прикрытием, а в обстановке (например, для нанесения флангового удара или прикрытия фланга) движения вперед, а иногда и совпадают по времени с переменой фронта; промедление хотя бы на несколько минут может поставить их успех под вопрос.

Когда «отдельная группа» образуется, как это обычно бывает при крупном масштабе боя, из различных родов войск, или когда отдельные части, входящие в группу, могут собраться для объединенной совместной работы против данного боевого объекта лишь из различных исходных пунктов, тогда, сверх большого искусства войск в маневрировании, развертывание еще требует быстрого и верного глазомера старшего начальника; последний в таких случаях ответственен за выбор основной формы «общего развертывания».

Но в развернутой боевой группе само проведение боя падает уже исключительно на вышколенных на учебном плацу и на местности младших начальников, самодеятельность которых, целесообразно ограниченная уставными нормами, на низшей

инстанции командования – при вождении взвода – должна проявиться в целесообразном использовании и руководстве огнем.

22. Исход первого акта боя, состоящего из чередования ударов и оборонительных действий, ставит руководителя боя перед обусловливающим его дальнейшее управление боем ТРИНАДЦАТЫМ ВОПРОСОМ относительно того, продолжать или прервать бой.

Минуты, следующие непосредственно за разрешением боевого столкновения на каком-либо участке (имевшим место планомерно или случайно), являются, как показывает опыт, таким моментом, когда в частном случае очень часто утрачивается различие между «управлением боем» и «проведением боевых действий».

При этом «руководство боевыми действиями» часто оказывается перед необходимостью принимать самостоятельные боевые решения; «управление боем» чаще всего находит здесь повод для решений, вторгающихся в непосредственную сферу боевых действий.

Поэтому в такие моменты высший руководитель боя должен энергично стремиться к тому, чтобы возможно раньше ответить на тринадцатый вопрос, т. е. прежде чем его в этом опередит младшее командование.

Свободный выбор решения теперь естественно принадлежит лишь «командованию» (будь то высшему или низшему) той стороны, в пользу которой завершилось столкновение.

В такой обстановке могут появиться основания, чтобы:

при успешном наступлении удовлетвориться достигнутым и начать устраиваться на захваченном рубеже или же отойти;

при успешной обороне – или подготовиться к отражению нового нападения или же после разрешения задачи (например, после успешного контрудара) использовать приобретенную свободу действия для отхода.

Только такой перерыв боя, как известно, по своей природе всегда стремящегося к крайнему развитию, требует вмешательства воли свыше; однако проявления таковой, по обстоятельствам, можно ожидать и от «подготовленного в отношении тактики боя» руководителя боевых действий (занимающего штаб-офицерскую должность).

Но вопрос о продолжении боя – будь то в виде «распределения новых задач» с целью присоединить к первому удачному этапу боя такой же второй или в виде «введения в дело новых сил», особенно чтобы посредством их оспорить понесенную неудачу, всегда должен безусловно решать только высший в бою

начальник, повторяя при этом исследование по девятому, десятому и одиннадцатому вопросам.

23. Но когда, в результате, вследствие физического разгрома последних сил или коренного изменения оценки обстановки одной из сторон, бой дошел до своего окончательного завершения, то перед командованием как победившей, так и побежденной стороны вырастает ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВОПРОС относительно распоряжений, которые надлежит отдать для

преследования. Вопрос об энергии, с которой в соответствии с масштабом достигнутого успеха возможно использовать победу, решается прежде всего в зависимости от остатка физических и моральных сил у вождей, частных начальников и войск (иногда еще и не вступавших в бой). Как показывает опыт, в большинстве случаев необходимо энергичное давление со стороны высших инстанций, чтобы пришпорить войска после испытаний тяжелого боя к тем усилиям	отступления. Мероприятия, подлежащие выполнению последними еще годными для сопротивления войсками, необходимые, чтобы в мере возможности превратить вынужденное отступление в форму упорядоченного отхода на тыловой рубеж, где постепенно мог бы быть сформирован арьергардный порядок, целиком зависят от состояния разбитых войск. В такой обстановке моральный элемент у вождей, частных начальников и солдат получает решительный
по совершению маршей, которые единственно в состоянии собрать полную жатву победы.	перевес – на благо или погибель целого – над интеллектуальным моментом.

24. Лишь после того, как победоносный противник принял свое решение, может и побежденное командование со своей стороны выдвинуть перед отходящими назад частями ПЯТНАДЦАТЫЙ ВОПРОС, инициатива в котором принадлежит победителю: о завершении дневной работы.

Лишь после того, когда победитель, прекратив преследование, потянется к отдыху, может и побежденное командование принимать решение в том же направлении.

Наконец, перед обеими сторонами выдвигается еще ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВОПРОС о необходимых мерах охранения.

О них мы скажем только, что они создают исходное положение, и размышления по принятию новых решений вновь должны начаться с первого вопроса.

25. Высокая ответственность, которую каждый начальник – как бы велик или мал ни был круг его деятельности вообще или в данном частном случае – должен нести как за успех его

распоряжений, так и за понесенные жертвы в людях, вменяет ему в священную обязанность тщательное обдумывание своих действий.

Лишь на основе анализа операции [146] , проделанной в мозгу начальника в каждом частном случае, для которой данная комбинация вопросов предназначена образовывать лишь общий каркас, может и должно слагаться на войне волевое решение вождя – действовать так или иначе.

Это решение может найти настоящую силу для проведения в жизнь без оглядки лишь в логичном и зрелом размышлении; если его не увенчает успех, оно найдет себе и в верхах и низах моральное оправдание лишь при этой предпосылке.

Такая высокая ответственность вождя не снимает с начальников на низших должностях обязанности самодеятельно и самостоятельно вступить в дело, когда приказы и распоряжения высших инстанций отсутствуют или не дошли до них; точно так же и старший начальник, какую бы должность он ни занимал, не может считать, что с него снята личная ответственность, если он решение выпавшей на него в бою или сражении задачи передаст своим подчиненным, раздробив ее на самостоятельные и лишенные внутренней связи частичные задания, когда от него ожидается единство действия.

И наконец, как низшее командование не должно увлекаться и своим личным почином не выходить за пределы, указанные в ясных приказах соответственного командования, и подавно не действовать вопреки им, точно так же и старшие начальники не должны вмешиваться в круг самостоятельной деятельности своих подчиненных, кроме случаев, когда они хотят и в состоянии взвалить исключительно на свои плечи полную ответственность и за неудачу.

АЛЬБЕРТ ФОН БОГУСЛАВСКИЙ

Будущий военный теоретик Альберт Карл Фридрих Вильгельм фон Богуславский родился 24 декабря 1834 г. в Берлине в семье потомственных военных, он был внуком генерал-майора Карла Андреаса фон Богуславского (1758–1817), также известного военного теоретика. В 1852 г. Альберт поступил в прусскую армию мушкетером и после соответствующей подготовки через два года – в 1854 г. – получил офицерские погоны. В этом качестве он принял участие в военных действиях во время войны с Данией (1864), австро-прусской войне 1866 г. и франко-прусской войне 1870–1871 гг., причем во время последней он командовал ротой в составе частей V армейского корпуса генерала Гуго Эвальде фон Кирхбаха.

После войны Богуславский сделал в общем-то неплохую, но отнюдь не выдающуюся военную карьеру: в звании полковника он командовал 9-м (2-м Померанским) Кольбергским гренадерским графа Гнейзенау полком. Свою карьеру в армии Богуславский закончил в 1891 г., выйдя в отставку в звании генерал-лейтенанта.

Среди наиболее известных военно-теоретических и военноисторических работ Богуславского следующие:

«Развитие тактики с 1793 г. до наших дней» (*Die Entwickelung der Taktik von 1793 bis zur Gegenwart* . 2. Aufl. Bd. 1–4. Berlin, 1873–1878);

«Тактические выводы из опыта войны 1870–1871 гг.» (*Taktische Folgerungen aus dem Krieg 1870/71* . 2. Aufl. Berlin, 1872);

«Образование и дисциплина» (*Bildung und Mannszucht.* Berlin, 1872);

«Образование и инспектирование или рекрутские части и роты» (*Ausbildung und Besichtigung oder Rekrutentrupp und Kompanie.* 2. Aufl. Berlin, 1883);

«Жизнь генерала Дюмурье» (*Das Leben des Generals Dumouriez.* Bd. 1–2. Berlin, 1879);

«Три вида оружия по форме и существу» (*Die drei Hauptwaffen in Form und Wesen* . Berlin, 1880);

«Малая война и ее значение для современности» (*Der kleine Krieg und seine Bedeutung für die Gegenwart.* Berlin, 1881);

«Фехтование на протяжении веков» (*Die Fechtweise aller Zeiten.* Berlin, 1882);

«Организация, руководство и проведение полевых маневров» (*Anlage, Leitung und Durchführung von Feldmanövern.* Berlin, 1883);

«Развитие тактики с войны 1870–1871 гг.» (*Die Entwickelung*

der Taktik seit dem Kriege von 1870/71. 3. Aufl. Berlin, 1885);

«Из прусского придворного и дипломатического света» (*Aus der preußischen Hof-und diplomatischen Gesellschaft.* Berlin, 1885);

«Честь и дуэль» (*Die Ehre und das Duell.* Berlin, 1897).

В своих работах Богуславский в т. ч. указывал на крайне опасную для Германии в будущей войне ситуацию при ведении войны на два фронта.

Генерал-лейтенант Альберт фон Богуславский скончался в Берлине 7 сентября 1905 г. и был погребен на берлинском Старом гарнизонном кладбище на Лининштрассе.

Ниже приводится статья «Богуславский. Позиция исторической школы», опубликованная во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

...

К.А. Залесский

* * *

Развивая идеи той школы военного мышления, которая в основу выдвигает смену методов ведения войны в зависимости от общего хода исторического развития, которая видит в военном искусстве только надстройку над экономическим, политическим и социальным фундаментом, отнюдь нельзя рисовать себе, что эти идеи имеют убедительность для всех и что проповедь их не встречает горячего сопротивления. Враги – умные, ученые, настойчивые, красноречивые – имеются. Приводимый нами отрывок «Размышлений о стратегии» Богуславского [147] вводит нас в цитадель враждебной нам мысли.

Богуславский – прусский генерал, профессор Берлинской академии в семидесятых годах, вдохновитель консервативной мысли прусского Генерального штаба, очень тонкий военный историк; его политические воззрения характеризуются несколькими брошюрами, в которых он поднимал травлю против социалистов и требовал исключительных законов, направленных против них [148] . Дедушка германского фашизма был в то же время и идейным основоположником той консервативно-исторической школы, на которой закрепился прусский генеральный штаб в вопросах истории военного искусства и стратегии и возражать против которой можно было, лишь сняв

военный мундир, и то с опаской. Если автор внимательно прочтет прилагаемое произведение Богуславского, он найдет в нем полное низвержение всех основных точек зрения, на которых построен наш труд по истории военного искусства и когда-либо высказанные нами взгляды по стратегии. И все оппоненты, которых мы когда-либо встречали, большей частью бессознательно, приводили аргументы, которые уже давно собрал в систему Богуславский [149] . Бывший начальник военно-исторического отделения большого Генерального штаба, генерал и доктор Берлинского университета Фрейтаг-Лорингофен в своих многочисленных трудах лишь отстаивает положения Богуславского. Их можно характеризовать как борьбу против диалектики, антимарксизм в самом чистом виде. И такие корифеи германской истории, как Дройзен, Зибель и Трейчке, протянули руку помощи Богуславскому в его обосновании консервативной точки зрения в военном искусстве и военной истории.

Богуславский имел учеников не только в лице германских генералов XX в., в молодости слушавших его лекции. Его борьба против эволюции, борьба за сохранение актуального значения за наполеоновскими приемами ведения войны, тончайшие, но злые выпады против Мольтке и особенно против поклонников последнего, жестокая полемика, которую он направлял против творца германской доктрины, Шлихтинга, – все это очень улыбалось французским профессорам, желавшим учить французскую армию, исходя из Наполеона, а не из Мольтке или его Шлихтингского толкования; и Богуславский получил небольшой, но ученый круг читателей и во Франции. У целого ряда французских профессоров, включая и Фоша, при критике событий войны 1870 г. часто прорываются взгляды Богуславского, которому они обязаны существенной частью военно-философского обоснования своих курсов.

Вот причины, позволяющие нам рассматривать Богуславского как классика. Он имел школу; с его взглядами нам приходится вести борьбу.

В Берлинской военной академии теория стратегии не преподавалась; с ее основами знакомились слушатели при разборе истории различных кампаний; остальное предоставлялось усвоить путем самообразования, путем чтения классиков [150] . Как нам рисуется, такое самоограничение академии объясняется не только рассчетом на известную культурность прусского генерального штаба и на его способность самому проработать эту дисциплину, как говорит это фон дер Гольц [151] , но и тем, что сколько-нибудь основательно осветить

теорию стратегии возможно, лишь становясь на точку зрения эволюции. Если мы откажемся от эволюции, то придется ограничиться лишь декларацией нескольких общих принципов и пояснением их примерами. Стратегия теперь становится столь же неблагонадежной для врагов диалектики дисциплиной, как и история военного искусства. Отсюда у Богуславского первоначальное сомнение в том, может ли вообще существовать теория стратегии [152] : если сваливать в одну кучу различные эпохи, то, ответим мы, конечно, ничего не может быть, кроме нескольких ничего не говорящих и ни к чему не обязывающих общих мест, над которыми гордо красуется вывеска: «принципы».

Уточнение их для определенной эпохи, для определенного культурного театра создает то, что фон дер Гольц называет искусством вождения армии. Богуславский ведет энергичнейшую борьбу против попыток оформить и развить далее учение Мольтке. Фрейтаг-Лорингофен в своем капитальном труде «Вождение армий Наполеоном в его значении для настоящего времени» продолжает развивать эту точку зрения Богуславского, что на Наполеоне развитие стратегии остановилось, и что ничего не изменилось в обстановке ведения войны, что могло бы нас заставить пытаться по-новому формулировать положения военного искусства. Всякое уточнение, попытка характеристики стратегии любой эпохи встречается воплем «рецепт», поход против признания особенностей эпохи облачается в псевдонаучную тогу похода против рецептуры, борьбы за самостоятельность и полную свободу решения частного начальника.

Сколько остроумия и детальных исторических исследований затрачено Богуславским для доказательства положения, что стратегический фронт наступления армий не изменился, не расширился со времен Наполеона. И французы верили, что здесь нет эволюции, и развертывались в 1914 г. для решительной битвы на фронте немногих более десятка верст… А Шлиффен уже за 15 лет до войны ощущал тесноту старых рамок и проектировал расширение фронта охватом через Бельгию.

Шаг за шагом оспаривает Богуславский все плоды эволюции военного искусства в XIX в. – идеи встречного боя, базирующегося на непосредственном развертывании походных колонн на поле сражения, директивы как метод управления Мольтке; он смеется над полководцем, сменившим коня на кресло в кабинете, над новой ролью генерального штаба: телеграф или ординарец, походное движение или железная дорога, возросшие в десять раз массы – все это отвергается им как основание для того, чтобы от наполеоновской стратегии шагнуть дальше.

Но чем же с такого философского удаления характеризуется наполеоновская стратегия? Идеей сокрушения? Диалектическим противопоставлением сокрушения измору?

Последнее грозит опрокинуть в корне всю карточную постройку консервативно-военного мировоззрения. И если первая часть размышлений Богуславского представляла удар, направленный против Шлихтинга, то вторая представляет филиппику, направленную против Дельбрюка, который первый обосновал деление стратегических методов на измор и сокрушение. Без последних ход военных явлений мировой войны останется непонятным. Читатель сможет сам установить свою точку зрения на эти нападки, ознакомившись в следующем отрывке с взглядами Дельбрюка.

Мы настолько уверены в сознательности наших читателей, настолько убеждены, что размышление над переменами в военном искусстве за последние тридцать лет раскрывает неправоту точки зрения Богуславского, что считаем даже лишним опровергать нить его рассуждений шаг за шагом. Мы только подчеркнем еще раз ложность утверждения Богуславского, что установление особых характерных черт для каждой эпохи военного искусства, в том числе и для современности, равносильно установлению «рецептов», рекомендации панацей», что оно стесняет свободу исполнителя в частном случае. Какой великий политик мог бы пожаловаться, что понимание требований времени ограничивает имеющийся у него выбор средств для достижения цели, ставит в известные шоры его свободу действия? Является ли рецептом указание на нецелесообразность ведения в настоящее время огня из сомкнутого строя? Мы очень горячо будем отстаивать положение о полной свободе решения для каждого частного случая, сообразующегося только с данными условиями; но именно эту полную свободу маневрирования мысли при выборе решения и дает нам понимание исторической перспективы, уяснение того, какое оружие и какие приемы военного искусства имеют теперь только музейное значение и куда перенесла современность центр тяжести вопросов борьбы. Наполеон в освещении исторической диалектики может помочь нам разобраться в толковании современности; но Наполеон, которому Богуславский отказывает в исторических похоронах, это мертвец, который хватает живых людей; попытка ограничить рамки стратегии тем, что верно не только для нашей эпохи, но и для Наполеоновской, обусловливает кладбищенскую пустоту стратегической теории.

Мы назвали консерватизм Богуславского позицией исторической школы. Эти позиции защищают и сейчас очень

крупные ученые. Величайший современный авторитет в области истории, Эдуард Мейер, принадлежит также к этой школе. Последняя отрицает какие-либо аналогии, считает ненаучными какие-либо обобщения, устанавливающие эволюцию. Историческая школа желает знать только частный случай, занимается лишь его анатомией и противится тому, чтобы перейти от ее работы к широким обобщающим историческую перспективу выводам. Она строит крепкие подвалы мышления. Но человеческая мысль нуждается не в них, а в законченных постройках.

Не в приведенном отрывке, а в других трудах Богуславского, Фрейтаг-Лорингофена, Бернгарди-отца и всего легиона научных работников этой исторической школы мы также можем найти эту черновую военно-историческую работу. Консервативная мысль вносит также свою лепту в общий фонд научных достижений. Мы должны уметь использовать эти добротно сложенные фундаменты, но весь фасад придется нам наращивать своею собственной рукой.

...

Редакция

Альберт фон Богуславский
РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТРАТЕГИИ

Нет никаких сомнений, что в стратегии, безразлично, существует ли ее теория или нет, можно установить отдельные крупные принципы, играющие роль путеводной звезды для действующих лиц.

Кто, например, станет отрицать, что сохранение своих сил неразбросанными и возможное уклонение от выделения всяких отрядов является одним из таковых принципов?

С другой стороны, кто будет оспаривать, что иногда выделение отряда является безусловно необходимым, а в том или ином случае, по различным причинам, может оказаться обязательным и разделение сил на отдельные группы?

Из этой дилеммы может быть только один выход: нельзя упускать из виду, что природа войны очень многогранна, отсюда постоянно должны являться уклонения от правила, но принцип из-за этого не теряет своей силы. Поэтому надо рекомендовать никогда не забывать о принципе, и в тех случаях, когда уклонения от него на войне оказываются неизбежными, следует стремиться вернуться в его лоно возможно скорей.

Явно выраженное воплощение подобного образа действий мы видим в руководстве прусскими армиями в 1866 году в Богемии. Политическая обстановка и конечные пункты железнодорожной сети вынудили первоначально разделить силы, но с самого же начала было намечено соединение их, с движением вперед, на неприятельской территории в целях постановки всех сил в общую связь: это не представляет ничего иного, как воплощение указанного начала. Часто приходится учитывать неизвестные или сомнительные величины. Нужно уметь чутьем найти верный выход, и это дар, которому нельзя обучиться, как бы соответственно ни было поставлено изучение, и которым иногда не обладает прекраснейший офицер генерального штаба. Ведь никогда не следует смешивать понятия искусства и ремесла. В объем ремесла входит, например, правильное представление в своем мозгу глубины походных колонн, точный расчет скорости движения различных родов войск, умение правильно и быстро спроектировать приказ для походного движения, который учтет расположение различных войсковых частей и при практическом осуществлении не вызовет трений, но о чем распорядится в своем приказе полководец и куда он направит движение войск – это искусство.

Кто захотел бы, однако, руководить операциями; не зная этой ремесленной стороны и не имея практического опыта – как, например, Гамбетта в 1870–1871 гг. – будет строить здание на зыбучем песке. И все-таки даже еще недавно Гамбетту прославляли как великого полководца. Только дилетанты могут пренебрежительно говорить о ремесленной стороне и полагать, что армиями можно руководить, сидя в кабинете за зеленым сукном. Но в такой же степени тот, кто остался только ремесленником, будет не способен приводить в движение и надлежаще использовать огромную машину армии. В наиболее выгодном положении оказываются лица, владеющие деталями службы и методов боя и в то же время по натуре своей способные не терять из вида руководства в целом. Таковыми мужами были Фридрих и Наполеон I [153] .

Дело представляется очень несложным, что дало повод лицам, не искушенным в военном искусстве, своеобразно подойти к этому вопросу. Но уже Клаузевиц оговаривает, что простота-то на войне именно и является наиболее трудной в выполнении. Трудность заключается в том, при каких условиях, как и когда эта простота должна осуществиться. Путь, ведущий к ней, во всяком случае непрост. Путь к простоте решения приходится разыскивать среди впечатлений войны, под гнетом ужасной ответственности и среди множества часто противоречащих друг другу правдивых и ложных сведений. При этом играют роль: разум в соединении с большой ясностью духа, дар отгадывания, даже воображение и прежде всего, конечно, характер.

Здесь нельзя установить никаких правил, и кто попытался бы это сделать, тот все больше запутывался бы в лабиринте. Какой принцип должен определять полководцу момент, когда ему следует уклониться от цели, которую он себе первоначально поставил? Какой принцип мог 28 июня 1866 года подсказать Бенедеку, когда он находился у Скалица, что наступил момент отказаться от продолжения марша в направлении к р. Изеру, т. е. против Фридриха Карла, и бросить все имеющиеся под рукой силы на выходящую из гор армию кронпринца?

На этот вопрос мог дать удовлетворительный ответ только его «верный взгляд военный» и полководческий такт, а они как раз в этом тупике и покинули его. То, что мы называем общественным тактом, представляет смешение разума и чувств; таковым же является и такт полководца. Разница лишь в том, что выработать в себе полководческий такт гораздо труднее, чем обыкновенный такт.

Таким образом, если рассматривать принципы с той точки зрения, что существенным является не механическое следование

их указаниям, а метод их приложения, то можно и даже должно признать их ценность. Во всяком случае полный нигилизм, принципиальное отрицание их существования являлись бы гибельным заблуждением.

Мольтке обронил мысль, что искусство состоит в том, чтобы целесообразно действовать в надлежащий момент. В этом никто не усомнится, но для нас вопрос заключается в том, не могут ли здесь помочь верные принципы. И на него мы решительно отвечаем утвердительно.

Конечно, принципами и теориями ужасно злоупотребляли. Метод ведения войны XVIII в. и тогдашняя вялая стратегия, стремившаяся действовать преимущественно путем маневров, имели своих поклонников, равно как и тактика Фридриха механически воспринималась и вызывала подражание формам боя. Нечто подобное случилось и с уроками, которые дал миру своей блестящей карьерой Наполеон I.

Такие крупные люди, как Блюхер, Гнейзенау, Шарнхорст, Радецкий, Клаузевиц и, наконец, Мольтке, поняли и использовали существенное в военной системе Наполеона, и этого существенного была целая громада. Жомини уже несколько склоняется, хотя еще не слишком значительно, к механическому толкованию наполеоновского метода войны, но он не делал ошибки недооценки побуждений духовного порядка, моральных сил и значения личности.

Его анализ и свидетельство дали все же военному миру ясную картину принципов, на которые опиралась наполеоновская стратегия. Но он, в свою очередь, нашел своих поклонников, толкователей и последователей, которые путем особого подчеркивания некоторых его мыслей воздвигли крайне одностороннюю систему, каковой вовсе не была в действительности система Наполеона I. Главные лозунги этих эпигонов таковы: внутренние операционные линии и сосредоточение сил до тактического решения. Жомини, правда, многократно указывал на пользу, которую по обстоятельствам могут принести внутренние операционные линии, но отнюдь не заблуждался относительно связанных с ними опасностей. Так, например, он говорил о кампании 1813 г.: «Здесь противная сторона применила систему (наполеоновскую), а не сторона (Наполеон), располагавшая внутренними линиями».

Отсюда вытекает, что Жомини очень хорошо понимал и хотел сказать, что механическое правило искать внутренние линии и пользоваться ими само по себе еще не обусловливает успеха; последний зависит от того, как и когда оно будет пущено в оборот.

Исходя из изложенной выше точки зрения, военные критики в особенности набросились на план Богемского похода 1866 г. Они утверждали, что находившийся на внутренних линиях Бенедек уготовил бы полное поражение прусской армии, если бы он действовал по примеру Наполеона I в 1796 и 1814 гг. Конечно, нельзя сомневаться, что если бы Бенедек действительно был Наполеоном, то таковая возможность имелась бы. Но с такой же уверенностью можно утверждать, что эти критики не уясняют себе все политические и местные моменты, приведшие к дугообразному развертыванию пруссаков вдоль границ Богемии и Саксонии; далее они не учитывают благоприятного для пруссаков соотношения тактики пехоты обеих сторон и не умеют оценить смелости, с которой признанное неудачным первое развертывание пруссаков было исправлено путем сосредоточения с движением вперед в Богемию. Эти условия уже достаточно часто освещались, и то обстоятельство, что Бенедек располагал внутренними линиями и был разбит, а Мольтке наступал концентрически по внешним линиям и победил, как раз и доказывает, что центр тяжести лежит не в тех или других линиях, а в полководце и его войсках. Кроме того, следует еще отметить, что прусское командование, отдавая 22 июля 1866 г. приказ для вторжения в Богемию в направлении на Гичин, отнюдь еще не могло с уверенностью предполагать, что главные силы Бенедека из Ольмюца передвинулись уже в Богемию.

Но что сам Мольтке умел прекрасно ценить выгоды, которые могут дать внутренние линии, это, между прочим, следует из его записки 1868 г., в которой он говорит, что если бы французы сосредоточились у Меца и Страсбурга, а германская армия стояла бы на внутренних линиях в Пфальце, то последняя могла бы с выгодой направить свои усилия против одной из двух частей французского сосредоточения.

Впрочем, еще надо отметить, что Наполеон I ни в коем случае не всегда оперировал по внутренним линиям и что действия на последних под Лейпцигом и Ватерлоо ему довольно плохо удались. Но, конечно, это не является доказательством непригодности внутренних линий, а лишь свидетельствует, что сила обстоятельств и делаемые ошибки могут свести на нет и преимущества самых великолепных внутренних линий.

Внутренние линии представляют очень широкое понятие. Как известно, расстояние между отдельно оперирующими армиями при любых обстоятельствах должно быть настолько велико, чтобы оперирующий по внутренним линиям имел возможность основательно разбить или уничтожить одну из неприятельских армий, прежде чем другая будет в состоянии появиться в районе

тактической досягаемости армии, действующей по внутренним линиям. В этом отношении особенно поучительной является великая драма 1815 г. Тогда как Наполеону удался его первый удар, на втором он совершенна срывается, так как пока он вел борьбу с Веллингтоном, Блюхер уже вцепляется ему во фланг. В этом случае размер промежуточного пространства не превышал 15–20 километров, тогда как Фридрих в 1757 г., после отступления из Богемии для операций по внутренним линиям, располагал промежуточным пространством в 225–300 километров [154] .

В последнем случае промежуток был слишком велик, так как, если бы австрийцы оперировали в его же духе, он мог бы очень невыгодно отразиться на его операциях; своей быстротой Фридрих сумел и здесь использовать выгоды и восторжествовать над затруднениями.

Подобно тому как после великих Наполеоновских войн, так и после войн Вильгельма I стремились – и с полным основанием – уяснить и анализировать стратегию Мольтке. Конечный вывод, к которому пришли одни исследователи, в том числе и мы, заключался в том, что ведение войны Мольтке в общем опиралось на наполеоновские принципы, т. е. на энергичное, деятельное и стремительное применение стратегии, бьющей на уничтожение противника, но только Мольтке применял при этом многократно иные средства, чем это обыкновенно делал Наполеон. Надо признать также, что Мольтке усовершенствовал наполеоновское ведение войны в отношении руководства больших войсковых масс тем, что он ввел расчленение на частные армии. Другие же исследователи хотели видеть в стратегии Мольтке нечто еще большее и приписывали ему создание совершенно новой системы. Они стремились характеризовать ее следующими фразами: врознь идти, вместе драться; сосредоточение сил на самом поле сражения, чтобы обусловить тактическое решение концентрическим подходом – и выдвинули эти знаменательные лозунги как непосредственное противоречие наполеоновскому образу действий. К этому присовокуплялось, что в наше время успех может быть достигнут лишь путем охвата, являющегося результатом взаимодействия сходящихся на поле сражения войсковых колонн; на этом пути увлечение заходит настолько далеко, что провозглашают превосходство такого положения распространяющимся и на слабую армию, имеющую против себя более многочисленного противника.

Развертывание прямо из походных колонн и непосредственное вступление в бой при действиях крупного масштаба также провозглашается как особая

достопримечательность последних войн.

Эти утверждения сводятся к тому, что с той эпохи, когда писали Жомини и Клаузевиц, ведение войны совершенно преобразилось, так как народились новые и очень важные средства, которыми ведется война. Опасно оставлять ныне на выбор все принципы стратегии.

Для обоснования пригодной в современных условиях системы стратегии было выдвинуто требование – базироваться исключительно на опыте 1866 и 1870–1871 гг. и положить операции под Кёниггрэцом и Седаном в основу будущего стратегического закона.

Рассмотрим сначала предложение «врознь идти, вместе драться». Совершенно верно, что Мольтке то тут, то там применял более широкий фронт наступления, чем это мы во многих случаях встречаем у Наполеона; Мольтке и теоретически подчеркивал выгоды такового. Собственно наступление, т. е. движение на виду у противника, начинается с фронта развертывания армии.

Что первая группировка 1866 г. была обусловлена различными особыми обстоятельствами, мы уже говорили. Развертывание 1870 г. от Ландау до Саарлуи отмечается фронтом в 90 километров, а так как французская армия высаживалась двумя группами на удалении в 125 километров одна от другой, то германское развертывание можно назвать относительно узким. Теперь интересно отметить, что фронт развертывания французской армии в 1806 г. от Вюрцбурга до Лихтенфельса также протягивался на 90 километров. Но если принять во внимание, что численность армии Наполеона в 1806 г. была приблизительно на 150 000 человек меньше, чем у Мольтке, то фронт развертывания в 1806 г. относительно был более растянутым, чем в 1870 г. Правда, наполеоновское развертывание было отделено от противника расстоянием около 150 километров, тогда как в 1870 г. немцы и французы находились почти вплотную друг к другу.

Остановимся теперь на вопросе, маневрировал ли Наполеон в среднем на существенно более узком фронте? Продолжим наши замечания о знаменитой кампании 1806 г.

Расположение французской армии 7 октября вечером: IV корпус от Норденгальбена до Кюпса, в том же районе три кавалерийские дивизии; III корпус в Лихтенфельсе; VI корпус в Пегнице; V корпус в Геммендорфе; VII корпус у Бургебраха. Глубина расположения армии занимает 95, ширина фронта 60 километров.

Расположение французской армии 8 октября: I корпус между Саарбургом и Норденгальбеном; III корпус позади I у Кронаха; VII

корпус севернее Бамберга; V корпус в Кобурге; IV корпус в Мюнхберге; VI у Байрейта. Глубина равнялась 88 километрам. Наибольшая ширина 67 километров.

Расположение французской армии 9 октября вечером, следовательно, накануне сражения при Заальфельде: III корпус у Шлейца, V корпус у Графенталя, III корпус у Лобенштейна, IV корпус у Гросцеберна, VI корпус у Гефресса, VII корпус у Кобурга. Все корпуса в среднем были расположены друг от друга на удаление в 22 километра в глубину и ширину. По два корпуса двигалось по каждой дороге. Ширина фронта главных масс равнялась 45 километрам.

Расположение французской армии 10 октября вечером, следовательно, после значительного столкновения с противником: V корпус – Заальфельд, III корпус – Шлейц, I корпус – Аума, IV корпус – Плауен, VI корпус – Гафель, VII корпус – Нейштадт и Кобург. Расстояния между корпусами колебались от 18 до 30 километров. Ширина фронта в целом занимала 60 километров.

11 октября: I корпус – Гера, III корпус – Пельнитц, VII корпус – Заальфельд, VI корпус – Шлейц, IV корпус – Вейда, V корпус – Нейштадт. Промежутки между ними равнялись 15–22 километрам. Ширина фронта достигала 52 километров, наибольшая глубина на круг – 30 километрам. При этом мы не учитываем баварцев у Кронаха.

12 октября: I корпус – Мейнве, IV корпус – Гера, V корпус – Мауа, VII корпус – Кала, VI корпус – Аума, III корпус – Наумбург, Малау. Дистанция от V до VII корпуса равнялась 7 километрам; интервал между V и IV корпусами превышал 30 километров; дистанция от IV до VI корпуса – свыше 15 километров. Вся глубина от I до VI корпуса превышала 45 километров.

Расположение французской армии 13 октября вечером: V и VII корпуса у Йены; VI корпус в 15 километрах к юго-востоку от Йены; IV корпус у Кестрица в 30 километрах от Йены; гвардия на марше к Йене: III корпус у Наумбурга в 15 километрах к северо-востоку от Йены; I корпус между Наумбургом и Кезеном. Ширина фронта главной массы от Наумбурга до Йены занимала 30 километров; наибольшая глубина между V и VI корпусами также равнялась 30 километрам [155] .

Если теперь мы пожелаем сравнить наполеоновское наступление с мольтковским, то прежде всего надо принять во внимание, что наше войско было значительно больше наполеоновского и делилось на несколько рядом оперирующих армий. Ввиду этого, по справедливости следовало бы сопоставить с наполеоновской эпохой лишь движения отдельных армий или

двух армий, объединенных под непосредственным руководством ставки для совместной операции, как например: 1-я и 2-я армии в дни 6–18 августа или 3-я и Маасская армии от 19 августа до конца войны. Но мы сопоставили пространственные отношения, охватывающие все немецкие войска в тот момент, когда все три армии, 1-я, 2-я и 3-я, сблизились на небольшое удаление с вышеприведенными движениями армии Наполеона I. Это был период, непосредственно предшествовавший сражению при Вионвиле.

12 августа вечером мы находим всю III армию сосредоточенной на узком фронте в 15 километров, на линии Саарбург – Фенестранж. Пять корпусов из 1-й и 2-й армий стоят на линии Буле – Моранж, занимая фронт в 30 километров, во второй линии четыре корпуса протягивались на такое же расстояние от Бушепорна до Мюнстера. Глубина равнялась 15 километрам. Интервал между главными силами 3-й и 2-й армий равнялся приблизительно 22 километрам. Протяжение фронта всей совокупности войск – 67 километров.

13 августа вечером главные силы 3-й армии находились на линии Диэз – Бламон, 30 километров, 1-я армия на французской Ниде, два корпуса в первой и один во второй линии. 2-я армия достигла линии Буши – Шато – Сален. Протяжение фронта обеих армий несколько превышало 30 километров, а глубина – 18 километрам. В этот момент 3-я и 2-я армии стояли вплотную друг к другу. Таким образом, в этот день все немецкие армии занимали фронт в 60 километров.

14 августа 3-я армия заняла линию Муаенвис – Люневиль. 12-я дивизия и I баварский корпус остались у Диэза и Мезиера. Фронт 22 километра. 1-я и 2-я армии, из которых последняя в этот день совершила свое крупное захождение вправо, 14 августа занимали пространство от французской Ниды до Диелуара на Мозеле; фронт растягивался примерно на 45 километров, наибольшая глубина равнялась 30 километрам. Следовательно, протяжение всех трех армий в этот день достигало 67 километров.

Если припомнить, что все три немецкие армии, вместе взятые, по силе почти вдвое превосходили армию Наполеона под Йеной, то приведенные расстояния не представляют каких-либо существенных уклонений от пространственных соотношений при наполеоновских наступлениях.

Если сравнить движения 1-й и 2-й армии, приняв их за одно целое, и отдельно движения 3-й армии, то это также не приведет к иным результатам.

Если бы затем таким же образом сравнить другие периоды

кампаний 1866 и 1870–1871 гг. с походами Наполеона, то я полагаю, что мы пришли бы к убеждению, что ни в наступлении армейских масс, ни в расстояниях нет характерного различия между эпохами Наполеона и Мольтке. Поэтом, с нашей точки зрения, определение «идти врознь» надо вычеркнуть из числа особых примет мольтковской стратегии.

Что же касается мысли «вместе драться», то к ней естественно стремились все великие полководцы; Мольтке также удалось собрать все наличные силы, за исключением единичных корпусов, находившихся в отделе, на поля трех главных сражений короля Вильгельма. Наполеон в большинстве случаев точно так же действовал этим методом в своих сражениях, гораздо более многочисленных; даже можно отнести к числу отличительных примет его метода действий, что обычно он стремился соединить свои боевые силы перед сражением, хотя в некоторых случаях, например как раз под Йеной и Ауерштэдтом, под Прейсиш-Эйлау, под Бауценом, это ему не вполне удавалось.

С другой стороны, Мольтке также сосредоточил большую часть 1-й и 2-й армий перед сражением при Гравелоте. Ведь концентрическое наступление было здесь невозможно, а отсюда опять-таки можно усмотреть, что в стратегии надо действовать не по какому-либо методу, а только в соответствии с принципами и требованиями обстановки. Точно так же перед Вейсенбургом сосредоточилась большая часть 3-й армии, V, XI и II баварский корпуса, а 7 августа она должна была полностью сосредоточиться для сражения с Мак-Магоном. Хоть этот план и отпал, так как уже 6 августа разгорелся бой, тем не менее все же в течение сражения удалось сосредоточить большую часть сил.

Но, конечно, можно привести как образец стратегического наступления, обусловливаемого тактикой охвата, сражения под Кёниггрэцом и Седаном и, конечно, шестидневный бой, носящий название сражения при Ле-Мане [156] , хотя в последнем случае качество войск обеих сторон было настолько неравно, что немцы могли многое себе позволить. Следовательно, Ле-Ман отпадает. Глубокое характерное различие между тремя сражениями Вильгельма I и некоторыми крупными сражениями Наполеона, как Аустерлиц, Ваграм, Линьи и Ватерлоо, можно подметить лишь в развертывании сил к самому сражению. Под Кёниггрэцем и Седаном стратегия теснейшим образом сплелась с тактикой, причем из движения вперед армии само собой вылилось ее вступление в сражение.

Приказ для сражения под Гравелотом представляет лишь директиву для атаки на два возможных случая: отхода Базена через Этен и Бриэ или же занятия им позиции перед Мецом.

Соответственно, и вступление в бой армий происходило не по единому, заранее установленному плану; многое должно было быть предоставлено усмотрению командующих армиями и командиров корпусов. Если правому крылу у Гравелота был послан приказ – до тех пор, пока не начнется атака 2-й армией, бой вести только артиллерийским огнем, то это ничего не меняет в основной линии поведения управления в целом. Мы к этому еще вернемся в дальнейшем.

Наш вывод таков: мы оцениваем стратегическо-тактические приемы Наполеона и Мольтке как совершенно равноценные и в этом вопросе, таким образом, примыкаем к стратегическому учению Гольца [157] . Как заманчивым ни является создание теории, выливающейся из единого образа, все же требование положить в основу теории для настоящего и будущего единственно метод, примененный Мольтке под Седаном и Гравелоттом, – нам кажется, безусловно, ошибочным. Этим самым мы повторили бы под другим обликом ту же самую ошибку, которую сделали в свое время поклонники фридриховских форм и защитники внутренних линий.

Теория стратегии может состоять единственно из принципов, а не из методов применения средств.

А далее – выучка владеть приемами своего ремесла должна доходить до виртуозности, и в этом отношении Мольтке еще усовершенствовал и развил систему Наполеона. Бертье, как известно, сам был одним из первых мастеров своего ремесла, но он отличался от Гнейзенау и тем более от Мольтке тем, что он не владел стратегическим искусством, и хотя он твердо держал в руках французский генеральный штаб, тем не менее он не оказался в состоянии создать школу. Как вождь Сульт, конечно, превосходил Бертье. Когда же в 1815 году он принял дела Генерального штаба, то служебный аппарат многократно оказывался не на высоте, что гибельно повлияло на операции [158] .

Единство подготовки Генерального штаба в области отдачи приказов и службы связи должно быть столь же твердо установлено, как и общие основы стратегии. Этого мы, конечно, можем достигнуть. Но требование всегда работать теми способами, которые имели успех под Кёниггрэцем и Седаном, при известных обстоятельствах могло бы привести к тому же печальному исходу, к которому привело Австрию строгое соблюдение Бенедеком в 1866 г. принципа сосредоточения и сохранения всех сил в одной массе. И мы расцениваем успех Мольтке, сосредоточивавшего армию на поле сражения непосредственно с фронта стратегического марша, как высшее

достижение стратегии и даже ставим этот образец ловкости и искусства вьтттте наполеоновского. Из двух образов действий это, очевидно, наиболее смелый. Мольтке, безусловно, не переоценивает его в известном письме к Трейчке. Но всегда ли у нас найдутся люди, отличающиеся такой гениальностью? Неужели невыгоды раздельного наступления вблизи от противника сразу исчезли с белого света? Совершенно ли забыт прежний опыт, или связанные с ними опасности совершенно аннулированы современными средствами военной техники? По нашему убеждению, это отнюдь не так, несмотря на скорострельность оружия и на массы, Мольтке также пришлось испытать опасность, связанную с большим протяжением фронта при наступлении; это было 16 августа под Мецем. Уже 13 августа левому крылу 2-й армии был указан для переправы через Мозель участок от Дислуара до Марбаха. Тем не менее III и IX корпуса были предусмотрительно задержаны у Панжа и Буши для поддержки 1-й армии, расположенной на французской Ниде, на случай возможного перехода в наступление французской армии из Меца. После сражения при Коломбэи предполагалось, и с достаточным основанием, что противник отходит из Меца на Верден. 2-я армия получила приказ энергично наступать на дорогу Мец – Верден; однако способ выполнения был предоставлен на ее усмотрение. Штаб же армии направил против этой дороги лишь два армейских корпуса, III и X; 17 августа IX корпус должен был следовать за ними до Горза. Гвардейский и IV корпус сохранили западное направление на р. Маас; XII корпус должен был следовать до Понт-а-Муссон, II корпус – до Буши. Когда же наступление III корпуса на дорогу Мец – Верден установило, что отступление французов подвинулось в действительности не так значительно, как это предполагали, то 16 августа из армии в 8 корпусов, только около 2’/2 корпусов оказалось налицо, чтобы вступить в бой; если нам и удалось удержать поле сражения, то исключительно благодаря блестящей храбрости войск и нерешительности Базена [159] . Ввиду нахождения вблизи неприятельской армии в 150 000 человек, осторожность должна была заставить наступавшие на р. Маас корпуса также направить на дорогу Мец – Верден.

Мероприятия 2-й армии основывались на ошибочной оценке обстановки. Директива Мольтке – операция против дорог из Меца на запад – безусловно, не давала оснований для последовавших мероприятий. Однако надо согласиться, что, имея в виду обстановку, было бы не лишним дать более точную формулировку. Наполеон I также имел ошибочное представление об обстановке перед Йеной и не представлял себе, что другая

часть пруссаков находится против его левого фланга.

Эти примеры опять-таки указывают на то, что многогранность войны не допускает рассматривать лишь одно средство как решающее.

Принимая во внимание, что методы Мольтке и в будущем потребуют от командующих армиями и корпусных командиров такую же самостоятельность и такое же понимание, какие они почти всегда проявляли в войнах 1866 и 1870–1871 гг., теперь подчеркивают, что эти свойства у наших генералов должны быть воспитаны и развиты в крайней степени.

Хорошо! Но разве не явится непосредственным ударом по истинному духу самостоятельности, если мы пожелаем установить для высших начальников закон, который в сущности будет захватывать лишь внешнюю оболочку дела, т. е. применение средств? Мы усматриваем в этом большую опасность и прямое противоречие духу мольтковской стратегии.

Что при известных обстоятельствах Мольтке отнюдь не отказывался от очень тесного сосредоточения, немедленно следующего за окончанием стратегического развертывания армии, видно из набросков 1868 г., в которых высказывается намерение продвинуться на линию Понт-а-Муссон – Нанси семью переходами, причем восемь корпусов следовали бы в две или три линии на фронте, протяжением в среднем 30 километров, при глубине на круг 30–37 километров. Более тесное сосредоточение при наступлении не является вообще сколько-нибудь сносно осуществимым.

Итак, мы полагаем, что построение стратегическо-тактического учения, опирающегося исключительно на явления последних войн, обозначало бы шаг назад; чудовищная многогранность войны, случайности, трения вынуждают нас предоставить полководцу ту свободу в выборе средств, которую Мольтке не ограничивал ни тогда, когда он сам избирал образ действия, ни когда дело касалось его учеников. Ввиду этого, стремясь к возможно большему единству действий на войне, нельзя переступать этого требования, остающегося на первом плане.

Мольтке исходил из бесспорно правильного принципа, что вследствие значительных расстояний, которые часто разделяют армии перед решительным кризисом, ими надлежит руководить исключительно директивами; но он отнюдь не держался слепо этого принципа и многократно вмешивал верховное командование в развитие событий путем приказов, непосредственно отданных штабам армий и даже отдельным корпусам. Это имело место, например, в период 11–13 августа, во

время наступления 1-й и 2-й армии – на Мец и Понт-а-Муссон. Такими же примерами являются: приказ от 22 июня 1-й и 2-й армии о вторжении в Богемию и соединении в направлении на Гичин [160] ; приказ принцу Фридриху Карлу от 2 декабря 1870 г. о наступлении против Луарской армии на Орлеан, наконец, приказ от 12 января 1871 г. генералу фон Вердеру – вступить в бой для прикрытия осады Бельфора и т. д.

В общем, за исключением немногих периодов, как, например, капитуляция у Лангензальцы, ставка ограничивалась простейшими и кратчайшими, частью письменными, частью телеграфными приказами, так как она почти неизменно находила в штабах армий полное понимание; армейское командование часто даже точно предвосхищало ожидаемые директивы. Военная корреспонденция Мольтке дает наглядную картину этого созвучия [161] . Однако несколько раз имели место трения и проволочки, как это свидетельствует хотя бы переписка Ставки с генералом фон Штейнмецом незадолго до сражения под Шпихерном.

Когда война охватывает такое обширное пространство, как в 1866 и 1870–1971 гг., является безусловно необходимым, чтобы ставка по возможности находилась в центре событий, т. е. там, где можно наиболее широко использовать новейшие средства связи для общего руководства. С другой стороны, необходимо, чтобы ставка появилась в нужный момент при главной массе оперирующих армий, чтобы оттуда руководить и наблюдать за операциями. Промедление Ставки в Берлине до 2 июля 1865 г. часто подвергалось нападкам. Однако, приняв во внимание крайне важные события, разыгравшиеся в эти дни в Ганновере, по отношению к которым требовалось вмешательство различного рода со стороны Берлина, мы должны признать местопребывание выбранным безусловно правильно. Телеграф с театра военных действий может и отказать, что неоднократно случалось в прошлом, и в будущем, может быть, будет иметь место еще чаще.

Люди невоенные составили себе в высшей степени примечательное представление о будущем полководце, как последний, сидя у себя в кабинете за столом, будет по телеграфу и телефону руководить передвижениями войск по твердо установленным правилам; как, будучи удален от сутолоки войны, он сохранит спокойствие и ясность мышления и естественно прекрасно выполнит свои функции [162] . Но при этом забывают, что личность главнокомандующего должна оказывать столь же благоприятное воздействие на войска, как и личность самого младшего командира, и что в решительные дни нельзя будет ни за что отказаться от его личного присутствия и личного

осведомления на месте. В 1866 г. верный момент для отъезда Вильгельма был выбран с тактом, достойным удивления. Так же было в 1870 г.; и во всех больших сражениях, в которых участвовало свыше одной армии, Вильгельм принимал на себя высшее командование.

Я не хочу здесь входить в подробности и разбирать, например, вопрос, не следовало ли в дни от 16 до 18 августа выдвинуть ставку более к северу, или не должна была она 17 августа бивакировать на поле сражения под Вионвилем. Во всяком случае, по-видимому, выгоднее выдвигать важность предстоящего тактического решения преимущественно перед всеми прочими соображениями; выбор места пребывания верховного вождя должен по возможности облегчать ему личное осведомление, быстрейшее поступление донесений и непосредственную передачу приказов. Следовательно, в подобные моменты ставка не должна помещаться слишком глубоко в тылу [163] .

В этом отношении Версаль имел все данные для расположения в нем ставки. Из этого центрального пункта направлялось руководство войной в целом и велось наблюдение за стратегией командования армиями, действовавшими на различных театрах военных действий.

Пока здесь велась наступательная операция – осада Парижа, ее прикрытие обусловливало переход к стратегической обороне; однако последняя велась не тактически оборонительными действиями, а путем крупных наступательных ударов (Орлеан, Ле-Ман, Амьен, Галлю, Сен-Кантен). Мы не учитываем при этом Юго-Восточного театра военных действий, так как там преследовались особые цели.

Вышеизложенное должно показать, что новые средства ведения войны не могут пошатнуть общих основных принципов стратегии. Существует ли то или иное количество железных дорог и телеграфных линий, перебрасываются ли войска походным порядком или по железной дороге, посылают ли телеграммы вместо ординарцев, – тем не менее с началом войны армия всегда должна быть так развернута на границе, чтобы имелась возможность целесообразно сосредоточить ее к началу операций. Искусство надлежащим образом учесть время и пространство остается тем же – и в вопросах сосредоточения, и в вопросах тактической деятельности.

Принцип – сосредоточивать возможно большие силы для решительных тактических действий – остается неизменным независимо от того, идет ли речь о 40 000 или 300 000 человек. Опасность стратегического окружения столь же велика теперь,

как и раньше; опасность же частичного поражения корпусов, отдельно продвигающихся для охватывающего стратегического наступления, при современной действительности огня, затягивающей бой, может быть, несколько сократилась, но ни в коем случае не исчезла, если мы имеем против себя предусмотрительного и решительного полководца.

Различные средства, которые дает эпоха, влияют на вид и образ применения стратегии, но не создают новой.

Двоякой стратегии также ни в коем случае не существует.

Как известно, теория стратегии получила формулировку лишь в новейшее время у Жомини, Виллизена и в особенности у Клаузевица. Тем не менее понятие стратегии уже существовало тысячелетиями. Мы уже разъяснили, что стратегия является лишь частью ведения войны; это, впрочем, уже высказал Клаузевиц.

Мы считаем лишь кстати вкратце коснуться учения, которое кое-где в невоенных кругах приобрело последователей. Оно гласит, что существует две системы стратегии. Одна из них именуется стратегией измора, другая – стратегией сокрушения. Стратегия измора имеет два полюса – стратегический маневр и сражение; стратегия сокрушения лишь один полюс – сражение. Смотря по эпохе, одна из двух систем будто бы выдвигается на первый план. В XVIII в. господствовала стратегия измора. Фридрих порой довольно часто эмансипировался от этой системы, но в общем все же будто бы следовал ей. Стратегия сокрушения господствует в наш век, и ее главными представителями являются Наполеон и Мольтке.

Что Фридрих должен был вести войну иначе, чем Наполеон, это факт общеизвестный; этому учат в каждом военном училище. Маленькие, относительно с трудом комплектовавшиеся армии, не имевшие ни запасных, ни этапных частей, и магазинная система довольствия тормозили движения и обыкновенно лишали полководца возможности ставить конечной целью ведения войны полное сокрушение враждебного государства. Дипломатические переговоры и кабинетная политика имели большое влияние на ведение войны и часто налагали на нее отпечаток медлительности, нерешительности и колебания. Отсюда, естественно, страдала и полководческая деятельность – стратегия. С многочисленным и хорошо организованным национальным войском можно с самого начала задаться целью уничтожения неприятельского государства и его вооруженных сил, и это находит свое выражение в стремлении разыскать и разбить главные силы врага. В XVIII в. уничтожение неприятельской армии являлось также возможным, но, по приведенным выше основаниям, обычно не хватало сил для

полнейшего использования победы. Таковыми-то обстоятельствами и объясняется, что дело доходило до того, что по временам упускалась из вида главная цель ведения войны, вцеплялись в побочные цели и переоценивали стратегический маневр и позиционное искусство сравнительно со сражением.

Крайности в этом направлении заходили так далеко, что как образцовые выдвигались приемы войны за баварское наследство [164] . Эти приемы, а равно и способ действий принца Евгения в войну 1733 г. объясняются просто возрастом обоих полководцев и убеждением, что нет необходимости в большем напряжении сил перед неприятелем.

Нет поэтому никаких оснований говорить о другой системе стратегии. Бывали времена, когда принципы стратегии применялись слабо и нерешительно [165] , – но такие великие люди, как принц Евгений, Мальборо и Фридрих, умели в расцвете своих сил стряхнуть эту слабость и нерешительность. В столь же малой степени будет обоснована попытка построения системы на том, что тот или иной полководец ставил себе целью в течение известного промежутка времени утомлять, связывать и ослаблять противника маршами, контрмаршами, занятием укрепленных позиций – примером может служить Фридрих в Бунцельвицком лагере, – фланговыми позициями и малой войной, избегая сражения.

Все эти средства относятся к стратегии всех времен. Что касается Фридриха, то ведение им войны в 1741 г., безусловно, имело в виду сокрушение противника путем марша на Вену [166] , а о кампании 1757 г. в Богемии можно сказать, что, по меньшей мере, она задавалась возможно скорейшим уничтожением и поражением австрийской армии. Все новейшие исследования не только не опровергают это положение, но, наоборот, его подтверждают. Если бы Фридрих выиграл сражение при Колине, то представляется весьма вероятным движение его на Вену, чтобы попытаться принудить Австрию к заключению мира, если бы французы и русские предоставили ему на то время. С этим можно соглашаться или нет, но, во всяком случае, сражение оставалось для него наиболее предпочтительным военным средством в этот период войны и в последующий, характеризующийся стратегической обороной в широком масштабе с постоянными вылазками. Он обращался к сражению как к средству уничтожения противника, но ограниченность его сил иногда обуславливала отклонения. При этом превосходство сил противника также играло роль. Ведение им войны после сражения при Колине уже не могло задаваться наполеоновскими целями, но значение сражения как средства оставалось для него

тем же самым. Надо думать, что об этом свидетельствует в достаточной степени дальнейший ход его походов. Стратегия полководца, который летит из Силезии в Тюрингию, чтобы там разбить французов под Росбахом, затем с быстротой молнии вновь возвращается в Силезию и в сражении при Лейтене наголову бьет большую австрийскую армию, полководца, который в 1758 и 1759 гг. двигается против русской армии с твердой решимостью спасти путем сражения свои наследственные земли, такая стратегия, безусловно, никоим образом не уступает стратегии Наполеона в отношении применения сражения. Твердая решимость короля, выдвигающего цель – разбить противника наголову, как это явствует из сражения при Гогенфридберге, Праге, Росбахе, Лейтене, Цорндорфе, Кунерсдорфе и Торгау, является более убедительной, чем сотни цитат, извлекаемых из его трудов.

Мнение, что стратегия измора господствовала в течение всего XVIII в., также неправильно. Походы Карла XII в Данию, Саксонию и Россию планировались на сокрушение противника.

Ведение войн XIX в. признает сражение важнейшим средством стратегии, но и Клаузевиц ничего не говорит об отказе от прочих средств. Таким образом, большая ошибка, которую легко опровергнуть военной историей, полагать, что современная стратегия абсолютно лишена других средств.

Линии Торрес-Ведрас явились поворотным пунктом военного счастья французов на Пиренейском полуострове [167] . Плевненская позиция долгое время колебала судьбы войны 1877 г.; в 1870 г. большие крепости играли весьма значительную роль [168] ; а в 1814 году Наполеон I пытался проникнуть стратегическим маневром в тыл союзников [169] .

Итак, существует только одна стратегия. В различные времена она будет работать различными средствами, но свои немногие принципы она будет применять безотносительно к какой-либо системе, как это будет по обстоятельствам более целесообразно.

ГАНС ДЕЛЬБРЮК

Один из самых выдающихся немецких военных историков начала XX века Ганс Готлиб Дельбрюк в принципе не был военным, – возможно, именно это дало ему возможность более широко посмотреть на саму суть проблемы и сделать попытку – и вполне успешную, чтобы встроить военную историю в общеисторическую канву, не опускаясь до уровня узкого специалиста. Дельбрюк родился 11 ноября 1848 г. в городе Берген, расположенном на балтийском острове Рюген. Еще в молодости он избрал карьеру ученого и стал слушать лекции по истории в Гейдельбергском университете. Но когда в 1870 г. началась франко-прусская война, он добровольцем отправился на фронт и принял участие в военных действиях, хотя особых отличий ему это не принесло. Этим и ограничился весь военный опыт будущего военного историка. В 1871 г. Дельбрюк переехал в Бонн, где стал учеником у одного из ведущих историков того времени Гериха фон Зибеля.

В 1873 г. Дельбрюк успешно завершил обучение и в следующем году был назначен наставником принца Вальдемара Прусского – сына кронпринца Фридриха Вильгельма и, таким образом, младшего брата будущего кайзера Вильгельма II. Ему было всего пять лет. Свои обязанности Дельбрюк исполнял пять лет – в 1879 г. молодой принц скончался.

Свою научную деятельность Дельбрюк начал с издания в 1880–1881 гг. двухтомной биографии генерал-фельдмаршала Августа фон Гнейзенау (*Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neidhardt von Gneisenau*), хотя это была не совсем его оригинальная работа – он завершил труд, начатый историком Георгом Генрихом Перцем. В 1881 г. Дельбрюк защитил докторскую диссертацию. Не будучи военным, Дельбрюк получил известность неординарными оценками: так он вызвал большое неудовольствие официальных военных историков из Большого Генштаба тем, что без должного восторга отзывался о полководческих талантах самого Фридриха Великого.

В 1883 г. Дельбрюк вместе с другим известным германским историком Генрихом фон Трейчке начал издавать ставший очень быстро крайне влиятельным консервативный журнал *Preußischen Jahrbüch* («Прусский ежегодник»), впрочем, в конце 1880-х гг. они с Трейчке рассорились на почве различных политических взглядов, причем «Прусский ежегодник» остался за Дельбрюком, который и издавал его вплоть до 1919 г. В 1882 г. Дельбрюк был избран членом Прусского ландтага, где представлял

консервативную Германскую имперскую партию (Deutsche Reichspartei) – в ландтаге он заседал до 1885 г. С 1884 по 1890 г. он также являлся депутатом общегерманского Рейхстага.

Параллельно с занятием политикой Дельбрюк не оставлял и свою научную деятельность, в 1885 г. он стал экстраординарным, а в 1895 г. – ординарным профессором современной истории в Берлинском университете, получил кафедру, которую ранее занимал Трейчке. Область его интересов была прежде всего связана с историей военного искусства. Центральной его работой стало масштабное – в четырех томах – произведение «Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории» (*Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte.* Bd. 1–4. Berlin, 1900–1920). Среди его других известных произведений:

«Персидские и Бургундские войны» (*Die Perserkriege und die Burgunderkriege.* 1887);

«Стратегия Перикла» (*Die Strategie des Perikies.* 1890);

«Русско-польское. Путевые заметки» (*Russisch-Polen. Eine Reise-Studie.* Berlin, 1899);

«Воспоминания, статьи и выступления» (*Erinnerungen, Aufsätze und Reden.* 3. Aufl. Berlin, 1907);

«Всемирная история. Лекции, прочитанные в Берлинском университете в 1896–1920 гг.» (*Weltgeschichte. Vorlesungen, gehalten an der Universität Berlin 1896/1920.* Bd. 1–5. Berlin, 1924–1928).

Постепенно, по мере того как при кайзере Вильгельме II германская политика становилась все более агрессивной, Дельбрюк переходил на все более либеральные позиции, выступая против милитаризма и национализма. Вскоре после начала Первой мировой войны Дельбрюк пришел к выводу, что поражение Германии неизбежно; позже – уже после войны – он резко критиковал стратегию Эриха Людендорфа, указывая, что Германии надо было сосредоточить все свои усилия на достижении скорейшей победы на Восточном фронте, а на Западном ограничиться лишь сдерживающими операциями, после чего заключить мир на наиболее выгодных условиях. Также во время войны он публично выступил с критикой действий влиятельного Пангерманского союза (*Alldeutscher Verband*) и вообще высшего руководства страны, не побоявшись открыто вмешаться в обсуждение стратегических перспектив войны.

После окончания войны Дельбрюк решительно выступил против мифа об «ударе в спину», который как раз начали активно муссировать военные и консервативные круги. Впрочем, историк отнюдь не был социал-демократом: он также крайне резко выступил против утверждений о вине Германии в развязывании Первой мировой войны, а также против подписания тяжелых

условий Версальского мира. Вместе с Максом Вебером и другими политиками Дельбрюк подписал 27 мая 1919 г. меморандум, в котором отстаивалась точка зрения, что Германия была вынуждена начать оборонительную войну, противостоя агрессии со стороны Российской империи.

Ганс Дельбрюк скончался в Берлине 14 июля 1929 г. и был погребен на городском кладбище Халензее. Он был женат на внучке выдающегося немецкого химика Юстуса Либиха – Лине Тирш. У них родилось семеро детей – четыре дочери и три сына. Его старший сын – Вальдемар – погиб в 1917 г. на фронте. Средний – Юстус (1901–1945) – был активным участником заговора против Гитлера и в 1944 г. оказался в застенках гестапо; ему удалось пережить крах Третьего рейха, но затем он оказался в советском лагере, где и умер в октябре 1945 г. Младший сын – Макс (1906–1981) – в 1937 г. эмигрировал в США, где получил мировой признание как биохимик, став лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине (1969).

Ниже приводится статья «Дельбрюк – историк измора и сокрушения», опубликованная во втором томе книги «Стратегия в трудах военных классиков» в 1926 г.

...

К.А. Залесский

* * *

Если мы будем разуметь под «военными классиками» только писателей в военной форме, то мы не сможем отнести к их числу гражданского историка Дельбрюка. Однако такой подход к классификации мыслителей, очевидно, не выдерживает никакой критики. Мы не считаемся с тем, что Бюлов лишь короткое время своей молодости находился на военной службе, или с тем, что Ллойд, уже выйдя в отставку, нашел возможность сосредоточиться на стратегических вопросах. Если мы отбросим неуместный вопрос о роде службы и сосредоточим свое внимание исключительно на умственной деятельности Дельбрюка, то мы должны будем признать за ним полное право на занятие почтенного места в нашем труде. В 1878 г. он уже выступил в печати с рецензией на труд Тайзена «О военном завещании Фридриха Великого», развившей стратегические идеи, к которым

когда-то подходил Клаузевиц, но которые с тех пор были хорошо забыты. На эти идеи – деление стратегии на измор и сокрушение – он натолкнулся при обдумывании своего первого труда – классической биографии Гнейзенау [170] . Упомянутая рецензия вызвала борьбу, отзвуки которой продолжали раздаваться и через сорок слишком лет. Прусский генеральный штаб выдвинул против Дельбрюка своих лучших бойцов: Кольмара фон дер Гольца, Малаховского, Фридриха Бернгарди, весь аппарат военно-исторического отделения большого генерального штаба. Теодор Бернгарди отвечал на замечания Дельбрюка капитальным ученым исследованием о Фридрихе Великом в двух томах; скрытая полемика замечается во многих десятках томов официальной истории походов Фридриха Великого. Несмотря на то что Дельбрюк являлся редактором влиятельнейшего консервативного ежемесячника и был депутатом правой в прусской Палате господ, министру народного просвещения был сделан запрос, как он считает возможным держать в берлинском университете профессора, якобы оскорбляющего память Великого Фридриха. Долгие годы Дельбрюк, несмотря на свои ученые заслуги и громадные связи в ученом и придворном мире, не утверждался в звании ординарного профессора. Лишь Шлиффен несколько умерил ярость, с которой прусский Генеральный штаб атаковал автора «опасной и глубоко вредной стратегической ереси». В страшном обострении стратегии сокрушения автором «Канн» заключается и признание права существования теории измора.

Здравствующий и сейчас Дельбрюк сорок два года [171] посвятил отстаиванию своих стратегических воззрений. Полемика с генеральным штабом постепенно втянула его в изучение прошлого военного искусства, и свои семинары он посвящал почти исключительно исследованию войн, сражений, важных военных проблем прошлого. А работать на семинарах Дельбрюка приезжали историки со многих концов мира. Вместо традиционной филологической критики источников Дельбрюк развил метод критики достоверности источника по существу, исходя из знания той области, о событиях в которой трактует источник. Дельбрюк требовал достаточных стратегических и тактических познаний от историка, который берется описывать и критиковать военные события прошлого. Как ни странно, но сотни лет ученые филологи считали возможным писать целые трактаты о войнах и военном искусстве (например, труд Момзена о военных установлениях Рима), не имея никакого представления о военном искусстве.

Из работ Дельбрюка имеют чрезвычайно важное методологическое значение для каждого, кто хотел бы заняться

военной историей, труд «Греко-персидские и бургундские войны» и особенно его четырехтомное сочинение, законченное лишь в 1920 г., – «История военного искусства в рамках политической истории». К сожалению, последний труд доведен только до Наполеона, причем уже на Фридрихе Великом автор заканчивает подробное изложение и излагает французскую революцию и Наполеона лишь несколькими, правда, очень уверенными, мазками.

Через семинарии Дельбрюка прошло три поколении германских историков; сотни диссертаций их были посвящены разработке различных вопросов истории военного искусства. Получился колоссальный сдвиг, и мы теперь не мыслим ни одного серьезного военного историка, который не находился бы в известной зависимости от произведенного Дельбрюком переворота.

Несмотря на свой консерватизм, Дельбрюк мог успешно бороться с генеральным штабом в области стратегии, лишь заняв определенно диалектически-эволюционную точку зрения. В этом отношении он резко разошелся с господствующей исторической школой и по приемам своего исследования, по разработке особого масштаба для оценки явлений каждой эпохи, по выдвижению на первый план вопросов эволюции, по пониманию процесса исторического развития как одного целого Дельбрюк занял чисто диалектическую гегелианскую позицию. Это дало основание известному марксисту Францу Мерингу признать Дельбрюка, несмотря на его частые вылазки против материализма, величайшим историком за последние сто лет.

В чем же суть «стратегической ереси» Дельбрюка, против которой ополчилось столько правоверных авторитетов, начиная с Мольтке?

Еще Клаузевиц усматривал существование в истории двоякой стратегии. Его не удовлетворяло обычное рассуждение, что великие полководцы встречаются редко, а потому не всегда мы встречаем осуществление настоящей сокрушительной стратегии. Нельзя подвергать суммарному осуждению всю предшествующую Наполеону военную историю из-за того, что она резко расходится с наполеоновскими образцами. Из пятидесяти войн в истории, может быть, сорок девять войн задаются только ограниченными целями на вооруженном фронте борьбы. Можно ли игнорировать их опыт, ссылаясь на то, что отказ от сокрушения объясняется каждый раз ошибочными взглядами, отсутствием энергии? Как великий реалист, Клаузевиц должен был отказаться от осуждения действительности, уклониться от вступления в спор с фактами и признать, что причина лежит в сущности дела. В 1827 г., за три

года до смерти, он писал, что собирается переделать свой трактат «о войне» так, чтобы каждый вопрос рассматривался как с точки зрения стратегии сокрушения, так и с точки зрения стратегии ограниченных целей.

Дельбрюк развил эти мысли в приложении к Фридриху Великому. Он указывал, что с точки зрения наполеоновской стратегии Фридрих является не предтечей Наполеона, а жалким тупицей, боязливым игроком и что величие Фридриха можно понять, только рассматривая его в рамках не наполеоновской стратегии, а стратегии его времени.

Дельбрюк эту другую стратегию, выдвигающую вместо сокрушения ограниченные цели, называет то стратегией измора, то двухполюсной стратегией. Оба термина его не удовлетворяли, так как противники Дельбрюка вкладывали в них совсем не то содержание, которое он разумел.

Под стратегией измора многие понимают столько раз охаянный методизм XVIII в., Бюловское стремление к решению участи войны без сражения, стратегию, единственным средством которой является маневр, грозящий сообщениям неприятеля. Во избежание недоразумений, Дельбрюк обратился к термину «двухполюсная стратегия». Стратегия сокрушения имеет только один полюс – сражение. Решительное сражение представляется единственным средством, к которому она стремится и пред которым бледнеет все остальное. Стратегия же измора имеет два полюса, одним из которых является сражение, а другим – маневр и прочие бескровные средства. Мысль Дельбрюка, таким образом, сводится к тому, что стратегия сокрушения едина и допускает только одно определенное решение, крайне простое, так как вся деятельность на войне должна быть подчинена требованиям быть сильнее на решительном пункте. Стратегий же измора не одна, а бесконечное количество. Полководец стратегии измора может держаться близко к полюсу сражения, и тогда его деятельность по внешности лишь немногим будет отличаться от деятельности стратегии сокрушения; и целый ряд различных ступеней, с все уменьшающимся стремлением к сражению, отделяют полюс сражений от полюса маневренного; в чистом своем виде исключительно маневренная, бескровная стратегия на практике немыслима. Позиционная война являлась непременной спутницей двухполюсной стратегии, так как укрепленная позиция всегда высоко расценивалась всеми полководцами, стремившимися уклониться от решительного сражения.

«Двухполюсная стратегия» – это термин, вызванный только условиями полемики. Вместо него мы пользуемся термином «стратегия измора», но просим очень помнить, что последняя

далеко не представляет такого единства теории, мысли и решения, как стратегия сокрушения, и представляет целую радугу различных стратегических оттенков.

Те лица, которые нападали на еретика Дельбрюка и указывали на опасность и зловредность его теории, имели серьезное основание для беспокойства. Не только страшные усложнения стратегического мышления являются результатом признания двоякого характера стратегии, но возникают серьезные основания для опасения, не пострадает ли энергия стратегических решений от признания условности каждого метода стратегического мышления.

Все, что раньше было в стратегии бесспорного, теперь выносится на дискуссию: каждая стратегическая истина должна иметь в частном случае еще особые, нелегко устанавливаемые предпосылки, чтобы сохранить свое значение на практике. Диалектика, с ее противоречиями и ее трудностями, широкой волной врывается в военное мышление сквозь сделанную Дельбрюком брешь.

Стратеги довоенного периода имели все основания смотреть на теорию Дельбрюка как на катастрофическое землетрясение, грозящее совершенно разрушить все хрупкие достижения стратегической теории. Ведь дело сводилось к тому, что представляет наполеоновская стратегия самый ли ствол стратегии или только одну, хотя и очень крупную, его ветвь? Принять в стратегии деление на сокрушение и измор – это даже более, чем принять для соответственных дисциплин принцип относительности Эйнштейна. И где же допускать эту относительность – в военном деле, где решимость, отсутствие колебаний, целеустремленность имеют такое первостепенное значение!

Однако всеми этими соображениями еще можно было бы пытаться оспаривать истину, открытую Клаузевицем и Дельбрюком до мировой войны. После той колоссальной демонстрации стратегии измора, которую представляет мировая война, мы не можем умышленно надеть на себя шоры и не замечать двойственности стратегии. Вся подготовка к мировой войне, ошибочные действия всех генеральных штабов, все это представляет тяжелую расплату за общее стремление мыслить только в плоскости наполеоновской стратегии, не отдав себе предварительно отчета в том, найдет ли она свое применение при данном соотношении сил и средств. Оставаясь в плоскости сокрушения, мы не можем понять причинной связи событий мировой войны, не можем установить точки зрения для суждения о ней, не можем сделать никаких выводов. Из крупных

действующих лиц Фалькенгайн в германском лагере и Фош во французском раньше других на практике почувствовали невозможность спорить со стратегией измора как реальным фактом войны. Они отбросили, правда частично, свои старые воззрения, свои наполеоновские шоры уже к началу 1915 г. Поход в Россию 1915 г., атака Вердена и наступление на Сомме в 1916 г. были, может быть, не во всех подробностях удачными, но сознательными приложениями теории измора.

Будущие труды по стратегии, конечно, должны будут подробно остановиться на разработке вопросов, связанных со стратегией измора. Уже план кампании, если война намечается на измор, будет, конечно, представлять совершенно иную сложность, чем план кампании на сокрушение. Каковы трудности, которые предстоит одолеть стратегической мысли, можно судить хотя бы по тому, как неохотно военные историки берутся за разработку войн, складывавшихся на измор. Ведь Г.А. Леер почти никогда не приводил примеров из войны за нераздельность Соединенных Штатов 1862–1865 гг., современником которой он был, а предпочитал черпать из эпохи Наполеона: и действительно, ясная логическая линия войны, которую Наполеон или Мольтке вели на сокрушение, дробится в войне на измор на ряд логических обрубков, ряд произвольный и неопределенный, в котором, однако, очень легко заблудиться и наделать неисправимых ошибок.

Создание стратегического труда, который нам попытался бы дать ясный и цельный взгляд на стратегию в двух ее видах – сокрушения и измора, – представляет еще очередную задачу. Пока же нам кажется, что прилагаемые выдержки из четвертого тома истории военного искусства Дельбрюка, гласящие о стратегии Фридриха и Наполеона, могут отчасти сыграть роль руководящей нити [172] , позволяющей ориентироваться в современном стратегическом хаосе.

...

Редакция

Ганс Дельбрюк ФРИДРИХ КАК СТРАТЕГ

Тактика за период с эпохи Возрождения до Фридриха Великого изменилась глубочайшим образом в самом своем корне, но основы стратегии остались теми же. Обширные и глубокие массы пехоты вытянулись в тонкие, как нить, линии; копейщики и алебардщики превратились в мушкетеров; из одиночных всадников составились сомкнутые эскадроны; немногие тяжеловесные орудия обратились в бесчисленные батареи; но полководческое искусство сохранило за все эти века тот же облик. Все время повторяются одинаковым образом создавшиеся положения и одинаковым образом мотивированные решения. Редко приходится обеим сторонам двигаться прямо навстречу друг другу, чтобы добиться решения. Иногда обе стороны или же лишь та сторона, которая чувствует себя более слабой, занимают неприступные позиции. Мотивом, заставляющим дать сражение, является предположение одной из сторон, что создался удобный для того случай, например чтобы иметь возможность атаковать, прежде чем противник успеет укрепиться (под Белой горой в 1620 г.; Хохштедт – 1704 г.), или же в условиях осады крепости. Сражения под Равенной в 1512 г., под Нордлингеном в 1634 г., при Мальплаке в 1709 г. складываются на совершенно одинаковых основаниях: более сильная сторона хочет осадить какую-либо крепость, а другая стремится помешать этому посредством занятия вблизи выгодной позиции, причем подвергается атаке. Колин отличается от названных выше сражений только тем, что осаждающий несколько выдвигается навстречу подошедшей на выручку армии. Или же, наоборот, армия, идущая на выручку осажденных, атакует более сильную армию, связанную осадой: Павия (1525), Турин (1706). Добрая часть Семилетней войны вертится вокруг осад и прикрытия крепостей – Прага, Ольмюц, Дрезден, Швейдниц, Бреслазль, Кюстрин, Нейсэ, Глатц, Козель, Кольберг, Глогау. Таковы же условия и борьбы между Карлом V и Франциском I, а также и Тридцатилетней войны и войн Людовика XIV. Решения Густава Адольфа дать сражения под Брейтенфельдом и Люценом назревают совершенно так же, как и решения Фридриха дать сражение при Лейтене и Торгау. Каждый период, каждая кампания и каждый полководец проявляют при этом свои индивидуальные черты, весьма заслуживающие внимания. Густав Адольф атакует Валленштейна под Люценом, так как он не хочет

позволить ему зимовать в Саксонии; Фридрих Великий атакует австрийцев под Лейтеном и Торгау, потому что он не хочет позволить им зимовать – однажды в Силезии, а другой раз в Саксонии. В этом отношении положение оказывается совершенно схожим, но имеется и значительное различие, поскольку Фридрих и под Лейтеном, и под Торгау шел на несравненно больший риск, чем шведский король. Далекие предприятия и подвижность Торстенсона, конечно, придавали его стратегии совершенно своеобразную окраску, однако ее основы ничем не отличались от таковых стратегии Густава Адольфа. Даже в истории отдельных полководцев мы встречаем разительные параллели: как Евгений, так и Фридрих понесли в последнем данном ими крупном сражении большие потери убитыми и ранеными и добились лишь скромного стратегического успеха, один под Мальплаком, другой под Торгау, и после этого вели лишь кампании, которые ими уже больше не доводились до решительного сражения. Мальплак являлся тем, что издревле именуется «пирровой победой», а Торгау было лишь немногим больше. Поэтому с точки зрения мировой военной истории надо ставить не вопрос, почему Фридрих после 1760 г. так сильно уклонился в сторону маневренного полюса, а каким образом, несмотря на опыт предшествовавших ему великих полководцев, он все же мог еще с таким страстным увлечением приближаться к полюсу сражений. Ответ заключается в том, что возросшие достоинства прусских войск и тактическая их умелость, которые в конце концов привели к идее косого боевого порядка и сделали ее осуществимой, дали и в стратегическом отношении гениальному смельчаку новые надежды на апелляцию к решению спорных вопросов сражением.

Если круг воздействия даже крупнейших тактических решений оказывается всегда ограниченным известными рамками, и нельзя ожидать, что они сами по себе приведут к миру, то в этих условиях ценности второстепенного порядка приобретают такое значение, которым полководец не может пренебрегать; является даже необходимость отрывать в их пользу силы от главного тактического решения. В Тридцатилетнюю войну несравненно большая часть наличных вооруженных сил используется на занятие бесчисленного множества укрепленных городов, а сражения даются лишь маленькими армиями. У Евгения и Мальборо, так же как и у Фридриха, мы всегда наталкиваемся на случаи, когда в момент решительного сражения отсутствует часть войска, которая с точки зрения идеала могла бы быть притянута на поле сражения. В своих «Генеральных принципах» 1748 г. Фридрих выдвигает начало: если на нас

одновременно нападает несколько противников, «то надо пожертвовать неприятелю одной из провинций, пока мы всеми силами не схватимся с другим противником, принудим его к сражению и напряжем крайнюю энергию для нанесения ему поражения, после чего можно будет выдвинуть часть сил против остальных врагов». Однако когда в 1756 г. предусмотренный выше случай действительно наступил, то Фридрих не смог решиться пожертвовать провинцией и потому не сосредоточил всех своих сил. По этому поводу он к своим «Генеральным принципам» сделал следующее добавление: «При этом способе войны утомление и марши, которые выпадают на долю армии, действуют на нее разрушительно, и если такая война затягивается, то в результате она принимает неудачный оборот». Ввиду этого он лишь условно применял принцип, который позднейшими теориями был назван «оперированием по внутренним линиям». Как высоко ни ценил он решительное сражение, тем не менее он знал, что не может достигнуть действительного сокрушения противника и что поэтому, чтобы выдержать войну, не меньшее значение имеет прикрытие провинций, а в частных случаях – и магазинов. Поэтому, когда он в своих теоретических размышлениях вторично возвращается к сосредоточению всех своих сил в одном пункте, то это является для него лишь последним средством отчаяния, чтобы умереть с честью. Когда в зиму 1761/62 гг. его бедственное положение достигло крайней степени и, по-видимому, ничто уже не могло помочь, он за несколько дней (9 января 1762 г.) до получения известия о смерти царицы [Елизаветы Петровны] указал на этот выход своему брату принцу Генриху. Генрих ответил ему, что при сосредоточении всех вооруженных сил в одном пункте пришлось бы повсеместно принести в жертву противнику магазины и провинции. Не иначе думал и сам король, который, несмотря на свой принцип – быть возможно сильнее в сражении, – всегда вступал в сражения лишь с частью сил, так как войска расходовались на прикрытие. Он мог бы располагать большими силами на полях сражений при Кессельдорфе, Праге, Цорндорфе и Кунерсдорфе, если бы его не связывали соображения о прикрытии. Уже в момент осады им Ольмюца, когда русские дошли до Одера и угрожали Берлину, принц Генрих предлагал присоединить свою армию из Саксонии к войскам графа Дона и дать сражение русским, чтобы освободить прусские области. Но прикрытие Саксонии представлялось королю слишком важной задачей, и этот план не был приведен в исполнение.

Если мы постоянно встречаемся с теми же явлениями, то это свидетельствует о том, что дело здесь сводится не к случайным

ошибкам, а к принципиальным вопросам. От систематического соединения всех сил тем легче было отказаться, чем труднее являлось руководство крупными массами. Развернуть друг возле друга 20 или 30 батальонов и повести их вперед, сохраняя равнение, было чрезвычайно трудно. Вместо того чтобы стремиться к возможно большим силам, возвращались постоянно к дебатированию мысли – не следует ли для увеличения численности армии установить предельную границу, чтобы большая численность не превратилась в бремя и сама не выросла в препятствие, от которого лучше избавиться. На дискуссию выносилась тема, какова должна быть численность армии, представляющая наибольшие выгоды; таким образом, мысль работала над конструированием нормальной армии. Уже Макиавелли считал, что армия численностью от 25 000 до 30 000 человек является наилучшей. Такая армия позволяет занять позицию, на которой нас нельзя будет вынудить к сражению, и, следовательно, может успешно состязаться с большей армией, не имеющей возможности продолжительное время оставаться сосредоточенной. Тюренн стремился командовать не очень многочисленной армией, не свыше 20 000–30 000 человек, причем половину должна была составлять кавалерия. Монтекукколи также не хотел иметь более 30 000 человек. «Бой ведется скорее духом, чем телами, – пишет он, – поэтому большая численность не всегда приносит пользу». Слишком большие армии не могут быть использованы. В дальнейшем численность несколько выросла. Маршал [Мориц] Саксонский устанавливал как максимум 40 000. Флемминг в своем труде: «Совершенный немецкий солдат» (1726) пишет, с. 200: «Армия в 40 000–50 000 человек, состоящая из решительных и хорошо дисциплинированных людей, в состоянии все предпринять; с такой армией, не хвастаясь, можно обещать завоевать весь мир. Следовательно, все, что превосходит данное число, является излишним и только вызывает ряд неудобств и замешательств». Полвека спустя Гибер дошел до 70 000. Даже в эпоху Наполеона Моро говорил еще о 40 000 человек как о нормальной численности армии, а маршал Сен-Сир заявил, что вождение армии, превышающей 100 000 человек, по-видимому, представляет задачу, превосходящую человеческие способности.

Идея нормальной армии является прямой противоположностью принципа возможно большего сосредоточения всех сил для сражения.

Чем же обуславливается выигрыш сражения, если не превосходством в силах, при предпосылке, что достоинства и храбрость обеих сторон стоят приблизительно на одинаковой

высоте?

Впоследствии Клаузевиц сказал: лучшая стратегия заключается в том, чтобы быть возможно сильнее, во-первых, вообще, а во-вторых, в решительном пункте. Мыслителю старой школы эта истина являлась столь малопонятной сама по себе, что Дитрих фон Бюлов счел необходимым особенно остановиться на обосновании преимуществ, даваемых численным превосходством; они вытекали из необходимости не позволить себя охватить. «Если у вас больше людей, чем у противника, и вы сумеете надлежащим образом использовать это превосходство, то большее искусство и храбрость его солдат окажутся бессильными помочь ему».

Как каждый членик Прусского военного государства благодаря лучшему обучению и более энергичному напряжению превосходил в отдельности соответствующую ему в Австрии часть, так же и в той же степени стратегия Фридриха Великого в окончательном результате превосходила стратегию Дауна. Прусские войска более умело маневрировали, пехота скорее стреляла, кавалерия производила более резкий шок, артиллерия являлась более подвижной, интендантство заслуживало большего доверия и позволяло растягивать пятипереходную систему в семи-и девятипереходную систему: король – полководец, не несший ответственности ни перед каким высшим авторитетом, не имевший над собой никакого гофкригсрата – все это сводил в стратегию, бесконечно превосходную по своей смелости и эластичности.

Мы знаем, какие чудеса может творить командование. Но нам всегда вновь приходится подчеркивать, что неожиданность, совершенно слепая случайность играют весьма значительную роль; в течение новых веков значение случайности постепенно нарастало, и в эпоху Фридриха достигло своего кульминационного пункта. Теодор фон Бернгарди [173] в своем труде «Фридрих Великий как полководец» насмехается над современниками Фридриха, которые хотели видеть в результате сражения лишь игру случая. Он же усматривает в этом толковании характерное различие не только между королем и его противниками, но также между королем и его помощниками, принцем Генрихом и принцем Фердинандом Брауншвейгским. Однако он упустил при этом из виду, что сам Фридрих во многих местах своих трудов, совершенно как и все остальные генералы его времени, считал обращение к сражению вызовом случаю; но в особенности он упустил из вида, что в условиях XVIII в. результат боя зависел от случая фактически значительно более, чем в какую-либо другую предшествующую или последующую эпоху

развития военного искусства.

Чтобы использовать действительность огня, линии, в которые строилась пехота, стали делать очень тонкими и, соответственно, очень длинными. Но эти длинные тонкие линии являлись очень хрупкими: какие-нибудь неровности местности, обрывы, болота, овраги, пруды, рощи, легко могли их разорвать и привести в беспорядок. Кроме того, они были крайне уязвимы с флангов. Чем глубже является построение, тем легче передвигаются войска и тем легче оборонять им свои фланги. Чем мельче является глубина построения, тем сильнее действие огня, но тем труднее всякое движение, как вперед, так и в стороны.

Следовательно, результат сражения, главным образом, зависел от того, удавалось ли атакующему выиграть у обороняющегося фланг и подтянуть к нему свои линии в сравнительно терпимом порядке; кроме того, атака должна была обрушиваться по возможности внезапно, так как в противном случае противник получал возможность построить новый фронт.

Степень удачи всего этого находилась в тесной зависимости от местности, которая полководцу заранее не была в точности известна и которую он, в большинстве случаев, не имел возможности полностью лично обрекогносцировать; а если еще прибегали к покрову ночи, чтобы обеспечить внезапность, то для войск отсюда вытекали новые трудности – правильно ориентироваться в темноте.

Качественное превосходство пруссаков над их противниками покоилось в значительной степени на том, что благодаря более интенсивному строевому обучению и лучшей дисциплине они могли легче торжествовать над этими затруднениями. Это дало право Фридриху высказать смелую мысль, что при удаче флангового маневра можно с 30 000 человек бить стотысячную армию; и действительно, это ему удалось под Соором и Лейтеном, когда он одержал полные победы, имея против себя весьма значительное численное превосходство.

Но какую роль сыграют в бою благоприятные и неблагоприятные предпосылки, учесть представлялось невозможным.

Под Хорузицем австрийцы проиграли сражение лишь потому, что они слишком долго затянули свой ночной марш.

Пруссакам же удался ночной марш, давший им победу под Гогенфридбергом.

Под Кессельдорфом надо считать чисто счастливой для пруссаков случайностью, что им удалось атаковать саксонцев до подхода австрийцев.

Под Ловозицем австрийцы в сущности выиграли сражение, и

победа осталась за пруссаками лишь потому, что Броун не уяснил себе одержанного успеха, не преследовал и ночью отступил.

Под Прагой Даун со своей армией находился на пути к соединению с главными силами. Передовые части корпуса во время сражения приблизились к полю сражения и находились в тылу у пруссаков на удалении всего в 10 километров. Корпус насчитывал 9000 человек и, так как ход сражения колебался, мог бы дать австрийцам решительный перевес.

Под Лейтеном небольшая цепь холмов дала возможность пруссакам скрыть их фланговый марш для охвата левого крыла австрийцев; последнее оказалось невозможным под Колином.

Под Цорндорфом русский отряд, силой в 13 000 человек [174] , находился на расстоянии двух переходов к северу от поля сражения и мог бы очень легко соединиться с главными силами русской армии.

Сражение у с. Кай [175] , вероятно, могло бы быть выиграно пруссаками, если бы колонне генерала Канитца, которую русские должны были обходить обширной дугой с юга, удалось переправиться через Эйхенмюлен – Флис.

Под Кунерсдорфом королю удалось сосредоточить свои войска прямо против русского фланга, но это преимущество было сведено на нет тем, что местность здесь представляла существенные затруднения для атаки, которые королю заранее не были известны, а отчасти и не могли быть заблаговременно выяснены.

Под Торгау все зависело от того, что обе половины армии, из которых одной командовал король [Фридрих II], а другой Цитен и которые наступали совершенно раздельно, действовали бы в бою во взаимной связи, дружно; этого удалось достигнуть лишь в самую последнюю минуту боя.

Здесь нам нужно остановить свое внимание, чтобы уяснить субъективные черты величия прусского короля. Когда в 1852 г. генерал Леопольд фон Герлах прочел историю Пруссии Ранке, он записал в своем дневнике (т. I, с. 91) следующее: «Фридриховская стратегия часто представляет неописуемую слабость, но в ней имеются и выдающиеся по блеску моменты». То, что Герлаху казалось неописуемой слабостью, представляет сущность стратегии измора, представление о которой было утрачено в военных кругах XIX в. Кто не может представить себе короля на этом фоне, тот непременно должен вынести ему обвинительный приговор. Совершенно сбиваются с истинного пути те, которые стремятся рассматривать Фридриха как представителя стратегии сокрушения; с этой точки зрения, Фридрих на всем протяжении своей военной карьеры, за исключением очень немногих

моментов, должен казаться слабеньким человеком, который не решается до конца ни продумать, ни осуществить на деле свои принципы. Величие Фридриха становится вполне понятным лишь тому, кто видит в нем стратега измора. В отношении оценки решительного сражения между ним и его предшественниками и современниками, как мы видели, нет различия. Он, безусловно, жил в атмосфере взглядов стратегии измора, но на кульминационном пункте своей военной карьеры он так приблизился к полюсу решительного сражения, что могло получиться представление, будто он был сторонником стратегии сокрушения и, как таковой, являлся предтечей Наполеона. Многие думают, что тем самым они окружают его память особым ореолом, а между тем в действительности они выставляют его в очень неблагоприятном свете. Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы предпосылки, которых недоставало фридриховскому пониманию государства и армии. Фридрих шаг за шагом неизбежно отставал от требований стратегии сокрушения. Для оценки его хотят применить неподходящий к нему масштаб, отчего в самые великие для него дни он начинает казаться мелкой и ограниченной фигурой. Позднейшие годы его деятельности пришлось бы излагать как даже отречение от самого себя. Если же Фридриха правильно поставить в рамки и на почву стратегии измора, то получается живой и чудовищно великий образ. В сущность стратегии измора входит неотъемлемый момент субъективности; я считаю себя вправе сказать, что фридриховская стратегия субъективнее стратегии любого другого полководца во всей мировой истории. Он всегда воспрещал своим генералам созывать военный совет, в некоторых случаях даже под угрозой смертной казни, как, например, при возложении на графа Дона командования против русских (письмо от 2 августа 1758 г.). Он полагал, что на военном совете всегда одерживает верх партия, отстаивающая более робкое решение. Он же требовал, чтобы рисковали даже втемную. Такое решение всегда должно носить личную окраску, должно быть субъективным. Военный совет слишком робок, потому что он слишком объективен. Если допустить параллель с изобразительными искусствами, то мы вспомним, что XVII и XVIII вв. являлись эпохой стилей барокко и рококо, которые давали возможность фантазии работать с необузданной субъективностью, в то время как классическое искусство держится объективных форм. Если мы не называем Фридриха героем рококо, то потому, что с этим словом в нашем представлении связывается известное изящество и мелочно-салонный характер, которые оказываются здесь совершенно

неуместными.

Такую характеристику, скорее, можно бы отнести к французским полководцам в Семилетнюю войну. К Фридриху сравнение с стилем рококо может прилагаться, только чтобы подчеркнуть субъективную особенность его полководческой деятельности – полную противоположность всякой схематичности. Можно сказать, что его решениями никогда не руководила вытекающая из природы необходимость, а лишь свободная личная воля. Вместо того чтобы в 1757 г. начать обширное вторжение с нескольких сторон в Богемию, он мог бы держаться обороны и предоставить инициативу противнику. Он часто мог бы атаковать, когда он этого не делал; точно так же он мог бы воздержаться от атак при Ловозице, Цорндорфе, Кае и Кунерсдорфе. Формально то же, конечно, можно повторить и о наполеоновских решениях, но, по существу, последние определялись внутренним законом: логическая необходимость ведет Наполеона к цели.

Чем сильнее в каком-нибудь замысле субъективный момент, тем тяжелее ложится бремя ответственности и тем труднее принятие решения. Сам герой видит в своем решении не результат рациональной комбинации, а, как мы уже видели, вызов судьбе и случаю. И достаточно часто приговор судьбы гласил против него самого.

Но если в дерзости решений Фридриха проявлялось величие его характера, то оно должно было еще больше проявиться в стойкости, с которой он встречал обрушившиеся несчастья. Если сравнить Фридриха с последним его предшественником, принцем Евгением, то полководческая карьера прусского короля окажется изобилующей гораздо большим количеством превратностей: у принца Евгения видна известная жесткая последовательность развития, и часто протекают целые годы между моментами, когда оно заостряется до действительного величия; у Фридриха же на протяжении одного года мы находим четыре больших сражения – Прага, Колин, Росбах, Лейтен; перетерпеть эту смену побед и поражений – это достойно еще большей славы, чем сама победа. Нет никакого сомнения, что попытка взять в плен в Праге всю австрийскую армию вела к перенапряжению сил, а атака под Колином вдвое сильнейшей австрийской армии, занимавшей чрезвычайно выгодную позицию, являлась сумасшедше смелой. Но такого рода победы и поражения имели моральное значение, далеко выходящее за пределы военного успеха и почти что от него независимое. Отсюда вытекало то огромное почтение, которое король внушал неприятельским полководцам. Почему они столь редко использовали те благоприятные случаи, которые

он им достаточно часто предоставлял? Они не осмеливались дерзать. Они считали его на все способным. Если величайшая осторожность в подходе к крупным решениям вообще лежит в существе двухполюсной стратегии, то эта осторожность, особенно у главного противника Фридриха, Дауна, разрасталась в боязливость, как только он встречал перед собой самого Фридриха.

Война – это шахматная игра; война – это борьба физических, интеллектуальных и моральных сил. Следя за походами Фердинанда Брауншвейгского против французских войск, можно заметить, что этот ученик фридриховской школы превосходил всех остальных исключительно потому, что обладал большим стратегическим мужеством; он противостоял опасности, перед которой пасовал его противник. Фердинанд располагал в 1759 году 67 000 человек против 100 000, а в 1760 г. – 82 000 человек против 140 000 и удержался. Решения имели меньший масштаб и сопровождались меньшими потерями, но в общем противоречия здесь оставались теми же, что и на главном театре войны, в борьбе Фридриха против австрийцев и русских.

Современники Фридриха, и во главе их его брат, принц Генрих, часто в самой резкой форме порицали короля за то, что он проливает излишнюю кровь; они уверяли, что его военное искусство состоит в том, чтобы вечно драться. Французский полковник Гибер хотел доказать (1772 г.), что он побеждал своими маршами, а не даваемыми сражениями. Новейшие писатели, наоборот, хотят видеть гений Фридриха в том, что он, и только он, из всех его современников, правильно оценивал природу сражения и надлежащим образом его применял. В сущности, король сам признал правоту современных ему критиков: он объявил своего брата Генриха единственным полководцем, не сделавшим ни одной ошибки; в последних кампаниях он отказался от принципа сражения; в своей истории Семилетней войны он признал метод Дауна хорошим. Мы также видели, что конечный результат Семилетней войны был обусловлен не исходом сражений. Если Фридрих не дал бы сражений при Праге, затем при Колине, а также при Цорндорфе и Кунерсдорфе, то он выдержал бы войну легче и лучше. Но это соображение весьма поверхностного порядка. Совершенно верно, что этих сражений можно было бы избежать и что их первоисточником являлась не деловая внутренняя необходимость, а личные настроения и субъективность полководца. Но Росбах и Лейте были во всяком случае необходимы; для полководца, принявшего оба эти решения, субъективную, но все же внутреннюю необходимость

представляли и данные им сражения под Прагой, Колином, Цорндорфом и Кунерсдорфом. «Экипаж опрокинулся», – острил принц Генрих после поражения при Колине. Сравнение было бы правильным, если бы Пруссия после этого разгрома действительно пала и король не нашел в себе силы воспрянуть вновь. Но так как он имел в себе эту силу, то он не только не мог, а должен был описать предопределенный ему путь. Он не был бы самим собой, если бы не попытался подчинить себе судьбу. Может быть, с деловой точки зрения было бы ему и выгоднее уже вступить в Семилетнюю войну с той ограниченной программой стратегической обороны, которой он начал следовать начиная с 1759 г., но это было для него внутренне невозможно. Первоначально, в 1757 г., он ведь имел это в виду, но когда Винтерфельд развернул перед ним блестящие возможности наступательных успехов, он не мог устоять перед силой неземного очарования открывшихся перспектив и не должен был отступать перед ними. Это дает нам разгадку понимания не только самого Фридриха, но и противоречивых о нем суждений. В наивном представлении современников, видевших только геройство, Фридрих обожествлялся; критика его современников – специалистов – прокляла позднейшие военно-исторические труды; сознавали, правда, что проклятие являлось абсурдным, но отнесли свое признание фридриховского искусства к неправильной категории, отчего создались внутренние противоречия.

Фридрих пишет в введении к своей истории Семилетней войны, что необходимость иногда заставляла его искать решения в сражении. Теодор фон Бернгарди, наоборот, поучает нас, что необходимость заставила короля отказываться от сражений. Может ли быть что-нибудь более удивительным, чем то, что через сто лет после Фридриха прусский Генеральный штаб перестал понимать его стратегию, и, начав издавать, при обширном использовании первоисточников, громадный труд по фридриховским войнам, обнаружил после того, как работа уже сильно подвинулась и много томов было выпущено, что он исходил из ошибочного основного взгляда? Но, как это ни удивительно, это все же остается фактом, и к тому же имеющим естественные объяснения. Между историческим суждением и практическим применением искусства легко может возникнуть подобное разногласие.

Как ни ценным является для практики углубление в историю, оно представляет и известную опасность, так как при подобном углублении приходится рассматривать только как относительное многое из того, что практик полагает и должен полагать

абсолютным законом, чтобы достичь полной уверенности и твердости представлений, необходимых для действий. Только очень сильное мышление имеет возможность охватить в себе и то и другое, и на этом основании я могу заключить главу следующим рассказом: фельдмаршал Блюменталь, несомненно принадлежавший к решительным представителям стратегии сокрушения (в 1870 году он с самого начала требовал, чтобы одновременно с обложением Парижа было начато большое наступление в глубь Франции), однажды высказал мне свое одобрение по поводу моего толкования фридриховской стратегии и заявил, что к этой стратегии еще когда-нибудь вернутся [176] .

Ганс Дельбрюк НАПОЛЕОНОВСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Я еще раз хочу повторить, что естественным принципом стратегии является сосредоточение всех сил воедино, розыск главных сил противника, нанесение им поражения и развитие победы преследованием, хотя бы до занятия всей неприятельской страны, пока побежденный не подчинится воле победителя и не примет его условий. «Среди всех целей, которыми можно задаваться на войне, уничтожение неприятельских боевых сил является целью, всегда господствующей над остальными» (Клаузевиц). Следовательно, объектом наступления являются главные силы неприятеля, а не какой-нибудь географический пункт, область, город, позиция или магазин. Если удастся, добившись крупного тактического решения, до такой степени физически и морально потрясти неприятельские вооруженные силы, что они потеряют возможность борьбы, то победитель развивает свою победу постольку, поскольку он сочтет это необходимым для достижения своей политической цели.

Армии старых монархий были слишком малы, тактически слишком беспомощны и по своему составу слишком неблагонадежны, чтобы иметь возможность проводить эти принципы в своей стратегии. Они закреплялись перед позициями, являвшимися непреодолимыми для их тактики, и не могли их обходить, так как должны были волочить за собой свое продовольствие. Они могли дерзать вторгаться лишь на скромное удаление в неприятельскую страну, так как они не были в состоянии прикрывать обширных областей и должны были при всяких обстоятельствах сохранять обеспеченное сообщение со своими базисами.

Наполеон увидел себя освобожденным от этих оков. Он с самого начала возложил все свои упования на тактическое решение, которое должно вывести из игры действующие неприятельские войска, а затем развивал победу, пока противник не подчинялся его условиям. Из этого высшего принципа вытекают следствия, распространяющиеся и на планы кампаний, и на все частные военные предприятия. Так как весь расчет заранее основывается на сокрушительном тактическом решении, то все прочие цели и соображения подчиняются этой высшей цели, и план кампании получает известную естественность и простоту.

Стратегия же измора строится на отдельных предприятиях,

которые могут получить тот или иной облик. В начале Семилетней войны Фридрих колебался между самыми разнообразными, даже прямо противоположными планами. Чем предприимчивее и чем деятельнее полководец, тем больше возможностей представляется его фантазии и тем субъективнее его решения. Наполеоновские же планы кампаний отличаются объективной внутренней необходимостью. Когда их впервые изучаешь и уясняешь, то испытываешь чувство, будто они иначе не могли и быть, и творческая деятельность стратегического гения состояла лишь в том, чтобы найти решение, диктовавшееся самой природой вещей. Стиль ампир, о котором говорит история искусств, со своим классицизмом и прямолинейной простотой имеет известное сходство и с военным искусством этой эпохи.

Попытаемся составить себе представление о тех положительных следствиях, которые вытекают непосредственно из противоречия основных принципов. Я не буду развивать его диалектически, так как мы можем его непосредственно прочесть в деяниях великих мастеров – Наполеона и Фридриха.

Наполеоновская идея похода сводилась к тому, чтобы устремить свое внимание на неприятельскую армию и заблаговременно приложить все силы к тому, чтобы не только ее атаковать, но по возможности и уничтожить. Фридрих выдвигал принцип: «Кто хочет сохранить все, не удержит ничего. Следовательно, существенный пункт, которого надо держаться, это неприятельская армия». Однако мы видим, что этот принцип имел для Фридриха лишь относительное значение и что он постоянно и очень сильно от него уклонялся. У Наполеона он царствовал безусловно. Когда Наполеон имел дело с несколькими противниками, он имел возможность разделаться порознь с каждым. В 1805 г. он победил австрийцев (при Ульме), прежде чем подошли русские, затем он разбил русских с остатками австрийцев (при Аустерлице), прежде чем вмешались пруссаки. В 1806 г. он опять-таки победил пруссаков, прежде чем пришли русские (при Йене), и в 1807 г. русских, прежде чем вновь выступили австрийцы.

В начале Семилетней войны Фридрих действовал совсем иначе. Первые месяцы 1756 г. обстановка уже вполне назрела; австрийцы еще не закончили вооружений, а русские и французы были еще далеко. Однако вместо того, чтобы как можно скорее нанести удар, Фридрих искусственно оттянул начало войны на конец августа. Если бы он был стратегом школы сокрушения, т. е. если бы ему это позволяли его средства, то мы должны были бы признать, что такой образ действий являлся самой тяжелой стратегической ошибкой во всей его военной карьере. Но так как

даже при самых благоприятных обстоятельствах план полного сокрушения Австрии оставался для него недоступным, то он поступил правильно, ограничившись на этот год оккупацией Саксонии и начав ее настолько поздно, что французы признали уже невозможным помешать ему в этом.

Отсюда видно, насколько нецелесообразно действуют те, которые во имя вящего прославления Фридриха пытаются доказать, что в следующем, 1757, году сокрушение Австрии действительно входило в его план (сражение при Праге, осада Праги). Если бы этот план действительно был выполним в 1757 г., то насколько легче было бы его осуществить в 1756 г.! Образ действий Фридриха ясен и последователен лишь на фоне стратегии измора. Если же это так, то мы должны оценить эту завязку Семилетней войны в ее коренном противоречии к образу действий Наполеона в 1805 и 1806 гг. как прекраснейшее и плодотворнейшее свидетельство естественных противоречий между сущностью и принципами обоих существовавших в истории видов стратегии.

Продолжим тем же путем наше исследование.

В стратегии измора на первом плане событий стоят осады крепостей, воспрепятствование таковым и деблокирование их; у Фридриха это выражается менее сильно, чем у его предшественников, но все-таки достаточно сильно. Наполеон же за все свои кампании (помимо второстепенных операций) обложил только две крепости, Мантую в 1796 г. и Данциг в 1807 г.

И на обе эти осады он решился лишь потому, что с наличными силами в данный момент не мог ни развивать, ни продвигать дальше маневренную войну против неприятельских войск. В стратегии сокрушения осаждают лишь в том случае, если осады никак нельзя избежать, будь то даже неприятельская столица, как Париж в 1870 г., или крепость, в которой заперта целая неприятельская армия, как Мец в 1870 г., или же осада представляет только второстепенную операцию. А для Фридриха взятие крепости, как Нейссе (1741), Прага, Ольмюц, Швейдниц (1762), часто является истинной целью всей кампании.

Поучение Фридриха ясно: «Если вы попадаете в страну, в которой имеется много укрепленных пунктов, то захватывайте их все и ни одного не оставляйте позади себя; лишь тогда вы будете методично продвигаться вперед и можете не опасаться за свой тыл».

Если бы союзники придерживались этого фридриховского принципа при вторжении во Францию в 1814 г., им никогда бы не удалось низложить Наполеона.

Фридрих строил каналы и пользовался водными путями не только для торгового движения, но и для довольствия войск. Наполеон строил шоссе; движение в его ведении войны было на первом плане.

По выражению, к которому часто прибегал сам Фридрих, сражение есть «рвотное средство», которое дается больному. «Мне не оставалось ничего другого», – часто писал он, когда хотел оправдать свое решение дать сражение. Последнее является для него вопросом, обращенным к судьбе, вызовом случайности, не поддающейся учету и определяющей исход. Наполеон же говорит нам, что у него был принцип – никогда не вступать в сражение, не имея 70 шансов из 100 на победу. Если бы Фридрих держался этого принципа, то он едва ли мог бы разыграть хотя бы одно сражение. Происхождение этого различия отнюдь нельзя видеть в сравнительной смелости обоих полководцев: оно коренится в различиях самих систем: если бы стратег школы сокрушения рассматривал сражение как приводящее к случайному исходу, то вся война для него была бы комбинацией случайностей, так как в его представлении все решения даются сражениями. В стратегии же измора сражение является лишь одним моментом из числа многих других, и исход его может быть вновь сбалансирован. Фридрих писал однажды, проектируя сражение, что даже в случае его проигрыша положение, по-видимому, не станет хуже, чем было до того. В устах Наполеона подобная мысль была бы непонятна и невозможна. В его глазах проигранное или выигранное сражение при любых обстоятельствах меняло всю обстановку самым коренным образом. Пруссия могла перетерпеть Кунерсдорф, но не Йену. Мы видели, насколько Фридрих ограничивал приложение на практике правила, столь часто провозглашаемого, о том, что к сражению надо притягивать все наличные силы. Наполеон же действительно осуществлял это правило, хотя, конечно, и для него оно являлось не абсолютным. 15 ноября 1805 г. он писал Мармону: «Мне приписывают несколько больше таланта, чем другим, и все-таки мне всегда кажется, что у меня недостаточно войск, чтобы дать сражение противнику, которого я привык бить; я подтягиваю к себе все, что только могу собрать».

Фридрих придерживался принципа – проектировать возможно более обширный план, о котором он сам себе заранее говорил, что при исполнении он сморщится. Он постоянно возвращался к этому принципу. «Обширные планы кампаний, – значится в политическом завещании 1768 г., – бесспорно, являются наилучшими, так как при их проведении в жизнь сразу выясняется, что невыполнимо, и, ограничиваясь выполнимым, все

же достигается большее, чем при наличии скромного плана, который никогда не может дать ничего великого». «Такие большие планы не всегда бывают успешны; но если они удаются, то они решают войну». «Составьте четыре такого рода проекта, и если один из них удастся, то вы уже будете вознаграждены за все труды». Если сравнить первоначальные проекты Фридриха с его последующим образом действий, то создается впечатление, будто его энергия не была на высоте его стратегических идей. Но это грубейшее заблуждение. Он совершенно сознательно сначала составлял планы, далеко выходящие за пределы возможного, чтобы ни в коем случае не задержаться, не достигнув пределов доступного. Жестокая действительность устанавливает эту границу; он знал, что она не упустит этого сделать и хотел дойти до нее. Следовательно, его стратегические идеи могут рассматриваться и расцениваться лишь с соответственной оговоркой. О Наполеоне же можно сказать как раз обратное. Его планы при выполнении не только не съеживались, но скорее разрастались. Он говорит о самом себе: «В мире не существует более малодушного человека, чем я, когда мне приходится составлять план кампании, я представляю себе все опасности в преувеличенном виде и рисую себе все в возможно черном свете; я нахожусь всегда при этом в мучительном возбуждении. Правда, это не мешает мне казаться окружающим совершенно бодрым. Но если я уже принял решение, то я забываю все и думаю лишь о том, что могло бы способствовать его удаче».

В сражении Фридриха все строится на единстве и связности усилий; от первого удара зависит решение. Наполеон же вступает в сражение без определенного плана, не имея даже точного представления о расположении противника. «Надо завязать бой, – говорит он, – а затем уже будет видно, что надлежит делать дальше». При таких условиях, весьма значительная часть армии должна оставаться в резерве, чтобы вступить в борьбу за решение в том пункте, который будет указан полководцем. Это различие между сражениями Фридриха и Наполеона прежде всего сказывается в различных тактиках – линейного боевого порядка и стрелкового боя [177] . Однако здесь имеется также известная связь со стратегией. Наполеоновское сражение органически вырастает из предшествующих операций, хотя это часто вовсе не предвидится. Фридриховское сражение берет начало в более или менее заранее подготовленном субъективном решении, следовательно, оно не нуждается в длительном введении к нему, и чем скорее оно достигнет развязки, тем это лучше.

Фридрих всю жизнь проводил в размышлениях над стратегическими принципами, вспомогательными средствами и

планами. Наполеон же говорил: «Je ne connais que trois choses a la guerre; c'est faire dix lieues par jour, combattre et tester en repos» [178] .

Если можно утверждать, что Наполеон давал развиваться сражению, не имея предвзятой идеи, то аналогичное утверждение можно распространить и на его стратегию. Он сам высказал, что никогда не имел плана кампании. И это нисколько не противоречит приведенному нами выше сообщению Наполеона о том, что он был очень боязлив при разработке своих планов. Столь часто приводимые слова Мольтке гласят: «Ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и удерживаемой до конца первоначальной идеи» [179] .

В таком же смысле говорил Наполеон, утверждая, что никогда не имел плана кампании. Несомненно, что, приступая к развертыванию своих войск, он, естественно, всегда имел весьма определенную идею и тщательно взвешивал все могущие создаться возможности, но он заранее не склонялся в пользу которой-либо из них. В стратегии же измора мы всегда встречаем весьма заблаговременно разработанные планы целых кампаний; правда, у Фридриха эта разработка не заходила так далеко, как у его современников, однако, согласуясь с природой стратегии измора, эта разработка имелась и у него.

Наполеон также был недостаточно силен, чтобы доводить сокрушение противника до такого предела, как, например, довел его Александр Македонский, завладевший всей Персией. Даже пруссаки в 1807 г. могли бы еще продолжать борьбу, если бы только русские были на это согласны. Наполеон доводил свои войны до конца не только победами, но и путем политики. Таким образом, как будто можно сказать, что между Наполеоном и его предшественниками различие было лишь относительным. Однако мы видели, что на практике разница между ними была капитальной, и Наполеон, как и Александр Македонский, действовал на основании принципов, логически вытекающих из сущности стратегии сокрушения. Он мог так поступать потому, что был уверен или полагал, что мог быть уверенным в том, что если ему в конечном результате чего-то и не достало бы для полного сокрушения противника, не хватило бы дыхания, если можно так выразиться, то он всегда имел бы возможность пополнить политикой недостающее.

Да, следует сказать, что в этом-то и заключается его

историческое величие. В самых сокровенных глубинах своего существа Наполеон представлял гораздо более государственного человека, чем воина. Ни в молодости, ни позднее он не посвящал свое внимание занятиям ни военной историей, ни военной теорией. Все мыслящие военные углублялись в вопрос, не следует ли от тонких линий вернуться к глубоким колоннам; у поручика Бонапарта мы не встречаем и следов интереса к этому вопросу Фридрих читал все, что только имелось в античной и новой литературе о войне и военной истории.

Правда, и Наполеон часто указывал на то, что воин должен изучать деяния великих полководцев, чтобы у них поучаться, и называл Александра [Великого], Ганнибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Евгения [Савойского] и Фридриха [Великого], но сам он, помимо Цезаря, в сущности был знаком лишь с весьма маловоенными биографиями Плутарха и охотнее читал политические и нравственно-философские труды. Нет ничего более характерного для Наполеона, как его поведение в начале революционных войн. Он был в то время французским поручиком; если бы в нем перевешивала склонность к военному делу, то это должно было бы побудить его принять участие в рядах своего полка в борьбе на фронте, тем более что он усердно примыкал к новым политическим идеям. Но молодой офицер в течение всего первого года уклонялся от войны и провозился с несколько авантюристическими планами корсиканской политики. Лишь потерпев в последней неудачу, отправился он в армию. Первый же план крупного похода, составленный им в 1796 г., когда ему было поручено командование армией в Италии, представлял политическое сооружение, бившее на отделение Сардинии от Австрии; в 1797 г. он закончил войну с Австрией, в конечном счете, также средствами политики: достигнув уже ближайших окрестностей Вены, он выступил не только с требованием аннексий за счет побежденных (Бельгии и Милана), но и предложил им крупную компенсацию (Венецию). Совершенно также обстояло дело и в его позднейших войнах; при всем своем пылком воображении он верно расценивал пределы своих сил. Утратил ли он, начиная с 1812 г., это свойство, перестало ли оно умерять его действия в границах достижимого, или какая-то неизбежная внутренняя необходимость вывела его из равновесия – этот вопрос мы оставляем пока открытым. Но мы утверждаем, что условия, в которых он действовал, сделали для него возможным то, что являлось невозможностью для Густава Адольфа, полководцев Людовика XIV, принца Евгения Савойского и Фридриха Великого, а именно строить планы своих кампаний не на простом изморе, а на сокрушении противника и затем

политикой завершать свое дело.

Если кто-нибудь стал бы полагать, что новая стратегия выросла сама собой на почве новых обстоятельств и представляет, таким образом, естественный продукт, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности фактически создал из имеющегося материала новый облик явления. Как раз в таких моментах мы можем с особенной отчетливостью познать, что мировая история ни в коем случае не является, как это думают материалисты, естественным процессом [180] . Можно уяснить себе это, сравнивая первые кампании, являющиеся проявлением новой стратегии, а именно кампании генерала Бонапарта с таковыми значительнейшего из его коллег, генерала Моро.

После того как истек 1795 г., не приведя к каким-либо крупным тактическим столкновениям, и Пруссия по Базельскому миру вышла из войны, французы выставили весной 1796 года три армии, из которых одной командовал Бонапарт в Италии, другой Моро на Верхнем Рейне и третьей Журдан на Среднем Рейне, до Дюссельдорфа. При помощи английских субсидий австрийцам вместе со своими мелкими союзниками удалось выставить против французов войска, численно не только не уступавшие, но даже несколько их превышавшие.

Обе стороны, руководясь принципом прикрытия занимаемой территории, растянули свои войска по длинному фронту. Бонапарт, войска которого частью находились в Альпах, а частью на Ривьере и дотягивались до окрестностей Генуи, сосредоточил свои главные силы к крайнему правому флангу на Ривьере, оставив свои сообщения с Францией лишь слабо прикрытыми. Обе стороны двинулись навстречу друг другу через перевалы Апеннин, и хотя французы были в общем на несколько тысяч человек слабее, тем не менее благодаря своей группировке в каждом отдельном бою они численно превосходили своего противника; они разбили центральную колонну, затем ворвались между австрийской и сардинской армиями и окончательно одержали верх, причем генерал Бонапарт заключил весьма выгодное для сардинского короля перемирие. Австрийцев же Бонапарт оттеснил до Мантуи, запер там и осадил остатки их армии. Австрийцы четыре раза спускались с Альп для деблокады Мантуи, но каждый раз были разбиты французами, причем однажды Бонапарт даже снял осаду с крепости и пожертвовал своей тяжелой артиллерией, чтобы добиться превосходства для победы в открытом поле.

Когда Наполеон после своих побед вел в Леобене переговоры о перемирии, он сказал австрийским генералам: «В Европе

имеется много хороших генералов, но они сразу зарятся на слишком многие вещи. Я же вижу только одно, а именно массы. Я стремлюсь их уничтожить, потому что уверен, что с этой целью я достигну сразу и все остальные».

Несколько позднее он говорил в Милане: «Сущность стратегии состоит в том, чтобы, обладая более слабой армией, всегда иметь в пункте, где мы атакуем или где нас атакуют, больше сил, чем противник». Наконец, на острове Св. Елены он писал: «В революционных войсках придерживались ошибочной системы и раздробляли силы, выделяя отряды направо и налево, что является совершенным извращением. Моими столь многочисленными победами я в действительности обязан как раз обратной системе. Накануне сражения я собирал все мои дивизии к тому пункту, где собирался нанести удар, и не рассеивал их. Здесь моя армия массировалась и с легкостью опрокидывала все то, что ей противостояло и что, конечно, всегда было более слабым».

Моро и Журдану было бы, конечно, весьма выгодно оперировать в Германии таким же образом, как Бонапарт оперировал в Италии. Австрийцы, которыми командовал эрцгерцог Карл, растягивались на фронте от Базеля до р. Зиг. После того как успехи Наполеона вынудили отозвать корпус Вурмзера в Италию, силы обеих сторон приблизительно сравнялись. Сконцентрировав свои войска, французы могли бы атаковать и разбить порознь австрийские корпуса. Энергичные удары и были намечены в действительности; но цель их заключалась не в уничтожении неприятельской вооруженной силы, а в захвате территории. Дав лишь несколько малозначительных боев, французские генералы добились маневром отхода эрцгерцога Карла в Баварию. Моро достиг реки Изара. Но тем временем эрцгерцог Карл направил свои главные силы на Журдана, нанес ему под Вюрцбургом чувствительный удар и потеснил его до Рейна. На Изаре Моро располагал более чем двойным численным превосходством над противником. Тем не менее и он присоединился к отступлению и в дальнейшем также не сумел использовать своего превосходства, и через четыре месяца обе стороны располагались приблизительно на тех же позициях, которые занимали к началу военных действий. Однако общественное мнение оценивало счастливое отступление Моро, не сопровождавшееся никакими потерями, как крупное стратегическое достижение.

Автором французского плана кампании, устанавливавшего развертывание трех армий: Бонапарта, Моро, Журдана, являлся военный министр Карно; в нем пожелали усмотреть

стратегическую концепцию крупного масштаба, предполагая, что Карно хотел дать всем трем армиям концентрическое направление на Вену. Карно действительно имел в виду взаимодействие на итальянском и германском театрах военных действий, однако не в том смысле, чтобы все три армии, наступавшие каждая со своей особой базы, в результате должны были сойтись на одном поле сражения, чтобы уничтожить неприятельскую вооруженную силу. Целью Карно было оказание армиям и взаимной поддержки, чтобы путем угрозы флангу неприятеля все дальше и дальше его оттеснять и захватывать территорию. В известном отношении этот план можно сравнить с вторжением Фридриха в 1757 г. в Богемию. Фридрих усматривал сущность своего плана в том, что он «почти изгонит противника из Богемии», наградив его по возможности несколькими ударами. Точно так же и Карно в письмах командующим армиями рисует им, как они будут охватывать противника и захватывать его магазины, причем одновременно они всегда должны энергично атаковать и не прекращать преследования, пока неприятель не будет окончательно разбит и рассеян. Эта инструкция может служить школьным примером двухполюсной стратегии. Но разница между 1757 и 1796 гг. и заключается в том, что когда Фридриху представлялся случай, он развивал тенденцию к бою до огромного сражения под Прагой и поднимался до идеи пленения в Праге всей неприятельской армии. Моро же, ведя весьма умеренные бои, не выходил из пределов идеи маневрирования и не возвысился над ней даже тогда, когда отпадение германских государств от Австрии еще существенно ослабило последнюю и дало французам бесспорное значительное превосходство.

Совершенно ту же картину дает сравнение двойной кампании 1800 г. В 1799 г., в то время как Бонапарт находился в Египте, австрийцы с помощью русских изгнали французов из Италии. Сделавшись первым консулом, Бонапарт первоначально имел намерение развить кампанию в Германии. Он хотел соединить формировавшуюся им в Дижоне резервную армию с войсками Моро, атаковать австрийцев с охватом из Швейцарии, по возможности уничтожить их армию и затем двинуться на Вену. Но этот план оказался невыполнимым, потому что Моро не пожелал подчиниться первому консулу, а последний вынужден был считаться с ним, как с пользовавшимся наибольшим после него авторитетом, старейшим генералом; если бы Моро, обидевшись, потребовал отставки, то это явилось бы нежелательным политическим осложнением. Поэтому Бонапарт решил двинуть резервную армию не в Германию, а через Швейцарию в Италию. Он спустился с Альп к востоку от

Женевского озера, притянул через Сен-Готард еще один вспомогательный корпус из состава армии Моро и появился, к величайшему удивлению австрийцев, в их тылу. Он с величайшей дерзостью распределил свои дивизии так, что мог двинуть их навстречу австрийцам по каждому пути, по которому последние попытались бы отступить, и в то же время они были предусмотрительно расположены настолько близко одна от другой, что могли оказать друг другу взаимную поддержку. Когда произошло неожиданное столкновение у деревни Маренго (14 июня 1800 г.), то австрийцы, сосредоточившие около 30 000 человек, имели успех над французами, располагавшими всего 20 000 человек. Дело было очень близко к тому, чтобы сражение закончилось полным поражением французов. Но подошедшая, в соответствии с приказом Бонапарта, дивизия Дезе (еще 6000 человек) и кавалерийская атака, произведенная по инициативе генерала Келлермана, перенесли решительный перевес на другую сторону Контрудар последовал, когда престарелый командующий австрийской армией Мелас уже покинул поле сражения, и войска продвигались в довольно беспорядочном состоянии. Таким образом, несмотря на то, что французы уступали противнику в численности, они победили, главным образом благодаря высокому достоинству войск и юношеской энергии генералов. Так как сражение давалось, имея фронт перевернутым, то австрийцы решили, что у них больше нет пути отступления, и Бонапарт получил Верхнюю Италию до р. Минчио за предоставление Меласу свободного отступления при условии очищения данной области.

Моро одержал подобный же успех в Германии, оттеснив, правда, очень медленно австрийцев за р. Инн. Разница заключалась в том, что Германия являлась главным театром военных действий, а Италия второстепенным и что Бонапарт благодаря неслыханной смелости командования сумел с незначительными силами одержать такой же успех, которого Моро добился без особого риска со свойственной ему методикой [181] . Эта параллель нисколько не изменяется от того, что Моро под конец (по истечении срока перемирия) одержал еще победу при Гогенлиндене (3 декабря 1800 г.); последняя победа не являлась плодом заранее продуманной стратегии, а была, как Наполеон совершенно верно назвал ее, «счастливой встречей», правда, очень крупного масштаба. Опять-таки успех оказался на стороне французов благодаря качественному превосходству их войск и решительности юного генерала Ришпанса.

Еще в 1813 г., когда союзники пригласили к себе Моро на роль стратегического советчика и он обсуждал с Бернадотом

положение северной армии, Моро настойчиво советовал последнему не переходить в наступление, как это требовалось Трахтенбергским планом, ввиду недостаточной обеспеченности его операционной линии.

Но если мы будем сравнивать Моро с Фридрихом или Дауном, то увидим, какое большое расхождение возможно при тех же основных принципах. Моро никогда не мог подойти к таким крупным решениям, каких достигал Фридрих своими большими сражениями. Однако он никогда и не удалялся так от полюса сражения, как это имело место у Фридриха в последние годы его жизни. На том же основании нельзя сопоставлять Моро с Дауном, так как по своей энергии и подвижности французский полководец значительно превосходил последнего. Уже сама молодость его армии давала ему такие огонь и импульс, которых были лишены традиции Австрии.

Ничего не было бы более превратного, чем некоторая недооценка Моро из-за того, что он был стратегом школы измора. Чтобы не быть таковым, ему надо было бы быть Наполеоном. Он должен был бы обладать не только безошибочной верностью ума, но и тем несравненным сочетанием решимости и осторожности, пылкой фантазии и холодного расчета, героизма и политического искусства, которыми знаменуется наполеоновская стратегия. Если мы признаем, что Моро не был Наполеоном, то этим еще не сделаем ему никакого упрека. Мы привели эту параллель не для сравнения и сопоставления обоих, а чтобы уяснить, что мировая история создается не одними соотношениями и что личности в истории являются по меньшей мере одним из многих элементов. Не сама французская революция создала современную стратегию сокрушения и заменила ею стратегию измора, творцом ее был генерал Бонапарт, располагавший средствами французской революции. И он это сознавал; он говорил, что лишь вульгарное честолюбие могло бы применять те же средства, которыми пользовались Людовик XIV и Фридрих II. Так повествует в своих мемуарах маршал Сен-Сир, стремясь осудить Наполеона за то, что он презирал пользовавшиеся всеобщим одобрением правила и считал, что они пригодны лишь для посредственных умов.

Современники не улавливали разницы в существе достижений Моро и Бонапарта. Правда, велись разговоры об итальянской и германской школе стратегии, возглавлявшихся Бонапартом и Моро, но тогда еще не уясняли себе ни подлинной природы существовавшего между ними противоречия, ни абсолютного превосходства одной из «школ», т. е. одной личности над другой.

Наполеон организовал государственный переворот, который

сделал его властителем Франции, но был ли он действительно призванником, и к тому же единственным призванником судьбы, это являлось отнюдь не ясным для современников, и это сомнение привело к эпилогу – Маренгскому походу, – который и нам дает с военно-исторической точки зрения обоснование к некоторому дополнению сказанного выше.

Когда в 1804 г. Наполеон позволил себя избрать в императоры и короновался, он находился еще лишь в преддверии своего величия, своих подвигов и своей славы. Его фантастический поход в Египет кончился неудачей, и можно было задаваться вопросом, хорошо ли он сделал, бросив там в трудном положении свои войска. Его успехи 1796 года и 1800 года были блестящи, но с ними конкурировали успехи Моро, а злые языки говорили, что победой при Маренго французы обязаны не Наполеону, а убитому на поле сражения Дезе. Чтобы опровергнуть этот слух, император приказал разработать официальный отчет о кампании, в который он сам внес исправления; затем отчет был переработан в соответствии с его исправлениями, причем истина была самым грубым образом искажена, чтобы показать, что будто бы полководец все заранее предвидел и рассчитал, временное же отступление французов и критические моменты сражения были затушеваны. В глазах историка, критически подходящего к своей задаче, подобные, скажем прямо, подлоги не повышают, а умаляют славу полководца. Ведь вообще не может быть ни одной крупной стратегической операции, которая не представлял а бы в то же время и великого дерзания и, таким образом, не включала бы в себя и критического момента, и заслуги всеобъемлющего и безусловно точного расчета являются или фиктивными или случайными, так как такой предваряющий события расчет всегда возможен лишь в известных, весьма ограниченных пределах. Неужели же Наполеон так плохо отдавал отчет в своих достижениях или настолько поглупел от своего тщеславия, что позволил превратить себя в чучело? Нет, он это прекрасно понимал, но он также знал, что истинное величие для народа непостижимо. Как народ охотнее всего представляет себе храбрость в виде победы меньшего числа над большим, так наиболее ясное воплощение полководческого искусства он видит, если ему докажут, что великий человек все заранее совершенно точно рассчитал и предвидел [182] . Что стратегия представляет движение в непроницаемых для зрения потемках и что существеннейшее качество полководца заключается в решимости, это открытие сделал и ввел в военную науку лишь Клаузевиц. Если бы Наполеон признался, насколько близок он был к тому,

чтобы проиграть сражение, и что когда поздно вечером подошел Дезе, главные силы фактически были уже разбиты, то французский народ не восхищался бы его смелостью, а осудил бы легкомыслие, с которым он разбросал войска и от последствий которого спас его лишь счастливый случай. Все афиняне также не знали другого средства возвеличить в глазах своих детей Фемистокла, как рассказать о хитром тайном послании, посредством которого он заманил персидского царя к атаке у Саламина.

Одновременно с генералом Бонапартом на мировую арену выступил и другой полководец, а именно эрцгерцог Карл, бывший на два года моложе его (родился в 1771 г.). Эрцгерцог обладал склонным теорезировать умом, очень рано вооружился, кроме шпаги, и пером и написал очень много сочинений. В стратегическом отношении он, безусловно, стоит на основе стратегии измора [183] . Правда, он, как и Фридрих Великий, проповедует, что надо всемерно стремиться к возможному сокращению продолжительности войны и что цель может быть достигнута лишь решительными ударами; но одновременно он ограничивает это положение следующим наставлением: «В каждой стране существуют стратегические пункты, имеющие решающие для ее судьбы значение, так как владение ими дает ключи к стране и к распоряжению имеющимися в ней средствами». Затем: «Решающее значение стратегических линий обусловливает закон, не позволяющий соглашаться ни на какое движение, хотя бы оно и давало нам крупнейшие выгоды, если это движение настолько удаляет или настолько уклоняет нас от стратегических линий, что последние приносятся в жертву противнику». Или же: «Важнейшие тактические мероприятия редко оказываются полезными на продолжительное время, если только они принимаются в таком пункте или таком направлении, которые не являются стратегическими».

В стратегии измора эти правила имеют свое оправдание и сохраняют свою силу. Здесь дело очень часто сводится не только к выигрышу сражения, но и к тому, где эта победа будет одержана, так как победа, после которой нельзя развить преследования, представляет лишь преходящую ценность, а преследование при стратегии измора часто оказывается ограниченным тесными пределами. Мы знаем, что Фридриху после одной из его наиболее блестящих побед, под Соором, пришлось даже отступить. В стратегии сокрушения победа не находится в зависимости от того «пункта», в котором она одерживается, или от тех «стратегических линий», по которым направляется движение; полководец исходит из предположения,

что вместе с победой ему достанутся и стратегические пункты и от него будет зависеть определение стратегических линий. Как мы сейчас увидим, Наполеон, именно только пожертвовав своими стратегическими линиями, и смог атаковать пруссаков с тыла при Йене и Ауерштэдте и не просто победил их, но начисто уничтожил.

Наполеоновская стратегия свободна от какой либо схемы. Однако у Наполеона настолько часто выступает одна и та же основная форма, что она заслуживает, чтобы мы обратили на нее внимание [184] . При развертывании он сдвигает все свои силы против неприятельского крыла или на его фланг, стремится охватить, отрезать от его базиса и этим путем, насколько возможно, полностью его уничтожить. Таков был его план уже весной 1800 г., когда он совместно с Моро хотел со стороны Швейцарии атаковать австрийцев в Южной Германии. Так поступил Наполеон в 1805 г., когда он атаковал австрийцев на Дунае в охват с севера и двинул с этой же целью Бернадота из Ганновера через графство Ансбах. Таким же образом он действовал и в следующем году, когда атаковал пруссаков в Тюрингии не со стороны Рейна, а от Верхнего Майна; он так глубоко обошел их, что сражения при Йене и Ауерштэдте были разыграны с перевернутым фронтом: пруссаки стояли лицом, а французы спиной к Берлину. Если бы французы были в этом положении разбиты, то отступать им пришлось бы в еще худших условиях, чем пруссакам; они могли бы быть оттеснены к Рудным горам и австрийской границе и уничтожены [185] . Но будучи уверен в победе, Наполеон пошел на подобный риск и благодаря этому окончательно стер с лица земли прусскую армию, отрезанную во время отступления от ее базиса.

Прусский генерал фон Граверт, по-видимому, верно предсказал операцию Наполеона 1806 г. и разъяснил ее следующим образом: «Противник обойдет наше левое крыло и изолирует нас от Эльбы и от всех источников наших сил и средств, т. е. от Одера, Силезии и т. д.». Ничто не может лучше характеризовать различие между старой и новой стратегией, как сравнение этого разъяснения с истинным намерением Наполеона. Граверт все правильно предвидел в духе фридриховской стратегии. Наполеон же намечал вовсе не «изолирование» от «источников сил и средств», что сводилось к маневру, вынуждающему прусскую армию отойти и предоставить французам кусок территории; Наполеон выходил на линию отступления пруссаков, чтобы переловить и забрать последних в плен.

Такой же характер имеет наполеоновский план осенней

кампании 1813 года. Он хотел главными силами держаться вначале по отношению к Богемской и Силезской армиям оборонительно, пока не будет разбита Северная армия Бернадота и вся территория вплоть до Данцига не окажется в его руках. Затем должно было развиться большое наступление в направлении с севера на юг, которое отрезало бы русских от их страны. План не удался, потому что северная армия под осторожным, но весьма обдуманным руководством Бернадота отбросила французские войска при Гросс-Беерене и Денневице.

Только в 1805 году, когда вновь разгорелась всеобщая война, слава и величие Наполеона, а также его стратегии достигли кульминационной точки. Неустройство времен революции было преодолено; огромные массы, патриотический дух и новая тактика были обузданы дисциплиной; император Наполеон оказывался в силах осуществлять то, что он признавал правильным, не считаясь с другими державами.

Подлинная тайна великих полководцев заключается в соединении смелости с осторожностью. Мы находили его у Александра, когда он, прежде чем приступить к походу в глубь Персии, обеспечивал сперва свой тыл завоеванием Тира и Египта и значительно усиливал свою армию. Мы встречаем его у Ганнибала, когда он вместо того, чтобы осаждать Рим, задался целью отделить от него итальянских союзников. Мы обнаруживали его у Сципиона, когда он, хотя и согласился вступить в решительное сражение, не имея пути отступления, предварительно усилил свою армию соединением с Масиниссой. Мы обнаруживали его у Цезаря, который сначала разбил армию без полководца, а затем уже обратился против полководца без армии. Мы встречаем его у Густава Адольфа и у Фридриха. Мы обнаружили его и у Наполеона. Как сильно он ни бросает свои вызовы судьбе, тем не менее никогда он не ударяется в беспредельность и знает, где надо остановиться и перейти от наступления к обороне, рискует дать себя атаковать противнику и в то же время стремится довершить победу средствами политики.

Лучшим примером этого метода является Аустерлицкая операция. Наполеон уничтожил одну австрийскую армию под Ульмом, взял Вену и вторгся в Моравию до окрестностей Ольмюца, где против него оказались главные силы русских.

Дать наступательное сражение на такой pointe [186] Наполеону казалось слишком рискованным, к тому же противник имел некоторое численное превосходство. Наполеон завязал переговоры, а когда противник подошел, занял позицию для оборонительного сражения. Он его выиграл (2 декабря 1805 г.), причем в надлежащий момент из состояния обороны нанес

наступательный удар. Чтобы охватить Наполеона, противники очень растянулись, вследствие чего образовался очень тонкий центр без надлежащих резервов. Сюда то и надо было наносить удар. «Сколько времени вам понадобится, чтобы занять вон ту высоту (у Працена)?» – спросил император находившегося при нем маршала Сульта. «Двадцать минут», – гласил ответ. «Тогда мы можем обождать еще четверть часа». В этом то и заключается дело, чтобы правильно рассчитать эти четверть часа.

Из всех форм сражения оборонительно-наступательное сражение представляет наиболее действительную. И оборона и наступление имеют свои выгоды и невыгоды. Главным преимуществом обороны является выбор поля сражения и полное использование местности и огнестрельного оружия. Главным преимуществом наступления является моральный импульс атаки, выбор пункта удара и положительный характер успеха. Оборона же прежде всего дает только негативный успех. Ввиду этого чисто оборонительные сражения выигрываются крайне редко (Кресси в 1346 г., Обдурман в 1898 г. [187]). Наибольшее же может быть достигнуто, когда полководец в надлежащий момент и в надлежащем пункте от хорошей обороны переходит к контрудару. Как мы видели, классический пример оборонительно-наступательного сражения представляет Марафон; Аустерлиц может служить современным его повторением. Это сражение имеет для нас существенное значение как по своей компановке, так и по своему развитию; оно показывает нам полководца во всем его самообладании; мы видим здесь человека, несмотря на всю свою дерзость, не утрачивающего ни на минуту хладнокровия. Его осторожность простиралась настолько, что, когда ему доложили о начавшемся наступлении противника, он приказал Талейрану, который вел переговоры в Вене, заключить мир на легких условиях. Хотя он уверенно рассчитывал на победу, тем не менее он хотел дипломатическим путем обеспечить себе тыл на случай поражения [188] .

К наибольшим дерзаниям его карьеры относится переправа через Дунай, которая привела к сражению при Асперне (21 и 22 мая 1809 г.). На северном берегу, совсем близко к пункту переправы, находился эрцгерцог Карл со своей австрийской армией свыше 100 000 человек. Французы должны были переправляться через огромную реку по единственному импровизированному мосту. В первый раз мост разорвался, когда переправилось всего 22 500 человек, и во второй раз в 8 часов утра следующего дня, когда на противоположном берегу было около 60 000 человек. Несмотря на то что в первый день австрийцы обладали четверным превосходством в силах, а во

второй – более чем полуторным, им тем не менее не удалось сбросить французов в реку. Эрцгерцог Карл имел еще резервы, но не двинул их в бой. В этот момент особенно ярко сказалась разница между эрцгерцогом Карлом и Наполеоном. Для Фридриха Великого вопрос употребления резервов в сущности еще не существовал, так как он стремился достигнуть всего первым же ударом и поэтому вкладывал в него возможно большие силы и не оставлял значительных резервов. Вместе с новой тактикой австрийцы должны были воспринять и принцип сохранения резервов, но если у эрцгерцога не хватало духовных сил, чтобы воспрянуть до стратегии сокрушения, то он также не имел и правильного представления о сущности применения резервов. Он выдвигал следующий принцип: «Резервы должны быть введены в дело лишь в том случае, если содействие их безусловно даст победу… Правда, в некоторых случаях они могут вводиться в бой, если требуется лишь последний нажим для завершения победы, но вообще их главным назначением является обеспечение и прикрытие отступления». Как ни мало энергичен этот принцип, но и руководствуясь им для достижения возможно полной победы под Асперном надлежало бросить в бой все силы. Более удачного случая нельзя себе даже представить; но эрцгерцогу недоставало для этого импульса. Он ведь не вышел еще из круга представлений стратегии измора, не придававших победе, как таковой, особого значения. Только такой герой, как Фридрих Великий, мог даже в рамках подобных представлений подняться до тех крупных вызовов судьбе, о которых свидетельствуют нам его сражения. Эрцгерцог Карл не дорос до того, чтобы ухватиться за подарок, который под Асперном протягивала ему, улыбаясь, богиня судьбы. Французы защищали своей пехотой обе деревни, Асперн и Эслинген, а промежуточное пространство удерживали слабой кавалерией, которая производила одну смелую атаку за другой. Сам Наполеон подвергал свою жизнь большой опасности, объезжая под огнем верхом ряды своих солдат, чтобы поддержать их дух. Наконец австрийцы принудили противника отойти на остров на Дунае, расположенный близ его северного берега, но эрцгерцог не рискнул их там атаковать или каким-нибудь иным путем использовать свой успех [189] .

Шесть недель спустя Наполеон настолько усилился, что получил возможность возобновить свою попытку, и на этот раз она ему удалась – в сражении при Ваграме 6 июля 1809 года. Наполеон выиграл это сражение благодаря большому численному превосходству, причем он охватил левое крыло австрийцев, что и привело к решению, а вовсе не те огромные массы артиллерии и

пехоты, которые он сосредоточил в центре, как это часто полагают. Эрцгерцога Карла напрасно прославляют за то, что он направил самостоятельную часть армии для атаки во фланг левого крыла французской армии, что представляет как бы предвидение мольтковского метода ведения сражений. Сходство является лишь внешним: атака была слишком слаба, чтобы оказать воздействие, и эрцгерцог вообще не имел продуманного плана сражения, хотя у него и было достаточно времени, чтобы подготовиться к новой переправе французов через Дунай; он лишь беспрерывно витал между оборонительными и наступательными замыслами.

Настоящей проблемой наполеоновской стратегии является кампания 1812 г. Наполеон разбил русских при Бородине, взял Москву, должен был повернуть назад и потерял при этом почти что всю свою армию. Такова же была бы судьба Фридриха, если бы он захотел попробовать взять Вену. Стратегия сокрушения имела свои пределы даже при тех силах, которыми располагал Наполеон; не лучше ли бы поступил Наполеон, если бы он в 1812 г. обратился к стратегии измора и повел бы войну по системе Фридриха? Клаузевиц дал весьма обоснованный отрицательный ответ на этот вопрос: французский император все же имел наибольшее количество шансов на выигрыш войны, ведя ее по тому методу, который до этого момента всегда обеспечивал за ним победу. Однако при создавшихся условиях сил он не мог победить ни при помощи стратегии измора, ни при помощи стратегии сокрушения. По новейшим исследованиям, Наполеон двинул против России всего 685 000 вооруженных людей, включая сюда и гарнизонные части. Через границу перешло 612 000, из которых большая часть, по крайней мере 350 000 человек, приходилась на главную армию в центре. Когда же он дошел до Москвы, то непосредственно располагал только 100 000 человек. Уже через четырнадцать дней после переправы через Неман он потерял 135 000 человек, не выдержав почти ни одного боя, исключительно вследствие дезертирства, плохого довольствия и болезней. Большая часть французской армии состояла из совершенно молодых людей, призванных лишь в 1811 г., причем среди них было очень много уклонившихся от воинской повинности, получивших военную подготовку на голландских островах, откуда они не могли дезертировать. Но это воспитание оказалось недостаточным при наступлении по пустынной русской территории. Довольствие из магазинов функционировало неудовлетворительно; Наполеон, по своей привычке, уделил ему относительно недостаточно внимания и упустил из виду, что русские области не дадут ему тех средств, какие ему давали

Италия и Германия. Таким образом, Наполеон, в сущности, проиграл войну вследствие дезертирства и плохого продовольствия, а не вследствие русской зимы, которая добила лишь остатки его армии; к тому же зима в 1812 г. началась позднее и была мягче, чем обыкновенно. Если бы он пришел в Москву не со 100 000, а с 200 000 человек, то ему, вероятно, удалось бы утвердиться в захваченной им области, и царь в результате принял бы его условия.

Наполеонскую кампанию 1812 г. можно сравнить с фридриховским вторжением 1744 г. в Богемию, когда он, не проиграв ни одного сражения, был изгнан из нее исключительно давлением на его сообщения, при чем он потерял весьма значительную часть своей армии. Он сам счел ошибочным подобную *pointe* [190] в неприятельскую страну, но в первую же зиму оказался в состоянии снова устроить армию и затем восстановил равновесие сражением под Гогенфридбергом. И так как Фридрих ограничивал свою *pointe* целями одного из походов стратегии измора, то и поражение его не было непоправимым; Наполеон же стремился к гораздо большему – к полной победе, и так как достичь ее ему не удалось, то и поражение его было много тяжелее. Ведь оно заключалось не только в потере армии, но в особенности в том, что оба его вынужденных союзника, Пруссия и Австрия, нашли теперь в себе мужество отречься от него.

Таким образом, ошибка, приведшая Наполеона к гибели, состояла не в том, что он неверно оперировал стратегически, а в том, что он переоценил внутренние духовные силы своей империи, связывавшие французский народ в одно целое. Конечно, значительная часть французского народа относилась к нему с уважением и благодарностью или же была ослеплена и увлечена его славой, но у очень многих эти чувства были слабы или даже складывались противоположным образом. За него не желали сражаться, а насильно призванные – дезертировали. Хотя в 1813 г. ему вновь удалось сорганизовать огромную армию, но при трудностях осенней кампании она также развалилась в значительной степени не вследствие усилий неприятеля, а путем дезертирства. К нашему удивлению, мы не располагаем сведениями о том, куда делись дезертиры 1812 г. Надо полагать, что большая их часть возвратилась в Германию и Францию и вновь была призвана в 1813 г. [191] . Но так как по этому вопросу нет каких-либо данных, то нельзя учесть, каково было фактическое количество рекрутов, которое в эти годы Франция дала императору.

Кампания 1814 г., как показало более глубокое исследование [192] , всецело обусловлена политическими мотивами и лишь в

том отношении представляет интерес для «истории военного искусства», что эти политические мотивы сумели укрыться под обликом правил старой стратегии. Одна партия, возглавляемая Меттернихом, стремилась прийти к соглашению с Наполеоном, а в случае неудачи этих переговоров желала восстановления Бурбонов; другая партия хотела свержения Наполеона, и император Александр I хотел посадить на его место Бернадота. Чтобы не сражаться за цели чуждой партии, австрийцы отказывались наступать и дали этой задержке, намеренно или ненамеренно, облик решения, стратегически мотивированного. Они ссылались на то, что Евгений и Мальборо, которые также были великими полководцами, никогда не развивали своих операций на Париж; прусский король не хотел продолжать преследование за Рейн, потому что Рейн представлял рубеж, а на рубеже надо сначала сосредоточиться; его генерал-адъютант, Кнезебек, хотел задержаться на Лангрском плоскогорье, потому что оно представляет водораздел Франции, а следовательно, отсюда можно господствовать над Францией [193] .

Кампания 1815 г. также еще является ареной противоречий обоих методов стратегии. Веллингтон, который, конечно, был очень крупным генералом, жил все еще представлениями стратегии измора. В Бельгии обе союзные армии, соединившись, располагали бы почти двойным превосходством над Наполеоном (220 000, частью, правда, весьма посредственных войск против 128 000 превосходных войск); тем не менее император был очень близок к победе, потому что Веллингтон, вечно озабоченный обеспечением различных пунктов, не сосредоточил своевременно войска для сражения, опоздал поэтому к сражению при Линьи и даже 18 июня, в течение сражения при Ватерлоо, оставил целый корпус, 18 000 человек, в удалении 15 километров в сторону от поля сражения. Это выделение части сил справедливо сравнивают с образом действия Фридриха, который в момент сражения под Прагой оставил корпус Кейта стоять по другую сторону города. Но то, что в эпоху фридриховской стратегии если не рекомендовалось, то хотя бы казалось естественным, то в наполеоновские времена являлось тяжелой ошибкой. Эту ошибку исправил Гнейзенау, который, руководясь, напротив, исключительно мыслью о решительном сражении, пожертвовал прямыми сообщениями разбитой при Линьи армии с родиной и направил отступление на Вавр, ближе к англичанам, так что через день пруссаки смогли к ним подойти. Конечная победа настолько затмила ошибки Веллингтона, что они остались мало замеченными. Однако в военной истории их надлежит резко подчеркнуть не за то, что они являлись ошибками, а как

доказательство мощи и пагубности фальшивых теорий. Четырехдневную кампанию 1815 года можно рассматривать как взаимодействие двух противоположных методов стратегии, выраженных наиболее совершенным образом. Если эрцгерцог Карл спасовал перед Наполеоном, то это было лишь торжеством гения над пустой головой и слабым характером. Но если Веллингтон так грубо ошибался в намерениях Наполеона и предполагал, что последний хочет вынудить его маневром к отступлению, чтобы занять Брюссель, и поэтому не сосредоточил своевременно своих войск – то такая ошибка столь значительного человека и выдающегося военного, как Веллингтон, может быть объяснена, только если представить себе, что он находился в оковах взглядов устаревшей стратегии.

Если бы Веллингтон воевал только в Испании и закончил свою карьеру в 1814 г., то его нельзя было бы ни в чем ином упрекнуть, кроме того, что он не проходил через наиболее трудные испытания, и тогда можно было бы строить, основываясь на его характере, заключения о том, как он, вероятно, проявил бы себя. Но в 1815 году он был подвергнут такому испытанию и как тактик выдержал его блестяще, но как стратег – срезался. Он решил лишь оборонительную часть задачи и применил методы, заимствованные из войн в Испании, там, где они уже не являлись соответственными. Конечный полный успех был достигнут лишь благодаря тому, что блюхеровски-гнейзенауская стратегия столь блестяще дополнила веллингтоновскую в самом слабом ее месте.

АЛЬФРЕД ФОН ШЛИФФЕН

Будущий начальник германского Генерального штаба родился 28 февраля 1833 г. в Берлине в семье прусского аристократа генерал-лейтенанта графа Карла Йохана Лео фон Шлиффена. По семейной традиции ему была уготована военная карьера, и после окончания гражданского учебного заведения Шлиффен поступил в 1854 г. фенрихом в элитный 2-й гвардейский уланский полк. Уже 16 декабря 1854 г. он получил свое первое офицерское звание – второго лейтенанта. Довольно скоро у Шлиффена обнаружилась склонность в штабной работе, и в 1858 г. он был откомандирован для поступления в Объединенную военную школу, которая по праву считалась главной кузницей кадров для германской армии (позже она будет переименована в Королевскую прусскую Военную академию). Окончив общий курс, Шлиффен, как успевающий, был переведен на специальный, который и успешно завершил в 1861 г. 14 октября 1861 г. он был произведен в премьер-лейтенанты и отправлен в свою часть – это была обычная традиция для германской армии.

Отбыв положенный ценз, Шлиффен в 1863 г. был зачислен в «Обитель Богов» – прусский Генеральный штаб, а через три года – 12 июля 1866 г. – получил звание капитана Генштаба. Теперь ему предстояло получить непосредственно боевой опыт: Пруссия вступала в короткий период решающих военных столкновений. Теперь наступила очередь Австрии, сокрушить которую Берлину было жизненно необходимо, если он хотел стать столицей объединенной Германии. Во время австро-прусской войны 1866 г. Шлиффен был прикомандирован в качестве офицера Генштаба к штабу кавалерийского корпуса 1-й армии принца Фридриха Карла Прусского. В составе корпуса ему довелось принять участие в решившем исход войны сражении при Кёниггрэце (3 июля 1866 г.) – или Садовой, – когда была окончательно разгромлена австрийская армия.

Через четыре года Пруссия сделала последний шаг: ее армия, поддержанная войсками практически всех германских государств, вторглась во Францию. Во время этой франко-прусской войны 1870–1871 гг. Шлиффен служил в штабе великого герцога Фридриха Франца II Мекленбургского и 22 декабря 1870 г. за отличия был произведен в майоры. В качестве офицера Генштаба Шлиффен принял участие в многочисленных боях, в т. ч. в осаде Меца и Парижа, а также в операциях между Орлеаном и Ле-Мансом.

После окончания войны в штабной службе Шлиффена наступает перерыв: в германской армии перспективные штабисты должны были время от времени отправляться в войска, чтобы не терять связь с армией, – без этого дальнейший рост был невозможен. Шлиффен в 1876 г. принял командование 1-м гвардейским уланским полков, дислоцированным в любимой загородной резиденции Гогенцоллернов – городе Потсдаме. Теперь дальнейшему росту в чинах ничего не препятствовало, и 20 сентября 1876 г. он получил звание подполковника, а 16 сентября 1881 г. – полковника.

В 1884 г. Шлиффен был переведен в Большой Генштаб, где ему суждено было приобрести всемирную известность. Сначала он был назначен начальником отдела, а 4 декабря 1886 г. был произведен в генерал-майоры. В 1888 г. Шлиффен пошел на повышение и занял пост обер-квартирмейстера – по этой должности являлся ближайшим помощником, постоянным заместителем и наиболее вероятным преемником начальника Большого Генштаба графа Альфреда фон Вельдерзее. В соответствии со штатным расписанием Шлиффен 4 декабря 1888 г. получил очередное звание генерал-лейтенанта.

По должности обер-квартирмейстера Шлиффен получил доступ абсолютно ко всем делам Генштаба, и поэтому не было ничего удивительного, что 7 февраля 1891 г. он сменил Вальдерзее во главе Большого Генштаба. Эта должность считалась одной из самых высших в германской армии и чрезвычайно влиятельной. Было ясно, что новые отличия не заставят себя ждать, тем более что кайзер Вильгельм II очень много внимания уделял своей армии и планированию будущих военных операций. В 1892 г. граф фон Шлиффен был пожалован званием генерал-адъютанта кайзера, а 27 января 1893 г. был произведен в генералы кавалерии.

Шлиффен был не только штабистом-практиком, но и действительно выдающимся военным теоретиком. Он теоретически обосновал т. н. стратегию уничтожения, направленную на достижение целей посредством двойного охвата, что в результате приводило к тактическому окружению (в 1905 г. разработал т. н. «план Шлиффена»). Свои мысли Шлиффен полнее всего изложил в известном сочинении «Канны». Занимая пост начальника Большого Генштаба почти 15 лет, Шлиффен воспитал на своих идеях почти всех офицеров Генштаба, которым довелось планировать как Первую, так и Вторую мировые войны. Стратегия уничтожения легла в основу германской военной доктрины, и фактически именно Шлиффен был создателем плана Первой мировой войны. По его мнению, в

случае войны на два фронта Германия могла достигнуть успеха лишь посредством быстрых наступательных действий; ведя же оборонительную затяжную войну вследствие гораздо более крупных ресурсов неприятеля, она была бы в конце концов неизбежно раздавлена. Главным противником Шлиффен считал Францию, и поэтому находил нужным сначала покончить с ней, а уже потом начать активные военные действия против России. Предполагалось охватить французскую армию слева и, отрезав ее от Парижа, оттеснить в юго-восточном направлении к швейцарской границе. Ввиду этого на правом германском крыле, наносившем удар, сосредоточивалось наибольшее число войск, причем для обеспечения открытого фланга они должны были двигаться уступами. Поставив столь крупную цель, Шлиффен в интересах ее пожертвовал всеми второстепенными. Для прикрытия Лотарингии и Эльзаса предназначалось не более четырех с половиной корпусов, которые в случае наступления превосходящих сил противника должны были отходить на линию Мец – Страсбург – Верхний Рейн. Шлиффен не только не опасался неприятельского вторжения в этот район, но, наоборот, полагал, что чем больше французских войск втянутся в лесные долины дефиле Вогезов, тем это будет лучше, т. к. они удалятся от того места, где решится участь всей операции. На востоке против России оставлялись для прикрытия границы лишь слабые силы, которые под напором неприятеля должны были отойти за Вислу.

11 сентября 1903 г. Шлиффен был произведен в генерал-полковники (в ранге генерал-фельдмаршала), однако отставка была уже не за горами. 1 января 1906 г. граф вышел в отставку, сдав должность графу Гельмуту фон Мольтке (младшему) – племяннику знаменитого «Великого Мольтке». Официально было объявлено о том, что Шлиффен оставляет пост по болезни – все-таки ему оставалось всего ничего до 73 лет. В то же время бытует версия, что отставка стала результатом недовольства прусского юнкерства планом войны и особенно серьезным ослаблением обороны их Восточной Пруссии.

Уже находясь в отставке, Шлиффен получил последнее повышение в чинах, став 1 января 1911 г. генерал-фельдмаршалом германской армии. Альфред фон Шлиффен скончался 4 января 1913 г. в Берлине. Его тело было погребен на Инвалидном кладбище, и император Вильгельм II лично возложил венок на его могилу.

В данном сборнике помещено несколько статей Шлиффена, которые были выпущены на русском языке впервые в 1923 г. Также здесь учтены и комментарии, которые были сделаны к работам Шлиффена при выпуске его книги Воениздатом в 1938 г.

...

К.А. Залесский

Альфред фон Шлиффен СРАЖЕНИЕ ПРИ КАННАХ

На равнинах Апулии, на левом берегу Ауфида [194] , близ деревни Канны [195] , расположенной невдалеке от устья, 2 августа 216 г. до н. э. стояла армия Ганнибала, фронтом на запад, против армии консула [Гая] Теренция Варрона (схема I) [196] .

Последний ежедневно чередовался как главнокомандующий с другим консулом – Эмилием Павлом – и располагал всего:

...

55 000 тяжеловооруженных,
8000 легковооруженных,
6000 конницы
Итого 69 000 чел. для действий в поле и в обоих укрепленных лагерях:
2600 тяжеловооруженных,
7400 легковооруженных
Итого 10 000 чел.,
так что силы римской армии составляли в целом 79 000 человек.
Ганнибал располагал только:
32 000 тяжеловооруженных,
8000 легковооруженных,
10 000 конницы
Итого 50 000 чел.

Положение Ганнибала, который имел против себя значительно превосходившего его противника, а позади море, ни в коем случае не может быть названо блестящим. Несмотря на это, Эмилий Павел, в согласии с проконсулом Сервилием, хотел избежать сражения. Они опасались превосходной карфагенской конницы, благодаря которой Ганнибал, главным образом, и одержал победы при Тицине, Требии и Тразиментском озере [197] . Тем не менее Теренций Варрон стремился к решительному исходу, чтобы отомстить за понесенные поражения. Он рассчитывал на своих 55 000 тяжеловооруженных против 32 000 у противника, причем в число последних входило только 12 000 карфагенян, а 20 000 состояло из иберийцев и галлов, которые по вооружению и обучению не являлись полноценными [198] , и

Тереиций Варрон, чтобы развить при наступлении особенно сильный натиск, построил армию в новый боевой порядок. Согласно положению, тяжеловооруженные должны были быть построены в три тесно примыкающие друг к другу линии: две передние равной силы (гастаты и принципы) имели 4000 чел. по фронту и в общей сложности 12 шеренг [199] ; непосредственно за ними третья линия (триарии) половинной силы из 160 равномерно распределенных колонн по 60 человек в каждой (10 по фронту и 6 в глубину). Это расположение в 18 шеренг (схема 2) показалось главнокомандующему недостаточно глубоким, и он изменил его на 36 шеренг в глубину при ширине фронта в 1600 человек [200] . Конницу он распределил по флангам. Легковооруженные, предназначенные только для того, чтобы завязать бой, толпами облепить противника и поддерживать конницу, имели для обеих сторон лишь второстепенное значение.

Ганнибал противопоставил неприятельскому фронту только 20 000 своих иберийцев и галлов, которые построились примерно в 12 шеренг в глубину. Большую часть кавалерии, под предводительством Гасдрубала, Ганнибал поставил на левый фланг, а легковооруженную нумидийскую конницу – на правый. Позади этой конницы были расположены двумя равными частями 12 000 чел. тяжеловооруженной карфагенской пехоты [201] .

Обе армии наступают. Гасдрубал одерживает успех над тяжелой неприятельской конницей правого крыла. Римские всадники порублены, частью сброшены в Ауфид, частью рассеяны. Победитель обходит с тыла пехоту и атакует на левом фланге римскую кавалерию, которая до этого времени вела нерешительный бой с нумидийской конницей. Атакованные с двух сторон римляне оказываются и здесь совершенно разбитыми. Уничтожив неприятельскую кавалерию, Гасдрубал направляет удар в тыл римской фаланги (схема 3).

За это время продвинулись вперед и пехотные массы обоих противников. При столкновении галльская и иберийская пехоты оказываются отброшенными не столько благодаря силе удара 36 римских шеренг, сколько вследствие плохого вооружения и слабой подготовки к рукопашному бою. Однако движение римлян вперед приостанавливается, как только выступают задержанные до того времени фланговые уступы карфагенян, которые совершают охват правого и левого неприятельских флангов, а Гасдрубал угрожает с тыла. Триарии [202] поворачиваются кругом, а крайние манипулы [203] обоих флангов поворачиваются в стороны. Таким образом, массивный продолговатый четырехугольник, который теперь имеет четыре фронта и атакуется со всех сторон пехотой с короткими мечами и

густой массой кавалерии, вынужден остановиться; дротики, стрелы и камни из пращей летят без промаха в римскую пехоту. Римляне теснятся назад и оказываются все более и более сдавленными. Беспомощно, не имея возможности действовать оружием, они ожидают смерти. С сердцем, полным ненависти, разъезжает Ганнибал по полю кровавой работы, поощряя ревностных и стыдя бездеятельных. Только несколько часов спустя солдаты прекращают избиение. Устав от бойни, они берут в плен оставшиеся 3000 чел. На небольшом пространстве лежали грудой 48 000 трупов [204] . Эмилий Павел и Сервилий были убиты; Варрон бежал с несколькими всадниками, небольшим количеством тяжеловооруженных и массой легковооруженных [воинов] [205] . В деревне Канны и в обоих лагерях в руки победителей попали еще тысячи пленных [206] . Карфагеняне потеряли около 6000 чел. [207] В числе убитых были преимущественно иберийцы и галлы.

Было дано сражение на уничтожение, и – что удивительно – наперекор всем теориям победа была одержана меньшими силами [над большими]. «Концентрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», – говорил Клаузевиц. «Слабейший не должен совершать одновременно обход обоих флангов», – поучал Наполеон. Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал в некоторой степени концентрически и не только обходил оба фланга, но одновременно заходил и с тыла.

За 2000 лет оружие и способы ведения боя совершенно изменились. Уже не идут врукопашную с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи теперь пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция. Но в общих чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена. Неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака должна быть направлена не только на одну крайнюю точку фронта, а должна захватить всю глубину расположения противника. Уничтожение является законченным лишь после атаки неприятельского тыла. Для этого в первую голову привлекается конница. Конница не должна сразу атаковать «нерасстроенную» пехоту, но она может, пользуясь дальнобойным оружием, нанести ущерб неприятельским массам.

Правда, одним из условий успеха является глубокое расположение противника, с узким фронтом и нагроможденными

резервами, что увеличивает число бездействующих бойцов. Счастье Ганнибала заключалось в том, что против него был Теренций Варрон, который расположил пехоту в 36 шеренг в глубину и тем самым свел на нет свое превосходство в силах. Полководцы его школы бывали во все времена, только не в те периоды, когда они были бы наиболее желательны для Пруссии.

Альфред фон Шлиффен ФРИДРИХ ВЕЛИКИЙ И НАПОЛЕОН

Никто более Фридриха Великого не был склонен последовать примеру Ганнибала при Каннах и дать сражение на уничтожение с меньшей по численности армией. Имея под Лейтеном [208] (схема 4) «inegalen forces» [209] – всего 35 000 человек против 65 000 принца Карла [Александра] Лотарингского, Фридрих Великий не мог атаковать его длинный фронт даже при крайней растяжке сил. Не только у него не осталось бы сил для охвата неприятельских флангов, но он сам был бы окружен превосходными силами противника. Как это уже было испробовано в сражении при Зооре и выполнено в сражении при Праге [210] , он направил главный удар на один фланг. Ему удалось ввести противника в заблуждение, обойти его и развернуть прусскую армию против левого фланга, перпендикулярно к продолжению фронта. Неприятельское левое крыло, попав в безвыходное положение, было рассеяно. Тогда главная масса австрийцев повернула к угрожаемому фронту. Но у них уже не было времени развернуть в новом направлении фронт первоначальной длины, и австрийцы невольно приняли построение глубиной в 40 шеренг, подобно тому, как это нарочито сделал Теренций Варрон. Обстановка в общем соответствовала положению при Каннах. Узкий австрийский фронт был атакован немного более длинным прусским, на обоих флангах была сосредоточена кавалерия. Не хватало только двух фланговых уступов карфагенской пехоты, по 6000 чел. в каждом. Для того чтобы образовать их, не было достаточного количества людей. Того немногого, что могло быть сэкономлено на фронте, было недостаточно для двойного охвата. Полный глубокий охват пришлось заменить: справа – косым расположением нескольких батальонов против левого неприятельского фланга; слева – таким же расположением действующей батареи. Далее, не хватало перевеса в кавалерии. Справа, правда, Цитен отбросил неприятельскую кавалерию, но дальнейшее продвижение против пехоты было приостановлено вследствие местных препятствий. Слева Дризен был сначала слишком слаб для наступления; он должен был выждать благоприятного момента, чтобы отбросить кавалерию Лучези, и лишь тогда повести решительную атаку на правый фланг пехоты, которая и вынудила к отступлению неприятеля, уже расстроенного продолжительным фронтальным боем. Противник, потесненный в направлении своего левого

фланга, к Лиссе, преследованием был обращен в бегство.

Разница в силах была слишком велика, и Лейтен мог быть только бледным подобием Канн. Но задача – имея вдвое слабейшие силы, дать бой на уничтожение – была в известной степени решена. То, чего не хватало во время боя для полного уничтожения, в отношении охвата, обложения и окружения было достигнуто и довершено при вынужденном отступлении к флангу. Цитен и Фукэ могли бы при дальнейшем преследовании противника «действовать с большей энергией», еще крепче «вцепляться в неприятеля» [211] , но и так результат был весьма значительный. «Из гордой императорской армии, перешедшей через Квейс у Лаубана [212] , едва ли четвертая часть, притом в полном расстройстве и подавленном состоянии духа, перешла назад границу Силезии и возвратилась в Богемию». Это было очень похоже на полное уничтожение. Обход при Цорндорфе [213] (схема 5) должен был быть выполнен еще более действительным образом. 40 000 русских под начальством Фермора блокировали Кюстрин [214] на участке между Вартой и Одером, на их правых берегах. На правом берегу Одера, у Маншнова и Горгаста, стояла армия Фридриха Великого, состоявшая из войск, пришедших с ним из Богемии, и из войск графа [Кристофа цу] Дона[-Шлодина], приведенных им из Восточной Пруссии и Померании, – всего 36 000 чел. Прямое наступление на русских через крепость не обещало крупного успеха. Король двинулся с обход вниз по Одеру и 23 августа переправился через него у Гюстебизе, чтобы поставить противника между крепостью и реками и совершенно отрезать ему все пути. Фермор двинулся навстречу обходу и занял позицию при Кварчене за рекою Митцель [215] . Атаковать здесь русских через трудно проходимую болотистую речку было пруссакам невозможно. Для обходного движения вновь надо было искать переправы выше. 25 августа у Нейдаммерской мельницы и Керстенбрюгге армия перешла на левый берег Митцеля. Русские стояли у Кварчена, и наступление на восточный русский фланг было здесь весьма затруднено рядом прудов между Вилькерсдорфом и горой Грюцберг, а также оврагом Лангенгрунд (схема 6).

Вследствие этого обходное движение продолжалось через Бацлов и Вилькерсдорф на Цорндорф; когда голова колонны достигла оврага Цабернгрунд, армия была повернута направо. Таким образом, Фридрих развернулся не против фланга, а против тыла противника. Вследствие этого Фермор приказал каждому полку сделать полный поворот посредством контрмарша, так что вторая линия стала первой, а первая – второй. Ширина фронта не

сократилась, а осталась прежней. Атака поэтому не облегчилась. Пруссаки имели то преимущество, что в тылу у противника находилось трудно проходимое препятствие, но это преимущество могло сказаться только в случае одержания пруссаками победы. Если бы русские были побеждены, то одновременно они были бы и уничтожены. К счастью, поле сражения делилось на участки. Русские стоят недалеко от Кварчена, фронтом на Цорндорф, правое крыло находится между оврагами Цабернгрунд и Гальгенгрунд, центр и левое крыло – между оврагами Гальгенгрунд и Лангенгрунд; вся кавалерия под начальством [генерал-лейтенанта Томаса] Демику – позади левого крыла у Цихера.

Фланги этой позиции надежно обеспечены; нет возможности осуществить охват крыльев армии. Король решает сначала атаковать превосходными силами правый фланг, отделенный от остальной армии оврагом Гальгенгрунд и затем с запада развить удар вдоль центра и левого крыла. Впереди должен был идти авангард [Генриха фон] Мантейфеля (8 батальонов), в 300 шагах за ним – левое крыло (9 батальонов в первом эшелоне и 8 во втором) под начальством Каница; эта часть армии должна была наступать между оврагами Цабернгрунд и Гальгенгрунд. Правое крыло (11 батальонов в первом эшелоне и 4 во втором) под начальством Дона задерживалось уступом восточнее Гальгенгрунда для прикрытия правого фланга; движение вперед слева сопровождал Зейдлиц с 36 эскадронами, а справа – Шорлемер с 20 эскадронами, чтобы действовать по обстоятельствам; позади следовали в виде резерва 25 эскадронов драгун. Завязать бой должны были 60 тяжелых орудий. Огонь их производит опустошение в рядах глубоко расположенных 16 русских батальонов правого крыла. По истечении двух часов наступление кажется достаточно подготовленным, чтобы авангардам начать атаку. Но русская артиллерия еще в силе. Ее картечь действует убийственно. Разреженные батальоны Мантейфеля смыкаются и держат направление вдоль оврага Цабернгрунд. Для заполнения образовавшихся интервалов нет в распоряжении никаких резервов; Каниц, привыкший прежде всего сохранять связь и поддерживать сплошную линию фронта, примыкает вправо к Дона и двигается восточнее оврага Гальгенгрун, на менее всего ослабленный русский центр (24 батальона). Когда он и Мантейфель приблизились к противнику, то увидели, что последний охватывает их с обеих сторон. 14 русских батальонов начинают охват Каница, но им препятствует сильный артиллерийский огонь Дона. Но и правое крыло в составе 16 батальонов и 14 эскадронов атакует Мантейфеля с

левого фланга и с фронта. Пруссаки отбрасываются с большими потерями; однако преследующие русские подставляют свой фланг, и Зейдлицу удается в трех местах переправиться через считавшийся непроходимым овраг Цабернгрунд. Одновременно двигаются находившиеся в резерве драгуны.

20 эскадронов атакуют фронт, а по 18 эскадронов – фланги и тыл. Русские, несмотря на то, что сначала они были приведены в расстройство артиллерийским огнем, а затем во время энергичного преследования нарушали свое сомкнутое расположение, ожесточенно обороняются. После продолжительного и кровавого рукопашного боя оставшиеся русские бегут через овраг Гальгенгрунд в направлении на Кварчен и к Древицкой роще. Несмотря на победоносное начало, все правое русское крыло совершенно уничтожено одновременной атакой с трех сторон. Но Зейдлиц не в состоянии развивать далее победоносное преследование, перейти Гальгенгрунд и поддержать фронтальную атаку пехоты фланговым ударом. Ввиду численного превосходства русских атака Каница отражена, и русский центр достаточно силен, чтобы воспрепятствовать всякой попытке переправы через овраг Гальгенгрунд.

Очень скоро вся армия вновь собралась под Цорндорфом для повторного боя (схема 7). Для дальнейших действий авангард потерял боеспособность. Из оставшихся 30 батальонов 15 батальонов (правое крыло) под начальством Дона должны наступать вдоль Лангенгрундского оврага и с помощью Шорлемера по возможности разбить русское левое крыло, а потом, зайдя плечом, атаковать центр: одновременно его должны атаковать Каниц с юга и Зейдлиц с запада. План, по-видимому, целиком не удался. В то время как 97 тяжелых орудий подготовляют наступление, а Дона наполовину продвинулся вправо к оврагу Лангенгрунд, Демику внезапно появляется со своей кавалерией и нападает на большую батарею правого крыла, на правый фланг пехоты и на кавалерию Шорлемера. Батарея гибнет, один батальон окружен и кладет оружие, остальные приходят в замешательство, но в конце концов огнем прусской пехоты русская кавалерия отбита и под натиском эскадронов Шорлемера отступает на Цихер. С этим противником покончено. Но, несмотря на окончательное поражение русской конницы, ее действия оставили плачевный след. Левое прусское крыло, хотя и не было непосредственно затронуто атакой Демику, но настолько потрясено происшедшим неудачным боем, что в ожидании новой катастрофы охвачено паникой и отступает; его удается остановить только у Вилькерсдорфа. Зейдлиц с 56 эскадронами занимает освободившееся место и двигается, главным образом,

левее Штейнбуша; Дона с правым крылом – вдоль Лангенгрундского оврага; они наступают на сосредоточенную массу 33 русских батальонов (схема 8).

После упорного рукопашного боя первым заколебалось русское левое крыло. Чтобы не быть отброшенным в болото Гофебрух, оно спасается на Кварчен. Из-за этого оголяется левый фланг русского центра. Дона заходит налево. Атакованный с двух сторон русский центр, стесненный с третьей стороны непроходимым препятствием, постепенно оттесняется за овраг Гальгенгрунд и останавливается на высотах по другую его сторону.

Противник должен быть обязательно уничтожен до последнего человека. Король хочет вечером дать третье сражение. Но после двукратного огромного напряжения – до и после полудня – кавалерия непригодна для дальнейших атак. Вступивший в командование вместо раненого Дона Форкад атакует русских с фронта; собравший опять свои батальоны Каниц должен атаковать правый фланг. Но войска Каница вновь не на высоте положения. Один Форкад не в силах вести атаку. Русские удерживаются на своих позициях. Все же их положение крайне серьезно. При начале боя общая их численность была 44 000 чел., из них едва ли осталось 19 000. Позади уцелевших Варта, Одер и Митцель образуют речную дугу, единственный переход через которую заперт крепостью Кюстрин. Перед фронтом стоит, несомненно, весьма пострадавшая армия, но возможность атаковать ее все-таки исключается. Русские не могут двинуться ни вперед, ни назад, но они не могут также и оставаться на том же месте, так как у них не хватает ни боевых припасов, ни продовольствия. Первоначальное намерение короля – окружить противника – достигнуто. Хотя пруссаки и победили, но в данный момент они не могут продолжать атаку. Они должны предварительно отдохнуть, несмотря на то, что их потери меньше неприятельских. У них осталось 23 000 чел., превосходство сил теперь на их стороне, и они скоро смогут дать новый бой. Этот бой будет иметь для пруссаков, несомненно, победоносный исход. Но при упорном сопротивлении русских такая победа может быть достигнута только ценою большйх жертв, больших, чем король может понести. Он должен, не теряя времени, вернуться в Силезию и Саксонию, чтобы там задержать вторжение австрийцев. Он решается построить противнику золотой мост и к вечеру 26-го отходит за овраг Лангенгрулд к Цихеру. Противник пользуется предоставленным ему выходом и ранним утром 27-го числа отходит, обходя с юга Цорндорф и Видькерсдорф, направляется на Клейн-Камин и занимает там укрепленную

позицию. Король возвращается в лагерь при Тамзеле. Восстановив свои сообщения с тылом, оба противника простояли друг против друга до 30-го числа. 31-го Фермор отходит на Ландсберг. Преследуемый Дона, он продолжает отступление за Вислу. Ему удается увести не более третьей части своих первоначальных сил. Он не уничтожен, но устранен. Король обращается в другим задачам [216] .

Сражения при Лейтене и Цорндорфе освободили короля в первом случае от австрийцев, а во втором – от русских. Его противники, чтобы продолжать войну, должны были формировать новые армии. Но те затруднения, которые вызывались избранной Фридрихом Великим системой действий, отчетливо обнаружились. В этих сражениях, а еще более в других, выяснилось, что не так-то легко при меньшей численности войск хотя бы относительно сокрушить противника. При Праге обойденный неприятель успел снова развернуть фронт, примерно такого же протяжения, как и первоначальный. При Колине [217] противнику пришлось только немного принять вправо, чтобы избежать обхода. Атака, намеченная во фланг, обратилась во фронтальную, притом против превосходных сил неприятеля (20 000 пехоты против 35 000) и против значительно более длинного фронта. В первом случае удалось все-таки выполнить некоторый охват, во втором же Цитен показал себя не на высоте этой трудной задачи. Когда не удавалось хотя бы в некоторой мере ввести неприятеля в заблуждение, чтобы скрыть обходное движение от его внимания, успех являлся довольно сомнительным. Внезапность была необходима, по крайней мере, против австрийцев. С неповоротливыми русскими можно было обращаться с меньшей осторожностью. Русские выходили из затруднения другими способами.

70-тысячная русско-австрийская армия оборонялась под Кунерсдорфом [218] против 40-тысячной прусской армии [219] (схемы 9 и 10) и с этой целью обратила свою позицию укреплениями и окопами в крепость. Обходным движением на Гериц все пути сообщения русских были совершенно отрезаны. Но чтобы уничтожить противника, не хватало еще победы. Однако достигнуть ее, имея 40 000 чел. против 70 000 хорошо укрепившихся войск, невозможно. План сражения при Лейтене был проведен и здесь – до момента взятия горы Мюльберг, которая служила опорным пунктом левому крылу русской армии. Но при дальнейших попытках сбить русских ударом слева направо прусская пехота изошла кровью, встреченная превосходной артиллерией, а также вновь и вновь образуемым флангом русских; затем она окончательно разбилась об

укрепления Шпитцберга. Кавалерия Зейдлица ничего не могла поделать против окопов и засек.

Стремления Фридриха Великого во всех этих удачных и неудачных боях сводились к тому, чтобы с самого начала направить удар против неприятельского фланга и даже тыла и по возможности прижать врага к непроходимому препятствию, а потом уничтожить охватом одного или обоих флангов.

То же намерение обнаруживается и у Наполеона. Обходные марши, которые Фридрих Великий производил в течение нескольких часов в непосредственной близости от поля сражения, корсиканец планировал за много дней и недель на более широком пространстве. При этом способе нельзя было рассчитывать на внезапность. Численное превосходство войск, которыми располагал Наполеон, гарантировало ему успех и придавало его сражениям с перевернутым фронтом характер дерзаний в духе сражений Фридриха II.

Первый пример дает поход 1800 г. (схема 11). Австрийский главнокомандующий в Италии Мелас оставил Отта с 24 000 чел. осаждать Массена в Генуе, сам с 28 000 стоял на Варе против 12 000 Сюше. 35 000 чел., разбросанные небольшими отрядами, должны были охранять обширный полукруг альпийских проходов от Ниццы до Белинцоны. Бонапарт оставил Сюше, чтобы по возможности задержать Меласа; Тюрро с 6300 чел. должен был перевалить через Мон-Сени и демонстрировать через Сузу вниз по долине реки Дора-Рипария; дивизия Шабрана должна была перейти через Малый Сен-Бернар в направлении на Аосту, сам Наполеон вел Резервную армию из Дижона через Женеву, Лозанну, Мартиньи и Большой Сен-Бернар и спустился с 36 000 чел. в североитальянскую равнину у Ивреи. Благодаря энергии полководца и усердию офицеров и солдат были преодолены неописуемые трудности.

Мелас сделал то же, что в свое время сделали Карл Лотарингский и Фермор: он обратился против обходящего неприятеля, оставив Эльсница с 17 000 чел. против Сюше; сам он приблизительно с 11 000 чел. двинулся на Турин.

Французская атака в этом направлении не привела бы к окончательному решению. Мелас был бы, вероятно, оттеснен на восток. Поэтому Бонапарт под прикрытием боковых отрядов, которые двигались через Кияссо, Трино и Верчелли на Павию, продолжал обходный марш через Верчелли и Турбиго на Милан, где соединился с 15 000 чел. Монсея, который перевалил частью через Сен-Готард, а частью через Симплон. Сюше потеснил Эльсница; небольшие австрийские отряды были вынуждены оставить левый берег По; французы их преследовали до Бресчии,

Кремоны и Пиаченцы. Имея сообщение через Сен-Готард на Цюрих, французы заняли переправы через реку По, перешли на ее правый берег и заняли Страделлу. Мелас в это время пытался соединить свои силы у Александрии. Оба противника стояли друг против друга с совершенно перевернутыми фронтами. Ни тому, ни другому не удалось сосредоточить всю разбросанную армию в одно целое. Мелас имел 28 500 чел. Бонапарт, располагавший армией в 69 000 чел., в результате выделения многочисленных отрядов для прикрытия флангов и тыла имел налицо всего 22 800 чел. Тем не менее он должен был продолжать движение вперед, чтобы воспрепятствовать австрийцам перейти на север через реку По и прервать французские сообщения через Сен-Готард, или уйти на юг в только что оставленную Массена Геную. Выдвинутый к Монтебелло австрийский отряд терпит поражение. Мелас, по-видимому, не имеет намерения оставить Александрию. Французские войска продвигаются до правого берега Бормиды. Рано утром 14 июня Мелас переходит через реку. Захваченные врасплох французы не могут долго устоять у Маренго против превосходных сил противника; напрасно вводится в бой как последний резерв консульская гвардия. Вся армия подается назад. Отступление, почти бегство, в полном ходу. Австрийцы следуют за французами двумя длинными колоннами. В это время подходят 5000 чел. Дезе, находившиеся до того в Ривальте для прикрытия фланга, и бросаются на ближайшую колонну. Попавший в неблагоприятное положение и захваченный врасплох противник не мог даже развернуться. Келлерман со своей бригадой драгун окончательно решает исход боя, который до этого еще не определился. Голова колонны отбрасывается к ее центру и хвосту. Австрийцы в замешательстве отступают. Тем не менее победа сама по себе, еще не была решающей. Если бы фронты имели обратное расположение, то Мелас мог бы пройти вниз по течению реки По, подтянуть подкрепления и вскоре был бы опять готов к сопротивлению. Можно было бы рассчитывать на бесконечную кампанию. Но, имея в тылу Альпы и будучи окружен со стороны Акви – Сюше, ниже Сузы – Тюрро, у Трино – Шабраном и у Павии – Ла Пуапом, австрийский генерал оказался в безвыходном положении. Он мог вырваться только посредством полной победы. На это надежды было мало, так как ниоткуда нельзя было рассчитывать на поддержку. Бонапарт же мог получить значительные подкрепления. Был заключен договор, по которому ценою уступки Северной Италии [220] и под условием не принимать в дальнейшем никакого участия в настоящей войне Мелас получил разрешение отвести свои войска на Минчио. Бонапарт не уничтожил противника, но он его устранил и

обезвредил [221] . Цель же войны – завоевание Северной Италии – была достигнута. Наполеон обязан этим успехом не столько почти уже проигранному сражению, сколько обходу неприятельского фланга и выигрышу неприятельских сообщений с тылом, как Фридрих Великий обязан присоединением Силезии и освобождением левого берега Вислы обходным маршам при Лейтене и Цорндорфе. Конечно, не все заключается в одном обходном движении; к нему надо прибавить еще самый бой и победу. Но решительная победа возможна только тогда, когда целью атаки служит неприятельский тыл или, по крайней мере, фланг.

В 1805 г. (схема 12) Наполеон находился в состоянии войны с Англией. Альбион должен был быть побежден не только на море, но и на суше! Чтобы отстранить нависшую угрозу, островное государство искало союза с европейскими державами. Неаполь, Австрия, Россия, Пруссия, Швеция и Дания должны были наступать концентрически и напасть на противника в его собственной стране. Этот план приводится в исполнение только в минимальном размере. Пруссия остается нейтральной; Бавария становится на сторону противника; Неаполь, Швеция и Дания имеют мало значения. Остаются только Австрия и Россия. Главная армия под начальством эрцгерцога Карла должна сосредоточиться в Италии за рекой Эч; вспомогательная армия эрцгерцога Иоанна должна развернуться в Тироле, другая вспомогательная армия, в состав которой первоначально намечались баварцы, под командованием эрцгерцога Фердинанда, в действительности же руководимая генералом Маком, должна была развернуться на реке Иллер и выжидать приближения русских для перехода в совместное наступление. Это развертывание не успело еще закончиться, когда Наполеон не направился, как этого ожидали, на эрцгерцога Карла, а выделил против него небольшую армию Массена, сам же обратился с 210 000 чел. против Мака, который в своем распоряжении имел едва ли свыше 60 000 чел. Австрийцы не сразу могли разгадать направление и распределение неприятельских сил. Если бы австрийцы были более осведомлены, все-таки не было бы еще основания отступать перед противником, хотя бы и располагавшим тройным превосходством сил. Позиция на Иллере, справа примыкающая к Ульму, очень сильна. Переправы через Дунай ниже Ульма охраняли 16 000 чел. Кинмайера. Если нельзя было бы удержаться на Иллере, то Мак сохранял возможность отхода за Лех и далее от одного рубежа к другому, пока он не был бы поддержан русскими. Это удалось бы выполнить, если бы наступление, как предполагалось, было

направлено Наполеоном фронтально. При таком продвижении противник постепенно слабел бы, достиг бы пункта решительного сражения с гораздо меньшим числом людей и встретил бы там не только русских, но и австрийские резервы, а может быть, даже и армии эрцгерцогов. Наполеон, однако, против фронта только демонстрирует и продвигается с гвардией и четырьмя корпусами с Рейна, между Штутгартом и Неккарэльцем, через реку Неккар. Два других корпуса из Майнца и Франкфурта двигаются через Вюрцбург, и баварцы из Бамберга – через Нюрнберг. В зависимости от расположения противника Наполеон предполагал перейти через Дунай или у Ингольштадта, или у Регенсбурга, или еще ниже. Он рассчитывал выиграть неприятельский тыл или фланг, оттеснить врага если не к западу, то, по крайней мере, к югу и принудить его к бою. Располагая неопределенными, противоречиво и неправдоподобно звучащими сведениями о неприятельском продвижении, Мак не хотел отказаться от заранее мудро разработанного плана, не желая оставить позицию и тем самым открыть фланг армий, находящихся в Тироле и Италии. Он выжидал разъяснения обстановки, прежде чем покинуть вверенный ему пост. Когда 7 октября он «почти что определенно» выяснил, что противник хочет «возобновить игру при Маренго, чтобы атаковать армию с тыла», 5 французских корпусов, гвардия, баварцы и резервная кавалерия Мюрата уже достигли Дуная между Ингольштадтом и Мюнстером, в то время как один корпус (Нея) обеспечивал правый фланг на левом берегу Дуная против Ульма, а Кинмайер очистил переправы и отступал через Айхах и Мюнхен за Изар. Для решительного удара на значительно превосходившего его противника Мак был слишком слаб, к тому же французские колонны находились слишком близко друг к другу, и взаимная поддержка их была хорошо подготовлена. Так как Ингольштадт ближе к Мюнхену, чем Ульм, то о прорыве нечего было и думать, как бы не относить его к югу. 210 000 французов, продвигаясь на юг от Дуная, рано или поздно окружили бы 44-тысячную армию Мака и уничтожили бы ее.

После слабой попытки Мака порознь атаковать неприятельские колонны, переправившиеся через Дунай, и второй, вскоре оставленной, попытки отойти через Аугсбург Мак отказывается от всяких предприятий на правом берегу и, ведя мелкие бои, возвращается 10 октября в Ульм. Об успехе можно было думать только в том случае, если бы подоспела с таким нетерпением ожидаемая русская армия. Но против этой возможности Наполеон тоже принял меры.

Левое французское крыло (два корпуса и баварцы) было выдвинуто на Изар в виде заслона против русских. Два корпуса и

гвардия заняли позицию у Леха в районе Аугсбурга, чтобы перерезать путь Маку в направлении на Вену и одновременно служить резервом левому крылу. Непосредственно на Ульм наступал сначала только Мюрат с резервной кавалерией и одной пехотной дивизией. Однако эти войска беспрерывно подкреплялись, и к 11 октября на левом берегу осталась только одна дивизия Дюпона. Ее оказалось достаточно, чтобы Мак не решился в этот день прорываться. 13-го числа попытка должна была быть возобновлена несколькими эшелонами. Переднему эшелону (16 000 чел. под начальством Вернека) удалось счастливо пробиться на Гербрехтинген, прочие же остались с Маком в Ульме в расчете на скорое отступление Наполеона ввиду мнимого английского десанта в Булони и угрожающей мобилизации Пруссии. 14 октября Ней под Эльхингеном, оттеснив слабый австрийский отряд, очистил себе переправу обратно на левый берег Дуная. Отсюда французские войска начали наступление с севера на отрезанный уже с востока Ульм; другие части наступали через Меминген и Биберах на Ульм с юга. 17-го числа 23 000 австрийцев оказались вынужденными к капитуляции. Елачичу с 5000 удалось ранее уйти в Форарльберг, пройдя западнее Иллера. Чтобы не бросать главнокомандующего в трудном положении, Вернек хотел вернуться в Ульм, но по приказу эрцгерцога Фердинанда повернул обратно; при этом у Трохтельфингена его нагнали Мюрат и Дюпон. Его войска были частично рассеяны, частично принуждены положить оружие. Эрцгерцог Фердинанд пробился с 2000 всадников. Из 60 000 чел., с которыми Мак выступил на Иллер, вероятно, большая часть была уничтожена [222] . Но и она, может быть, имела бы возможность отойти, если бы 11-го или 12-го числа Мак предпринял решительный прорыв по левому берегу Дуная. Чтобы запереть противника на правом берегу Дуная, французами было сделано достаточно, для обеспечения со стороны русских – более чем достаточно, но для обложения Мака – слишком мало. Быстрое обложение Мака в Ульме более всего способствовало бы успеху. Имея такое значительное превосходство сил, Наполеон не должен был в течение нескольких дней предоставлять Маку возможность совершить прорыв: он слишком рассчитывал на его нерешительность и фальшивое понимание обстановки.

Год спустя прусско-саксонская армия, численностью около 100 000 чел., стояла севернее Тюрингенского леса, сосредоточив главные силы между реками Заалой и Веррой на линии Веймара и Эрфурта (схема 13). С намерением обойти и атаковать левый неприятельский фланг Наполеон со 100-тысячной армией выступил в трех колоннах из Байройта и Бамберга и перешел

через Франконский лес и Верхнюю Заалу. Эта цель могла быть достигнута захождением трех колонн в зависимости от расположения противника. К сожалению, об этом расположении не было никаких достоверных сведений. На Верхней Заале имели место два боя, но они не выяснили обстановки. Наполеон то предполагал держаться по-прежнему северного направления, то думал двигаться несколько восточнее. Одна колонна задерживалась, другая продвигалась вперед. Таким образом, тот «bataillon carre» [223] , который представляла собой французская армия при движении, способный развернуться как вперед, так и в стороны флангов, пришел в расстройство. Когда на Заале дело дошло до захода в сторону фланга, то оказалось, что на переправы у Кезена и Дорнбурга вышло по одному корпусу, а главные силы направились против Йены; в то же время противник в своем расположении но линии Йена – Веймар – Эрфурт сосредоточил главные силы на переправах у Наумбурга – Кезена и Фрейбурга. Наполеон предполагал, что соответственно его распределению сил противник тоже сосредоточил свои силы против Йены, а у Кезена и Дорнбурга не осталось никаких частей, а если и остались, то весьма малые. Поэтому он хотел атаковать противника у Йены и до тех пор сдерживать его фронтальным боем, пока не подойдут корпуса из Дорнбурга и Кезена, чтобы отбросить неприятеля в Тюрингенский лес. Этот план не соответствовал действительной обстановке. Главная прусская армия двигалась на Кезен; и лишь небольшой вспомогательный корпус под начальством Гогенлоэ, который мог рассчитывать только на поддержку армейского резерва Рюхеля, должен был запереть дефиле у Камбурга и Дорнбурга, а остальными силами вначале держаться у Йены, но не втягиваться в серьезный бой, т. е. в случае атаки противника – отходить. Выполнение этой задачи в течение суток, безусловно, было возможно в том смысле, что если бы и не удалось воспрепятствовать превосходным силами противника переправиться через Заалу, то во всяком случае они могли быть задержаны на Ильме у Апольды. Тем самым главной прусской армии было бы дано время нанести решительный удар переправившемуся у Кезена значительно более слабому противнику. Три французские дивизии могли быть связаны на фронте тремя прусскими, а остающимися в распоряжении значительными резервами сброшены в Заалу. Если этого не случилось, то это объясняется исключительно тем, что главнокомандующий, герцог Брауншвейгский, который ясно представлял себе всю обстановку, был тяжело ранен, а король, который принял на себя главное командование, не поддержанный никем из компетентных советчиков и помощников, не понадеялся

на свои силы, чтобы продолжать бой, и отдал приказ об отступлении с целью, соединившись на следующий день с армией Гогенлоэ и назначив нового главнокомандующего, вновь завязать борьбу. Между тем Гогенлоэ не вел арьергардного боя и не начал постепенного отступления, как это ему было предписано, а начал атаку с перевернутым фронтом против в пять раз сильнейшего противника и был так же, как и Рюхель, разбит наголову.

По обыкновенному человеческому разумению, план Наполеона должна была бы постигнуть неудача. Он слишком рано начал заходить. Его главная атака была направлена на вспомогательную армию в малозначащем направлении, и все-таки решительная победа была достигнута, так как атака все еще направлялась на первоначальный фланг противника; тем самым отступление пруссаков к Одеру сделалось возможным только по большой дуге, в то время как преследующий имел возможность быстро и беспрепятственно достигнуть той же цели по кратчайшей хорде.

Было бы удивительно, если бы фридриховские и наполеоновские обходные движения и атаки с флангов и тыла не вызывали подражания со стороны их противников. Из сражения при Праге в 1757 г. принц Хильдбургхаузен получил об этом ясное представление. Главнокомандующий 64 000 имперских и французских войск думал без труда обойти у Росбаха 21 600 пруссаков и нанести им губительное поражение [224] . Но обход встречен контробходом, намеченная атака – контратакой. Пруссаки под прикрытием холмистого кряжа подходят близко и внезапно нападают со всех сторон на узкий фронт походных колонн, в то время как сильная батарея, обстреливающая длинный фланг походных колонн, мешает их развертыванию. Что обходы Фридриха Великого легче всего парируются атакой, это было убедительнейшим образом доказано им самим. Таким же образом действовал и Наполеон.

1 декабря 1805 г. союзные русские и австрийские войска в числе 75 000 чел. предполагали встретить Наполеона, занимавшего сильную позицию у дороги Брюнн – Ольмюц, за ручьем Гольдбах, между селениями Кричен и Кобельниц [225] (схема 14). Они решили на следующий день занять внимание противника, атаковав его на фронте вдоль большой дороги со стороны Голубиц частями Багратиона (11 500 чел.), резервом великого князя Константина (7000 чел.) со стороны мельницы Вальк и 6000 кавалерии под начальством князя Лихтенштейна, всего 24 500 чел.; остальная армия в числе 60 000 чел. должна была переправиться через Гольдбах между Кобельницом и Тельницом и атаковать неприятельский правый фланг между

селениями Шлапаниц и Турас, причем Кинмайер выступал из Ауезда, за ним Дохтуров из Клейн-Гостеградека, Ланжерон из района южнее селения Праце, Пржибышевский из района севернее и Коловрат из района восточнее того же селения. Этот охват, может быть, и был бы успешен, если бы Наполеон продолжал занимать оборонительное расположение, как это сделали принц Карл Лотарингский под Лейтеном и Фермор под Цорндорфом, и если бы можно было беспрепятственно пройти через дефиле ручья Гольдбах. Но оба эти условия не были соблюдены. Наполеон занял пятью батальонами и двенадцатью эскадронами Маргарона переправы у Тельница, у деревни и у замка Сокольниц. Он хотел сначала отбросить непосредственно противостоящего неприятеля, затем атаковать правый фланг обходных колонн, причем в первой линии направлялись Сульт (полдивизии Леграна у Кобельница, Сен-Илер – у Пунтовица, Вандам – у Жиршиковица), Ланн (дивизии Кафарелли и Сюше на Ольмюцкой дороге) и Мюрат с резервной кавалерией, усиленной Келлерманом, – между Сультом и Ланном. Во второй линии за Сен-Илером находился Удино, за Вандамом корпус Бернадота (дивизии Друэ и Риво), в третьей линии находилась гвардия. План был осуществлен не вполне так, как это намечалось. Когда Сульт внезапно атаковал и захватил господствующие высоты севернее Праце, то Келлерман, Дохтуров, Ланжерон и Пржибышевский уже спустились с высот, достигли головами колонн ручья Гольдбах, но Коловрат был задержан номинальным главнокомандующим, Кутузовым, и только что начал спуск через селение Праце к селению Кобельниц. Голова колонны Коловрата была атакована Сен-Илером, а ее фланг Вандамом (схема 15). Несмотря на всю трудность положения, в котором оказался австрийский генерал, он сумел развернуть свои войска и оказать сопротивление в течение двух часов. Только атака дивизии Друэ (корпуса Бернадота) против правого фланга вынудила Коловрата к отступлению через Збейшов на Вацан. Союзники, левому флангу которых угрожал противник, должны были примкнуть к этому отступлению: князь Лихтенштейн, который при поддержке русской гвардейской кавалерии вел бой с переменным успехом против Мюрата и Келлермана, русский резерв, продвинувшийся до Блашовиц и атакованный здесь дивизиями Риво и Кафарелли, наконец, Багратион, за которым следовал Ланн и который оказал у Посорцицкого поста упорное сопротивление и затем беспрепятственно отошел к Аустерлицу Лихтенштейн и великий князь Константин вышли у Крженовица на левый берег ручья Литава.

Между тем три обходные колонны достигли переправ через

Гольдбах (Кинмайер и Дохтуров после продолжительного боя у Тельница, Ланжерон – у деревни Сокольниц, Пржибышевский – у замка Сокольниц) и частью своих сил овладели расположенными западнее высотами. Дальнейшему продвижению воспрепятствовал Даву, который с дивизиями Фриана и драгунами Бурсье подошел от Грос-Райгерна на поддержку Маргарона. В этом бою против главной массы союзников французы были в меньшинстве. Но им удалось не только удержаться, но одержать успех, так как сдавленная масса не располагала достаточным пространством, чтобы развернуться, И тем самым ее превосходство было сведено на нет. Но вся невыгода ее положения сказалась тогда, когда Наполеон принудил Коловрата к отступлению и, оставив корпус Бернадота и гвардию на Праценских высотах, послал две с половиной дивизии Сульта, поддержанные Удино, против правого фланга обходных колонн неприятеля. Сен-Илер и Легран, которым было указано направление на Сокольниц, поставили правую колонну Пржибышевского в самое отчаянное положение. Спешно выдвинутые против угрожающей фланговой атаки несколько русских батальонов были немедленно уничтожены превосходным противником. Остальные пробовали отойти на запад через ручей Гольдбах, но попали под перекрестный огонь артиллерии Даву и Сен-Илера. Вся колонна была частью уничтожена, частью взята в плен. Но этот бой дал время Ланжерону спастись через Тельниц. Оставшиеся восточнее ручья девять батальонов Дохтурова и Кинмайера отходили на Ауезд, но, когда к этой деревне подошел Вандам, они повернули на Сачан, а когда здесь провалился мост, они пытались уйти по дамбе между Мёницким и Сачанским прудами. Под артиллерийским огнем остатки союзников успели отойти через Нейдорф и Отниц к Милешовицу.

Наполеон похвалился, что он под Аустерлицом прорвал центр неприятеля и рассеял его в разные стороны. Однако события 2 декабря едва ли дают возможность признать наличие прорыва и раскалывания противника на части. К вечеру союзники, соединившись, находились южнее Литавы. Напротив, французская армия разделилась на две части. Большая часть стояла против неприятеля между селениями Мёниц и Крженовиц, а меньшая (Ланн и Мюрат) на Ольмюцкой дороге у Посорцицкого поста. Рано утром 3 декабря Наполеон писал Сульту: «Император хочет лично гнаться за противником по пятам. По его мнению, на войне ничего еще не сделано, пока остается еще что-нибудь сделать. Во всяком случае, победа является неполной там, где возможно достигнуть большего».

Но он сам недостаточно следовал этой теории. 2-го числа

соприкосновение с противником было совершенно потеряно. Наполеон, по-видимому, действительно находился в заблуждении, что противник расколот и отброшен по двум направлениям. В соответствии с этим 3 декабря Наполеон направил Бернадота и Сульта в южном направлении, а Ланна и Мюрата на Ольмюц. Вскоре выяснилось, что продвижение в этом последнем направлении есть удар по воздуху. Общее преследование из-за этого потеряло в силе. Но это не имело значения. Побежденные были до такой степени потрясены, что 4-го император Франц сам явился в лагерь Наполеона и просил перемирия; аустерлицкой победы и без преследования оказалось достаточно, чтобы противник исчез с театра войны, и исчезла не одна только союзная русско-австрийская армия, но также и приближавшийся эрцгерцог Карл, русские подкрепления и прусская армия.

Картину, подобную Аустерлицу, отличающуюся, правда, по результату, представляет собой и Прейсиш-Эйлауская кампания.

В начале 1807 г. русско-прусская союзная армия располагалась так (схема 10): Лесток стоял у Ангербурга, Венигсен между Иоганнисбургом и Наревом – за рекой Писсой, Эссен между Наревом и Бугом; напротив, за реками Омулевом и Пассаргой, от Гафа до Нарева располагались французы. Русско-прусский главнокомандующий вновь перешел к активным действиям еще прежде, чем войска стали по позициям и квартирам. Оставив Эссена на Нареве и слабый корпус Седьморацкого у Гониондза, главнокомандующий прошел двумя колоннами через Мазурские озера, сопровождаемый справа пруссаками Лестока, и двинулся на левый фланг противника. Широко и глубоко разбросавшиеся французы были застигнуты врасплох, но все-таки успели отойти без особых потерь в южном направлении. Союзники следовали за ними и 31 января достигли линии Фрейштадт – Дейч-Эллау – Остероде – Алленштейн. Им удалось, как это раньше удавалось Наполеону, выиграть вполне один из флангов противника. Положение союзников казалось в высшей степени выигрышным. Если бы они теперь успешно атаковали, то оттеснили бы французов к Висле, к Бугу и к нейтральной австрийской территории. Намечалась возможность полного уничтожения противника. Но Венигсен не располагал ни достаточными силами, ни достаточной решительностью для такого предприятия. Он надеялся, что под простой угрозой левому флангу с его стороны и правому – со стороны Эссена противник отойдет за Вислу. Однако Наполеон не отступил, а ответил на обход контробходом и на угрозу атаки действительной атакой. Он оставил против Эссена один корпус

(Ланн и Бекер) и сделал захождение остальной армией против главных сил противника. Это движение было очень облегчено положением районов расквартирования войск. В конце января французы стояли на линии Мышинец – Вилленберг – Хоржелле – Гильгенбург – Неймаркт. Теперь французы столь же успешно обошли противника, как перед тем противник их. Кто будет атаковать и победит, тот оттеснит противника – один к Висле и Бугу, другой к Фриш-Гафу. На это Беннигсен пойти не мог. Отступление было еще ему открыто. Он мог отойти или на Кенигсберг, или через Велау на Тильзит. Однако он колебался начать отступление, не будучи к этому вынужденным. Выгодная позиция на левом берегу реки Алле у Алленштейна привлекла к себе его главные силы. Это еще более улучшило положение Наполеона. Оно стало похожим на обстановку минувшего октября. Только противник стоял теперь не на левом берегу реки Заалы, а на левом берегу реки Алле. Если бы Наполеон со своим *bataillon carre* пошел вдоль правого берега, то, даже если бы противник оставил вовремя позицию у Алленштейна, Наполеон мог бы задержать его на ближайшем значительном рубеже, повернуться против него и атаковать в наивыгоднейших условиях. Но противник не давал оснований предполагать, что он собирается оставить позицию у Алленштейна.

4 февраля французы должны были атаковать на этой позиции противника с фронта и по переправам ниже по реке Алле в левый фланг и тыл (схема 17). Беннигсен не дождался атаки и начал отступление ночью. Дорога вдоль реки Алле была слишком опасна, поэтому он уклонился на запад и хотел, двигаясь по пологой дуге через Вольфсдорф, Лансберг и Фридланд, выиграть дорогу на Велау. Наполеон следовал за ним. Из шести корпусных командиров Ланн был оставлен для прикрытия правого фланга против Эссена, Бернадот задержался надолго для прикрытия левого фланга и для обеспечения Торна. Ней, Ожеро и Сульт теснили с двух сторон отступающего противника и без умысла с их стороны оказались в хвосте за ним. Только Даву остался сбоку на той дороге, по которой вся армия должна была бы преследовать противника, чтобы его «отрезать», «охватить» и «нажать на его левый фланг». Вскоре Ней отряжается влево для преследования прусского корпуса Лестока. Все попытки вновь двинуть Сульта к Даву остаются безуспешными. Одного Ожеро недостаточно, чтобы побороть сопротивление русского арьергарда. Но если Ожеро и не мог бы продвинуться вперед и даже был бы вынужден к небольшому отходу, то, с точки зрения Ганнибала, это не имело бы существенного значения. Тем действительнее оказался бы фланговый удар Даву и Сульта.

Наполеон же каждый раз отзывает Сульта назад на большую дорогу для непосредственного преследования противника. Противника, которого он все же хотел «отрезать», он все поспешнее теснил назад.

7 февраля русские находились уже восточнее Прейсиш-Эйлау. Сульт, за ним Ожеро, Мюрат и гвардия достигли города. Ней находился левее, между селениями Оршен и Ландсберг, Даву правее, имея две дивизии у селения Бейслейден и одну у Бартенштейна. Дорога Фридланд – Велау от Прейсиш-Эйлау резко поворачивает на восток; Беннигсен опасался, что, продолжая таким образом марш, он не сможет уклониться от атаки с левого фланга. Тогда он решился встретить неизбежную атаку не на марше, а на хорошей позиции.

Наполеон не намеревался использовать преимущество, которое давали ему особенности дорожной сети, а предполагал по-прежнему «тянуть» преследование в виде авангардных и арьергардных боев. Поэтому Ней был вновь послан вслед за пруссаками. Только увидев русских, развернувшихся на высотах восточнее Прейсиш-Эйлау, Наполеон выяснил обстановку. Положение французов было еще весьма выгодным. Противник, подобно Теренцию Варрону, занимал узкое по фронту, но глубоко расчлененное положение. Если бы Наполеон сосредоточил свои силы, он мог бы атаковать противника, приблизительно ему равного: Ожеро и гвардия – с фронта, Сульт, а может быть, и Ней – с правого фланга, Даву – с левого и Мюрат – с тыла. Шансы на уничтожение были такие же, как при Каннах. Наполеон принял другое решение. Ожеро должен был атаковать с фронта, Даву – с левого фланга, в то время как Сульт обеспечивал свой левый фланг, а гвардия и Мюрат составляли резерв. Таким образом, для овладения позицией противника, все же весьма сильной, были предназначены только два корпуса. Этого тем более было недостаточно, что атаки обоих корпусов последовали не одновременно, а одна после другой. Густые массы Ожеро под прикрытием снежной метели подошли вплотную к русским позициям, но были отброшены убийственным градом картечи и рассеяны русской пехотой и кавалерией. Только остатки были спасены Мюратом. Возобновить фронтальное наступление было невозможно. Здесь Наполеон должен был ограничиться тем, чтобы быть наготове отбить возможную контратаку. Однако Даву удалось после упорных кровопролитных боев одержать некоторый успех на русском левом фланге. Но фронт был слишком мало скован атакой, вследствие чего фланг оказался настолько глубоким и трудным для охвата, что у Даву не хватило сил, чтобы полностью его одолеть. Русские стояли под прямым углом,

фронтом на Прейсиш-Эйлау против Сульта и гвардии, а левым флангом против Даву. Ни один из противников не имел ни сил, ни желания возобновить атаку. Наполеон уже давно призывал Нея, а Беннигсен – Лестока с пруссаками.

Прибытие того или другого должно было получить решающее значение. Ней не подошел. Лесток, хотя и с небольшой частью войск, поспел в последнюю минуту. Первоначально было отброшено правое крыло Даву, а затем с помощью русских – и его центр. К вечеру обе армии стояли друг против друга, приблизительно в том же положении, что и утром. Не было ни победителей, ни побежденных. Тем не менее на следующее утро Беннигсен начал отход на Кенигсберг. Наполеон медленно следовал за ним. Но уже вскоре, не будучи в силах продолжать кампанию, Наполеон тоже повернул назад.

День сражения при Прейсиш-Эйлау означает поворот в полководческой жизни Наполеона. Ряд успешных сражений на уничтожение, какими были Маренго, Ульм, Аустерлиц, Йена, более не повторялся. Еще раньше не удалась Пултуская операция, построенная по тому же плану, как и Венская. Но это объяснялось необыкновенно трудными условиями. Теперь и Прейсиш-Эйлауская операция оказалась неудавшимся ударом. Правда, в дальнейшем можно еще рассматривать как безусловно успешное сражение на уничтожение, Фридланд (14 июня 1807 г.) [226] . Но и здесь Наполеон не может в полной мере приписывать победу только себе. Противник сам ему подготовил успех. Русские, не имея этого в виду, совершенно случайно перешли у Фридланда через реку Алле, развернулись тылом к реке и приняли в таком понижении атаку вдвое сильнейшего противника. Из превосходства сил атакующих, естественно, создалась, помимо фронтальной атаки, атака во фланг. Если бы не были оставлены слишком сильные резервы, то создалась бы атака и в другой фланг. Но и без того успех был значительный. В довершение всего русские подожгли, еще не пройдя их, тот пригород и мост, через которые они должны были спасаться. Получив сведения, что противник находится еще у Фридланда, Наполеон, несмотря на усталость войск, быстро принял решение и поспешил туда: это и создало ему бессмертную славу. Противник сам дал ему в руки план боя.

В дальнейших войнах Наполеон сначала придерживался, казалось, тех же методов, которым он был обязан столькими блестящими успехами. Так, в Регенсбургской операции 1809 г. [227] (схема 18) австрийцы предполагали захватить врасплох, до ее сосредоточения, армию противника, состоявшую из французов и из войск Рейнского союза. 10 апреля эрцгерцог Карл с армией в

120 000 человек переправился через реку Инн у Браунау и ниже. 16-го числа он оттеснил одну баварскую дивизию, захватил переправу через реку Изар и двинулся дальше на Кельхейм, чтобы достигнуть правого берега Дуная, соединиться там с двумя корпусами Бельгарда (50 000 чел.), находившимися на пути из Богемии, уничтожить или рассеять все части противника, которые оказались бы севернее Дуная, и, двигаясь вдоль него, воспрепятствовать главным силам противника удержаться на удобной для них позиции за рекой Лех. Это был ответ на операцию Наполеона против Мака. На этот раз французы должны были быть оттеснены на юг, а если возможно, то и на восток.

Когда 17 апреля Наполеон прибыл на театр военных действий, он застал баварцев под начальством Лефевра в отступлении через нижнее течение реки Абенс; далее, вдоль Дуная, находились: дивизия Демона у Ингольштадта, кавалерийская дивизия Нансути у Нейбурга, вюртембержцы под начальством Вандама у Донауверта, дивизия Руе (войска мелких рейнских государств) у Нордлинтена, Массена и Удино на Лехе, между Аугсбургом и Ландсбергом, Даву севернее Регенсбурга. При такой обстановке наступление эрцгерцога имело мало шансов на успех. Ингольштадт и Регенсбург были заняты противником, мост у Кельхейма разрушен; постройке нового моста в каком-либо месте между этими пунктами, несомненно, воспрепятствовали бы части противника, стоящие на левом берегу Дуная. Поэтому немедленно переправиться через Дунай было невозможно. Напротив находилась одна группа противника, отходившая за реку Абенс, другая – с правого фланга у Регенсбурга, третья – с левого фланга на подходе к Аугсбургу. Австрийцы попадали в тупик, выходом из которого могло бы быть или поспешное отступление, или полное уничтожение одной из трех групп противника.

Обстановка стала ясна эрцгерцогу, когда, медленно продвигаясь двумя колоннами, он достиг района реки Рор. Массена (схема 19) находился еще слишком далеко, чтобы можно было его атаковать. Баварцы могли бы продолжать свой отход в случае наступления на реку Абенс, что еще более ухудшило бы положение австрийцев. Поэтому эрцгерцог решил направить главные силы против Даву и при помощи Бельгарда совершенно его уничтожить. План был бы превосходен, если бы мост на Дунае у Регенсбурга находился в распоряжении Бельгарда. Но этой предпосылки не было. Даву перешел на правый берег Дуная и 19 апреля выступил из Регенсбурга, оставив, однако, гарнизон в укрепленном городе. Бельгард должен был первоначально захватить с боем переправы. До этого времени эрцгерцог мог

рассчитывать против Даву только на свои силы. Но из них только около половины оставалось в его распоряжении. После переправы через реку Изар Хиллер с 26 000 чел. был выделен в Мосбург для обеспечения левого, Вексей с 6000 в Гейзельгеринг – для обеспечения правого фланга. Теперь были еще выдвинуты в направлении на реку Абенс эрцгерцог Людвиг с 15 700 чел. к Зигенбургу и генерал Тьерри с 5800 чел. через Оффенштетен. 63 000 чел. оставались для уничтожения 57 000 чел. Даву. Это было превосходство сил, явно недостаточное для исполнения задачи. Очевидно, отряды, выдвинутые эрцгерцогом для прикрытия флангов, были слишком велики, а количество сил, предназначенных для удара, в такой же мере было ослаблено. Оправданием эрцгерцогу может служить лишь то, что в подобных случаях другие генералы, и даже сам Наполеон в 1813 г., поступали едва ли лучше. Но это оправдание не могло помочь ему преодолеть роковые последствия. Он должен был стянуть к решающему пункту много больше 63 000 чел. Здесь нужно было уничтожить или совершенно вывести из игры одного из лучших французских маршалов с одним из лучших французских корпусов. Если бы эрцгерцог ограничился тем, что только удержал бы противника или немного его потеснил, то через короткий срок другие две французские армии оказались бы у него в тылу и на фланге. Его положение было отчаянным. К счастью, противник не был склонен полностью воспользоваться этим отчаянным положением.

Мольтке сказал: «Соединение разделенных до этого армий на поле сражения я считаю наивысшим достижением стратегического управления». Четыре года спустя – под Лейпцигом – и еще двумя годами позже – под Ватерлоо – это высшее достижение стратегии раздавило Наполеона, он должен был бы сам осознать значение такого соединения и сам его использовать, но, по крайней мере, в то время он не захотел стать на такой путь. Он остался при своем прежнем методе – стремиться сначала развернуть всю армию против фланга или тыла противника. При наличии предположения, что эрцгерцог двинется на Регенсбург против Даву, центральная армия подтягивалась к левому берегу Абенса, Даву, двигаясь по правому берегу Дуная [228] , должен был примкнуть у Нейштадта к левому крылу, а Массена и Удино – из Аугсбурга через Пфафенгофен к правому Выполнимо ли и целесообразно ли было такое развертывание вблизи противника, в этом скоро усомнился и сам Наполеон. 18 апреля Массена достиг головой своей длинной колонны (Удино) Пфафенгофена и вытеснил оттуда отряд противника. Следовало ли на следующий день

действительно подтягивать его к Нейштадту и не проще ли было направить по прямой через Ау в тыл противника? Наполеон нашел временный выход: 19 апреля он решил подтянуть колонну Массена к Пфафенгофену, невзирая на то, что на следующий день плотный клубок должен был опять растянуться в каком-нибудь направлении.

В тот же день 19 апреля эрцгерцог хотел двигаться на Регенсбург, чтобы при помощи Бельгарда уничтожить Даву (схема 20). Последний же, напротив, должен был, не входя в соприкосновение с противником, отойти к Абенсбергу [229] . С этой целью обоз был двинут по большой дороге вдоль Дуная, по две дивизии через Тейген и Зальгаунд на Абенсберг, кавалерия и часть пехоты под начальством Монбрена – через Динцлинг. Со стороны австрийцев направлялись: Гогенцоллерн – на Гаузен и Тейген, Розенберг боковым отрядом – на Шнейдгарт и Зальгаунт, главными силами – на Динцлинг, Лихтенштейн – на Зандинг, Вексей – из Экмюля на Регенсбург. Эрцгерцог надеялся раньше противника занять позиции Волькеринг – Аббах и удерживаться на них до подхода Бельгарда. Но Даву был быстрее и при приближении противника повернул вправо обе колонны своих главных сил, чтобы через Тейген и Унтер-Зааль выйти на большую дорогу Регенсбург – Абенсберг. Головная дивизия (Моран) беспрепятственно достигла этой дороги. Вторая (Гюден) уже достигла цели с легкими боями на фланге. Третья (Сен-Илер) должна была у Тейгена повернуть налево, так как через Гаузен уже подходил Гогенцоллерн. Французский генерал немедленно ввел в дело все силы. Гогенцоллерн же начал действовать одним авангардом, постепенно усиливая его полками и батальонами, но ничего не мог поделать против более широкого фронта и в заключение был атакован в правый фланг 4-й дивизией Фриана. Преследуемый до южной опушки лесистого кряжа, он должен был, понеся значительные потери, отступить к Гаузену. Тем временем Розенберг со своими двумя колоннами вел на закрытой лесистой местности затяжной, но нерешительный бой против Монбрена и выдвинутых от Зальгаунта боковых отрядов, был ими введен в заблуждение и задержал свои главные силы в выжидательном положении. Лихтенштейн, следовавший за Розенбергом, к вечеру достиг вместо Зандинга лишь Ширлинга и в темноте без боя свернул к Хоэнбергу на Регенсбургскую дорогу, где и соединился с Вексеем. К вечеру находились с одной стороны Гогенцоллерн у Гаузена, Розенберг у Динцлинга, с другой Сен-Илер и Фриан у Тейгена, Монбрен у Пейзинга – Аббаха, Моран и Гюден, объединенные с этого времени под командой Ланна, головами у Обор-Фекинга, Рейсинга и Шамбаха.

Армия Бельгарда после тщательной атаки на Регенсбург осталась на левом берегу Дуная.

Даву искусно избежал полной победы, но от частичного успеха при всем желании не смог уклониться. Если бы он не подчинился искусственному приказу императора [230] , а последовал естественному инстинкту солдата, то он не повернул бы обе свои колонны от Тейгена и Зальгаупта вправо на Унтер-Зааль, а направил бы их прямо на противника и с имеющимися двумя дивизиями так же успешно победил бы Розенберга, как такими же силами он оттеснил Гогенцоллерна. Если Гогенцоллерн был вынужден отойти к Гаузену, то Розенберг был бы оттеснен, по крайней мере, к Хельрингу и Парингу. Даву и Ланн на следующий день вновь возобновили бы атаку, в то время как Наполеон с Лефевром, Вандамом, Демоном и Нансути двигался бы на Зигенбург, Бибург и Абенсберг против эрцгерцога Людвига и Тьерри, а Массена из Пфафенгофена, а возможно, и из Ау (которого он легко мог достигнуть 19 апреля) на Пфафенгаузен. К вечеру, самое позднее к 21 апреля, кампания могла бы быть законченной. Но вследствие того, что Даву отошел в сторону, а Массена задержался позади, австрийцы избегли опасности быть окруженными. Оба противника, хотя и разделенные на значительно отстоящие одна от другой группы, стояли в общем друг против друга фронтально. Об окружении больше не могло быть и речи. Только корпус Гогенцоллерна находился между Даву и Данном под известной угрозой. Австрийская атака на этом крыле, которую впоследствии так настойчиво рекомендовали, не обещала никакого успеха. Правда, Даву мог бы быть поставлен Розенбергом в трудное положение. Но атака на Ланна только что разбитым корпусом Гогенцоллерна имела бы мало шансов на успех, тем более что французский центр, перейдя через реку Абенс, выходил ему в тыл.

Едва ли возможно допустить, что к вечеру 19 апреля эрцгерцог отдавал себе полный отчет в обстановке. Во всяком случае, он уяснил себе из истекших боев, что победа над более многочисленным и лучше обученным противником возможна только при условии, что он соединит все свои силы. Поэтому настоятельно необходимо было открыть переправу у Регенсбурга и подтянуть к себе 50 000 чел. Бельгарда. До тех пор эрцгерцог предполагал обороняться. Розенберг прежде всего должен был связать Дину, Гогенцоллерн – отойти за Грос-Лаабер к Лейерндорфу, Тьерри и эрцгерцог Людвиг уже в течение ночи – примкнуть к нему слева, Хиллер, который достиг Майнбурга, оттягивался к Пфафенгофену для прикрытия левого фланга. Эрцгерцог предполагал 20 апреля на занятой выгодной позиции

встретить атаку неприятельского левого крыла и центра, Лихтенштейн был послан к Регенсбургу, чтобы открыть Бельгарду переправу через Дунай. 21 апреля Бельгард с 50 000 чел. должен был бы атаковать левый фланг противника. План, несомненно, был не безнадежный, и положение неплохое. Обстановка сложилась еще выгоднее вследствие мероприятий Наполеона. Донесение Даву от 19 апреля: «После тяжелого боя поле сражения осталось за мной» – Наполеон понял так: «L'ennemi bat en retraite a toutes jambes» [231] . Раз предполагалось, что эрцгерцог находится в полном отступлении, то его надлежало не только преследовать *I'epee dans les reins* [232] , но и отрезать ему путь отхода. Если это не оказалось возможным на Изаре, то, несомненно, удалось бы на Инне. Массена получил приказ 20 апреля двинуться на Фрейзинг и далее кратчайшей дорогой, чтобы предупредить в Браунау австрийцев. Удино, который вместе с Массена находился у Пфафенгофена, был оттянут в противоположном направлении на Нейштадт, что шло в разрез с идеей преследования. Первоначальный план предварительного сосредоточения там всей армии выполнялся, по крайней мере, частично, несмотря на предполагавшееся коренное изменение обстановки. Таким образом, Массена и Удино, т. е. третья часть всей французской армии, не менее чем на два ближайших дня отрывались от поля действий.

20 апреля на реке Грос-Лаабер эрцгерцог мог бы иметь дело с приблизительно равносильным противником, а 21-го, подтянув Бельгарда, мог перейти в наступление с превосходящими силами. Эта прекрасная перспектива, однако, рассеялась из-за ошибок австрийских корпусных командиров. Претендуя на то, что он лучше разбирается в обстановке, и опираясь на право корпусного командира принимать самостоятельные решения, эрцгерцог Людвиг не захотел открыть Ландсхутскую дорогу и покинуть свою позицию на реке Абенс. Вопреки полученному приказу он не выступил ни ночью, ни следующим утром.

Когда же перед полуднем 20 апреля (схема 21) он понял всю сомнительность своего положения и решился на отступление, то против 24 000 его австрийцев, вытянутых кордоном вдоль реки Абенс, уже наступали 75 000 чел.: Ланн с дивизиями Морана и Гюдена от Шамбаха, Лефевр с двумя баварскими дивизиями и с Нансути от Абенсберга, Вандам с Вреде, вюртембержцами и Демоном от Бибурга. Несколько мелких отрядов было отрезано и уничтожено. Остальные отошли на Пфефенгаузен. Хиллер, намереваясь контрударом возобновить бой, двинулся через этот пункт на Роттенбург, но наткнулся на Ланна и отступил на Тюркенфельд. Противник преследовал вдоль обеих дорог до

Гизельтсгаузена и Людмансдорфа.

Наполеон все еще предполагал, что главные силы, мимо левого крыла которых он на самом деле только что прошел, отходят на Ландсхут и что он сбил арьергард, прикрывавший это отступление. Он надеялся, что 21-го при бурном развитии преследования удастся всю неприятельскую армию заставить остановиться у Ландсхутского моста. Массена должен был от Фрейзинга продвигаться по правому берегу Изара и завершить уничтожение. Лефевр с дивизиями Демона и Деруа был оставлен у Бахля для подкрепления Даву и для обеспечения фланга на случай атаки Вельгарда.

Чтобы избежать угрожавшей им гибели, Хиллер и эрцгерцог Людвиг ночью продолжали отступление. Около Ландсхута все дороги и подступы к городу оказались совершенно забитыми обозами. Только с большим трудом и потерей времени удалось устранить препятствия. 21-го французы подошли прежде, чем дорога была очищена: войска еще не успели пройти через город. Завязался бой северо-западнее и внутри города. Позиция на правом берегу Изара заставила преследующих приостановиться. Массена подошел лишь тогда, когда дальнейшее отступление было планомерно организовано и арьергард уже оставил высоты правого берега. Хотя и с серьезными потерями, австрийцы получили возможность продолжать движение к реке Инну без дальнейших крупных задержек.

По виду противника, которого он имел перед собой, и по донесениям Даву Наполеон в Ландсхуте должен был убедиться, что в течение двух дней с большей частью своих сил он следовал за вспомогательной армией, а главные силы противника стоят влево и позади него. Он решил поручить преследование Хиллера и эрцгерцога Людвига Бесьеру с 15 000 пехоты и 3000 кавалерии, Вреде оставить в резерве у Ландсхута, а с 60 000 чел. двинуться к Экмюлю, чтобы окружить и уничтожить эрцгерцога Карла.

Между тем последний 20 апреля без помехи со стороны противника отвел 3-й корпус (Гогенцоллерна) за реку Грос-Лаабер. Лихтенштейну удалось принудить к капитуляции слабый гарнизон Регенсбурга, угрожаемого с обоих берегов. Была восстановлена связь с левым берегом. Можно было ожидать, что Бельгард перейдет через реку и 21-го числа с 50 000 чел. атакует Даву и Лефевра с левого фланга, а эрцгерцог с 60 000 чел. – с фронта. Но неожиданным образом на месте оказался только корпус Коловрата, 1-й же находился далеко на марше в Неймаркт. Но и находившийся на месте корпус не перешел через реку, а двинулся на Гемау. Отданный за несколько дней приказ о переходе на правый берег Дуная не достиг, по-видимому, своего

назначения. Бельгард, находившийся в стороне от последних событий, продолжал действовать по первоначальному плану операции и стремился соединиться с эрцгерцогом на левом берегу Дуная с целью атаковать противника, расположенного за рекой Лех. А если бы эрцгерцогу не удалось переправиться, то что лучшего мог сделать Бельгард, как не диверсию на левом берегу Дуная, посредством которой он принудил бы неприятеля к отступлению! Действия против Регенсбурга рассматривались как второстепенные. Когда ошибка или недоразумение были выяснены и последовало отозвание обоих корпусов, Коловрат к вечеру 21-го числа подошел к Регенсбургу (схема 22), но удобный момент был уже пропущен.

Согласно приказу, полученному 20-го вечером, Даву должен был направиться туда, где еще стояли враги, чтобы их уничтожить и раздавить. Одновременно писалось Лефевру: «Преследуйте противника по пятам». На этом основании 21 апреля Даву выступил из Тейгена в Гаузен, оттуда двинул Фриана через Хельринг в Паринг, а Сен-Илера – в Лангквейд. Туда же направился Лефевр из Бахля. Под прикрытием арьергардных боев Гогенцоллерн отошел за ручей Аллерсдорф, южнее Ширлинга, Розенберг следовал из Динцлинга в Лайхлинг. Сильный бой продолжался до темноты, чередовались удары и контрудары, причем стороны занимали позиции: одна – Линдах, Обер-Лайхлинг, Обер-Зандинг, другая – ручей Аллерсдорф, Ширлинг, Колбинг, опушка леса восточнее Динцлинга.

21-го вечером эрцгерцог Карл еще ничего не подозревал об отступлении эрцгерцога Людвига и Хиллера, а также о продвижении Наполеона на Ландсхут. Он все еще рассчитывал на подкрепление левого крыла корпусами обоих генералов и предполагал совместно с ними и с Коловратом атаковать Наполеона, продвижение вперед которого ожидал из Абенсберга вниз по Дунаю. А когда ночью пришло донесение о судьбе Хиллера и эрцгерцога Людвига, главнокомандующий не счел положение существенно ухудшившимся, так как этими частями все-таки связывалась значительная часть французских сил. К 22-му (схема 23) Розенберг должен был занять позицию против Даву и Лефевра, бригада Вукасовича – служить прикрытием левого фланга южнее Грос-Лаабер, гренадеры оставались в резерве у Моосгофа. Гогенцоллерн должен был наступать от Альт-Эглофсгейма на Динцлинг, Лихтенштейн от Гобелькофена на Пейзинг; Коловрат должен был *en front emportieren* [233] из Обер-Ислинга на Аббах, где предполагался лишь небольшой отряд противника. Успех был вообще возможен, если бы намеченные передвижения были начаты с утра, но ввиду того, что надлежало

выждать Коловрата, продвижение могло быть начато лишь после полудня, а к этому времени уже Наполеон с 60 000 чел. внезапно появился из Ландсхута перед Экмюлем, а Даву и Лефевр перешли в атаку. С точки зрения «теории» предстоявшая фланговая атака была неопасна, так как через широкий Грос-Лаабер на большом протяжении переправа имелась только у Экмюля, которую легко было разрушить. Но в действительности нашлись и другие переправы. Вукасович не смог удержаться против атаки Лефевра из Ширлинга, Вандама из Деггенбаха, Ланна через Роггинг и резервной кавалерии, которая в нескольких местах перешла ручей вброд. Сначала он должен был отойти за Лаабер, а затем отступать и далее (схема 24). Розенберг, атакованный с двух сторон превосходящими силами, только с большими потерями смог вырваться из сдавливавших его тисков. Гогенцоллерн и Лихтенштейн должны были вступить в бой, кавалерию пришлось бросить навстречу наседавшему врагу, и к наступлению темноты удалось собрать всю армию на высотах Грасса и у Бургвейтинга. Но остановка здесь была тоже непродолжительной. Уже в ночь на 23-е было начато отступление по временному мосту на левый берег Дуная. Отход не был закончен, когда наступило утро, и противник вновь стал наседать. Австрийская кавалерия, которая уже накануне отличилась своими действиями, должна была вновь напрячь свои силы, чтобы задержать противника перед плавучим мостом.

25 апреля за Регеном у Кама эрцгерцог Карл собрал Бельгарда, Коловрата, Гогенцоллерна, Розенберга и Лихтенштейна. Хиллер и эрцгерцог Людвиг находились у Альт-Оттинга за рекой Инн. Наполеон обратился против этой части разбитого противника. В течение семидневных боев австрийцы потеряли 40 000, их противник всего лишь 16 000 чел.

Действуя со 180 000 чел. против 120 000 чел., нанести неприятельской армии потери в размере одной трети ее состава и расколоть ее на две части – это являлось бы для всякого другого генерала завидным результатом. Но для Наполеона, который имел полную возможность совершенно уничтожить эту армию и «в два-три дня разрешить германские дела», такой результат недостаточен. 17 апреля император располагал тремя армиями, примерно по 60 000 чел. – у Аугсбурга, вдоль Дуная (голова ее была у Нейштадта) и у Регенсбурга. Ему следовало только двинуться с трех сторон на эрцгерцога, который, оставив на Изаре 24 000 чел., вступил с 94 000 чел. внутрь речной дуги, образованной реками Абенс и Дунаем, – и было бы выполнено то, что Мольтке считал высшим стратегическим достижением.

18 апреля Массена достиг Пфафенгофена, а Лефевр

сосредоточился у Нейштадта на Абенсе. Даву переправился у Регенсбурга через Дунай. 19 апреля Массена мог продвинуться до Ау, а Лефевр – еще далее. Даву мог выдвинуться на правый берег Дуная или, по крайней мере, на позицию Аббах, Волькеринг. 20-го все три группы могли наступать на противника, где бы последний ни находился. Правда, эрцгерцог имел возможность обратиться своими главными силами против одного из трех противников. Но он не мог достигнуть особенно большого превосходства сил, так как во всяком случае часть армии была бы связана баварцами, стоявшими на реке Абенс. Но, несмотря на это, ему могло удасться потеснить одного из трех противников. Это помогло бы ему столь же мало, как Теренцию Варрону при Каннах оттеснение иберийцев и галлов. Если бы эрцгерцог одержал победу, но не уничтожил или совершенно не прогнал с поля одного из трех противников, он в результате все-таки оказался бы в полном окружении. Наполеон отверг простой способ концентрического наступления. Он хотел держаться испытанного метода – сосредоточить сначала всю свою армию в тылу или на фланге противника. Этот прием, благодаря которому он одержал блестящий успех при Маренго, Ульме и Йене и который мог бы дать такой же результат при Прейсиш-Эйлау, здесь оказался неудачным. Противник уже слишком далеко продвинулся вперед, чтобы можно было полностью закончить обстоятельное развертывание. Видя, что его планы наталкиваются на препятствия, получая ложные донесения и составляя себе ошибочное представление о противнике, Наполеон был вынужден каждый день принимать новые решения. Эрцгерцог поступал таким же образом. В этом соперничестве Наполеон в конце концов одержал верх. Это было неудивительно. За ним было значительное численное превосходство. Его войска имели совершенно исключительную подвижность и превосходили все другие в бою, особенно на закрытой и пересеченной местности. Маршалы вкладывали все свои силы в выполнение приказаний императора, а у австрийских корпусных командиров, в общем, недоставало подготовки и дисциплины для осуществления решительного наступления. И, что важнее всего, Наполеон быстро принимал решения, безразлично, удачные или нет, и приводил их в исполнение с быстротой, решительностью и силой. Эрцгерцог же выжидал выяснения обстановки, сдерживался, и события предупреждали его. И лишь в значительной степени благодаря ошибкам Наполеона, который не только слишком поздно запер выход у Ландсхута, но и открыл новый у Регенсбурга, эрцгерцогу удаюсь спастись от гибели, хотя и со значительными потерями.

Конечный результат апрельской кампании был таков:

австрийцы понесли тяжелые потери, но не были уничтожены. Четыре недели спустя они вновь столкнулись с победителем и отбросили его у Асперна за Дунай. Так как Наполеон пренебрег предоставленной ему возможностью дать бой на уничтожение, то он не смог «в два-три дня разрешить германские дела». Потребовалась кампания продолжительностью в несколько месяцев, потребовалась война, которая не ограничилась одной долиной Дуная, а распространилась на Тироль, Италию, Польшу, Северную Германию и Нидерланды, чтобы наконец путем истощения всех сил достигнуть результата, которого можно было достигнуть одним ударом.

Еще несколько раз Наполеон делал такого же рода попытки дать бой на уничтожение. У Смоленска его метод потерпел крушение вследствие длины его походной колонны, на развертывание которой потребовалось слишком много времени. В день Дрезденского сражения он малодушно отказался от гениально намеченного плана. При Монмирайле еще раз воскрес дух победителя при Маренго. Но в общем Наполеон отказался от обхода одного из флангов, отрезывания линии отступления и ведения боя с перевернутым фронтом. Отныне он шел прямо к цели. Это приводило к фронтальным атакам и к попыткам прорыва. Два боя – Бородино и Ханау – могут быть отнесены к его победоносным, чисто фронтальным, сражениям. Своему успеху в них он обязан главным образом артиллерии. Независимо от потерь, которые он причинил противнику и понес сам, о действительном успехе, влияющем на ход кампании, речь может идти только в сражении при Ханау. Здесь Наполеону удалось ценою жертвы в 19 000 чел. отвести 60 000 чел. за Рейн и тем спасти их. Под Бородиным он оттеснил Кутузова на один километр, но на следующий день русский генерал мог продолжать планомерное отступление, и сам Наполеон мог возобновить на свою погибель беспрепятственное, как и до этого, продвижение вглубь страны.

Однако не все позднейшие сражения Наполеона носили чисто фронтальный характер. Превосходство сил, которым располагал император, и обусловленные этим более длинный фронт и более сильные фланги дали ему возможность выполнить под Ваграмом охват и привели к такому успеху, которого никогда не удалось бы достигнуть одним массовым фронтальным наступлением на австрийцев. Нечто подобное произошло бы и при Грос-Гершене, если бы 3 мая союзники остались выжидать на левом берегу реки Эльстер. Но такие успехи представляются слишком ничтожными. При Ваграме была скорее не победа, а истощение обеих сторон, которое и привело к заключению мира. В стремлении к лучшему

Наполеон все-таки был приведен к отвергнутому им под Регенсбургом способу «соединения разделенных до этого частей на поле сражения». В этом не было ничего нового. Уже в 1760 г. Фридрих Великий пришел к этой «подпорке» (*Aushilfe*) [234] .

2 ноября [235] Даун с 52 000 австрийцев и могущественной артиллерией занял позицию севернее Зюптица и западнее Цинны (схема 25). Кряж высот шириной в 800 м, полого спускавшийся в южном направлении к Рер-Грабену и в северном – к Домицийской роще и к долине реки Эльбы, считался, по прежнему опыту, неприступным с фронта. Для прикрытия линии отступления, примыкавшей к флангу, юго-западнее Торгау был выставлен особый корпус Ласси. 44-тысячная армия прусского короля бивакировала у Ланген-Рейхснбаха; он решил 3 ноября оставить Цитена с 18 000 чел. для атаки противника с фронта, сам же хотел с 26 000 чел. тремя колоннами обойти позицию через Домицийскую рощу и атаковать ее с тыла. Прусские колонны, задерживаемые тяжелой артиллерией, медленно продвигались по глубокому песку. Миновал уже полдень короткого ноябрьского дня, когда авангард вышел у Нейдена на открытое место. Казалось, было уже слишком поздно, чтобы развернувшимися влево колоннами продолжать движение по дорогам в глубоких лощинах к Цинне и там повернуть их вправо. Король полагал, что у него осталось время только для того, чтобы по мере подхода бригад немедленно эшелонами, одну за другой, вести их в атаку. Разъединенные атаки были одна за другой отбиты с большими потерями. Вечером армия отошла за ручей Штрин-Бах. Цитен, озабоченный своим правым флангом, хотел прежде всего оттеснить Ласси. Но к этому противнику, находившемуся за Рер-Грабеном, не было подступов. Вследствие этого Цитен после полуторачасовой канонады отошел под прикрытием своей кавалерии влево и сначала атаковал одной бригадой Зюптиц, а затем другой бригадой высоту северо-западнее этого селения Зюптиц был взят и высота уже занята, когда атакующая бригада картечным огнем была вынуждена к отступлению. Всякая возможность успеха, казалось бы, отпала. Но и австрийцы пострадали сильно и особенно были приведены в замешательство тем, что обороняющийся на северном склоне частью поражался с тыла артиллерийским огнем Цитена, а обороняющийся на южном склоне поражался с тыла артиллерийским огнем короля. С наступлением темноты Даун счел за лучшее отвести войска западного крыла из охваченного района на Цинну. Это движение было замечено генералом Зальдерном и использовано им по собственной инициативе для возобновления атаки. Цитен приказал следовать этому примеру и остальным войскам. С

другого фронта генералы и штаб-офицеры также самостоятельно двинули отдельные части, которые ударили во фланг и тыл сражающихся против Цитена австрийцев. Всего собралось наконец 25 батальонов, которые все более оттесняли противника назад, в направлении на Цинну. На следующее утро Даун находился уже в отступлении из Торгау на Дрезден. Австрийцы не были уничтожены, но на продолжительное время потеряли боеспособность. Так же, как и они, исчезают и остальные противники короля – имперская армия и русские. Поле свободно. И важнее всего то, что в Вене приходят к убеждению, что с этим противником никогда не удастся покончить. Таким блестящим успехом король обязан офицерам, самостоятельный порыв которых к победе не угашался никакой неудачей, боевому подъему, с которым шли в бой солдаты, главным же образом – наступлению с двух сторон, огню с фронта и с тыла, против которых и храбрейший не может устоять продолжительное время.

Русский генерал Беннигсен тоже делал попытки соединить на поле сражения несколько разъединенных частей своей армии.

В первых числах июня 1807 г. силы Наполеона располагались (схема 26): корпуса Бернадота и Сульта за рекой Пассарга, Даву – южнее Алленштейна – Остероде, прочая армия – позади вплоть до Вислы и за ней; корпус Нея как авангард, выдвинутый на реке Алле, находился в районе Гутштадт, Альткирх, Шарник, Квец, Кнопен. Французский император намеревался развернуть свою армию и затем атаковать русских и пруссаков, «главный корпус» которых под командованием Беннигсена стоял у Гейльсберга (авангард Лаунау), а «вспомогательный корпус» Лестока – у Гейлигенбейля. Беннигсен хотел предупредить атаку противника и уничтожить отделившийся корпус Нея. 5 июня были высланы вперед: Рембов с дивизией из вспомогательного корпуса – к предмостному укреплению Шпанден, чтобы связать здесь Бернадота, а Дохтуров с двумя дивизиями – к предмостному укреплению Лемиттен – связать Сульта. Рембов был отбит, а Дохтуров занял предмостное укрепление Лемиттен; оба понесли большие потери, но вполне выполнили свое назначение – приковать к себе внимание маршалов. Так как Даву стоял слишком далеко, чтобы принять участие в операции, то операция на уничтожение Нея могла выполняться беспрепятственно. С этой целью три дивизии Сакена с сильной кавалерией должны были 5 июня начать продвижение через Арнсдорф на Вольфсдорф; за ним следовала гвардия, Багратион с авангардом от Лаунау через Гронау на Альткирх, полдивизии Горчакова по правому берегу реки Алле на Гутштадт, казаки и полдивизии Платова через Бергфриде на Гейлигенталь. Когда Багратион достиг Альткирха,

то не было еще никаких признаков остальных колонн. Он хотел их выждать, прежде чем перейти к атаке. Благодаря этому Ней выиграл время, чтобы соединить свои разбросанные части, и два часа спустя, когда [Остен-]Сакен появился у Вольфсдорфа, Ней начал отступление в порядке. Еще возможно было бы отрезать маршала, если бы колонны Сакена, имевшие большое превосходство в силах, продолжали марш через Варлак на Деппен или Гейлигенталь. Но Сакен придвинулся к Багратиону. Гвардия была уже раньше подтянута через Петерсдорф к Нейендорфу; сначала была вновь собрана вся армия, и только тогда начато движение на Квец. Платов тем временем набросился на отходящие французские обозы. Этим Ней не дал ввести себя в заблуждение. Он остановился у Анкендорфа и здесь выжидал атаки, на которую истощенный продолжительным маршем противник оказался уже не способным.

6-го числа «медленно и невероятно осторожно» русские двинулись на Анкендорф. Когда они своим превосходством стали угрожать обоим флангам Нея, последний начал отступление. Несмотря на то что у Деппена было восстановлено три моста, переправа могла быть выполнена только «с весьма значительными потерями». Река Пассарга приостановила преследование.

Тщательно составленный план не удался потому, что Багратион запоздал связать фронт противника атакой, и потому, что Сакен испугался самостоятельно действовать против фланга и тыла, слишком прижался к центру и также выступил против фронта. Сакен был сделан козлом отпущения, предан военному суду и приговорен к отрешению от должности, но вскоре был помилован и получил новое назначение. Эта мера не произвела большого впечатления. И позднее многие генералы не страшились впасть в ошибку Багратиона и Сакена. Стремление отдельных частей армии предварительно соединиться перед фронтом противника, вместо того чтобы начать атаку, продолжало оставаться излюбленной привычкой. Чтобы противодействовать этому, задача главного командования заключается в том, чтобы соответствующими распоряжениями сократить неизбежный промежуток времени между выходом одних частей против фронта, а других на фланг и в тыл неприятеля.

Самому Наполеону решение такой задачи никогда вполне не удавалось. Он пробовал достигнуть соединения на поле сражения тем, что держал фронт противника только под угрозой, а тем временем отделенная от главных сил часть армии подтягивалась для фланговой атаки. Это могло удастся, если противник со своей стороны начинал атаку, а отделенная от главных сил часть армии

поспешно подходила. Но это не удавалось, если противник предпочитал выжидать атаки, а отделенная от главных сил часть армии задерживалась неприятельскими отрядами. Тогда обыкновенно отдавался приказ незамедлительно отбросить задерживающий отряд. Когда же этот противник «незамедлительно» не уходил, то оказывалось, что уже много времени потеряно и план сосредоточения и фланкирования преждевременно раскрывался; противник, не выжидая результата, начинал отступление и ускользал прежде, чем создавалась возможность затянуть петлю и обречь его на гибель. Таков примерно был ход событий при проектированных фланговых атаках Нея и Вандама под Лёвенбергом и Дрезденом. Под Бауценом [236] Ней вовремя достиг поля сражения, но был брошен не против фланга, а против оконечности правого крыла; несмотря на доброе намерение Блюхера держаться до конца, ему все же пришлось уклониться от рокового удара. Надо было признать следующее положение: фронтальная атака должна начинаться до начала фланговой атаки. Противник должен быть совершенно связан и не быть в состоянии избежать флангового удара. Если охваченный противник перейдет в фронтальную атаку, как Мелас под Маренго, Гогенлоэ под Йеной, Наполеон под Ватерлоо, то тем лучше; если же нет, то охватывающая сторона должна, конечно, взять это бремя на себя.

Метод охвата и обхода под Бауценом, Лёвенбергом и Дрезденом не дал результата вследствие контрманевра противника. Если оттеснение противника под Маренго Ульмом и Йеной в направлении, противоположном его естественным коммуникациям, было для него гибельным и даже вело к полному уничтожению побежденного, то вытеснение противника маневром в направлении его естественных коммуникаций приносило больше ущерба победителю, чем побежденному. Победы при Гросс-Гершене и Бауцене и продолжительное отступление союзников вызвали со стороны Наполеона выделение многочисленных отрядов и заслонов, постепенно разложили его состоящую из рекрутов армию и вынудили к заключению перемирия; оно было желательно также и для союзников, но они скорее могли обойтись без перемирия, чем Наполеон, одержавший две победы и старавшийся их использовать путем непрерывного преследования противника.

Когда перемирие окончилось, положение совершенно изменилось. Задача соединения отдельных армий на поле сражения, которая во время весенней кампании выпала на долю Наполеона или которую он сам себе избрал, в августе выпала и на долю союзников.

Имея северную армию у Берлина, главную армию в Силезии, австрийскую в Богемии, союзники обложили, пока еще на почтительном расстоянии, Наполеона, располагавшегося между Дрезденом и Лигницом (схема 27). Великому мастеру военного искусства самое простое было бы уйти от угрожающего окружения и затем с превосходными силами атаковать одну из трех армий противника. Так поступил в 1760 г. Фридрих Великий, находясь в гораздо худшем положении. 14 августа король находился с 30 000 чел. юго-западнее Лигница (схема 29); против него были Ласси, Даун и Лаудон, имевшие в совокупности 100 000 чел. Кроме того, русская армия уже перешла через Одер и дошла до Лиссы.

В ночь на 15-е Даун намеревался обойти противника с трех сторон и на утро атаковать главной армией правый фланг, Лаудоном левый фланг и Ласси с тыла; легкие войска генерала Рида и Бека должны были связать фронт. Но в ту же ночь король двинулся через Лигниц и расположился на отдых восточнее города у Пфафендорфа и Пантена, чтобы ранним утром продолжать марш. Во время отдыха неожиданно пришло донесение о приближении Лаудона, который на незначительном расстоянии от прусского левого крыла в трех колоннах переправлялся через Кацбах. Однако Фридрих успел занять высоту Реберг, находившуюся на пути наступления противника, отразить первый натиск, а затем атаковать австрийцев, с усилиями выбиравшихся из трудно преодолимой теснины ручья Кацбаха. Прежде чем австрийцы успели полностью развернуться, они оказались отброшенными за реку, несмотря на их численное превосходство (30 000 против 14 000). В это же время подходившая на помощь главная армия Дауна оказалась задержанной и отбитой у Шварцвассера ничтожными силами Цитена. Наличных сил не хватило для вполне заслуженного использования победы. Но и достигнутого было достаточно, чтобы русские поспешно отступили за Одер и чтобы втрое сильнейшие австрийцы вежливо отошли для пропуска короля на соединение с принцем Генрихом.

Наполеон (схема 27) находился в гораздо более выгодном положении, чем Фридрих. Отношение его сил к силам противника было не 1:3, а по крайней мере 4:5. Ему было бы легко применить образ действий, соответствующий сражению при Лигнице. Но отступать, хотя бы и для того, чтобы вслед за этим одержать победу, он считал ниже своего достоинства. Таким образом, он остался посреди трех врагов. Для того чтобы поступить так, он мог бы обойтись и без размышлений. Во всяком случае союзники решили прямо наступать с трех сторон на

главного противника. Та армия, которая наталкивалась на самого Наполеона, должна была уклоняться, а обе остальные армии – тем сильнее напирать. Наполеон должен был в результате изнемочь от этих усилий, направленных к одной цели. Но как ни хорош был этот первоначальный план, двое из трех командующих армиями твердо решили его не выполнять. Кронпринц Шведский [Бернадот] хотел возможно дольше оставаться на месте и отходить при малейшей угрожающей ему опасности. Шварценберг, в значительной степени подкрепленный из Силезии, намеревался не прямо идти на противника, а только обходить его по обширной дуге. Он подражал тем самым в известной степени маневру, примененному при Маренго, Ульме и Йене, но не с твердым намерением драться, а только для того, чтобы угрожать и произвести диверсию. Осторожный полководец подвергал себя тем самым большой опасности, если бы еще светило солнце Аустерлица. Но оно уже находилось на закате. Наполеон не удержал в одной массе главную часть своей армии для нанесения в подсказанном обстановкой направлении сокрушающего удара, а довольно равномерно разделил боевые силы против трех врагов. Сколько бы союзники ни делали ошибок, эти ошибки не могли исправить результатов этого рокового мероприятия. Какие бы случаи ни представлялись, чтобы возобновить дни Маренго, Ульма и Аустерлица, всегда не хватало сил на выполнение гениального плана, на принятие мужественного решения. Таким образом, были оставлены всякие попытки дать сражение на уничтожение. С французской стороны бои в общем ограничивались фронтальными атаками и попытками прорыва, т. е. тем, что Наполеон называл раньше «ординарными» сражениями. Выставленные против трех неприятельских армий отдельные части армии терпели поражения. Союзники напирали. Медля и колеблясь, они все же напирали. Там, где показывался император, они опять подавались назад. Одной своей личностью он отвращал каждый натиск. Но как только он поворачивал спину и обращался в другую сторону, опять восстанавливалось старое положение. Он вернулся в Дрезден усталым и выдохшимся. С отчаянием решил он здесь выжидать атаки (схема 28). Этот признак слабости поднял дух союзников.

Блюхер переправился через Эльбу, чтобы вместе с кронпринцем идти к Лейпцигу на соединение с главной армией. Должно было произойти как раз то самое, что подготовило Маренго, Ульм и Йену. Союзники хотели занять расположение поперек пути отступления французов и тогда дать решающий бой с полностью перевернутыми фронтами. Отступление от старой

программы состояло только в том, что развертывание должно было быть выполнено не с одного, а с двух направлений. Наполеону невозможно было выжидать в Дрездене результатов их концентрического наступления. Первоначально Наполеон имел свободу решения – или повторить операцию при Лигнице, или применить какой-либо другой метод. Теперь же он был вынужден следовать примеру Фридриха. Он должен был броситься между двумя врагами, которые хотели его обойти справа и слева, чтобы одного из них отрезать, а другому нанести сокрушающий удар. При медлительности и неуверенности союзников он вполне располагал временем, чтобы блестяще уйти от угрожавшей ему гибели. Однако Наполеон пожелал применить другой способ. Око за око, зуб за зуб. Блюхер и кронпринц хотели отрезать ему сообщение с тылом. Хорошо! В таком случае и он пожелал ответить им тем же. Расчет был не совсем ошибочным. Кронпринц был уже готов немедленно отступить, чтобы избежать угрожающего обхода. Но Блюхер твердо держался намеченного плана, почти что насильно потащил за собой кронпринца, сделал благодаря этому возможным соединение с главной армией и превратил тем самым обход противника в удар по воздуху. Несчастие уже случилось, когда Наполеон заметил свою ошибку. Ему оставалось только одно – попробовать где-нибудь сделать прорыв. Счастливый случай и колебания в решениях противника привели его к пункту, где оставалось только протянуть руку за победой, и, казалось, *le monde va tourner encore une fois* [237] . Рано утром 16 октября дело заключалось в том, чтобы со 138 000 чел. разбить 72 000 чел. Это была задача, решение которой, безусловно, можно было бы доверить Наполеону Но он совершенно с ней не справился. Все, что он оказался в состоянии сделать, заключалось в удержании сильных резервов, которые по частям расходовались то тут, то там, по мере возникавшей потребности, и в проведении фронтальной атаки, предпринятой после того, как противник успел усилиться, и не имевшей никаких шансов на успех. Вместо того чтобы блестящим делом вновь возвести себя на престол Европы, он предоставил союзникам возможность дать сражение на уничтожение, которое было бы столь же совершенным, как и Канны, если бы малодушие не открыло побежденному ворота, через которые он смог уйти от полнейшего уничтожения. Произошла первая крупная катастрофа. Вторая произошла во время короткой кампании 1815 г., в которой, как нигде, наглядно сказываются особенности наполеоновского ведения войны в позднейший период.

Союзные европейские державы намеревались концентрически вторгнуться во Францию правым крылом из Нидерландов, а

левым от Базеля. Наполеон со 122 000 чел. внезапно бросился против ближайшего и наиболее готового к бою неприятельского крыла. В это время в широком районе располагались (схема 30): армия герцога Веллингтона – 93 000 чел. (36 000 немцев, 32 500 англичан, 24 500 нидерландцев) от правого берега Шельды на Мехельн, Брюссель и Бинш (восточнее Монса), базируясь на Антверпен, и 123 000 чел. прусской армии под командованием Блюхера, из которой корпуса Цитена, Пирха и Бюлова располагались вдоль рек Самбры и Мааса, на участке выше Шарлеруа – ниже Льежа, и корпус Тильмана в дуге реки Маас, между Динаном, Намюром и Анденом. 15 июня французская армия, собравшаяся между Филиппвилем и Бомоном, переправилась через реку Самбру у Шатле, Шарлеруа и Маршьена. Передовые прусские отряды отступили к Флерюсу. Один авангард следовал за ними до Ламбюсара, другой двинулся на Госсели. Первый непосредственно видел перед собой пруссаков. Второй должен был ожидать, что на дороге через Катр-Бра на Брюссель окажутся англичане. При имевшемся соотношении сил было невозможно одновременно разбить обоих противников. Задача могла состоять только в том, чтобы сначала уничтожить или, по крайней мере, нанести решительный удар одному из противников и совершенно отделить его от союзника, по отношению же к другому держаться оборонительно, чтобы после уничтожения первого расправиться со вторым таким же образом, если в том еще будет необходимость. Следует ли первую атаку направить против пруссаков или против англичан – в этом вопросе, ввиду близости первых, не могло быть сомнений. Было ясно, что на следующий день они еще не смогут вступить в борьбу всеми силами. Согласно наполеоновскому принципу – быть как можно более сильным в сражении – надлежало большую часть французских боевых сил направить против пруссаков, а меньшую – против англичан. 16-го вечером, окинув взором события дня, один из французских, начальников дивизий считал, что против Веллингтона достаточно было бы оставить одну дивизию, а все остальные силы необходимо было направить для нанесения поражения Блюхеру. Но Наполеон 15 июня не разделял этого взгляда своего подчиненного. 16-го Груши с корпусами Вандама и Жерара и кавалерией Пажоля, Эксельмана и Мило, всего 41 600 чел., должен был дальше отбросить пруссаков; Ней с корпусами Релье и [Друэ] д'Эрлона, кавалерией Келлермана и Лефевра[-Денуета], всего 53 000 чел., должен был продвинуться из Госсели в Катр-Бра, чтобы, если потребуется, действовать против англичан. Сам император хотел с гвардией (16 500 чел.) следовать за Груши, временно оставив в Шарлеруа Лобау с 10

000 чел. Он не рассчитывал на упорное сопротивление: Блюхер не мог сосредоточить более 40 000 чел. 18 июня Наполеон рассчитывал оттеснить их за Жанблу и, оставив Груши для добивания пруссаков, сам предполагал выступить в ту же ночь дальше, чтобы, подтянув Нея, идти на Брюссель, куда уже должны были спасаться бегством англичане. Он рассчитывал 17-го уже войти в бельгийскую столицу. Были уже отпечатаны соответственные прокламации. Это были прекрасные мечты, видения 1796 г., которые подсказывались пылким воображением и которые заставляли забывать серьезность настоящего момента. Однако при ближайшем рассмотрении Наполеону показалось сомнительным, будет ли достаточно 41 600 чел. Груши, даже со следовавшими за ним 16 500 чел. гвардии, для решительного сражения, поскольку именно таким должно было оказаться предстоящее сражение с пруссаками. Было ли их 40 000 чел. или больше – безразлично; все сводилось к тому, чтобы отрезать их от англичан и нанести сокрушающий удар, уничтожив при этом и остаток прусской армии. Только по устранении, и притом полном устранении, Блюхера Наполеон мог всеми силами обратиться против англичан и против Брюсселя. Несомненно, что он встретил бы тогда лишь слабое сопротивление.

Вследствие таких соображений Груши был усилен, по крайней мере, дивизией Жирара из корпуса Релье (5000 чел.), что доводило численность его войск до 46 000 чел. Затем корпус Эрлона должен был продвинуться не далее Фразн и выдвинуть одну дивизию на Марбэ, чтобы иметь ее на всякий случай под рукой. Ней, рассчитывавший на 53 000 чел., чтобы разбить англичан, оказался внезапно ограниченным 25 000 чел. При этом не было недостатка в резервах: гвардия, Лобау и Эрлон составляли вместе 46 000 чел. Эти весьма разбросанные резервы должны были сыграть решающую роль в двух сражениях, которые могли начаться только к концу дня.

Пруссаки, предоставленные самим себе, вероятно, поступили бы лучше всего, если бы их выдвинутые вперед части отступали до тех пор, пока не явилась бы возможность сосредоточить на одном поле сражения все силы. Однако даже и не очень далекий отход дал бы повод англичанам взять направление на Брюссель и к своим кораблям. Нельзя было отступать, даже если бы Веллингтон и не обещал после полудня 16 июня поддержку и появление на фланге противника и даже если бы выполнение этих обещаний было еще менее вероятным. Поэтому Гнейзенау хотел оставаться у Флерюса. Но, уступая настойчивым убеждениям, он согласился отвести корпус Цитена на высоты между деревнями Линьи, Сент-Аман и Бри (схема 31). Трудно

было найти более невыгодную позицию. Правда, она позволяла хорошо использовать артиллерию и насчитывала на своем протяжении четыре деревни, и к тому же большие деревни, которые были необходимы при тогдашней тактике. Но это не компенсировало невыгоды узости фронта и глубины фланга. Позиция была безусловно, достойна Теренция Варрона. Она неизбежно охватывалась даже помимо желания атакующего. Он был принужден охватить по меньшей мере один фланг, но без затруднений мог охватить и оба фланга, Случись это – обороняющийся должен был погибнуть. Найдись только еще один Гасдрубал, чтобы атаковать с тыла, – а в его распоряжение могло быть предоставлено не менее трех кавалерийских корпусов, – и был бы достигнут максимальный успех. Накануне падения Наполеону представлялся случай к такому сражению на уничтожение, какой ему не удавался за все 19 лет его полководческой деятельности.

Цитен занял позицию, Пирх расположился позади в резерве. Тильман должен был удерживать высоты между селениями Сомбреф и Тонгрин. Он образовал здесь отнесенный назад уступ, который, казалось, отвечал задаче обеспечения левого фланга Цитена от всякой атаки. Его сильная позиция была прикрыта, к сожалению, болотистым ручьем, образовавшим столь трудно проходимое препятствие перед фронтом, что обороняющийся не мог быть атакован, но и сам не мог атаковать, даже если бы это сдерживало только небольшое количество неприятельских войск. Тильман должен был довольствоваться ролью зрителя. Для участия в сражении он отпадал. Для того чтобы его изолировать, были назначены только Пажоль, Эксельман и одна дивизия Жерара. Две другие дивизии этого генерала должны были атаковать левый фланг у Линьи, а Вандам и Жерар – фронт у Сент-Амана. Гвардия и Мийо оставались в резерве у Флерюса, а Лобау еще далее позади них. Таким образом, собственно для сражения было предназначено 60 000 чел. против приблизительно равных неприятельских сил. Таким путем пруссаки могли быть побеждены, но не уничтожены и не отрезаны от англичан. Для достижения двух последних целей прежде всего необходимо было атаковать правый фланг. Как только Наполеон проникся этим убеждением, он решил подтянуть к себе Нея.

Сульт должен был написать маршалу: «Vous devez manoeuvrer sur le champ de maniéré a envelopper la droite de l’ennemi… cette armee est perdue, si vous agissez vigoureusement. Le sort de la France est dans vos mains» [238] – и далее: «Dirigez vous sur les hauteurs de St. Amand et de Brye» [239] .

Но Ней уже у Катр-Бра столкнулся с англичанами. Однако,

если бы он даже и не получил этой двойственной задачи, ему более ничего не оставалось, как сначала решительно атаковать стоящего против него неприятеля, обратить его в бегство, а затем поспешить нанести решительный удар пруссакам. Но маршал в данный момент был не в состоянии без долгих церемоний опрокинуть противника. Наоборот, одна из его дивизий только что вынуждена была попятиться. Отчаянной кавалерийской атакой он попытался восстановить боевое равновесие. Он сам нуждался в подкреплении новыми силами, чтобы иметь возможность возобновить атаку и отбросить сильнейшего противника. Должен был подойти корпус Эрлона, но последний тем временем, согласно непосредственному указанию Наполеона, выступил на Бри. Ней послал ему решительный приказ немедленно повернуть обратно. Эрлон послушался, оставив только дивизию Дюрюта продолжать путь но направлению к императору, а сам прибыл к Нею, когда последний с наступлением темноты отошел к Фразн. Но и Дюрют достиг района Сент-Амана только тогда, когда у Линьи уже все было кончено.

Тем временем сражение там продолжалось (схема 32). Вандам овладел Сент-Аманом, но вследствие артиллерийского огня не мог продвинуться дальше. Жирар занял деревню Сент-Аман-ля-Э, но затем ее опять отобрали две прусские бригады. Около Линьи сражались две другие бригады против двух дивизий корпуса Жерара, пока наконец ручей не провел границу между обоими противниками. Блюхер надеялся разрешить вопрос атакой левого фланга Вандама. Две бригады Пирха овладели Вагнелэ и после боя с колеблющимся успехом утвердились в Ле-Амо. Но после того, как Вандам и Жерар были усилены тремя гвардейскими бригадами, пруссаки не могли продвинуться далее. Кавалерия Юргаса и Марвица сдерживалась Домоном и Сюберви. Ни Ней, ни Эрлон, ни Дюрют не показывались, пруссаки израсходовали в бою последние резервы; наступал вечер. Наполеон повел остатки своей гвардии и Мийо на Линьи. Обе перемешавшиеся между собою прусские бригады не могли устоять против свежих и превосходящих сил. Деревня была обойдена с обеих сторон и взята. Удерживать долее позицию не было возможности. Отчаянные кавалерийские атаки не могли изменить результатов дня. К счастью, Бри не было занято.

Через эту деревню и поблизости ее войска могли без особой опаски отходить по направлению к Тильи (см. схему 30). Первоначально хотели здесь задержаться, чтобы на следующий день возобновить бой. Но этому воспрепятствовало состояние войск. Цитен и Пирх еще ночью стали продолжать отступление.

Арьергард, удерживавшийся в Бри, и бригада Тильмана в Сомбрефе обеспечивали отступление от какого бы то ни было преследования. К вечеру двигавшийся из Льежа Бюлов достиг авангардом Арденеля, а главными силами – Совенира. Тильман выступил на следующий день в три часа утра на Жанблу. Только после полудня оба последовали за остальной армией.

Нею пришлось отступить у Катр-Бра перед Веллингтоном, а Наполеон одержал победу под Линьи. Но это была, по наполеоновскому масштабу, только «ординарная» победа. Такая победа не устраивает полководца, который хочет восстановить утерянное мировое господство. Ему нужно было совершенно уничтожить оба прусских армейских корпуса, которые дрались против него у Линьи. Тогда бы Тильман поспешил отступить. Один Бюлов не мог бы противостоять натиску победителя. Веллингтон без поддержки со стороны пруссаков имел в виду отойти к Брюсселю, что означало: «к Антверпену и к своим кораблям». Таким образом, кампания была бы, по меньшей мере, быстро ликвидирована. Все сводилось к сражению на уничтожение у Линьи. Для такого сражения представлялись наиболее благоприятные условия. Чтобы быть возможно ближе к обещанной английской поддержке, пруссаки выбрали такую позицию, что уничтожение их зависело единственно от благоусмотрения и желания противника. Не хотел или не мог Наполеон полностью использовать выгоды этого положения, во всяком случае на него выпадала очень скромная, но в тоже время самая неотложная задача – отрезать пруссаков от англичан и для этого прежде всего атаковать первых в правый фланг. Для выполнения этого плана было бы достаточно гвардии и Лобау, если бы им было своевременно дано правильное направление. Приказы и контрприказы не помешали Наполеону победить под Линьи, не помешали уничтожить половину прусской армии и полностью отрезать ее от англичан. Наоборот, своей победой он вынуждал обе разъединенные армии соединиться. До сих пор одна из них сохраняла сообщение через Брюссель на Антверпен, а другая – через Льеж на Рейн. Теперь же обе шли в направлении на Брюссель. Первоначально Наполеон имел против себя две отдельные и слабые армии, теперь же ему приходилось иметь дело со значительно превосходившим его и почти уже соединившимся противником.

Таково было действительное положение дел, но оно иначе представилось воображению Наполеона. Он составил себе картину, согласно которой разбито было не два, а четыре неприятельских корпуса, которые или отошли к Льежу и тем самым совершенно исчезли с театра военных действий, или если

и направлялись на Брюссель, то, во всяком случае, в такой степени разбитые и глубоко потрясенные, что на несколько дней их можно было исключить из всяких расчетов. Из этого неправильного предположения он сделал удивительный вывод: для преследования совершенно исчезнувшего или вполне безвредного противника нужно выделить больше чем третью часть всех имеющихся сил; второй же противник, который только что отбил атаку Нея, должен быть разбит остатком войск, уступающим ему по численности. Один принцип требовал: разбитый противник должен преследоваться при всех обстоятельствах; другой гласил: в бою надо быть возможно более сильным и во всяком случае надо иметь превосходство над противником. Согласовать оба принципа Наполеон мог только одним способом: с большей частью своих сил преследовать Блюхера, чтобы еще раз разбить его или попытаться совершенно распылить его войска и только после этого обратиться против Веллингтона, которого до этого должен был наблюдать и удерживать минимум войск. Если же Наполеон непременно хотел немедленно идти против Веллингтона, то он должен был сосредоточить для этого большую часть своих солдат, а для преследования разбитого Блюхера выделить только очень маленькую часть. Первое решение привело бы к бою у Вавра, второе – к видоизмененному бою у Ватерлоо. В первом случае шансы были хороши, так как половина прусской армии была уже разбита. Во втором случае Наполеон мог располагать превосходством в силах, тем более что Веллингтон направлял на не оправдывающие себя второстепенные цели несообразно большую часть войск. И здесь шансы могли бы быть высоки. Но они понижались и у Вавра, и у Ватерлоо, если бы в одном случае Блюхер, а в другом Веллингтон явились на выручку товарища по оружию, которому угрожал Наполеон. Блюхер доказал, что он был на высоте этой задачи. Но чтобы Веллингтон при наличии малейшей угрозы оставил главную коммуникационную линию на Брюссель и Антверпен без непосредственного обеспечения, – это было сомнительно: и Гнейзенау тогда в этом весьма сомневался. Таким образом, марш на Вавр, скорее, обещал успех.

Переправившись 15 июня у Шарлеруа через Самбру, Наполеон поставил себе трудную задачу разбить Блюхера и Веллингтона. Победой у Линьи 16 июня он не уменьшил, а еще увеличил затруднения. 17-го он поставил успех под большой знак вопроса тем, что выделил Груши с доброй третью боевых сил для преследования Блюхера, 5000 чел. бесцельно оставил стоять у Флерюса и только немного более чем с половиной всей армии искал решения против Веллингтона.

В течение дня 16 июня Веллингтон располагал сначала незначительными силами, но затем понемногу собрал достаточные силы для того, чтобы отбить атаку Нея, и к вечеру находился с большей частью своих войск у Катр-Бра. Получив известие об отходе пруссаков, он к полудню 17 июня также начал отступление, но, получив обещание поддержки на следующий день по крайней мере одним прусским армейским корпусом, он вновь остановился у Мон-Сен-Жана. Отрядив 16 000 чел. к местечку Хал и выделив другие отряды, он располагал к вечеру всего 62 000 чел., создавая таким образом незаслуженное превосходство своему противнику, насчитывавшему 70 000 чел. Авангард последнего подошел на близкое расстояние, главные же силы были глубоко эшелонированы за селением Женап.

Разведанная еще ранее позиция к югу от Мон-Сен-Жана, вдоль дороги Брен-л'Алед – Оэн (схема 33), имела достаточный обстрел. Узкий гребень высот представлял укрытие для задержанных позади частей. Несколько выдвинутых вперед ферм массивной постройки усиливало фронт. Веллингтон хотел дать здесь «оборонительный бой». Наполеон, одержавший все победы, за исключением Бородина и Ханау, посредством охвата одного из флангов или посредством захвата естественных путей отступления, или посредством обоих методов вместе, здесь пожелал применить чисто фронтальную атаку Он решил одолеть противника, располагавшегося перпендикулярно к своему пути отступления, не посредством «маневра», а только силой атаки, превосходством французского солдата. Решение должна была дать упорная воля. У Наполеона была только одна забота: как бы презренный противник не уклонился. Сначала нужно было развернуть армию, которая была глубоко эшелонирована: грунт по сторонам дороги размок. На это ушло все утро 18 июня. Только к 11 часам по правую сторону Брюссельской дороги развернулись четыре дивизии Эрлона, а по левую – три дивизии Релье; позади них были, в качестве резерва, Лобау, гвардия и резервная кавалерия. Почин должен был быть сделан взятием фермы Угомон. Для выполнения этого назначена была левофланговая дивизия Жерома. Она не смогла выполнить своей задачи даже при помощи большей части соседних дивизий Фуа. Еще в конце боя часть обороняющихся удерживалась в горящей ферме. Было невозможно выжидать конца этого безнадежного боя, так как уже приходили донесения о двигающихся к правому флангу пруссаках, хотя до них еще оставалось большое расстояние. После недостаточной артиллерийской подготовки Эрлон перешел в наступление четырьмя дивизионными колоннами, имея в каждой колонне едва один батальон по

фронту и семь или восемь в затылок: атака велась поэшелонно с левого крыла, восточнее Брюссельской дороги. Правый эшелон (Дюрют) оказался остановленным у Смоэн, Ля-Э и Паплот, половина левого (бригада Кио) была задержана у Ля-Э-Сент. Только два с половиной эшелона достигли главной позиции. Ряды солдат, уже поредевшие от артиллерийского огня, встречаются частыми залпами английской пехоты. Беспомощные массы напрасно пробуют развернуться, чтобы выдвинуть на фронт больше ружей и больше атакующих солдат. Противник бросается на их фланги в штыки и с обнаженными шашками; они вынуждены отойти. Позади, в укрытой лощине, делается попытка привести в порядок остатки войск. Дюрют продолжал драться и наконец, после боя с переменным успехом, утвердился в Паплот, Ля-Э и Смоэн. Кио тоже не прекратил атаки на Ля-Э-Сент. Но время не ждало. Пруссаки приближались. Сначала кавалерия Дюмона и Сюберви, затем корпус Лобау были выдвинуты против угрожающей фланговой атаки. Тем временем противник, находившийся на фронте, должен был быть отброшен. Что не удалось пехоте, должна была сделать кавалерия. Мийо, Лефевр, Гюйо и Келлерман один за другим обрушивались на неприятельский центр. Каре рассеиваются, кавалерия атакует. Но, несмотря на величайшее геройство, 9000 кавалеристов не могли ни отбросить всю английскую армию, ни оказать ей продолжительное сопротивление. Находившемуся во главе кавалерийской массы Нею слишком поздно пришла мысль закрепить первые же успехи пехотой. Привлекается единственная из семи дивизий передовой линии – еще не израсходованная дивизия Башлю из корпуса Релье. Вместе с частями Кио ей удается занять Ля-Э-Сент. Но судьбу французской кавалерии нельзя уже изменить. Она должна отойти в полном расстройстве, как перед этим отошла пехота.

Между тем подошел корпус Бюлова из армии Блюхера и натолкнулся у Плансенуа и севернее его на сопротивление корпуса Лобау. Около деревни завязался бой. После того как Лобау потерял ее, она была взята вновь Молодой гвардией, затем опять отдана и вновь захвачена тремя батальонами Старой гвардии. Казалось, что эти непобедимые войска могли длительно обеспечить владение оспариваемой деревней, и Наполеон полагал, что он может и должен двинуть последние резервы на английскую позицию. Он удержал в резерве только три батальона. Ней должен был опять вести остаток Старой гвардии. Чего не смогли выполнить 14 000 пехотинцев и 9000 кавалеристов, то могло бы быть вполне под силу 5000 чел. Старой гвардии. Но так как мы знаем сражение при Каннах, то понимаем,

что даже успех этой атаки ничего не мог дать Наполеону и что все сводилось к тому, чтобы одолеть или, по крайней мере, устранить Бюлова и Блюхера. Была образована одна могущественная и глубокая колонна, – а по другим данным, две колонны, – и к ней должно было примкнуть все, что можно было найти в лощинах на поле сражения из остатков корпусов Эрлона и Релье. Но и эта атака не могла удасться под картечью артиллерии и под залпами пехоты, как не удавались подобные атаки в течение предшествующих восьми лет. Атака превратилась в поспешное отступление и даже бегство, когда Цитен подошел и двинул через Оэн не менее бригады, занял Смоэн, Ля-Э и Паплот и начал поражать артиллерийским огнем район атаки. Этого огня с тыла не могла выдержать и Старая гвардия. Исход сражения этого дня был быстро решен. Последний резерв откатился назад. Было уже невозможно рассчитывать уверенно пройти мимо Плансенуа. 5-я прусская бригада, передовая в корпусе Пирха, следовавшего за Бюловым, вновь захватила деревню. Батареи Бюлова господствовали на пути отступления французов. Их огонь вызвал в армии ни с чем не сравнимый развал. Веллингтон, следовавший за убегавшим противником, хотел достойно закончить бой штурмом будто бы занятой позиции у Бель-Альянса и потребовал, чтобы огонь был прекращен. Это дало многим возможность избегнуть гибели, даже несмотря на то, что 5-я бригада продолжала атаку от Плансенуа на Мезон-дю-Руа и Вье-Манан. Герцог занял прежнюю французскую позицию и затем возвратился в свой лагерь, предоставив преследование Блюхеру.

Из прусской армии участие в бою приняли только корпус Бюлова и по одной бригаде из корпусов Цитена и Пирха. Несомненно, это объясняется не отсутствием усердия и доброго желания, а нецелесообразностью распоряжений для марша. По наполеоновским принципам, надо было стараться удержать по возможности все войска на одной дороге, а когда решались использовать несколько дорог, то выгоды этого стремились аннулировать создаваемыми перекрещиваниями походных колонн. Таким путем нельзя было достигнуть быстрого продвижения больших масс. Первая задержка образовалась при переправе через ручеек Лан, вторая – при развертывании (см. схему 30). Неудивительно поэтому, что, несмотря на то, что передний корпус Бюлова выступил из района Вавра еще рано утром, Тильмана можно было найти там еще к вечеру. Он только еще собирался выступить вдоль левого берега р. Диль, когда на правом берегу появился Груши. Французский маршал 17-го после полудня выступил с поля сражения Линьи и ночью достиг Жанблу. После некоторого сомнения относительно пути

отступления противника Груши, опираясь на приказ императора, решил двигаться по дороге на Вавр. Когда во время походного движения стал доноситься со стороны Ватерлоо пушечный гром, один из его корпусных командиров, Жерар, посоветовал ему предоставить Блюхера самому себе и без промедления спешить на поле сражения к решительному пункту Но Груши уклонился. То, что он мог сделать по своей инициативе и, может быть, еще своевременно, затем предписывалось ему приказом самым настоятельным образом. Но офицер, везший приказание, прибыл с опозданием. Оставаясь в контакте с Блюхером, Груши должен был прикрывать главную армию от фланговой атаки. При попытке выполнить, насколько возможно, этот приказ, и прежде всего переправиться через реку Диль, он натолкнулся на сопротивление Тильмана. Но, несмотря на это, ему удалось переправиться через реку выше. Ночь наступила прежде, чем он смог отбросить стоявшего против его правого фланга неприятеля. Таков был ход событий; но даже и при крайней энергии преследование вдоль правого берега реки Диль не позволило бы маршалу лишить все части армии Блюхера возможности поддержать Веллингтона. Его действия имели бы больше значения, если бы он сопровождал главную Французскую армию, двигаясь вдоль левого берега реки Диль, и принудил бы Блюхера и Бюлова развернуться против него во время их марша на Плансенуа и отказаться от намеченной фланговой атаки. Своим последним приказом Груши – быстро подойти и отразить Бюлова – Наполеон сам подтвердил, что это было единственное целесообразное использование сил маршала. Как в остальном следовало бы вести бой, видно из того, что позднее, на острове Св. Елены, император указывал, будто у него было намерение одновременно с фронтом атаковать и левый фланг. Для выполнения этого имелось достаточно резервов и кавалерии. Во всяком случае, чтобы не натолкнуться слишком рано на препятствие, он должен был 17-го и в ночь на 18-е уже настолько развернуться, чтобы атака могла начаться с раннего утра. Тогда Груши, может быть, и удалось бы задержать часть прусской армии, имевшую возможность выйти на поле сражения, до того момента, пока не была бы одержана победа над Веллингтоном. Следовавшие одна за другой атаки неприятельского центра двумя с половиной дивизиями пехоты, тремя кавалерийскими корпусами и 5000 чел. гвардии в невыгодных и неэффективных построениях ни в коем случае не могли привести к успеху.

Нельзя узнать Наполеона 1800 г. и 1805–1807 гг. в Наполеоне июньских дней 1815 г. Полководец, который 15 и 16 июня 1815 г. колебался, направить ли ему корпус направо или налево, был уже

не тот человек с орлиным взором, который после длительного перехода в тот же вечер вновь выступал, чтобы, как тигр, наброситься у Фридланда на свою добычу. Император, который утром 18 июня медленно устанавливал боевой порядок и нашел еще время произвести смотр войскам, был ведь не тот человек воли и действий, который кричал своим маршалам: *Activité, activité, vitesse* ! [240] – или который в ночь на 14 октября 1807 г. с факелом в руках поднимал артиллерию по крутому подъему на Ландграфен-Берг. Тот мастер военного дела, который бросал на фронт Веллингтона сначала пехоту, затем кавалерию и, наконец, гвардию, был, конечно, не тот бог полей сражений, который под Аустерлицом со всей своей армией обрушился на неприятельский фланг! Конечно, нет. Ведь в 1797 г. он сам сказал: «На полях сражений скоро стареют». Когда это было сказано, шел только второй год его полководческой карьеры. Но с тех пор в течение семнадцати лет случилось многое, что должно было расшатать даже крепкое строение этого колосса. Накопилось множество грехов, которые точили сердцевину этого титана. Ни стояние на месте, ни движение назад были невозможны. Он вынужден был идти вперед против все более и более возраставших сил. Ресурсов не хватало. Падение должно было наступить 18 июня или позднее. Во всяком случае, оно было неизбежно. Его мать это предвидела, когда сказала своему сыну при прощании на острове Эльбе: «Небо не допустит, чтобы ты умер от яда [241] или недостойной тебя смерти, ты должен умереть с мечом в руках». Найти такой конец – только это могло бы быть целью битвы при Ватерлоо.

Альфред фон Шлиффен
СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА [242]

Франкфуртский мир [243] положил лишь мнимый конец борьбе между Германией и Францией. Хотя оружие и было вложено в ножны, но скрытая война продолжалась.

Один из противников изобретал более скорострельную винтовку, более дальнобойное орудие, более разрушительные снаряды, чем применявшиеся до тех пор. Но он мог быть уверен, что другой изобретет в ближайшее время еще более скорострельную винтовку, еще более дальнобойное орудие и еще более разрушительные снаряды. Неустанно стремясь превзойти друг друга, оба противника в конце концов всегда приходили примерно к одинаковому вооружению, которое с трудом поддавалось дальнейшему совершенствованию. Их усердные старания были направлены к тому, чтобы в предстоящей войне-реванше перехитрить противника, сразу получив преимущество перед ним благодаря более усовершенствованным винтовкам и орудиям. Каждый из них стремился создать положение, сходное с тем, которое существовало в 1866 г., когда один из противников выступил на арену борьбы с игольчатым ружьем, а другой с ружьем, заряжавшимся с дула [244] . В течение этих лет были моменты, когда то одному, то другому казалось, что он достиг цели и что дело заключается лишь в том, чтобы использовать благоприятный момент для объявления войны противоположному лагерю. Однако доверие к приобретенному с величайшим напряжением новому оружию никогда не было достаточным, чтобы подавить все прочие соображения в сомнения.

Эти колебания давали противнику время наверстать утерянное и даже сделать новый шаг вперед.

Прочие державы не могли оставаться равнодушными зрителями этого состязания. Тот, кто желал, чтобы его слово сохраняло вес как в Европе, так и во всем остальном мире, не должен был слишком далеко отставать в вооружении своих солдат от обоих задающих тон государств. Не было необходимости проделывать вместе с ними каждую отдельную фазу этой борьбы. Достаточно было использовать их основной опыт и с меньшим напряжением и расходами достичь той же цели, что и они.

По прошествии нескольких десятилетий франко-германская распря и энергичнейшим образом подстрекаемые технические специалисты довели дело до такого уровня, что почти все армии

не только Европы, но и Дальнего Востока и Дальнего Запада обладали примерно равноценным вооружением.

Винтовки и орудия легки и удобны для манипулирования, они просто заряжаются, быстро стреляют, обладают большой дальнобойностью, надежно поражают цель, господствуют над большим пространством. Новый порох, не давая видимого издалека дыма, не позволяет обнаружить ни артиллериста, ни орудия. Пули минимального диаметра и веса позволяют производить подвоз больших количеств боевых припасов и дают возможность использовать скорострельность винтовок. Представляется уже бесполезным добиваться дальнейших усовершенствований и ставить перед изобретателями новые задачи. Все мыслимое уже достигнуто. Едва успела одна пуля покинуть ствол винтовки, как за ней следует другая. Если только рука стрелка уверена, а глаз меток, то ему удастся поразить самую отдаленную цель. Движущая сила так велика, что поражается почти все пространство между дулом винтовки и целью. Дальнейшее уменьшение пули уже невозможно. Она как раз достаточна для того, чтобы вывести из строя культурного европейца, но не сына природы из отдаленных частей земного шара.

Никакая войсковая часть в сомкнутом строю, никакой отдельный и во весь рост стоящий человек не может устоять под дождем пуль. Уже при Марс-ля-Туре [245] , где применялось оружие, с нашей точки зрения, несовершенное и теперь уже устаревшее, один прусский полк, шедший в атаку сомкнутым строем, потерял в течение менее чем получаса 68 % своего состава. Три года назад японская бригада Намбу оплатила свою смелость в гораздо более краткий срок потерями в 90 % своего состава. В Южной Африке расположенный в укрытии одиночный стрелок легко выводил из строя 14 атаковавших его бойцов [246] .

Техника вооружения празднует сейчас блистательный триумф. Но того, к чему стремятся Германия и Франция и чего хотят все остальные державы, т. е. облегчения боевых действий, превосходства над противником, она никому не дала. Распределяя равномерно и беспристрастно свои драгоценные дары между всеми, она причинила всем величайшие затруднения и создала большие неудобства. Нетрудно сказать, каким образом можно повергнуть ниц и уничтожить своего противника с помощью такого эффективного вооружения. Но нелегко разрешить проблему, как самому избежать при этом гибели. Оказалось, что необходимо полностью изменить всю тактику. Теперь невозможно, как в XVIII в., наступать друг на друга двумя

цепями и на не очень большом расстоянии давать залпы по неприятелю. В течение нескольких минут обе армии оказались бы поверженными в результате действия частого огня. Сейчас немыслимо атаковать позиции противника колоннами, подобными наполеоновским, у которых ширина равна глубине. Они были бы рассеяны градом шрапнели. Нельзя также, как предполагалось еще недавно, разбить противника с помощью огня плотных масс стрелков. Эти стрелки были бы очень скоро рассеяны. Только используя укрытия, деревья и дома, стены и канавы, возвышения и углубления на местности, пехотинец может приблизиться к неприятелю; то ложась, то становясь на колени, то стоя, сам оставаясь невидимым, он должен стараться попадать в те маленькие, ничтожные цели, которые он замечает, подавить своим огнем огонь противника, затем быстро продвинуться вперед, чтобы достичь нового прикрытия и оттуда снова продолжать борьбу. Как ни многочисленны укрытия, предоставляемые полем боя, раньше или позже все же наступит момент, когда перед неприятелем окажется свободное пространство, не дающее никакой защиты. Если это пространство неглубоко, то наступающий стремительным броском атакует обороняющегося, потрясенного продолжительным обстрелом. Если это пространство глубоко, то остается лишь создавать себе прикрытия с помощью лопаты и так же, как и в борьбе за овладение крепостью, передвигаться от окопа к окопу, используя в случае необходимости ночную темноту.

Обязанность артиллерии – содействовать и помогать пехоте при таком продвижении. Артиллерия должна своим огнем мешать неприятельской артиллерии вести обстрел с трудом подвигающейся вперед пехоты, своими снарядами она должна настигать неприятельскую пехоту в ее укрытиях и разрушать те защитные сооружения, за которыми она прячется. Чтобы успешно действовать, артиллерия должна уметь уберечься от разрушительного неприятельского огня. Но так как орудие труднее сделать невидимым, чем человека, то пришлось вернуться к защитному оружию прежних времен и пытаться обезвредить с помощью броневых щитов хотя бы ружейный и шрапнельный огонь противника.

Для того чтобы пехотинец мог найти достаточное прикрытие, вести меткий огонь по плохо видимой цели и быстрыми перебежками продвигаться вперед, ему нужно обладать некоторым простором для своих действий. Пехота может теперь успешно бороться не в сомкнутом, а в рассыпном строю, примерно один человек на метр, и притом не в нескольких тесно сомкнутых шеренгах, а лишь в одной. Остальные шеренги

следуют на довольно большом расстоянии друг от друга. Они стягиваются в более плотные построения, когда это допускают имеющиеся укрытия. Они должны возмещать потери, заполнять бреши, быть всегда готовыми ко всяким неожиданностям и служить резервом. Если не хотят сократить число бойцов по сравнению с прежним, то рассыпной строй приводит к расширению фронта. Это расширение станет еще более значительным, если будут стремиться ввести в дело как можно большее количество действующих винтовок. Такая задача осуществима без ущерба для способности данной части к наступлению и сопротивлению, так как малое число стрелков может достигнуть сейчас большего, чем прежде значительное их число. Только для конечной штыковой атаки следует ввести в передовую цепь следующие за ней резервы.

Таким образом, непосредственным следствием усовершенствования огнестрельного оружия является большее протяжение фронта боя. Благодаря этому, в то время как в сражениях последних двух столетий приходилось в общем, считая всех бойцов и резервы, от 10 до 15 чел. на 1 м фронта, а еще сорок лет назад считалось нормой 10 чел. на 1 шаг, в дальневосточной войне 1904–1905 гг. обычно приходилось 3 чел. на 1 м., при необходимости же эта норма еще снижалась.

Ни один из противников не вступал в войну с твердо установленным принципом относительно пределов растяжения фронта боя и не стремился применять теории, приобретенные в мирное время. Длинные фронты возникли под давлением обстоятельств, под влиянием естественного стремления войск иметь для себя укрытие и все же использовать свое превосходное оружие. Поэтому нельзя сомневаться, что явления, обнаружившиеся на Дальнем Востоке, повторятся также и в европейской войне. В будущем поля сражения будут иметь и должны иметь совершенно другое протяжение, чем это нам известно из прошлого. Армии такой численности, как сражавшиеся у Кёниггрэца и Гравелота – Сен-Прива, будут занимать пространства, превосходящие те, на которых они тогда сражались, не меньше чем в четыре раза. Но что вообще могут значить те 220 000 чел., которые сражались у Кениггреца, и те 186 000 чел., которые сражались у Гравелота, в сравнении с массами, которые будут введены в дело в будущей войне?

Еще сорок лет назад всеобщая воинская повинность была достоянием одной Пруссии, и никто не завидовал в этом идейно ограниченному военному государству. После 1866 и 1870 гг. почти все державы поспешили присвоить себе эту тайну победы. Все здоровые и сильные посылаются отныне в казармы. Для того

чтобы расширить контингенты, срок службы под знаменами по возможности сокращается, а срок состояния в кадрах военнообязанных по возможности растягивается. Ни одна держава не могла противостоять стремлению содержать максимальное число батальонов. Отстававший должен был опасаться, что он будет раздавлен.

Так как Германия со своими 62 млн населения ежегодно призывает 250 000 новобранцев со сроком службы в 19 лет, а Франция со своими 40 млн жителей – 220 000 новобранцев со сроком службы в 25 лет, то первая может призвать в случае войны 4750 тыс. чел., а вторая даже 5500 тыс. чел. Но эти цифры, независимо от убыли, образующейся в течение долгих лет, являются в большей или меньшей степени фиктивными. Человек, уходящий из казармы на фабрику или в угольные шахты, не может через 15 лет вспомнить те правила тактики, которым его обучали в его гарнизоне на плацу, предназначенном для парадов. Винтовка, из которой солдат ландвера стрелял в качестве новобранца в тире, давно продана какому-нибудь черному воину в колониях. Получаемое этим солдатом ландвера новое оружие внушает ему такое же недоверие, какое могло бы внушить гренадеру старого Фридриха игольчатое ружье. Фабричный рабочий, привыкший отправляться на велосипеде утром на работу, а вечером домой, едва ли сумеет, нагруженный винтовкой, боевыми припасами и ранцем, совершать ежедневно 30–40 км пеших переходов. Ландвер и ландштурм, территориальная армия и ее запасные части могут быть лишь в весьма ограниченном количестве и условно причислены к вооруженному народу. Из прочего их состава надо еще многих оставить в качестве гарнизонов крепостей и запасных войск. Если взять для сравнения 1870 г., когда ландштурма совсем не существовало, а ландвер можно было принимать в расчет лишь в очень небольшом размере, и все же из 1 200 000 чел. всей армии лишь 500 000 составляли полевую армию, то окажется, что в наше время полевая армия должна насчитывать более (но не намного) 1 млн человек. И все же такая армия велика по сравнению с армиями прежних времен, она велика также и для того, кто должен ею командовать и приводить ее в движение; с другой стороны, она мала, так как не обеспечивает ни превосходства своего оружия, как в 1866 г., ни численного превосходства над противником, как в 1870 г.; она окажется достаточной лишь в том случае, если возможно будет эти массы держать в одном кулаке и заставить их действовать совместно в направлении одной цели. И даже если это удастся, то не обязательно, чтобы вся эта масса войск была сосредоточена на

одном поле сражения, которое должно превосходить поле сражения при Кениггреце в 20 раз. Ведь даже маленькое сражение у Дрездена состояло из двух самостоятельных частей. 16 октября у Лейпцига произошло три отдельных сражения. Сражение у Ле-Мана состояло из целого ряда отдельных боев! Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того, чтобы на одном поле сражения шла борьба за победу на другом. Сейчас несомненно лишь, что как общие сражения, так и частные, как самостоятельные, так и связанные друг с другом будут разыгрываться на полях и пространствах, которые окажутся бесконечно больше театров военных действий прежних времен.

Но как бы ни были велики поля сражения, человеческий глаз увидит очень мало. На обширном пространстве нельзя будет ничего обнаружить. Если бы не оглушала орудийная канонада, то только слабые огневые вспышки позволяли бы догадываться о наличии артиллерии. Нельзя было бы установить, откуда раздается треск пехотного огня, если бы время от времени то здесь, то там, появляясь на мгновение, не продвигалась вперед, как бы скачком, узенькая линия, чтобы затем так же быстро снова исчезнуть. Не видно ни одного всадника. Конница вынуждена выполнять свои задачи вне поля действия двух других родов войск. Нигде не видно Наполеона, расположившегося на высоте и окруженного блестящей свитой. Он сумел бы мало что обнаружить даже в самую лучшую подзорную трубу. Его серая лошадь была бы удобной целью для бесчисленных батарей. Главнокомандующий находится далеко позади в доме с обширными кабинетами, где можно иметь под рукой проволочный и беспроволочный телеграф, телефонные и сигнальные аппараты и множество ожидающих распоряжений автомобилей и мотоциклов, готовых к самым дальним поездкам. Там в удобном кресле перед широким столом сидит современный Александр Македонский, и все поле сражения лежит перед ним на карте; он передает оттуда по телефону зажигательные слова и получает донесения командующих армиями и корпусами, привязных аэростатов и управляемых дирижаблей, наблюдающих вдоль всей линии за движениями врага и за его позициями.

Эти донесения будут отличаться от донесений прежних времен главным образом величиной количественных данных и в меньшей мере своим содержанием. Довольно единодушно будут они сообщать – как они сообщают уже в течение веков, – что неприятель непрерывно укрепляется, что артиллерия несет большие потери, пехота не в состоянии продвигаться вперед и настоятельно требуется подкрепление. Полководец не сумеет

выполнить этих пожеланий. Даже при наличии в его распоряжении сильного резерва, последний оказался бы вскоре исчерпанным, если бы он удовлетворял все призывы о помощи, которые могут казаться основательными, и посылал подкрепления во все стороны на расстояния многих миль и дневных переходов. Так как самый бой можно вести только относительно небольшим числом людей, то отправка крупных подкреплений, для которых вследствие ограниченности пространства не оказалось бы укрытий, лишь увеличила бы потери. Основная задача руководителя сражения заключается в том, чтобы задолго до встречи с неприятелем указать всем армиям и корпусам дороги, пути и направления, по которым они должны продвигаться, и назначить примерные цели движения на каждый день. Подход к полю сражения начинается тотчас же, как войска выгружаются из поездов. Корпуса и дивизии устремятся с вокзалов к тем местам, которые им предназначены по диспозиции сражения, причем одни будут форсировать свои марши, а другие – несколько их замедлять. Так как ширина фронтов боевых действий увеличивается, колонны, идущие к полю сражения, смогут совершать переходы, сохраняя по меньшей мере ту ширину, которая им предназначена в самом бою. Стягивание войск к полю сражения должно потерять свое значение. Те корпуса, которые вступят в соприкосновение с противником, должны будут вести сражение, не рассчитывая на дальнейшие подкрепления. Располагая 144 превосходными орудиями вместо прежних значительно менее совершенных 84, тысячами первоклассных винтовок, каждый корпус сумеет выполнить в десять раз более трудную задачу по сравнению с той, которая ему предстояла в эпоху ружей, заряжавшихся с дула. Если теперь фронт корпуса в три раза шире, чем сорок лет назад, то это свидетельствует не о распылении сил, а об их укреплении. С таким фронтом боя корпус может наступать, укрепляться на занятом пространстве, покрывать потери, доходящие до 50 %, и при всем этом сохранять резерв для решающего удара.

Правда, потребуется много времени и немало труда, чтобы осуществить это продвижение от укрытия к укрытию, это поспешное подползание к неприятелю, это терпеливое выжидание в течение дней и ночей при постоянной готовности отразить контрнаступление.

Не все корпуса вступят в бой в течение первого же дня. Ведь под Лейпцигом наступил уже вечер третьего дня сражения, когда последний корпус союзников появился еще только вблизи места военных действий. Во второй половине войны 1870–1871 гг. многодневные бой, например под Орлеаном, Ле-Маном и т. д.,

были правилом. В будущем, в соответствии с теми крупными людскими массами, которые будут действовать на больших пространствах, сражения также будут длиться если и не четырнадцать дней, как это было под Мукденом, то, во всяком случае, много дней. Полководцу придется каждый день требовать нового напряжения сил от уже сражающихся армий и корпусов, продолжать движение частей, еще не введенных в дело, по заданным им направлениям или, при изменении обстановки, указывать им новые направления.

Эти длительные сражения никоим образом не будут более кровавыми, чем прежние. Ежедневные потери в бою составляли в русско-японской войне лишь от 2 до 3 % вместо 40–50 % в войнах Наполеона и Фридриха II. Бой под Мукденом, продолжавшийся 14 дней, обошелся как русским, так и японцам дешевле, чем французам и немцам сражение у Марс-ля-Тура, продолжавшееся всего несколько часов.

Русско-японская война доказала, что простое наступление на неприятельский фронт может, несмотря на все трудности, прекрасно удасться. Но результат, достигаемый таким наступлением, оказывается в самом благоприятном случае лишь весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттесняют, но спустя некоторое время он возобновляет в другом месте временно приостановленное им сопротивление, и кампания затягивается. Однако подобные войны невозможны в эпоху, когда все существование нации зависит от непрерывного развития торговли и промышленности, и остановленный механизм должен быть снова приведен в действие с помощью быстрого решения. Стратегия измора немыслима, когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Но для достижения решающего и сокрушительного успеха требуется наступление с двух или с трех направлений, т. е. с фронта и с одного или обоих флангов противника. Такое наступление сравнительно легко выполнимо для стороны, обладающей численным превосходством. Однако на подобное превосходство в современных условиях трудно рассчитывать. Силы, необходимые для мощного флангового наступления, можно создать лишь путем максимального ослабления сил, направляемых против неприятельского фронта. Но как бы они ни были ослаблены, их задачу нельзя все же ограничивать отвлечением внимания противника путем его обстрела из далеко расположенных укрытий и удерживанием его на его позициях. Фронт противника необходимо атаковать и на него надо наступать при всех обстоятельствах. Скорострельная и дальнобойная винтовка изобретена именно для того, чтобы она заменяла несколько прежних и удовлетворяла всем требованиям

при наличии необходимых боевых припасов. Вместо того чтобы накоплять позади фронта резервы, которые вынуждены пребывать в бездеятельности и которых не оказывается на решающем участке, лучше позаботиться о хорошем пополнении боевых припасов. Патроны, подвозимые грузовиками, представляют самые лучшие и надежные резервы. Все войсковые части, которые раньше оставлялись позади и использовались для достижения решающего успеха, теперь должны быть сразу двинуты вперед для флангового наступления. Чем большие силы могут быть привлечены к этой операции, тем решительнее будет самое наступление.

Для того чтобы наступать на неприятельский фланг, надо знать, где он находится. Прежде эта задача возлагалась на кавалерию. Надо надеяться, что в будущем ее возложат на флотилию управляемых дирижаблей, которая с высоты сумеет лучше производить наблюдения, чем кавалерия, которой препятствуют горы, леса и селения. Но подобно кавалерии, которой до осуществления порученной ей разведки предварительно приходилось с боем отбрасывать неприятельскую кавалерию, дирижаблям также придется вступать на большой высоте в бой с равноценным противником. Счастливой будет судьба легкого аэростата, которому удастся подняться выше своего соперника, сбросить разрушительный разрывной снаряд на находящегося много ниже неприятеля и затем быстро удалиться, чтобы не быть охваченным высоко взвивающимися языками огня.

Кавалерия, освобожденная в основном от обязанности вести разведку, должна будет пытаться переносить в тыл неприятеля огонь своей артиллерии, пулеметов и дальнобойных карабинов. Как и прежде, она встретится на своем пути с неприятельской кавалерией и должна будет побороть ее, прежде чем сумеет осуществить свою собственную задачу. Ибо и в будущем ничто не изменится в том положении, что артиллерия должна будет в большей или меньшей степени иметь дело с неприятельской артиллерией, кавалерия – с кавалерией и дирижабли – с дирижаблями, прежде чем они сумеют объединенными силами прийти на помощь пехоте для достижения конечной победы.

Однако в будущем сражения не будут протекать так просто. Для того чтобы после окончания войны 1870–1871 гг. обезопасить себя, с одной стороны, от нового нашествия, с другой – от попыток реванша, Франция и Германия соорудили укрепления вдоль своей общей новой границы. Германия ограничилась расширением крепостных сооружений в завоеванных ею Страсбурге и Меце. Франция соорудила почти непрерывный барьер вдоль верхнего Мозеля и Мааса, который предназначен

для защиты всей ее восточной границы между Швейцарией и Бельгией. Противник Франции оказался вследствие этого в тяжелом положении. Даже при отсутствии всяких захватнических намерений он не мог спокойно наблюдать, как жаждущий отмщения неприятель выжидает в безопасном убежище благоприятной минуты для нападения. Наступление является лучшим способом обороны. Германия должна была иметь возможность прибегнуть в случае надобности к этому средству. Поэтому она не противопоставила, как это предполагалось, линии французских укреплений линию своих собственных укреплений, но попыталась создать для себя новое орудие наступления. Тяжелая артиллерия была снабжена разрывными снарядами неизвестной до сих пор силы действия, которым не может противостоять никакая стена или сооружение. Но секрет не мог быть долго сохранен. Противная сторона изобрела такие же разрушительные снаряды. С тех пор между инженером и артиллеристом началась по обе стороны границы длительная, ожесточенная, далеко еще не законченная борьба. Один постоянно изобретает новые, более крупные и надежные орудия и более эффективные снаряды, другой сооружает все более непреодолимые укрепления. Эта борьба, как и борьба за винтовки и полевые орудия, не могла не затронуть соседние страны. Повсюду считалось доказанным, что миролюбивая Германия непрерывно помышляет о хищническом походе на веселые нивы, орошаемые Сеной и Луарой. Так как прямой путь туда был для нее заперт, то предполагалось, что она попытается обойти неприятные для нее препятствия, вступив в Швейцарию или Бельгию. Для того чтобы предупредить такое наступление на свой правый фланг, Франция своевременно заперла крепостными сооружениями все проходы через Юру. На левом фланге ей пришла на помощь Бельгия. С помощью бетонных масс и броневых башен она заперла великую дорогу народов вдоль Мааса и Самбры, а сзади превратила Антверпен в непреодолимую твердыню. Нидерланды стремились в меру своих сил поддержать своего соседа и охранить самих себя, подобно Франции, от возможности германского наступления. Но этого было недостаточно. Не так давно Италии пришлось уступить несколько своих провинций Франции. Считалось, что она использует вторжение Германии во Францию для возвращения утраченного. Поэтому все пути и тропы, которые вели через разделявший эти страны горный хребет, были заперты. Италия видела в этих французских укреплениях не столько средство обороны, сколько угрозу, и поспешила противопоставить каждому французскому форту, батарее или укреплению подобные же собственные, а всей

системе укреплений на западной стороне Альп противопоставить такую же систему на их восточной стороне. Едва прошло два десятилетия со времени франко-германской войны, как от Зюдерзее до Средиземного моря возникла целая китайская стена, которая должна была предотвратить возможность повторения губительного нашествия. Считалось также возможным, что итальянцы по эту сторону китайской стены объединятся через Альпы с германским союзником и что соединенные массы, преодолевая, подобно выступившему из берегов потоку, крепости и миллионные армии, устремятся в вожделенную страну В предвидении такой грозной опасности Швейцария поспешила подать помощь. Проходы Готарда, подходы через долины Роны и Рейна, все тропы между недоступными глетчерами и устремленными в небо горными громадами были забаррикадированы укреплениями, а форты, лежащие в зоне вечных снегов, снабжены гарнизонами. Мнимые германские стремления к завоеванию, которым был положен предел с одной стороны, казалось, должны были искать выхода в другом направлении. Если путь движения Германии на Париж был прегражден, то ей, очевидно, приходилось устремляться к Москве. Вследствие этого Россия, со своей стороны, также сочла себя вынужденной соорудить укрепления против Германии. Ее задача была облегчена реками и болотами. Германские провинции по ту сторону Вислы окружаются широким болотистым рвом, немногочисленные переходы через который защищаются валами и орудиями. Было само собой понятно, что против союзной с Германией Австрии будут приняты подобные же защитные меры. Таким образом, Тройственный союз был отделен от остальной Европы на востоке такой же линией, как и на западе. На севере Дания превратила Копенгаген в крупный укрепленный пункт и заняла входы в Балтийское море. Англия обладает мощной плавучей крепостью, которую она в любую минуту может воздвигнуть в Северном море и которая обеспечивает ей ворота для вылазки из Ютландского порта к Шлезвигу. Сооружение такого количества пограничных укреплений подействовало настолько заражающе, что в конце концов даже Италия отгородилась укреплениями от союзной с ней Австрии, а Австрия – от Италии. Железное кольцо, сооруженное вокруг Германии и Австрии, оставляло лишь один проход – на Балканы. Теперь и он замкнут с помощью Турции, Сербии и Черногории, в то время как Болгария и Румыния оттеснены в австрийский лагерь.

Всем этим определяется военная обстановка в Европе. В центре ее стоят незащищенные Германия и Австрия, а вокруг них расположены за рвами и валами остальные державы. Военной

обстановке соответствует политическая. Между окружающими и окруженными державами лежат трудно устранимые противоречия. Франция не отказалась от мести, осуществить которую она поклялась в 1871 г. Идея реванша, вооружившая всю Европу, образует краеугольный камень ее политики. Мощное развитие германской промышленности и торговли создало Германии нового непримиримого врага. Ненависть к презиравшемуся прежде конкуренту не может быть ни устранена уверениями в искренней дружбе и сердечной симпатии, ни обострена зажигательными словами. Степень раздражения определяется не чувствами, а реальными интересами. Россия удерживается в старом союзе унаследованной от прошлого антипатией славян к германцам и традиционной симпатией к романским народам, а также и потребностью в займах, и теперь она бросается в объятия той державы, которая может причинить ей больше всего вреда. Италия, не имеющая никакой возможности расширения на запад, считает еще незаконченным вытеснение иноземцев, которые некогда вступили через Альпы в богатые долины Ломбардии. Она не желает их терпеть ни у южных горных проходов, ни на берегах Адриатического моря.

Неизвестно, выльются ли все эти страсти и вожделения в насильственные действия. Но все же существует настойчивое стремление соединить все эти державы для совместного нападения на срединные государства. В должный момент ворота будут открыты, подъемные мосты подняты и миллионные армии пойдут, опустошая и уничтожая все на своем пути, через Вогезы, Маас, Кёнигсау, Неман, Буг и даже Изонцо и Тирольские Альпы. Опасность кажется огромной. Но если рассматривать ее ближе, она несколько уменьшается.

Англия не может разрушить германскую торговлю, не нанеся жестокого вреда своей собственной. Правильно понятые интересы Англии требуют сохранения жизни ее ненавистному конкуренту, являющемуся одновременно ее лучшим клиентом. Прежде чем она приступит к обещанной высадке в какой-нибудь ютландской гавани, она будет ждать телеграммы из Африки, Индии. Восточной Азии и Америки. Разжигая пожар во всем мире, она найдет, что у нее есть более приятные занятия, чем отправка своей армии на континент, где она будет, по рецепту Бисмарка, заперта в Шлезвиге. Россия, в расцвете своей силы и мощи, умела противостоять всем соблазнам союзников, увлекавших ее к нападению. Нам кажется сомнительным, чтобы теперь, когда сущность современной войны стала ей лучше известна, такое нападение показалось бы ей привлекательным. Франция решила испытать наслаждение от своей холодной жажды мести лишь в

обществе хороших друзей. Все ощущают колебания в предвидении огромных расходов, возможных больших потерь и того красного призрака, который встает в их тылу. Всеобщая воинская повинность, превращающая в равноценное пушечное мясо как знатных, так и простых, как богатых, так и бедных, сократила жажду войны. Крепости, которые считаются неприступными и в стенах которых можно чувствовать себя уютно и безопасно, делают менее соблазнительной перспективу вступления в бой с обнаженной грудью. Оружейные и артиллерийские заводы, паровые молоты, закаляющие башенную броню, создали больше приветливых физиономий и больше любезной готовности к услугам, чем все мирные конгрессы. Каждый испытывает колебания перед тем, как напасть на многочисленного и хорошо вооруженного противника, и боится применить собственное губительное орудие войны, которое он с трудом создал и в умении манипулировать которым он сам не уверен. А когда все сомнения будут устранены, все трудности преодолены, когда решение созреет и мощное наступление должно будет начаться со всех сторон, в груди каждого возникнет жуткий вопрос: присоединятся ли «другие», явятся ли в должную минуту отдаленные союзники, не придется ли мне в полном одиночестве испытать удары дубинки гораздо более сильного противника? Эти сомнения принуждают сохранять спокойствие и ждать, откладывать момент мести и вновь вкладывать в ножны наполовину уже обнаженный меч.

«Коалиция готова», – кричат с той стороны пролива. Но сейчас еще сомнительно, перейдет ли коалиция к военным действиям, необходимости в которых пока еще отнюдь нет. Положение, занятое союзными державами, настолько благоприятно, что оно само по себе создает постоянную угрозу для Германии и автоматически разрушает германскую нервную систему, потрясенную экономической борьбой и кризисами. Чтобы избежать этого давления, Германия готова уступать, удовлетворять предъявляемые к ней притязания и выпускать из рук одно преимущество за другим.

Пока велась подобного рода борьба, картина внезапно изменилась. В результате последних событий на Балканском полуострове Австрия оказалась там на значительное время связанной. Она требует от своих союзников поддержки, но сама предоставить ее им не может. Противнику удалось своей тактикой добиться такого положения, при котором каждая из центральных держав привязана к своему особому театру войны, и это мешает им своими объединенными, превосходными по численности силами нанести сокрушительный удар сперва

одному, а потом другому врагу. Австрии приходится повернуть свой фронт на юг, Германии – на запад. Россия оставляет за собой право с помощью всей своей силы сказать решающее слово в том или другом пункте.

Несмотря на положение, ставшее для них гораздо более благоприятным, окружающие Германию враги все еще, видимо, не желают браться за оружие. Их многочисленные сомнения еще не устранены. Даже после своего разъединения Австрия и Германия все еще слишком сильны. Предварительно они должны быть ослаблены внутренними распрями. Национальная борьба в Австрии тщательно раздувается с помощью дружеских представлений дипломатии, при содействии возбуждающих борьбу депутаций и боевых призывов прессы. Недавно обнаружилось, что в Германии та же цель может быть достигнута с помощью небольшой газетной статьи и хитроумно составленных устаревших жалоб. Но для грядущей борьбы – независимо от того, будет ли она вестись с оружием в руках или другими средствами, – требуются, хотя бы перед лицом внешнего мира, «единый братский народ» и большая сильная, мощная армия, руководимая крепкой рукой и исполненная неограниченной веры в свои возможности.

Альфред фон Шлиффен О МИЛЛИОННЫХ АРМИЯХ [247]

«Миллионные армии» не представляют собой современного изобретения, они издавна исторически подготовлялись. Армия, с которой Фридрих II приступил к преобразованию Германии, едва насчитывала 100 000 чел., но относительно, в сопоставлении с 21/2 миллионами населения тогдашней Пруссии, она значительно превосходила те бесчисленные массы, которые в настоящее время будут выставлены 65 миллионами немцев при объявлении войны. Относительно еще гораздо значительнее было то количество призывников, молодых и старых, которых совершенно изнуренная и обессиленная Пруссия сумела выставить в действующую армию в 1813 г., чтобы сбросить ярмо, лежавшее на ней и на всей Германии. Из этих рыхлых масс Вильгельм I создал армию, которая, внутренно укрепившись, стала гораздо многочисленнее, чем армии значительно более крупных и сильных соседей. С ней он выиграл сражение при Кёниггрэце, и из нее возникла германская миллионная армия, которая сокрушила Францию. Лишь энергичными мерами и при большом напряжении можно создавать великие вещи и осуществлять великие идеи. Германская империя также возникла лишь с помощью армии, которая по своим размерам, казалось, должна была исчерпать все силы до дна.

Побежденные поняли слишком поздно, чего им не хватало и на какой неравный бой они решились. Тогда все страны европейского континента ввели всеобщую воинскую повинность, чтобы создать миллионные армии, устранить Германскую империю и восстановить прежнее положение. Миллионные армии они действительно создали, но возлагавшиеся на эти армии надежды не осуществились. Всеобщая любовь к миру была будто бы слишком велика для того, чтобы допустить войну. На самом деле все европейские державы в течение последних сорока лет вели войны, хотя и против более слабых, хуже вооруженных и недостаточно обученных народов. Следовательно, не любовь к миру удерживала их от войны в Европе. Они боялись применить то могучее оружие, в умении манипулировать которым они сами далеко не были уверены. Кроме того, им не улыбалась перспектива войны, в которой знатным и незнатным, богатым и бедным одинаково предстояло испытать картечный огонь. Они опасались, что союзники отступятся, что ненавистный неприятель окажется сильнее их, что война примет непредусмотренные

размеры и будет иметь неисчислимые последствия. Именно этот огромный, неизмеримый размах снова и снова предписывает им оставаться в покое. Поэтому никто не может в меньшей мере, чем немцы, стремиться к сокращению армии. Ведь от страха, внушаемого ее армией, зависит мир в Европе. К тому же миллионная армия 65 миллионов немцев немногим сильнее, чем, например, армия 45 миллионов французов. Лучшее обучение и управление ею необходимы для того, чтобы сохранить вес германской армии. Правда, утверждают, что управление миллионной армией представляет почти неразрешимую проблему. В этом утверждении верно лишь то, что командование армией как большой, так и маленькой всегда составляло большое искусство. Но вряд ли можно доказать, что сложность его возрастает в равной степени с ростом численности самой армии. Были генералы, которые терпели полнейшую неудачу с 300 тысячами человек. Но этим еще не сказано, что им удалось бы привести к победе 100 тысяч или 50 тысяч человек. Несомненно лишь то, что не нашлось ни одного полководца, который жаловался бы на чрезмерную численность порученной ему армии, но все без исключения сетовали на ее недостаточность.

Альфред фон Шлиффен РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 25 НОЯБРЯ 1900 г. НА БАНКЕТЕ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ ПО СЛУЧАЮ СТОЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА МОЛЬТКЕ

В той юбилейной книге, которую подготовило к завтрашнему дню военно-историческое отделение Генерального штаба, высказывается сожаление, что покойный фельдмаршал не произвел научного анализа существа войны и не создал, подобно многим другим, ее теории. Это сожаление мы все, конечно, разделяем. Нам хотелось бы иметь такую книгу, из которой каждый человек, обладающий пытливым умом, мог бы узнать, каким образом можно выиграть три войны, брать в плен целые армии и заканчивать войну ровно в столько дней, сколько недель, месяцев и даже годов требовалось для этого другим полководцам. Это наше желание осталось неосуществленным. Фельдмаршал стремился разрешить великие стратегические проблемы не в увесистых томах со многими главами и бесчисленными параграфами, он ограничил свое объяснение существа войны немногими словами: «Стратегия представляет собой умение находить выход из положения (*Aushilfen*)». Это может казаться камнем, который предлагают голодающему вместо хлеба, или изречением оракула, которое скорее вводит в заблуждение, чем разъясняет. Эта фраза представляется нам ничем, но оказывается всем. Это – протест против тех, которые ищут единственное спасение в теории, в методе, во внешних или внутренних линиях, в охвате или прорыве. Это утверждение сводится к тому, что в любом случае надо находить самое целесообразное; оно требует для полководца полной свободы делать то, посредством чего он считает возможным достигнуть победы.

Наука и ученые установили с течением времени множество законов для ведения войны, которым надо следовать и которые не могут быть нарушены. Критики никогда не простят фельдмаршалу, что он нарушал почти все эти законы.

«Надо обеспечивать свои фланги и особенно тыл». Но Мольтке вступил в Богемию и оставил наперекор всем представлениям и, можно сказать, всем интригам лишь одну

дивизию и гарнизоны западных крепостей в защиту своего тыла от врага. Но благодаря этому оказалось возможным выставить на поле сражения 18 дивизий (составлявших тогдашнюю прусскую полевую армию). «Надо держать свои силы сосредоточенными». Но в середине июня пруская армия растянулась от Торгау до Нейсы на 350 км. Правда, две недели спустя 220 000 чел. были собраны на небольшом пространстве у Кенинггреца. Что-либо подобное можно было увидеть лишь у Лейпцига, но никогда ни до, ни после того. «Перед сражением надо создать массу». Но 3 июля лишь после полудня удалось сосредоточить армию. Однако благодаря этой задержке поражение противника оказалось сокрушительным. «Главная неприятельская армия является той целью, на которую следует наступать». Но фельдмаршал наступал на Вену, а не на Ольмюц. Вследствие этого удалось скорее заключить мир. «Первое, к чему должен приступать полководец, – это обеспечение своей базы». Но при Гравелоте его фронт был обращен к Германии, а у Седана его тыл был обращен к Парижу. Однако лишь таким путем можно было взять в плен две армии.

Говорят, что Мольтке благоприятствовало счастье. Он должен будто бы благодарить свое неслыханное счастье за то, что ему удалось победить, несмотря на все эти ошибки. Но счастье улыбается в течение долгого времени только тому, кто его достоин. Разве это было счастьем, что в минуту величайшего напряжения произошло сражение у Траутенау, что гвардейский корпус механически достиг цели своего продвижения, не обращая внимания на канонаду с правой и с левой стороны, и что 1-я армия, несмотря на все старания, не могла продвинуться вперед? При самых осторожных расчетах нельзя было учесть такие факторы. И разве можно объяснить счастьем, что в первые августовские дни 1870 г. командующий одной армией вступил в дело слишком поздно, а другой – слишком рано, что пути продвижения 1-й армии пересеклись с путями продвижения 2-й, вследствие чего все дело было поставлено под вопрос?

Теперь посмотрим, как выглядят мнимые ошибки других полководцев. Разве Наполеон имел у Маренго хорошую базу? Разве он не находился под Йеной в самой неблагоприятной обстановке? Можно ли оправдать то, что Фридрих II утром перед сражением у Лейтена проходил с армией перед фронтом австрийцев, а у Цорндорфа обошел русских, сделав почти полный круг? Мы не делаем того вывода, что великим полководцем является тот, кто совершает много ошибок, но мы приходим к тому, что всякий желающий достигнуть решающей победы, должен становиться над законами стратегии, должен взвешивать, какие из них он может в данном случае нарушить и какие в своем

дерзновенном стремлении может использовать.

Мне кажется также, что не столь опасно совершать подобные ошибки, как крепко цепляться за один и тот же метод, видя в нем универсальное средство. Наполеон, восхваляемый мастер массовых формирований, имел под Лейпцигом хорошо сконцентрированные и массированные силы. Но то средство, которое привело у Аустерлица и Ваграма к блистательной победе, оказалось непригодным при концентрическом наступлении союзников. Свою карьеру полководца он начал в 1796 г. операцией по внутренней линии. Поворачиваясь то направо, то налево, он разбивал своих противников поодиночке и дробил их силы. Еще в 1814 г., передвигаясь между разъединенными корпусами союзников, он во все стороны наносил удары своей дубинкой. Но, проводя такую же самую операцию по внутренней линии в сражении у Ватерлоо, он погиб.

Фельдмаршал оставил нам такое поучение: «Существует не один метод, не одно средство и не один способ выходить из положения (*Aushifen*), а много методов, средств и способов». У фельдмаршала никогда не было недостатка в способах выходить из положения, и в дальнейшем он никогда не испытал бы в них недостатка. В этом все в армии были уверены. Никто не сомневался и никто не мог только надеяться, но все знали, что даже в самом тяжелом положении гладкий железный лоб и проницательный глаз фельдмаршала найдут выход из положения и что в нужную минуту будет принято нужное решение.

Это решение должно быть простым – так учил нас фельдмаршал, и, конечно, его решения были просты как по форме, так и по содержанию. Что может быть проще, чем его телеграмма от 22 июня: «Его Величество приказывает, чтобы обе армии вступили в Богемию и шли на соединение в направлении Гичина». С помощью этих нескольких слов он вышел из затруднительного положения, в которое его поставила нерешительная политика, и осуществил одно из самых смелых и одно из наиболее чреватых последствиями решений.

Но в одинокой рабочей комнате, в груди, мучимой сомнениями, решение вынашивается не так легко и гладко, как звучат слова в этой телеграмме, ибо на войне все тяжело; но то, что он взвесил и чего достиг, за это он держался с бесстрастной уверенностью, с высоким доверием к своим силам. Когда 3 июля после полудня оказалось, что кронпринц не прибудет, что беглецы устремляются из леса Свип обратно, что последние батареи устанавливаются на той высоте, где находится король, и все вокруг испытывает беспокойство и возбуждение, – он доложил, что не только сражение, но и вся кампания выиграна.

Его дальновидный ум видел далеко вперед поверх окружавшей его возбужденной деятельности, он знал, что должно произойти по неизменным законам и уже чувствовал себя на поворотном пункте мировой истории.

Но за этим философским спокойствием, за этой уверенностью ученого горел огонь непреклонной воли к победе, пламенного призыва вперед, беспощадного стремления к уничтожению противника. Это можно обнаружить только по его действиям. Внешне он сохранял спокойствие и равновесие, которыми отмечена вся его жизнь.

Как сильно он отличался от других полководцев, жизнь которых развивалась, как драма, и которые погибали, как герои трагического представления!

Альфред фон Шлиффен РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 15 ОКТЯБРЯ 1910 г. НА ПРАЗДНОВАНИИ СТОЛЕТИЯ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Военная академия, празднующая сегодня свой столетний юбилей, обязана своим возникновением сражению при Йене. Если оставить без рассмотрения все второстепенное, то остается тот факт, что в этом сражении семнадцать прусских батальонов атаковали фронт неприятеля, превосходившего их численностью в два раза. После трех часов огневого боя силы французов возросли до 79 батальонов, и они перешли в контрнаступление. Нам совершенно безразлично, какую степень храбрости проявили или не проявили эти 17 расстрелянных батальонов и какую тактику они применили. Они были просто раздавлены неприятелем, превосходившим их по численности в пять раз. Прусская армия не имеет никаких оснований бить себя в грудь вследствие этого поражения. Но надо поставить вопрос: почему армия была совершенно бесцельно брошена в такую катастрофу и почему ее поставили, помимо всего прочего, тылом к Парижу и фронтом к Берлину, чем и вызвали ее полнейшее уничтожение. Ответ короток: армия не имела ни полководца, ни командиров. Для того чтобы устранить такое положение в будущем, была создана Военная академия. Она должна была, как выразился один из ее директоров, воспитывать полководцев и их помощников. Нельзя, правда, статистически установить, в каких пределах она эту задачу выполнила. Очень многие офицеры, прошедшие Военную академию, никогда не имели возможности представить доказательства пригодности своей к командованию армией. Но несомненно – и для одного столетия этого достаточно, – что Военная академия создала одного безусловного, подлинного полководца. Это – лейтенант лейб-полка Его Величества [248] фон Мольтке, который 1 октября 1823 г. попал в первый прием этой Академии. Лишь за год до этого он перешел из датской на прусскую службу – кстати сказать, – с месячным содержанием в 50 марок 25 пфеннигов без всяких доплат. При первом осмотре глаз командующего, принца Вильгельма Прусского, остановился с удовлетворением на длинном ряде геройских фигур. Вдруг в самом конце появляется лейтенант Мольтке, бледный, узкий, тонкий, проголодавшийся, подобный бечевочке. «Не очень хорошее приобретение», – заметил принц. Но успокойтесь! Этот

кусочек бечевочки, это плохое приобретение приведет, правда, еще не очень скоро, но все же приведет короля Вильгельма I через Кёнинггрэц к воротам Вены и через Мец и Седан – в Версаль, во дворец французских королей.

По невзрачной своей внешности молодой Мольтке мог поспорить со многими другими юными полководцами. Принц Евгений не обладал хорошим ростом. «Изнеженный парень», который позже стал Фридрихом II, никак не мог приобрести рост и облик гренадера. Прекрасной Жозефине Богарнэ настойчиво не советовали выходить замуж за маленького, жалкого Бонапарта. Внешний облик не имеет значения для командования армией. От требований, предъявлявшихся во времена Ахилла и Агамемнона, нам пришлось отказаться. Но вместо этого мы требуем, чтобы полководец обладал «гением». Человек, который в холод и жару, голодая и не высыпаясь, выдерживая тяжесть обрушившихся на него событий, толкаемый в разные стороны преувеличенными и противоречивыми сообщениями, вынужден принимать быстрое решение, от которого зависит «быть или не быть», не может обойтись без гениальности. Действительно, следовало бы думать, что полководец должен что-то ощущать в себе, какую-то божественную искру, какой-то небесный огонь, который ведет при трудном положении в Лейтен и не позволяет ему пасть духом у Кунерсдорфа. «Нет, – сказал Мольтке, – гениальность – это работа». Слова эти были произнесены человеком, знающим свое дело, который 65 лет неустанно работал и лишь на закате своей жизни разбил две великие державы. Это изречение подтверждается также жизнью целого ряда великих полководцев, которые все работали, включая и Александра Великого, не посвящавшего весь день укрощению Буцефала, но сидевшего также у ног Аристотеля. Славе предшествуют труд и пот.

Перед каждым, кто хочет стать полководцем, лежит книга, называемая «военная история», начинающаяся с поединка между Каином и Авелем и далеко еще не заканчивающаяся атакой на лиссабонские монастыри. Я должен признаться, что чтение ее не всегда занимательно. Приходится преодолевать множество всяких малопривлекательных подробностей. Но за ними мы все же находим факты, зачастую согревающие сердце, а в основе ее лежит познание того, как все произошло, как должно было произойти и как будет происходить в дальнейшем.

Раньше изучение войны было более легким делом. Прилежные и тщеславные принцы совершали в свите полководца один поход или целый ряд их и готовились к своему призванию путем наглядного обучения. Это было возможно в эпоху схематической войны, которая велась в узких рамках. Теперь, в

эпоху массовых армий и длительных периодов мира, этот метод неприменим и не может быть заменен посещением учебных планов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях, которые происходили недавно или очень давно. «Но опыт не приносит никакой пользы, – сказал Фридрих II, – если его не продумывают, внутренне не перерабатывают и не стремятся практически применить», т. е., например, из опыта, полученного у Колина, не создают Лейтена.

Соответственно этому и действовал Мольтке. Его успехи стали возможны и его слава создалась путем постоянной работы по изучению прошлого и применению приобретенных знаний к настоящему и будущему. Если офицеры, проходящие курс Военной академии, станут в духе сказанного подражать этому великому человеку, то армия никогда не будет испытывать недостатка в полководцах и их помощниках.

Аннотированный указатель

Ниже в алфавитном порядке приведены краткие справки о всех персонах, упоминаемых в трудах немецких военных теоретиков, приведенных в данной книге; лица, упоминаемые в комментариях, примечаниях и сопутствующих статьях, в данных перечень не вошли.

Александр I Павлович Романов (12.12.1777–19.11.1825), император всероссийский (с 12.3.1801). Старший сын императора Павла I. В его царствование к Российской империи присоединены территории Вост. Грузии (1801), Финляндии (1809), Бессарабии (1812), герцогства Варшавского (1815). В 1813–14 возглавлял антифранц. коалицию; один из руководителей Венского конгресса 1814–15 и создателей Священного союза.

Александр Великий (356–336 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.). Сын царя Филиппа из династии Аргеадов. Величайший полководец древности, создатель мировой империи.

Аттила (Attila) (ум. 453), вождь гуннов с 434. Объединил под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

Багратион Петр Иванович (1765–12.9.1812), князь, рус. ген. от инфантерии (9.3.1809). Из древнего груз. рода. Участник Итальянского похода А.В. Суворова; в Швейцарском походе командовал авангардом, затем арьергардом армии. В кампанию 1805 ком. авангарда армии М.И. Кутузова. В 1807 ком. 4-й дивизии. Во время рус. – шведской войны 1808–09 ком. дивизии. 30.7.1809–15.3.1810 главнокоманд. Молдавской армией. С 7.8.1811 главнокоманд. Подольской, с 16.3.1812 – 2-й Зап. армий. 26.8.1812 смертельно ранен во время сражения при Бородине.

Базен (Bazaine) Франсуа Ашиль (13.2.1811–23.9.1888), франц. военачальник, маршал Франции (5.9.1864). Во франко-прусскую войну 1870–71 команд. Рейнской армией, с к-рой капитулировал в Меце. В 1872 приговорен воен. трибуналом к смертной казни (замененной 20 годами заключения). В 1874 бежал из тюрьмы и поселился в Испании.

Башлю (Bachelu) Жильбер (9.2.1777–16.6.1849), франц. дивизионный генерал (26.6.1813), барон (29.8.1810). Сын чиновника. В 1812 ком. 3-й бригады 7-й пех. дивизии Вел. армии. 2.1.1814 взят в плен при капитуляции Данцига. Во время Ста дней ком. 5-й дивизии, участвовал в сражениях при Катр-Бра и Ватерлоо. В 1815–17 в изгнании. После падения Наполеона арестован и выслан из Франции. С 1830 чл. Палаты депутатов.

Бекер (Beker) Франуса (18.1.1770–18.11.1840), франц.

дивизионный генерал (1806), граф де Моне (1807). Отличился в сражениях при Маренго (воевал в дивизии Дезе) и Аустерлице.

Бельгард (Bellegarde) Генрих Иосиф Иоанн (29.8.1756, Дрезден – 22.7.1846, Вена), граф, австр. фельдмаршал (12.9.1809). Сын саксонского воен. министра. С 1796 чл. Воен. совета эрцгерцога Карла. В 1799 ком. корпуса в Тироле. С мая 1799 команд, армией в Италии; подписал 16.1.1801 в Тревизо перемирие. С 1801 команд. войсками в Венеции, затем – во внутр. областях Австрии. В кампанию 1805 ком. корпуса в Италии. С 1805 главнокоманд. в Граце, с 3.12.1806 – в Галиции. В кампанию 1809 ком. I корпуса, затем армию в Верх. Пфальце. В 1809–13 гофкомиссар и главнокоманд. в Галиции. В 1810–13 и 1820–25 през. Гофкригсрата. С дек. 1813 главнокоманд. в Италии и Иллирии. В 1815–16 вице-король Ломбардо-Венецианского королевства.

Бенедек (Benedek) Людвиг Риттер фон (14.7.1804–27.4.1881), австр. фельдцейхмейстер (1859). Во время австро-прусской войны 1866 главнокомандующий Северной армией в Богемии; 3.7.1866 его войска разгромлены при Кениггрэце, после чего смещен.

Беннигсен Леонтий Леонтиевич (10.2.1745–3.10.1826), рус. ген. от кавалерии (11.6.1802), граф (с 29.12.1813). Из ганноверского баронского рода. С 1773 на рус. службе. Один из руководителей заговора, в результате к-рого был убит Павел I. В 1801–04 Виленский воен. губернатор и нач. Литовской арт. инспекции. В 1805 ком. корпуса; разбил французов у Пултуска (1806). 1.1–26.6.1807 команд, рус. армией в Пруссии; при Прейсиш-Эйлау (26–27.1.1807) сдержал натиск Наполеона, но 2.6.1807 был разбит, при Фридланде. В авт. – нояб. 1812 нач. Гл. штаба М.И. Кутузова. С мае 1813 команд, войсками в тылу действующей армии, с июня 1813 команд. Польской армии. 28.10.1814–3.5.1818 команд. 2-й армией.

Бернадот (Bernadotte) Жан Батист (26.1.1763–8.3.1844), франц. военачальник, князь Понтекорво (5.6.1805), маршал Франции (19.5.1804). Сын адвоката; женат на сестре жены Жозефа Бонапарта. С 1798 посланник в Вене, в 1799 воен. министр. В 1800–01 руководил подавлением движения шуанов в Вандее. С 30.8.1805 ком. I корпуса Вел. армии. С 1807 команд, оккупационной армией и наместник Сев. Германии. С 14.7.1807 губернатор ганзейских городов, с 8.4.1809 ком. 9-го корпуса Армии Германии. 21.8.1810 избран шведским наследным принцем. В кампании 1813–14 команд. Сев. армией (войска антифранц. коалиции). 5.2.1818 вступил на шведский престол под именем Карла XIV Юхана.

Бернгарди (Bernhardi) Теодор фон (6.2.1803–12.2.1887), нем. воен. историк, дипломат. Наиболее известные его работы,

посвященные Наполеоновским войнам.

Бертье (Berthier) Луи Александр (20.11.1753–1.8.1815), франц. военачальник, принц де Невшатель (30.3.1806), герцог де Валенже (30.3.1806), князь де Ваграм (15.8.1809), маршал Франции (19.5.1804). Из дворян. В 1796–1814 бессменный нач. штаба у Наполеона. С 30.8.1805 нач. Генштаба Вел. армии, одноврем. с 9.4.1807 вице-конетабль империи. С 3.11.1808 нач. штаба армии Испании, с 17.3.1809 – Рейнской армии (позже армии Германии), с 1.2.1812 – Вел. армии. Во время Ста дней не присоединился к Наполеону. Выпал из окна замка и разбился насмерть.

Бесьер (Bessieres) Жан Батист (6.8.1768–1.5.1813), франц. военачальник, герцог Истрийский (28.5.1809), маршал Франции (19.5.1804). Сын хирурга. С 20.11.1801 команд, кавалерией консульской гвардии. С 20.7.1804 ген. – полковник кавалерии Имп. гвардии. С 7.9.1808 ком. II корпуса в Испании. С 15.1.1811 команд. Сев. армией (Испания). С мая 1812 команд, гвард. кавалерией. Убит в бою при Росбахе.

Блюхер (Blücher) Гебхард фон (16.12.1742–12.9.1819), прус, ген. – фельдмаршал (16.10.1813), князь фон Вальдштадт (3.6.1814). Сын офицера. С 1803 губернатор Пруссии. В сражении при Ауэрштадте (14.10.1806) командовал кавалерией, затем арьергардом. 6.11.1806–27.2.1807 во франц. плену. В 1812 главнокомандующий в Померании, в 1813 главнокомандующий прус, армией, к-рой руководил в походах 1813–15, сыграв одну из ведущих ролей в разгроме Наполеона.

Брауншвейг-Люнебургский (Braunschweig-Lüneburg) Карл II (9.10.1735–10.11.1806), герцог, прус, генерал. С 16.1.1780 правящий герцог. В 1792–94 главнокоманд. объединенной австропрусской армией; потерпел поражение при Вальми (20.9.1792). Возглавлял Магдебургскую пех. инспекцию. В 1806 главнокоманд. прус, армией. Его войска были разгромлены в сражении при Ауэрштадте, сам Б. был тяжело ранен в сражении и вскоре скончался.

Бурсье (Bourcier) Франсуа Антуан (23.2.1760–8.5.1828), франц. дивизионный генерал (1794), граф (1808). Из дворян. В 1797–1802 ген. – инспектор кавалерии в Рейнско-Мозельской, Майнцской, Гельветической и Рейнской армиях. С 1802 член Гос. совета. В 1803–05 ком. дивизии легкой кавалерии. В 1805 ком. 4-й драгунской дивизии. В 1806–08 ген. – инспектор кавалерии. В 1816–24 член палаты депутатов.

Бюлов (Bülow) Фридрих Вильгельм фон (16.2.1755–25.2.1816), прус. ген. пехоты (4.4.1814), граф фон Денневиц (7.8.1814). Сын барона. Вместе с Шарнхорстом участвовал в

воссоздании прус, армии. С 1809 ком. пех. бригады, с 29.11.1811 – Зап. – прус. пех. бригады. С февр. 1813 ком. Вост. – и Зап. – Прус, резервного корпуса. Прославился боями при Грос-Беерене (23.8.1813) и Денневице (6.9.1813). В 1815 ком. IV корпуса. 9.7.1815 вступили в Париж. С 1816 команд, войсками в Зап. и Вост. Пруссии.

Вален-Юргас (Wahlen-Jürgaß) Георг фон (5.6.1758–8.11.1833), прус. ген.-л. С 1809 ком. драгунского полка. С 1813 ком. кав. бригады, резервной кавалерии I прус, корпуса. В 1815 ком. резервной кавалерией II корпуса.

Валленштейн (Wallenstein) Альбрехт фон (15.9.1583–25.2.1634), имперский полководец, герцог Фридландский и Сганский (1623), герцог Мекленбургский (1628–31), генералиссимус (1625). Во время Тридцатилетней войны главнокомандующий войсками Католической лиги. Убит заговорщиками.

Вандам (Vandamme) Доменик (5.11.1770–15.7.1830), франц. дивизионный генерал (5.2.1799), граф де Юнсебург (19.3.1808). С 30.8.1803 ком. дивизии, 1.6.1809–7.2.1810 – 8-го корпуса, 21.2–3.7.1812 ком. 2-й дивизией VIII корпуса. С 17.3.1813 ком. группой дивизий, с 1.7.1813 ком. I корпуса, к-рый 30.8.1813 был разгромлен при Кульме, а сам В. взят в плен. Во время Ста дней ком. III корпуса, а после в 1815 осужден на изгнание, в 1819 помилован.

Варрон (Varro) Гай Теренций (III в. до н. э.), римский политик и военачальник. Сын мясника. С 218 до н. э. претор; один из лидеров плебеев. В 216 до н. э. избран консулом вместе с Луцием Эмилием Павлом. Настоял на сражении с Ганнибалом и командовал армией (а также левым флангом) в сражении при Каннах (216 до н. э.). В 215–213 до н. э. проконсул Пиценума, в 208–207 до н. э. пропретор в Этрурии.

Веллингтон (Wellington) Колли Уэлсли (Colley-Wellesley) Артур (1.5.1769–14.10.1852), герцог Веллингтон и маркиз Дуро (3.5.1814), барон Дуро Уэлслейский (4.9.1809), виконт Веллингтон Талаверский (4.9.1809), граф Веллингтон (28.2.1812), маркиз Веллингтон (3.10.1812), герцог Сьюдад-Родриго и гранд 1-го класса (1812; Испания), герцог Виттория (1812; Португалия), маркиз Торес-Ведрас (1812; Португалия), маркиз Вирмера (1809; Португалия), князь Ватерлоо (1815; Нидерланды), англ. фельдмаршал (3.7.1813). Из аристократического рода. В 1803 подавил восстание махратов. С 1808 команд, войсками в Португалии, затем в Испании. В 1814–15 чрезвычайный посол в Париже. С марта 1815 команд, англ. и англо-герм. войсками в Нидерландах; нанес поражение Наполеону в сражении при

Ватерлоо. С 1816 главнокомандующий объединенной союзной оккупационной армии во Франции. С 1818 член кабинета и ген. – фельдцейхмейстер, с 1826 главнокомандующий сухопутной армией. В 1928–30 премьер-министр, в 1834–35 и 1841–46 министр иностр. дел, затем министр без портфеля.

Вердер (Werder) Август фон (12.9.1808–12.9.1888), прус. ген. пехоты (1871), граф (с 1.4.1879). Из дворян. С 1866 ком. 3-й пех. дивизией; во франко-прус. войну 1870–71 ком. Осадного корпуса (Страсбург), затем ком. XIV армейского корпуса. Приобрел широкую известность и был назван национальным героем.

Вернек (Werneck) Франц фон (13.10.1748–17.1.1806), барон, австр. фельдмаршал-лейтенант (28.5.1794). В кампанию 1796 ком. гренадерской дивизии, с сент. команд. Нижне-Рейнской армией; после ряда поражений переведен в резерв. В 1805 назначен в армию Германии. После поражения под Ульмом отдан под суд, но умер до рассмотрения его дела.

Виллар (Villars) Луи Эктор де (8.5.1653–17.6.1734), франц. полководец, маркиз де Виллар, виконт де Мелюн, герцог (с 1705), принц де Мартик, пэр Франции (с 1709), главный маршал Франции (1733). Прославился своими действиями во время Войны за испанское наследство, когда 24.7.1712 разбил войска принца Евгения Савойского при Денене. 1.10.1715–24.9.1718 през. Воен. совета.

Виллизен (Willisen) Вильгельм (30.4.1790–25.2.1879), барон, прус. ген.-л., воен. теоретик. Сын офицера. В 1813–14 офицер Генштаба. С 1842 ком. 11-й ландверной бригады. С 1849 в отставке.

Вильгельм I (27.9.1781–25.6.1864), король Вюртембергский (с 30.10.1816). Сын короля Фридриха I Вюртембергского. С 1800 на австр. службе. С 1.1.1806 кронпринц. В 1812 ком. вюртембергской дивизией Вел. армии, (хотя фактически войсками командовал ген. Ж. Маршан). Вступил на территорию России, но затем отошел в Вильну. В 1813–14 ком. VII (вюретмбергским) корпусом на стороне армии антифранц. коалиции; командовал войсками в сражениях при Эпинале, Ла Ротьере, Сенсе и Монтро. В 1815 ком. австро-вюртембергско-гессенского корпуса.

Вильгельм I Гогенцоллерн (Wilhelm I) (22.3.1797–9.3.1888), прус, король (с 2.1.1861) и герм, император (с 18.1.1871). 2-й сын короля Фридриха Вильгельма III. 7.10.1858–2.1.1861 принц-регент.

Винтерфельд (Winterfeldt) Ганс Карл фон (4.4.1707–8.9.1757), прус. ген.-л.(1756). Ближайший советник и друг Фридриха Великого. С 1756 комендант и губернатор Кольберга.

Смертельно ранен в сражении при Мойсе.

Витгенштейн, Сайн-Витгенштейн-Берлебург (Sayn – Wittgenstein – Berleburg) Петр Христианович (25.12.1768–30.5.1843), рус. ген. – фельдмаршал (22.8.1826), светлейший князь (1.5.1834). Из графского рода; сын генерала. С 1806 ком. бригады. В 1812 ком I пех. корпусом, к-рый 5.7.1812 выделен из 1-й армии для защиты Петербургского направления; получил прозвище «защитника Петрова града». После смерти М.И. Кутузова с апр. 1813 главнокоманд. рус. армией. После Бауцена заменен М.Б. Барклаем-де-Толли и стал ком. корпуса. В «Битве народов» при Лейпциге наносил гл. удар; 15.2.1814 тяжело ранен. С 3.5.1818 главнокоманд. 2-й армией и чл. Гос. совета. В 1828–29 главнокоманд. армией, действовавшей против Турции в Европе.

Вреде (Wrede) Карл фон (29.4.1767–12.12.1838), баварский фельдмаршал (7.3.1814), светлейший князь (2.12.1829). Сын тайного советника. В 1800 прикрывал отступление австрийской армии и отличился в сражении при Гогенлингене. Руководил реформой баварской армии. С 1805 командовал баварскими контингентами в составе армии Наполеона в кампаниях 1805, 1807 в Польше. В 1809 ком. 2-й баварской дивизии. В 1812 ком. баварской дивизией в составе Великой армии, затем VI (баварским) вспомогательным корпусом. С окт. 1813 команд, баварско-саксонской армией, затем V (баварским) корпусом. С 1815 команд, баварскими войсками в Лотарингии. С 1822 ген. – инспектор баварской армии.

Вукасович (Vukasovic) Филипп Йозеф фон (1755–9.8.1809), барон, австр. фельдмаршал-лейтенант (29.9.1799). Сын офицера. С июня 1796 ком. бригады в Тироле. В кампании 1800 и 1805 воевал в Италии, отличился при Сен-Годаре. В 1809 командовал дивизией при Асперне и Ваграме. Умер от ран.

Вурмзер (Wurmser) Дагоберт фон (7.5.1724–22.8.1797), австр. фельдмаршал (11.12.1795). В 1792 команд, войсками в Брейсгау, выступил против французов, но потерпел поражение. В 1795 командовал австрийскими войсками при Рейне и разгромил франц. Самбро-Мааскую армию. В 1796 направлен в Италию, разбит при Кастильоне 5.8.1796. С 1797 ген. – губернатор Венгрии.

Вюртембергский Евгений (8.1.1788–16.9.1857), принц, рус. ген. от инфантерии (27.3.1814). Сын прус, генерала. С 11.11.1797 на рус. службе. С 1807 ком. бригады, в 1810–11 – 9-й, в 1812 – 4-й пех. дивизий; отличился в Смоленском сражении, при Бородине, Вязьме и Красном. В 1813–14 ком. II, в 1816–21 – I пех. корпусами. Во время мятежа на Сенатской площади 14.12.1825 весь день неотлучно находился при императоре Николае I,

организовывал охрану Зимнего дворца. Во время рус. – тур войны в 1828 ком. VII корпусом. В 1829 оставил рус. службу и уехал на родину.

Вюртембергский, принц Вильгельм, см. Вильгельм I Вюртембергский.

Гамбетта (Gambetta) Леон Мишель (2.4.1838–31.12.1882), франц. политик. В 1870–71 министр внутр. дел, в 1879–81 през. Палаты депутатов. 14.11.1881–30.1.1882 премьер-министр и министр иностр. дел.

Ганнибал Барка (247–183 до н. э.), карфагенский полководец. Руководил армиями Карфагена в войнах с Римом, одержал величайшую победу при Каннах (216 до н. э.). Покончил жизнь самоубийством.

Гасдрубал, карфагенский военачальник. Во время 2-й Пунической войны командовал в Италии вспомогательным корпусом. Перед сражением при Каннах присоединился к Ганнибалу и в сражении возглавил испанскую и кельтскую конницу на левом фланге.

Генрих IV Бурбон (Henri IV) (13.12.1553-14.5.1610), король Наварры (с 9.6.1572), король Франции (с 2.8.1589). Сын герцога Антуана де Бурбона. Был лидером гугенотов в конце Религиозных войн во Франции. Основатель французской королевской династии Бурбонов. Убит католическим фанатиком Ф. Равальяком.

Генрих Гогенцоллерн (Heinrich) (18.1.1726–3.8.1802), принц Прусский, прус, генерал. Сын короля Фридриха Вильгельма I, брат Фридриха Великого; неоднократно командовал прус, войсками.

Герлах (Garlach) Леопольд фон (17.9.1790–10.1.1861), прус, генерал пехоты (1859). С 1849 ген. – адъютант короля Фридриха Вильгельма IV; пользовался большим влиянием при дворе.

Гибер (Guibert) Ипполит де (12.11.1743–6.5.1790), граф, франц. воен. теоретик, фельдмаршал (1788). Автор труда «Оборонительная система современной войны» (1779).

Гнейзенау, Нейдгардт фон Гнейзенау (Neithardt von Gneisenau) Август (27.10.1760–24.8.1831), прус. ген. – фельдмаршал (18.6.1825), граф (с 3.8.1814). Сын офицера. В 1807 комендант крепости Кольберг, затем шеф инж. корпуса. В 1809 уволен в отставку за антифранц. позицию. В 1813 ген. – квартирмейстер, с 28.6.1813 нач. штаба Силезской армии, ближайший пом. Г. Блюхера. С 1815 ком. VIII корпуса, с 1818 губернатор Берлина. Умер от холеры.

Гогенлоэ-Ингельфинген (Hohenlohe-Ingelfingen) Фридрих Людвиг фон (31.1.1746–15.2.1816), князь, прус. ген. пехоты (1800). С 1791 губернатор Берлина. Во время Рейнской кампании

1792–94 ком. корпуса. В 1806 нач. Нижне-Силезской пех. инспекции. В кампанию 1806 2-й команд, прус, армией, с подчинением ему Силезского корпуса и саксонских войск. 14.10.1806 разбит при Йене, а затем был окружен в Пенцлау и 28.10.1806 капитулировал.

Гогенцоллерн-Хехинген (Hohenzollern-Hechingen) Фридрих Франц фон (31.5.1757–6.4.1844), князь, фельдмаршал (1830). В 1799 ком. дивизии в Италии; руководил обороной Генуи. В 1800–05 ком. кав. дивизии, 1801–15 воен. губернатор Зап. Галиции. В кампанию 1809 ком. III корпусом. В 1812 ком. резервным корпусом в Галиции, в 1815 – II герм, корпусом. С 1825 през. Гофкригсрата.

Горчаков Андрей Иванович (1779–11.2.1855), князь, рус. ген. от инфантерии (1.1.1819). 12.2.1797 направлен Павлом I в село Кончанское к А.В. Суворову с предложением приехать в Петербург. Сопровождал Суворова в Швейцарском и Итальянском походах (1799). В кампанию 1806–07 ком. 18-й пех. дивизии. При Фридланде (1807) команд, правофланговым отрядом. В 1809 ком. дивизии; отдан под суд за переписку с австрийцами. В 1812 при Бородине команд, войсками у Шевардино; был тяжело ранен на Багратионовых флешах. С 1816 чл. Гос. совета. С 1847 в отставке.

Гош (Hoche) Луи Лазар (24.6.1768–19.9.1797), франц. дивизионный генерал (1793). Сын отставного солдата. Выдвинулся после рев-ции. С осенью 1793 команд, армией. Дважды арестовывался. В 1795 команд, армиями на западе Франции. 21.7.1795 разгромил две дивизии французских эмигрантов, высадившихся на п/о-ве Киберон, расстреляв на месте 748 пленных дворян. В конце 1796 возглавил неудачную экспедицию в Ирландию. В 1797 команд. Самбро-Маасской армией; направил войска в Париж для подавления роялистского восстания. Скоропостижно скончался.

Граверт (Grawert) Юлиус фон (28.12.1746–18.9.1821), прус, генерал пехоты (1812). С 1800 нач. Верхне-Силезской пех. инспекции, с 1804 одноврем. губернатор Глаца. В сражении при Йене ком. дивизии. В 1807–12 и 1812–20 ген. – губернатор Силезии. В марте – июле 1812 ком. вспомогательного прус, корпуса Вел. армии.

Груши де Роберто (Grouchy de Roberto) Эммануэль де (23.10.1768–29.5.1848), франц. военачальник, граф (с 28.1.1809), маршал Франции (15.4.1815). Из дворян. С 26.11.1795 команд, армией Брестского побережья. С 1.11.1796 2-й команд, и нач. штаба Ирландской экспедиции, закончившейся провалом. В 1798 занял город Турин и заставил короля Сардинии отречься от престола. С 17.3.1798 нач. штаба Сев., с мая 1799 Итальянской

армий. С 12.11.1800 ком. дивизии. С 23.9.1801 ген. – инспектор кавалерии. С 1805 ком. дивизии. В янв. – дек. 1812 ком. III кав. корпуса. С 15.12.1813 команд, кавалерией Вел. армии. Во время Стадией с 31.3.1815 команд. Южной армией, с 3.6.1815 – резервной кавалерией Армии Бельгии, затем команд, группой корпусов, отправленной преследовать прус, армию Г. Блюхера. Блюхеру удалось уйти от Груши и сыграть решающую роль в поражении франц. армии при Ватерлоо. В 1815–19 в изгнании.

Густав II Адольф Ваза (Gustav II Adolf) (9.12.1594–6.11.1632), король Швеции (с 30.10.1611). Сын короля Швеции Карла IX. Выдающийся полководец; в Тридцатилетнюю войну один из лидеров протестантской лиги. Погиб в сражении при Люцене.

Гюден де ла Саблонье (Gudin de la Sablonnière) Сезар (13.2.1768–22.8.1812), франц. дивизионный генерал (6.7.1800), граф (с 7.6.1808). Сын офицера. С 1799 ком. бригады, 1800 – дивизии. Отличился в сражении при Ауерштэдте (1806) и Ваграме (1809). Смертельно ранен в сражении при Валутиной Горе.

Гюйо (Guyot) Клод (5.9.1768–28.11.1837), франц. дивизионный генерал (16.12.1811), граф (1813). С 1809 2-й полковник гвард. конных егерей. В 1810 камергер Наполеона. В 1811 воевал в Испании. В 1812 ком. 1-й бригады гвард. кав. дивизии. Взят в плен при Кульме, обменян. С 1.12.1813 1-й полковник гвард. конных гренадер. Во время Ста дней ком. дивизии гвард. тяжелой кавалерии. С 1816 отправлен в отставку.

Даву (Davout) Луи Николя (10.5Л770–1.6Л823), франц. полководец, герцог де Ауэрштадт (2.7.1808), князь де Экмюль (15.8.1809), маршал Франции (19.5.1804). Сын офицера, однокашник Наполеона. В 1805–07 и 1809–10 командир III корпуса; одержал победу в сражения при Ауерштэдта 14.10.1806. В Отеч. войну 1812 командир I, с 1.7.1813 – XIII корпусов. Во время Ста дней с 20.3.1815 воен. министр Наполеона. 27.12.1815 лишен звания пэра и выслан под надзор полиции, но 27.8.1817 восстановлен на службе.

Даун (Daun) Леопольд фон (24.9.1705–5.2.1766), австр. военачальник, граф, князь Тиано, фельдмаршал (1754). В 1758–63 командовал австрийскими войсками во время Семилетней войне. В 1762–66 през. Гофкригсрата.

Дезе, дес Э де Вуагу (des Aix de Veygoux) Луи (17.8.1768–14.6.1800), франц. дивизионный генерал (20.10.1793). С 19.4.1797 команд, центром Рейнской армии, с 14.10.1797 – левым крылом армии Германии. В Египетском походе ком. дивизии. Его дивизия решила исход сражение при Маренго, но сам Дезе погиб в этом бою.

Демику (Demicoude) Томас (ум. 12.7.1759), рус.

военачальник, ген. – поручик (1.1.1759). Швейцарец. С 1750 на рус. службе. Отличился в сражении при Цорндорфе, где командовал кирасирской бригадой. В сражении при Пальциге, где командовал резервом; при отражении атаки прусских кирасир погиб в рукопашном бою.

Демон (Demont) Жозеф (29.9.1747–5.5.1826), франц. дивизионный генерал (21.12.1805), граф (с 26.4.1808). Отличился в сражении при Экмюле (1809). В 1814 руководил обороной Страсбурга. Входил в состав трибунала, приговорившего к смерти М. Нея (1815).

Деруа (Deroy) Бернгардт (11.12.1743–23.8.1812), баварский ген. пехоты (1.1.1811), граф (27.8.1812). Сын генерала. Служил в баварской армии. В 1800 ком. бригады; при Гогенлиндене взят в плен французами. В 1805 ком. дивизии в корпусе Даву. В 1806–07 ком. 1-й баварской дивизии, в 1809 – 3-й баварской дивизии во франц. армии. С 1.1.1811 ген. – инспектор и комендант Нижней Баварии и Верхнего Пфальца. В 1812 ком. I баварского корпуса, преобразованного затем в 19-ю пех. дивизию VI корпуса Вел. армии. Смертельно ранен в бою под Полоцком.

Домон (Domon) Жан Симон (2.3.1774–5.7.1830), франц. ген.-л. (19.8.1814), виконт (с 29.3.1823). В 1812 адъютант И. Мюрата, ком. бригады легкой кавалерии I корпуса; отличился при Бородино. Во время Ста дней ком. 3-й дивизией легкой кавалерии; ранен при Ватерлоо. При Бурбонах ген. – инспектор кавалерии, ком. драгунской дивизии.

Дона-Шлодин (Dohna-Schlodien) Кристоф II цу (25.10.1702–19.5.1762), бургграфиграф, прус. ген.-л. (1751). Сын генерала. Сделал воен. карьеру во время Силезских войн. В 1757 командовал авангардом корпуса Ю. фон Левальдта, направленного против рус. армии. Во время сражения при Цорндорфе командовал крылом прус, армии. С нояб. 1757 по нач. 1759 команд, войсками в Силезии.

Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1.9.1759–14.11.1816), рус. ген. от инфантерии (19.4.1810). С 1799 инспектор пехоты Киевской инспекции. В сражении при Аустерлице (1805) командовал дивизией и 1-й колонной. В 1806–07 ком. 7-й пех. дивизии. С окт. 1809 ком. VI пех. корпуса. С марта 1813 команд, войсками в вел. герцогстве Варшавском. С июля 1813 ком. корпусом в составе Польской армии, а при вступлении армии в Богемию возглавил левое крыло. В 1815 ком. 3-го пех. корпуса.

Дризен (Driesen) Георг Вильгельм фон (8.6.1700–2.11.1758), прус. ген.-л. В 1-ю Силезскую войну с 1744 командовал кирасирским полком. В Семилетнюю войну командовал крупными кав. соединениями в армии Фридриха Великого.

Друэ (Drouet) Жан Батист (29.7.1765–25.1.1844), франц. военачальник, граф д'Эрлон (28.1.1809), маршал Франции (9.4.1843). В 1805–06 ком. дивизии. 8.10.1809–17.5.1810 ком. баварского (VII), с 20.8.1810 – IX, с 9.4.1811-7.2.1812 – V КорпусоВ. С 23.10.1812 команд. Центр, армией. В 1813–14 ком. корпуса. Во время Ста дней ком. I корпуса. 10.8.1816 заочно приговорен к смертной казни. 28.5.1825 амнистирован. 27.7.1834–8.8.1835 ген. – губернатор Французской Сев. Африки.

Друэ д'Эрлон (Drouet d'Erlon) Жан Батист (29.7.1765–25.1.1844), франц. военачальник, граф д'Эрлон (28.1.1809), маршал Франции (9.4.1843). С авг. 1805 ком. дивизии армии. С 29.5.1807 нач. штаба корпуса Ж. Ланна, тяжело ранен при Фридланде. С 8.10.1809–17.5.1810 ком. VII (баварского) корпуса. С 20.8.1810 ком. IX, с 9.4.1811 – V корпуса (Испания и Португалия). С 7.2.1812 ком. 5-й пех. дивизии, с 23.10.1812 команд. Центр, армией. С 16.7.1813 ком. корпуса. Один из организаторов бонапартистского мятежа. Во время Ста дней ком. I корпуса; крайне неудачно действовал при Линьи и Картр-Бра, отличился при Ватерлоо. 10.8.1816 заочно приговорен к смертной казни. В 1825 амнистирован. 27.7.1834–8.8.1835 ген. – губернатор Французской Сев. Африки.

Дюпон (Dupont) Пьер (4.7.1765–9.3.1840), франц. дивизионный генерал (2.5.1797), граф де л'Этан (4.7.1808). С 23.6.1800 посол в Пьемонте. В 1800 командовал правым крылом армии во Флоренции и Тоскане. 22.1.1801–22.3.1802 команд, армией Италии. С 30.8.1803 ком. 1-й дивизии. С 15.9.1807 главнокоманд. в Берлине. С 3.11.1807 ком. II обсервационного корпуса в Испании. 21.7.1808 попал в окружение и капитулировал. Предан Воен. суду, разжалован и заключен в тюрьму. 3.4–3.12.1814 воен. министр Временного правительства и Бурбонов. В 1816–30 член Палаты депутатов.

Дюрют (Durutte) Пьер (13.7.1767–18.4.1827), франц. дивизионный генерал (27.8.1803), граф (с 14.8.1813). С 1800 ком. бригады, с 1809 – дивизии. В 1813 при Калише спас корпус ген. Ж. Ренье от уничтожения. С 13.1.1814 губернатор Меца. Во время Ста дней ком. 4-й дивизии I корпуса; при Ватерлоо выказал выдающуюся храбрость, ядром ему оторвало кисть правой руки. С 1815 в отставке.

Евгений (Eugen) принц Савойский-Кариньян (18.10.1663–21.4.1736), австр. генералиссимус. Из франц. аристократии. С 1690 команд, австрийскими войсками в Италии; в 1697 разбил турок при Зенте. Во время войны за Испанское наследство главнокоманд. в Италии. С 1703 през. Гофкригсрата. В 1716 разбил турок при Нови-Саде. В 1716–24 штатгальтер Австрийских

Нидерландов. В войну за польское наследство 1734–35 нек-рое время также был главнокомандующим.

Елачич де Бужим (Jellacic de Buzim) Франц (1746–4.2.1810), барон, австр. фельдмаршал-лейтенант (1800). С 1774 ком. хорватского стрелк. корпуса. В кампанию 1805 ком. корпуса. С нач. кампании 1809 корпус Е. направлен в Тироль и подчинен эрцгерцогу Иоанну Двинувшись на соединение с Иоанном, Е. был разбит при Сен-Микеле.

Елизавета Петровна Романова (18.12.1709–25.12.1761), императрица всероссийская (с 25.11.1741). Дочь императора Петра I.

Жерар (Gerard) Этьен (4.4.1773–17.4.1855), франц. военачальник, барон (с 3.5.1809), маршал Франции (17.8.1830). Сын прево. С 31.12.1806 ком. бригады; отличился в сражении при Смоленске. С 19.8.1812 ком. дивизии; отличился при Бородине, Малоярославце и Березине, тяжело ранен в «Битве народов» при Лейпциге (18.10.1813). С 29.12.1813 команд, резервом в Париже, с 18.2.1814 ком. II корпуса. Во время Ста дней стал ком. IV корпуса Армии Бельгии. С 1827 чл. Палаты депутатов. С 11.8.1830 воен. министр. С 4.8.1831 команд. «Армией вторжения», во главе к-рой разгромил голландцев 18.7–19.10.1834 воен. министр, 4.2.1836–11.12.1838 и 21.10.1842–25.2.1848 вел. канцлер Поч. Легиона. С 11.12.1842 главнокоманд. Нац. гвардией. С 26.1.1852 сенатор.

Жером Бонапарт (Jerome Bonaparte) (9.11.1784–24.6.1860), маршал Франции (1.1.1850), принц Франции (24.9.1806), князь де Монфор (7.6.1816). Мл. брат Наполеона. С 1800 служил на флоте. С 8.10.1806 ком. 2-й баварской дивизии, с 5.1.1807 – IX корпуса Вел. армии. 7.7.1807–26.10.1813 король Вестфалии. 1.4–16.7.1812 ком. VIII (вестфальского) корпуса. Во время Ста дней ком. 6-й дивизии. С 23.12.1848 губернатор Дома инвалидов, с 28.1.1850 през. Сената, с 29.12.1852 поч. губернатор Дома Инвалидов.

Жирар (Girard) Жан Батист (21.2.1775–27.6.1815), франц. дивизионный генерал (20.9.1809), барон (26.10.1808). С 1.4.1807 ком. бригады, с 18.11.1809 – дивизии. С 4.5.1812 ком. 28-й (польской) дивизии; отличился при Смоленске и Березине. С 5.3.1813 ком. пех. дивизии. Во время Ста дней ком. 7-й дивизии. Смертельно ранен в бою.

Жозефина де Богарне (Beauhamais), урожденная Мари Роз Жозефа Таше де ла Пажери (Tascher de La Pagerie) (23.6.1763–29.5.1814), императрица Франции (с 18.5.1804), в 1779–94 супруга виконта Александра де Богарне (казнен якобинцами), с 1796 супруга Наполеона (развод 16.12.1809).

Жомини (Jomini) Антуан (6.3.1779–24.3.1869), франц. и рус.

воен. теоретик, барон (с 27.7.1808), бригадный генерал франц. службы, ген.-л. рус. службы (1813). В 1812 губернатор Вильны, затем Смоленска. В 1813 перешел на рус. службу.

Журдан (Jourdan) Жан Батист (29.4.1762–23.11.1833), маршал Франции (19.5.1804), граф (с 1816). Сын цирюльника. В 1793 команд. Сев., с 1794 – Самбро-Мааской армиями. С 14.10.1798 команд. Майнцской (с 7.3.1799 Дунайской) армией. 25.3.1799 разгромлен при Штоккахе и снят. С 17.3.1806 губернатор Неаполя, в 1808–09 и 1811–12 нач. штаба Армии Испании. С 1830 губернатор Дома Инвалидов.

Зейдлиц-Курцбах (Seydlitz-Kurzbach) Фридрих Вильгельм фон (3.2.1721–8.11.1773), барон, прус. ген. кавалерии. Сын офицера. Во время Семилетней войны с июня 1757 командовал конницей армии Фридриха II. Прославился своими действиями в сражениях под Росбахом и Цорндорфом. Был известен своим рыцарским характером и заботливым отношением к солдатам.

Иоанн Габсбург (Johann) (20.1.1782–11.5.1859), эрцгерцог Австрийский. Брат имп. Франца I. Владел Штирией и Тиролем и считался «некоронованным королем Альп». С июня 1800 команд. Дунайской армией; 3.12.1800 разбит при Гогенлиндене. В 1805 команд, войсками в Сев. Италии. В 1809 команд. Юж. (Итальянской) армией. Во время рев-ции 1848 Фердинанд I покинул и Вену назначил И. правителем империи. С 29.6.1848 по июль 1849 правитель Германии.

Канитц (Kanitz) Ганс Вильгельм фон (1692–1775), прус. ген.-л. В 1750–69 шеф 2-го пех. полка. Отличился во время Силезских войн и Семилетней войны; командовал крыльями прус, армии в различных сражениях.

Карл V Габсбург (Carolus V) (24.2.1500–21.9.1558), эрцгерцог Австрии (1519–21), король Кастилии и Арагона (1516–56), король Германии (1519–20), император Священной Римской империи (1520–58). Сын Филиппа Габсбурга герцога Бургундского. самый могущественный монарх своего времени и всего XVI в.

Карл XII Виттельсбах-Пафльц-Цвейбрюккен (Karl XII) (27.6.1682–30.11.1718), король Швеции (с 5.4.1697). Сын короля Карла XI. С 1700 вел нескончаемые войны с соседями, добился ошеломляющих успехов и завоевал славу самого прославленного полководца своего времени. Потерпел поражение в Полтавской битве (1709), после чего бежал в Бендеры. Погиб при осаде крепости Фредрикстен (Норвегия).

Карл Александр Лотаринский и Барский (Lothringen und Bar) (12.12.1712–4.7.1780), австр. фельдмаршал (22.11.1740). В 1761–80 вел. магистр Тевтонского ордена. Брат Франца, супруга императрицы Марии Терезии. С 1749 губернатор и ген. – капитан

Австрийских Нидерландов. После нач. Семилетней войны назначен команд, австр. армией. Потерпел поражение при Лейтене, после чего вышел в отставку.

Карно (Carnot) Лазар (13.5.1753–2.8.1823), франц. военный деятель, граф (с 20.3.1815), дивизионный генерал (25.1.1814). С 1792 чл. Конвента, голосовал за казнь короля Людовика XVI. С 1793 чл. Комитета общей обороны, Комитета общественного спасения. В 1793–95 единолично руководил франц. армией. С 5.11.1795 чл., 30.4–29.7.1796 и в июне – авг. 1797 през. Директории. 2.4–8.10.1800 воен. министр. Во время Ста дней министр внутр. дел Наполеона. В 1815 изгнан из Франции.

Кафарелли дю Фалга (Caffarelli du Falga) Огюст (7.10.1766–23.1.1849), франц. дивизионный генерал (1.2.1805). В 1805–06 ком. 1-й дивизии III корпуса. С марта 1806 воен. министр Итальянского королевства. В июле – дек. 1811 команд, войсками в Бискайе и Наварре. С янв. 1812 ком. дивизии Сев. армии в Испании. 13.4–17.10.1812 команд. Сев. армией. В 1813–14 ком. корпуса Нац. гвардии.

Кейт (Keith) Джеймс (Якоб, Яков Вилимович) (11.6.1696–14.10.1758), рус. ген. – аншеф (1737), прус. ген. – фельдмаршал (18.9.1747). Из знатной шотландской семьи. В 1728–47 на рус. службе, в 1738–41 наместник Малороссии, с 1744 комендант Ревеля. С 1747 на прус, службе, с 1749 губерантор Берлина; один из ближайших советников Фридриха II. Погиб в сражении при Хохкирхе.

Келлерман (Kellermann) Франсуа (28.5.1735–13.9.1820), франц. военачальник, герцог де Вальми (3.6.1808), поч. маршал Франции (19.5.1804). Сын юриста. С 20.8.1792 команд. Центр, (с 1.10.1792 – Мозельской), с 11.11.1792 – Альпийской армиями. 12.10.1793 арестован, освобожден после падения М. Робеспьера. С 3.3.1795 команд. Альпийской и Итальянской армиями. С 15.9.1798 ген. – инспектор кавалерии, с 24.12.1799 сенатор. С 1801 през. Сената. С 17.9.1805 ком. III резервного корпуса. С 25.11.1808 команд. Резервной армией Испании. С 8.5.1809 ком. наблюдательного корпуса на Эльбе. В сент. – дек. 1809 команд. Сев. армией. В янв. – нояб. 1813 ком. Рейнского наблюдательного корпуса.

Келлерман (Kellermann) Франсуа Этьен (2.8.1770–2.6.1835), франц. дивизионный генерал (5.7.1800), герцог Вальми (с 12.9.1820). Сын маршала Ф. Келлермана. С 1800 ком. кав. бригады, сыграл важнейшую роль в победе при Маренго (1800). С 1805 ком. кав. дивизии, затем – кавалерии корпуса и вновь дивизии. С 7.6.1813 ком. IV, с 13.2.1814 – VI кав. корпусов, во время Ста дней – 3-го кав. (кирасирского) корпуса.

Кинмайер (Kienmayer) Микаэль фон (17.1.1755–28.10.1828), барон, австр. ген. кавалерии (31.7.1809). С 1799 ком. дивизии в Германской армии. С 1802 команд, воен. округом в Торгау. С авг. 1805 ком. корпусом на Лехе. При Аустерлице возглавлял авангард австр. армии. В 1806–08 ком. дивизии, в 1809 – II резервного корпуса. С 1809 главнокоманд. в Богемии и ген. – инспектор кавалерии. В 1813 команд, войсками в Галиции, в 1814–19 – в Трансильвании, в 1820–24 – в Брюне.

Кио дю Пассаж (Quiot du Passage) Жоашен (9.2.1775–12.1.1849), франц. ген.-л. (30.7.1823), барон (с 21.12.1808). С сент. 1808 служил в Испании, был неск. раз ранен. С 13.6.1811 ком. бригады. В 1813 – в Германии; при Кульме тяжело ранен и взят в плен. Во время Ста дней ком. 1-й бригады 1-й пех. дивизии; сражался при Ватерлоо. С 1831 в отставке.

Клаузевиц (Clausewitz) Карл фон (1.7.1780–16.11.1831), прус, воен. теоретик и воен. историк, ген.-м. (1818). Служил в прус., в 1812–14 – в рус. армиях. В кампанию 1815 нач. штаба III прус, корпуса.

Кнезебек (Knesebeck) Карл Фридрих фон дем (5.5.1768–12.1.1848), прус. ген. – фельдмаршал (9.10.1847). В 1806–07 состоял при гл. квартире рус. армии, а в 1812 и 1813 направлялся для переговоров к императору Александру I. С 1813 ген. – адъютант короля Фридриха Вильгельма III. С 1831 команд, войсками в Польше.

Коловрат-Краковски (Kolowrat-Krakowsky) Иоанн Карл (21.12.1748–5.6.1816), граф, барон фон Угезд, австр. фельдмаршал (11.9.1809). Службу начал в 1766 в кавалерии. С 13.7.1800 некоторое время командовал разбитой французами армией в Германии. С аир. 1801 член Гофкригсрата. В 1803–09 и 1813–15 главнокоманд. в Богемии. В 1809 ком. II корпуса. После Ваграма прикрывал отступление австр. армии.

Конде Великий (le Grand Condé) Луи II де Бурбон-Конде (8.9.1621–11.12.1686), принц де Конде, герцог де Бурбон, д'Энгиен, де Монморанси, де Шатеру, де Бельгард, де Фронзак, граф де Санкер и Шароле, франц. генералиссимус. Сын принца де Бурбон-Конде. 19.5.1643 одержал победу над испанцами при Рокруа. С 1655 команд, армией в Германии, с 1647 – в Каталонии, в 1648 – в Голландии. Встал во главе Фронды и в 1653 бежал к испанцам. В 1659 вернулся во Францию. В 1668 завоевал Франш-Конте. В 1672–73 команд, войсками в Голландии. В 1675 команд, франц. армией в Эльзасе.

Константин Павлович (27.4.1779–15.6.1831), вел. князь, цесаревич (с 28.10.1799), генерал-адъютант. Брат имп. Александра I. В 1797–1831 инспектор всей кавалерии. С июня

1798 гл. нач. кадетских корпусов. Участник Итальянского и Швейцарского походов А.В. Суворова. В кампании 1805 и 1806–07 командовал Гвардией. В 1812 ком. V (резервного) пех. корпуса. В 1813 вновь командовал Гвардией. С апр. 1814 главнокоманд. Польской армией. Умер от холеры.

Ла Пуап, Корну Ла Пуап (Cornu La Poype) Жан Франсуа де (31.5.1758–27.1.1851), барон (29.1.1812), франц. дивизионный генерал. Из дворян. С 8.1.1799 команд, войсками в Пьемонте, затем губернатора Генуи. В 1799–1801 ком. дивизии в Италии. В 1803–06 находился в англ. плену. С 12.3.1813 губернатор Вюртемберга; 13.1.1814 капитулировал. Во время Ста дней губернатор Лилля.

Ланжерон Александр Федорович де (13.1.1763–4.7.1831), граф (с 29.5.1799), рус. ген. от инфантерии (22.8.1811). Из аристократического франц. рода. С 1790 на рус. службе. С 12.8.1800 инспектор пехоты Брестской инспекции. В сражении при Аустерлице командовал колонной из 6 пех. полков. В 1808 ком. корпуса Дунайской армии. С 5.8.1810 нач. 22-й пех. дивизии. В 1812 ком. корпуса в армии П.В. Чичагова. С 10.11.1815 Херсонский воен. губернатор, Одесский градоначальник, 25.5.1820–7.5.1823 гл. нач. Юж. губерний. В 1828–29 команд, войсками в Вел. и Малой Валахиях. Умер от холеры.

Ланн (Lannes) Жан (10.4.1769–31.5.1809), франц. военачальник, герцог де Монтебелло (15.6.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын крестьянина. С 16.4.1800 команд. Консульской гвардией. С 10.5.1800 команд, авангардом Резервной армии в Италии. С 14.11.1802 посол в Португалии. С23.8.1805 ком. Укорпуса. С 5.5.1807 ком. Резервного корпуса. С 8.1.1809 ком. III и V корпусов Армии Испании, с апр. 1809 – II корпуса Армии Германии. Смертельно ранен в сражении при Эсслинге.

Ласси (Lacy) Франц Мориц фон (21.10.1725–24.11.1801), граф, австр. фельдмаршал (15.2.1766). Сын ген. – фельдмаршала рус. службы П. Ласси. С 1743 на австр. службе. Во время Семилетней войны ком. корпуса. С 1762 команд, крылом австр. армии. С 1763 ген. – инспектор пехоты. В 1766–74 през. Гофкригсрата.

Лаудон (Laudon) Эрнст Гидеон фон (13.2.1717–14.7.1790), австр. фельдмаршал (1778), барон (1758). Из лифляндско-шотландской семьи. С 1732 на рус., с 1742 – на австр. службе. Отличился при Кунерсдорфе (1759). С 1759 ком. корпуса; 15.8.1760 разбит под Лигницем. С 1769 главнокоманд. в Моравии; участник Войны за баварское наследство. В 1788–89 главнокоманд. войсками в войне против Турции. В 1790 команд, армией, направленной против Пруссии.

Легран (Legrand) Клод (23.2.1762–9.1.1815), франц. дивизионный генерал (20.4.1799), граф (10.3.1808). С 30.4.1799 ком. дивизии. 18.7.1801–27.2.1802 команд. 27-м воен. округом. С 26.3.1803 ген. – инспектор пехоты. С 30.8.1803 командир 3-й дивизии. С 12.10.1808 ком. дивизии на Рейне, 23.2.1809–1.12.1810 – 1-й дивизии 4-го корпуса. С 30.8.1811 ген. – инспектор пехоты. С 25.11.1811 ком. 6-й пех. дивизии. С 21.10.1812 ком. II корпуса. Был тяжело ранен, с 5.4.1813 сенатор.

Лесток (l'Estocq) Антон Вильгельм фон (18.6.1738–1.1.1815), прус. ген. от кавалерии (1814). Сын офицера. Был адъютантом Г. Цитена. С 1803 команд, в Новой Вост. Пруссии. В кампанию 1806–07 ком. резервного корпуса. В 1807 команд, войсками в Восточной Пруссии. В 1807–09 губернатор Берлина. С 1813 губернатор Бреслау.

Лефевр (Lefebvre) Франсуа (25.10.1755–14.9.1820), франц. военачальник, герцог Данцигский (10.9.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын мельника. В 1794 ком. дивизии, отличился в сражении при Флерюсе. В 1799 команд. Дунайской армией. Поддержал переворот Наполеона. С 1.4.1800 сенатор. С 19.9.1805 ком. Резервного корпуса, с 4.9.1806 – V корпуса Армии Германии. 5.10.1806 команд, пехотой Имп. гвардии. С 23.1.1807 ком. X корпуса Вел. армии; провел осаду Данцига. С 7.9.1808 ком. IV корпуса Армии Испании, с 14.3.1809 – VII корпуса Армии Германии. В мае – окт. 1809 команд. Армией Тироля. В 1812 команд. пехотой Старой гвардии.

Лефевр-Денует (Lefebyre-Desnouettes) Шарль (14.9.1773–22.4.1822), франц. дивизионный генерал (28.8.1808), граф (19.3.1808). С 5.11.1806 ком. баварской кав. бригады, с 18.11.1807 – на вестфальской службе. 19.3–2.10.1808 нач. штаба корпуса маршала Бесьера в Испании. С 3.11.1808 ком. гвард. конно-егерей; с дек. 1808 по май 1812 в англ. плену. С 25.11.1813 команд, кавалерией Молодой гвардии. С 17.3.1814 ком. дивизии. Во время Ста дней ком. дивизии легкой кавалерии Старой гвардии. 11. 5.1816 заочно приговорен к смертной казни.

Лихтенберг (Lichtenberg) Георг Кристоф (1.7.1742–24.2.1799), нем. ученый и публицист. Сын пастора, проф. физики и астрономии Геттингенского ун-та, читал знаменитый курс лекций по экспериментальной физике; автор большого числа афоризмов.

Лихтенитейн (Lichtenstein) Йохан Иосиф фон (26.6.1760–24.4.1836), князь и правитель Лихтенштейна, герцог Тропау и Ягенрндорф, австр. фельдмаршал (1809). Сын князя Франца Иосифа. Заслужил славу выдающегося кав. начальника. Сыграл важную роль в победе армии А.В. Суворова над франц. армией

Требии. В 1800 ком. резервного корпуса. С нояб. 1805 ком. корпуса; после разгрома рус. – австр. армии при Аустерлице направлен 3.12.1805 к Наполеону для ведения переговоров и 6.12.1805 подписал предварительные условия мирного договора. В кампанию 1809 ком. I резервного корпуса. С 30.7.1809 команд. армией. 14.10.1809 заключил с французами мир в Шенбрунне.

Ллойд (Lloyd) Генри (ок. 1720–19.6.1783), англ. воен. историк и теоретик, ген.-м. рус. службы, автор работ по истории Семилетней войны.

Лобау, см. Мутон.

Людвиг Габсбург (Lüdwig) (13.12.1784–21.12.1864), эрцгерцог Австрийский, фельдцейхмейстер. Сын императора Леопольда II. В кампанию 1809 ком. V корпусом и был разбит при Абенсберге. В 1816–17 вместе с эрцгерцогом Иоанном был направлен с миссией в Великобританию и Францию. Пользовался большим влиянием при императоре Фердинанде I, вместе с Меттернихом и Коловратом составлял триумвират противников реформ.

Людовик XIII Бурбон (Louis XIII) (27.9.1601-14.5.1643), король Франции и Наварры (с 14.5.1610). Сын короля Генриха IV. При нем власть фактически находилась в руках кардинала А. Ришельё.

Людовик XIV Бурбон (Louis XIV) (5.9.1638–1.9.1715), король Франции и Наварры (с 14.5.1643). Сын короля Людовика XIII. считался самым блестящим монархом своего времени и самым влиятельным человеком в Европе.

Люксембург (Luxembourg) Шарль Франсуа (31.12.1702–18.5.1764), маршал Франции (24.2.1757), герцог де Пине-Люксембург, герцог де Монморанси-Бофор, принц д'Эгремон и Тингри, граф де Бутвиль, да Лас, де Дангу и де Люкс. С 1726 губернатор Нормандии.

Лютер (Luther) Мартин (10.11.1483–18.2.1546), нем. богослов; перевел на нем. язык Библию, став одним из инициаторов Реформации.

Мак (Mack) Карл (24.8.1752–22.10.1828), барон фон Лейберих, австр. фельдмаршал-лейтенант (1796). Сын чиновника. В 1798–1800 команд. Неаполитанской армией. С 1804 главнокоманд. в Тироле, Италии и Далмации. В 1805 ген. – квартирмейстером при эрцгерцоге Карле, с авг. 1805 – при императоре. С нач. кампании 1805 нач. штаба при эрцгерцоге Фердинанде. 17.10.1805 капитулировал; приговорен к смертной казни, замененной 2-летним заключением в крепости и лишением всех чинов. В 1814 восстановлен в армии.

Макиавелли (Machiavelli) Никколо (3.5.1469–21.6.1527), итальянский философ и гос. деятель. Автор труда «Государь»

(1532), а также ряда воен. – теоретических работ.

Мак-Магон (Mac-Mahon) Патрис де (13.6.1808–17.10.1893), франц. военачальник, граф, герцог Маджента (1859), маршал Франции (5.6.1859). Воевал в Крыму в 1855, взял Малахов курган. В войну с Австрией в 1859 одержал победу при Маджженте. Во франко-прусскую войну 1870–71 команд, одной из армий, потерпел сокрушительное поражение. В 1871 руководил подавлением Парижской коммуны. 24.5.1873–30.1.1879 през. Франции.

Мальборо (Marlborough) Джон Черчилль (26.5.1650–16.6.1722), англ. генералиссимус, 1-й барон Сендриджский (с 1685), 1-й граф Мальборо (с 1689), 1-й герцог Мальборо (с 1702). Отличившийся во время Войны за испанское наследство. В 1702–11 и 1714–17 ген. – капитан.

Мантейфель (Manteuffel) Генрих фон (1696–10.7.1778), прус, ген.-л. Участник кампании 1715, 1-й и 2-й Силезских войн. В нач. Семилетней войны ком. пех. полка, в сражении при Праге ком. бригады. С сент. 1757 команд, войсками в Померании, с нач. 1759 – в Силезии. В янв. 1760 взят в плен шведами. В 1762 освобожден.

Марвиц (Marwitz) Фридрих фон дер (29.5.1777–6.12.1837), прус. ген.-л. (1826). Из дворян. С 1813 ком. Курмаркской бригады ландвера, затем ком. партизанского отряда. В 1815 ком. резервной кав. бригады, сражался при Линьи. С 1826 чл. Гос. совета.

Маргарон (Margaron) Пьер (1.5.1765–16.12.1824), франц. дивизионный генерал (16.8.1813), барон (с 29.1.1809). С 23.12.1798 ком. 1-го кав. полка. Был ранен при Аустерлице и Йене. В 1808–09 служил в Португалии, Испании. С 20.9.1813 губернатор Лейпцига и ком. кав. дивизии. В 1814–15 и 1816–21 ген. – инспектор жандармерии.

Масинисса (ок. 240 до н. э. – ок. 149 до н. э.), первый царь Нумидии. В качестве союзника Рима принимал участие в битве при Заме в ходе 2-й Пунической войны.

Массена (Massena) Андре (6.5.1758–4.4.1817), франц. военачальник, герцог де Риволи (19.3.1808), князь де Эслинг (31.1.1810), маршал Франции (19.5.1804). Сын лавочника. С 29.4.1799 команд. Дунайско-Гельветской, с 23.11.1799 – Итальянской (Лигурийской) армией. С 28.12.1805 команд. Неаполитанской армией. С 24.2.1807 ком. V, с 23.2.1809 – Обсервационного корпуса Рейнской армии, с 11.4.1809 – IV корпуса Армии Германии. 17.4.1810–10.5.1811 команд, армией, предназначенной для оккупации Португалии. Во время Ста дней команд. Нац. гвардией Парижа.

Массенбах (Massenbach) Кристиан (16.4.1758–20.11.1827),

прус, полковник. Сын обер-форшнейдера. С 1787 преподавал математику будущему прусскому королю Фридриху Вильгельму III. Автор большого числа военно-исторических работ. Прославился как воен. теоретик и, пользуясь покровительством короля, стал одним из ведущих военных авторитетов Пруссии, член Ген. – квартирмейстер-штаба. В кампанию 1806 ген. – квартирмейстер при Ф. Гогенлоэ, получил прозвище «злой гений Пруссии». Фактически возглавил командование армией и был разгромлен в сражении при Йене. С 1826 в отставке.

Мелас (Mêlas) Михаэль фон (12.5.1729–31.5.1806), австр. генерал кавалерии (1799). Сын пастора. С 1794 ком. корпуса, с 1799 – австрийских войск в составе армии А.В. Суворова, затем австрийской армии в Сев. – Зап. Италии. Потерпел поражение при Маренго (14.6.1800). С 1801 команд, войсками во Внутр. Австрии, в 1801–03 в Богемии.

Ментенон (Maintenon) Франсуаза д'Обинье (d'Aubigné) (27.11.1635–15.4.1719), маркиза (с 1675), вторая (морганатическая) жена короля Франции Людовика XIV (с 12.6.1684).

Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (Metternich-Winneburg-Beilstein) Кеменс Венцель фон (15.5.1773– 11.6.1859), австр. дипломат, граф фон Кёнигсварт, князь (с 1813), герцог Портелла (1818). С 1801 посланник в Саксонии, с 1803 – в Пруссии, с 1806 – во Франции. 8.10.1809–14.3.1848 министр иностр. дел; гл. организатор Венской системы устройства Европы (1815).

Мийо (Milhaud) Эд (10.7.1766–8.1.1833), франц. дивизионный генерал (30.12.1806), граф (с 10.3.1808). Сын земледельца. В 1803–05 команд, в Лигурии. С 20.10.1805 ком. бригады легкой кавалерии; отличился при Аустерлице. В 1808–12 воевал в Испании. С 1813 ком. кав. дивизии в Германии. С 11.11.1813 ком. V кав. корпуса; одержал победу при Сен-Круа (24.12.1813). Во время Ста дней ком. IV корпусом резервной кавалерии. В 1815–19 в изгнании.

Мовильон (Mauvillon) Якоб Элеазар де (8.3.1743–11.1.1794), нем. военный историк, инженер, подполк. прус, службы (1790); происходил из франц. дворян. Служил в ганноверской, саксонской, гессенской, прус, армиях.

Монбрен (Montbrun) Луи Пьер (1.3.1770–7.9.1812), франц. дивизионный генерал (9.3.1809), граф (с 15.8.1809). С 3.11.1806 ком. кавалерии IX, с 17.3.1807 – V, с 23.9.1808 – I корпуса. С 23.3.1809 ком. 2-й дивизии легкой кавалерии. С 17.4.1810 команд. кавалерии Португальской армии. С 15.2.1812 ком. II корпуса резервной кавалерии. Погиб в Бородинском сражении.

Монсей (Мопсеу) Бон Андре де (31.7.1754–20.4.1842), франц.

военачальник, герцог де Конельяно (2.7.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын адвоката. В 1794–95 команд. Зап. – Пиренейской армией, занял Наварру и земли басков. В 1800 ком. корпуса в Италии. С 16.12.1807 ком. наблюдательного (с 7.9.1808 – III) корпуса в Испании. В 1809 ком. резервного корпуса, в 1812 инспектор Нац. гвардии. С 8.1.1814 нач. штаба Нац. гвардии Парижа; прославился обороной Парижа в 1814. Во время Испанской кампании 1823 ком. IV корпуса. С 17.12.1833 губернатор Дома Инвалидов.

Монтекукколи (Montecuccoli) Раймондо (21.2.1609–16.10.1680), австр. полководец и воен. теоретик, фельдмаршал (1658), герцог Мельфи (1679). Сын итал. графа. Одержал ряд побед над шведскими и турецкими войсками. В 1668–80 през. австр. Гофкригсрата. Сторонник создания постоянной хорошо обученной армии и сильной артиллерии.

Моран (Morand) Шарль (4.6.1771–2.9.1835), франц. дивизионный генерал (24.12.1805), граф (с 12.10.1808). С 1801 ком. бригады; отличился при Аустерлице. С 14.2.1806 ком. дивизии, с 12.3.1806 нач. штаба Даву, с 12.10.1808 вновь ком. 1-й дивизии у Даву. С 17.3.1813 ком. 12-й дивизии, 16.11.1813–15.10.1814 – ком. IV корпуса. В 1815–19 в изгнании.

Мориц (Moritz) (21.3.1521–11.7.1553), курфюрст Саксонский (с 4.6.1547). Из Альбертинской линии Веттинов; сын герцога Генриха Саксонского. Изменил Шмалькальдскому союзу и поддержал Карла V, что обеспечило победу войск католической коалиции. Затем восстал против императора, фактически гарантировав дальнейшее существование Реформации в Германии. Был смертельно ранен в бою.

Мориц Саксонский (Maurice de Saxe) (28.10.1696–30.11.1750), франц. полководец и воен. теоретик, граф (1711), маршал Франции (1744). Внебрачный сын Августа I курфюрста Саксонского. Участвовал в Войнах за польское (1733–35) и австрийское (1740–48) наследства, с 1745 командовал франц. армией в боях с англо-голландскими войсками; одержал ряд побед, в т. ч. при Фонтенуа.

Моро (Moreau) Жан Виктор (14.2.1763–2.9.1813), франц. дивизионный генерал (1794). Сын адвоката. В 1796 команд. Рейнско-Мозельской армией, с 1798 ген. – инспектор пехоты. В 1799–1800 команд. Рейнской армией. В 1804 арестован по приказу Наполеона, затем уехал в США. В 1813 советник при Гл. квартире армий антифранц. коалиции. Смертельно ранен в сражении при Дрездене.

Мутон де Лобау (Mouton de Lobau) Жорж (21.2.1770–27.11.1838), франц. военачальник, граф (с 28.5.1809), маршал

Франции (30.7.1831). В 1805–07 и в 1809 адъютант Наполеона. В 1808–09 ком. пех. дивизии в Испании. Отличился в сражении при Асперне, Экмюле, Эсслинге, Ваграме. В 1812 глава группы ген. – адъютантов императора. С 3.9.1813 ком. I корпуса в Дрездене; 11.11.1813 капитулировал. Во время Ста дней ком. VI корпуса Сев. армии. В 1815–18 в изгнании. С 1828 чл. Палаты депутатов. С 26.12.1830 по 1931 главнокоманд. Нац. гвардией Сенны.

Мюрат (Murat) Иоахим (25.3.1767–13.10.1815), франц. военачальник, принц (1.2.1805), вел. герцог Клеве и Берг (15.3.1806), король Неаполитанский (с 15.7.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын владельца постоялого двора. С нояб. 1799 ком. Консульской гвардии. 20.1.1800 женился на сестре Наполеона Каролине. С 1.4.1800 команд, кавалерией Резервной армии. С 25.2.1801 команд. Юж. наблюдательной армией, с 15.1.1804 губернатор Парижа. С 30.8.1805 команд, резервной кавалерией Вел. армии. В февр. – марте 1808 команд. Армией Испании и наместник Испании. С мая 1812 команд, резервной кавалерией Вел. армии. 5.12.1812 Наполеон покинул армию, передав командование М., но тот 17.1.1813 самовольно оставил армию. 6–11.1.1814 подписал англо-австро-неаполитанскую конвенцию, в к-рой обязался начать вооруженную борьбу против Наполеона. Расстрелян по приговору Воен. суда.

Нансути де Шампьон (Naunsouty de Champion) Этьен Мари де (30.5.1768–12.2.1815), франц. дивизионный генерал (24.3.1803), граф (с 27.7.1808). Сын офицера. С 1800 ком. бригады. 23.9.1800–10.3.1801 команд, резервной кавалерией корпуса К. Лекурба. В 1802–04 команд, кавалерией Ганноверской армии. С 1805 ком. дивизии тяжелой кавалерии. С 15.2.1812 ком. I корпуса резервной кавалерии Вел. армии. С 14.1.1813 ген. – полковник драгун, с 29.7.1813 команд, кавалерией Имп. гвардии.

Наполеон I Бонапарт (Napoléon) (15.8.1769–5.5.1821), франц. полководец. После Франц. рев-ции руководил подавлением восстания в Тулоне (1793). С 23.2.1796 команд. Итальянской армией. В нояб. 1799 совершил гос. переворот, объявив себя 1-м консулом. С 18.5.1804 император французов, также был королем Италии (с 1805), протектором Рейнского союза (с 1806). После вступления войск антифранц. коалиции в Париж 11.4.1814 отрекся от престола. Он был сослан на о. Эльба. Вновь занял франц. престол 12.3.1815. После поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола 22.6.1815 и был сослан на о. Св. Елены.

Ней (Ney) Мишель (10.1.1769–7.12.1815), франц. военачальник, герцог де Эльхинген (19.3.1808), князь де ла Москва (7.9.1812), маршал Франции (19.5.1804). Сын бочара. В

1802 посол и главнокоманд. войсками в Швейцарии. С 23.8.1805 ком. VI корпуса Вел. армии, с 7.9.1808 – Армии Испании (с 17.4.1810 – Армии Португалии). В 1812–13 ком. III корпуса. Во время Ста дней присоединился к Наполеону. С 15.6.1815 команд, левым крылом армии Бельгии. После отречения Наполеона арестован. Расстрелян по приговору Палаты пэров.

Ньютон (Newton) Исаак (25.12.1642–20.3.1727), англ. физик, математик, астроном, один из создателей классич. физики. Разработал дифференциальное и интегральное исчисление, теорию цвета и др. математич. и физические теории.

Ожеро (Augereau) Пьер (21.10.1757–12.6.1816), франц. военачальник, герцог де Кастильоне (с 19.3.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын лакея. В Итальянском походе 1796–97 ком. дивизии. С 23.9.1797 команд. Самбро-Маасской и Рейнско-Мозельской армиями, с 28.9.1799 – Батавской армией. 30.5.1805 ком. VII корпуса, с 30.3.1809 – VIII корпуса Армии Германии, 1.6.1809 – VII корпуса в Испании. С 4.7.1812 ком. XI, с 18.6.1813 – IX корпусов. С 5.1.1814 команд. Ронской армией; 20.3.1814 был разбит при Лимоне. В 1814 одним из первых перешел на сторону Бурбонов.

Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович фон дер (20.10.1752–7.9.1837), рус. ген. – фельдмаршал (22.8.1826) князь (8.11.1832). Из курляндского баронского рода. Прикрывая отступление корпуса ген. А.М. Римского-Корсакова и при Цюрихе 15.9.1799, был тяжело ранен и взят в плен. В 1801 освобожден. В 1805 ком. корпуса; участвовал в сражениях при Пултуске, Янкове, Прейсиш-Эйлау, Лаунау, Гуттштадте; по донесению Л.Л. Бенигсена отстранен и отдан под суд. В 1812 ком. резервного корпуса 3-й Западной армии. В 1815 ком. III корпуса в Варшаве. 8.7.1818–7.3.1835 главнокоманд. 1-й армии, с 26.8.1818 одноврем. чл. Гос. совета.

Отт фон Баторкеш (Ott von Bâtorkéz) Карл Петер (1738–10.5.1809), барон, австр. фельдмаршал-лейтенант (1797). Службу начал в 1756 фенрихом в 57-м пех. полку. Участник Турецкой кампании и Семилетней войны. В 1792–94 сражался против франц. войск на Рейне и в Нидерландах. С 1796 воевал в Италии, в различных сражениях командовал крыльями армии. С апр. 1800 ком. корпуса. С 1801 команд, военным округом в Офене.

Пажоль (Pajol) Клод (3.2.1772–20.3.1844), франц. дивизионный генерал (7.8.1812), граф (с 25.11.1813). Сын адвоката, зять Ш. Удино. С 1799 ком. бригады. С 9.8.1812 ком. 2-й дивизии легкой кавалерии; отличился при Смоленске и Бородине, 9.9.1812 тяжело ранен под Можайском; прославился в сражении при Дрездене. В сент. – окт. 1813 ком. V кав. корпуса. Во время

Ста дней ком. I корпуса легкой кавалерии. С 1816 в отставке. С 3.9.1830 ком. I воен. округа и губернатор Парижа. С 29.10.1842 в отставке.

Пирх (Pirch) Георг Дубислав фон (13.12.1763–3.4.1838), прус, ген.-л. Сын генерала. С 1813 ком. 10-й бригады. С 9.5.1815 ком. II корпуса; сражался при Линьи и Ватерлоо. В 1815–16 ком. бригады в составе оккупационных войск во Франции.

Плутарх из Херонеи (ок. 45 – ок. 127), древнегреческий философ и писатель. С 95 жрец Аполлона в Дельфах.

Пржибышевский Игнатий Яковлевич (1755 – после 1810), рус. ген.-л. (4.6.1799). В 1793 после расформирования польской армии принят на рус. службу. В кампанию 1805 ком. 3-й колонной армии М.И. Кутузова. При Аустерлице 20.11.1805 его колонна была разгромлена, а сам П. взят в плен. Освобожден в 1807, обвинен в сдаче в плен и отдан под суд, но оправдан. Однако Александр I передал дело в Гос. совет, где он 31.10.1810 приговорен к разжалованию в рядовые с увольнением со службы.

Пьюисегюр (Puységur) Луи Пьер де Шастен (Chastenet) (20.12.1727-10.1807), граф, франц. ген.-л. (1781). 30.11.1788-12.7.1789 воен. министр. С 1792 в эмиграции; в 1804 вернулся во Францию.

Радецкий фон Радец (Radetzky von Radetz) Йохан (2.11.1766– 5.1.1858), граф, австр. фельдмаршал (17.9.1836). В 1831 команд, австрийскими войсками в Италии. С 1849 ген. – губернатор Ломбардо-Венецианского королевства. Считался самым крупным военачальником Австрии своего времени.

Ранке (Ranke) Леопольд фон (21.12.1795–23.5.1886), нем. историк. С 1841 официальный историограф Пруссии.

Релье (Reille) Оноре (1.9.1775–4.3.1860), франц. военачальник, граф (29.6.1808), маршал Франции (17.9.1847). Участвовал в экспедиции на Сан-Доминго, 2-й ком. экспедиционных войск. С 14.12.1805 ком. пех. бригады. 7.1–13.5.1807 нач. штаба V корпуса. С 29.6.1808 ком. корпуса в Испании. С дек. 1808 ком. дивизии (с перерывами). С 25.1.1812 ком. корпуса в Арагоне, 16.10–29.11.1812 команд. Армией Португалии, затем команд, правым крылом франц. армии. Во время Ста дней ком. II корпуса. С 1820 на высоких должностях при дворе. 30.7.1823 введен в состав Комитета по обороне, 17.2.1828 в Высший военный совет. С 26.1.1852 сенатор.

Рембов, Шабгински фон Рембов (Szabginsky von Rembow) Михаэль (1790–1809), австр. ген.-м., ком. бригады.

Риво (Rivaud) Оливье (10.2.1766–19.12.1839), франц. дивизионный генерал, граф де ла Рафинье (1814). Сын ген.-л. В 1800 ком. бригады, участник сражения при Маренго. С сент. 1805

ком. дивизии. Был тяжело ранен и в 1806 назначен ген. – губернатором Брауншвейга. С 1807 ком. дивизии в Богемии, оставил службу по контузии. В 1815–16 чл. Палаты депутатов. В 1824–30 главнокоманд. оккупационной армии в Испании.

Ришпанс (Richpance) Антуан (25.3.1770–3.9.1802), франц. дивизионный генерал (4.11.1799). Сын унтер-офицера. С 1797 ком. корпуса, с 1799 команд, резервной кавалерией Итальянской армии. В 1800–01 ком. дивизии. Сыграл главную роль в победе при Гогенлингене. С 4.3.1802 команд, экспедиционной армией, отправленной на Гваделупу, с правами ген. – капитана. Вскоре по прибытии на острова заболел и умер.

Розенберг-Орсини (Rosenberg-Orsini) Франц (18.10.1761–4.8.1842), имп. князь, австр. ген. кавалерии. В кампанию 1805 сыграл выдающуюся роль в победе при Кальдиеро. В кампанию 1809 ком. IV корпуса в составе армии эрцгерцога Карла. 21.5.1809 корпус Р. атаковал правый фланг гарнизона Эсслинга. В 1809 команд, в Ольмюце.

Рюхель (Rüchel) Эрнст фон (21.7.1754–13.1.1823), прус. ген. пехоты (11.7.1807). Сын капитана. С 30.1.1796 комендант Потсдама и инспектор Потсдамской пех. инспекции. С 1798 ген. – инспектор воен. – учебных заведений. С 17.8.1805 губернатор Кёнигсберга, Пиллау и Мемеля, нач. Вост. – прус. пех. инспекции. В кампанию 1806 одноврем. ком. корпуса. Его войска были разгромлены при Йене, а сам Р. тяжело ранен. В 1807 по требованию Наполеона уволен в отставку.

Сен-Илер Ле Блан (Saint-Hilaire Le Blond) Луи де (4.9.1766–5.6.1809), франц. дивизионный генерал (27.12.1799), граф (27.11.1808). С 24.12.1795 ком. 3-й бригады дивизии ген. Лагарпа. С 7.1.1797 комендант Лоди, с 16.5.1798 – Тулона. С 31.8.1803 ком. 3-й дивизии, с 12.10.1808 – 1-й дивизии Рейнской армии, с 30.3.1809 – 3-й дивизии II корпуса. Смертельно ранен в сражении при Эсслинге.

Сен-Сир, Гувийон Сен-Сир (Gouvion Sen-Cyr) Лоран (13.4.1764–17.3.1830), франц. военачальник, маркиз (с 21.8.1817), маршал Франции (27.8.1812). Сын мясника. С 1808 ком. V (VII) корпуса Армии Испании, в 1812 – VI корпуса Великой армии, в 1813 – XIV корпуса. 11.11.1813 интернирован австрийцами. С 1817 мор. министр и министр колоний, в 1817–19 воен. министр.

Сервилий (Servilius) Гней Гемин (ум. 2.8.216 до н. э.), римский политик и военачальник. Из аристократического рода. В 217 до н. э. избран консулом (вместе с Гаем Фламинием). В марте 217 до н. э. командовал флотом. В 216 до н. э. проконсул. Во время сражения при Каннах командовал центром римской армии; погиб в этом бою.

Сульт де Дье (Soult de Dieu) Николя (23.3.1769–26.11.1851), франц. военачальник, герцог Далмацкий (29.6.1808), маршал Франции (19.5.1804). Сын нотариуса. С 26.8.1805 ком. IV, с 3.11.1808 – II корпусов. С 16.9.1809 нач. штаба короля Испании Жозефа (фактич. команд, армией). 14.6.1810–1813 команд, армией Андалусии. С 6.7.1813 главнокоманд. франц. армиями в Испании и Пиренеях. Во время Ста дней нач. Гл. штаба Сев. армии. В 1816 изгнан из Франции, в 1819 помилован. В 1830 и 1840–45 воен. министра, в 1832–34 и 1839–45 пред. Совета министров, в 1839–40 министр иностр. дел.

Сципион Африканский (Scipio Africanus) Публий Корнелий Старший (235 до н. э. – 183 до н. э.), римский полководец. Прославился действиями в Африке и Сирии во время 2-й Пунической войны. С 199 до н. э. цензор, трижды принцепс сената, консул 205 и 194 до н. э.

Сюберви (Subervie) Жак Жерве (1.9.1776–10.3.1856), франц. ген.-л. (23.7.1814), барон (с 28.11.1809). В 1808-11 служил в Испании и Португалии. С 28.3.1812 ком. бригады легкой кавалерии; отличился и был тяжело ранен при Бородино. С 11.8.1813 ком. 9-й дивизии легкой кавалерии, в 1814 – кав. бригады. Во время Ста дней ком. 5-й кав. дивизии; сражался при Ватерлоо. 25.2–20.3.1848 воен. министр. С 1.1.1853 в отставке.

Сюше (Suchet) Луи Габриэль (2.3.1770–3.1.1826), франц. военачальник, герцог д'Альбуфера (24.1.1812), граф (19.3.1808), маршал Франции (8.7.1811). Сын богатого торговца. С 1805 ком. дивизии. С 5.4.1809 ком. III корпуса в Испании. С 15.11.1813 губернатор Каталонии. В апр. – нояб. 1814 команд. Юж. армией.

Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) Шарль Морис де (2.2.1754–17.5.1838), франц. гос. деятель, князь Беневентский (1806–1815), герцог Дино (с 31.8.1817). Из аристократической семьи. 2.11.1788–13.4.1791 епископ Отёнский. С 1789 депутат Ген. штатов. 15.7.1797–20.7.1799 министр иностр. дел Директории, 22.11.1799-9.8.1807 – Наполеона, 13.5.1814-20.3.1815 и 9.7–26.9.1815 – короля Людовика XVIII. 9.7–26.9.1815 премьер-министр. В 1830–34 посол в Англии.

Тауэнцин фон Виттенберг (Tauenzien von Wittenberg) Фридрих (15.9.1760–20.2.1824), прус. ген. пехоты (8.12.1813), граф (5.8.1791). Сын генерала. С 16.2.1793 флигель-адъютант короля Фридриха Вильгельма II. В кампанию 1806 ком. ударного корпуса. Под Йеной ком. дивизии. С 1808 ком. Бранденбургской бригады, с авг. 1811 губернатор Померании. В 1813 ком. блокадного корпуса Штеттина, с 18.7.1813 ком. IV корпуса. 13.1.1814 взял штурмом Виттенберг. 7.8.1814–1918 и с 1816 главнокоманд. в Бранденбургской марке и Померании. В 1815

ком. VI корпуса. С 3.4.1820 ком. III корпуса.

Темпельхоф (Tempelhoff) Георг Фридрих фон (19.3.1737–13.7.1807), прус. воен. теоретик и историк, ген.-л. (1802).

Тильман (Thielmann) Йохан Адольф фон (27.4.1765–10.10.1824), прус. – саксонский ген. кавалерии (март 1824), барон (с 1812). Сын крупного чиновника. В 1812 ком. саксонской кирасирской бригады во франц. дивизии Ж. Лоржа; отличился при Бородине. С 24.2.1813 губернатор Торгау. 1.7.1813 принят на рус. службу. Командовал прус. – австро-венгерско-казачьим партизанским отрядом. С марта 1814 ком. III (саксонского) корпуса. С апр. 1815 на прус, службе, ком. III корпуса (его нач. штаба – К. фон Клаузевиц). С 1816 команд, в Мюнстере, затем – в Кобленце (VIII корпус).

Торстенсон (Torstensson) Леннарт (17.8.1603–7.4.1651), граф, шведский военачальник, фельдмаршал (с 1641). Ближайший помощник Густава II Адольфа во время Тридцатилетней войны. В 1641–45 команд, шведской армией в Германии.

Трейчке (Treitschke) Генрих фон (15.9.1834–28.4.1896), нем. историк, лит. критик, автор «Истории Германии в XIX в.» (т. 1–5). С 1871 депутат герм. Рейхстага.

Тьерри (Thierry) Людвиг, австр. ген.-м. В сражении при Абенсберге 20.4.1809 командовал бригадой.

Тюренн (Turenne) Анри де Ла Тур д'Овернь (11.9.1611–27.7.1675), виконт, франц. полководец, главный маршал Франции (4.4.1660). Сын герцога Буйонского. Командовал армиями во время Тридцатилетней войны и во время Фронды.

Тюрро (Turreau) Луи Мари (4.7.1756–10.12.1816), франц. дивизионный генерал, барон (с 13.3.1812). Сын чиновника. 12.10–27.11.1793 команд, армией Вост. Пиренеев. С 29.12.1793 команд. Вост. армией. С 20.5.1794 губернатор Бель-Иля. 28.9.1794 арестован, но 19.12.1795 оправдан воен. трибуналом. С 1796 посланник в Швейцарии. В мае-июне 1800 воевал в Италии. В 1803–11 посол в США.

Удино (Oudinot) Шарль Николя (25.4.1767–13.9.1847), франц. военачальник, герцог де Реджио (14.4.1810), граф (2.7.1808), маршал Франции (12.7.1809). Сын владельца пивоварни. С 18.12.1801 ген. – инспектор кавалерии. С 29.8.1805 ком. сводно-гренадерской дивизии. С 5.12.1808 ком. корпуса Армии Германии, с 23.5.1809 – II корпуса. С 20.1.1810 команд. Армией Брабанта. С 29.2.1812 ком. II, в апр. – сент. 1813 – XII, с 8.2.1814 – VII корпусов. С 9.10.1815 команд. Нац. гвардией Парижа. С 12.2.1823 ком. I корпуса Пиренейской армии, с 29.7.1823 губернатор Мадрида. С 17.5.1839 вел. канцлер Поч. Легиона, с 21.10.1842 губернатор Дома инвалидов.

Фарнезе (Farnese) Алессандро (27.8.1545–3.12.1592), испанский полководец, герцог да Кастро, герцог Пармы и Пьяченцы (с 1586). С 1.10.1578 наместник Нидерландов; подавил восстания на бельгийских территориях, закрепив за Габсбургами фламандские провинции.

Фекье (Feuquières) Антуан де Па (16.4.1648–27.1.1711), франц. генерал, маркиз. Отличился уже в 1667 при осаде Дуэ, Турнэ, Лилля и др. После 1693 впал в немилость короля из-за придворных интриг. Оставил «Mémoires sur la guerre» (1731) – первое серьезное сочинение по воен. тактике.

Фемистокл (ок. 524 до н. э. – 459 до н. э.), афинский государственный деятель и полководец. Под его командованием греч. флот одержал победу над персами при Саламине (**480** до н. э.)

Фердинанд Брауншвейгский (Ferdinand von Braunschweig) (12.1.1721–3.7.1792), принц, прус. ген. – фельдмаршал (14.12.1758). Младший сын герцога Брауншвейгского, шурин короля Фридриха Великого. Во время Семилетней войны командовал объединенной армией союзников Пруссии.

Фердинанд Габсбург д'Эсте (Ferdinand) (25.4.1781–5.11.1850), эрцгерцог Австрийский, фельдмаршал. Внук Марии Терезии. В 1805 главнокоманд. на Дунайском ТВД. После разгрома при Ульме бежал в Богемию. С 22.10.1805 главнокоманд. в Богемии. В 1808–09 команд, ландвером в Богемии, Моравии и Силезии. В 1809 команд. Галицийской армии. В 1815 главнокоманд. в Венгрии. В 1832–46 наместник Галиции.

Фермор Виллим Виллимович (28.9.1702–8.2.1771), рус. военачальник, граф (с 14.9.1758), ген. – аншеф (20.9.1755). Сын ген.-м. В 1738 командовал авангардом армии Б.К. Миниха, в 1739 отличился в сражении при Ставучанах. Во время Семилетней войны взял Мемель. В 1758–59 команд, рус. войсками; взял Кёнигсберг и занял Вост. Пруссию. Безуспешно осаждал Данциг и

Кюстрин; командовал рус. войсками в сражении при Цорндорфе. В 1763–64 Смоленский ген. – губернатор; с 12.12.1764 сенатор.

Флемминг (Flemming) Йохан фон (1670–1733), саксонский воен. теоретик и воен. историк, барон. Был польским камергером и саксонским обер-лесничим.

Фолар (Folard) Жан Шарль де (13.2.1669–1752), франц. воен. теоретик и историк. Служил во франц. армии, с 1714 – на мальтийской, затем на швед, службе. Выдвинул теорию о преимуществе построения в колонны и линейной тактики.

Форкад (Forcade) Фридрих Вильгельм де (1698–23.3.1765), маркиз де Биакс, прус. ген.-л. Во время Силезских войн и Семилетней войны состоял с 17.7.1748 и до своей смерти шефом 23-го пех. полка.

Франц II (I) Габсбург (Franz II) (12.2.1768–2.3.1835), король Венгрии и Хорватии (1.3.1792–2.3.1835), король Богемии (1.3.1792–2.3.1835), император Священной Римской империи (5.7.1792–6.8.1806), император Австрии (11.8.1804–2.3.1835), през. Герм, союза (8.6.1815–2.3.1835). Сын императора Леопольда II.

Франциск I Валуа (François I) (12.9.1494–31.3.1547), король Франции (с 1.1.1515). Сын графа Карла Ангулемского; основатель ангулемской ветви династии Валуа. Вел бесконечные войны за доминирование в Европе. На его царствование пришелся расцвет французского Возрождения.

Фриан (Friant) Луи де (18.9.1758–24.6.1829), франц. дивизионный генерал (6.8.1800), граф (5.10.1808). В 1781–87 служил в гвардии. В 1789 поступил в Нац. гвардию. С 8.6.1795 губернатор Люксембурга. В 1800 команд, войсками в Верхнем Египте, с 6.9.1800 губернатор Александрии. В конце 1801 вернулся во Францию. В 1801–03 ген. – инспектор пехоты. С 1805 ком. дивизии; был тяжело ранен при Бородине. С июня 1813 ком. 4-й дивизии Молодой гвардии, с 29.7.1813 – дивизии Старой гвардии, с 16.11.1813 – 2-й, с февр. 1814 – 1-й дивизий Старой гвардии. Во время Ста дней ком. гвард. гренадер; при Ватерлоо возглавил последнюю атаку Старой гвардии.

Фридрих II Великий (Friedrich II. der Große) (24.1.1712–17.8.1786), король Пруссии (с 31.5.1740) из династии Гогенцоллернов. Сын короля Фридриха Вильгельма I. Успешно вел против Австрии серию войн (т. н. Силезские войны), принимал активное участие в разделах Польши. Также командовал прусскими войсками во время Семилетней войны и войны за баварское наследство 1778–79. За годы его правления территория Пруссии увеличилась вдвое.

Фридрих III Гогенцоллерн (Friedrich III) (18.10.1831–

15.6.1888), король Пруссии и император Германии (с 9.3.1888), прус. ген. – фельдмаршал (28.10.1870). Сын императора Вильгельма I. С 2.1.1861 кронпринц; во время австро-прусской войны 1866 командовал 2-й армией, во время франко-прусской войны 1870–71 – 3-й армией.

Фридрих Карл Гогенцоллерн (Friedrich Karl) (20.3.1828–15.6.1885), принц Прусский, прус. ген. – фельдмаршал (28.10.1870). Племянник императора Вильгельма I. Во время войны с Данией (1864) главнокомандующий армии в Шлезвиг-Гольштейне, затем всех войск; во время австро-прусской войны 1866 командующий 1-й армией, франко-прусской войны 1870–71 – 2-й армией. С 1871 ген. – инспектор III армейской инспекции и инспектор кавалерии.

Фуа (Foy) Максимильен (3.2.1775–25.11.1825), франц. дивизионный генерал (1812), граф (с 15.5.1815). В 1806 нач. артиллерии корпуса. В 1806 направлен в Турцию для обеспечения защиты Черноморских проливов. С 1807 воевал в Португалии. В 1812 при Саламанке после ранения Мармона принял командование армией, затем командовал правым крылом. В 1813 ком. корпуса в Испании; в февр. 1814 тяжело ранен. Во время Ста дней ком. 9-й пех. дивизии; ранен при Ватерлоо. В 1816–19 ком. дивизии. С 11.9.1819 чл. Палаты депутатов.

Фукэ (Fouqué) Генрих Август де ла Мот (4.2.1698–3.5.1774), прус. ген.-л. (22.1.1751) Во время Семилетней войны отличился при Праге, Лансхуте, Лейтене и Хабельшвердте. 23.6.1760 при Ландсхуте его корпус потерпел сокрушительное поражение, а сам Фукэ был взят в плен.

Хиллер фон Гэртринген (Hiller von Gärtringen) Иоанн фон (10.6.1755–5.6.1819), барон, австр. фельдцейхмейстер (1809). Сын офицера. С 1796 ком. бригады, действовал совместно с рус. войсками А.В. Суворова. В 1805 команд, в Тироле и Форарльберге. В кампанию 1805 ком. дивизии. В кампанию 1809 ком. VI корпуса. При Асперне командовал правым крылом австр. армии. С 1813 команд, войсками Внутр. Австрии, затем Итальянской армии. С марта 1814 команд, войсками в Галиции.

Хильдбургхаузен, Саксен-Хильдбургхаузен (Sachsen-Hildburghausen) Йозеф (8.10.1702–14.1.1787), принц, австр. фельдмаршал (18.4.1744). Младший сын правящего герцога. Во время австр. – тур. войны 1736–39 ком. корпуса. С нач. Семилетней войны главнокоманд. имперской армией; был разгромлен Фридрихом II при Росбахе 5.11.1757, после чего вышел в отставку. С 1769 управляющий, с 1780 регент герцогства Саксен-Хильдбургхаузен. Был известен расточительным образом жизни.

Цезарь (Caesar) Гай Юлий (13.7.100 до н. э. – 15.3.44 до н. э.), древнеримский государственный деятель и полководец. С 49 до н. э. диктатор Римской республики.

Цитен (Zieten) Ганс фон (14.5.1699–26.1.1786), прус, генерал кавалерии (1760). Во время Силезских войн и Семилетней войны командовал кав. частями армии Фридриха Великого.

Цитен (Zieten) Ганс фон (5.3.1770–3.5.1848), прус, ген. – фельдмаршал (6.2.1839), граф (с 1817). Из дворян. В 1807 ком. 1-й гусарской бригады, с дек. 1809 – Верхнесилезской кав. бригады. При Лаоне командовал объединенной кавалерией корпусов Йорка и Клейста. В 1815 ком. I корпуса; отличился при Линьи и Ватерлоо. С 3.10.1815 команд, прус, оккупационным корпусом во Франции. С нояб. 1818 ком. VI (Силезского) корпуса. С 1835 в отставке.

Шабран (Chabran) Жозеф (21.6.1763–5.2.1843), франц. дивизионный генерал, граф (с 23.12.1814). В 1800 ком. 5-й дивизии, сыграл важную роль в победе французов при Маренго. С 1800 команд, войсками в Пьемонте. С 1808 ком. 10-й дивизии в Каталонии; был губернатором Барселоны.

Шарнхорст (Scharnhorst) Герхард фон (12.11.1755–28.6.1813), прус, генерал (1807). Сын арендатора. Крупный воен. теоретик. С 25.7.1807 пред. Комиссии по реорганизации прусской армии, фактич. нач. прус. Генштаба. Руководил созданием новой прус, армии. В 1811 по требованию Наполеона уволен в отставку. С 28.1.1813 пред. Комиссии по увеличению армии. С марта 1813 нач. штаба Силезской армии Г. Блюхера. Умер от ран, полученных в бою.

Шварценберг (Schwarzenberg) Карл Филипп цу (15.4.1771–15.10.1820), князь, ландграф фон Клеггау, граф фон Зальц, австр. фельдмаршал (2.12.1812). Из франконского княжеского рода. В 1799 ком. дивизии. При Гогенлингене (1800) прикрывал отход австр. армии; в 1805 команд, правым крылом австр. армии. С 1809 посланник в Париже. В 1812 команд, австр. вспомогательным корпусом в составе Вел. армии. После разгрома Великой армии отошел к Варшаве, а затем к Пултуску. С авг. 1813 команд. Богемской армией антифранц. коалиции. После сражения при Дрездене (26–27.8.1813) отступил в Богемию. В «битве народов» при Лейпциге (16–19.10.1813), когда был разгромлен Наполеон, формально считался главнокоманд. союзными армиями. Оставался главнокоманд. до 5.5.1814. В 1814–20 през. Гофкригсрата.

Шорлемер (Schorlemer) Людвиг Вильгельм фон (1695–1776), прус, ген.-л. Службу начал в кавалерии. Во время Силезских войн и Семилетней войны с 17.5.1747 командовал драгунским полком,

во время сражений также возглавлял кав. объединения.

Штейнмец (Steinmetz) Карл Фридрих фон (25.12.1796–4.8.1877), прус. ген. – фельдмаршал (8.11.1871). С 1862 ком. II, с 1864 – V армейских корпусов. Прославился своими действиями во время австро-прус. войны 1866. Во франко-прус. войну 1870–71 команд. 1-й армией, действовал в целом не слишком удачно, отказывался выполнять приказы. С 8.4.1871 в отставке.

Эйлер (Euler) Леонард (15.4.1707–7.9.1783), математик. С 1766 академик Перетбургской АН. Внес большой вклад в развитие математики, а также механики, физики, астрономии и прикладных наук.

Эксельманс (Exelmans) Реми (13.11.1775–22.7.1852), франц. военачальник, граф (с 28.9.1813), маршал Франции (10.3.1851). С 1801 адъютант И. Мюрата. В 1808–11 в англ. плену. С обер-гофмаршала двора Мюрана в Неаполе. С 15.2.1813 ком. дивизии легкой кавалерии. В марте – июне 1814 ком. 2-й гвард. кав. дивизии. Во время Ста дней ком. II кав. корпуса Армии Бельгии. В 1815–19 в изгнании. С 15.8.1849 вел. канцлер Поч. легиона, с 26.1.1852 сенатор.

Эльсниц (Elsnitz) Франц Антон фон (28.9.1742–31.12.1825), барон, австр. ген.-м. Участник Войны за баварское наследство, австр. – тур. войны 1787–91, командовал кав. частями. В 1800 сражался против Наполеона в Италии.

Эмилий Павел (Aemilius Paulus) Луций (ум. 2.8.216 до н. э.), римский политик и военачальник. Один из лидеров аристократической партии. В 219 и 216 до н. э. консул. В 216 до н. э. возглавлял римскую армию вместе с консулом Варроном, в сражении при Каннах командовал правым флангом римской армии; погиб в этом бою.

Эрлон, см. Друэ д'Эрлон.

Юргас, см. Вален-Юргас.

Примечания

1

Этот пример основывается на заметке Дельбрюка в статье от 27 сентября 1914 г.: Delbrück H. Krieg und Politik 1914–1916. Berlin 1918. S. 57. – *Прим. ред.*

2

Единственный момент, вызывающий у нас сомнения, это поведение эрцгерцога в ночь перед решительным днем Ваграмского сражения, когда он, накануне раненный, пассивно относится к проведению его энергичным начальником штаба, генералом Вимпфеном, его, Вимпфена, концепции сражения, а также бессилие эрцгерцога Карла справиться с непослушанием своих братьев – командиров входящих в его армию корпусов. –

Прим. ред.

3

В жизни он пользовался именем Дитрих, в русскоязычной литературе часто его именуют Генрихом Дитрихом, что неправильно.

4

Это традиционное название работы на русском языке, однако в подлиннике она именуется несколько более тяжеловесно: «Дух новейшей военной системы, выведенный из основополагающего базиса операций, а также для дилетантов в военном искусстве» (*Vom Geist des neuern Kriegssystems hergeleitet aus dem Grundsätze einer Basis der Operationen auch für Laien in der Kriegskunst*).

5

Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. М., 1926. С. 21.

6

Там же.

7

Впрочем, полиция Наполеона также преследовала и выслала из Франции Бюлова за его республиканскую агитацию. – *Прим. ред.*

8

Еще Ксенофонт определял военное искусство как искусство обеспечивать свою свободу Только оборона являлась оправданием войны в философии XVIII в. Удивительна судьба идей: философия насилия, права, основывающегося железом и кровью, так характерная для XIX и XX вв., сохранила в лице французской доктрины эту мысль – военное искусство есть искусство обеспечения свободы, но, подменив понятие свободы политической понятием свободы оперативной, Мальяр положил эту мысль в основу оперативного искусства, базой которого стало во Франции учение об авангарде, о сторожевом охранении – вообще служба безопасности. Андогский перенес эту мальяровскую идеологию на свое учение о встречном бое как о борьбе за сохранение оперативной свободы, понимаемой как инициатива. – *Прим. ред.*

9

Первый раз слово «стратегия», употребленное в приблизительно современном смысле, встречается в труде савойского писателя – *Marquis da Silva. Pensees sut la tactique et sur la strategia,* – изданном в 1762 г. Однако да Сильва исходил преимущественно из древнегреческих военных писателей, а не из анализа современной действительности. – *Прим. ред.*

10

Сколько негодования критика XIX в. проявила по поводу этой

попытки Бюлова геометрически определить предел успешного наступления. Но в основе сама идея о пределе очень ценна, и Клаузевиц ту же мысль Бюлова, освободив от ее геометрической формы, облек в учение о кульминационном пункте наступления. – *Прим. ред.*

11

Heinrich Dietrich von Bulow. Militärische und vermischte Schriften. Leipzig. 1853. – *Прим. ред.*

12

В данном случае Бюлов приводит Шварцбург-Зондерсхаузен и Шварцбург-Рудольштадт как пример формально независимых карликовых имперских княжеств: первое имело площадь 860 км2, второе – 940 км2. – *К.З.*

13

Данное словосочетание с французского переводится как «смелое предприятие», «внезапная атака», «рейд», в данном случае, скорее всего, оно использовано в качестве военного термина, обозначающего «поиск». – *К.З.*

14

В XVIII в., таким образом, крепости строились преимущественно для защиты запасов, приготовленных для армии; те же запасы удовлетворяли нужды обороны крепостей в случае их осады. В XX в. железные дороги уже уничтожили потребность армии в нагромождении запасов в пограничной полосе; огромные запасы (у нас на 4–12 месяцев обложения) нагромождались в крепостях уже специально для их гарнизона, возросшего до 50–100 тысяч человек. Попытка оправдать существование сомкнутых крепостей необходимостью защищать железнодорожные узлы и важные переправы не оправдывается современной техникой – условиями обороны крепости и постройки обходных путей. Таким образом, отпадает необходимость в больших сомкнутых крепостях; за долговременными укреплениями остается лишь значение подготовленных позиций, важных лишь в связи с развертыванием наших армий и намеченными операциями. – *Прим. ред.*

15

Бюлов употребляет в данном случае слово Zweck, которое имеет характерное отличие от слова Ziel, хотя эти оба понятия по-русски объемлются словом «цель»; в данном случае под целью нужно понимать не конечную точку движения, я его смысл, назначение. – *Прим. ред.*

16

Слово «предмет» здесь надо понимать как сюжет, объект. – *Прим. ред.*

17

Увы, на практике мы видим удивительные стратегические «вензеля». – *Прим. ред.*

18

Таким образом, Бюлов, а вслед за ним Виллизен и вся школа, усматривающая сущность стратегии в борьбе за сообщения, центр тяжести переносят на тылы и под операционной линией подразумевают то, что противоположная школа называет собственно коммуникационной линией. Г.А. Леер упорно отказывался выбросить из своего определения операционной линии коммуникационную ее часть (последнее разграничение сделано, например, Н.П. Михневичем), но центр тяжести его операционной линии лежал уже не позади, а впереди армии. – *Прим. ред.*

19

Это утверждение свидетельствует о недостаточно широком значении, придаваемом геометрическим толкованием Бюлова понятию операционной линии, что было отмечено еще Жомини. Понятие операционной линии плодотворно, лишь будучи поставлено в связь с замыслом операции. Армия, находящаяся у магазина, по отношению к двум концентрически подходящим к ней неприятельским армиям, окажется располагающей внутренними операционными линиями. – *Прим. ред.*

20

Бюлов обращает внимание на меньшую зависимость римских армий от снабжения по сравнению с современными, вследствие гораздо меньшего числа лошадей в них, отсутствия артиллерии и необходимости везти с собой грузные огнестрельные припасы. Римляне бивакировали в четырехугольных укрепленных лагерях, где среди войск размещался и их магазин, и, таким образом, были гораздо более независимы от путей подвоза. – *Прим. ред.*

21

У Ллойда (см.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1. М., 1924. С. 44) также приведен пример наступления на Лондон; исходя из необходимости неприятелю базироваться, Ллойд пришел к успокоительному для англичан заявлению. Бюлов, допуская возможность развития десантной операции в стиле кавалерийского налета, далеко уходит от всякого педантизма. – *Прим. ред.*

22

Одно из существенных преимуществ нашей огромной территории – это та возможность широкого базирования, которая ложится в основу учения Бюлова. Последний в конце своего стратегического исследования приходит к выводу, что уже по

недостатку широкой базы малое государство существовать не может и должно будет уступить место большому (здесь Бюлов видел стратегическую предпосылку объединения Германии). Особенно резко проявились условия базирования в Восточную войну, когда союзники, высадившиеся в Крыму, боялись отойти на десяток верст от побережья, чтобы не потерять сообщений с Балаклавой, и должны были заняться долблением Севастополя, отказавшись от каких-либо полевых маневров. Точно так же в Гражданскую войну Врангель на Таврическом полуострове имел совершенно недостаточную по ширине базу для наступательных действий, был вынужден к северу от Перекопа действовать по расходящимся операционным линиям, и над белыми войсками сразу же нависла опасность катастрофы; операция конца октября – начала ноября 1920 г. являлась только реализацией создавшегося положения. Таковые же стратегические судьбы, по-видимому, ждут всякую десантную экспедицию на наш берег. – *Прим. ред.*

23

Учение о стратегических и тактических ключах держалось упорно свыше ста лет. Бюлов был совершенно прав в данном случае, образным выражением подчеркивая необходимость выделения главной цели от второстепенной. Впоследствии стали требовать розыска на каждой позиции ее тактического и стратегического ключа. Термин привел к таким злоупотреблениям, что надо приветствовать исчезновение его из военного обихода. – *Прим. ред.*

24

Русское наступление осенью 1914 г., имевшее объекты в Восточной Пруссии, Познани и Силезии, в Галиции и Карпатах, предпринятое без подавляющего превосходства сил, представляет тип операций, подходящий под приведенную классификацию Бюлова. Русские армии действительно образовали стену и для отражения неприятельских ударов были вынуждены перебрасывать резервы с одного фланга на другой. В этих перебросках наступательная энергия русских войск распылилась и захлестнулась, и уже в ноябре мы были вынуждены осознать, что мы не наступаем, а обороняемся. – *Прим. ред.*

25

В основе всех выводов Бюлова лежит ясное предпочтение принципа базирования принципу массирования, вытекающее из скромной роли, отводимой им бою. Это было верно в отношении XVIII в., и во многом верно и для настоящего времени, но являлось ошибочным для Наполеоновской эпохи. Если стать на противоположную Бюлову точку зрения о сосредоточении всех

сил в решительный момент на решительной точке, как это сделал Жомини, то все положения Бюлова о базировании получат совершенно обратный смысл: внутренние линии выгоднее наружных, одна операционная линия выгоднее нескольких, узкая база, позволяющая не разбрасывать войска для ее защиты, выгоднее широкой, отступать следует не эксцентрически, а концентрически и т. д. Решающее значение имеет размер масс, степень зависимости от подвозимого с тыла снабжения, более или менее затяжной характер боевых столкновений. Эволюция военного искусства как бы направляется в сторону, оправдывающую учение Бюлова. – *Прим. ред.*

26

Таково, например, было положение русских армий в польских губерниях, охваченных с одной стороны Восточной Пруссией, а с другой – Галицией. При серьезных наступательных операциях австро-германцев положение русских армий являлось здесь стратегически невыносимым. Отсюда стремления В.А. Сухомлинова в 1910 г. отнести назад наше сосредоточение на Неман и Буг, что вызвало такой переполох во Франции. Отсюда стремление русского командования первоначальными объектами избрать оконечности неприятельского базиса – Восточную Пруссию и Восточную Галицию, чтобы поставить первой задачей войны выпрямление нашего фронта на нижней Висле; требование французского генерального штаба начать немедленно наступление на Познань явно противоречило основным положениям стратегии. – *Прим. ред.*

27

Такой невыгодный случай представляло в 1916 г. очертание Валахии, которая была охвачена с севера Трансильванией и с юга – Болгарией. Действительно, единственным возможным методом оперирования румын было наступление в стороны и вперед – из Добруджи в Болгарию и из Молдавии и Валахии – в Трансильванию. Неуспех этих наступательных попыток, в сущности, определил уже судьбу Валахии, и Э. Людендоф мастерски реализовал создавшиеся для немцев плюсы зимним походом, изумившим широкие массы своей кажущейся дерзостью. – *Прим. ред.*

28

Это была бы теория «Канн» Ф. Шлиффена, если бы Бюлов имел в виду действительное уничтожение, окружение, сокрушение неприятельской армии, а не устройство только очень угрожающей диверсии; но вместо уничтожения неприятеля Бюлов думает лишь о том, как вынудить его к отступлению. В отношении этой бескровности учение Бюлова является плодом

XVIII в.; насилию оно не дает достаточного простора. – *Прим. ред.*

29

Бюлов полагал, что ввиду отсутствия в армиях древности огнестрельного оружия и отсутствия необходимости подвоза боевых запасов древние могли оперировать в несравненно меньшей зависимости от своих сообщений, чем современные армии. – *Прим. ред.*

30

Бюлов делал заключения по революционным сражениям (1792–1795), которые действительно давали результат при потерях в 5–10 раз меньших, чем сражения Фридриха Великого; молодые войска республики не выдерживали тех 30–50?? убитых и раненых, коими устилали поле сражения дисциплинированные батальоны Семилетней войны. Но как только явился Наполеон (1796), сражения сейчас же перестали быть маневрами, и удары, наносимые Наполеоном, были совсем не такого порядка, чтобы после них сейчас же думать об охвате противника. Мысли Бюлова об эксцентрическом отступлении получили большое распространение и, между прочим, легли в основу нашего плана войны в 1812 г. (деление русских войск на две армии, причем та из них, на которую бросится Наполеон, отходит, а другая выдвигается на сообщения французов). – *Прим. ред.*

31

Просветительная гуманистическая философия XVIII в. сбивает мысль Бюлова с правильного пути. Следовало бы изложить это заключение так: крупный стратегический успех дает лишь разгром неприятельской системы снабжения, связи, управления, снабжающих его дорожных артерий. Чисто фронтальный прорыв лишь при необыкновенной мощи может проникнуть так далеко, чтобы развалить весь механизм неприятельского тыла, без повреждения коего неприятель сейчас же залечит свои мелкие, исключительно тактические раны. Отсюда решающее значение получают операции, ведущиеся в охват или обход неприятельской армии и приводящие нас скорейшим путем к положению, позволяющему взять противника за горло. И, взяв за горло, надо реализовать свой успех, задушив противника – развив операцию до полного сокрушения неприятельской армии. – *Прим. ред.*

32

Таким образом, Бюлов является тем источником, откуда далее развилась теория фланговых позиций. Клаузевиц принимал ее, но с той оговоркой, что фланговая позиция не должна оставаться кулаком, занесенным в воздухе для удара; важна не угроза, важна сама реализация флангового удара из этой

позиции. – *Прим. ред.*

33

Мысль Бюлова понимается нами так: «Тактика непосредственно нацеливается на врага, а стратегия видит лишь конечную цель в победе над ним и выдвигает ближайшие цели и помимо неприятельских войск». – *Прим. ред.*

34

Т. е. движение и расположение на месте. – *Прим. ред.*

35

Мы привели этот тактический отрывок, представляющий итог длинного исследования Бюлова об эволюции тактики в период революционных войн, так как он весьма характерен. Многие тактические замечания Бюлова были очень ценны в свое время, так как впервые отражали в научной мысли тактический переворот, происходивший в эпоху революции. Типично для Бюлова, что исследование боя он непременно заканчивал вопросом об отступлении; на использовании победы, на преследовании мысль Бюлова вовсе не останавливается, так как он переносит центр тяжести на маневрирование, а бой в корне, по его мысли, близок к недоразумению.

По Бюлову, в головах всех военных твердо засело убеждение в превосходстве огня; а раз так, то безразлично – верное оно или фальшивое, оно является руководящим. Возвращение к старым приемам натиска холодным оружием невозможно. Дифирамбы штыку поются кабинетными историками, серьезно верящими чепухе, которая пишется в реляциях, и вводящими в заблуждение штатских людей. – *Прим. ред.*

36

Современному читателю тон рассуждений Бюлова покажется, может быть, слишком наивным; однако за этой главой Бюлова надо признать особенно крупное положительное значение. Бюлов здесь впервые учел все значение масс, выступивших на историческую арену с Французской революцией, и противопоставил их господствовавшему в XVII и XVIII вв. учению о ничтожности массы и решительном превосходстве кучки искусных профессионалов. Последнюю идею в виде мечты мы еще находим в пророчестве фон дер Гольца о новом Александре Македонском, который с небольшой испытанной дружиной погонит полчища переодетых в солдатскую форму мещан. Здесь же Бюлов переносит центр тяжести на значение материальных средств войны. Если Беренхорст становился в тупик перед успехами революционных армий, то Бюлов здесь дает им объяснение. Конечно, многое он упустил, например моральные силы революции, преуменьшил значение боя, но в основном он

стоит на твердой почве. Идеи о силе массы от Бюлова перешли в XIX в. к защитникам идеи милиции и коротких сроков службы – создалась обширная демократическая школа, родоначальником коей является Бюлов. – *Прим. ред.*

37

Ссылка Бюлова на Монтекукколи, которую повторяли за ним тысячи писателей и ораторов, неверна. Выражение, что для войны нужны только деньги, деньги и деньги, появилось за столетие до Монтекукколи, среди вождей испанских наемников, в эпоху первоначального накопления капитала в первой половине XVI в.; Монтекукколи в своих трудах приводит это выражение лишь с глубокой иронией, так как он был проводником идей войск нового строя, постоянной армии, длительной и тщательной подготовки к войне и недоумевал над утверждением, что при отсутствии длительной работы над армией можно, раскошелившись вдруг, думать о выигрыше войны. – *Прим. ред.*

38

Бюлов, создатель стратегии, привил в немецком языке термин «стратегическое развертывание», так как в основе у него была мысль о стратегическом охвате неприятеля на театре военных действий. Наполеон и Жомини, на коих покоится стратегическая мысль во Франции, исходя из массирования сил, как основной посылки, пришли к терминам «сбор», «стратегическое сосредоточение». В этих противоположных терминах для обозначения одного и того же действия отражается все мировоззрение двух школ. – *Прим. ред.*

39

Решительный удар крепостям нанесла не столько тяжелая артиллерия, сколько железная дорога, позволившая отказаться перед войной от заблаговременного нагромождения запасов на границе. Задача инженерной подготовки теперь другая – обеспечить за нами возможность развертывания армии на широком фронте вблизи границы. Нужны укрепленные позиции, а не сомкнутые кольцевые крепости, так как войска будут маневрировать; они не привязаны, как прежние магазины, к одному пункту. – *Прим. ред.*

40

Эти отрывки заимствованы из «Истории кампании 1805 г.» фон Бюлова. Первый отрывок имеет в виду австрийскую дипломатию, поддавшуюся увещеваниям Англии и втянувшую Австрию в войну вопреки мнению ее лучшего полководца, эрцгерцога Карла. Второй отрывок накануне Йены стремится доказать немцам всю иллюзорность надежд на русскую помощь в борьбе с Наполеоном. Здесь, по-видимому, Бюлов уже отходит от

бескровных идей XVIII в. и ясно схватывает очертания наполеоновской политики и стратегии сокрушения. Он указывает на очень тесную связь политики и стратегии. За эту-то «историю» Бюлов и поплатился жизнью. – *Прим. ред.*

41

Отцом Аттилы был Мундзук, происходивший из царского рода гуннов; по одной из теорий (не имеющих, впрочем, достаточного подтверждения), гунны были одним из калмыцких племен. – *К.З.*

42

Мы просим читателя ознакомиться и с далеко отстоящей от нашей оценки оценкой эрцгерцога Карла Дельбрюком в приводимом в этой книге отрывке: «Стратегия Наполеона». – *Прим. ред.*

43

Труды эрцгерцога Карла в русском переводе не издавались. Перевод для нашего труда выполнен с издания: *Ausgewählte Sebriften das Erzherzog Karl von Österreich.* Bd. 1–6. Wien, 1893. На французском языке «Основы стратегии» были изданы в 1818 г. в переводе, редактированном А. Жомини. – *Прим. ред.*

44

Здесь сказывается влияние всего духа мышления XVIII в.; ведь первая история военного искусства Хойера была классифицирована редакцией Геттингенской истории наук как подотдел математики. Непосредственный толчок к избранию математики за основу стратегии эрцгерцог Карл получил от известного в начале XIX в. труда Вентурини «Математическая система прикладной тактики» (*Venturini. Das matematische Sistem der engewanten Taktik.* 1800).

45

Из наставления для австрийских генералов, написанного в 1803 г., напечатанного в 1806 г.

46

Эрцгерцог Карл является большим специалистом по войне в горах; Шварцвальд, Швейцария, Горная Бавария, Тироль и отроги Альп, протягивающиеся к Адриатическому морю, – чрезвычайно важные для Австрии горные театры; этим объясняется, что австрийский полководец в большей части своих теоретических трудов имеет в виду борьбу в горах. – *Прим. ред.*

47

Каждая высокая горная цепь близка к этому типу, например Карпаты. – *Прим. ред.*

48

Этому правилу эрцгерцог Карл стремился следовать при

обороне Дуная в 1809 г. (Асперн – Эслинген и Ваграм), а Конрад в 1914 г. – при обороне Вислы во время Ивангород-Варшавской операции. – *Прим. ред.*

49

Идея уступного расположения и теперь широко используется как стратегией, так и тактикой, но мотивировка австрийского полководца являлась несколько устарелой и в его эпоху, так как в ней еще чувствуется идеология линейного порядка. – *Прим. ред.*

50

Мы согласны с этой мыслью только в пределах стратегии сокрушения, в которой все ориентируется на решительное сражение и ведущую к нему подготовку Но это не вполне верно для стратегии измора, когда все ведение войны рассыпается на ряд отдельных операций и открывается возможность не одного, а нескольких удовлетворительных решений. – *Прим. ред.*

51

Эта мысль эрцгерцога Карла часто ошибочно толковалась в том отношении, что для противника подыскивалось школьно-правильное решение, не считавшееся с политической обстановкой, в которой он находился, и со всеми теми разнообразными давлениями, коим подвергался неприятельский полководец. Надо иметь в виду не отвлеченную целесообразность того или другого решения для неприятельского полководца, а решение, которое будет рисоваться наиболее целесообразным с точки зрения той логики, которой будет вынужден держаться неприятель. – *Прим. ред.*

52

У Клаузевица эта идея о трении, об усилиях войскового аппарата, не производящих полезной работы, получила впоследствии большое развитие. – *Прим. ред.*

53

Геометрический подход этой главы очень характерен для стратегии, взращенной рационализмом XVIII в. Это развитие слабейшей стороны учения Бюлова. В приводимом ниже отрывке Жомини (глава IV, «Принципы операционной линии», пункт 17-й) заключается атака на эти геометрические увлечения. «Мы считаем геометрический метод положительно вредным. Еще в XVII в. философ Паскаль, сам математик, подчеркнул различие между мышлением геометрическим и требующимся для обсуждения тонких вопросов, слагающихся в общественных отношениях: геометры – люди не тонкие и не видят дальше своего носа; привыкнув к ясным и грубым принципам геометрии, они могут рассуждать лишь на основе твердых данных и при возможности применить свои принципы; они теряются, если вопрос требует

тонкого мышления, где нужен другой подход к принципам». А стратегические вопросы, безусловно, требуют тонкого мышления и относятся к числу тех, о которых Паскаль говорит: «Почти нет ничего верного или неверного, что не меняло бы своего значения с изменением климата. Три градуса изменения широты опрокидывают всю юриспруденцию. Истина зависит от меридиана. Милое право, ограничиваемое горой или рекой. Истина с одной стороны Пиренеев, ошибка по другую их сторону». – *Прим. ред.*

54

Т. е. автор подразумевает, что армия может задержаться в своем движении в тот момент, когда географические условия благоприятствуют переводу тылов с одной коммуникационной линии на другую. – *Прим. ред.*

55

Стратегия А.Н. Куропаткина в Маньчжурии и представляет этот «худой конец». Гибель армии Меласа в 1800 г., Макка в 1805 г., несомненно, имелись в виду автором этого осторожного совета; он далек от того, чтобы выдвигать сражение с перевернутым фронтом как лучшее средство. – *Прим. ред.*

56

Мы, конечно, совершенно не согласны с таким объяснением успехов армий революции и Наполеона; в этом выдвижении на решающий план вопросов о расположении крепостей и проведении дорог сказывается прежде всего географический уклон автора; но зато мы всецело должны подчеркнуть мысль эрцгерцога Карла, что подготовка к войне должна вестись не только в пределах военного ведомства и что необходима стратегическая консультация при решении всех крупных вопросов, могущих отозваться на ведении войны. А какие же стороны нашей мирной деятельности не влияют на сопротивляемость государства во время войны, если базой войны является теперь вся страна, вся производительность труда ее населения, все ее средства? – *Прим. ред.*

57

Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях *pro et contra* («за и против») они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. – *Прим. 1-го нем. изд.*

58

В отечественной научной терминологии термины

«политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным сохранить их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово *Zweck,* а во втором *Ziel.* Как ни близки эти оба слова русскому слову «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: «политический смысл войны», «конечный результат военных действий». – *Прим. ред.*

59

Имеются в виду Наполеоновские войны. – *Прим. ред.*

60

Тем самым.

61

Термином «оценка обстановки» мы заменяем слова оригинала «расчет вероятностей», давно вышедшие из употребления и затрудняющие понимание современному читателю. – *Прим. ред.*

62

Личного порядка. – *Прим. ред.*

63

В оригинале – *Kampf.* Клаузевиц вкладывал в него иногда представление не об одном бое, а обо всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами: борьба или бой. – *Прим. ред.*

64

Под сохранением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб. – *Прим. ред.*

65

Мысль Клаузевица: успех частного боя является, с одной стороны, целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны – средством для достижения более высокой цели. – *Прим. ред.*

66

Распорядок (*Anordnung*) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (*Feststellung*) боя – к стратегии. – *Прим. ред.*

67

Понятие, среднее между интуицией и глазомером. – *Прим. ред.*

68

Буквально: «мужество ума». – *Прим. ред.*

69

В действительности: во 2-й главе 1-й части. – *Прим. ред.*

70

Указанная тема рассматривается во 2-й главе 1-й части. – *Прим. ред.*

71

Т. е. движения, связанные с перестроениями боевых порядков и маневрированием в бою. – *Прим. ред.*

72

Т. е. армии. – *Прим. ред.*

73

В наше время, конечно, значение вопроса о снабжении боеприпасов бесконечно возросло. – *Прим. ред.*

74

Не указанных, под чужим именем. – *Прим. ред.*

75

В этом параграфе Клаузевиц нападает на стратегическую теорию Жомини и эрцгерцога Карла. – *Прим. ред.*

76

Имеется в виду теория Виллизена. – *Прим. ред.*

77

Сарказм Клаузевица направлен против Бюлова; последний указывал на значение «объективного угла», образуемого линиями, исходящими от пункта расположения армии к концам базиса. Чем армия уйдет дальше от базиса, тем угол делается острее, а положение армии – более сомнительным. – *Прим. ред.*

78

Снова – против Жомини. – *Прим. ред.*

79

Клаузевиц употребляет термин Betrachtung, подразумевающий научный подход, исследование, рассмотрение. – *Прим. ред.*

80

Пушки делались в ту эпоху из бронзы, представлявшей собой сплав меди и олова. – *Прим. ред.*

81

Т.е. переходит к выводу. – *Прим. ред.*

82

Циркумвалационная линия – наружная круговая укрепленная позиция, возводившаяся осаждающими вокруг крепости при ее блокаде для того, чтобы помешать противнику получать подкрепление извне и чтобы обеспечить собственный тыл. – *К.З.*

83

За и против. – *Прим. ред* .

84

Клаузевиц имеет здесь в виду изданный в начале революционных войн труд Шарнхорста *Militärisches Taschenbuch zum Gebrauch im Felde* (1793). Далее Клаузевиц имеет в виду наиболее известный труд Шарнхорста *Handbuch del Artillerie* ,

переведенный в 1841 г. на русский язык. – *Прим. ред.*

85

Около 300 метров. – *К.З.*

86

В оригинале: служить приложением мысли. – *Прим. ред.*

87

Использованную в 1761 г. Фридрихом Великим против подавляющего превосходства австрийцев и русских. – *Прим. ред.*

88

В действительности – в 1-й главе 2-й части. – *Прим. ред.*

89

Вероятно – 1-й главы 1-й части. Из-за постоянного изменения конструкции труда ссылки Клаузевица часто не соответствуют действительности. – *Прим. ред.*

90

В рукописи ранней обработки 2-й части помещены следующие отрывки, написанные рукой автора, с таким указанием: «Использовать при обработке 1-й главы 3-й части»; т. к. переработка этой главы осталась невыполненной, то мы приводим полный текст этих отрывков. – *Прим. нем. изд.*

91

Фактически: в 3-й главе 1-й части. – *Прим. ред.*

92

Спасайся, кто может. – *Прим. ред.*

93

Такой отдельной главы в труде нет. – *Прим. ред.*

94

Часто блистает на вторых ролях тот, кто меркнет на первых. – *Прим. ред.*

95

Маратхи – группа народов, населяющих Центральную Индию. В течение ряда столетий маратхи вели упорную борьбу против империи Великих Моголов, с португальцами, а затем с англичанами. В результате трех англо-маратхских войн государство маратхов в начале XIX в. было захвачено англичанами. – *К.З.*

96

Фридрих Великий, разбив в 1757 г. французов под Росбахом, немедленно устремился бить той же армией австрийцев под Лейтеном; Наполеон в 1814 г., разбив Блюхера в пяти боях, важнейшим из которых был Монмираль, устремился против Шварценберга и разбил под Монтро корпус кронпринца Вюртембергского. – *Прим. ред.*

97

Темпельхоф, Ветеран, Фридрих Великий, см. также «Посмертные сочинения Клаузевица», т. X, с. 158. – *Прим. нем. изд.*

98

Междудействие. – *Прим. ред.*

99

В средине августа 1760 г. кольцо окружения австрийских и русских войск стягивалось вокруг Фридриха. Лаудон, командовавший крупной частью австрийской армии, получив сведение о нахождении обоза Фридриха, решил напасть на него на рассвете 15 августа и, чтобы не поднять заранее тревоги, двинулся, не имея авангарда; но так как в туже ночь Фридрих отвел свои главные силы, то Лаудон нарвался вместо обоза на главные силы пруссаков и к 5 часам утра был разбит. Главные силы австрийской армии Дауна, находившиеся на другом берегу болотистого ручья, не имели возможности вовремя поддержать Лаудона. Русские и австрийцы в результате этой победы Фридриха отошли, и кольцо окружения развалилось. – *Прим. ред.*

100

В 1800 г. австрийская армия Меласа капитулировала после сражения при Маренго, расплатившись за предоставление ей пути отступления в Австрию передачей всех ломбардских крепостей французам. В 1757 г., после победы под Прагой, Фридрих окружил в этом городе австрийскую армию Карла Лотарингского; но шедший на выручку Даун разбил Фридриха под Колиным и заставил его снять блокаду Праги и отступить. – *Прим. ред.*

101

В декабре 1740 г. и январе 1741 г. Фридрих почти без боя занял 25-тысячной армией Силезию; Австрия была совершенно не готова к одновременной войне с Пруссией и Францией, и вторжение пруссаков застало ее совершенно врасплох. – *Прим. ред.*

102

Ср. «Посмертные сочинения» того же автора, 2-е издание, т. VII, с. 56. – *Прим. нем. изд.*

103

Такой самостоятельной главы в труде Клаузевица нет. – *Прим. ред.*

104

Сражение 17 и 18 авг. 1803 г. Разбив союзную армию под Дрезденом, Наполеон направил к Кульму, на дорогу из Дрездена в Прагу, корпус Вандама, который должен был отрезать союзникам отступление. От непосредственного же преследования Наполеон затем почти отказался. Это позволило союзникам

обрушиться всеми силами на корпус Вандама и уничтожить большую его часть. Вся артиллерия, 12 тысяч пленных с Вандамом во главе, досталась союзникам, для которых таким образом дрезденское поражение обратилось в успех. – *Прим. ред.*

105

На самом деле: в 1-й главе 1-й части. – *Прим. ред.*

106

На самом деле 1-я глава 1-й части. – *Прим. ред.*

107

Издание Главного управления Генерального штаба, 1913 г., перевод Потоцкого. Третий том «Сражение» – переведен не был.

108

Перевод Николаева, издание 1898 г.

109

Записка Г. фон Мольтке от 16 сентября 1865 г. – *Прим. ред.*

110

Приложение нами опущено, так как данные его представляют интерес лишь для историка войны 1866 г. – *Прим. ред.*

111

Теория растяжки колонн тогда еще не существовала. Равно устав не предусматривал еще определенных дистанций между частями колонны. – *Прим. ред.*

112

22 километра. – Прим. пер.

113

Отсюда попытка некоторых писателей свести стратегическое учение Мольтке к положению «Врознь идти, вместе драться». Это положение, по-видимому, в первый раз было высказано еще Шарнхорстом и повторено в 1800 г. принцем Вильгельмом Прусским, будущим императором германским. – *Прим. ред.*

114

Эта работа Г. фон Мольтке относится к 1859 г. – *Прим. ред.*

115

Вернее – сообщения. – *Прим. ред.*

116

Мольтке ставил «хинтерланд» как абсолютное требование для фланговой позиции. Позиция германских войск у Кенигсберга при вторжении русских армий в Восточную Пруссию, по идее Мольтке, была бы отчаянной. Автор этого примечания [А.А. Свечин] доказывал эту мысль уже в труде «Крепости Восточного фронта Германии». Все это не помешало нашему Северо-Западному фронту и генералу П.К. Ренненкампфу после Гумбинненского сражения искать отступивших немцев на своем правом фланге, у Кенигсберга, вместо того, чтобы взять

направление на Алленштейн, на соединение с армией Самсонова. Приведенная мысль Мольтке составляет существенную часть учения Жомини, который доказывал опасность, грозящую армиям континентальных государств, если они отбросят свой тыл к морю. Торес-Ведрасс хорош лишь как база для десанта островной (английской) армии. Проект Пфуля – обратить Ригу в 1812 г. в основную базу русской армии представляет абсолютное непонимание стратегической действительности. – *Прим. ред.*

117

Например, река Эльба с находящимися на ней крепостями представляла бы сильную фланговую позицию пруссаков при наступлении австрийцев из Богемии к Берлину левым или правым берегом Эльбы. Сообщения пруссаков при этом направлялись бы не к Берлину, а к восточным или западным провинциям Пруссии. – *Прим. ред.*

118

В 1859 г. в этих предложениях Мольтке выдвинул общую идею, легшую в основу Лодзинской операции. Людендорф, потерпев поражение на Висле, передает оборону путей в Силезию слабым и расстроенным частям австрийцев, а сам сосредоточивает свои корпуса между Вартой и Вислой, на фланговой позиции по отношению к русскому наступлению, откуда преждевременно и с недостаточными силами и переходит в наступление против правого русского крыла. – *Прим. ред.*

119

Географическая карта Европы сохраняет свой прежний масштаб, а масштаб операций изменился за истекшие 65 лет весьма значительно. Фронт русских армий в 1914 г. расширился уже настолько, что попытка русских протолкнуться в Силезию, на Бреславль, при расположении германцев у Торна являлась уже необоснованной. Одновременно и фронт фланговой позиции у Торна расширился; на полевых поездках Шлиффена она через озеро Гопло уже дотягивается до Слупцы, на те 12 миль, которыми ограничивал ее действительность Мольтке. – *Прим. ред.*

120

Понятие «укрепленный лагерь» в военном искусстве ведет свое происхождение от лагерей, в которых располагались римские армии и которые обязательно на каждый ночлег окапывались и укреплялись. В эпоху Мольтке «укрепленный лагерь» представлял собой или группу, например четырехугольник крепостей (Мантуя – Пескьера – Верона– Леньяго в Австрийской Ломбардии или Рушук – Силистрия – Варна– Шумла в принадлежавшей тогда туркам Северной Болгарии), или крепость большого обвода с вынесенными вперед

фортами (например, Париж). Мольтке здесь имеет в виду лишь долговременные укрепления. Возведение «укрепленных лагерей» в течение самой войны выдвинулось лишь в Гражданскую войну в США (1862–1865 гг.) и особенно в 1877 г. (Плевна). – *Прим. ред.*

121

Мольтке имеет здесь в виду невозможность немцам уклониться от задачи атаки парижских укреплений; и все же через 11 лет важнейшим пробелом подготовки к войне 1870 г. явилась полная неготовность немцев к быстрому овладению крепостями и, в частности, Парижем. Зато Шлиффен уделил этому вопросу максимальное внимание, ив 1914 г. немцы под всеми крепостями пожинали легкие лавры. – *Прим. ред.*

122

Т. е. Пруссии выгоднее укреплять Рейн, чем Берлин. На русском фронте германцы укрепили Нижнюю Вислу. В России Н.Н. Обручев и А.Н. Куропаткин также стремились к укреплению речных линий Немана, Нарева разброской на них мелких многочисленных укреплений. Неверно истолкованный опыт русско-японской войны заставил отказаться от этих оперативно осмысленных работ и сосредоточить внимание на немногих крупных крепостях. Если бы последние, потеряв связь с полевой армией, могли держаться самостоятельно 6–8 месяцев, только тогда они могли бы отчасти оправдать затраченные на них силы и средства, сыграть роль редюита, облегчить наш переход в наступление. Но срок сопротивления изолированных крепостей исчисляется теперь не месяцами, а немногими днями. Даже Мобеж не мог удержаться до конца сражения на Марне. – *Прим. ред.*

123

Эта статья написана в 1867 г. в ответ на мысли австрийского генерала Надя, развитые сейчас же после войны в австрийском военном журнале Штрефлера: пруссаки победили австрийцев благодаря счастливым для них случайностям, стратегические комбинации пруссаков едва ли возвышались над уровнем посредственности, можно назвать только бреднями попытки сопоставления плана Мольтке с замыслами Наполеона, что глубокой ошибкой, понятной «каждому профану», а не гениальной стратегической концепцией являлось разделение прусских сил при развертывании на две части. В сущности, еще спустя 40–50 лет продолжали звучать те же нападки на стратегию Мольтке. Стиль этой статьи может быть предложен как образец полемики по вопросам военного искусства. – *Прим. ред.*

124

Abhiilfe – подпорка, компромисс, выход. Мольтке не

принимает на себя вполне отчетливо теоретической ответственности за прусское развертывание 1866 г., не мотивирует его новыми условиями, в которых приходится работать стратегии, а сводит свои действия к компромиссу. В этом существенное отличие Мольтке от его ученика Шлихтинга, который уже готов принципиально отстаивать новые позиции стратегической мысли. – *Прим. ред.*

125

Австрийский генерал находил, что пруссаки должны были во что бы то ни стало стремиться помешать соединению австрийских войск с контингентами средних немецких государств (Баварии и других), а также должны были стремиться, чтобы имперские войска не сосредоточились в одну опасную для Пруссии массу. Однако баварцы вовсе не хотели бросать свою страну и идти спасать в Богемию австрийцев, так что пруссакам не приходилось им и препятствовать в этом. Что же касается до недопущения сосредоточения имперских войск, то Мольтке таковую задачу осуществил в действительности. – *Прим. ред.*

126

В действительности квартирный район австрийцев был несколько (незначительно) меньше. – *Прим. ред.*

127

Мольтке рассчитывает здесь, на круг, переходы австрийцев по 16 км; в действительности австрийцам понадобилось не 13, а всего 10 дней для сосредоточения почти всех сил у Йозефштадта; это могло вызвать кризис вследствие медленного наступления армии Фридриха-Карла; осторожнее со стороны Мольтке было бы рассчитывать на средний переход австрийцев в 20 км, как это и было в действительности достигнуто австрийцами, несмотря на большие трудности при движении огромной армии только по трем дорогам. – *Прим. ред.*

128

Имеется в виду будущий германский император Фридрих III. – *К.З.*

129

Мольтке, обрисовывая трудные условия австрийского марша, все же очерчивает более широкие рамки, чем бывшие в действительности; дороги на Пардубиц были использованы только для парков, армейская артиллерия двигалась со всей армией по трем дорогам на Йозефштадт. – *Прим. ред.*

130

Даем несколько более точных данных: две восточные дороги, по которым двигалась почти вся масса австрийской армии, лежат друг от друга на расстоянии от 17 до 27 километров; для

сокращения длины колонн, несмотря на летний зной, австрийцы вели пехоту в колонне по 8, а кавалерию в колонне по 4; войска подвергались сильным лишениям; 24 июня весь походный порядок был в действительности растянут на 100 километров (по Мольтке – 15 миль – 110 км), но вся пехота двигалась на глубине лишь около 50 километров. – *Прим. ред.*

131

В действительности IV корпус был у Даубровиц, а армейский артиллерийский резерв – у Замрска; заключения Мольтке остаются в силе. – *Прим. ред.*

132

Локоть к локтю (франц.). – *Прим. пер.*

133

Статья написана непосредственно после франко-прусской войны и напечатана в 1871 г.

134

Чрезвычайно скользкая мысль, явившаяся у Мольтке в результате постоянных столкновений с Бисмарком и толкнувшая мышление прусского генерального штаба на ошибочный путь. Основываясь на этом положении, Мольтке (младший) и Людендорф смогли обратить мировую войну, которая для Германии должна была явиться оборонительной, в наступательную, что в конечном результате привело Германию к гибели. «Права» политики гораздо больше, чем утверждает Мольтке. – *Прим. ред.*

135

Spontant Ackte, т. е. произвольные действия. – *Прим. пер.*

136

W. v. Scheff, General der Infanterie a. D. Die Lehre vom Kriege, auf der Grundlage seiner neuzeitlichen Erscheinungsformen. Berlin, 1897. S. 309. Если Клаузевиц говорил, что теории войны не может вылиться в строгие рамки «учения» о войне, а должна оставаться лишь размышлением о войне, то в самом заглавии труда вам слышался вызов Клаузевицу. – *Прим. ред.*

137

Впрочем, в то время (1897) это были общие представления. Образ полководца, сидящего в момент боя за кабинетным столом, а не скачущего по полям сражений, возник только в процессе русско-японской войны. – *Прим. ред.*

138

Хрия – известный семинарский шаблон для сочинений по русскому языку на любую тему, в число пунктов коей входило и истолкование темы, и логическое ее доказательство, и обращение за примерами к истории, и подтверждение ее народной

мудростью в образе пословиц, наблюдениями из жизни природы и т. д. – *Прим. ред.*

139

Шерфф усматривает связь стратегии лишь с внешней политикой. Тесные отношения между стратегией и внешней политикой ускользают от него вовсе. Насколько он стоил позади государствоведа начала XIX в. Адама Мюллера, который писал: «Для упорядочения ведения дел надо разделить департаменты иностранных и внутренних дел, но в душе монарха, всех чиновников и граждан каждое дело надо направлять сразу и на внутреннее счастье, и на внешнюю славу целого» (*Adam Müller. Elemente der Staatskunst.* 1809. S. 212). – *Прим. ред.*

140

Любопытно проанализировать по канве пятого вопроса плюсы и минусы разделения наших сил в августе 1914 г. при вторжении в Восточную Пруссию на группы Ренненкампфа и Самсонова. – *Прим. ред.*

141

Эти филиппики Шерффа, направленные против только что намечавшейся теорией в его время системы оперирования отделенными друг от друга массами, направлены в первую очередь не против самой идеи раздельного оперирования, а против права на существование в стратегии какой-либо системы; исключительно обстоятельства частного случая должны иметь решающее значение. – *Прим. ред.*

142

Последнее указание особенно полезно для русских штабов. Германцы находили на убитых русских обер-офицерах боевые приказы, в которых очерчивался весь маневр фронта (например, перед подходом немцев к Висле в октябре 1914 г.). Мы слишком распространительно, в ущерб военной тайне, толкуем суворовское: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Приказ по корпусу, а тем более по дивизиям, не должен разбалтывать намерения армии и фронта. Воин должен знать свою непосредственную задачу. Раскрытие перед ним широких планов свидетельствует прежде всего о падении авторитета высшего командования, о переходе управления в стадию уговоров и дискуссий. – *Прим. ред.*

143

Боевое расписание. – *Прим. пер.*

144

Шерфф уклоняется в сторону полемики с Шлихтингом, не признавая теории встречного боя, творцом коей был последний. Нужно иметь в виду, что в своей полемике со Шлихтингом

Шерфф успеха в Германии не имел, но его точка зрения удерживалась очень долго в России и до самого последнего времени – во Франции. Наполеоновские тенденции к централизации управления боем являются его основной тенденцией. Позиционный период войны создал ныне много последователей Шерффа повсюду. – *Прим. ред.*

145

Бой с планомерным нанесением флангового удара – излюбленный шаблон немецкой тактики 90-х гг. XIX в.: авангард и сильная артиллерия развертываются перед фронтом неприятеля и действуют преимущественно огнем, а главные силы сворачивают с пути своего следования, чтобы выйти на фланг противника и нанести там решительный удар. – *Прим. ред.*

146

С идеалистической точки зрения Шерффа, бой представляет не только материальную борьбу, но и духовный поединок между двумя вождями. Однако начальник должен быть хорошо забронирован от сомнений, о которых Шерфф говорит выше в параграфе шестом, особенно при этой предварительной «мозговой» операции, в которой, впрочем, крупное участие принимает характер и воля начальника. – *Прим. ред.*

147

Из труда: *A. von Boguslawski. Betrachtungenüber Heerwesen und Kriegführung* . Berlin, 1897. S. 292. – *Прим. ред.*

148

Например: *A. von. Boguslawski. Vollkampf – nicht Scheinkampf*. Berlin, 1895. S. 88. – *Прим. ред.*

149

В русском переводе имеются следующие издания трудов Альберта Богуславского: «Выводы по тактике из войны 1870–1871 гг.» (1872); «Войсковые маневры, их подготовка, ведение и исполнение» (под редакцией А.К. Пузыревского; 1884). – *Прим. ред.*

150

Богуславскому принадлежит редактирование немецкого перевода А. Жомини, который он снабдил большим количеством примечаний (1880). – *Прим. ред.*

151

Французы, по-видимому, признали, как вывод из мировой войны, что система войны Наполеона не является более образцом и устарела; на основе этого вывода зародилось вновь и преподавание ее в академии, и выпускается ряд новых трудов. – *Прим. ред.*

152

Мы не оспариваем этим сильной стороны Богуславского и его школы: яркого стремления к конкретности и уклонение от метафизического теоретизирования. – *Прим. ред.*

153

Читатель обратит внимание на отсутствие Мольтке в этом перечне, даваемом прусским генералом. Мольтке, невидимому, недостаточно владел «деталями службы и методами боя», чтобы угодить Богуславскому. – *Прим. ред.*

154

Удары Фридриха под Росбахом и Лейтеном. – *Прим. ред.*

155

Знаменитое «батальонное каре», идеал наполеоновского вождения армии. – *Прим. ред.*

156

Сражение у Ле-Мана, закончившееся 12 января 1871 г., было последним боем армии Шанзи, импровизированной во вторую половину войны, с немецкой армией принца Фридриха Карла. – *Прим. ред.*

157

Если читатель обратит внимание на выдержки из труда фон дер Гольца, то он усмотрит, что Гольц считал стратегию Наполеона не вообще равноценной ныне со стратегией Мольтке, в ее развитии Шлихтингом, а полагал ее более подходящей ныне для турецких условий. А Богуславский не делает различия между турецкой и германской армиями и вообще не желает уточнять теории стратегии далее нескольких совершенно общих «принципов». – *Прим. ред.*

158

Эту старую Тьеровскую оценку, стремящуюся обелить Наполеона и свалить его ошибки в конце его военной карьеры на ближайших помощников, мы встречаем бесконечное число раз в трудах военных писателей, повторяющих чужие мысли без проверки. Жалкий канцелярист Бертье, интриган, ценивший не работу офицеров своего штаба, а их связи и аристократические манеры, мог основать только бюрократическую школу, и действительно, крапивное семя он сумел глубоко внедрить во французский генеральный штаб, что сказалось еще в 1870 г. Бертье сильно способствовал провалу войны 1812 г., масштаб которой совершенно выходил из пределов его понимания. Привязанность Наполеона к Бертье – это награды, которыми деспот, не терпящий рядом с собой свободной мысли, осыпает лакея. Культ несравненно выше Бертье, и взваливать на него ответственность за Ватерлоо при современном состоянии исторических знаний уже нельзя. По 1866 г. отсылаем читателей

к труду *Grouard. La critique de la campagne de 1815 . – Прим. ред.*

159

Богуславский, по существу, в этих мягких фразах подвергает стратегическое искусство Мольтке жестокой критике. Строители французской военной доктрины, реставрировавшие наполеоновское военное искусство, в том числе и Фош, широко использовали этот пример, в том числе и для доказательства необходимости утопического армейского авангарда. В русской литературе можно указать на генерала Пузыревского, жестокого критика Мольтке, высказывавшего очень близкие к Богуславскому упреки немецкому командованию («Претенциозное краснобайство» // Русский Вестник, 1894). Мы, со своей стороны, не останавливаемся на опровержении соображений Богуславского, а отсылаем читателя к труду Шлиффена «Канны», где критика направлена на стремление прусских командармов действовать слишком скученно, и рисуется идеал обхода Меца с двух сторон. – *Прим. ред.*

160

Отданный в дополнение к знаменитой краткой телеграмме. – *Прим. ред.*

161

Но труд Шлиффена «Канны» жестоко смеется над допущением его возможности. – *Прим. ред.*

162

Как жалко звучит теперь эта насмешка военного консерватора над людьми, склонными в своем мышлении исходить не из преданности традициям прошлого, а из понимания пути, по которому направляет эволюция военного искусства! – *Прим. ред.*

163

Много верного в этом и при современных условиях. Расположение Ставки Вильгельма II и Мольтке (младшего) в Люксембурге, вдали от решающего правого фланга германского наступления, тяжело отразилось на ходе Марнской операции. Вернее, однако, было бы не придвигать к решительному пункту ставку, а создать фронтовые управления. Людендорф очень заботился быть не далее хорошей прогулки на автомобиле от поля решительных боев и переезжал с этой целью вперед с оперативным отделом ставки. – *Прим. ред.*

164

«Картофельная война», как называли солдаты войну без сражений и пролития крови, которую вел престарелый Фридрих Великий. – *Прим. ред.*

165

Богуславский хочет сказать, что это было ошибкой. Но иначе

действовать было нельзя. В конечном счете, мысль сторонников единой стратегии, приходит к осуждению фактической обстановки войн XVIII в., в которых не было простора здоровым принципам стратегии. А это значит осуждать факт, вступать в спор с действительностью; путь мышления, противоположный логике Клаузевица, великого реалиста. – *Прим. ред.*

166

Только из этого вытекла бы полная гибель армии, как погибла шведская армия Карла XII под Полтавой. Богуславский также приводит как пример, что наполеоновские приемы были известны и XVIII в. Но центр тяжести лежит в том, что в условиях XVIII в. стратегия сокрушения против сколько-нибудь стойкого противника являлась делом безнадежным. – *Прим. ред.*

167

Но мы как раз полагаем, что обратившийся к ним Веллингтон являлся мастером стратегии измора. – *Прим. ред.*

168

Сопротивления французских крепостей и Плевны дали только основание наиболее яркому представителю начал сокрушения в начале XX в., Шлиффену, снабдить германскую армию достаточной тяжелой артиллерией, чтобы с этой стороны быстрое сокрушение не встретило помехи. – *Прим. ред.*

169

Однако этот маневр – угроза сообщениям – столь действительный в обстановке войны на измор, в войне на сокрушение представлял оружие, которое Наполеон с отчаяния заимствовал не из своего арсенала, и он решительно не удался, так как союзники, не обращая на этот маневр внимания, заняли Париж и низложили Наполеона. – *Прим. ред.*

170

Дельбрюк сначала закончил многотомную биографию, начатую Перцем, а затем издал и свою, в двух томах. – *Прим. ред.*

171

Напомним, что статья опубликована в 1926 г. – *К.З.*

172

В этом отношении имеют известную ценность три тома статей, написанных Дельбрюком в течение мировой войны, и особенно «Автопортрет Людендорфа» – жестокая критика той стратегии сокрушения, которую пытался проводить Людендорф в течение мировой войны при отсутствии необходимых для ее успеха предпосылок, стратегии, которая так ярко отразилась в труде Людендорфа «Мои воспоминания». – *Прим. ред.*

173

Разбор Дельбрюком труда Бернгарди вызвал нападение на

дельбрюковскую идею стратегии измора со стороны его сына – Фридриха фон Бернгарди, чисто династическая вражда в литературе, пережиток эпохи феодализма. В Пруссии можно указать ряд таких явлений: например, очень интересный писатель конца XIX в., Торк фон Вартенбург, разделил ненависть к Клаузевицу своего деда, известного врага реформ. – *Прим. ред.*

174

Отряд П.А. Румянцева. – *Прим. ред.*

175

В русской военной истории более известно под названием сражения под Цюлихау (или Пальциге), 23 июля (нового стиля) 1759 г., в котором русская армия Салтыкова (до 40 тысяч) разбила прусскую армию ген. Веделя (27 тысяч). – *Прим. ред.*

176

Фельдмаршал Блюменталь, лучший генерал прусского Генерального штаба, был в войнах 1866 г. и 1870–1871 гг. начальником штаба армии прусского кронпринца и оказал выдающиеся заслуги; так, Седанское сражение вылилось в окончательной форме из его головы. Его пророчество о возвращении в будущем к стратегии Фридриха блестяще оправдалось в мировую войну.

Нам хочется указать, что здесь Дельбрюк не прав; он сам стоит на точке зрения диалектики и смотрит как на нечто относительное на стратегию сокрушения; и в то же время он признает, что такой диалектический подход может принести вред практикам-офицерам генерального штаба, вливши в них яд сомнения в непогрешимость исповедуемого в настоящее время учения. Все генеральные штабы всех государств организовали всю подготовку к мировой войне, исходя из непоколебимой веры в стратегию сокрушения, испытали жесточайшее разочарование; в течение самой войны они не могли ориентировать свое мышление, искусственно односторонне воспитанное, в действительных условиях войны на измор. Мы смело ввели более гибкую подготовку мышления практиков и выносим широкой волной диалектику в наши суждения по стратегии и истории военного искусства. – *Прим. ред.*

177

Вернее было бы сказать – перпендикулярной, глубокой тактики. – *Прим. ред.*

178

«Я признаю на войне только три вещи: проходить сорок верст в день, драться и отдыхать». – Прим. пер.

179

См. этюд Мольтке «О стратегии». – *Прим. ред.*

180

Дельбрюк, открывший такой широкий доступ диалектике в историческую критику, порой вспоминает свое положение литературного лидера прусского консерватизма и разражается несколькими выпадами против материалистического понимания истории, которому он оказал столько услуг. По существу, конечно, материализм отнюдь не отрицает значения личностей, разгадывающих новые требования жизни и переводящих практику в их русло. – *Прим. ред.*

181

Моро, командовавший на главном театре, был обессилен на 20 тысяч Монсея, которые Бонапарт взял от него на второстепенный Итальянский театр. Конечно, это должно было сильно отразиться на быстроте и смелости его действий. Несомненно, война была бы решена скорее и блестящее, если бы резервная армия была двинута не в Италию, а на помощь Моро. Мы, однако, не будем называть Бонапарта честолюбцем, затягивающим и затрудняющим решение войны из своих мелких интересов, так как война является продолжением политики, в том числе и внутренней; эта политика, лишившая возможности Бонапарта выступить на главном театре войны и требовавшая от него успехов, которые бы затмили его печальный отъезд из Египта, привела к единственному решению – добиться театрального эффекта на второстепенном театре. Все условия кампании 1800 года, однако, получили такой уклон, что мы считаем этот пример Дельбрюка для сравнения стратегии сокрушения и измора не слишком убедительным. – *Прим. ред.*

182

Такая переоценка предвидения чрезвычайно распространена с легкой руки Жомини в стратегическом мышлении русских специалистов. Вспомним хотя бы рассуждения о Самсоновской катастрофе как об осуществлении германским командованием одного из разработанных на полевых поездках варианта Шлиффеновского решения. Позитивные стратеги, как, например, Н.П. Михневич, исходя из Огюста Конта, возможность этого предвидения представляли себе как идеал военной науки. – *Прим. ред.*

183

Мы имели перед своими глазами эту характеристику Дельбрюка, когда писали свою вступительную статью об эрцгерцоге Карле. Несмотря на высокий авторитет, который мы признаем за оценками Дельбрюка, мы, как видят читатели, очень резко разошлись. Дельбрюк требует стратегию сокрушения в самом чистом виде, а все прочее относит к стратегии измора.

Несомненно, эрцгерцог Карл, первый сделавший теоретические шаги в направлении стратегии сокрушения, кое-что сохранил еще от стратегии XVIII в. Но новые теории рождаются не всегда сразу в таком всеоружии, как родилась Минерва из головы Юпитера. Если Дельбрюк бракует эрцгерцога Карла, как стратега сокрушения за его нарочитое уважение к безопасности операционной линии, то это же замечание можно перенести и на Жомини, Леера и так далее. Мы вообще можем указать лишь два труда по стратегии, которым Дельбрюк не мог бы сделать этого упрека – монографию прусского генерального штаба «Успех в бою», написанную под сильным влиянием графа Шлиффена, и «Канны», также принадлежащие перу последнего. Но если идеал сокрушения мы находим лишь у Шлиффена, если даже Наполеон придает «методизму» большое значение в своих теоретических трудах, то нам казалось справедливее подойти к оценке эрцгерцога Карла с другим масштабом. Мы сохранили здесь в тексте оценку Дельбрюка не из любви к коллекционированию противоречий, а вследствие очень глубокого интереса, представляемого ею для обрисовки идеала сокрушения. – *Прим. ред.*

184

Эта форма легла в основу теории стратегии Виллизена. – *Прим. ред.*

185

Читателю необходимо сравнить эту оценку, поддержанную и авторитетом Шлиффена («Канны») и к которой мы примыкаем целиком, с противоположной оценкой Жомини в пункте 4 его «Принципов операционной линии», к которой полностью присоединялся и Г.А. Леер. – *Прим. ред.*

186

Буквально «кончик острия» надо понимать «на пределе» (удаления от Франции). – *Прим. пер.*

187

Победа Китченера над дервишами в Судане. – *Прим. ред.*

188

Можно также думать, что миражем переговоров Наполеон хотел у союзников вызвать предположение об ослаблении французской армии и провоцировать их на скорую и решительную атаку. – *Прим. ред.*

189

Веками складывалось австро-прусское соперничество; в вопросе о том, какой из этих держав суждено будет объединить немецкие княжества в одно государство, козырем Пруссии был великий Гогенцолерн – Фридрих, козырем Австрии – эрцгерцог

Карл Габсбург. Последний своими широкими либеральными жестами, призывом к массе германского народа, своей незаслуженной опалой, своей далекой от узкого эгоизма политикой был очень популярен и представлял облик не старого юнкерского строя, а нового. Поэтому эрцгерцог Карл не может рассчитывать на судей праведных в лице прусских историков. Нам кажется, что Дельбрюк находится в этом вопросе в плену у прусской традиции.

Мы находим его критику несколько жесткой; у эрцгерцога Карла, несомненно, был целый ряд смягчающих обстоятельств. Нельзя забывать, что перед этим в течение 5 дней Регенсбургской операции эрцгерцог понес 5 поражений и лишь случайно спас свою армию на северный берег Дуная. Как раз перед Асперном он должен был капитулировать перед всеми реакционными течениями, существовавшими в его армии. Лично он в гораздо большей степени, чем Наполеон, носился и рисковал в стрелковых цепях; он штурмовал упорнейшим образом деревни Асперн и Эслинген, в больших каменных зданиях, в которых крепко засели французы, и выжидал взятия этих деревень для нанесения решительного удара. Пока что он искусно использовал свое артиллерийское превосходство и подверг французов такому ужасному огню, что разредил их кадры и навсегда понизил боеспособность лучших наполеоновских корпусов. Мы его не оправдываем, что он ограничился полупобедой вместо полной победы, но всякий, кто испытал, как трудно после ряда катастроф переходить к дерзанию, захочет рассмотреть Асперн не отдельно, а в рамках всей войны, и найдет для оценки более мягкую форму. Во всяком случае на поле сражения по своей выдержке и духу эрцгерцог Карл много превосходил Клаузевица. Почему к последнему Дельбрюк не прикладывает той же мерки? Ведь суд Дельбрюка охватывает всю личность целиком – мыслителя, писателя и полководца. – *Прим. ред.*

190

В данном случае надо разуметь – вклинение, или набег. – *Прим. ред.*

191

Мы видим косвенное подтверждение этой загадки Дельбрюка в том, что в сражении под Бауценом 20 % раненых французов имели ранения в палец, что являлось явным самострелом. – *Прим. ред.*

192

Мы думаем что Дельбрюк имеет в виду прекрасное исследование: Roloff G. Politik und Kriegführung wahrend des Feldzuges von 1814. Berlin. 1891. S. 92. – *Прим. ред.*

193

Многие военные историки принимали всерьез эти фиговые листики, маскировавшие политические устремления, и посвятили им блестящие филиппики. – *Прим. ред.*

194

Ауфид (лат. *Aufldus*) – древнее название Офанто – реки на юге-востоке Италии. Она имеет длину 170 км и площадь бассейна 2780 км2. Исток расположен в Южных Апеннинах, ныне в коммуне Торелла-деи-Ломбарди. Река течет по территории Кампаньи, Базиликаты и Апулии и впадает в Адриатическое море недалеко от города Барлетта. – *К.З.*

195

Канны (современное – Канны-делла-Батталья; Canne della Battaglia) – древняя деревня в Апулии (Юго-Восточная Италия), располагавшаяся около реки Ауфид, на холме справа (южнее) от банки, в 9,6 км на юго-запад от ее устья и в 9 км к юго-западу от Берлетты. Ныне эта территория входит в коммуну Барлетты. – *К.З.*

196

Dellbruck H. Geschichte der Kriegskunst. Bd. I. Русский перевод: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. М., 1937.

197

В сражении на реке Тицин (ноябрь 218 г. до н. э.) Ганнибал нанес поражение войскам консула Публия Корнелия Сципиона; в сражении при Требии (18 декабря 218 г. до н. э.) – войскам консула Тиберия Семпрония Лонга; в сражении при Тразиментском озере (24 июня 217 г. до н. э.) – войскам консула Гая Фламиния. – *К.З.*

198

Тяжеловооруженный воин (гоплит) обычно имел шлем, кольчугу, наколенники и круглый щит и был вооружен дротиком и коротким мечом. Иберийцы и галлы из защитного вооружения имели только шлем и большой щит.

199

Расположение линий не составляло сплошного фронта, а представляло собой ряд колонн-манипул но 6 шеренг с незначительными интервалами между ними.

200

Оба расположения, глубокое и неглубокое, требуют 57 600 человек. Таким образом, для полного наличного состава не хватало 2600 человек.

201

Командование левым флангом Ганнибал поручил Гасдрубалу,

правым – Махарбалу (по Полибию, Ганнону), а сам вместе со своим братом Магоном взял на себя центр. По сведениям Аппиана? правым флангом командовал Магон Баркид, левым – племянник полководца Ганнон, центром – сам Ганнибал; Махарбалу был поручен отряд в 1000 всадников. Подробнее см.: Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976.

202

Триарии (лат. Triarius) – тяжеловооруженные воины армии Рима. По Полибию, это были ветераны, отслужившие как минимум 15 лет – т. е. наиболее опытные воины римских легионов, которые могли себе позволить лучшее снаряжение. Они были вооружены длинным копьем либо пилумом и гладием. Защитное вооружение составляли большой щит – скутум, поножи, шлем и бронзовый панцирь. – *К.З.*

203

Манипула (лат. Manipula) – основное тактическое подразделение римского легиона (ок. 60 манипулариев, 2 центуриона и вексиллярий), делилось на две центурии. – *К.З.*

204

По данным Полибия, в бою погибло около 70 000 римлян, а бежать сумело около 3000 человек. Евтропий исчисляет потери римлян следующим образом: 60 000 пехотинцев, 3500 всадников и, кроме этого, 350 представителей знати – сенаторов и лиц, ранее занимавших высшие должности в Риме. По Орозию, сведения которого явно преуменьшены, римляне потеряли 44 000 убитыми. Плутарх пишет, что римляне потеряли убитыми 50 000, пленными 4000; примерно 10 000 было взято и в обоих лагерях. См.: Кораблев И.Ш. Ганнибал. М., 1976. С. 139. – *К.З.*

205

Варрон с 50 всадниками (по Полибию – с 70 всадниками) бежал в Венусию. 7000 римлян сумели бежать в меньший лагерь, 10 000 – в больший, а почти 2000 – в Канны. (Там же.) – *К.З.*

206

В Каннах римляне были окружены отрядом карфагенян под командованием Карталона и захвачены в плен. Часть римских воинов во главе с военным трибуном Публием Семпронием Тудитаном прорвались из меньшего лагеря в больший. Те, кто остались в меньшем лагере, после непродолжительного сопротивления сдались Ганнибалу. (Там же.) – *К.З.*

207

Ганнибал потерял, по данным Ливия, 8000 воинов, по сведениям Полибия – около 6000. (Там же.) – *К.З.*

208

Сражение при Лейтене (ныне Лутыня на территории Польши)

между прусскими и австрийскими войсками во время Семилетней войны произошло 5 декабря 1757 г. – *К.З.*

209

«Неравные силы». В кавычках Шлиффен приводит полуфранцузские обороты Фридриха II. – *Прим. сов. издания.*

210

Сражение при Зооре (в районе современной Гайнице в Чехии) между прусскими и австро-саксонскими войсками произошло во время 2-й Силезской войны 30 сентября 1745 г. Сражение под Прагой между войсками Фридриха и принца Карла Александра Лотарингского относится уже к Семилетней войне и состоялось 6 мая 1757 г. – *К.З.*

211

В подлиннике: «Mit mehr “vivacité” zu agieren…», «ia die Hessen hatte gesessen».

212

Река Квиса в Юго-Западной Польше; Лаубан – ныне город Любань в Нижнешлёнском воеводстве Польши. – *К.З.*

213

Сражение при Цорндорфе (ныне деревня Сарбиново на территории Польши) во время Семилетней войны между русской и прусской армиями состоялось 14 (25) августа 1758 г. – *К.З.*

214

Кюстрин – ныне город Костшин-на-Одре в Гожувском повете Любушского воеводства Польши. – *К.З.*

215

Река Мышла в Польше. – *К.З.*

216

Потери прусской армии составили 11 390 чел. и 26 орудий, русской армии – 21 529 чел. и 87 орудий. – *К.З.*

217

Сражение при Колине (ныне территория Чехии) между прусской и австрийской армиями во время Семилетней войны состоялось 18 июня 1757 г. В ходе сражения Фридрих II впервые за эту войну потерпел поражение. – *К.З.*

218

Сражение под Кунерсдофром (ныне Куновице Слубицкого повета Любушкого воеводства Польши) – одно из важнейших сражений Семилетней войны произошло 12 августа 1759 г. между прусской и австро-русской армиями и завершилось поражением Фридриха II. – *К.З.*

219

Наиболее вероятная численность войск составляла: у Пруссии – 48 тыс. чел., у России – 41 тыс. солдат регулярной армии и 5200

иррегулярной калмыцкой конницы, у Астрии – 18 500 чел. (всего у союзников – 64 700 чел.). – *К.З.*

220

Сначала было заключено Александрийское перемирие – именно по его условиям Малас и смог отвести войска. После окончания срока действия перемирия военные действия в Италии возобновились, и в ходе зимней кампании австрийцам был нанесен ряд новых поражений, в результате чего Австрия была вынуждена подписать перемирие в Тревизе 16 января 1801 г. Положение в Италии было закреплено Люневильским миром, подписанным 9 февраля 1801 г. – *К.З.*

221

Потери французской армии составили 5600 чел.: 1100 убитыми, 3600 ранеными и 900 плененными и пропавшими без вести; австрийцы потеряли ок. 8800 чел.: 963 чел. убитыми, 5518 ранеными и 2291 плененными, а также 15 орудий. – *К.З.*

222

В сражении под Ульмом французы потеряли 5980 чел. убитыми и ранеными, а австрийцы – ок. 12 тыс. убитыми и раненными и ок. 30 тыс. пленными. – *Прим науч. ред.*

223

Построение в батальонные каре – в форме четырехугольника, обращенного фронтом во все стороны для встречи неприятельской атаки.

224

В сражении при Росбахе во время Семилетней войны 5 ноября 1757 г. прусская армия Фридриха II нанесла сокрушительное поражение соединенной франко-имперской армии, которая насчитывала скорее не 64, а 41–42 тыс. чел. Потери пруссаков составили 548 чел. убитыми и ранеными, а союзников – ок. 3 тыс. чел. убитыми и ранеными и еще ок. 7 тыс. пленными. – *К.З.*

225

Брюнн – немецкое название чешского года Брно, Ольмюц – Оломоуца, Кричен – Подоли-у-Брна, Кобельниц – Кобыльница. – *К.З.*

226

Фридланской операции посвящена работа Шлиффена, помещенная во втором томе немецкого издания его сочинений (1913).

227

Meyerhoffer von Vedropolje. Krieg 1809. Wien: K. u. K. Kriegsarchiv.. 1907. Bd. I. Regensburg (работа Мейерхоффера фон Ведрополье, посвященная Регенсбургу, издана австро-венгерским военным архивом в Вене в 1907).

228

Если бы, как это и проектировалось, Даву был подтянут по левому берегу к Ингольштадту, Наполеон утратил бы все выгоды своего положения, а эрцгерцог вышел бы из затруднения. Он соединился бы, по желанию, на правом или левом берегу, с Бельгардом и мог бы выиграть обеспеченные сообщения. Движение Даву по правому берегу являлось необходимостью. Но оно должно было быть направлено прямо на противника, которого, впрочем, Наполеон считал более слабым, чем он был в действительности, а не в обход его крыла.

229

По-видимому, 18-го числа Наполеон не считал, что эрцгерцог настолько уже продвинулся, а предполагал, что он направится на Даву вдоль дороги на Экмюль. Тем более следовало последнего противопоставить неприятелю и преградить дорогу на Регенсбург. Если бы для изолированного маршала наступление показалось слишком дерзким, то он мог бы выждать атаки, заняв позицию при Волькеринге.

230

Наполеон при помощи флангового марша Даву довел силу центральной армии до 75 000 чел. Но так как на следующий день он атаковал этой же массой лишь 24 000 чел. эрцгерцога Людвига и генерала Тьерри, то достигнутый успех оказался малозначащим. Существеннее было то, что эрцгерцог Карл освободился от угрозы своему флангу и получил возможность соединиться с Бельгардом.

231

Враг удирает во всю прыть.

232

Французское выражение, равнозначное нашему понятию преследование «на плечах у противника».

233

Наносить фронтальный удар.

234

«Стратегия – система подпорок» (определение Мольтке).

235

См. приложение к «Militär Wochenblatt», 1897, вып. 4, «Die Schlacht bei Torgau» («Сражение при Торгау»).

236

Редакция немецкого издания «Собрания сочинений» Шлиффена, вышедшего в 1913 г., делает здесь ссылку на работу «1813 год», помещенную во втором томе этого «Собрания». У Шлиффена была мысль включить в свой труд «Канны» описание кампании 1813 г., начиная с перемирия; эта кампания, по словам

Шлиффена, «представляет собой большие Канны».

237

Еще раз все начнется сначала.

238

«Вы должны немедленно совершить такой маневр, чтобы охватить правый фланг противника… эта армия будет уничтожена, если вы будете действовать энергично. Участь Франции в ваших руках».

239

«Направляйтесь на высоты Сент-Аман и Бри».

240

«Энергия, энергия, быстрота!»

241

Он сделал на острове Эльбе попытку отравиться.

242

Впервые опубликовано в «Deutshe Revue», январь 1909, изд. Deutshe Verlagsanstalt, Штутгарт – Лейпциг.

243

Имеется в виду мир, подписанный между Францией и Германией 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне и завершивший франко-прусскую войну. – *К.З.*

244

Имеется в виду австро-прусская война 1866 г., в которой прусская армия была вооружена игольчатыми ружьями, а австрийская – устаревшими дульнозарядными. – *К.З.*

245

Сражение при Марс-ла-Туре между прусскими и французскими войсками произошло 16 августа 1870 г. – *К.З.*

246

Это эпизод Муднеского сражения в ходе русско-японской войны. 22 февраля (7 марта) 1905 г. 5-я бригада генерала Намбу атаковала Юхуантунь; к концу боя у нее осталось 427 чел. из первоначальных 4200 чел. Несмотря на это, бригада обеспечила дальнейшее успешное продвижение 3-й японской армии к Мукдену. – *К.З.*

247

Впервые опубликовано в «Deutshe Revue», июнь 1911 г., изд. Deutshe Verlagsanstalt, Штутгарт – Лейпциг.

248

Лейб-гренадерский короля Фридриха Вильгельма III полк. – *К.З.*